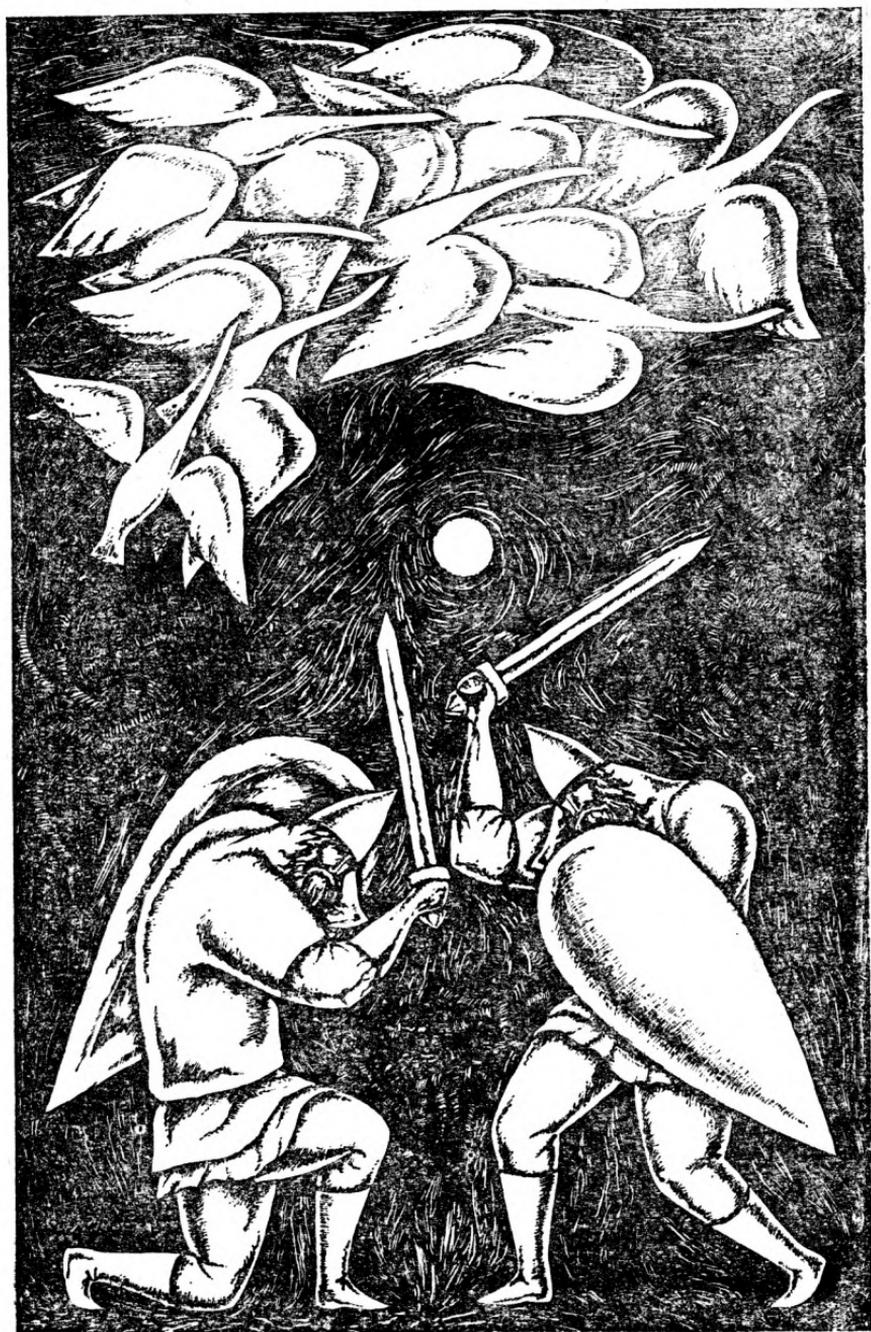

МИРОСЛАВ·КНЯЗЬ **Д**РЕГОВИЧСКИЙ

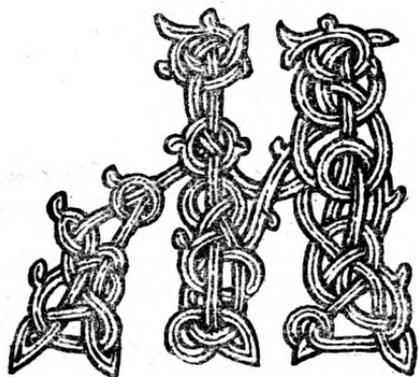
ЭДУАРД СКОБЕЛЕВ

МИРОСЛАВ, КНЯЗЬ ДРЕГОВИЧСКИЙ

ЭДУАРД
СКОБЕЛЕВ

ПРОСЛАВ-
КНЯЗЬ
ДРЕГОВИЧСКИЙ

Дума о минувшем

МИНСК «МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА» 1979

P 2
C 4

C $\frac{70302-149}{302(05)-79}$ 24-79

© Издательство «Мастацкая літаратура», 1979 г.

Глава первая

ПРЕДТЕЧИ И ПРЕДКИ

е аз починаю о Мирославе, князе Дреговичском, про житие его и славные свершения, ниже про мнозие горести Словеньской земли, иже выпали по воле богов на княжение (Мирослава). Безумна дерзость повестити о горьких уроках судьбы, о слышанном и сведанном от древлих уследителей времен, труд сей нескончаем, але изречено: безумец почнет, разумный потянет, конец же сложится сам собою.

У человека два глаза — зрети радость и печаль; два уха — внимати похвале и хулению; две ноги — опиратись о твердь и бествердь; две руки — кормитись и питати пищею. Одна же голова: сопрягати сомнение и надежду, мгновение и вечность, просветление и блуждение во тьме, дабы боль и радость стекались, яко события стекаются в жизнь, долгие дни в короткие годы, а плынь свивает ручьи и реки в неоглядное море. Опорою (человеку) и залогом совершенства (его) — пять пальцев, они же пять поколений¹; помнити, ведая, — долг словени и наипервая заповедь от Начал. Не ведающий о предках что еще знает? Кто не подражает, идеже сыщет пример и обрящет силу? Кто не памятует, чем укрепит и восполнит потраченную волю, идеже почерпнет восторженные глаголы?

Се предание о словени: «Землею своею владеют от бозей, прежде них володетелей не было. А пришли неохотою с берегов теплого моря, а еще раньше спустились с гор, идеже впервые познали свет истины; путь пролегал сквозь пустыни и степи, и шли сто одина-

дцать лет, давая имены и словы разноликим племенам. До Скуфи, царства ста царств, звашесе склѡве или склѡне, и имя сохранялось триста лет при Скуфи; Скуфь же стояла тысячу лет. Речь свою сберегли в чистоте при арянех и старнах, хатех и языгах». Говорит еще Предание, сели по Непру при скуфьском царе Артамаке. Река же тогда текла не только в море, але и в Небо; и бози подставляли ковши, блиставшие радугой, дабы утолити жажду. Об отце словеньского рода сказуют: сын Могожи, от которой все бози, именем Сколон, желая украсити мир, обращался то в зверя, то в птицю, то в ползучего гада, и (таким образом) населял землю; от него же не убавлялось, како ведь и случается при творении. Наконец, похотел Сколон оберлутись человеком. Бози же, брате его, взнегодовали и реша: «Человек — самое непотребное существо: хочет того, о чем не ведает, и не ведает о том, еже хочет; и самое подлое — мерит мир шагами и поприщеми и не испытывает благодарности; коли не унижен прежде, гордиться не может; богам пеняет за свои недостатки». Сколон отрече: «Хочю человека, еже испытал бы радость от радости (другого) и познал бы себя, прежде чем стал бы судити о бозех». И посмеялись над Сколоном, глаголаше: «Тогда иди от нас прочь и не возвращайся». Оскорбившись, ступил Сколон на землю и принял образ смертного человека. И родил трех сыновей: Чесна, Лузга и Подла. Рече к ним пред кончиною: «Се три дара оставляю в наследство, разделите меж собою. Одному дам истину и следом изведу трудом и мѹкой сомнения. Другому дам ложь и возвышу в пустоте. Третьему не дам ни истины, ни лжи, научу же кланяться и преуспевати, не преуспевая; дни (его) протекут незаметно, и, бесплодный, лишь унавозит посеvy». И выбрал Чесн первое, Подл взял второе, а третье досталось Лузгу, ибо не знал, что взяти ему. И речет еще предание: людье, смешавшееся ныне в племѣнех, от сыновей Сколоновых; честные от Чесна, бесчестные от Подла, лузга же человеческая от Лузга; одни гибнут, другие наплочаются. Иные расскажут иначе о Предании; повещю, како обык слышати.

Всяк из словени, и дрегович, и деревлен, и полен, и кривич, и ильмен, и полота, и протчие, почитающие Даждь-бога, Перуна, Влеса и Могожь, прежде ведали

отцов в пяти коленах; выкликаемый князем оглашал восемь, и подтверждали ручальники. Обычай Словенской земли велит блюсти память о пяти отцах и трех родовичех также белой волхве и прорицателям. Протчим довольно до праотца. Заповедано: лгущий о предках лишен чести. Велик позор — преувеличить (о них), ибо (тем) преуменьшим. Первое слово человека — о предках, и правду следят бози; лживый лишен благоволения Неба, душа его, яко тростник побуревший, — зря шепчет ветру.

Се родовичи Мирославлі: Мѣлан, Святovit и Бѣгша. Мнозіе моленья свершались в их память, обильно жертвовали в (их) честь пред алтарями.

Прежде всех называет Предание Милана из рода ратаев, иже тружались на полях, насыщаясь от своих рук. Говорят донныне, пахали и сеяли (ратаи) в первых среди словени, сидя по Дунаве, и не было им соперников, кроме римцев; не раз сходились с ними в битве ².

Егда ко Дунаве придоша олане и, нарушив мир со словенью, сложились с римцами, польстившись на золото и оружие ³, и почали утеснять словень, грабя и разоряя селища, уводя скотье и травя посевы, ратаи, ниже иншие из словенских родей по совету волхвов ушли на Нестр и Непр-реку, откуда поднялись до Холодного моря; оланей же нарекли вечными врагами; се бысть народ мужной и открытый сердцем, но горюч разумом, падок на лесть и подарки и переменлив, яко ветр; бози покарали его, отступившего клятв.

Бе Милан онгда старейшиной ратаев. И вот по всей земле, теплой прежде до Беломорья, встало холоданье; и не было отлеги; в полнощных сторонах не таяли снеги, скуднели нивы и пажити в полдневных, не плодися зверь, и бчела не пробуждася. Поднялся округ голод, и стали люди мрети, яко мухи. Явися в те поры по Дунаве и Немену из Варяг люди на сорока лодиях и реща: «Нету нам пици и крова, умираем, и жены наши, и малые дети». И кормила их Словень, и Бесь, и Водь, соузцы. Okрепнув, сказали варязи годь ⁴, ибо таково было имя их рода: «Надоела Полунощ, наскучили стюжи и вьюги, хотим в Полдненье». И позвали иные из родов словенских: «Идите с нами; оставляем селища, чтобы вернуться на Непр-реку». И обрадовались годи;

пришли на Непр-реку и кормились серед словени в мире и согласии три лета; и был у всех достаток, ибо зверь отовсюду сбежался в леса по Непру, и птица слетелась, и рыба сплылась, и жито успевало родить до позимья. Когда стало истощаться изобилие, возник ропот супротив пришлецов. Рече к ним князь, сидевший в Славье: «Уходите!» И другой сказал, сидевший в Горáде, от какого ныне нет и следа: «Ступайте прочь!»⁵ И снялась годь, таксамо словеньские роды из пришедших последними, и сели в лодии с женами и детьми, и повел их Милан со своею дружиной, и к дружине присовокупися множество рыси, како прозвалися мужи от пересевших родей, бо рыскали за счастьем и долей; роды же их, истощившись в гладе и бедствиях, почти совсем прекратились. Рече Милан, вспомнив о клятве ратаев и желая отмстити за изгнанных: «Олане (воюют) за Дунавою, возьмем земли их, и жен, и коней; сице брали они». И позвал в помощь сарматей, говоривших подобно⁶, им же дала словень откуп после неудач в бранных спорах.

Пришли сармате с большой дружиной и гадали о походе; трижды жертвенный бык орошал кровию священный сосуд на требище и трижды в закланном (животном) находили змею, а огонь возжженный потух от ветра. Сказали сармате Милану: «Се идет с тобою годь, убей ее, растопчи с семенем, неисчислимое зло расплодится от нее, и мы погибнем, и сам погибнешь в мýке, — позор и бесчестье именем ее сотворятся». Рече Милан: «Не преступлю обычая; путниками явились, путниками уйдут»⁷. Слышала это годь и славила громко словеньский обычай, а на сарматей затаила недоброе.

Вошел Милан в землю Олани, и собрала Олань несметное войско, и сошлись раницей серед поля, и была сеча зла; никто не уступал два дни, на третий одолел Милан и не всхотел брати в полон, мстя за обиды. И рассеялись олане в страхе; бежавшие к восходу встретили смерть в стране хунской⁸; отступившие к заходу блукали долгие лета, не находя пристанища и теряя память о предках.

Щедро наградил Милан дружину и соплеменников, и рысь, и годь, и сарматей. Дружине дал злато, сарматям скот и оружие, а годи земли и жен оланьских, так что стало у каждого (из годей) по десяти жен. Возвер-

нися Милан с громкою славой, и позвали его с почестью в Горáд, бо умре тамошний князь; и княжил до дни, егда исполнися прорицание сарматей.

О рыси Предание вестит сице: огрузившись добычей, мужи выбрали себе новых старейшин и сели за непрскими Порогами, говоря: «Свое потеряли, станем володети чужим. Наша земля (у нас) отняла, поищем, еже даст». И в то же лето и на другое лето, и после, спускались в Понтское море и воевали с понтцами; дани же никому не платили.

Сармате воевали онгда со Скуфью, неколи многославной и обилной, чтимой по Словени, ибо жили бок о бок, меняшеся обычаем; не было скуфинам удачи, изнемогали в бранях, снедаемы разладом и внутренней смутой.

Беды умножаются, срастаясь, яко облаци; присуще судьбам. Настали холода по Лукоморью и поразили Скуфь гладом, некому стало поддержати ослабших и схоронити оставивших заботу; обезлюдели грады, и таврские, и панतिकопейские; поля лежали пусты, сады стояли бесплодны, и очаги не дымились. И перемогли сармате без мечей, обложив Скуфь данью; скуфины же умирали от позора, потому что обращали их в рабов. Иные из скуфьских племен ушли к Дунаве и за Дунаву; говорят, быццом подходили к Риму, обещававшему помощи, але забывшему вскоре про обещания.

Но прежде того прислала Скуфь послов в Словенскую землю, прося о заступе; скликал Милан дружину и позвал союзцев. Случилось (то) через двадцать лет после первого похода. Годи, хотя необычайно умножились числом, допомочи отперлись: «Нам скуфины не родня, а дани сарматем не велики». И в последних надеждех обратися Милан к рыси; и пришла, говоря: «Веди нас, коли отдашь две трети добычи». Милан согласися; и послал по обычаю сказати (ворогам), что нет больше мира. И быша бози на стороне Милана: сколько ни наряжала Сармать ратей, косили (их) травю полки словенские; рыси же снискали славу непобедимых; обкнув тружатись на кровавой пашне зимой и летом, считали сечу трудом, достойным мужа, и быша в нем искусниками. Прошел Милан с дружиной до границ Скуфи, и сказала рысь: «Идеже обещанная) добыча? Не обрели в Сарматы, возьмем у ску-

финов, ибо ждут нас дети и жены, и отцы наши». И было, что вождь Скуфи, обещавший заплатить, умре, наследника же ему долго не находилось, и злата не несли. Рассорилась рысь с Миланом и ушла от нь к Порогам. Годь, пока Милан ходил походом, обневонила мелкие племены по Непру и сговорилась с кимрами и сарматеми. И выступила Годь, гордо сияя бляхами, в челе своих союзцев; почернела и зашевелилась земля от воев, и пыль от комоной застлала небо. Рече дружина к Милану: «Не устояти супроть такого множества». И посмеялся Милан, бо (николи) не трусил пред вороги, но презирал их: «Глядите на Годь, вчера просила полбы, днесь вострит ножи; песьим хвостом виляла — с волчьих зубей слюна течет. И се удивленье: слабее каждого, кто с нею, но сильней всех соединившихся».

Снялись ночью словене в степь. Но годь настигла, повсюду имея соглядатаев. И секлись серед поля и во ерузех, и не одолела годь. Послала к Милану: «Ваших уже мало, а наши только седлают. Замиримся, еще не поздно». И вышел Милан, дабы урядитись с князем годьским; он, ведя сладкие речи, выхватил нож и ударил (Милана) под сердце. Сице умре князь Милан, а дружина его, обнажившая мечи, полегла до единого, постелив себе телами ворогов. И свершился (это) по предсказанию.

И дальше свершилось, како прорицали. Наняла Годь рысь и других, кого склонила, и, захватив врасплох сарматей, заставила (их) платить дань, и брала еще с пантекопейцев⁹; возгордившись без меры, годи вошли в Словень и покорили в два лета лютвичей и серпов, называемых и донине сиверами, а также весь и чудь, и мордву, и мерю, пересельцев, занимавших онгда землю по Верхнему Дону, по Оце, по Тесне и Сейму; быша велми истощены бедствиями и уступили после первых сражений. Се поворотили годи на Дунаву, и пошли с ними заодин рысь и словеньские роды за Дунавой; и бранились долго с римцами, но были разбиты¹⁰; скликав союзцев, пошли вверх по Дунаве. Было их так много, что выходили реки из берегов от бесчисленных лодей; и вот нагорним каменем скатились в Рим и жгли костры из дворцов, творя поганое дело¹¹.

Вот (что ведаю) о Милане, родовиче и предтече Ми-

рослава, зиждителе славного колена дреговичей. Теперь о Святовите; им назидал князь Мирослав ослабших духом.

Святовит бе от сына Милана; в песнях, иже услышишь от скоморосей или нищей переброди, Святовит — от внука брата его, и (это) подобно правде; уверяет Словйша, владыка, в летописании, сыном Милана откупися Горад от разоренья, принеся его в жертву богам; сказ о том велми темен, и не мне прояснати.

Смилоствивлся Даждь-бог¹², отступил холод от Словеньской земли, паки растеплело; встал разноцвет, и полетела бчела, и пахарь вышел на поле до Варяжского моря, с надеей налегая на рогачи и ведя рало. И в осень пустились ратаи по Непру вверх, подобно другим родам, одни в землю предков, другие примакнами, ища себе новой доли; опустелые городища и селища попадались им встречь; осталось совсем немного перенесших Великое холоданье. Поднялись ратаи до Припади и тамо поклялись пред Могожью на братство с деревлянами, заплатив седельное златом и оружием.

Когда Святовиту исполнися двадцать лет, выкликнули его старейшины князем Деревлянским, и вече именовало.

В Горáде в те поры княжил Бос, многомудрый и мужный; от всех словеней ходили к нь за советом и правдой; пасьтба его была легкой и суд скорым и безобидным, выгоды же ни в чем (для себя) не искал.

И се Хуна¹³ объявила войну Годи, разжиревшей в жадности и самоумье: долго удача скакала белкою; хуне держали верх в чистом поле, годи стояли твердо у градей, иже презирались хунами; для них ведь всякая кровля могила и стена, яко жернова на перси. Прислали хуне к Босу знатных мужей: «Вспомогите супроть годей. Длинна змея, но довольно удара, чтоб укоротить вдвое. От двух и вовсе четверть». Собрал Бос князей и старейшин, и разделилась дума; иные опасались, победив Годь, встати лицом к лицу с Хуной; от беды беду искати довольно ли проку? Пока ждали ответа послы от Хуны, явились послы от Годи: «Давно уже не платят сиверы, и лютвичи ускользнули из-под руки, и Чудь, и Мордва; хотим взяти, еже недоимали, пропустите дружину; не пропустите, и вас данями обложим».

Поскакали гонцы от Боса к сиверам и лютвичам, к веси, мордве и чуди: «Идут годи, хоцут прежние дани, пожгут вас и потопчут. Оратимся едино». И сговорились, отрядив дружины. Рече Бос к послам хунским: «Пусть ваши выступают, и мы ударим не мешкая». Але хуне (нарочно) задержались, и остался Бос, яко перет, и было слишком мало (войска), чтобы осилити врага. И въехал Бос к Рыси, в станы ее, курени¹⁴ и сторóжи, и заклинал Перуном и Могожью: «Ужли примкнете к годем на нашу погибель? Или не брате?» Сказали рысичи: «Не тужи, князю. Пока цела выя, цела и голова». Однако запросили за меч вдвое против обыкновения, и Бос согласился по неволе.

Сошлись обе рати за рекою Псёлом, и потонула земля в криках и стогне. И стали перемогать годи; обступили словенское войско, прижали к реке и многих потопили. Але нету напрасной заботы, узрит радость (свою) себя не щадящий. Подал знак князь Бос полкам деревляньским и рысичам, иже таились в засаде. И подъехав, сошли с комоней, и ударили пеши в топоры, а впереди Святовит. И пошатнулось от ярости (их) войско годьское, и дрогнуло, и отступило. Победа была куплена дорогою ценой; плакал Бос над телами павших, и погребли по древлему обычаю, предав Огню и не курганом, но камнем скорби, валуном, отметив могилу; стоит могила до сего дни, ищет на ней Перун огненными руками мечи-харалуги, великое мужество ушло вместе с павшими.

Говорит еще Предание, отступая, князь годьский Витард¹⁵ взял в полон (несколько воинов) из рыси и, подивившись храбрости их, спросил, кто такие. И ответили: рысь-комони, рысь, кая не пашет¹⁶. И понудил Витард своих мужей пронести рысичей в носилках, яко знатных старейшин, и отпустил их, егда отказались служити. И пошло с тех пор — рысомони, и называли тако рысичей годь и другие племёны. Позднее же именовали рось или русь, и прижилось, звучало бо имя рысь не токмо гордостию, но и вызовом, не токмо похвалою, но и обидой¹⁷.

Получив весть о победе Боса, великого князя словенского, хуне вступили в годьские пределы, и грабили, сколько могли, а большой битвы уклонялись, ибо Годь скоро собралась с новой силою, и хитрили хуне,

соглашаясь замириться, и брали откупы, и паки просили (Боса) о помощи. И понял Бос, еже обманут, але поздно: подступило войско годьское, и было больше прежнего. Вышли словени встречу, не полагаясь на стены Горада, и расположились на холмах; и были разбиты; была измена, и напала годь ночью.

Опутали власяными вязивцами и великого князя, думавша в шатре с княземи, старейшинами и воеводами, не ведая о близкой гибели. И детей (его) взяли, и жен, и (весь) обоз. Рече Витард: «Тебя и твоих (людей) отпущу на волю, коли сберешь много войска и поможешь супроть Хуны. Клянись». Бос отрече: «Аз не решаю браниться или мириться, но совет князей и старейшин». И боялся навлечи беду на Словень, поспорясь с Хуной; бе Хуна сильнее Годи, переломила бы и Годь, и Словени не дала бы покою; или сговорила бы с годями: пуще битых обидчиков нет.

И уби Витард старшего сына Боса пред очьми (отца), пронзив мечем сердце. Впроси: «Пойдешь ли теперь со мною? Вот еще твой сын, и знаешь, что ожидает (его)». Отрече Бос: «Теперь же николи». И стал насмеяться Витард: «Сам умрешь и других уведешь во мрак». Отрече Бос: «Отомстят, на то обычай, и неколебим». И полыхнуло небо огнем, и ударил град; испугавшись, воскликнул Витард: «Всех отдаю в жертву богам!» Але вновь загремело небо, отвергнув словы. И повелел Витард разложить большой костер, и сказал Босу: «Пусть ты или кто-либо из твоих мужей войдет в огонь и выйдет, тогда поверю силе ваших божей». И рванулся меньший сын Боса, безусый отрок, але удержал Святовит. И сам, како был, в цепех, вошел в пламень, вышел же без цепей, без браны и без глаз, черен, яко уголье. И стоял долго, дымясь и тлея, доколе не упал. И содрогнулись, кто видел. И тотчас поворотил Витард из Словеньской земли, в ярости убив Боса и всех полоненных¹⁸. Оплакали словене смерть Боса и его мужей и сохранили память о Святовите; первый кубок на всякой тризне пьют деревляне донныне за Святовита, ибо вошел в Огонь и Огнем остался.

Витард же и вся Годь были сокрушены гневом Перуна: в то роковое лето прекратилось их царство; забрали их землю и жен хуне и кормили собак телами убитых¹⁹.

Ждет жестокость жестоких, и неотвратима. Добро же, яко зернье, — поднимается нивой.

Теперь о Богше Дреговичине. Але прежде о Трияне, великом князе, его волю вершил Богша.

Триян княжил в Горáде после Идара и Улича, названных княземи по смерти Боса; он разбил хуней, подперших Словень с полудня, и выгнал их за пределы Полянской земли; замирился с охотою, егда Хуна запросила мира, потерпев неудачу у Дунавы, идеже годи выступили заодин с тиверцами и хорватями, с влашскими, дуцкими и сарматскими родами²⁰. Хаканы хаканов искали дружбы Трияна, он же володел Непр-рекой со всеми отоками до устья, делясь только с Рысью. И пошел (Триян) морем в Царь-град²¹, и вступил в союзе супроть годи и хуней. Чрез лето от договора с цесарем отрекся, сведав, еже ромен об том же согласились с хунями и годями супроть Словени. И уставил с Хуной новый ряд, взяв в жены дщерь хунского вождя, и помогал ему против годей. Видя однако, что замиренье непрочно, повелел словени и союзным племенам рубити грады, ставити вежи и сыпати по Окраине валы, се у Порогов, а ниже ведь сидела Рысь, и вожди ее правили с отока, иже зовется ныне Хорица²² во славу тамошнего властеля Хоря, брата великого Кья. Иные еще скажут, оток назван по капищу Хорса, але то неверно.

И тружалась словень усердно, и хуне дивились со страхом и раздражением.

Богша, внук Святовита, старейшина ратаев, исполняя волю Трияна, срубил остережье на Непре ниже Горáда в месте, еже памятно во веки веков: там полегли полки славного Боса и Святовит принял лихую смерть. Назвали остережье Замчий, бысть бо вмыслено заперти от ворогов Непр-реку²³. Возводили три лета и сложили святище Даждь-богу, заступнику и хранителю рода; жертвенник высекли из черлен-каменя. И се было предвосхищение Кьева; поныне укажут старцы на Ключ-горе за Пучайной древле степени; ими всходили жерцы класти законные требы²⁴.

Узрев Замчий, Триян в радостех воскликнул: «Быти здесь новому Риму — семь холмов округ, и в море текут думы его!» Сказал Богша: «Горькота в уподоблении; поднялся Рим высоко от высоких и пал низко от низких».

На все воля бозей. Пред сильным ворогом достигают совершенства, пред слабым деются кичливы и самонадеяны. Словень же во все времёны трепали и копытили сильные вороги. Сдюжили и перестояли предки, нам уже легче. Почто же порою не достигаем их стойкости и редко смеем сказать один другому: «Содеяли, еже смогли. Не соблазнились легкостью, но честью».

Замыслив примучить Словень, сказали хуне: «Вдайте нам, сколь давали в пользу годи, и больше вдвое, бо (мы) вдвое сильнее». Триян отрече: «Рады бы, да нету». Хуне сказали: «Жирная утка жалобней кричет». И выступили, собрав несметную рать. Вышла навстречь словень, исполнилась по валам на окраине, но собралось мало, иные племёны не послушали великого князя, отказали в нужде, окольной думой питая (свои) негромкие дела. «Не велика честь покласти головы на чюжом пороге», — отвечали (они) гонцам Трияна. И была еще надея на Рысь, але и Рысь отперлась; откупились рысичи, обещав хунем третицу от добычи. Прознав (о том), рече Триян: «От чюжого уберегся; брат мой помог мя погубити». Порешив однако не отступать брани, принес богам жертвы; сказали волхвы: «Мало, потребна еще прекрасная дева знатного рода». И нашли деву, метнув жеребье серед отцов; и се повели на закляние, гадав на смерти; обагрена кровию, скончалась со стоном. Истолковали волхвы: «Горька земля обиженным, жажду (их) воды не утолят». И повелел Триян повсротити дружину и все войско деревляней, полян, сиверей и лютвичей-хорват, пришедших от Нестра: «Отступим, братия; не пересилим, и коли един муж одолеет десятирых». Снялись словеньские роды с искомных селищ и погнали скотье, и повезли повозом скарб и утварь, и повели лодии-долбуши, покинув на произвол жнйвья и борти, пажити и ловли. Разделил Триян войско на тысячи и нарядил нападати на пришлецов в день и в ночь, в лесах и на узких тропах, на перевозах и бродах, — дабы успело людьє сокрыти ся за Тесну и Припадь.

И се наступили дни беззакония и лиха. Дымом поднялись в небо труды и упования человека, ворон клевал павшего в битве, лисы и волки терзали плоть загубленных безвинно, и кости во множестве истлевали по дорогам. Плакали старцы детьми, а дети старцами,

и каждый в собину рыл по оврагам норы, бо негде было схорониться от стрел и ременных удавок.

Але устояла земля. Неколи полдненье спасло полнощные роды, теперь же полунощь укрыла полдненьных. Отступили за реки и багнища, во темные боры, заколодные чащи, идеже нету пути ни конному, ни пешему, — только зверь лютует да леший колобродит. Тут и застряли хуне, много их потонуло и заблудилось, еще больш было перебито.

Се днесь словень, растлена христами и плетьми их, алчными болярцами, бесхребетна и низкопоклонна, забыла вольницу, холопит, вьюном стелет ся, прежде знали люди себе цену; исполнены гордости, являлись миру, и был им закон предков и имя (свое) дороже всего на свете. Вот же предание о Борогде, сыне Елфа, хоробрейшем из хунских хаканов. Полонил в сече тридцать семь дружей сиверского князя Малюты; рече к ним, поставив в ряд и мысля обесчестити: «Ведаю, еже истой словени серед вас мало, больше елсуки, верь и заколавы; величающий ся словенью падет от меча, иного племени будет помилован». И вприси первого из полоненных. Отрече с твердостью: «Словень есмь». И отрубили ему голову в глазах содружей. И остальным отрубили, ибо каждый назвал ся словенью. Сказал Борогда, сын Елфа, великому хакану Хуны: «Николи не пережем в сей земле, ищи замириться». И осердясь, казнил его хакан хаканов. Есть же донине у Непра велик камень, и зовется Борогда; се могила Борогды, и людье окрест помнит предание.

Когда Богша увел ратаев из Деревлян в Дреговичи, перейдя Припадь, опустел Замчий, любый сердцу городец; пали дожди, и замуравели дороги; и залесилось, бо вырубили вокол (еще) мало. Найдя на городец, сожгли (его) хуне, како иные селища и грады; что жалети хуну? — не орет, не сеет, мнози ремесла не правит, шорник и коваль, а боле никто; сидючи на коне, и нужду правит, и жену за перьки берет, и яст, и пиет, и опочив держит. Олане быша дики и необузданны, але ведали снисхождение; черные хуне слезам и стенаниям поверженных смеялись, пили кровь младенцев и забавы ради волокли конями жен и матерей.

Велик был страх пред полчищами находников: ждали хуне ледостава, дабы перейти болота и реки и поко-

рить всю Словенскую землю. Но сильны бози и дают от силы (своей) человеку, егда в твердости и терпении. Скликал Триян князей на думу, и явились князи от Дреговичей, от Ильменьских словен, от Кривичей, Святичей и Влжей, от всех племён словенских и от союзцев — от Мери, Невской Чуди, Веси и иных. И положили совокупити рати и стояти вместе, говоря друг другу: метла, еже разметана по голью, сора не держит, и лодья, еже худеет только в одном месте, тонет, как если бы продырявилась кругом.

И в зиму сошлись хуне и словени; за Припадью, у случья с Непром. Воеводил Богша, ибо Триян бысть тяжело ранен накануне. И секлись, безмерно ожесточась с обеих сторон, дожде не затемнело. В сумерках наступились, не ведая, кто одолел. Заутре предложили вожди хуней: «Вдайте от всех племен, и отступим. Будете нам брате». И отказал Богша. И секлись внове, и бессчетно полегло словени и хуней. Сказают очевидцы, прежде не видели столько бездыханных, даже лед проломился от тяжести павших. В сече стрéлили Богше глаз и отсекли руку по локоть, але остался на коне; с тех пор прозван Недосекой. Паки разошлись к ночи обе рати и паки не ведали, чья перемога. Хуне, обойдя бранное поле, послали сказать: «Владейте собою сами; коли не хотите под дань, одарите мехами и медом, житом и скотьем, бо стыденье для нашего вождя — не имати с вас, получая с племён до римских застав». И стала дарить Словень хунским вождям летом и зимою по возу от рода, и держался мир, але понизь Непра хуне не пропускали, и ходили словени в торги по Варяжскому морю к урманем и свеям. В Рыси же, яко прежде, на торжищах не гостили, ни мехов, ни лодей, ни меду, ни воску, ни жита не везли и не торговали ни паволок, ни соли, ни коней, ни заморских овощ, ни оружия; боялись хуне, еже сольется словенская сила с бранным умельством рысичей. Лишивши ся продаж, ходила рысь за добычей в гречские пределы, к Царь-граду, и в Иберы, и в Казарь, повсюду ища злато и всякое изобилие и продавая полоненных в рабство. Мнози чужеземцы холопили на рысьских жнивах, корчевали лесье, готовили тес, сыпали валы и ставили огороды; сами рысичи тружались мечем и сулицей, все больш презирая раденье пахаря. Але холопей долго не

держали, отпуская за выкуп или усердие; иных по воле оделяли скотьем и полем и позволяли ходить в походы.

С Хуной Рысь николи не ссорилась, блюдя ряд; вода по обычаю многих жен, дабы восставляти семя, изрядно ведь мужей погибало в сечах, рысичи пояше хунских дев, давая большое вено; оттого потомки рысичей ликом смугляны, чернобороды, велми храбры, но обидчивы и ленивы, нет в них раденья к трудам постепенным и тяжким, за невид хулят сородичей. Белая волхва смуглецам Веды не поверяла и в тайны бозей не святילה; скажут еще, из руси с хунской кровью писцы не искусны, холопе лукавы, склонны казаковати, аз же не потвержю.

В те поры Рысь была многочисленна; слава о мужестве и богатстве рысичей бе притчею во всех языцех; иные отожествляли Рысь со Словенью, и то заблуждение; другие путали с Хуной, и то неправда²⁵. Рысь первой среди словени владела от ромеев писаным зраком земли и моря и разумела плавати по звездам, читая (в них) пути к берегам, подобно тому как белые волхвы читают пути к судьбам. Ходила рысь в великие походы с хунами супроть Рима и союзцев²⁶ и обykle получати двойную добычу на живых и павших.

И вот о Богше, о нем ведь и речь, протчее для пуцего уяснения: нет птицы без неба, а рыбы без воды, и мужи свершают подвиги среди народов. Народы же сущи сами по себе, и выше (нашего) разумения: и земля в них, и прошлое, и грядущее. Жив народ ради другого (народа), еже приидет, обновляя думы; тако древо суща ради лесья, в лесех его осмысление, одинокое же — зачем?

Сел Богша со своим родом в Дреговичех и клялся Даждь-богом и Перуном, и Влесом, и Кикиморой, духом зыбучих багнищ; по прошествии времён назван был князем Дреговичским. Однако княжил недолго; объединив дреговичские роды, умре вослед за великим Трияном, егда Рим дымися от пожарищ, и холопе, облачившись в багряницы, чесали спины цесаревым жезлом; онгда словеньские полки ждали у застав хунскую рать, хуне же отступили, говоря сами себе: «Словень, еже болото: взору открыта, а дороги не обрящешь».

От Богши племя неслышно бе до Судибора. Иные

рекут, сородичи Богши выбирались старейшинами, инакие, быццам кудесили и лечили зельем. Кончались же безгласно, тружаясь в поте лица, яко простолюдины, иже измеряют судьбу не подвигом и силою страсти, но блюдением обычая и твердостью духа; Сварожичем²⁷ рождены, Сварожичем обращаются в тлен, и память (о них) — вечность рода и грусть неподкупных друзей, вскоре веселящихся внове.

По смерти Трияна не сыскалось единого вседержителя на Словени; князи поумнели в глупости и разучились дорожить согласием; вновь взялись за оружие, взывая каждый к бозем своего рода. И бранились, утесняя друг друга и соседей, по кои некие из родей прекратились или же изменили обычай. Поляне взвели тогда себе новый град, Черниги; сожженные же дотла хунами Горад и Славье задичали, заглохли в травах и лесье, не дождавшись возрождения. И се верховодили в Словени сиверы и деревляне. Едва хуне из неколи огромного царства своего сотвориша уделы, мало-помалу разошлись словеньские роды по прежним землям. Вскоре поляне, усердно водя рало быками, подняли тучные нивы и паки разбогатели; и давали хунем жито, а брали скотье и жен. Но богаче и сильнее полян содеялися уличане и тиварцы²⁸, ниже хорвате, кых всбаюкала Дунава; серед них быша непры и дроване, серпы и панонцы.

Але могучей всех на Словеньской земле была Рысь. Рожденный рысичем касался седла и меча прежде сосцев кормилицы; кони рысичей скакали без устали от зари до зари, набойные лоды плыли сквозь бурю, стрелы летели без промаха. В соузье с хунами и без хуней Рысь воевала, кого хотела, и брала дани, сколько могла снести; отнимала и у словеньских племен, и у грецей, и в Таврах. Ромейские владыки, ища дружбы рысичей, принимали старшин в Царь-граде, отдавая в жены прекраснейших из (своих) дочерей. В Полежье, великом граде близ Лукоморья²⁹, идеже рысь снаряжалась в походы, капище окружали мраморяные столбе, крытые серебром; сосуды же в святище Перуна, покровителя рыси, были из червленого золота.

Идут времёны, несут перемены, воды притекают все новые, и новые люди тщатся разгадати прежние тайны. О ясноокий отец наш, Непр! о добросердная матерь, Ду-

нава! о мудрый брат, Доне! Вспоили и вскормили словень, дали пищу родам, укрылище градем и мир селищам; почто же, осердясь, отступились теперь, позволив злым коршунам умолчить воркот горлицы? Почто пропустили в Словень новых мучителей и истязателей ее? Только зарубцевалось от годей, а уж пробито было до сердца хунами; заросло от хуней, и вот новые находники терзают плоть, поганые степняки точат сабли о долгое терпение.

Надвинулись от Воложи обры³⁰ и перешли Дон, и стали у Непра, и было их видимо-невидимо: гнулась степь, яко лук под могучей рукой, и днем темнело — пыль от коней застеняла солнце. Просила Рысь мира, але не получила. И позвала в помощь хуней, и встала на другом берегу Непра у перевоза. И помчали обры под свист и крики, и страх тенью побежал пред ними; в бараньих шапках, брадаты, казались обры велми велики и могучи, але рысь не дрогнула, и обагрились воды Непра кровию, а ввечеру, иссякнув и ища роздыха ст сечи, обры отступили.

Предводил рысью в те поры Богдасим, и воеводою при нем был сородич Трияна по имени Кый; иные называли также Триян, але (это) путает память.

Заутре, ни свет ни заря, явились к рысичам обрьские послы и предложили мир. Было же обманом, ибо перевезлись ночью через Непр ниже по реке и взяли Полежье, перебив, кого нашли, и малых, и старых. Узнав о том, Богдасим, старшина, повернул вместе с хунами ко становищам — оборонити оставшихся, уберечи скотье и поле. Кый с малой дружиною борзо пошел к уличам и тиверцам, дабы склонити к скорому выступлению супроть общего врага. Обры же, имея соглядатаев из хуней, и сами хитры и коварны, упредили Кыя, послали к тиверцам и уличанам подарки златом и женами и сговорились. Прожда понапрасну, вприси Кый: «Можно ли битись, коли персты не сложены в кулак?» Отвещали уличане и тиверцы: «Рысь подмоги николи не давала и сама не просила, что ж ныне трусит?» И было нестерпимым униженьем; отъехал Кый без поклона в Дулебы, к Мужку, тамошнему князю, але (и тот) отперся, полагаясь на свою силу. Рече Кый: «Отныне засеют оборяне вашу землю, бо несть им числа. Назади (у них) казаре и булгара, и столько (их), сколько звезд

на небе». Сел в лодьи и пошел в Царь-град. Обласкал его льстивыми глаголами цесарь Юстин³¹, видя, что муж смышлен и оберегаем боземи. Рече Юстин: «Анты³² добрые друзии, хочю держати с ними соузье. Войско мое растеклось по мнозим сторонам, егда сберу, помогу образумити недругов ваших. Пока же помогите». И взял Кый в службу купно с дружиной, и послал к Дунаве, радуясь: «Вот щит границе моей». Служил Кый цесарю исправно больше лета; верен клятве, дважды бился с хорватами, серпами и обрами и поставил городец, не пожелав рассеяти дружину по ромейским крепостям; чуял лицемерие и измену.

И се, пройдя без помехи сквозь уличей и тиверцев, обры покорили дулебов; были жестоки, ибо сомневались в своей силе; мужей казнили лютой казнью; от жен дулебских торопились наплодити свое семя; отроков и отроковиц запрягали в повозки и, погоняя, яко волов, изнуряли до смерти. Встретив на реке Горюни деревляней, обры посекали (их) войско по последнего мужа, але устрашась ярости, поворотили на полдень, гоня впереди себя хорватей и лехов, серпов и панонцев; всякое племя билось в собину и не доискалось перемого.

Всплакал Кый, услышав о бедствии родной земли, близка была ему горечь розних. Когда словенские роды, со скотеми и женами, перевезлись через Дунаву, ища спасения от обров, и преступили ромейские границы, Кый отрекся от клятвы Юстину и смял ромейцев, избивавших беззащитных³³. После ушел с дружиною к Порогам, к рысьским становищам, замысля соединити словенские роды подобно Трияну. И велми торопился; застал Богдасима на смертном одре, и сход старшин и сотских выкликнул вождем Рыси Междамира, сына Богдасима, хотя сечи склонялись к Кью, правнуку Трияна; Кья же поставили изнове воеводою. Рече Кый: «Сберем Словень воедино». Согласися Междамир и старшины. И позвали думу в Черниги. Съехались от поляней Щек, от деревляней Хорив, от сиверей Влок, от уличей Яромир, от дреговичей Тур; не было от тиверцев, от кривичей и от множих иных племён. Рече Междамир: «Сложимся, кто пришел, и выберем (себе) достойное начало». И радили так и этак, одни хвалили Яромира, другие Тура, а Междамира не всхотели, бо бе от Рыси. И сговорились Щек и Хорив, и вступились в

пользу Кья; «Вот лутший заступник и радетель». Междамир оспорил: «Не по чину почет; Кый — при мне воевода, а своей земли не держит». Отрече Кый: «Есмь от колена великого Трияна. Что же до земли, то в Рыси (мне) тесно, а в Словени просторно». И выбрали Кья, и на радостях пировали. Рече Кый ко князем: «Много ли, други моя, вдадите из дружин для войска?» И ответили: «Сколько ни дадим, благодарствуй, ибо ты для нас, а не мы для тебя». И увидел Кый, насмеваются над ним, але не показал виду.

И задумал Кый возвести новый град. Увидев требище на месте спаленного Замчего, неколи заложеного Богшей, внуком Святовита, повелел ставити тамо новый град о крепких стенах, а вдоль стен вежди, дозорные башни, и назвал (город) Славье, дабы напоминало о Трияне. И стал Кый населяти Славье мужами, еже сподоблены всякому делу: железа варити, камни тесати, мечи ковати, оральца клепати, стрелы строгати, ножи вострити, горшки лепити, сбрую коням шити, сапози точати, лодьи долбити, терема рубити, дороги мостити. Украсился и ущитился город в три лета. И послал Кый по князем словеньским, прося войско на обров; князи же не ответили, тяготясь державной заботой. И Междамир не дал ни единого мужа из рысьской дружины. Впросил Кый: «Разве не воевода рыси аз есмь, почто не веришь дружины?» Междамир отрече в усмешье: «(Ты) назван великим князем, а мы подручники; порешим ийти в поход, дадим полки; покуда не решили, жди». И в гнев ударил Кый мечем Междамира и убил насмерть. Возмутились люди по курем и станем, и просил Кый на коленах назвати вождем, але старшины и сотские отказали: «Ступай прочь, нарушил закон». И ушел Кый из Рыси, и тризнавали по нем, како по убиенном.

Изречено многомудрыми: станем ли добро творити, не ведая лика его? Добро всем — иному зло, ведь и зло всем — кому-либо в радость.

Прослышали обры, что Словень собирает войско, борзо оратились и поступили к деревлянем и полянем. «Поучим гордецов,— говорили.— Сидит лиса в норе, пока шуба не нужна». И разбили обры дружины словеньские, разметали по полю, яко вихрь коны сена. Бежали Щек и Хорив об одних исподних и достигли Славья.

Рече Кый: «Спасу от лютыя смерти, коли назоветесь (мне) братеми». Они согласились и поручили Кью оставшихся мужей. Сложил Кый (всех), кого мог, и холопом дал вольницу, посадив на коней, и внезапно настиг оборей и посек без пощады; оставшиеся побежали в Дулебы звати (своих) на подмогу.

Рече Кый к Щеку и к Хориву: «Братья любезные, послушайтесь мя и тако избавите Словень от ворога и паки вмогучите ее». Поклялись Щек и Хорив; собрали в Деревлянех и в Полянех новые дружины, и повел их Кый в рысьские становища. Рече ко старшинам: «Нарядите первым князем, обретет Рысь все словеньское войско». Старшины, подумав с сотскими, отреша: «Пойдем с тобою против обров, але князем не нарядим, всуе мечешь глаголы». И встал Кый на колены с мольбою, але услышал прежде: «Всуе клонишь выю, бо непокорна ей голова».

Взял Кый рысьскую дружину и со всем войском прошел от моря до моря Словеньскую землю, подчиня с жестокостию слабые роды сильным, а сильные сильнейшим и ставя в племенех новых князей; и росла власть (Кья), яко волна под тугим ветром³⁴, и вознамерился воевати чужие стороны, однако остерегли волхвы; им же покорялся (Кый) безраздельно, жертвуя обилно бозем и капищам.

Послушных одарял (Кый) щедро и волей не тяготил, перечивших упрямо заточал в темницы. Твердят сведущие, першая темница в Словени от Кья.

Свет призывает тьму, заботы об умножении радости выкликают печаль. Досыть быша браней промеж братеми. И се горечь: в неправде пролитая кровь единит больш праведного разумения. И се горе: послушен человек силе, не желанию ума. Высоко поднялось величие Словени, прозрели народы и засуетились: запестрело в Славье от послов и торговых гостей, и (всех) принимали с почетом в теремах великого князя. Сам Кый тружчался неустанно, на думе выслушивал каждого из подручных князей, не осекая, але воздавал по мудрости.

Онгда привез от Хвалис рысьский купец Баско, сын волхва Лешка, буквицю. Многосведущ и велми смыслен, Баско сподобился писати по-словеньски и читал Кью; Кый восхитился безмерно, и о том есть на скрижалех Предания: «Сиде добавили к словеньским просторам

еще одну землю». И бе справедливо; если слово сосуд мудрости, опора желанья и ключ судьбы, то удержанное в письменах — сама мудрость, само желанье и сама судьба. И подарил (Кый) Баско прекраснейшую из жен, и позвал думцем ко двору; когда же Баско умре, тузил о нем, яко по родном сыне, и тризновал со всем людем.

Писаша буквицей Баско белые волхвы, и повестили о приключениях словеньских родей, о преданиях и заветах; ведех от тех времен Перуново каменье, идеже вписано о законе и обычае. Ведех и другие древлие письмены³⁵, причудливы, яко хвост кúра; ныне (их) мало кто разумеет, даже из волхвы; писцы же обучались письму, скажут, до первых седин.

В лето, егда почал единити Кый племёны, подступили обры ко Славью. Обойдя скрытно, ударил Кый им в спину, прижал к Непру и потопил в водах. Уже в преклоне лет надумал Кый прогнати обров из Дулебской земли. И случися затыка: летучий мор в Дулебах; войско Кыя поворотило с полдороги; обры же, умирая в мýках, побежали в Придунавье. И было карой бозей за зло, причиненное обрами; скоро забылись имены и вершения оборьских хаканов, развеяло обров по свету, яко подорожную пыль; рассеялись под мечами моравов и панонцев³⁶; кто скажет о них ныне?

Кый жил долго и почил смертию в дряхлости; плакали словене на могиле и радовались, еже был серед них великий муж. Именем его назвали Славье — Киев.

Щек и Хорив, лишены власти, скончались допреж Кыя; повестит Падун Кривой, были задушены по велеанию Кыя; не нахожу подтверждения у других летописцев, але все едины, оба князя жили в насильном затворничестве.

При Кые растеклась Словень изнове до Лукоморья; Рысь расселась до Дона. И ссорися Кый с Рысью, пеняя за обычай казачити, или, яко прежде рекли, казарити; и рысичи, недовольны чюжим судом, поднимались на Кыя и в концех ушли в Запороги; на Доне поставили великий город Драгань, идеже вели торги с ромеями и персеми, с казаремаи, албанеми и азнавурой³⁷.

Окончилось насилие обров, але не настал мир и покой на Словеньской земле; нарушив ряд, почали набегати на становища по Дону казаре³⁸; грабили гостей из

Рыси и обижали союзные племёны. Сказала Рысь казарям: «Не пропускаете нас в Хвалисы и на Воложу, не пустим на Дон и к Понтскому морю». И заложили проходы. Казаре же, умножась числом необычно, пошли от Воложи до Азнавур, воюя и разбивая грады и селища разноликих народов и обращая полоненных в рабов, а после прикочевали к Дону и стали пасти стада. Едва рысичи собирались в погоню, казаре уходили, едва возвращались в становища, казаре вновь кружили поблизости, высматривая добычу. И собралось казарей видимо-невидимо, и выступили внезапно супротив Рыси и ее союзцев³⁹; бились обе рати крепко; видя же, что силы истощаются, а казарей еще неисчислимо, рысичи оставили Драгань и отступили к устью Дона и дальше, к Купани, идеже селились неколи греки; потеснив годь и урлан, сели на тех благодатных землях и возвели Торги, город огромный и богатый; ныне на его месте Тмутаракань; иные скажут, город заложен казарями, и се от невежества.

Грустно повестити о времёнах безвременья, иже являются и к родом, и к человеком, — о тяжких, ночных времёнах мелкотных умыслий и дробязных деяний, комарих страстей и зычного самовосхваленья; ничтожности судьбы ведь сопутствует кичливость, а грязи живота громогласные поучения в чистоте. Не минуло и десяти лет после смерти Кыя, а междуособья паки потрясли Словеньскую землю, распалось союзе и отложилось вновь племя от племени. И Рысь поубавила силу, разделившись на части; сидели одни в Запорогах, другие, почитавшие ся спасителями старины, ненавистники Кыя, сородичи и друзи Междамира, — по Доне, а еще по Купани, близ вустья, але про тех аз рекох. Онгда утвердися за рысечами имя русь, а прежнее бе взабыхтех.

Память уносит течением лет; и вот уже утрачено предание в словах, неколи тешившее ум и веселившее сердце. Слова умирают вослед за веками, оставляя укор в непонятных звуках.

Видя несогласие в Словени, надвинулись казаре и глотали по кускам, дабы не подавиться. Реша к Руси по Доне: «Дани не просим, давайте от добычи, воля же вам ходити по земле Казарьской и за пределы». И согласились русьские старшины. Казаре же, ввнуздав донцев, навязали седло и купанем; и те понесли долю от

добычи. Быша казаре легкими ворогами, стали тяжкими друзьями, быша хвалисы, годи и азнавуре соузцами, содеялись противниками: не торговати, но воевати почала ходити к ним русь вкупе с казаремами, — сице повернули лукавые степняки. А и запорожем надели хомут; заполонили Лукоморье и Тавры подперли копьями, не роздыхнуть русичам, не повернуться: с коня плати подорожное, с лодьи поречное, с человека походное.

Горе, горе! Братья одного племени столковатись не могут, тать же с татем на разных языках (друг друга) понимают!

В те поры сидели за Воложей булгари, народ смиренный, соседям зла не чинивший, числом же преогромный. И настал у них голод; травы погорели, стада полегли, дикий зверь разбежался, рыба изморилась. Отчаявшись, покинули булгари свои селища; мечем добыли жито в Казарех, потом, устлав телами степи, поворотили к Дону; отняли жито у Руси; вошли в Лукоморье и достигли Непра, протекли сквозь тиверцев, у Дунавы сразились с хорватами и склавинцами и, победив (их), остановились волною, ударившей о скалистый берег. Тут, серед словени, и сложилось царство их; и назвалось новое царство Болгарь⁴⁰.

Замирившись с черной булгарой, почаша казаре воевати Словеньскую землю. Наняли русь и пришли вместе с русью — о горечь души! о позор мысли! Испугались поляне сечи и согласились под дань. За ними и радимичи, и сиверы, и ватичи, и деревляны, и меря. И всхотели казаре взяти еще с кривичей, похваляясь: «С робкой овцы три шкуры лупят». Кривичи же ущитились. И позвали допомочи ильменцев и полоту; и преломились у лесных озер казарьские сабли о словеньские топоры; и русичей полегло немало, изменила им вечная удача, не простили им бози. Не дали дани и уличи, принявшие в землю свою словеньские роды, бежавшие от черных булгар.

Ненавидели повсюду казарей, а восстати, взявшись за оружие, боялись; срам для Словени, сильной во слабостех, але немощной в неодолимой силе. Пал же свет с полунощи: полнощная Словень опоясалась единой думой и волей⁴¹. Сидели ведь словени до Варяжского моря, поднявшись кто от Висьлы, кто от Непра, кто от

Дунавы, и не спорили с поморями; меря и чудь промышляли охотой по верхней Воложе и Дугаве. Во времена Холоданья ушла словень и меря к полдню; на земли их пересели веси и сголь, а Лукоморье заняли варяги. Возвратившись к могилам предков, словень, чудь и меря не нашли прежнего мира: мучили (их) варяги, отнимая и жито, и жен, и скотье. И сложилась словень с чудинями, взяв еще от веси и от карелы; и тако прогнали варязей за море. При Кые паки размежевались роды и племена, и всякое получило свое княжение, и в Ильмень, и в Полоти, и в Сужье, и в Волоченех; словень и меря ходили сообще на восход до Увалей и воевали черную Булгару.

Когда же подступили казары, собрались князи на думу и сгадали первым князем ильменского Богомила, сидевшего в Слав-граде⁴². Иные укажут не Богомила, а Пересвета, але (то) заблужденье; Пересвет вокняжися после Богомила; происходил же из Мнуд, от кревей. Богомил дважды разбил казарей и устроил Словеньскую землю, подражая (в том) Кью; ходили пред ним сподручные князи, яко сынове пред отцем. Он строил грады, брал мало полюдья с ремесл, но много с торгов. Заядлый купец, снаряжал Богомил свои лодии и ходил гостем в Варязи, в Словеньские Поморяне и в Лютвичи, — в Радибожье, Милену, Бранибор и Бзег; продавал меха и меды, воск и кожи, покупал жито и соль, дорогое оружие и убрусы для жен. В Булгару возил меха и брони, беря коней и узорочье, злато и серебро, еже доставляли из Хвалис; онгда в Хвалисы словень не ходила, бо казары, держа Воложу на замке, грабили, убивали и холопили словеньских гостей. Владея насчетными сокровищами, князь Богомил щедро одарял волхвов-прорицателей и давал для святищ; при нем волхвы долбили на отоке в Ильмень-озере пещерь о семи ходах и воздвигли капище Могожи; тогда же уставили обычай жрети в капище достойнейшим от волхвы — владыкам.

Наслышась о Богомиле, взроптала русь в Запорогах супроть казарей; нанимались ведь к хакану подевицами, ходили в Тавры и в Корсунь, и довольно было поживы, казары же забирали лутшее, оставляя руси худшее. Реша руси к казарем: «Словень по Дунаве бьет ромейцев и берет богатые дани⁴³, мы их не хуже; нам тут

мало, пойдём без вас». И позвали русь-купаней и русь с Дона, идеже посели беглецы от полян и сиверей; и стали грабити Побережь, сносясь с сорочинами, и взяли выкуп от Сунопы; подступив с моря и с суши, осадили Царь-град и стояли упорно, пока цесарь Юстин не откупился дарами⁴⁴; и позвал цесарь русей на службу, они с охотою согласились и ходили с ромеями супроть сорочин⁴⁵. Сорочины однако отместили, разрушив по Доне становища и уведя в полон множество русьских жен и детей⁴⁶.

Долгие лета ромей были русам яко друзии и позволяли ходити безмытно в Корсунь и в Царь-град на торжища; от ромеев переняла русь новое письмо, понеже белая волхва воспретила писати прежним суетное и преходящее; от руси же ромейское письмо у казарей⁴⁷.

Едва казаре потерпели поражение от сорочин, сказала русь в Запорогах хакану: «Отныне не вдачи». И послали к словенским родам, ходившим под казарями: «И вы отныне не давайте дани, лутше мечи для ворожих голов и землю для намогильных курганов». Словене ответили: «(Мы) Руси не вспомощники. Идеже были, егда (наша) кровь лилася?» И вышла одна русь супроть казарей, и казаре побежали. Сказала русь: «Ступайте прочь с Непра, будет вам мир; не уйдете, постучимся в Итили». И со славой прошли до Дона, и тамо секлись в ярости, але не перестояли, истощив до крайности и казарей; с той поры Русь добычей уже (ни с кем) не делилась.

Тружатись ради хлебов штодневных и ясти, разделяя брашно с друзиями,— счастье. Умножати род и прозирати в чадах грядущее — счастье. Блюсти обычай, не отступая,— счастье. Не кланятись пред вороги, стояти неколебимо в беде и брани, доискиваясь правды и истины,— счастье. Хотети жену и утехи ее — счастье. Подыматись с колен, превозмогая обиды,— счастье. Счастье — ступати по земле, любуясь окрест. Божье в нас, понеже растем древами, воспаряем духом, расстилаемся травами, утоляем криницею, заслоняем ветвями. Яко полные реки, и мы творимы течением. Нет никого, обретающего нечто, еже бессуще. Все дни судьбы — радость. Самоцвету нужда в гранех, дабы искритись, душе нужда в уставах ровных и мудрых,— не будет сметена бедствием и смущена ожиданием. Бывати

ли дню без ночи? Бывати ли жаре без холода? Бывати ли слову без сомнения? Бывати ли обладанию без пущоты в руке (обладателя)? Увы, увы, недолог час горлицы, но воркочет приветливо, недолог час цвета макова, но пестрит в поле без скорби. Не станем (и мы) скорбети, дондеже живы; живое — в любование, отжильное — в поучение, а тягосты не в счет, ибо не уклонитись.

И вот о Судиборе, пращуре Мирослава; княжил в Дреговичах семь лет, на восьмом вече не выкликнуло, и умре в язвах терзания, уличен в злодействе, какого не свершил. Але впряжем коня, прежде (чем) сести в сани.

После Богомила княжил в Слав-граде Пересвет, после Пересвета Бравлин Окаянный, первым позвавший в Словень варязей. Слыл (Бравлин) загребаем и лихоимцем, жертвовал мало и только Влесу, волхве не доверял; однако был храбр и тверд духом, позирк имел вострый, яко нож, и трепетали его. Прослыша, еже в Запорожех сундуки и залавья трещат от добра и на польем служат хвалиские коврища, скликал полночных князей и просил первокняженья и войска. И се, уповая на посулы, назвали (Бравлина) первым князем и дали войско, преступив обычай, велевший давати во дни брани и не давати во дни мира. Придя в Киев, Бравлин сказал: «Не платите казарем, платите мне. И дружину дайте, хочю отмстити хакану». Радимичи и ватичи отказались: «Что будет завтра, не ведаем, пока терпимо, терпим». Другие дали от дыма, кто коней, кто жита, кто соболей и бобров. И пошел Бравлин в Запороги, и прибавил еще себе обилия от руси; спустясь по Непру, разбил казарьскую рать; дабы не обременялись, казнил полоненных. Перевез ся в лодиях в Тавры и тамо, яко ралом, провел от Сурожа до Корчева. Однако Корсуня не тронул, получив большой выкуп; ради выкупа принял христову веру⁴⁸, але в тайне от дружины. Когда же русичи потребовали дележа добычи, Бравлин послал их в Царь-град, быццам для помощи цесарю, а сам известил: «Идут за добычею, станут говорить, нажиматись в службу; не верь и живыми не отпускай». Стыденье глаз, (эти) строки! Угрызения чести, укору сердца! Нет зла на свете, что не повторилось бы вновь и вновь; ничем не удивит человек человека.

На возвратном пути захватил Бравлин русьские ста-новища, перебил сторожу и грабил татем, не пропуская ни одного куреня. И вот поляны всхотели получить свою долю добычи, спеша домови, ибо минул уже солнцеворот, и Лось подолгу пропадал из виду ⁴⁹. Бравлин сговорился с тупчаками и уграми, приведенными казаремами с Воложи, и ночей перерезали (они) полян, яко хорь кокотей, а было полтысячи. И тщица Бравлин утаити злодейство, глаголаше округ, быццам взбунтовались и изменили полки; всуе быша словеса, ни волхва, ни людье веры не давали: бессловесно дитя, узрев князя, спросило: «Почто не жертвовал, а уж весь в крови?»

Зимьем стоял Бравлин в Кыеве, замышляя овладети и киевским столом. В те поры нагрянули на Дреговичей ятвязи, и жгли селища, и угоняли скотье; кинулся (за ними) в погон князь Судибор; увлекшись, не углядел засаду; побили лутших мужей, едва избежал смерти. Ятвязи быша многочисленны и обычны к разбоям и бранем; происходили от обров и сголи, сопрягая достоинство и храбрость с нищетою и терпением. Сказают о ятвyezех, ловят бобра и шуку, ныряя, сеяти жито не умеют, ходят полунази, кров возводят, оплетая деревья. Ятвяг в болоте ужом плывет, в буреломе под корчем медведем лежит, во кустех птицею тенькает, спит в трескучий мороз по седмице без просыпу; на коне сидит, что ворона на шесте, в поле мечем володеет плохо, в лесу же бьется насмерть рогатиной и сулицей, стрелы мечет без промаха; летом неуловляем, зимою без псов гонит зайца ⁵⁰.

Рассудили дреговичи: лепш просити Бравлина о до-помоге супроть ятвезей и разом покончити, чем рыскати с дружиной до весны без толку. Выслушав Судибора, сказал Бравлин: «За помощь дайте (столько) серебра али мехов, сколько важит мой конь; принесу в жертву богам». И привел огромного коня под седлом с торокою, а в тороке песок. Судибор не стал торговатись и повелел собрати по просьбе князя. Взял Бравлин и забыл про обещанье, ждали притулы его посулы. Вече же в Турье спросило Судибора: «Идеже серебро и меха? Идеже полки Бравлиньи?» И послало к великому князю, але тот отперся: «Не видел ни серебра, ни мехов». И пало подозренья на Судибора, и раздували злобу тай-

ные супротивцы; отъяли у князя и меч, и брони, и печать; дом разбили, изобилие растащили, крича: «Еще и убьем за обман!» Напрасно клялся Судибор — не слушали его; нет тяжелее такого горя: хочешь, чтоб поняли, и не понимают, а сила дерзати, доказывая, уже ушла, и времёны искушений миновали. Обесчещен коварно, лишился Судибор ума; просил пустить (его) к Бравлину, и пустили. И се простоял пред крыльцом терема все лето и умре от обиды, и погребен, яко смер⁵¹. Когда открылось злодейство Бравлина, возгласила белая волхва по Словени прощение Судибору, а мужей рода его причислили к познавшим тайны (волхвования). Бравлину же долго не удавалось отмстить. Дважды ходила русь искать его смерти и дважды навлекла на ся посрамление, ибо ускользал; иные утверждают, бысть Бравлин выродком злого духа и обращался то в туман, то в квакшу, то в собаку. Пришла месть от ильменцев: ускучило людем ожидать, когда позовут, и самочинно сошлись на вече, и стащили Бравлина с княжьих мостков; взывал (он) к дружине, але и дружина промолчала; задушили Бравлина, покрывая дорогими коврами.

Поминают Судибора сведущие до сего дни; свершил много достойного: заботился о благоденствии смерей в общинах и вервех⁵², ведя искусные подсеки; по его заботе исковали железяно насечье на ральце, и вошло в обыкновение. Судибор первым из дреговичей уставлял летописание, поощряя серед волхвы любовь к письменам. От времён Судибора поют в народех песню, сложенную мужами, иже ходили в поход с Бравлином к Сурожью и Корчеву.

А в поле, а в поле лен синий,
мати ждет не дождется сгнувшя сына.
Ждет сердце без срока, мати плачет о сыне,
а в поле, а в поле лен синий...

Поют многозвучно, зачинает песню отрок. Голос тонкий и протяжен напоминает о днях печали и разлуке.

В словце малом уместится ли мир? Се причина, что не разумеют, соприкасаются желанием, а чистым помыслом редко. В чужих садах красны яблоки, да злы сторожи. Вступают в сады, хотя и с опаскою, коли в надеждех на плод; коли не зрят ни плодов, ни завязей, равнодушны. Враждебно и страшно разумом не охва-

ченное, а разум с наперстье. Постигая Красоту, ужасаемся (своему) отвратительному лику, уясняя Добро, поражаемся (своей) корысти. И все же не дым ли (то) от огня, иже, согревая, ядет очи? Возьму песок и посею — не растет. Возьму мысль от бозей и осветлю душу светцем негасимым — темны (в ней) углы. (Ничто) не поселяется (там), идеже нет духов прошлого. И зернье, и древо, и мысль, и сам человек. Коли прежде не думал, на что обопрется дума? Коли прежде не страдал, проникнешь ли в страдание? Коли прежде не угадывал совершенного, найдешь ли (ему) верное имя? (Одно) умирает и дает жизнь (другому), и без конца череда. Возникали племена, умножаясь, и пропадали; рассеивались в победителях, и победители исчезали в побежденных. Обошел мир, удивляясь неодинакости его: кто кому первый брат? кто кому учитель? кто кому господин? Златый век за спиной; но что ведаем о древних, положивших начало?

Хочю глаголити улицей, выходит околицей — перемешана в глаголах истина; вестят страхи и сомнение, бози молчат, открывая (нам) не в словах, но в мучке дня. В старину рекли: «Разум — гора, далеко с нее видать; разум — яма, ничего не увидеть». Але кто взялся повестити, не утомляйся и от усталости; не доскажешь — ложь, перескажешь — ложь, правда же выходит, если в единой строке и не доскажешь и перескажешь; доступно же немногим.

В год смерти Бравлина Дреговичи выбрали (себе) князем сына Судибора Бовшу, мужа многосведуща и неотступна в затеях, чужой славе не завистника, своей ревнителя.

Онгда внове напали на Дреговичей ятвязи; и сговорися Бовша с мазовеми, вдачеми варязей и супротивцеми ятвяжского племени. Але ятвязи поспешили умиротворити мазовею и предстали грозною силою. До зимы примеривались оба войска, в концех схватились на Вепрь-реке, пред вечернею зорицей. И запел лед, едва ступил на него Бовша. Истолковали волхвы: «Нам трубити победу, аще будем тверды, яко лед». И почалась сеча, но без удачи: стали одолевати ятвязи, заманивая дреговичей в лесье; и сеялись стрелы, погубляя словеней, ибо подступали от реки, а берег бе крут и безлесен. Увидев, что оробели дреговичи, просекся Бовша до хо-

ругвей и убил ятвяжского князя. Одушевилась дружина и сошлась с врагами в пешем строю; рубились мечами и бились руками до густых сумерек, и легли ятвязи до единого; с того дни кличут лесье по Вепрь-реке Ятвяжим бором.

Немало радел Бовша о законе; срастенье родей, навязанное Кыем, упразднил и восставил вновь, но всякий род, малый ли, великий, паки избирал (себе) голову, и всем полагалось место в думе; градских старейшин лишил первенства пред селищными; але князем держати дружину в родех не велел, спрашивая с самочинцев велми строго. Думу выслушивал терпеливо, повторяя однако: «Буду вам обельным холопом, останетесь без хозяина». И пресекал затевающего споры о старшинстве.

Алчный Бравлин не послушал волхву; они же остерегали, назидая годехи, иже внесли разврат в нравы и ввергли словеньские роды в нескончаемые беды; дозволил Бравлин варязем ходити от моря и Нев-озера через Ильмень и Лавать по Кунье и Жмости в Непр-реку; последыши (его), подобные же златолюбы и близоручцы, пустили варязей и в Воложу по Мсте и Медведице, и по Тверце. И платили (варязи) подорожье и корабельное в три раза меньш, нежели брали со словеней казаре, егда уселись на Непре, и в два раза меньш, нежели булгари за повоз до Казарей или казаре за повоз до Хвалис. Кто (из варязей) не лежебочил, в единое лето богател, како не богатеют от мозолей; и потянулись злыми осьми на чужой мед; брали у словени, у чуди и у мери лутшие меха за бусы и ожерелья, за бронзовые зерцалы, застеги и миткали на убрусы, и шло за бесценье, словени ведь или чудином торжища зрелище и сходбище, лик досужей небывальщины, а не поприще судьбы. Се побаска от скоморосей, горька для достойного:

Приде из свеев гость,
взял Собрянный тулупец за гвоздь.
И се оглупела словень —
жито несет за кремень.
Воротися домови удачливый свей,
взял за выручь младу жену да коней.

Посели варязи по Лукоморью; дивилось людье: ужли (все) купцы? Они же смеялись. Честолюбцы за малое подношение дарили земли; сему луг, тому при-

лужье, сему бор, тому приборок, а после спохватились: идеже самим проход к морю? Варязи же лезли в раздоры, ущеливаясь повсюду; наускивая горьких на горемык, оттеснили Чудь и примучили Водь, и все давали (им) дань. Терпя неудобь и стесненье, словень и другие племёны подумали с грустью: приманили, как же отвадिति?

В иное лето собиралось варязей до тысячи, и все с оружием; шли в Кривичи, в Деревляны, на Русь, в Булгару или к буртасем; далее в те поры не забирались, не в нуждах, прибыточнее — близко; гибло их немало от горячих людей, особно от разбойников-обров, бежавших с Верхней Дунавы, идеже вновь посели панонцы⁵³; але ведь тянула легкая добыча. Огрузившись всяким обилием, просили варязи на возврате вместительные лодьи, ибо свои черпали бортами; словень же дарила: обычай велел давати гостю, что полюбилось.

Бовша-Дрегович увидал отроком всякое чюжеземье: любя дальние хождения, Судибор возил (его) с собою. Внущал Бовша думцам: «Здоровы и дюжи народы, иже купечествуют своим товаром; у какого народа купцов мало или нечего продати, прозябает в бедности, жметя в тень в невеждем стыденье». И бе сам первым купцом в Дреговичех, без счету снаряжал лодии и повозы и держал перекуп; иные из нарочитых мужей ему подражали. Давали варязем меды, воск, вервье на снасти, больше меха; давали лодьи и туры рога под питейные кубки, сыпали мешками, не считая; Бовша же сокрушался: на вес золота рог, окованный серебром; искал искусника по Дреговичам и доискался: был умелец из смерей, ковал худой медью, зане бысть нищ, имя его Лобан. Оправленные серебром, сыщещь питейные роги Лобана в Кыеве и Царь-граде, в Гнезно и Ширване; примечал у моравских и немецких послов; Лобан сковал крылатого овна, еже в святыще Хорсу в Ладужи; пленяет душу сия бесценная страсть.

Меняли товар по Дреговичем зимьем, три дни после Солнцеворота, и об осень, на Влесов день. Быша торжища у Случья, Бересны и Непра; в Погостье, еще в старых Менцех на Припади; игрались игрища, и сходилось на затей людье из градей и селищ.

Ингда в сумненье: что искушати судьбу? Маюсь, пугаясь неведомого, тянет к жизни и не нахожу (ее)

следов, а расстаться жаль. Злая сила мутит, но не мерю своим аршином, на все провиденье Могожи: одни ли мы твари? для себя ли созданы? Достойнейшие из предков рекли: «Искушай, не стомляючись, понеже стоимся, не искусив». И се истина: постигаемое — жизнь, постигнутое — память о времёнах. Боязно человеку, ищет спокойствия, оттого беспокоен, и нет замирения в душе. Сиде племя: пусть искушает судьбу, будет крепко и жизнелюбиво; меч в поножах скорее тупится, изреченная мудрость уже оглобли уму. Хотя без оглобель куда поедешь? Бози не считаются (с нами), верша события: хочещи мира, ан идут на тя бранитись, хочещи прозрения, блуждаешь в сумерках, хочещи веселия, потрясает скорбь, хочещи живота, глядь, смерть уже на пороге. Але ведь и бози беззакония не творят: топор не летает и жбан не квакает. От людей правда, над людьми же она; заблуждается мнящий, будто держит в руке (ее). Искушати судьбу, чем бы ни скончилось, — се истинно, коли в искушении свет души, проникшей в простор; легче не будет, прощ не будет, радостнее и свободнее не станет, и человек плывет от берега начала к берегу конца.

Час искушенья настал, надобь деяти, а медлят, надобь решатись, а сомневаются: казаре, поразметанные сорочинами, вновь напитались силой и подступили. И послал Луд, вождь Руси в Запорожях, ко князем словеньским: «Се грядут от Дона и от Сурожья⁵⁴, раскопятили землю, расплескали реки, в ерузи оборотили дороги». Отвещали князи: «Нас не тряси, мы како вси. Раньш пересиживали и днесь пересидим». Дали полки свои токмо деревляне, сиверы и дреговичи, другие не дали. И встали у Порогов, сколько собралось, — без малого 20 тысяч. Казаре же привели 50 тысяч; и не захотели губити (свою) силу, зная, что не бегают словень с поля брани. Реша послы хакана: «Не станем воевати ни Руси, ни Деревлян, ни Дреговичей, ни Сиверей. С других же возьмем дань. Коли они не ропщут, вам зачем?» И думали, что ответить. Рече Луд: «Обманут казаре, ибо не верят единому богу⁵⁵. Але не станем битись за неразумных братьев, сбережем соузь, недалек час испытанья». Бовша рече: «Небо накажет неразумных. Спасем хотя бы Киев, нет на Словеньской земле града богаче и крепче». Рече Луд к казарем: «Отселе Русь

сядет в Киеве». И вошло словенское войско в Киев, полянские же мужи с князем своим повсюду вопили: «Изменники! Братоубийцы!» И побежали в Черниги, проклиная Русь. Встужил Луд, жалея, что послушал Бовшу: «Како докажу ныне, что заступник Киеву, а не тать? Како уверю в дружбе не проницающих мои добрые замыслы?»

И се прошли казары с мечем по Полянem, Радимичем, Ватичем и Кривичем, оставив тяжкие дани; Непр же не переступили, боясь, как бы Русь не сложилась с уграми; угры ведь рассорились с хаканом, не пожелав служити холопями, и грозили войною; с русичами же водили в тот час дружбу.

И вступили казары в Ильменьский край. Покорилась мера и некие роды из веси, другие же оратились, прося о подмоге ильменского князя Водиму, сына волхва, почти отрока, але по храбрости зрелого мужа. Водима стоял в Ладжи, идеже от века словень ладила и снаряжала корабли. И нанял Водима в войско случившихся в Ладжи варяжских гостей, обещав серебра. И ударив всей силой, смял казарей и рассеял по словенским просторам. Угры, одушеваясь, в свой черед погнали казарей к Сурожу и за Малый Дон; але тамо уперлись казары и стояли крепко, оброта в лесть русь по Доне и по Купани.

Рече Луд: «Дымят и сипят казары, яко головня в угасшем кострище. Пойдем к ромеям, получим, что не додали (они нам) при Бравлине. Вот и таврские греки давно не присылали подарков, обещали же первому князю на Словени. Аз есмь первейший». Сице помышлял о себе Луд, уверившись в сопутье удачи и покровительство бозей. Самомнение же уловляет мужа пуще язвы. Отвращал Бовша (Луда) от нелепых помыслов: «Инакш сыщи долги. Пусть помогут в Таврах супроть казарей». Луд же уперся: настает час, и сильный не чует уже предела силы, и разумному кажется, что все разумеет, — роковой час гордыни и изгубленья трезвых. Рече Бовша: «С тобой не пойду, пойду с Водимою, ибо снова поднимаются казары. Ты же гордец, кто назвал тя первейшим в Словени, опричь самого и блюдолизов?» И отложились (также и) Деревляне. Взъярясь, Луд послал за варягами, обещая (им) больше серебра, нежели дал Водима. И пришли варязи из-за моря, числом до

тысячи; и было то изменой Словенской земле: Водима позвал варязей в нуждах, Луд из-за блажи.

Сице взмутилось по Словени, и беспокоило в сопределех ⁵⁶; засомневались люди в справедливости, бози же покидают усомнившихся. «Камо грядеши, человеце?» — вопрошали вокруг в отчаянии, и не ведали ответа, погрязнув в себялюбии и помышляя: «Лишь бы нам хорошо, а тамо хоть огонь не вари и рыба в море не плавай».

Выступили казаре из Ватичей, идеже кормились, и пошел Бовша с дружиною, дабы поможти Водиме, але занедужил и помре; преемник же поход отменил, и разбили Водиму в жестокой сече. Реша к Водиме варязи: «Дай обещанное серебро, и втрое на мертвых». И не поскупися Водима, они же попросили набавити еще, и не дал, возмутясь наглостью. Реша варязи: «Не воздал по заслуге, пеняй на себя!» И се егда Водима почал сбирати новые полки супроть казарей, кые бесчинили уже в Слав-граде, варязи наводнили Лукоморье и посели в Ладужи. Восклица Водима: «Горе, горе, у татя от татей просил помощи!»

Вскоре однако (положение) изменилось, како и случается, коли мужи не теряют стойкости и терпения. Пришли на помощь Водиме полотьцы, еже были под рукою Бовши, але вышли по его смерти. И Чудь, и Весь привели кметей, понеже уразумели: сядут казаре на ильменьцев, поедут варязи на поморех, на чудех и на весех. И кривичи поднялись. Шла война пять лет, и отступили казаре.

Теперь о русьском князе Луде; в алчном размыслии о царьградских и сурожских данях нанял варязей и дал наперед, они же плохо повиновались, обернувшись обузой. И отнял Луд, что дал прежде, силою; поссорившись, взялись за мечи, и пролилась кровь; замирясь, двинулись в Греки. Послал Луд к болгарем, чтобы пропустили, они же отказали ⁵⁷, и пошла русь морем; придя в Греки, продавали холопей, меха и меды, а распродавшись, воевали землю гречскую и возвратились с богатой добычею, щедро наградив варязей. И было в осень. Ушли по Непру варязи, по весне же, едва вскрылась Река, спустились вновь, — по уговору с Лудом. И быша варязей втрое больш прежнего, — птицею разлетелась весть о несметных богатствах и удаче Руси и

о приволье Полдневья. Иные из варязей, пришед на Непр с родичами, не всхотели уходить на зиму, зимовали в русьских становищах, брали русьских жен, перенимая обычай и речь.

Что ни год, водил Луд варязей за море, и трясли грецей яблонею чужого сада, нападая, идеже не ожидали; торговали в Корчеве или в Тразунте, а жгли в Сунопе или в Суроже, корабли же перехватывали повсюду. Били челом цесарю обиженные, и повелел цесарь искати и топити русьские лодьи. И прикараулили близ Сунопы, и вспомогли бози грецем, понеже русь и варязи быша обидчики. Разметали греци русьские корабли, и мнози погребла пучина с гребцами, корабельцами и сечами; потонул и Луд, окончив бесславно славное начало,— тако зацветает древо, плод обещаая, источает же завязь червь до срока.

Во дни тризны по Луде восстали поляне и прогнали русь и подручников ее, варязей, из Кыева, казаре же ухмылялись усобице.

Собралась русь в Запорогах, решая о князе; и выбрали златоуста Дмира, старшину Хорьских куреней. Другие скажут Дира и родом варяжина, ссылаясь притом на Начала; извод сей летописи вершил ся при Ользе, насян ложью и злым умысльем, превозносит варязей уместно и неуместно; в других летописаниях упомянут Дмир, старшина Хорьских куреней.

Дмир бе суров и строг, во всем следовал обычаю. Молвил пятью молвеми, удивляя (всех) мудростию и разумением. В отрочестве схватили его казаре и, заковав в цепи, холопом повезли в Корсунь. Он же, в цепех, прыгнул с корабеля в море. Бились об заклад казаре: «Захлебнется самогубец». Але выбрался на бережь. Продали его в Марагу и Багдад, и скитался по разным землям, делая всякое ремесло; придя с хозяином в Греки, сбежал в Никее и едва ли не пеш достиг Руси.

Паки о Дреговичех; а что многословен, чтущий протит: порвешь едину нить в паутине, пролетит муха; сице в раздумьях, прогонишь мысль, еже терзает, и вот уже солжешь. Чиво стараю ся? Стараецца душа, мы же в холопех у неа. Первейшая заповедь Книжия есть: «Жизнь обойдется (без нас), се непреложно. Оставить жизнь, еже (без нас) обошлась бы,— се печаль и забота человека».

Рок отказал Бовше в сыновех; был же у него внук Бушуй от Милены, первой дщери, и Осьмиглаза, волхва, служителя Ярилы в Случье, и о том береста; Бушуя, кротка и вселюбива, едва вступивша в зрелость, названо вече Дреговичским князем. И продлил (он) род достойных; ради храбрости и стойкости в невзгодах прозван от людья Бушуй-Тур; имя и слава (его) донныне украшают землю.

Поча княжити в лето, егда Водима противостал казарем, а Луд опошний раз отчалил от Киевской пристани; в то время в Дреговичи вновь вступили ятвязи, сложившись с корсеми; быша еще в недругах дреговичи с полотою и с радимичами; бежали (радимичи) от казарей за Сожь, в дреговичские пределы, и насилили тамо, отнимая у людья обилие и угодыя.

Тяжкое наследие принял Бушуй-Тур, але прося бозей о помощи, тружался во славу их неустанно; желанья возвышают мужа, желаньями созидаются народы, желаньем творится и вера. Обретает совершенство (человек), коли помнит во всякий час: есть многое на свете, еже значительнее и лутше его; глядя (только) на себя, не увидишь мира и себя не обрящешь. Впроси Бушуй-Тур радимичей, пойдут ли супроть казарей. Отреша: «С тобой нет, ибо слаб». Рече Бушуй-Тур: «Желающий воли от себя (ее) и получит». И прогнал радимичей за Сожь, грозя впредь выдавати насильников казарем, яко беглецов. Потом оборотился супроть ятвязей и корсей; подстерег на Виляти⁵⁸, окружил, говоря: «Не хочю губити, но проучити. Отдайте мечи, зарекши ся впредь искати чужое». Они же отвергли; велик позор лишился оружия. И вновь послал Бушуй-Тур к ятвязем, предлагая замириться. Ответили с небрежением: «Еще без брады, а поучаешь, еще не побежден, а унижаешься о мире». И велел тогда Бушуй-Тур дружине посечи окруженных, и посекли до единого; плакал о них князь, быццам о сородичех,— была же то первая сеча (в его) жизни.

Вскоре Бушуй-Тур урядился с Полотою, великодушно разграничив волости; затем пошел с дружиною в Кривичи и в Ильменские Словене и соединился с войском Водимы. И отступили казаре поле многокровоной сечи.

В то время вокняжил на Руси Дмир. Неждан, нагря-

нул в Киев к полянем и наказал за мятеж и непослушание, а князя и иных из нарочитых мужей повесил. И было неслыханной жестокостию. Горели селища, и мертвяки устилали Кыявье, некому было схоронити. И ужаснулась Словень, и позвал Бушуй-Тур княжью думу. Съехались в Турье князи вольной Словени и Дмир от запорожей. Рече Дмир: «Хочю быти первым средь вас, уставлю землю с помощью вашей и прогоню казарей». Рече деревлянский князь: «Аз хочю приняти почет первокняжителя. Деревляне чтут бозей, николи не отступая, дани никому не платили, чюжого не брали, варязей не кормили и братьев не вешали». И поднялся спор, и в страсти хватались князи за рукояти мечей. Рече Водима: «Разъедемся, худой мир лутше доброй усобицы». Бушуй-Тур возразил: «Посмеются вороги несогдасию промеж нас. Урядимся хоть о белой волхве». И устави, не пререкаясь, давати для заглавных свя-тищ от княжьего двора, а за ильменьскими владыками подтвердили право наряжати волхвов и прорицателей-кудесников по капищам, идеже пожелают; вменили князем допомогати белой волхве ради общего летописания, урекая, что каждый (из князей) смотрит со своего крыльца. И было (то) важным уставленьем и заслугою Бушуй-Тура; он же, не справившись у волхвов, николи не починал дела, сопряженного с последствиями.

Разошлись князи без радости и принялись за свое, земля же наполнилась тревогою: в канун Купалья объяви ся в небе хвостатая звезда, и хвост извивался, яко у змея. Проницатели судеб сказали: «Се час исполнити последний долг и успокоити совесть».

Воротясь в Киев, Дмир сыскал посадника из полян и, умиротворив тако племя, пошел с дружиною в Запороги; чиня суд и расправу за неблюдение законов, справедливостию вернул покорность; варязем же ставити опричные станы воспретил, указав (им) место серед русьских. И спустился от Запорог в Белобережь, и возвел новое остережье взамен разрушенного казарем, укрепив его крепкими стенами и вежами. Пойдя в Сурожье, затвердил мир с казарем; на Доне понудил русьского князя к послушанию; Купаньского князя, самошника, заковал в цепи, а вместо него посадил своего мужа. Почуяла Русь единую волю, яко дети кровлю отчего дома. Прибыв в Корсунь, Дмир урядился о тор-

гах; достигнув с посольством Царь-града, пировал с цесарем, назвав ся союзцем и поклявшись не разорять боле гречской земли; цесарь же обещал пускати русьских купцов со товарищи в Царь-град и ни в чем не чинити утеснения, буди в менех, в постое, в поездах или других свободах. Еще сговорились супроть казарей и угров, и согласися цесарь брати в службу русьских князей с дружиною, кто пожелает ⁵⁹.

Разменявшись подарками, Дмир вернулся. По весне нарядил богатое посольство к моравем и к болгарем, и к немецкому хакану ⁶⁰, и всех просил о дружбе и совете. Казаре же следили за Дмиром, аки волки за овцою; прознав о его делах от соглядатаев, рече хакан: «Надобь убити Дмира, добьется своего, не силой, так хитростию. Проведайте, не жертвуют ли послы Дмира уже нашим богам?»

Вскоре Дмир вступил с дружиною в Тиверь, яже заспорила с влахами за устье Дунавы; и разбил (Дмир) воевитых влахов; тиверский князь в благодарность назвал ся меньшим. На обратном пути в Киев пировал Дмир с князем уличским, и случися ссора; не ведомо, кто обидчик, але убил Дмир на пиру уличского князя, взял его жену и навязал уличам своего посадника. Попритихнув травами пред бурей, взирали народы с удивлением и страхом: что дальше? И вот собрал (Дмир) еойско, какого еще не собирала Словень,— вся русь с варяземи, и уличи, и тиверцы, и деревляне, и дреговичи с Бушуй-Туром, и сказал уграм, еже перешли Непр, отбиваясь от казарей: «Се наша отчина, ищите себе другую». Угры сказали: «Давно хотим, идеже сидели обры, предки, такова воля бозей». И ушли ⁶¹, а Русь заступила перевозки и сразилась с казареми, и было (то) началом большой и долгой войны. И хотел Дмир ийти по Дону в Белую Вежу, чтобы вырвать сердце хакану, и русь донская тянула, але деревляне и дреговичи уговаривали битись с казареми в Словени; и уличи упирались на Дон. Тяжкий выбор пал на Дмира, он же всхотел кругом поспети. Пошел борзо в Поляны и, легко разбив казарей, очистил Полянскую землю и наполовину Сиверей; неволею отпустив по домам деревлян и дреговичей, стрелою полетел к Дону, делая переходы в день и в ночь. И опять разбил казарей в ожесточенной сече, але Белую Вежу не одолел, слишком высоки быша сте-

ны; опустошив окружье, скокнул к Воложе и внезапно явился возле Итиля; и поднялось смятение, хакан же бежал из града уже без надежды. И узрел Дмир на пристани купецкие корабли, нанятые грецами, и отнял, перебив корабельцев, взял без счета серебра.

Молнией сверкнул над Хвалисами, и тамо добыча была огромна: везли (ее) на тысяче возов; одних невольников за двадцать тысяч; але много погибло, изнувшись от жары и безводья. Не пройдя Сурожья, послал гонцов в Киев и в запределье — набирати новую дружину. В тот же час послал и к хакану, прося замориться, и знал, заморенья не будет.

Теперь о Водиме ильменском, дабы прояснилось, отчего Бушуй-Тур склонился к Водиме и отверг дружбу Дмира. Изгнав казарей, соединил Водима племёны Полнощной Словени супроть варязей, и быша союзниками полота и все кривичи, веси и чудь, ибо варязи, заняв Лукоморье, обложили данями чудинов, воль и иных из весей; держа Ладожь, подступали к Славграду; тщились пробиться к Непру по Дугаве, полота же костью легла, але не пропустила; помогал полочанам Бушуй-Тур. И сошелся Водима с варязьми на Волхе; рублились те и другие с яростию, не желая уступить, и дрогнули варязи, храбрые в натиске и умелые в сече, однако самотреги, мало выносливы и терпеливы. Отошед, погрузились на корабли и отчалили за море.

И пришед к Водиме, Бушуй-Тур подивился упорству сечи, славил с победою и рече: «Вот (моя) дружина, коли надумаешь в Ватичи или Радимичи». Отрече Водима, печалась: «Варязи изнове нагрянут, ищут поживы, а наших уже мало. Не пойду ни в Ватичи, ни в Радимичи, боюсь ссоры с Дмиром; коли встанет супроть мя, не обрящет Словень покоя». Рече Бушуй-Тур: «Назови Дмира первым князем — и перестанешь тужить». Отрече: «Назвал бы, да глядит на Полдень, нами же помыкает».

Пишо и мысля: и Дмир не пошел дальше Полян, чтобы не столкнуться с Водимой. Ныне не докажешь, тако ли, сяко ли, но дума упорна: оба ведь были великие мужи и радели о Словени, зря дальш своего хотения, и знали предел своеволию.

Быстрыми водами уплывает жизнь. Только созреет

замысл, только изощришь ся умением и отыщешь друзей, глядь, те в могиле, эти уж недруги, и свершить замысленное опять нету силы, а умение иссякло, яко криница.

Гляжу на развалины древлих градей; шепчут им леси и ветры, понять же бессильны; тако старые люди, окруженные детьми и внуками; глаголят старикам, уразумети же (их) речь не могут. В свой черед поймут, когда слово пронзит судьбу, осядет в сердце неисходною болью; старость обнажает истину, идеже словы излишни или беспомощны; выходящему в путь все ясно, вернувшегося из странствия грызет тревога, и прошлое кажется сном.

Понеже бози не следят судьбы, а беды неисчислимы, и правда обретает ся единоборством, неразумно покорствовать; в покорствии неможно постичь волю бозей и снискать благорасположение Неба; пристало (нам) мятежнати супроть ся, возмущатись противу течения злых событий. «Колеби опоры ради новья прочности их, потрясай душу ради новья чистоты ее», — учил владыко Дунав, и разве не так? Не эта ли заповедь иссечена на столбех в святище Хотежскоом? И коли гибнут мужи в дерзании, не свята ли погибель?

Се пировал Бушуй-Тур в Слав-граде, и прибыли к Водиме гонцы от Дмира: «Помози набрати две тысячи варязей и дай проводника, спешное мое дело». Ответил Водима: «Опоздал, князю, прогнали варязей, понеже тащили из-под нас наше, насиля и беззаконя. Коли нужда в варязех, пошли от варязей, пусть наберут за морем, пропустим без задержки». И явились вскоре от Дмира Асколд, Ронал и Рорик, нарочитые мужи, варязи, жившие в Запорожех со дней Бравлина и знавшие хорошо русьский обычай; ходили в походы, покрыли ся славой в Грецах и под Белой Вежей в Казари. Принял их Водима, яко друзей; с попутным ветром отплыли мужи Дмира за море; вернулись на многих кораблех с дружиною, и Водима дал провожатых. Але спозднились варязи ко Дмиру, ожидавшу в Къеве: войско его, посланное к Порогам с воеводою, разбили казаре на Волчьей реке. Бессчетно ворогов сразили русьские вои(ны), але и сами сложили буйны головы. Тужил Дмир крепко, обвиняя Водиму: не прогонял бы варязей из Ладожы, приспела бы подмога. И разладилось

меж ними, и стал подстрекати Дмир против Водимы, творил (ему) неудобь, причиняя убыток и урон, а спохватился, свершилось уже роковое.

Говорят, людье содеяло то или не содеяло се; а ведь людье — завседы Кот да Паря, Сиволап да Крючок. И се подпихивал Дмир ежа под Водиму, хуля (его) через своих мужей и возводя напраслину, ильменьцы разгорячились и стащили князя, взяв себе другого. Ушел Водима с женами и детьми, со всем домом в Полоту, а потом в Дреговичи, в Турье; тамо до сего дни покажут «терем Водимы», але то не Водимы, но сына (его) Всесвета, убита в ссоре на свадебном пиру.

Разбрелись без Водимы племёны, яко овцы без пастьрыя; егда же нагрянули снова из-за моря варязи, не сыскалось (никого), кто встал бы супроть; заняв Лукоморье, всхотели варязи пустити корени глубж и пахали мечем от Ладожки; уставили неслыханно легкие дани на кривичей, на чудь, на водей и на мерю; ильменьцев обложили тяжко, с весей не брали вовсе; грабители однако не ходили, обид не чинили и рассуживали по совети; князем взяли себе Трувора из варязей-руси. Трувор служил еще Бравлину, сподоблен был русьской речи и знал обычай. Хитрили алчные находники, искали потиху перессорити племёны, развести их друг от друга; боялись однако, како восприимет злочиние остальная Словень и Русь. Дмир промолчал, ибо дела его шли хуже и хуже. Казна пустела, стало нечем платити (варязем) за службу; вои же роптали, не желая временити. И греки пристали с уплатой за корабели, взятые в Хвалисах, и назначили срок. Отчаянна бе дума Дмира и роково решение: вести дружину и союзцев уличей, тиверцев и полян на Царь-град. «Такобуде вспомогут бози, — рече (Дмир) ко гридем, — всем дадим со щедростью, не вспомогут, кто станет пеняти?» Сыскался вскоре и предлог. Бесчиня, казаре понудили русь с Дона, и бежала (русь) на Купань, осилив тамо казарей, ибо сложилась с тамошними племёнами. Греки из Корсуны и Сурожи, обязавшиеся неколи пред Дмиром препятствовати своими корабелями казарем, если замыслят ийти по Дону, злокозненно пропустили (их). Много руси погибло, когда казаре внезапно высадились близ Купани.

Поиде Дмир с войском в Корсуньскую землю, и бе

жесток, и взял дани, сколько захотел. В другое лето, сговорившись с болгарями ⁶², пошел в лодях и на конех в Царь-град; и подступив, бил ворота быками ⁶³; обрушив стену, сражался в проломе, смущая грецей храбростию. И поспешил цесарь ⁶⁴ заключить мир ценою огромной дани, и на радостех понудил Дмир христиться иных из нарочитых мужей; христились варязи, русь и другие словени не всхотели оставити своих бозей. И возвратися Дмир в Киев, и были все довольны походом ⁶⁵. Асколда же, варяжина, поставил Дмир воеводою.

Торопим события. В них же зерно погибели.

Весною, едва прилетные птицы почали вить гнезды, реша варязи ко Дмиру: «Пойдем еще в Царь-град. Возьмем, еже не додали (греки)». И увещал (их) Дмир оставити замысле; как раз принесли весть, собирается казарьский хакан в большой поход; варязи же смеялись заботам руси, еже орала свои поля. «Не поведешь, князю, сами отыщем дорогу и получим больш, нежели у тя». И было мятежем и непослушанием, ибо заплатил Дмир варязем наперед. Унизив ся, просил Дмир остаться, але они, седлая коней, сказали: «Вдвойне вернем твое серебро». Оскорбясь глумлением, повелел Дмир Асколду схватити верховодей и зачинщиков и казнил (их) в Киеве и по запорожским станам, дабы все уверились в его непреклонной воле. Других варязей вовсе прогнал со службы, ниже Ронала и Рорика, поколебавшихся в верности присяге. С оставшейся дружиной решил однако идти на Царь-град, и бе в неволю. Гадали волхвы, и выпали худые вести: «Завоует завоеванное». Рече Дмир: «Нет уже отступленья. Бози с тем, кто победит; успокою недовольных удачей. Пойдем с купанями в Казарь и тамо поищем». Снова принесли жертвы и гадали, и знаки выпали еще хуже: «Казарей не сокрушишь, свою славу надвое преломишь». Рече Дмир: «Что теперь со славою моею?» И выстupil по Непру, и прошел мимо Корсуня. Корсунцы же известили цесаря Михаила: «Правит в Купань, станет домогатись в Казари, хочет еще на Царь-град». И подговорил цесарь казарей осадити Киев и обложити Запорожские станы. И было ударом в сердце. Дмир же еще не знал, пируя в Купани.

В дни, егда вскипел Непр от гребей, и побелело от парусей, и людье, толпясь по бережи, провожало вой-

ско Дмира в поход, сгадали Водима с Бушуй-Туром и деревляньским князем Урехом прогнати находников-варязей и вновь взяти Полнощную Словень под единую руку; негодовали нарочитые мужи в Деревлянех и в Дреговичах на Дмира: пускает на торги в Киев, а дальше не пускает, требуя пошлины быццам от иноземцев; русь да варязи возят меха и меды древляньские и дреговичские в Греки, возвращаются с богатыми куплями, с паволоками, узорочьем и всяким невиданным овощем. И обещал Водима, утвердся на столе в Слав-граде, пойти с Урехом на казарей в Радимичи, Ватичи и в Сиверы и поможти Уреху сести в Кыеве, от века граде деревляньском, дабы купцы без препон ходили в Греки, в Корсунь, в Персь, куда пожелают; Дмира же, своевольца, порешили лишити силы.

Искал, снедаем любопытьем, что обещали князи Бушуй-Тур, нигде не нашел; упоминает Искорстеньское Книжие, быццам ходил Урех с ятвяземи супроть варязей; какие варязи, не указано; верно, из тех, иже разбоили на Висьле и Немени.

Гладко языком водити, да шершаво глотати. Умыслили одно, получилось иное. Выгнал Водима варязей, иных перебив, других полонив; захватил и несколько корабелей со снаряженьем. Назвали его ильменьцы князем, другие же под него не всхотели: ни Кривичи, ни Весь, ни Чудь; мери промолчали, не ведая своей выгоды. Больше всех мутила Полота, перешептываясь: «Неспроста Бушуй-Тур и Урех допомогли Водиме, поделят нас меж собою». И почались усобицы, и мстил род роду за неверное слово, и пролитая кровь умножала вражду и подозрение. Видя свершающесея, кручинил ся деревляньский князь Урех, понеже Водима не мог уже исполнити обещаний. Едва казаре обступили русьские станы в Запорогах, вошел Урех в Киев, назвал ся великим князем и другом казарей. И было началом нового безумия.

Бушуй-Тур, князь дреговичский, разойдясь с Води-мою и Урехом, умре в те тревожные дни, и ходила молва, отравлен сыном своим Всемиром, взявшим в жены дочь Водимы Забаву. Отвергнути не могу, поверити не хочю: ужли человек столь многоязык? ужли в единой груди уживется честный и бесчестный, щедрый и скаред, храбрый и трус? Увы, коли так: обманет ся чело-

вец и не заметит, и будет (то) последним роковым обманом.

Не попросися Всемир князем в Дреговичи по смерти Бушуй-Тура, велми порочило подозрение; пошел в ильменьскую дружину сотником, и за то долго не благоволили к нь волхвы и старейшины.

Казаре же собрали огромное войско, больше 60 тысяч. Похвалялся хахан: «Рассядусь на Словени; пить буду из Воложи и Дугавы, ноги мыть стану в Непре и Доне».

Дмир, прознав, что в осаде Запороги, вернулся в спешке и сражался неудачно; не зря рекут «поспешенье — конец разуменья»; погуби немало людей в бурю, в Белобережи угоди в засаду под казарские стрелы. Однако пробился к станам и отогнал казарей. Уреха же, севша в Кыеве, поклялся рассечи надвое. И запамятовав, что перехитрит себя хитрящий, сговорися с хаханом о корыстном. Сице накрыла Словень черная туча, и светило Солнце (сверху), внутри же человек лишился тепла и света.

Позва Водима в Слав-град полнощных князей, и сошлись, будто на свои похороны. «Зачем первый? — вопрошали, ковыряя затылки. — Али сами собою володети не можем?» Рече к ним Водима: «Завтра придут казаре, кто поведет племёны на брань? Захотите мя, буду братом и отцом». «Тебя не хотим, — сказали. — Како брат, (ты всегда) старший, како отец, безмерно строгий. Не останется нам воли подле твоей». Водима рече: «Назовите, кто люб, приму с покорностью». И загудели шмелеми над скошенным луговищем, сговоритись же о лутшем сред ся не могли: изьян правит серед почитающих себя без изьяна.

В то время пришли в Слав-град Дивий и Сивко, старшины от Запорожской Руси, мятежившие супроть Дмира; в споре великого князя с варягами держали сторону Ронала, варяжского воеводы, ибо тоже хотели за добычей в Греки; наказаны Дмиром, с полком русичей бежали в Кыев и быша с почестию привечены Урехом, древяньским князем; Урех подговорил Дивия и Сивко пойти в Слав-град и стояти за варязей-русь, помышляя толкнути варязей супроть Дмира. Едва полнощные князи позволили думати русичам, те сказали: «Нам все равно, лишь бы урядитись о единой голове. Слыша-

ли (мы), быццам неплохо служили словени варязи-русь, и мы их добро ведаем. Посредничая, не держат ни сынков, ни пасынков. Коли поклянутся блюсти закон и обычай, что еще надо? Казаре приидут, варязи-русь пособят, и от варязей огородят». И склонили думцев. Один Водима возразил: «Не спите, братья, а сны видите. Не будет по-вашему, але по-ихнему. Укусишь ли потом локоток?» И были на думе белые волхвы. Могли еще повернути; они же, недруги Водимы, говорили свое, а не божье, и от неприязни, а не от широты ума; пеняли Водиме, что три лета не давал на святища, но тратился на мечи и лодии; варязи же почитают словеньских бозей, говорили, жертвуют богато, и перечисляли (от них) подарки. Безумие, безумие, доколе в жажде насолити ближнему будешь терзати народы? Доколе глупцы будут попирати мудрого и трўсы проливати кровь мужных?

Сказали владыки: «Когда вси господа, пити несет слуга. Зовите варязей-русь, пусть присягнут богам и князем. Сколупнем, коли не по нас». И положила дума позвати изгнанного Трувора, а с ним Ронала и Рорика, хвалили же обоих прежде всего за ссору с Дмиром. И нарядили посольство за море, от племени по нарочитому мужу, и были послы от Кривичей, от Чуди, от Веси и от Мери; Всемир от ильменьских словен, Сивко от Руси, от Полоты же никого не было, ибо передумали и варязей не захотели. Реша послы: «Земля наша велика и обилна, а порядка нет, ибо нет (нам) судьи. Приходите судити по справедливости и рассуживати по закону»⁶⁶. Трувор отрече: «Аз есмь стар, хочю взяти шурина». И взял Синеуса. И пришли Трувор и Синеус со своими мужами, а Ронал и Рорик со своими. И клялись в Ладожи оружием на верность словеньскому обычаю. И скрепили клятву грамотой: землю ильменьцев, веси, кривичей, води, чудин и мери стеречи и опекаати, под князей, своими столами володеющих, не копати, бозей, сущих по Словени, почитати, святищам жрети; взаем дали варязем (право) торговати безмытно и обещали мзду на каждого. Владыко Творимир в «Песнопениях» ручается, еже зрел грамоту в гриднице Олги; идеже ныне, не ведомо; бе варязем яко щепа в глазу.

И посели варязи в Ладожи; Трувор, стар и недужен, але мудр и мягок нравом, попросился в Слав-град, и

Водима дал ему лутший терем. И се вменил Трувор Синеусу уряжати от своего имени рози меж племёнами. Ронал же и Рорик оставались в Ладожи⁶⁷, идеже было торжище, и почитались Труворовыми воеводами.

В то время приде из Руси Асколд со своими мужами, говоря, что наскучило служитьи Дмиру. И радовались Асколду Трувор, Синеус и Ронал, ибо был Асколд честен и храбр и снискал кругом громкую славу. Рорик же, скопище пороков, але сокрыт до поры, подобно неизлечимому недугу, люто взненавидел Асколда и строил ковы, твердя повсюду: «Вот соглядатай Дмира и приспешник, ищет место Трувора, других хочет отеснити». Рече князь Водима по наущению Рорика к Асколду: «Ступай прочь, нет тебе веры». И ушел оскорбленный Асколд к запорожам; Дмир же принял его вновь на службу с почетом.

Едва ушел Асколд, Рорик поча наговаривати и на Ронала, приписывая недружелюбие к словени, умыслье поссорити ильменьцев и кривичей с чудеми и весеми. И было наветом, ибо Ронал блюл уставления, а Рорик не блюл; считал ся равным Трувору, будучи древлего княжьего роду; трижды молвит Трувор, прежде нежели услышит Рорик. Двоедушием обманул Водиму, слывшего проницателем человецей; проницатели ведь больше всех ошибаются, понеже хотят зрети слишком многоз даже в малом. Остерегали Водиму: «Сторонись сего мужа, коварен, боятся его дети и псы». Водима же не внял.

Замыслив изгубити Ронала, позвал Рорик его на пир; упоив велми, отай утопил в котле с брагою; сунул (туда его) голову и держал, доколе не захлебнися. Оставшись один в Ладожи, почал Рорик укрепляти градские стены и умножил дружину сверх уговора, принаняв варязей на свое серебро. Впроси Водима: «С кем хочещи бранитись?» Отрече: «Мало даете», и было обидой для Водимы, ибо давали по уговору.

Приехав в Белоозеро на охоту, увидел Рорик дщерь весьского князя, малолетку, и взял (ее) силой, вено же отцу не дал, говоря: «Рорик уже вено». И передали Трувору. Трувор сказал: «Прогоню Рорика, нарушил клятву». И послал Синеуса. Рорик же обманул Синеуса и схватил его в Ладожи како заложника; поспешил в Слав-град, хитростию проник к Трувору, притворясь,

будто разминулся с Синеусом, и лишил Трувора власти, назвав ся первым среди варязей-руси⁶⁸; пугая лютой смертию, понуждал Трувора отречись прилюдно, але без успеха.

И вступися Водима с дружиною за Трувора, собрати же всех мужей не успел, окружили его на подворье изменники и клятвоотступцы, и была сеча, и немногие из дружины уцелели; Всемир, тяжко ранен, добрался до плочи и ударил в зазывало. Сбежалось славгородское людье и стало побивати варязей каменями, але варязей было множество, приспела еще дружина Рорика из Ладожи; и запалили варязи город; искавших выбраться из пламени убивали, буди стар или млад. И схватили князя Водиму, и отсекли голову. Идеже погребен сей достойный муж, неведомо⁶⁹.

После того как Слав-град был сожжен, Рорик заложил неподалеку остережье и назвал Новгородом⁷⁰. И срубили княжий терем наподобь вежи. Упоминают, при Олзе иноземных послов водили в «палаты Рорика», аз же нигде не видел даже следов.

И пошел Рорик с мечем по земле, кую поклялся блюсти и стеречи, твердя облыжно, быццам ищет «людей Водимы»; расправлялся жестоко с каждым, кто не кланялся в пояс. Князем от словени и чуди льстиво внушал, Водима домогался первого стола, он же, Рорик, исполнил повеленье Трувора. И отправил Трувора в Изборье, приставив своих слуг, так что доживал князь узником, не смея явиться пред люди. Синеуса же затворил в Белоозере и тоже опекал соглядатаями, яко безумеца. Невыносима была ложь, але обыкает людье, боясь до поры несправедливости к себе больше, нежели к другим. Едва успокоилось, повелел Рорик удушити Синеуса; а Трувора, дряхлого старца, извел отравой; схоронил обоих с почестью, дабы отвести (от себя) подозрение.

И настали дни, предреченные Водимой; начаша варязи утесняти и словеней, и чудь, и весей, и мерю, и не знали удержу в грабежах и насилиях. Понравится варяжину чужой конь, возьмет коня, понравится чужая жена, придет за женой, а кто воспротивится, того прибьют на месте. И поднялся ропот. Сказали словенские князи и старейшины от чуди: «Почил Трувор, пора рядитись с тобою, Рорик». И сказавших о ту же ночь уби-

ли; убили и слышавших слова. И поставил Рорик вместо убиенных мужей холопствующих; какой род или племя не приняли, остались и вовсе без князя, с посадником. И тогда побежали люди, бросая поля, целыми родами; устремились к полудню, але ведь и там поджидали насильники-казаре. И всполыхнул гнев, и покусились отважные на Рорика, чудом избежал смерти; испугавшись, обещал уняти бесчиния, теперь уже нещадно карая варязей, уличенных в неправде. Коротка и легка людская память, — дай надежду, и примут все тяготы безнадежья; почали хвалити Рорика: вот кому любя справедливость! Правя суд на вечевой плоче в окружении гриди, подражал Рорик римским цесарям; ища поклонения и славы в непрочных языцех, оправдывал бедного и слабого, осуждал богатого и сильного; але бедные и слабые оставались бедны и слабы, богатые не теряли богатства и всеильные не утрачивали влияния.

Мечтал Рорик о постыдно великом, часто повторяя: «Годи, предки, покорили полмира, мы покорим целый мир». И выступив с дружиной, в лето примучил Мерю и Мурому и победил полочан, однако потерял (при этом) многих мужей, ибо за один с Полотоку встали дреговичи, ими же воеводил Всемир. И вошел Рорик в Полотсь. И все грады, Изборье, Росставье, Муром и Полотсь, раздал нарочитым мужем, прежних володетелей казнил или оставил при себе в пустом услужении. И уладился с казарями, поделившись полюбовно. Але чуял (Рорик) со страхом: грядет беда с Полдненья, и ненавидел Дмира, и Асколда ненавидел, подсылал убийц, але втуне быша усердия.

Чтох у достойных про Рорика, имя ему от отца подлинно бе Трориг, означавшее «печальный». И было, умре мати Рорика, беремиця, до его рождения. Реша прорицатели к отцу: «Се знак Неба. Бози не хоцут спасти чадо. Навлечет беду на мнозие роды». Але отец не внял прорицателем и выпростал чадо из мертвого уже чрева. Сице народися Рорик, бич чловецей.

Продолжю однако о Дмире; воротясь в Запороги из Итиля от казарьского хакана, затеял брань с деревлянами, с Урехом и (его) преемниками, перемочи же не мог; деревляны радели о славе предков, почитали Перуна и поклонялись судьбе; презирая опасность, поко-

рялись только мертвые; в лесех ходили налегке, без брони, в поле же укрывались тяжелыми щитами и рубились топорами о долгих рукоятях. Русь приобылка сходитись стройным полчищем, подобно грецем и варязем, деревяны же бились по старинному обычаю, разойдясь цепью, хитрили, отступая и наступая, и завседы находили уязвити противника. Трижды пробивалась русь до Кыева и трижды поворачивала обратно, ибо дождем сеяли деревяне со стен града стрелы, и каждую в цель; вспомогали деревянем поляне, принимая русь, яко обидчиков.

Могуча буря, сила же в спокойствии. Все утишается, и лишь безмолвие вечно. Быша деревяны бурю, русь спокойствием. И одолели, и заняли Кыев в лето, егда рассорися Асколд с Рориком и Водимой. И пришел Асколд в Кыев, и показал ся ревнителем русьского обычая, како ведь и случается ингда меж великих иноплеменников, одержимых жаждою свершений и жертвующих бозем без сожалений вси дни судьбы. Плакал Дмир, вспоминая о былых походах, сице плачет лыбедь с пораненным крѣлом, видя отлетающих (товарищей). Рече: «Аз есмь еще не стар, и могущество Руси еще высоко. Чихаю, слышат в Царь-граде и Итили, пускаю ветры, рвут парусы на Варяжском море. Ищут дружбы моей болгаре и моравы, и лехи, домогаются привета угры и волохи, трепещут корсуньцы. Тряхнем силой, пойдём на Царь-град, давно не дарили нам червонного злата, и мечи давно не вострены о серебряные шеломы». И было красиво и многословно, како бывають речи старцев, желающих имати, еже имати не могут. И собрал (Дмир) великое войско, взяв варязей, уличей и кривичей, бежавших от утеснений Рорика; принеся жертвы бозем, отчалил от пристани. Дошед до Понизья, Дмир тяжко занемог. Рече ко дружине: «Что лист, павший с дуба? Поведет вас к славе мой сын, а при нем воеводою Асколд». И возвернися; сыну же его, именем тоже Дмир, было двенадцать лет.

Гадали волхвы княжичу о судьбе, и выпало несчастье. Рече юный Дмир: «Бози предрекают неудачу, отец же повелел идти, послушаюсь отца, прежде мира сего дан (нам) от бозей». И полюбились словы дружине, и пошли борзо, и достигли Царь-града, але поднялась буря и разметала русьские лоды, немногих ут-

шил обратный путь⁷¹. Асколд разлучился с княжичем в море и уверил ся, еже погиб. Вернувшись в Къевь, Асколд с плачем поведал о бедствии. Сказал Дмир: «Горе мне, погибла дружина моя! Горе мне, нет больше сына моего! Стану ли еще жити на свете, если бози надсмеялись над отцовским благословением моим?» И повелел руси искати себе другого князя; отдав все распоряжения и обиходив, что мог, взял меч и с твердостью поразил ся в сердце. Сице окончил дни великий муж, свершивший небывалые подвиги во славу рода; был же велми мудр, но неосмотрителен; чаще следуя чувству, нежели разуму, изведал горести и радости, иже выпадают человеку. Дмир первый на Словени ввел в обыкновение зиждити святища и алтари из камней и жрети в священных сосудах из злата; первый составил «Назидание», впрочем не сохранившееся; сказают, погребло при пожаре. Одно из множества размыслий Дмира приведено в Володимировом «Изборнике дивных речений»: «Делайте больше ошибок так, чтобы делати (их) еще больше; жизнь истекает, коли уже не ошибаются и (стало быть) не поправляются. Если пред вами тяжкий выбор, изберите (все-таки) путь, идеже можете еще ошибаться; сытостью не прельщайтесь, сладок сытый день, але горьки сытые годы, не оставляют следов в памяти; не прельщайтесь и безмерной славой, многославному уже мало радости в мелких поступках, они же всего дороже».

В совершенных по красоте словех сокрыто несовершенное, и разумное одному (человеку) неразумно для другого. Однако красота всегда утешает. Мир разделен на землю и воду; тако и людское слово поделено на веды, словы, иже внушены Небом, и речи, еже придуманы людем. И се древнее пословье: «Ведун — молчун, реченью чужд, не чешет уст». Истинная красота не бывает многословной и прихотливой в зримой сути.

В последний день тризны по Дмиру пришел в Киев пропавший сын; лодию его выбросили волны на берег в Болгарех; болгаре дали коней и провожатых. И взликовала печальная Русь, возгласив Дмира князем всея Руси, понеже присоединилась русь от Дона и русь от Купани. Рече Дмир: «Замирюсь с грецами; лишениями толкает (к этому) судьба моя». И отправил Асколда с посольством к цесарю, дав наставления, и были то на-

ставления не отрока, но зрелого мужа. Уставил Асколд прочное соузье с грецами; урядились о торгах, торжищах и торговых людех, ниже о спасении бедствующих; цесарь милостиво освободил более ста дружин из словеней и варязей, полоненных в бурю. В подтверждение добросердечия и с позволения Дмира Асколд и иные из свиты христились вере греческой, ибо таково было желание цесаря ⁷².

При Дмире-сыне не было больше походов за море, воевала же Русь постоянно с казарьскими племенами, нападавшими от Донца; торги были преогромны, везла Русь в Корсунь и в Греки меха и меды, холопей, воск и рыбу; домой шли с паволоками и с коврами, с кубками, сосудами из серебра и золота, дорогим оружием, узорочьем и диковинной овощью. Подобно Богомилу Дмир-сын не брезговал купечити, внушая гридем: «Много получит Русь, владея копьем, еще больш, пукаясь в торги. Але потребно знати себе цену, умом не дешевити и совестью не меняться». Сидела тогда исконная Русь от реки Медведицы до Понизья Непра, и возводили русичи новые станы, и прежние многолюдели, грады же богатели — Киев, Влешь, Обережь, Порожь, Родославь ⁷³.

Князь Трувор волхвам угождал и на подарки не скупился; Рорик же, лстя без меры, превзошел (Трувора) щедростью. Дивлюсь, откуда знал (Рорик) проникнути в сердце словенем? Мечем их не взяти, падут на колена, залиты кровию, але следом восстанут, отринув страх в презрении; не взяти и насилем: сколько ни бей, расстелются холопеми, поднимутся господами; не взяти и растлением, внушая покорность Року и толча совесть: почнут забывать память, предадутся беззаконию и бесчестию, але спохватятся и поразят чистотою помыслов и добродееанием. Взяти словеней (возможно) их же верою, их думою и мечтою, — последуют (даже) за злым духом, коли станет заклинати боземи. Пришел ведь Рорик, убив Водиму, тотчас к белой волхве с покаянием и, по обычаю, полз от Светлого Ручья до Влесовой Ступени, идеже вход в святище; облачась в белую сорочицу, шел, покóрен и бос, с простой головою, чтобы приобщитись Открывшейся Мудрости. Але было хитростью; добился Рорик, чего хотел, жертвуя трижды по сто гривен златом. Рече ко владыкам: «Ва-

рязи поклоняются Сварогу⁷⁴, словене — Перуну, се два имени единого бога. Примем речь и обычай ваш, примите (и вы) наше имя своему богу». Думали владыки, искали в древних Ведах и нашли: «Не спорьте об именах бозей, суетные языки и страсти искажают их, имя для всех одно — Вершение Жизни». Реши владыки: «Ради согласия примем». И позволили класти требы Сварогу по всем капищам. И было уставленьем в Полночной Словени, в остатних землях волхвы воспротивились.

Бе Всемир полóтьским воеводоу, але безначальным, Полота ведь лишилась стольного града и князя; князь прислуживал в Полотси посаднику Рорика. И стоял Всемир по берегу Дугавы на виду варязей, и ходил в лодьях и стругах до Земьголи, перехватывая чужие корабли. Узнав, что по святищам приносят жертвы Сварогу, Всемир рече: «Почтенны владыки, истинно (все), изреченное ими, доколе же будут однако выбирать сами себя? Не волхве ли решати о владыках, како племёны решают о князех?» И было кощуньем; владыки ведь, числом одиннадцать, избирали себе замену только по смерти (кого-либо из них); кого хотели, выкликали, кого не хотели, не выкликали, какие бы чудеса не содеал; волхвов же называла община из посвященных; волхвов племени одобряли владыки. И было от века; и вот увидели, и обычай стареет, а безголосица черной волхвы нестерпима. И всхвалили дреговичские волхвы Всемира; когда же Дреговичи искали князя, волхвы указали на Всемира, сына Бушуй-Тура, и тако перевесил соперников.

И поча княжити Всемир, и княжил долго; удача сопутила (ему) в замысленном. И увидел, бедствует Словенская земля, и никому не спрятаться во дни смуты; не убежати, не затворитись за высокими стенами: не заденет душу, заденет тело, минует тело, преломит душу; рождение и смерть не сопрячи, но нераздельны они. Округ же занималась кровавая заря: в Полотси снаряжали варязи войско, чтобы вконец примучить Полоту и завладеть Дугавою, науськивали ятвязей и чудей супроть дреговичей; быша варязем дреговичи костью поперек горла. Обочь, за Сожью, стенали радимичи, и казаре считали, сколько даней могли бы взяти еще и с дреговичей; деревляне, враж-

дую с русью, забыли о вечном долге пред Землею, Родом и Словом; ватичи, неколи могучее племя, обнидавшее мнозице племёны и простиравшее власть до Дона, смирились со счастьем данников.

И случися у ятвязей мор, и охватил Земьголь, и варязи, испугавшись, увели корабли из Дугавы. Всемир, распустив слух, быццам язвенный мор поразил Дреговичи, борзо вступил в Радимичи и разбил казарей; когда приспело новое войско, разбил и его. Бе сице: радимичи, измучены насиллем, страшились казарей; Всемир подпер их сулицей, поставив впереди (своей) дружины, и неволей одушевились на сечу. Радуясь победе, просили радимичи Всемира в князи, он же отказался, попросив, в свой черед, небольшую волость по Непру, идеже сидели смилы, и тамо, у селища, близ перевоза, поставил остережье и ходил по Реке свободно до Деревляней. Явися остережье по времени началом Смилени.

В те поры умре Рорик, окаменев в членах ⁷⁵, и варязи заспорили о преемце. И се Олг, воевода Рорика и сородич его, возгласил ся князем; тех из варязей, иже воспротивились, схватил и убил. Але убоясь соперников, именовал ся опекуном Игра, сына Рорика, еже бысть онгда детеск; другой сын Рорика Ралд умре прежде отца.

Искусен в бранех, суров и коварен в державном деле, Олг мудрости не насеял и любви не снискал; словенской речи не разумел и осмеивал словенские обычаи; при нем нахлынули в Словень варязи, и раздавал им земли ильменьцев, чуди и весей, ровно свои; с волхвой обходился строго, жертвовал мало и неохотно, предавался винопитию и игре в кости; самомнением же не уступал Рорику.

И поняли роды, какую беду навлекли на ся, прослушав советы Водимы и решившись на варязей, але поздно: и кто поднимал голос, гибнул без славы, и кто не поднимал, без славы же уходил; были токмо дни и не стало веков. Поклонись, травушка, могучему ветру! Нужда была совесть спасти, да не находилось совестливых. Нужда была гордость хранить, да перевелись горделивые. Осудити легко, смею ли осуждати? Просто глаголити, непросто дело делати, честь беречи — себя не жалети, мнозице ли ныне столь крепки

духом? О доверливость, ждешь с тоскою и болью. Ужли правы люди в неправоте, и бози не при чем?

Скажут старики, со дней Олга пошло называти пришлеца и недруга варягом, врагом или, како уже рекут, ворогом.

Встали радимичи на дреговичей, за пустяк всхотели переведатись силою; в бранех примерещилась им правда; увещал Всемир, але втуне быша увещания. Иные сказают, получили радимичские князи от варязей подарки и посулы вечного мира, иные заключают, казаре коварством толкнули радимичей истощити себя в напрасной брани; аз не ведаю, следы затерялись среди пролитой крови.

Увы, сохранить величие труднее бывает, нежели обрести; утратити мир и счастье легче, нежели найти. За что грызутся во дни общего лиха, пеняя летошнему дождю за зимнюю стужу? Говорят, как могли бы — и не могут никак. Радимичи и дреговичи посекают один одного, засевают гневом поля скорби, деревляне с русью за невид бесчестят друг друга; радуются вороги недомыслию, атакуют. Велик ли ум венчающих ся величием? Не в мелочех ли иссякает? Долга ли людская благодарность? Не короче ли тени в полдень?

Дмир-отец пред кончиною уразумел, еже навлек пагубу, позвав варязей в совещатели; Дмир-сын, лишившись трезвости в распрях, изнове обратился к варязем. И обещал Олг прислати лутших мужей, прикинувшись другом, и не распознали; потребовал наперед злата, зная, что нету, и сказала Русь: заплатим. Але идеже было взяти? Идти в Казарь? — много не наскребешь, да и самим хвост укоротят, притомилась дружина — вражда и побоища без конца, границы в штодневной тревоге. Идти в Греки? — мало силы, и толкнут казарей, завели промеж ся опасную дружбу.

Сице, слабая, утрачивают мудрость, беднея, роняют достоинство. Повел Асколд дружину в Купань, оттуда, соединив полки, в Абесун⁷⁶ и разбивал хвалисские грады; воротился с добычей скупой и тощей: хватило на шапки, иже сносили в походе, а на тризну павшим уже не достало; боясь сраму, стали побирати для варязей, и повеле князь гридем срезати золотые застегки с платья. Уведомили Олга: «Посылай своих мужей, дадим за вид, когда же рассечем выю ворогов, деревля-

ней, добавим за доблесть». Олг рече: «Пособлю супроть деревлян, готовьте мзду». И не могли остановити, обедневшему ведь горше всего показати ся бедным, оглупевшему глупым, обещеченному бесчестным. Олг же отправил послов к деревлянem: «Коли пособи́те, сокрушю русь; хочю без запинки ходити в Греки, вам отдам Киев и другие грады». И обещали деревляне, переключав самих себя; рассудили сиче: истощатся варязи, побивая русь, станем повелевати теми и другими. И послал еще Олг к дреговичам: «Уступите Смилень на три лета, отдам с прибытком». Смилень же как раз была у радимичей, ибо ушли дреговичи с дружиною супроть ятвязей. И держал Всемир думу со старшей чадью, и согласились на варяжью хитрость, говоря: «Вернем Смилень чюжими руками». О позор! Возможно ли умолчати? Умолчав, объяснити ли бедствие словенских родей? указати ли причину (их) бесславия? восчествовати ли достойно богатырей, вернувших былую славу?

Напал Олг внезапно на радимичей, рассеял их и отнял Смилень⁷⁷; поставил тамо посадника, але не тронул князей радимичских, подданников казарьских. И пошел дальше по Непру, занимая поречные грады и селища, дреговичские и поляньские, ниже Любеч и Случь, и вступил в Русь. Спросила сторо́жа у Києва: «Кто такие?» Олг отрече: «Князь варяжский; привел воев князю Дмиру. Коли не возьмут, пусть пропустят в Греки, найдется служба у цесаря». Услыхав об этом, Дмир и Асколд порадовались: «Возьмем немногих (варязей), понеже в сундуках скудость; остальным укажем в Греки». И не хотели пустити Олга в Киев, сами, пришед ко Непру с гридеми, выбирали воев и придирались, чтобы взяти меньше; Олг же заспорил, меча хульные глаголы, понеже имел в душе злой умысл; любил Олг разозлити противника, ибо в злобе теряют (мужи) осмотрительность, а стало быть, силу. Рече Дмир, рассердясь: «Не князь ты, коли растопырился, яко пузырь на воде. Не ведаю, что ищещи в Словени; никто с тобою ряда не держал, но с Трувором». Отрече Олг: «Слежю волю Рорика, Труворова преемца, при малом сыне его». Рече Асколд: «Покажи сына». Олг отрече: «Здесь в лодьях». Асколд рече: «Если неправда, будут служити нам варязи безмездно три лета».

Олг согласился будто нехотя, и пошли к лодьям, миновав русьскую сторожу. И показал Игра издали. Асколд же, усомнясь, всхотел подойти ближе. И обступили (тут) варязи русьских, набежав во множестве, и убили Дмира и Асколда, и гридей (их), и бросили во ржище. Обнажила мечи сторожа, чтобы отнять тела для достойного погребения, варязи посекали и сторожу. И вступили в Киев, побивая мужей Дмира.

Посадник Дмира в Запорожах, узнав о злодействе, явился с дружиной, стерегшей станы от казарей, и сразился с варяземи на Непре. И бились в лодьях, а потопив лодьи, сошли уцелевшие на берег и бились мечами и топорами, и сеча была неистова, и повергоша варязей русь; звал Олг в отчаянии Святозора, деревлянского князя, умоляя допомочи, и жалуясь пред бози, будто из-за него погубил честь и полки. Святозор, сказавшись недужным, выслал однако дружину с Уветичем, воеводою, строго-настрога наказав в битву не встречати, стояти в сторонех, наблюдая. И содеял тако Уветич. И се варязи, не выдержав натиска, уже велели корабельцем поднимати парусы. Олг хотел воспретити бегство, но был сброшен с коня и потоптан. Але превозмог ся, бросился к Уветичу и, умоляя едва не на коленах, обещал горы злата и княжение в Деревлянех. И соблазнился Уветич. Презрев долг, ударил свежою силой в спину притомившимся русичам, и отступили в беспорядке; варязи же спаслись от неминучей гибели. С тех пор невзлюбила русь деревляней, зовет их чернопятыми, бо ходят до зимы без лаптей и сапозей, деревляне же обзывают русь хохолыми; стародавний обычай у руси — стричь ся, оставляя на макушке чуб, бают, быццам духи, благоволя к русичем, носят (их) во сне к чудесному источнику, напоющею живою силой и мужностью; всякий из руси похвастает, еже омывался в водах, но мне (это) кажется неправдоподобным.

В благодарность Року за спасение повеле Олг строити на месте, идеже потерял и вновь обрел надежду, остережье, и назвал Уветич⁷⁸. Самого же Уветича возгласил деревлянским князем и держал под Киевом с дружиною; дружина быстро таяла, — убегали мужи ко Святозору, возмущаясь обманом. Когда пришла новая варяжская рать от Новгорода, а с нею полки от Кривичей, Радимичей и Мери, а всего больш двадцати

тысяч, вступил Олг в Деревляны, торопясь, пока не осилилась Русь в Запорогах. И вот минуло лето, але покорити не смог.

Почто искушает Небо честных? Почто приятствует бесчестным? Снова повезло Олгу: случай схватили варязи Святозора, прокравша ся ночей к варяжским шатрам. Убиша хороброго князя, и сразу пошло на убыль: запросили мира истощенные деревляньские роды и приняли Уветича князем и посадником Олга, князя Новгородского и Киевского, како стал величати ся Олг. Але власть томила его, тревога все умножалась. Реша к нь мудрейшие из варязей-руси: «Не усидишь на столе, если даже всякое лето приведешь дружину из-за моря. Они (славяне) дети еще, понеже (каждый) великий народ живет десять тысяч лет; не терпят еще порядка, присущего взрослым и быстро стареющим, не чтут его из-за страха, ибо не дорожат собой. Дай жесткий устав, и станут роптати против него, о тебе позабудут, ибо победившим (в их глазах) покровительствуют бози. Не возглашай род не равным роду и человека не равным (другому), скорее же сложатся супроть тебя, но возгласи равными: станут спорити меж собою и опять о тебе забудут. Будешь властити, пока в забвении; аще вспомнят, потребуют, что сами себе и в мысли дати не могут, и сице переломят. Пуще всего однако бойся руси, победити ее вовсе не ищи, трижды погибала до единого мужа и трижды возроддалась, еще более могучая, нежели прежде. Сей народ и злою бедою не проймешь, в беде зрит и чует себя; лишь в довольстве себя не зрит и терзает еще больше». Аз перенес слова из Книжия, иже от некого варяжина-руси, ходивша под стремением Святославим; от него вестие, еже чтеша слова великие князи на Словени, искали суть, и не все нашли.

Присягнув уряженью племен с Трувором, оставил Олг дани⁷⁹, отделив толику на подручных князей и посадников; волхве доли не оговорил; одарял больше владык, нежели святища, и их расположения домогался. Остереги и вежи ставил по земле в изобилии, але не доверял их подручникам; расчислил дружины подвольных: по сорок мужей; опальным и того меньше; бранные ссоры меж княземи воспретил вовсе: «Сам буду отныне судьей, карая месть князя князю или

посадника посаднику». И было супроть обычая и не благополезно, ибо стали угождати Олгу, а не обычаю. Взнялся в людех ропот, и говорили меж собою: «Пропастаи народу, коли пропадает обычай».

И в родех взнедоволили: угодники Олговы почали попирати старейшин; прежде старейшины сговаривались о князе, кого захотят, и выбранный не поучал, в нос перстом не тыкал, наследовати не помышлял. Стало ярмо подручников еще тягостней и ненавистней, нежели ярмо Олга: от него откупился, и забыт, а угодник штодень над душою и не усовестится: сего прибавь сверх урока, то отдай сверх устава, лутшие пахоты себе и пажити себе, пересмера общего избегает и перделяти не хочет; общинников же, глаголящих о правде, обличает ворами племени и ворогами Олга; гибнет в насилиях истина, стонут доискивающиеся ее. Многие, глотая слезы обиды, повторяли онгда из Вед: «Вольный народ, обленившийся заступатись за малую правду, вскоре обеспокоится большой ложью и своей неволей».

Из огня да в полымя, родная земля; беды твои все невыразимей. И что варязи? — страшнее быша прислужники.

Вступиися черная волхва за общины, да услыхати ли глас? Се наказанье бозей: заплонили дороги и грады обездоленные и нищие, плачют у ворот, толпятся на торжищах; гонят их княжьи тиуны да конюхи, смеется над ними челядь, секут кнутами емцы да ябедники. Откудова нищета? — не было мора. Откудова бесчестье? — сами в себе обневолились прежде чюжих цепей. Вот все повторяли: «Кто не холоп, тот и не князь», и содеяли ся холопями. О проклятье! Смеры, нищая, идут в рядовичи и наймите, ибо обхудилась кругом община; благоденствуют бесхребетники да лукавые изгои, безумие округ, яко николи прежде: и всяк тащит к себе, раздевая до нага ближнего. Не равен уже человек человеку пред Небом и земной властью, пропало былое доверие ко князю, ибо не возвысился, но возвышен, не вознесен, но вознесен. Не стало радости в событиях, и падение нравов указало на преобладавшую печаль. Недороды и свирепые зимы еще приумножили страдания. Отчаявшись, почаша доброе людие избивати варязей; чуть отъедет варяжин

от града или остережъя, настигнет его стрела, и мертвяк пропадет неведомо куда. Мстили варязи без жалости, сожигая селища и казня неповинных, але еще сильнее мстила честная словень; воспротивились холопству вольные души: не мстящий обидчику тройне обижает свою совесть.

Князь Всемир громогласно хулил варязей, подстрекая племёны к ропоту и восстанию, приютил в своем тереме сыновей Святозора и иных мужей, не признавших Уветича. Сговорися (Всемир) с Волынью и хорватами о допомоге супроть варязей, и с сиверами отай, и с ватичами; мыслил прогнати казарей, а после оратитись сокупно супроть Олга. Тянули с ответом только радимичи, высматривая, идеже больш мзды, время же уходило, и не соединились в свой час.

Олг, ища отвратити заговоры и уняти беспокой, созвал по обычаю думу, и сошлась в Къев белая волхва, подручные князи и посадники. Рече Олг: «Не любят мя, аз же пекусь о благе родей, населяющих Словень. Коли благословите, положу конец казарьскому насилию. Пусть получившие свободу не клянут меня, яко свободные ныне». И бе ложь в словех, але обыкшие колжи не замечали; тако ведь и случается: приобыкнет к себе человек и не видит, сколь мал ростом и ужасен ликом, в удивление иные ему и не верит им; аще есть хворь глаза, то и хворь души; и не болит, а чують (положенное ей) не чует, и нет постижения божественного; вода отражает, когда спокойна, душа — когда чиста. Выставляя ся в личине спасителя, затевал Олг примучити другие земли; сомневался в прочности стола, незаконность вокняжения была еще на памяти, и замирение (Олга) с белою волхвой примиряло не многих.

Собрав войско из варязей, ильменцев, кривичей и деревляней, прогнал Олг казарей из Сиверской земли, сивере же не всхотели Олга князем и позвали дреговичей, але радимичи не пропустили Всемира, и полегли сивере одиноко на бранном поле; взложил Олг легкую дань на побежденных; когда же перестали копытитись, увеличил дань втрое⁸⁰.

Понеже ватичи не дались и Всемир глядел в спину, не распустив войска, поиде Олг по Сейму и Тесне в Радимичи; они же готовили хлебы и соль, гадая, что

получат от Олга, ибо ведь не пропустили дреговичскую дружину. Олг, пришед, наградил на свой лад: «Давали (дань) казарем, отныне станете мне. Были сами по себе, будете под моей рукой».

По малому зернышку склевывают воробей житное поле, по песчинке крошит ветр гору,— шаг за шагом утвердились варязи в Словени, пользуясь словенскою же силой. Узнав о беде сиверей и радимичей, потерял надежду Святозор, сын Святозора; восклица: «Есть ли смысл жити такому телу? Голова не знает, что на устех, уста не примечают, что творят руки, разум не ведает, куда идут ноги». По кои пронзил ся мечем и испустил дух.

Позвали из Руси, и пошел Всемир; прежде ведь деревлянскою враждою застлалась (туда) дороги. Сошлась на Хорице, непрском отоке, вольная Словень; русь, уличи, тиверцы, волынь, дреговичи, ниже князи, не признавшие Олга; бежали ведь со своими мужами и челядью из Ильменьской земли, из Полотьского края, из Черниг и Смилени. И было, яко зарница пред долгою ночью: правила единая воля, не вопили громче всех близоручцы. И се порешили для начала отняти у варязей Къев.

Похвалялся Олг в тот час меж своими: «Армане Парижа не взяли⁸¹, аз поднял на копье Къев, возьму и Запороги, а тамо наступит черед Царь-града». И се держал повсюду соглядатаев, але сговора словени не открыл.

И выступили единовольцы, сведав предначертанье Судьбы; дреговичи и волынь соединились у Турья, уличи и тиверцы подошли к русьским станам у Медведицы. И заняли дреговичи Смилень, закрыли Реку на ключ, русь же смяла варяжские полки и обступила Къев. И бился Олг безо всякой уже надежды. Убоясь долгой осады, попытал ночью ускользнути из града, русичи же переняли; при луне почалась сеча, и злее долго не было по Словенской земле. К утру стала одолевати русь и посекала бы войско Олга, да ударили в спину деревляны, многоопытные ратники; озлобились давней враждою, позавидовав великой победе; и повернули щиты русичи, и пока отбивались, варязи бежали, опрокинув уличей, а с ними Игр, сын Рорика; Олг на чюжом коне, в одежах простого мужа, утек

к Сурожи⁸²; и подговорил казарьских князей допомочи супроть Руси, обещаю огузом серебро и меха.

Спустил хакан с Дона печенезей, соузцев своих, и то бысть упершиню, егда вступили печенези в Словеньские пределы, прежде о них слыхом не слышали⁸³. Напали храбро, ибо не изведали еще русьской силы, и стали грабити Запороги, тащити в полон детей и жен; и ушла русь из Кыева, а за русью покинули город уличане, тревожась о домах и посевах; в Кыеве остались тиверцы и дружина Всеслава. Рече русь к печенезям: «Не замíритесь и не восполните обиды, рассыпем горохом и семя потопчем; не укроетесь от гнева». Испугались печенези, Олг же, быв при них со своими мужами, подбадривал, суля богатую добычу. И была сеча, и бились обе стороны неистово: русь пересилила, и печенези бежали в Поле; Олг же снова ускользнул; искали серед убитых и не нашли, гнались за бежавшими и не встретили.

О люди! Бози ниспослали пробужденье; настал час сбросити ярмо и вернути волю, но шия обыкла к хомуту и спина к вожжам. Потребно было соединитись, почали же паки разбредатись, яко шелудивые овны. Кривичи поносили ватичей, полотна пеняла дреговичам, ильменьцы считали обиды на весняков и укоряли чуждей, Русь трясла свои чекмени, и деревляне навозили свое поле, и тиверцы, и волыняне, и вси остальные. Киев стоял пуст, и не находилось разоренному граду достойных володетелей: взненавидели роды первый стол, приписывая ему порушенье прежних нравов и устоев; обрыдла самовольцем даже мысль о великом князе. Сице в неверных заботех о сбережении прежнего погубили старину; не всхотели роды выбирать князей, и шла перепалка, и сомневались, прогоняти ли варязей вовсе или повременити.

Понуры, возвернулись в Киев полянские князи; тиверцы ушли к Дунаве допомочи влахам, ибо на них поднялись угры; волыне бились с лехами, лехи увязли в спорах с луземи, дреговичи ссорились с ятвяземи; по прошествии дней все недоумевали: лишились княже-ния варязи, како же вновь обрели (его)?

За Любечем, идя с дружиною по Реке, встретил князь Всемир два челна; люди в них, разбойные видом, таились в лозняках. Реша дреговичи: «Се беглые холо-

пе. Спытаем, откуда, не видели ли ворогов наших?» И спросили беглецов, они же плохо разумели по-словенски и навлекли подозрение. И опознал (некий) муж, полочанин, служивший прежде в Новгороде, серед беглецов переодетого Олга. И схватили всех. Гадали волхвы по речной волне и вышло: «Полоненные не полонены». Рече ко Всемиру Олг: «Аз есмь великий князь словенский, присягнувший земле; боземи поставлен над тобою. Княжил и буду княжити, ты же причинить беды (мне) не сможешь». И потащили убити Олга, але остановил Всемир мужей, смутившись неожиданно словами варяжина. Рече к Олгу: «Не отсеку преступной главы, ибо не единый мстец. Лепей скажут роды, считая злочинства». И дал (пленникам) пити и ясти. Обременив себя, не знал, идти ли ему домови, како шел, или повернуть обратно в Киев; и заночлежил, и поместил Олга в шатре рядом с собою, повелев стеречи. И уже задремал, когда явился волхв: «Убей Олга, князю, не дай жити ему (эту) ночь». Впроси Все-слав: «Отчего?» Волхв рече: «Крячет во тьме лыбець по-утиному, утица шипит по-змеиному, быти большой беде». Всемир же не послушал вещуна и даже не умножил сторбжих. А в третьи петухи хватились: пропали пленники; у шатра удавленные сторбжи, в шатре Всемир уже бездыхан, пронзен мечем; убит во сне, не противившись злодеям.

Пустилась дружина вдогонь, загнали коней до храпного вспенья, злодеев же не схватили: куда ни повернись, сто дорог, разбойничья тропа одна.

Свезли дреговичи убиенного князя в Турье и предали Огню; на тризнице застигла лихая весть: вступились за Олга деревляны с Уветичем, Олг же объявился в Смилени, куда в страхе стеклись все варязи: Дугаву вець заступили полотцьы, а Лавать закрыли ильменьцьы. Але богам было угодно воротити Олгу могущество: пришли к нь кривичи и радимичи по своей воле и повинились в непослушании; следом мери и веси били челом, торопясь снискати благорасположение, и всех простил Олг, князей же и самых знатных старейшин одарил подарками. Одни неразумные ильменьцьы исполчились. Спросил Олг: «Чего хотите от мя?» И не сказали «не хотим тя», сказали «блюдения древлих устоев хотим, меньших даней и нового ряда:

не ты, но дума вольна решати о призыве и найме всякого заморского мужа». Рече Олг: «Буди по-вашему». И уладился с ильменьцами, а потом и с Полотой. И перешел Дугаву, вступив в Дреговичи; воевал от серпеня до лютого, и понудил (дреговичей) с Непра и Сожи. И долго еще замирялся (Олг) с семи и теми, вилял хвостом пред волхвою и обещал держати в дружине не больш тысячи варязей, остатних же дружин брати от словени. Уставив мир с Русью, с уличами и тиверцами, позвал (всех) на Царь-град, желая одовольствовать и осытити честью и великой добычей.

Тако приободрилась Словенская земля, але не посулами и не мольбами малодушных, но кровию подвижников; из них воздаю ныне хвалу Всемиру. Не пропадает ведь дело, пусть даже малое. Содеял в мѹках (нечто), и мнится, — ничего не переменит окрест, але то заблуждение и слабость. Содеянное не пропадет, и труды измыслены боземи, дабы поощрити и подвинуту чловеца. Глаголишь — и нет ответа, кричишь — и молчание; и все ж отзовется (кто-либо) и повторит словы, усилив трубные звуки. Величие — не славное вершение, ибо окончено, не приятные рассуждения, ибо бесполезны, но твердость идти к правде, тружаясь всякий день ради нее, утоляющей дух. Луна сеет свет, чтоб всветилось Солнце; трудись, безнадежный, и явится надежда.

Теперь о Ярополке, сыне Всемира и отце Мирослава, многовидце и страдальце земли, украсившем ее добрым примером. Повецю не по мелкородному умыслю и не мзды ради, но ради памяти о времѹнх, пробудившихся страданием; страдание ведь — начало и конец пути к правде и мудрости; правда — слуга жизни убегающей и тленной, мудрость — бесконечной и нетленной, ниспосланной (чловеку) в озарении единого мига из тысяч. Да приидет и мой миг, а вы, чтущие, судите и смейтесь, и обливайтесь слезьми (вместе) со мною. Принесу дровец — и поглотятся огнем ради тепла и света; тако и жизнь (наша) — тепла и света ради.

Было у Всемира три сына. Старшой бысть убиен ятвяземи в сече; меньшей, увязавшись за отцем в Киев, утонул в Непрядве; середний, Ярополк, хил и слаб от рождения, оставался с матерью в Менех, ро-

довом селище Всемира, олюдневшем при отступленьи дреговичей за Непр. Явился Ярополк в Турье тризнавати по отце, и реша старейшины: «Не будешь (нам) князем, велми слаб, князю же быти сильным, яко коню в бороздах». И вот затеяли игрища, и Ярополк одолел многих мужей, и удивились кругом. «Не крепок телом, но духом тверд, яко харалужье, — сказали о Ярополке старейшины. — Покличем его». Але Ярополк, разобидевшись, поиде к задугавьской полоте, яже купно с земьголю и красеми противостала Олгу и его подручнику Гудыму, полотьскому князю; был ведь не кликнут вечем, но посажен насильно. И княжил Ярополк в Рославье; град же назван по имени опошнего всеполотьского князя Рослава, заточенного Рориком в темницу, а прежде звался Выбор; сидел Рослав в яме двенадцать лет и бежал, подняв роды супроть варязей, и был схвачен, и убит Олгом в Новгороде. Позвали Ярополка тэсны, повятцы, усмёнъ и иншие из родей полотьских; был им отцем в судьбе и воеводою в брани.

Нельга зарекатись. Сённяя богат и чтим, завтра призираем и нищ. К вершинам стремятся, але у подножия очутяются вновь и вновь, и несть конца восхождению, тешатся (люди) призраками, и мимо идут годы, лишь умножаясь. Ищут слепцы жизнь и не находят, а сытись богоданным не умеют. Взгляну на ушедших: не равны ли друг другу? Смешалось меж ними счастье и горе, беда и удача, не различимы (они); се долг мой и всех долги — приняти неустрашимо, что выпадает, не жалея и не завидуя; але не лежебочити, не ожидати доли, но искати, идя встречу, како ходили предки. Вот заслышу старинную песнь, и волнение пробудит решимость стояти вопреки всему, одолевая преграды.

Диви гуси отлетают, лише влок никуды не уходит,
гой ты, гой, лише влок никуды не уходит.
Солнце сокрылось, а ночь холодна, тянется долго,
гой ты, гой, ночь тянется долго.
И нету серед звезд крылатой, еже унесла бы думы,
гой ты, гой, нету звезды крылатой.
Думы о родных братех, иже не вернулись,
гой ты, гой, о братех, иже не вернулись.

Когда после долгого и тяжкого пути вернешься домови, душа бывает обласкана памятью о добром и почивает в сладости. В доме и в отчине присно толика

наша. Оттого приметы родного скажут о многом: и дымы над селищем, и жнивье у дороги, и барвинок, и аир, и журав, парящий над дрягвою, и притуги в копях сена, напасенного за баней, и латырь-камень на раздорожье, и потертая, потербленная медведина, на какой играл еще младенцем.

Была мати, и душа не ведала вражды. Был отец, и сердце не наполнялось страхом. Было утро, и, вставая, не находил себя одиноким... Але продолжю повесть; се долг совести, что пред ним долги терзанию сердца?

В лето, егда взял себе Олг новую жену, из Кривичей, а казаре, жестоко воюя на Доне и Купани, вошли в русские земли и оттеснили русь в горы, идеже сидела онгда олань и касожи, случися неурод по Словени — и в Полоте, и в Ватичах, и в Дреговичах; зимьем текли ручьи, и девы сушили первый подснежник⁸⁴, а в лето налегли морозы; обвякнув, полегли нивы, и сеножати не уродили. И почалось великое бедствие, некому было ни погребати, ни тризновати; разбрёдались роды кто куда. Не стало у Ярополка содержания дружине, и распустил мужей кормиться по селищам, с немногими оставшимися нанялся к полотьскому посаднику Туболду, размыслив сице: «Инакш не прокормитесь; аще сберегу дружину, воспрянет еще Полота». Послал Туболд Ярополка в Чудь, и стоял тамо, пресекая роптание на Олга и сторожа от грабителей общинные погребы и клетки с семенем; съев семя, обрекают ся роды на погибель, но страшна ли гибнущим? И хвалили Ярополка за службу, а он своим говорил: «Не станем тружати ся усердно, покличут еще пришлецов, нам же нужда уберечи ся от голода. Будем лутшими меж всеми». Але предстала служба пыткой и хуже пытки: како зрети безумства голодных? Осталось (у Ярополка) на десять мужей по одному коню, и те под седлом валились. На другое лето паки случися неурод, и скончилось даже семя, и не знали, чем сеяти по весне. И не могли купити, понеже у казарей не было, а греки просили две меры серебра за меру чужого жита.

В злой нуже позвал Олг в поход на Царь-град: «Отъедемся и с собой наберем». И собралась Словень, кроме дреговичей, волыней и белых хорват. И выступ-

пили запорожи, указуя путь, за ними двинулись варязи и вся словень⁸⁵. Шли пеши и на конех, плыли в стругах и в набойных лодьях вдоль берега, причаливая идеже становилось войско. И отнимали на покорм у тиверей, и у влахов, и у болгар, и у грецей, наводя ужас насилием, и достигли вскоре Царь-града. И выступили греки, и было их тридцать тысяч, у Олга же набралось сорок семь. Не хотел Олг губити в сече варязей, полагался на них больш, нежели на словень, пред которой хитрил. Рече к руси: «Вы привели, вы и починайте». Отрече русь: «Почнем, но и поделим добычу». И не всхотели жадные варязи, вступили (в битву) купно с русичеми, и русичи погнали грецей; против варязей стояли же греки прочно. Увидев (то), рече Олг ко своим: «Покуда не возволодеем Русью, шататься Киевскому столу». Рече Торволд, воевода, брат Олга: «Пусть русы будут друзиями, како были прежде; откроем им сердце, доверливых не обманут». И не сподобилась речь Олгу. Послал брата в гущу сечи, дав Ярополка с полочанеми; бились полки ярополчьи с беспримерной отвагою и вызволили варязей, уже изнемогавших; и отдал Торволд Ярополку свой меч, назвав братом.

Остатки греческого войска затворились в Царь-граде, и были стены града высоки и неприступны. Повелел Олг обложить его с суши и с моря, и Торволд с Ярополком пошли от моря и встали у цепей⁸⁶; вечер жгли огни на стругах, сами же на долбушах отай пробрались в залив и захватили гречские корабли, перебив охрану. Заутре русы и ильменьцы, искусные в волоках, поставили лоды на колеса и, распустив парусы, пошли ко граду по суше, и было людей великое множество; смутились греки, ибо николи прежде того не видели, и сказали: «Берите выкуп, только поклонитесь не воевати наши земли». Олг сказал: «Клянитесь и вы, что не станете вымогати и утеснати наших купцов». И поклялись, каждый своими боземи. И принялся Олг делити принесенное грецеми, и дал варязем больш, нежели руси. Рече к Олгу вождь русичей: «Меч мой тяжелее (твоего), почто добыча легче?» И прибавил Олг молча, не споря. Паки рече вождь: «Не злато делит людей, но жадность». И еще прибавил Олг, и получилось поровну. Але русьский князь не унял обиды:

«Аз просил у тя правды, и ты станешь». И повелел своей дружине седлати коней и ставити парусы⁸⁷. Греки, увидев ссору, не торопились с договором: «Се трудное дело, второпех не можем. Пришлите послов»⁸⁸. И не посмел Олг возразити, ибо умалилась его сила с уходом руси; и укорил Олга Торволд, Олг же на нъ замахнулся⁸⁹.

Отречась от соузья, в прех с Кыевом, дважды ходила Непрская Русь промышляти в чюжеземные страны и звала с собою русь с Купани и Дона⁹⁰. С Олгом вели (дело) дерзко, и Олг боялся брани. Але когда рядился о мире с грецами, послав посольство, обещал цесарю удерживати русь от походов в Греки, и в земли, иже под рукою Грек⁹¹.

Воротясь в Кыев, позвал Олг на пир всех князей и старейшин Словеньской земли и наградил храбрейших и достойнейших мужей войска; первую печатную гривну червонного злата повесил на грудь Ярополку, вторую Торволду, брату своему, а третью деревянскому князю Малу, взобравшемуся на Царь-градские стены; щит Мала бысть прибит Олгом ко вратем Второго Рима. Русичем Олг послал десять златых гривн, они же отвергли, говоря сице: «Приимем награды лишь от бозей, земным володетелям награждати ся не велим».

Ярополк же вокняжил на всей Полотьской земле, ибо Гудым погиб в походе, и Торволд попросил за Ярополка. Собрали по обычаю вече, и вече охотой именовало.

Вскоре занедужил Олг, и приходили лечцы варяжские, но не смогли облегчить страдания; и позвал лечцев от белой волхвы; был серед них старец, неколи предрекший Всемиру бегство полоненного Олга, и благоволил (к нему) Олг и боялся (его), ибо проицал старец времёны и ведал все зелья и все снадобья. Спросил Олг: «Можешь ли излечити?» Рече старец, осмотрев Олга и совершив гадание: «В три дня выздоровеешь. Але не минет лета, погибнешь, знак о том на челе». Олг удивися велми: «Отчего суждено?» Отрече старец: «От тщеславия, страха и яда; любимые принесут погибель». И дал Олгу снадобья, и в три дни встал Олг с постели; и ушел старец, (ничего) не взяв (за труды); брали ведь белые волхвы только на святища,

сами жили нищи и носили ветхое платье; роскошь и расточительство быша им в стыденье.

Печалился Олг, веря и не веря предсказателю; тщился узнати погубителей, гадая у многих. Губители же были под боком и штодень говорили льстивые речи; але Олг обманывался в людех; тако обманывается возвеличивший себя и не слышащий уже от друзей порицания.

Теперь об Игре, сыне Рорика, понеже тут угнездились злые духи, а бози отrekliсь, наглядывая, достанет ли (у него) силы; бози ведь непричастны к судьбе бесчестного и не приемлют его жертвы; указан путь (человеку) при рождении; кому мало от бозей, принимающих лик Истины, просит от злых духов, от лешего, упыря, от всякой нечисти.

Держал Олг Игру при себе, быццам пленника, приставив соглядатаев; едва Игру минуло тринадцать, женил его на дочери казарьского хакана; породнясь, замирился с ее отцем, и не раз сговаривались за чюжой счет. Вскоре Игр распутися, жена бо неплодна бе, к тому же предерзкого нрава. Пленися Игр внучкой Трувора Тордис, и взял в жены, и была утешением. Вначале Олг радовался выбору и прибавил на вено, потом, заподозрив неведомое, взненавидел; бе Тордис кротка и благочестива и почитала словеньский обычай. От нее Игр родил сына именем Дóнал. Иные скажут Ярл, но Ярл, первенец, умре в малых летях. Миновало незаметное время счастья, и скончалась Тордис; оженися (Игр), ища забытись, але тоска не проходила. Рече Олг: «Дам еще другую жену». И привел Олгу, дочь варяжского посадника в Псках, остережье супроть ятвязей и летьголи. Епископ Пасий, отрекшийся от Христа, бича чловецей, и избличивший христов⁹², немочей и блудников духа, указывает в Житие: «Назваша Олгу в честь великого князя и прочили како дар ему; бысть же растлена Олгом и по свадьбе с Игром не отпускал (ее) от ся». Не подтвержю известия, понеже от других не слышал, але правдоподобно и объясняет, еже объяснить инакш непосилно.

От Олги родися две дщери и сын Святослав⁹³. До-нал баюкал брата и играл с ним, любя; Олга же пеклась о сыне мало, поглощена иною заботой; жена сия бе одержима сонмищем позорных похотей и властолю-

бица без меры. Штодень попрекала Игра: «Сын Рорика княжит над псами⁹⁴, пасет не роды, но обиды и небрежения. В доме его чюжие слуги». Тяжко иго алчной и сварливой жены, хуже погибели, нет ни дня, ни ночи истязаемым своеволием и причудами. Избегал супротивной Игр, прятался от нее, она же жалила осою: «Убей Олга, твое место занимает, бози простят сильнейшего. Старик уже, тебе стола не дает и не ведомо, даст ли. Торволд хочет княжити; у него дружина, и людье (его) знает, тя же не знает, ибо затворник». Игр, честен, но слабодушен, не унял Олгу, но сказал (ей): «Делай сама, только отвяжись». И подговорила Олга (одного) варяжина; на случай неудачи вшила ему в шапку пергамен, якобы от Игра, идеже Игр признавал умысл умертвити великого князя; на другой стороне пергамена написала сама, якобы к Игру, порицающая его и Торволда за коварство.

И вот задумал Олг поклониться праху чтимых (им) мужей. И пошел в Новгород, а оттуда в Ладожь, взяв по обыкновению с собою Игра с Олгою. Туда же, в Ладожь, поспешил отай и нанятый убийца. Рече Олг пред тем как взойти на курган ко праху Трувора: «Клянут люди жизнь, должно клясти (самого) человека, премного хочет, оттого уходит не насытись с печалью и пустыми руками. О Рорик, Рорик, почто соблазнил мя своею властью?» И поднялся по степеням на холм. Игр, Олга, ладожский посадник Свиналд, волхв и два отрока великого князя остались у подножия; принято в день поклонения: каждый идет особно и наедине поверяет духу умершего сомненья и просит опоры; в день поклонения духи не бывают злы, для верности еще приносят жертвы, але лутше не заклание, но задача пици и серебра страждущим; одежды поклоняющихся должны быть белы, се правило давно нарушают, оттого духи оскорблены. И был в белом Олг; и вскрикнул внезапно, наклонясь, и вытащил из ноги стрелу, пущену убийцей; обагрились кровию одежды Олга, и почал вопити уже истошно, ибо предчувствие (смерти) охватило его. Кинулись слуги искати погубителя, Олга же повеле (им) нести великого князя, а искати послала своих; и истощались быстро силы Олга, была ведь стрела с отравой; и умре бессловесно на руцех плачущих отроков. Испугались Игр и Свиналд-посад-

ник, еже на них падет подозрение. Рече к ним Олга: «Помните волхва, предрекша погибель? Скажем, укусила великого князя змея, выползшая из могилы Трувора». И промолчал Игр. Свиналд же рече: «Змея выползла из могилы любимого коня князя. Вот здесь он принесен в жертву по смерти княгини». И стало заговорщикам страшно, содеяли мерзкое и не зрели еще последствий. Впроси Свиналд: «Что сделаем с волхвом и слугами, ведь свидетели?» Отрече Олга: «Никто из нас не видел убийцу и стрелу никто не нашел. Волхв и слуги — моя забота, вы же говорите округ, что слышали». И вздохнул Игр в печали: «Тянет мя в пучину судьба. Недаром злой дух содеян из женщины». Однако попротивити ся не решился.

И говорили повсюду по измыслию Олги: великий князь умре от укуса змеи. И хотя шептались в людех еще и о другом, (это) прижилось и осталось; верят легче измыслию, коли любопытно и не удручает, безобразную же правду не приемлют; истина тревожит человецей гораздо меньше их желаний. И была еще молва, что змея — возмутившийся дух Трувора; понеже суетное поминанье духа не к добру...⁹⁵

...Не торопи коня, в конце одной дороги другая, и се без счету; избавишься от нынешних бедствий, одолеют завтрашние. Вчера проклинали Олга, сёння пугались его смерти, гадая, кто наследует, и повторяли старинное речение: «Молоды князь власть поимет, напрасные головы сымет, а стары заправит, напрасные головы приставит». Варязи говорили: «Торволд не млад, не стар, ему доверимся». Словень же в своем доме мечтала о лавке; иные хотели деревлянского князя Мала, иные полотьского Ярополка.

Рече к Игру Олга: «Теперь внемли каждому слову (моему), иначе лишишься живота». И послушал Игр. Не пошел в Киев гонцом, но остался встречати хозяином; не ударился лоб о лоб с соперниками, но стал судити издали, остужая их ярость и умаляя силу. Послал (Игр) по всем градем, говоря, быццам пред кончиною просил Олг погребти прах в Ладожь. И съехались в Ладожь князи и старейшины со всей земли, и пришли от волхвы с Ильмень-озера, и от всея Руси, и от хакана, и от корсунцев, и от болгар, и от протчих, населявших мир и украшавших его деяниями. И были

Торволд и Ярополк, и Мал деревляньский, удивлявший красотою, но еще больш дерзкой храбростию и смелостию: задней мысли (ни от кого) не таил и желаний не прятал по обыкновению человецей. Тризнавали три дни, и угощал Игр, и щедрость была без границ, обычно же скупился. Рече на пиру Свиналд к Олге: «Все тут собрались, госпожа моя, и без дружины, опоясаны же мечами самые знатные; у мя пятьсот мужей на коне». Отрече Олга, смеясь: «Пагубное на уме. Нарушим обычай, сложатся супроть (нас), кто выручит (тогда), твои ли пятьсот?» Ходили же серед застоля люди, подкупленные Олгой, и доносили (ей) о хмельных и неосторожных глаголах.

Половина удачи — ведати час деяти.

Рече Олга: «Назовут князем Торволда, коли не поспешим». И встал серед пира Игр, и сказал: «Подымест поминкальные чаши во здравие любивших Олга». И сам обнес круговую, а Торволду чашу не наполнил. И поразились мужи, Торволд же столь оскорбился, что не нашелся ответити. И настал час расходитись, пачало уже пустети притомленное тризнице. Рече Игр: «Завтра в полдень решим здесь о князе, приходите». И вскочил с места Торволд и, схватив Игра за одежды, восклица: «Се неслыханно и позорно! По обычаю (это) предлагает владыко владык, ныне слышим от тя, не-⁹⁶удого, не посвящёна волхованию, не знакома ни дружине, ни грядям!» И случилась свалка, и люди Игра обнажили мечи против людей Торволда, и были убитые и изувеченные. Торволд же, сбив кулаком Игра, встал (ему) коленом на грудь, требуя (взяти) назад дерзкие слова, его же оттащили. И разошлись мужи, не ведаю, приходить или не приходить на думу; и опасались, что решат без них и впредь нуждаться не станут, и склонялись придти,— тако ведь и рассудила Олга. И всю ночь пекла хлеба на грядущий день. Позвала деревляньского князя Мала и сказала от Игра: «Час решения наступил, поддержи супроть Торволда, получишь, что пожелаешь». «Хочю сам княжити,— сказал Мал.— Дайте Кыев, не то отниму силою. Просила варязей Полнощная Словень, таможде и сидите». И поклялась Олга, что Игр отдаст Кыев, если поможет Мал. Рече Мал: «Кыев стоит бесчестия (моего), вспо-могу. Аще обманете, не имать остати камень на камне

от вашего княжения». И ушел. И молвила Ольга вослед, како вестят сведущие: «Мне бы (такого) господина, владела бы миром». И послала Свиналда по гридем, кые оставались в Ладжи и Новгороде, дав шестьсот гривн на подкуп: «Твоя судьба в твоих руках, а ночь на исходе. Содеешь, како велю, воздастся сторицею». И пришел челядин к Ольге, и рече: «Вот, госпожа, будили Ярополка, князя полотьского, по желанию твоему. И не добудились». И поехала сама, и разбудила, стуча в ворота: «Все уже за нас, выбирай». Отрече Ярополк: «Подлому избирати до смерти, у мя нет колебаний. Пойду за Торволдом». И страцала Ольга, и прельщала, и поняла, нашла коса на камень; прямому ведь и хитрость не вредит. И поехала к послам Руси, уже перед рассветом; Ярополк же поспешил к Торволду. Рече Торволд: «Теперь не избежати брани промеж племёны словенские и варязи. Давно просят (тебя) дреговичи, возьми и их под княжью руку, умножится твоя сила, и мне в нуждах домога». И отослал Ярополка, не ведая, что измена уже кругом, и надеясь на малую дружину, шедшую из Киева в Новгород.

Рече Ольга к русьским послам: «Днесь назовут Игра великим князем». Спросили послы: «Доколе варяжин будет сидети в Словени?» Отрече: «Присягнет на любовь и верность Словенской земле и, положив новый ряд, не обидит». Реша послы: «Русь милости не ищет, но справедливости». И сказала несговорливым злоязычная Ольга: «Прогоните сего князя, но как от себя освободитесь? И побогатеете, а бедность останется, потому что нищи; станете внимати мудрым, але никого, кроме себя, не поймете, ибо мало в вас благородства; не берется мечем, не дается рождением, не приходит с наставником,— судьбой и страстью обретается, очищением души и помыслов, ваши же судьбы бесплодны, яко глина, и помыслы мелки, яко песок. Сиче рекут о вас ваши волхвы». И было наветом. Послы же смутились и не возразили: предречение худого колеблет твердость в человеце, и пользуются (этим) бесчестные.

И пришло утро. Собрались нарочитые мужи, и не хватило терема, рядили на подворье, принеся щедрые жертвы богам. Возопили первыми ильменьцы: «Хотим Игра!» И старались покупники и подголоски Ольги, але

перевесил Торволд. В час, когда решалось, собрались у терема толпища разнолюдыя: многие с оружием, еже хоронили под платьем. И повеле Торволд окружити подворье дружами ради спокойствия. И обратили доброе деяние во вред. Закричал Свиналд: «Ищут уже нашей смерти, ибо не терпят несогласия! Можно ли рядити без несогласных?» И было знаком. Поднялся переполох, и почаша мужи бити друг друга, не разобравшись; подосланцы Ольги смертельно ранили Торволда, кый разнимал и успокаивал, безоружный ходя меж спорящих. И было, яко глас Перуна с ясного неба. Утишились вдруг, узнав о злодействе и своем безумии. Рече Мал деревлянский: «Убит Торволд, муж славный и справедливый; пусть вокняжится сын Рорика; и пусть сидит в Новгороде, держа тех, с кем урядился; мы же хотим жити по своим законам и чужих не примем». И, сев на коня, поехал напрямиком в Киев, ибо не терпел отсрочки. Вошел в Киев с дружиной, разогнав немногих варязей и крепко настращав полян; они же побежали с жалобой к Игру и быша першими жалобщиками пред ним; есть с той поры поговорка: «Идеже выплachtetся полянин, если не в коленях варяжина?»

Ярополк принял княжение в Дреговичех; и се явились вестники из Новгорода в Турье и славили нового великого князя; и вступил о Торволде Ярополк, предчувствуя беду. И пошел к прорицателям в Случесь, клал требы в капище Перуна и Влеса и поминал Рода, прося о мудрости и прозрении. Кудесили волхвы, верша кобь, и сказали: «Покорясь, добьешься, но потеряешь. Восстав, потеряешь, но добьешься». И думал, како истолковати себе в упование. Та же дума в тот час терзала Игру; навывкл слушатись Олгу и был в потерех; недаром гриди назвали заглазно Олгу «сокняжа». Како ни искал (Игр) ублажити племёны, не верили; порочил князя перешепт за спиной: «Зевает влок, насытяться, але все равно овця на уме». Внушал Игр с обидой: «Не чужак вам, из варяг-руси, тою же землей рожден и вскормлен». И расхваливал словеньский обычай, не зная (его).

Кто обоймет единой мыслью Словень? Вот Чудь и Вель, и ильменьцы, и мери присягнули Игру, выговорив легкие дани и свое княжение; в Ватичех и Ради-

мичех же бурлило, яко в омуте, а чего хотели, не ведали. Кривичи тяготели к Полоте; полота, сложившись с дреговичами, обрела неодолимую силу, да не умела (ею) распорядиться. На Полдненье самодержецы — Деревляны, Хорватъ, Уличи — смеялись общим заботам. И могучая Русь смеялась. Отовсюду, затаив дыхание, глядели на неисчислимые запорожские станы, идеже сечи, лихие вои, жили без опасы, ходили не в грубых котыгах, но в кафтанах из дорогих тканей, не в козых тулупах, но в шубах собольих и бобрянных, в красных чоботах, со златыми перстнями, а купавые жены в заморских убрусах, с ожерельями из самоцветов; не ведали сечи штодневных трудов на пашне, но брали дани в чужих сторонех и холопом (своим) велели ходити за скотьем, орати поле и сбирати жито⁹⁷. И Тиверь, густой и смелый народ, стояла вольно, але сама по себе, без мира, бранясь с буйными степняками.

И попросились кривичи под Ярополк, он же заколебался, рассудив сице: одному кривичей не вызволити; если же к полоте и дреговичам присовокупити бужан, сподобились бы, яко щитом, перегородить Словень от варязей, а таможь, сыскав соузь в Деревлянех или в Руси, сбросити пришлецов в море. Сице сгадал Ярополк; Игр же почуял соперника и послал к нъ Свиналда, воеводу. Рече Свиналд: «Самочинно захватил (ты) княжение в Дреговичех. Выбирай Полотсь или Турье, чтобы служити правдой, и жди согласия от Игра». И торопил Свиналд с ответом, и свита его не снимала кольчуг. Рече Ярополк: «Покликало мя вече, негоже уклонятись долга. Обожду хотя бы лето». С тем и уехал Свиналд. И вскоре Игр с большим войском подступил к Полотской земле. Встретил его Ярополк и, помолясь, положил на бранном поле без счету варязей, и словени, и весей. И разошлись для роздыха, ибо Игр не признал ся побежденным. И наустил Игр, прельстя посулами, ятвязей и летьголь супроть Дреговичей и Полоты; и радимичи внезапно оратились, похотев володети непрскими берегами. Послал Ярополк к деревлянem; Мал же, воюя полян, ожидал ссоры с Русью и не вступися. Игр, размыслив, что коли и сокрушит Полоту, погубит (свою) силу и не вернет Киев, предложил Ярополку: «Буди братом, володей Дреговичеми, не платя дани, Полотсь же уступи посаднику

моему; узнают радимичи и летьголь, что моя волость, отступят; тем легче проучишь ятвязей». Не хотел уступить Ярополк, одушеваясь победой и помня про рочество, але вече положило инакш: «Другие племёны признали варязей, мы не хуже. Станем одни битись, переможем ли? Ступай, князь, в Дреговичи и не поминай (нас) лихом». Рече Ярополк: «Ваша милость, ваше право. От трусости (вашей) прольют слезы словенские роды, и пожалеем еще. Како бы ни был крепок враг, только сражаясь, переможем. И погибнув, восстанем для новой брани. Покорившись же, погибнем навеки». И донесли о (тех) речах Игру, и затаил еще больше на Ярополка; виду же не давал, але и не мирволил, кольми паче Ярополк крепися для новых браней. Отогнав ятвязей, поставил остережи по Бужью, Немени, Бересне и Непру, другие расстроил, обнеся стенами, по кои учредил на границах дозоры, како есть обыкновение у руси. И перебрался с гридеми из Турья в Менесь, заведя двор с подворьем, конюшнями, подклетами и глиняными ямами для жита,— на случай осады. И был всем пастух и пестель; процветали онгда, богатея и многолюдея, и Браслав, и Городня, и Любеч, и Витьсь, и Друть, и Логожье, и Случесь; в Случеси считали в те поры тринадцать общин со свободами. И насаждал Ярополк во градах ремеслы и торги, не сколько лет не беря пошлин. Варившим железы ставил крицы, ковалям раздавал наряды и платил щедро. Велии радел о грамоте, внушая волхвам: «Не обрящещи могущества в племёнех, доидеже не приемлют». И еще повторял: «Волхвам — откровение Неба, мужем — словы Книжия, людинем — воля волхвов и князей, всем же — мудрость обычая». И прихочивал к летописанию — о доблестях предков; многоискусникам жаловал иному гривну, иному скотье и жито, яко Семон Болгарин⁹⁸; писали же буквицею русьской⁹⁹ и тою, еже измыслена бысть христами по велению цесаря для болгарей и моравов¹⁰⁰. Сам Ярополк владел древлей грамотой, со слов (его) писали «Душу словесну»; книжие утрачено, але сохранились упоминания. Вот известное всем речение: «Словы честного сердца и словы правдивой мысли — се пути к бозем, иного нету; лелейте (их), яко сады и пашни, поливайте щедро заботой, и произрастут плоды чудесны,—

явится жизнь прекрасна, како бы ни протекала, и смерть будет не страшна». Вот же еще из летописи Семиреки: «Нет мелких человецев, но мелкие души; позор мира, оттого что иные народы прославляют ся в праздномыслах безмерно, не зная истины; тщатся вознестись; пагубно поправление другого, николи не простится. Людье розно, право едино, и козявке любо солнце столь же, сколь и человеку. Придет час, оплачутся всякой лисе курьи слезы». Слова се прочети легко, постичь же сложно, бо постижение — дело жизни, а не разумение словесно.

Однако продолжю об Игре. Замирившись с Ярополком, двинулся с великим войском на Киев. Реша русичи к Малу: «Побиваем друг друга, кто третий схоронит (нас)? Уступи Киев, будем заодин». Отрече Мал: «Аще ценою Кыева, николи». И пока рядились, препираясь, считая предков, сидевших в сем граде, послал Игр к вождю руси, говоря: «Возьми Киев, аз хочу дани от деревлян, кую обещали в Ладожии, а не дают». И вошел Игр с варягами, ильменьцами, весью, кривичами, радимичами и иными в Деревлянскую землю, требуя велми легких даней. Русь же стояла под Киевом. Оставил Мал Киев и сразися с войском Игра на Сдвиже. Победил Игр, переломила сила силу, и подчинися Мал, согласивши ся подручником. Игр, радуясь победе, но истошась, послал за новой дружиной. Впроси Русь: «Покорился Мал, чего хотите еще?» Рече Игр, утяжелив слова богатыми дарами: «Держу войско, боясь, что восстанут деревляны. Хотим еще откупа с уличей, посылали ведь Олгу». Успокоились русичи и вскоре выступили на Хвалисы и Дербень, и было (их) от Запорог, от Дона и от Купани, паки отнятой у казарей, больш 40 тысяч. И пошли от Непра к Дону, и всплескалось море от обилия людей; подойдя к Саркелу, просили казарей пропустити к Воложе и до Хвалис, обещая долю от добычи. Согласися хақан, боясь Руси, и грезилось (ему) много злата. Переволочились руси в Воложу, спустились вниз, мимо Итили; пустошили Семендр и Дербень, и Шемахань, беря злато и паволоки, узорочье и рабов; рабов же сразу продавали или отпускали за выкуп. И жили на отоках в море, и были властелями его. Порознь и вместе выступали обиженные племены против русей, але без

успеха; удаль бысть славою русича от колыбели в родной земле до надкурганья в чюжих просторах. Насытятся казачити и нагрузив лоды разновсяким богатьем и женами, пошли руси обратно, было же серед них уже немало хворых и увечных. Игр не дремал, умея платити чюжим для чюжих ради (своей) прибыли. Обещал хакану под дань Ватичей; хакан же возбудил супроть руси алахов¹⁰¹, единоверцев Семендерских и Шемаханьских родей; але боясь мести, послал сказати, что нападут, прежде забрав в Гирлах свою долю добычи. И увидели руси: вот, ворогов видимо-невидимо, заступили Воложу и дальше не пускают. Рече русьский вождь ко старшинам и наказным головам, ко хорунжим и ко простым сечам¹⁰²: «Хотят отняти (наше), а нас погубити. Пусть возьмут (добро), ибо приходит и уходит, а славы не отдадим!» Реша старшины и наказные головы, и хорунжие, и простые сечи: «Се наша судьба — умножение славы. Не ходит вспять Русь и не уступает». Сошли на берег и исполчились на виду ворогов, оттолкнув лоды от берега, дабы не смущати ся мыслию о спасении. И вступили в многотрудную битву. К ночи перемогли и стали погребати павших, тризнуя. С рассветом увидели: вороги лишь умножились числом. И вновь секлись руси с утра до ночи; пробились к Дону, но уже немногие: полегли славные дружины; хищные степняки растащили обретение их, обирая мертвых. Миновав Донец, разделилась русьская рать, — донцы пошли к себе, купани к себе, запорожи к себе, и послужило к погубленью. Ударили внезап буртасе, подкараулив, и паки насеяли русьскими костьми знойные степи. Возвернулись домой лишь недосеки, и ветр трепал седые их чубы, плача о неудаче; вои(ны) же сурово молчали; нет глаголов великому горю.

Взликовали супротивцы Руси, видя час посрамления, и почали терзати (ее): вступили казаре в Купаньскую землю и отняли Купань; город сожгли дотла и построили новый — Тмутаракань. Печенези вошли в Запорожь; и грабили и разоряли ее, быстро уходя от погони; извещен о неудаче руси, напал на Киев Игр, успев до того примучити уличей и замириться с Тиверью; с ней же боялась ссоры даже Русь. И прия Киев, и назвал своим стольным градом¹⁰³.

Сице, одно за другим, покоралясь словеньские пле-

мены словенским же мечем. Хуже всего было, что ослабел закон предков и обычай, и явилось два закона из одного, не одинаких, и обесценил ся человек, и взневолил сильный слабого, а слабый слабейшего, и не находилось (никому) простора и воли. Времени смуты души и горького беспечия от нее, можно ли сказать о них?..¹⁰⁴

...За долгом необходимо горы. Сегодня робкие всходы, а завтра могучие древы. Тако и Русь обрела новую силу¹⁰⁵; не было только Киева, и страдали братья по Доне.

В летех исчезают события, не сохраняясь. Суть, еже ведали современни, ныне забыта и (никем) не угадана; и се память приоткрывает крупицу истины,— оживают вновь голоса вершителей судеб, смех, слезы и думы о сокровенном. Сопряжено с добром худо, а с худом добро — от бозей; николи не пересилит одна сторона, ибо не дано (ей) правды. Немало словени уходило в русьские пределы, идеже хранили обычай и помнили предков. Але менялись времена: Олг искал посадников из варязей; Игр, чтоб удержати стол, вернул словени княжения и ставил посадниками верных мужей, не глядя, варяжин или словень; посадил словеня в Псках и весняка в Белоозере; в Ладожи и Изборье сидели варязи, Любеч вернулся к полянем, и княжил (в нем) Милко; род его многажды володел Полянской землею.

Прежде, при Олге, словень еще выкликала себе князей по обычаю; Игр дозволял выкликати (только) из тех, кого называл. И властители угодники, знатные роды хирели в забвении, однако, храня достоинство, не искали милости на княжем подворье, объедками не сытили ся, яко просквози из разбогатевших холопей, иже достигнув власти, забывали переделяти свои надеды, но тщились наследовати, подражая варяжским велможам, и бе в поругание и изврат древлим законом. И по общинем загомонили дерзко безбородые юноши с пороками суматошного века: отчего и нам не выделитись? И вот уже изгойничали по своей воле и еще похвалялись. Але еще хуже было, егда раздавал Игр уделы; уделял и дарил ведь и общинные, сгоня семьи, тесня роды и урезая угодыя. Иным велможам уступал волость с данями, вирами, откупам и продажами, и

шел новодержец, боярин, под долг великому князю; сетуя однако на непомерность долга, — всякий ведь досужец и прохвост обыкает к награде, и уже кажется малой, — вымогал лишнее с общин, умножая несправедливость и обиды; и богатели одни быстро, другие нищали еще быстрее; проклинали (в народе) варязей, але свои варязи были еще горш. Суды судили, быщам горшки варили, не переставая; мнилось, вся Словень хочет судиться и ищет свидетелей.

И спросил ся Игр в те немые леты, есть ли имя земле под его рукою; было ведь еще при Олге; егда собрались писати ряд в Царь-граде и усомнились, греки сказали: вы Русьская земля, понеже добро ведаем Скуфь, ведаем Русь, и другие ведают, Словень же знаем мало. И не всхотели словени зватись Русьской землею, называли ся по-прежнему; даже величая первым князем Игра, не признавали ведь за ним волости. И указал Игр своею волостью Поляны, теплый, урожайный край, и ушел из Новгорода, оставив посадничать и воеводити Свиналда. Взроптали словеньские князи, Игр же ублажил их подарками; иных из поляней возвысил, иных, обнаживших меч, поразил мечем. Не заспорила с Игром в те поры Русь, ибо раздробилась и убеднела ее сила; обособились донцы, не получив обещанной помощи; обидясь, отказались купани от союза с запорожеми; рассорились старшины, и степняки не давали покою, и теснила Тиверь, и торжища остались в Кыеве, за заставами. Рече Игр, подольстясь: «Быти ли Русьской земле без Руси? Ступайте под мою руку и пусть ваши без пошлин и накладов торгуют и селятся в Кыеве, а наши пойдут на торги в Корсунь и Царь-град; клянусь блюсти вашу волюницу и закон и помогати супроть ворога, даней николи не брати, дружине же давати подобающее место». Собрались старшины и, наспорившись до крика, реша: «Разумно под першего князя, с ним наши брате». И назвалась Словень Русьской землею, и вскоре обykle людье; о деревлянех услышишь донине деревляны, о ватичах ватичи, когда же обо всех, скажут Русьская земля. И нет (ей) пределов; идеже суца словень, все Русьская земля: нива и обычай, бози и память, слово и мысль животворна. Запороги кличут ся в станах по-прежнему русь и гордятся исконом; еще словят ся

запорожи или сечи, или казахи; слово от степняков: казачити рекше рыскати в чистом поле, бродити отрядом, искати ворога; скажут ненароком казачити, коли кто ищет лучшей доли, ниже про лайдака или подорожного грабителя. Тако в летех меняются речи племен, и гибнет старина и память, уступая новой суете и страсти.

И всхоте Игр на Греки, и подговорил Русь; бе недоволен, еже (греки) забыли прежний ряд¹⁰⁶ и утесняли гостей; ссылаясь на смуту¹⁰⁷, отбирали товары, попирая право, обычай и достоинство. Соединив войско, пошли на конех и в лодьех¹⁰⁸. Достигнув Болгарьской земли, без надоби насилили тамошние роды, ни в чем не желая терпети нужды; болгарьскому же князю говорили: «Болгарей не воюем, но идем в Греки». И се, обидясь, известил князь грецей, что идет Русь¹⁰⁹. И встретили дружину Игра на суше и на море. И на суше русьское войско вначале победило, на море же рассеяли греки русьские лоды страшным огнем, мечучи его с корабелей. И разбегались русьские вои(ны), ибо впервые видели такое диво; победили греки, и осталось меньш половины русьского войска. Порицали сечи Игра: нерешителен, опутал безволием испытанных воевод, не уклонился битвы, когда могли уклонитись, и уклонялся, когда могли одержати победу. Сказала Русь Игру, восполнив свою дружину: «Готовь, князю, новый поход в Греки, умрем без победы; сами же поищем пока в Дербени и Хвалисах, ибо не смог (ты) одети и накормити нас, как прилично нашему званию». И пошли со своими старшинами мимо Корсуня. Ждали их в устье Дона, они же объявились близ Купани; але чепать казарей и осаждать Тмутаракань не стали; поднявшись по Купани, спустились по Хуме в Хвалисы; караулили (их) дербеньцы, они же расстаяли в море; и вошли в Куру, и взяли копьем Берды¹¹⁰, ширваньский град, идеже скопилось много сорочинского злата и сребра, шелков и паволок, узорочья и оружия. И брали добро в изобилии, бердынцев же не трогали. Когда же приспело ширваньское войско, ударили внезапно бердынцы в спину русем, и осердившись за вероломство, побили (руси) тех и других, а полоненных принесли в жертву Перуну. И пошли на Ганжу; прознав однако, что подступает новое войско, поворо-

тили коней. И были беспечны, ведя за собою тысячи рабов; ширваньцы же отравили колодези, и почался мор среди рабов и перекинулся на сечей, и гибли в мѹке и без славы, бросая мечи. И молили Могожь о спасенье, была же неумолима; кто не погиб, был продан в рабство; и разошлись руси в цепех по разным сторонам. Возвернулись иные домой старцами и не узнали их близкие.

Те из руси, иже добрели до Купани, спрятав добычу высоко в горах, попали в засаду; наскочили на них касоги, изменив ряду, и страшна была участь ослабших. Искали касоги потом русьское злато и не нашли, кого пытали, не выдал; и по сей день, скажут, услышишь в Дербени о несметных русьских сокровищах; найти же клада никто не может.

Велми скорбели в Запорогах о неудаче; николи прежде не терпела Русь (такого) сраму. Реша волхвы: «Наказаны Небом. Явив храбрость предков, не явили мудрости». И думали старшины о словах, и сказали Игру: «Вот уже дважды разбиты, с тобой и без тебя, чего не случалось прежде. Промашка твоя и наша: володея Русьской землей, ходити с малой дружиной». Согласися (с ними) Игр и собрал большое войско из русичей и варязей, полян и кривичей, ильменьцев и инших, кто пожелал; пристали к Игру также тиверьцы и печенези, получив мзду наперед. Не пошли только дреговичи и деревляны; дреговичи опасались потерять дружину и остаться нази под хлыстом Свиалда, державшего полки в Смилени; деревляны же, в обиде, что сидят по думским лавкам после руси, уповали возвысити ся после похода и не желали (Игру) успеха.

И выступило войско, и задрожала земля, и ветр побежал впереди, и слухом прониклось пространство. Увидели корсуньцы, караулившие в устье Непра, и известили Царь-град, что идут русьские, и корабелеми покрылось все море, блещут парусы морскою пеной. Предупредили цесаря и болгаре, сосчитав русьских воев и печенезей. Просил цесарь задержать русьское войско при перевозе через Дунаву, ибо не был готов. Послал лутшего полководца с тысячей воев, и дали тысячу болгаре; але Русь перевезлась, не задержась ни на день, и бе заслуга полков Добрына, сына Милко, Любечского князя, и Рогволда, варяжина-русича из коле-

на Синеуса; перешед реку в лодьях, (они) секлись с грецами и болгарями, не ведая страха, и заняли берег, идеже пристали другие русьские лоды. И погибли все греки и болгаре, и от русьских полков осталось немного. Получив весть о гибели заслона, послал цесарь к Игру: «Зачем истребляем ся? Сотворим мир и уставим дружбу, простив обиды. Дам откуп, сколько Олгу, и больше». И получив откуп, вернулся Игр со славою в Киев, и одарил (всех) богатыми подарками, и принес жертвы богам, своим покровителям. Рогволду и Добрыну пожаловал золотые гривны, сам повесив на грудь; и нарядил Рогволда со временем в Пски посадником, Добрына, в отроках прислуживавша Игру, поставил воеводою в Новгород, понеже не схотели ильменьцы варяга, говоря, что скорее позовут нового князя, чем оставят прежнего воеводу; тако перебрался Свинолд в Киев. И созвал Игр великий совет. Собрались его сородичи и (все) подручные князи, и посадники, и белая волхва, и гриди от старшей дружины; хотел блюдением древних уставов снискати любовь в народах, ведь не обрел и сочувствия. И думали о выгодах мира с грецами и корсуньцами, и пеняли запорожем, еже берут корсуньские корабли и грабят рыбаей, а гостей не пускают по Непру, отнимая (товары) у Порогов. И нарядили посольство к цесарю; и быша меж ними знатные мужи, писавшие в Царь-граде прежний ряд, погубленный времёнами и бесчестьем¹¹¹. Ходило посольство от Игра в Царь-град и посольство от цесаря в Киев, и клялись в вечном мире, каждое по своему обычаю. Греки обещали, и есть о том пергамен, не утесняти русьских гостей, позволяя (им) покупати и продавати, что захотят; и урядились о ценах, дабы не чинити обиды, и дорóжил раб в те поры две простых паволоки; несли же на торги паволоки, за какие брали по десяти отроков и отроковиц; (эти) тканины надлежали княжему двору, простолюдином имати возбранялось. И был ряд с грецами не плох и не хорош, остались (в нем) следы былой вражды и таилось зернье новой обиды и неразумения, хотя присягнули допомогати; грецем Игр — супроть печенезей, болгар и казарей, русьским греки — супроть печенезей и казарей¹¹².

Отослав с почестями гречских послов, позва Игр деревляньского князя Мала и рече к нь: «В Деревля-

нех (ты) князь князей, предо мною болярин, радеющий за мою честь и болящий за крепость Русьской земли. Ты один не явился здравити мя. Почему?» Отрече: «Не здравлю за каждый чих. Нет (твоей) победы над грецами, — друзии поневоле. Надолго ли и за чей счет?» Рассердися Игр: «Всех меньше даешь полюдья, велю отныне давати вдвойне; не пришлешь, сам приду за данью». Отрече Мал: «Не решает великий князь о мире, войне и дани без думы, ты же не спросил». И вступил Игр с дружиною в Деревляны искати своего права, и взирала Словень с отвращением. Мал, искуснейший в брани, ущитился, внезапно напал и разбил Игру. Игр скликал новую дружину, а Мал позвал печенезей, недовольных, что не дал (им) Игр от греческих даней; и воевали печенези Запороги, и не прислала русь (свою) дружину, и не смог пересилити Игр; просити же подручных князей затруднялся: тяжело винитись в слабости после похвальбы о могуществе. Затянулась война, и домогались и Мал и Игр подсобленья от Тивери, тиверьцы же упирались, обеща тому и другому. И стали изнемогать деревляны; рече Мал к Игру: «Почто взъярился, аки лютый зверь? Согласен болярином (твоим), на дани же не согласен, не ниже ни Руси, ни Дреговичей. И никого иного не ниже. Не уйдешь из Деревлян по добру, скинем по неволе. Род мой древлее твоего». Рече Игр: «Ты нож пред сердцем моим». И бесчинил в Деревлянех; деревляне же не уступали; помогали им стояти дреговичи. Послал Игр с угрозою к Ярополку: «Не оставишь потыки Малу, возьму дани и с тя». Отрече Ярополк: «Вперед всех даней уступил Полотьскую землю, чего еще хочещи? Отныне не зови думати, ибо не внемлешь разуму». И велел Игр Свиналду, воеводе в Кыеве, взяти под дань Дреговичей. И тогда Ярополк позвал ятвязей и летьголь, обиженных варяземи, иже силою посели по Дугаве. И разбил Ярополк Свиналда на реке, яже зовется с той поры в Дреговичех Переможа; полотыцы называют Межа, а кривичи Можа; и ускочил Свиналд в Новгород об одном сапоге, бросив хоругви, и пенял словенем, что предали (его). И взял Добрын дружину и варязей, ожидавших в Ладожи, и выступил со Свиналдом; понял Ярополк, что не устоит: вот и ятвязи отправились восвоися, и летьголь возвратилась к своим

капищам: уверил их Игр, станет платити пошлины за проход Дугавы — по 10 золотников с лодьи и по 20 золотников со струга.

Але до сечи с Добрыном не дошло: не похотел Игр трепати новое войско, бысть в нем нужда супроть деревляней. Рече к Ярополку: «Будем прежними друзиями, не нарушу уставов Дреговичей, перестань пособляти Малу». И вечевал Ярополк, говоря: «Днесь легче уступить, однако и завтра легче уступим». Вече же порешило: замиритись. И замирился (Ярополк); на другой день объявил в Турье: «Не хочю служити (вам) князем, ибо дважды ломали совесть». И почаша просити остатись; он же потребовал: «Назовите князем по день смерти, а вечю мя не судити». Реша турьские мужи: «Много просишь, не было в обычае. Стóишь доверия и награды, але и другие после тебя будут домогатись, уже недостойные; утратит вече голос, идеже услышим правду?» И ушел Ярополк с позором: обычай бе людем всего дороже.

Лишившись поддержки, Деревляны запросили мира; и согласися Игр вопреки желанию, по настоянию Олги. Слышал от почтенных о любях меж Олгою и князем Малом; совлекаше ся и быщам молви Олга: «Прекрасен (ты), лутше всех. Был бы мужем, нету ведь мне господина». Мал, тоже властолюбец, отрече: «Распустись с Игром или погуби (его)». И смеялись оба, и немало утешали ся, пока Игр похóдил. И се оскорблял Игра людский перешепт. Како было ему погубити Мала? — подтвердил бы позор. Отступити же вовсе тоже не хотел. Рече к деревлянем: «Давайте прежнее, будет мир и ваше княжение». Рече Мал: «Отныне не перечю». И пришел Игр за данью, пил мировую с Малом, и взял, сколько сговорились. Уже возвращаясь, надумал сказати Малу с глазу на глаз об Олге, ибо болело. Отпустил большую дружину с данями и вернулся в Искоростень; и пал пред ноги Мала в слезех: «Не срами мя пред всеми, оставь княгиню». И сжалился Мал. Отрече: «Встань, князю! Хоть и промеж нас, не подобает те лить слёзы. Отныне друг, и се правда: княгиня извратница, утратила стыденье; ублажали ее мои холопе». Рече Игр: «Лжешь!» Рече Мал: «Николи не лгал и не таил правду. Отдай Киев, явлю блуд пред очи твоя». И вышла ссора; был Игр гневлив, яко (вся-

кий) ревнивец, и коварен, яко (всякий) без нужи уни-
зивший ся. Выхватив меч, ранил Мала, Мал же, защи-
щаясь, тяжко ранил Игра, и умре великий князь со
словени: «Ненавижду тя; славлю же, что лишил жиз-
ни, ибо обременяла» ¹¹³.

Искушения дней! Придет час, и се в потерех: изба-
витись ли обступивших тягот? И легче смерть, нежели
жизнь, но час сей и есть час подлинной жизни: обна-
жает ее пределы и душу в красе и безобразии; тогда
важнее всего утвердить волю и устояти. И что речи
мудрых пред метаниями и болью? Красиво в словах,
да тяжко в яви; поверишь, да выбирать самому,
а исход сложностям прост и ужасен. Но и это жизнь.

Известил Мал Олгу: «Собрал Игр дани, але вернул-
ся, пожелав еще больш. Возмутясь, убили его и му-
жей». И свезли деревляне в Кыев тело Игра и выдали
Олге, ожидая, что скажет. И прошел день, а она мол-
чала. Была ей задача; хотела за Мала и знала, не бу-
дет госпожою, но холопкой, ибо прежде нее любил
князь славу. И держала совет с Ивором, купецким
старшиною, мужем хитрым и прозорливым, ненавист-
ником словени; не боялся Олги и мог ее переключати.
Рече Ивор к Олге: «Пойдешь за Мала, взропщут варя-
зи, восстанет Запорожь и Новгород отшатнется, не
хочут уступати Деревлянем; и Поляне воспротивятся,
и Сиверь, уймешь ли беспокойство и беспорядок по
земле? Возьмешь Мала, первыми скажут словени: за-
чем Олга в князех? Или нету мужа, кому верим? И па-
ки единятся, накличешь пагубу на себя и сына (своего);
не хотят ведь гриди Святослава, и мал он ¹¹⁴, хотят
Донала, сына Игра, не твоего сына» ¹¹⁵. «Что же мне
теперь?» — вприси Олга. Рече Ивор: «Вырвати сердце
из груди, бо бессердечен мир сей. Почни княжители
с твердостью днесь, завтра придет соперник и не
столкнешь. Захочет Мал Кыева, а у него Волынь в ку-
мовех и Уличи послухи ныне, великим величают. Не
много ли великих на одну землю? Возобладают Дерев-
ляны, пропало дело Рорика». И решила Олга после-
довати совету, было для нее дело Рорика свято; Рорик
ведь грезил о царстве, идеже варязи были бы княземи
да бояреми, яко иудеи хотели в Казари. Позвала
(Олга) дружину и пролила жалобные слезы: «Погубили
деревляне Игра; привязали по своему обычаю к со-

гнутым деревьям, яко татя, и разорвали, отпустив (их). И вам грозятся». Сказала дружина: «Долг наш — мстити». И повеле Ольга привести послов от Мала и закопати живыми пред дружиной и нарочитыми мужами. И сотворили. Сказали дружи меж собою: «Будет (нас) кормити досыть, ибо нет (в ней) жалости». Переглянулись нарочитые мужи: «Худо быти ее ворогом, не ведает пощады».

И стала собирать Ольга войско, але было мало; тогда подговорила своих людей повсюду молвити: «Нет силы у Ольги отмстити. Пойдет за Мала, будет Мал (нам) господином». Услыхав, реша поляны к Ольге: «Отмсти», и дали (свою) дружину. И русь в Запорогах не утерпела: «Отмсти», и дала свою. Сиверцы и ватичи промолчали; и дреговичи промолчали, ибо не было с ними Ярополка. Другие возмущались: «Нет в обычае, чтобы баба на мужех возила и кнутьем погоняла. Баба на столе, аки жаба в седле». Варязи же хотели Донала, старшего сына Игра, или дядю его Асмута¹¹⁶, мужа незлобива, честна и строгого нрава. Испугавшись, обневолила Ольга служку уморити Донала; и всыпали яду, и Святослав видех мучения любимого брата; слыша предсмертные вопли и проклятия из чистых уст его, осиротел душою и взненавиди мать свою княгиню.

Меж тем послала Ольга к уличам и волыньцам; реша послы: «Собрала княжа несметное войско, идет мстити, не помогайте Малу». И отвергли: «Наш долг и воля; было прежде, будет и ныне». И восставила Ольга печенезей, и пропустили (их) русичи; вошли печенези в Уличи, разграбляя селища и грады и побивая людей. Рече Ольга еще к лехам: «Пойдите на Волынь». И послала злато; лехи сказали: «Не наймиты». Але вступились, понеже давно спорили с Волынью. Ольга же пошла на Искоростень¹¹⁷. Рече Мал, заступив дорогу полками: «Лжива и подла полюба моя; не мне хочет мстити, но роду и земле, берегись ныне». И сошлись рати, и просил Свиналд бросити первое копье Святослава, еще ребенка, и бросил (тот), и угодило в ногу коню; и почали гракати вороны, кружа над Святославом. Реша волхвы: «Се знак Неба. Копьем Святослава пронзится сердце взрастившего его, сам же падет в сече». И был с тех пор Святослав не мил Ольге, ждала от него беды и сторонилась.

И затянулась война; и вскоре истощилась Ольга, а деревянные стояли крепко. Рече Ольга к варязем, и о том повестит Улеб из Полотси, ссылаясь на Рогволда: «Почто коситесь на Словень, не доверяя? Станем побивати (всех) без разбору, восстанут и развеют нас, яко плевелы; будем бити и награждати, и не станет дружбы меж ними; обыкли спорити, не прощая друг другу удачи, себя и свое не уважая; содеют по обещанию и сломят ради шутки, поднимут по воле и толкнут в яму по безразличию. В присловьях дѹхи племѣн; и рекут: «За морем каравай, только рот разевай». Будем для них людьми из-за моря, являя рассудительность и непреклонность». И умножила дружину словенями, и после того стала пересиливати; Малу было неоткуда черпати помогу и затворился в Искоростени. Не сумев взяти града, раскинула Ольга шатры в виду стен, надеясь выморити голодом. И тризнавала по Игру; сзывая нарочитых мужей со всей Русьской земли, понуждала у кургана присягати себе и Святославу. Рече к ней Мал: «Святотатствуешь и scomорошишь всеу, пуста могила мужа твоего, потай погребен в Кыеве, на дворе Гудовом, яко колон. Замиришь, истощаем землю, и много неповинных (уже) погубили». Рече к нь Ольга: «Выйди и поручи ся власти моей, тебе хоцю мстити, твоим не хоцю». И не пускали Мала гриди. Он же, поклонясь искоростенем за верную службу, выехал за ворота. И схватила его Ольга; велможи из варязей реща: «Погубим дело Рорика, коли уйдем, ни примучив деревяней». И не ушли от города, и хотели взяти приступом, и опять не сумели; и вот обманули доверливых князей деревянянских, поклявшись боземи, будто Мал решил откупити ся их жизнью; отворили обманутые ворота, и ворвися Свинадд с дружиной, перебив без пощады всех, кого нашел; иных же охолопил; уцелевших князей бросил в темницу.

Гадала Ольга о судьбе Мала и сына его Доброслава и склонялась погубити, але в словенех узнялся сильный ропот; призвала ведь (Олга) в лето войны много варязей, и (они) требовали серебра, почета и челяди, и получали в дар отчины казненных. И поручила Мала Ватичам; спрятали у бортников на реке Оце, и жил под оком неусыпных сторожей; вскоре однако бежал, не

утерпев бесчестия и неволи, и укрыл Мала и Доброслава, еще ребенка, князь Ярополк. Искала Олга Мала по всем землям и не нашла.

И затеяла брань с уличами¹¹⁸, придравшись, что приютили беглецов из Деревлян, и велми спешила, понеже всем памятна была ее клятва: николи не воевати Уличской земли. Уличи бились храбро и стояли цепко; прогнали печенезей и стелили полки Олги, яко траву коса. Недоумевали повсюду, и се открылось: доблестный Мал воеводил уличами. Варязи страшились его мести; словень взирала (на Мала) с восхищением; одна русь с завистью, ибо умолкла в тот час слава сечей. Говорили старшины запорожские: «Видно, наш черед ийти под дань, иссякла сила: прежде заставляли дорогу степняками, ныне едва управляемся отбиться».

И пришел из Новгорода Добрын с дружиною, и победил Мала; бежал Мал в Болгары и тамо умре; скороси и поныне поют (о нем), прославляя подвиги в Болгарех супроть цесаря¹¹⁹.

Разрушив Улич, Олга поставила (на его месте) новый град и назвала Пересечь, понеже пересекло таможды ворогов войско ее.

После победных пиров в Кыеве повелела вершити новое летописание и дала уставы; уставы се быша злой пагубой для словеньских обычаев, але приняли прихвостни в землех; кроме Руси, идеже возмутились сечи безмерно, грозя отложитись. Упразднила Олга выкликанье князей, позволив наследовати, и указала наследника в первом сыне; заискивая пред белою волхвою, умножила число владык до сорока; расчислила, сколько давати на покорм и на возведение святищ. Быша еще строго уставлены звозы и погосты; сама Олга не ходила уже в полюдь, како Игр.

Внушали варязи, чествуя Олгу: не ведала Словень прежде порядка, знала лишь клёкот и бурление своевластия; але новые законы плодили несуразицу и неволю; населяли грады холопе, и умножались числом повсюду, пуще всего в душах: стало бессчетно владельцев над человеком, прежде ведь властители Небо да старейшина. И прорастало холопство в нехолопех, яко пырей в жите, и тяжелел век на плечех честнейших. Тако живем, говорили, не жалуемся, полны терпения; не проклинаем, сыны земли и надежды. Не возвышало

уже, но унижало течение времён — кругом неудобь и неправда, куда ни обернись, и все не устроено; се дом построил, а уже кровля течет; зернье собрал, а уже мыши грызут; истину нашел, а послушати некому. Скучнело в племёнех, был человек вольным, пока не встали над ним, глаголя, еже берегут волю; варязи же глаголили (о том) неумолчно.

Се быша леты, егда отлетали птицы, дабы николи не возвернутись.

Глава вторая ВСКОРМЛЕНИЕ СВЯТОСЛАВОМ

сё брани, неурядицы, недовольствие и обида; нет мира и счастья в народах и в человеках; прежде имел (то), к чему стремлюсь ныне; завтра стану искать, чем володею днесь. Был — и не был, се теснит и смущает. Але не страшусь пути: нет ничего, что было, все, бывшее сущим, паки суще; велика му́ка и труд подперти времёны судьбою, дабы сверкали славой. Каждый сверши достойное бозей, иначе

отвернутся они от рода, и не одолети мерзоты бытия. Восторженно приемлю заповеди, почто отвергает их жизнь? Безобразна их красота, глупость мудрости печалит, гнетет подлость событий, — что делати, дабы не зрети очми: вот, труды мои бесплодны и сам зря?

Легко обесмыслити (все) вещи и даже жизнь. Але едва исчезнув, смысл наявляется вновь. Не взяти и ярмом духа: внушат ядовитые уста, что все суета сует; коли же ум не короче жабьего хвоста, узришь следом: все исполнено смысла, повита мудростию отвратительная дробезь и ничтожнейшая примета життя; названное суетой и бессмыслием продолжает жизнь с ее сокровищами, нарождая вечность. Постигаемое — самое непостижимое; беспробудный глупец что ведает о том?

Если кто не столкнет соперника, почнет извращати веру его. Тако ведь и Ольга. Хотела поднять ся выше владык и тем накликала бедствие на Русьскую землю. Издревле обычай: в Слове о бозе ведают владыки; протчие, волхвы, князи, старейшины от родей и простолюдые, ведают в боли и радостех, внемлют владыкам,

посредникам, сопричастным тайне Неба. Все ведь постижимая тайна, и остается непостижима. Жито взрастити — тайна, меч сковати — тайна, приметы — тоже тайна. Ольга же, по бессоромию и пороку любопытья, взалкала мудрости владык, еще более (их) высокого имени. И отказали владыки причащению и имени, однако обещали учити, и было ошибкой. Явися Ольга босонож и в ветхом платье ко святищу на Отоке; и были беседы; о них пространно повестит Вран, волхв, во Христе Епифаний, впавший в смуту души, но раскаявшийся. Рече Ольга, выслушав владык: «В ужасех ныне: велик мир, мне же, княгине, простору (в нем) нету, и места, сколь и простолюдине; бозей не постичь, вечности не обрести, как так?» Реша владыки: «Восстает дух твой супроть тя, хочещи более, нежели (положено) имати человеку. Бози судьи нам, не господа, ты же обykle властити, не судя ся по совести, и в том горе твое: ни в чем не сыщешь успокоения. Не вправе человек желати от бозей больш, нежели птица от дни своего. Бози повсюду и рядом, всё сущее они, понеже всему есть душа или смысл; Истина они. Идут к Ней, и дорога далека, ибо не в видимом, а в сути, суть же видима и незрима. Не прошедший пути не мудрец, але ищущий мудро; постиг же, сколь и ушедший далеко. Прозревшие и воспарившие духом живут в дни много дней, жизнь (их) тянется по 300 и 500 лет, если даже рано отходят света».

Рече Ольга: «Трудно понять язык ваш. Блещут словы, яко камени чужого ожерелья; слышу, но далека разумения». Владыки реша: «Мудрость добра, сочитается ради доступности для каждого глупостью, оттого и добрая глупость чревата мудростью; мудрость — от несовершенства мира; добрая глупость — от спокойствия невежества. Трудность словей в непривычии, все просто, и в конце речи молчание. Об одном твердят тайны мира: (всякая) жизнь — радость, и радость — вершение долга, блюение обычая, служение совести, еже дана от семени при рождении: греться в солнце ради плодоношения, не ломатись в бурю, пока не усох, и не желати лишнего, дабы до срока не исполнили ся скорбию».

Рече Ольга: «Отчего наших кумиров мало и бедны, а не богаты? Нет в них величия и нет образа, чтобы

помнить». Владыки реша: «Бози — не для чловецей, но для всего сущего, и для скотей, и для полей, и для рощ; лика нет у бозей иного, нежели у вещей, наполняющих мир. Кумиры — се знаки памяти, обращенные к сердцу, и каждый раз особо; како содеяны, сице любви, всяк увидит своё. Злато же ценят не бози, а чловеци».

Рече Ольга: «Правда ли, что люди живут после смерти?» И отвещали: «Безсомненно. Духи, иже николи не обретают тела, но царят в памяти живых; с девятого колена и они исчезают в бесплотье Неба. Новая телесная жизнь умерших — ересь и блуд ослабшего духа». Возмутися Ольга: «Рекут же волхвы об этом! Почто тогда погребати с конями и челядью и ставити златые сосуды?»¹²⁰ Засмеялись владыки: «Чего хотят люди, то и правда. Словень же сице погребати не обычна. От скуфей пустой обряд; желали властели безмерного, людье же уставало от бремени: не перечеть заботы у чловеца».

И взненавиди Ольга белую волхву: не велели быти первой владычицей пред боземи, многое утаили и не посудили даже бессмертия, предрекли же неутешное бдение и ожидание чуда до последнего часа. Але ведь пустое тяготит заполнить ся. Варязи, принявшие хрищение в Царь-граде, внушали, еже Христос, сын божий, прощает и отцеубийце, и лжесвидетелю, верующий в него обретае бессмертие души и рай за гробом; цесарь в Грецах — первый среди жрецов, говорили, и поклоняются ему, яко богу; великолепие же теремов и храмов Царь-градских неможно отобразити. Расспрашивала Ольга о вере грецей, гостями приходивших в Киев, они же соблазняли, преувеличивая, так что пожелала ехати в Царь-град, — полюбоватись торгами и храмами, и блеском стола. Позвал цесарь, и пошла с велможами согласно тщеславию¹²¹. И подтвердили прежний ряд о нерушимом союзе. Ольга христилась, изменив богам, и христились след за нею иные из (ее) посольства¹²². Повестят, быццам соблудила Ольга пред алтарем с цесарем; почитаю наветом, хотя и подобно правде. Повестят еще, что патриарх убеждал Ольгу христити Русьскую землю, говоря: все великие народы уже приняли Христа, вот и болгаре христились, и лехи порицают дикость свою, вы же стоите особняком; и хуля

обычай словени, обещала Ольга привести ко Христу сородичей и нарочитых мужей; греки дали попов и иконы, зодчего для возведения церкви и разновсякие подарки ¹²³. Се бысть посеян во чрево Русьской земли змей о двенадцати головех; зрел долго, але пришел час, и вышел на свет уловляти честные души и развращати подлостию: один бог — не насмешка ли над истиной? не бесстыдная ли ложь? Уподобление человека богу — не глумление ли над рассудком и над Природой, яже повсюду Могожь? Оскорбившись, владыки долго судили об Ольге и, склоняясь прежде к перемене обычая и просвещению волхвы, утвердились вопреки всему блюсти прежнее. Зло укрепляет зло, и глупость плодит глупость; сие ведь и бесчестие служит оправданием бесчестным.

Не взлюбиша Ольгу по земле; высокоумье (ее) и глумливый нрав корстели от лета к лету; под конец жизни торчала в церкви безвылазно, проводя дни и ночи в пустых молениях; чадь страшилась ее похотей и веселья, ибо кончалось истязаниями неповинных и казнью их. Ведая о неприязни Ольги к Святославу, выказывали ему особое почтение. Святослав же, воспитан кормилицей-деревлянкой, любил словеньскую речь и обычай, и пение, и гусельников, и скоморосей; чужд был ему дом матери, але не перечил, чаще избегал. Когда Ольга почала соблазнять Христом, сказал: «Бози — те, какими рожден, другие — ложь и посрамление духа».

Теперь о Дреговичах. Ярополк умре в Менеси старейшиной рода, оставив сыновей Ванта и Мирослава и дочерей Лыбедь и Верёсю; сыновей учил книжному разумению, письму и закону; в наставники упросил Пёвеня, волхва племени, остромысла, неунывеца, легко слагавшего граны: много лет прислуживал белой волхве и удостоился имени владыки, але не пожелал затворничать; Певень исполни полную летопись Дреговичей; из нее черпаю, чего не знаю, всякий раз воздавая хвалу достославному искуснику и правдолюбецу.

По смерти Ярополка имение его заключали три селлица округ Менеси — Узречье, Плески и Осилечи, и сорок холопей с рядовичами ¹²⁴; Вант, старший сын, остался в Узречье; Мирослав пошел в Турье, идеже был от Ярополка дом со двором и подворьем, и служил

Дреговичскому князю Ушмяну, вступившу в союзе с Волынью, Хорватами и Тиверью¹²⁵; дважды ходил (Мирослав) с дружиною Ушмяна к уграм, прежде чем замирились, побратавшись, и единожды к Влахам. Когда стал скликати Святослав добрых мужей в дружину, отпросился (Мирослав) к Святославу, помня наказ отца: лишь теряючи в решимости, обретаем; и младость — время непрестанных потерь ради обретения, како зрелость — время обретения ради потери.

Боялась Ольга, еже отложится Запорожская Русь; отложились ведь Ватичи, егда воевала уличей; хотела прибрати к рукам русьскую силу. Рече льстиво к старшинам и становчим: «Дам князя, с каким вернете славу и обретете прежнее богатство; разорились в бранех со степняками». И предложила Святослава, рассудив: «И этим недосуг и стесненье будет роптати, и тот уберется со двора». И согласились запорожи; взяли старшины Святослава, и пошел с охотою, наслышан об удали сечей. И поклялся блюсти верность русьскому обычаю; носил одежды сечина, пити, ясти и почивати обык, како сечин, ограничиваясь малым, изнуряя ся трудом и терзая тело непогодью; страха в сердце не имел подобно деревлянскому князю Малу, был честен и считал хитрость трусостью; мудрости поклонялся, охотно слушал из книг, чтети же и писати затруднялся.

И повел дружину в Деревлянскую землю, идеже посадничал Свиналд, — восстали деревляны, жалуясь на неумные поборы; князи их говорили: «Не оставите насилия, не сбросите дани, уйдем к Волыни, чтобы с нею возвернутись». И уменьшил Святослав дани, пригрозив Свиналду, вестника же Ольги, передавша о возмущении княгини, велел напоити допьяна и, передев женою, отправил восвоеси. Из Деревлян пошел Святослав в Ватичи¹²⁶, не завернув в Киев, через Сиверь. Ватичи, отложившись, вошли в союзе с казарями, обещав допомогати друг другу супроть печенезей и Ольги¹²⁷. И быша заодним (с ними) Булгаре, Буртасе и Мокши, ибо все терпели от печенезей. Казарь в те поры сотрясали неурядицы и смута; не было единства меж родами, в каждой земле сидел свой хакан: по Воложе от смыка с Доном до Понизья, в Понизье Дона до Тмутаракани и в Таврах, и вси враждовали¹²⁸; пред тем был великий заговор, и прогнали с Итильского стола

великого хакана, казнив со многими подворными; бысть уличен в злой вороже, вызвавшей мор и голод, ниже в беззакониях, богохульстве и потворстве иноверем.

Вступил Святослав в Ватичи, и прошел, яко вихрь поле, и преклонились ватичи пред силой, и возвернулись в лоно Русьской земли, согласившись на дани в Къев. Реша сечи: «Не хотим служити одной Ольге и себе хотим. Се долг пред совестью: вызволити братьей, вернуть земли по Доне и Купани, отмстити лжецам-казарем и буртасем». И зимовал в запорожских станех Святослав; весною спустился по Непру в море; и овладели русичи Тмутараканью, сожгли Белую Вежу¹²⁹, разрушили Итиль и, взяв бесчисленные сокровища и рабов на продаж, пошли, яко шла прежде русь от Ганжи; искали золото, неколи оставленное в горах, и хотя был с ними сечин, видевший, куда прятали, не нашли того места, ибо прошло много лет, и выросли новые древы, а старые рухнули от старости, и камни переменили цвет и откатились с прежнего места, уступив бурливым потечем; и содеяли (то) злые духи.

Спустившись с гор, отмстила русь ясам и касожем, заставив платити Тмутаракани, идеже вновь зазвучал русьский говор.

Ходил в тот поход Мирослав, и заметил его князь Святослав за мужность и ратные старания; и приблизив, доверился ему.

Потряслась душа Мирослава увиденным: скорбию побежденных и радостью победителей, смертью друзей и коварством ворогов, шумом сечи и слезьми сирот на пепелищах. И зрел в чюжеземье иные нравы и иные обычаи, и уразумел: повсюду живет человек, и равно слаб повсюду, радость его мимолетна, и хочет мира и пищи, идет же в торопех коротким путем, свершая противные себе насилия; и понял, богатый хочет богатети, а бедный боится бедности, мудрец влачится в рубищах поневоле, и словы толкуются разнo, понеже разные у человецей очи и души; и понял еще, недужат все единым недугом, а приблизити ся друг другу бессильны, тяготясь терпением и трудами, ничего не сулящими, и страшась конца. Человек ведь не верит пагубно в разум, но пользуется им ради лжи; не верит заблудно в любовь, но прикрывает ся ею от ненависти. И понял

еще, сильный берет повсюду, не спрашивая слабого и не сожалея о нем, и справедливость — право сильного, а слабых бози не защищают; счастье кругом худо, упования ущербны. И было не разочарованием, но прозрением; о радостех же для всех еще не ведал.

Вернися в Запороги дружина Святослава; метала золото на всех семи Порогах, жертвуя Реке; и ходили в Киев гуляти, меды пити, в дорогах нарядах щеголяти, хвастати оружием в самоцветах.

Кто удержит молву? — скачет по свету без преграды. Валом повалило людие в Запорожь с Русьской земли, и приходили прежде богатыри и умелцы, и каждый получал по роду и званию своему надел и меч, коня и щит; шапку нужда была добыти самому. Водили запорожи обычай — не выдавати ни ускóчившего холопа, ни разбойника; если кто минует заставы у Переяславля¹³⁰, получал свободу и прощение, и прощеников были тысячи; не раз на великокняжих думах порицали обычай, але Русь держалась его крепко.

О ту зиму взял Святослав в жены Малушу, полянку, сестру Добрына, новгородского воеводы; благоволила к воеводе Олга, говоря: «Ведаю доселе двух благороднейших болярей на Руси, второй Добрын».

И вот о Малуше; была, говорят, яко облаце в утре, нежна и небесна, разумница, верою истова и норовом кротка, таких жен ныне мало по лживой земле, разор и искус от нынешних супротивных, не утешение; затевают с мужем спор и драку, оставив Могожь и жалуюсь попам, растлителям своим; заполонити душу суженого надолго не способны: пуста казна сердца. Любил Святослав Малушу, Олга же оттого взненавиди; от Малуши народися вскоре Володимир, третий сын Святославль¹³¹. Были еще старшие Ярополк и Олг от грекини и угорьской княжны, сосватанных Олгою; замышляла, породнясь с угорьским домом, разрушити соузь угров с Волынью, грозившей купно с Дреговичами и Тиверью. Бысть отдана Малуша с отрочества в прислужье княгине в Киев отцем ее Милко, князем Любечским, неколи князем Полянкой земли, — в знак покорности его; отдал ведь и Добрына без ряда яко холопа; и возвысил ся Добрын, и стал повелевати, научившись подчиняти свою волю. Служила Малуша ключницей, спальницей и нарядной девою у княгини; была (Олга) ей милост-

ницей, других же служек бичевала от рук своих и таскала за власы. Узрев однажды Малушу, Святослав влюбился и обладал ею, и бе преступлением; по словенскому закону нельга ведь мужу спати с девственницей, но только с женою, дав вено и принеся клятву пред волхвом о любви и заботех; имети же наложницу, холопку, есть обычай руси, порицаемый по Словени, но распространившийся при Олге и погубивший мнозие души; ведь дети, нажитые от рабынь, считаются рабами. И попросил Святослав в жены Малушу, и взнегодовала Олга, ибо не хотела породниться с Любечским князем. «Исполнилось прорицание, — говорила, — сосет сын червем сердце матери. Почто берешь из словени да холопку?» Отвещал Святослав: «Не холопка, но княжна, и велми древлего рода. Словенский же обычай не вредит мне, ибо есть обычай моей земли». И не хотела Олга уступить. Рече Святослав: «Умыкну (Малушу), коли безумны преграды, оженюсь, и бози не осудят». И уступила Олга, боясь разрыва со Святославом. Пировали свадьбу в Кыеве и в Переяславле, и в Любече, и ушел Святослав с женою в сечские станы. Боляре из варязей пеняли Олге, убеждая, чтоб отдала (по смерти своей) стол не Святославу, сыну, но Велмуду, племяннику от брата, убита в Деревляньском походе. Велмуд же, хрищен вместе с Олгой в Царь-граде, жестокосерд и развратен, чтил предком своим Рорика. Любила Олга Велмуда, потакая прихотям его, и держала рядом с собою, поучая. Велмуд заискивал перед Святославом, але ненавидел его. Святослав говорил о Велмуде: «Сладок, приторен, проглотить — вытошнит»; и презирал за лебезивый нрав; неволею брал в иные походы, давая равную долю с гридеми, але николи не спрашивал совета, како и совета от других христов; о христах повторял с презрением: «Что найдешь в душе (их), кроме чюжих заповедей?»

Рече Олга к Святославу: «Хочю одарити мужей своих, и нечем. Пойди в Ватичи, возьми с них больше полюдья, ведь и обещанного не везут, паки замышляют отложиться, прогнали посадников». И пошел Святослав в Ватичи, и разбил их ¹³², и согласились давати больше, свозя исправно к указанным погостьям. Спустившись по Воложе, покорил (Святослав) Мурому и взял дани с болгарей; буртасям мстил без пощады за прошлые

обиды запорожей, и поссорися с печенеземи, приняв ненарок их рать за буртасей и побив изрядно.

Реша русьские старшины: «Пусто на Доне и по Воложе, казаре прогулялись и пробились, печенези сами нази, пойдём князю, в Тавры и в Корсунь, богаты их города». Рече Святослав: «Возьмем Корсунь, идеже станем держати торги? Не пустят (нас) в Царь-град, а в Дербень далеко». Реша старшины: «Пойдем на Дунаву — и взяти, и продати; приходят туда чехи, угры, грецы, лехи, поморяне и всякие немцы, нет исчисления товарам». Пополнил Святослав дружину, сговорился с уграми и пошел по Реке, послав сказати болгарем по обычаю Руси: «Иду на вы, исполчитесь и ждите»¹³³. Спросили болгаре у вестника: «Откуда скачешь?» Сказал: «От Запорог. Седлал первого коня в полудень, князь же поднял парусы в утро». Сказали болгаре меж собою: «Велми труден путь, але скоро (русичи) будут здесь», и стали готовить дружину; Святослав же нагрязнул раньше, нежели ожидали, соединился с уграми и разбил болгарей, заняв много городов; греки, давно зарясь на Болгарскую землю, вступили с другого конца, притворясь, будто спасают болгарей от Руси. И встретил грецей Святослав и легко разбил их; и был подобен молнии, оберегали его бози, им жертвовал, не считая. И послал цесарь известити: «Остановись, и мы остановимся, и дадим тебе (за то) богатый откуп». И согласися Святослав; сел в Переяславце¹³⁴, и была с ним Малуша.

Рече Святослав ко князем болгарьским: «Хочю княжити у вас; аз есмь друг, греки же вороги». Реша болгарьские князи: «Отними нашу землю у грецей, станем служити». Другие реша: «Греки вороги и ты недруг. Мать твоя, Ольга, без спросу сидит в Словеньской земле, ты же, не спросив, пришел к нам». И не покорились, выжидая. Но проходят бури и утишаются страсти; ищут люди, како жити в доме, еже сохранили, учась любити уцелелое. Потянулись болгаре к Святославу, яко к заступнику, и внимал им, не обходя милостью. Приохотился к болгарьским книжиям, и читали грамотники, а он слушал. И повеле сыскати сведущих мужей, чтоб учили чтети и писати отроков из Руси, яко чтут и пишут у болгарей, и собрали их, свезти же в Русьскую землю не успели.

Свидетельствует Мирослав: пришел с греческими данями некий велможа именем Клюкир; был умен и смел в суждениях и понравился Святославу; пил с ним Святослав задравную чару — примета уважения, не любил ведь хмельного, яко обыкли варязи и русь; ведомо, удерживают бози своих избранников от обилия желаний; приверженный похотям утрачивает вкус любви, неумеренный в пище не знает запаха хлеба и быстро заболевает, разнузданный в хмельном питии лишен присущей радости; одни радения в трудах прибавляют мудрости и чести.

Рече Клюкир к Святославу: «Позови болгарей и пойди с ними на Царь-град; как обложишь город, отворю тебе, ты же помоги (мне) утвердиться на столе, получишь откуп, и признаю тебя в Болгарех великим князем». Рече Святослав: «Любо войти в Царь-град на коне ради согласия и вечного мира»¹³⁵. И созвал болгарских князей, чтобы вдохновить их на грецей, но греки опередили, ибо давно искали избавиться ся от Святослава. Узнав, что сбирается в Запорогах новая дружина, подкупили печенезей и толкнули на Киев и на Переяславль¹³⁶. Ольга с воеводою Свинадом затворилась в Киеве, боясь сразиться, ибо печенези преобладали. И пришли с полками к Киеву князи и боярцы от Любеча и Черниг; и встали на другой стороне Непра, затрудняясь перевестись. Осажденные же изнемогали от жажды: было сухое лето, и переняли печенези источники, заняв посад и сторожьи башни, а из колодезей не хватало. Узнав о беде, Святослав борзо пришел с дружиною, и отступили печенези; он же нагнал их и понудил к замирению, поверив клятвам, хотя говорили (Святославу): «Слово печенега, яко перекаати-поле, куда подует, туда покатится».

Вскоре Святослав паки собрался в Болгары, и явися к нь наказники от ремёсл Киева: «Не уходи, князю, Ольга слаба, супротивники же твои хоцут посадити на стол Велмуда, а нам печаль». И отпустил наказников Святослав, не ответив; рече к Мирославу с горкотой: «Не хоцет мя Ольга, не мати, но мачеха». Ольга же хворела; Святослава к ней не впускали, и правили ее душою попы от грек. Скончалась, не пожелав свидетелься со Святославом, и схоронили (ее) по обычаю христов близ церкви, ею же возведенной. По сей день со-

хранилась могила, и лишена пышности и высокомерья; дума, от нее истекающая, гнетет и странно веселит душу: не возносись, человече, по одной земле ходишь, и общая всем дорога.

И сел на столе Святослав¹³⁷, и никто не оспорил права его; здравила дружина, здравили князи и бояре Русьской земли, и белая волхва, и мнозие были рады, и надежда явилась вновь, како случается, когда одни времёны уходят в память, а другие еще грядут. Раздавая земли и службы, Святослав расточал мужей Олги, подозреваемых в сговоре, по дальним пределам; всех понуждал присягати, и присягали в святище на Щековице, идеже были в те поры Торги, Дружинный двор и Вестничьи конюшни. И посадил сына Ярополка подручником в Киев, Олгу дал Деревляньскую землю¹³⁸. И гадал, куда приставити меньшего Володимира: в Ватичех непрочно, в Сиверех бедно, у полочан беспокоино, Уличи открыты набегам степняков. Рече к Святославу Добрын, шурин его: «Дай Володимира в Новгород, тамо начало воли твоей». И согласися Святослав: «Далече отпускаю, але с тобою, и спокоен. Не держи за рукав, но бей по рукам, коли не то возмет». Сам же с дружиною пошел к Переяславцу. И понудил с собою Велмуда и еще Свиналда с варяжскими полками, зная, что недруг и подстрекатель.

Но кто же, вернувшись к прежнему, застанет его? Се склонилась дума моя над юностью моею, а прильнуть некуда. Сгибаюсь над скрижалю и тружю писало, сколько мочи, продолжая вчерашнее, але аз есмь днесь уже не вчерашний; навещу друга, и он не прежен, новая в нем боль и новая радость, и забота иная. Повсюду, идеже хочет торжествовати человек и уверен, терпит (он) поражение, идеже поражаем и в сомнении, суца для него крупица надеи. Тако и Святослав. Вошли лодьи его в Дунаву, и всплескались синие воды, и вот уж стены Переяславца с белыми вежами, откуда еще недавно провожали со слезьми, махая платками; глядь, а со стен не словы привета, но тяжкие камения и каленые стрелы летят навстречь. В отлучье Святослава подбили греки болгарей на возмущение. Разделились болгарские князи; иные за Святослава, в упованье, еже вспоможет вернути Болгари величие и волости ее; другие супроть: «Русь надобь

кормити, сама не пашет; и далека, а греки под боком. С грецами одолеем Святослава, под ним ведь и мышь не пикнет, свирепо погубил огромные царства»¹³⁹. И не знал великий князь Болгарский, кого держатись, заискивал в Царь-граде, послам же Святославим отвещал, что любит Русь и готов урядиться.

Рече Святослав: «Идеже нет разума, судит меч!» Але не мог высадиться у Переяславца, ибо по всему берегу стояли болгаре; и тогда оборотил их силу в слабость: ударил конным отрядом с тыла¹⁴⁰ и рассек полки на части, и тамо, идеже рассек, вышли на берег русьские вои(ны) и стали теснить болгарей. Однако слишком поспешил Свиналд; ища славы, высунулся вперед, и обступили варязей, ибо подошла к болгарем помога, и стали посекать; послал Святослав к Свиналду тысячу сечей, и не смогли пробиться; и вот старшина их пал смертию, и повел сечей Мирослав, рубясь в челе подобно Святославу; и было знойно, и сбросили запорожи брони, и взяли тяжелые щиты и топоры, и пеши пролагали дорогу с устрашающим криком, и падали, скользя по крови, и оступались о тела павших. И почал Мирослав в виду града оттеснять болгарей от ворот, и смешались, и дрогнули, но бились все еще крепко; и стали изнемогать сечи, тяжела ведь пашня среди утесов, но пали знамены болгарские, подсечены Святославлей рукою, и поднялись, яко птицы, затрепетали русьские белые хоругви с Красным Солицем и одушевили дружину. И вошли русичи в Переяславец, даровав жизнь и свободу всем полоненным. Еще не вложив меча в ножны, послал Святослав гонца в Греки со словами: «Днесь встал в Переяславце, завтра шагну до Царь-града». Отвещал цесарь¹⁴¹: «Нас слишком много, не хватит твоей дружины, лутше подумай, как дальше». И сказал Святослав: «Не спрашиваю, сколько вас, спрашиваю, готовы ли?» Собрав уцелевших болгарских князей, просил идти вместе на Царь-град, поклявшись изгнати грецей из Болгарской земли. И согласились; и подошли угры на подмогу, але было уже меньш, чем прежде. Заутре выступил Святослав от Переяславца, и шла дружина на лодьях и на конех, мнозие же были пеши, а оружие везли на колах.

Узнав о выступлении Святослава, поднялся Клюкир

с приспешниками, и противники цесаря воспрянули духом¹⁴². Затрудняясь воевати со Святославом, греки заговорили о даях и откупах; Святослав же запросил, сколько насоветовал Клюкир, и было слишком, и греки отказали. И прошел Святослав с мечем по Болгарьской земле, взял Доростол, Трояны, Филиппы, Добриж и другие грады и разбил гречское войско. На пути к Царь-граду застигла его весть, еже Клюкир схвачен, мятежи умиротворены, и новый цесарь идет навстречь с новой силой. Хотел Святослав сокрушити грецей по частям в горах, але соглядатаи доносили о его переходах и замыслиях, и всякий раз греки упрждали. И вот раскрылся заговор в стане Святослава: гречские лазути сносились с христами из дружины; и казнил Святослав Велмуда, Улеба, другого сородича, и с ними еще немало варязей. И был после того жесток, како николи прежде, оставляя лишь пепел во градах, откуда отступал; не брал уже в полон грецей, веля посекати или жрети богам; был хмур и недоступен, даже не смотрел на дорогое оружие, еже подносили; любил прежде любоватись харалужными мечеми в плетеных ножнах, янтарными рукоятями в изумрудах, резными наверхиями, шеломами и шестоперами, шитыми тулами и щитами с обережными письменами, и бронями, и кольчугами, и сбруей, и седлами, и шпорами; все, что веселило его преждь, уже не веселило. Однако, свидетельствует Мирослав, не страшился судьбы и был полон надежды, (даже) когда отшатнулись болгаре¹⁴³. И послал в Русь и в Кыев за вспомогию, и к уграм послал, обещаю щедро заплатити за конников; повторял: «Аще дадут (нам) роздыху, растащу цесаря, яко сноп, по колоску». Известили угры, что идут, и пошел Святослав к Доростолу встречать, оставив в Преславе сечского старшину Пригоду и при нем Мирослава. Не остыли еще следы ушедшей дружины, а уж подступили греки, и было столько, что смутился Пригода. «Много косити,— сказал,— хватит ли коней свезти сено?» Затворились русьские во граде купно с верными болгареми и бились крепко, греки же подвели огнестрельные пороки и сносили со стен воев, яко горшки с лавы; и почались пожары, и была измена, и осилили греки; ворвались в город, русьские же укрылись в детинце, в теремах великого князя и во

дворцовой церкви. И подожгли греки терема, и все пылало округ. Рече Пригода к русичем и болгарем: «Потянем, братья, по предкам, иже и в пламени не оставляли меча». И выступил с отроком своим, и стал побивати ворогов, и пошли за ним остальные, страшные решимостью; разметав грек, ускользнули в Доростол; в Доростоле умре от ран Пригода. На тризне рече Мирослав: «Се бысть богатырь русьский; смотрите, дружи, исчахнет земля, не нарождая таких мужей; их могучий дух не ведает преград, от ких плачут робкие, и тем правит судьбу племён на веки». Внемля словом, уронил слезу Святослав, и бе первая и последняя, еже видели от нь.

Преждь рекли: «Черпает лодья жизни бортами памяти». Просторная речь; многие думы о прошлом подобны яду, и божи дают позабыти, и лет отпущено чловецу по памяти его; гнев Судьбы и немилость не в счет. Дольше (всего) хранит память миг детства и час прозрения, ниже обиду, добро ближних, красоту, отчину и доблесть, но и они покидают душу.

Вижу минувшее и (потому) без трепета ожидаю грядущее свое.

Не дождался Святослав угров; оправдывались потём, что не пропустили их влахи, но трудно было поверити; недаром был слух, перекупили греки. Меж тем подступил цесарь к Доростолу. Рече Святослав к дружине: «Завтра поворотим судьбу или (вовсе) лишимся ее. Не посраим земли Русьской. Мертвые сраму не имут, а победившим слава и память!» И до зари, впотьмах, вышла дружина из города. Было русьских воев вместе с болгарями 23 тысячи, греки же привели к Доростолу 42 тысячи и собрали еще 3 тысячи болгарей. Исполчил Святослав дружину клином, в челе встал сам, слева поставил Свиналда, справа сечского старшину Погуляя; конников поручил Мирославу, и отъехали они, незамеченные, затаились за лесьем, по придунавской речице, под носом у грек; слышны быша говор их и поступь, и пляск щитов, и звон доспешей. И была бы пагубна затея, повелевал бы кто иной,— Святослав проницал замыслы ворогов, вчюдесен боземи; провидел, затянет цесарь сечю, чтобы обойти по Дунаве и оттеснити от града. Поставил со собою Святослав верных болгарей, а за ними дружин, не пригод-

ных уже к лобовой сече, — тот кульга с пораненной ногою, этот едва держит на ременах щит, еще тот об одно око. Подступили с рассветом греки со знаменами и трубами. И справа стал цесарь в златых бронях со стратигами и со всею пышною свитою, пустив на Святослава лучников и пращников, дабы осей назойливостью исчерпать терпение; русь же закрылась тяжелыми щитами, выставив переди себя окольчужных сечей, грозных видом и смелых в тесном бою. Постреляв, отошли лучники и пращники назад, не причинив большого урона; и вновь затрубили рожки, и хлынули с гаем и воплями черные люди, потрясая копьями, а греки следили, когда разрушится строй русьских, выбирая, куда ударить. Святослав же расступился внезапно, и наткнулись насевшие на болгар, и те стали посекать их; зная работу, окружили, не позволив развернуть силу. Святослав же подвинулся вперед, и Свиналд и Погуляй подвинули полки, сводя крылы к челу; и вот Свиналд обошел Святослава, потому что греки послали уже конницу — рассечи строй; и надвинулись лавой, а русьские оцетинились сулицами и подняли луки; накатились передние конники на стрелы и сулицы и, морскою волною устремивши ся в немногие просеки, увязли и полегли с конями, остатние же поворотили в сторону Погуляя, ибо не смогли иначе с разгону, упершись о Свиналда; похотели теперь обойти русьских от Дунавы; сего страшного мгновения дожидался Святослав; и подал знак, и вторили с доростольских стен, и тотчас ударил Мирослав вдоль спины переднего строя грек, на виду у задних полков, иже продвигались медленно и грозно, готовясь к сече; и прошел вихрем за спиною у цесаря, многих губя на пути, и увидели греки, ходят русьские, идеже захотят, и не трепещет сердце их пред скопищем противников. Развернувшись, пошел Мирослав за гречскими конниками, понуждая (их) меж стенами града и Дунавой, и сечи, стоявшие позадь болгарей, вовсе перегородили грецем дорожку; и смешались греки, не зная, куда им, и приостановились, и наехал на них Мирослав. Сверкнули мечи, и заржали в тревоге кони, и всадники закричали, выбитые из седел тяжелыми сулицами. Тем часом почалась уже битва пеших полков, и все смешалось, и ждал цесарь, когда изнурятся русьские, чтобы смять их новым отря-

дом конников. И были еще силы, але стал Святослав отходить, устрашая вступающих на поле числом побитых грецей; легко было отличить павшего гречина от русьского. И бились русьские воеи с утра до полудня и от полудня до склона дни, предвечерьем же подошли к грецем свежие полки, и отступил Святослав ко граду. Сказал цесарь, объехав бранное поле: «Кого станем славити, победив еще раз?»

Обложили греки город, насажали огненосные корабели их Дунаву, почалась тяжкая осада. Не ведал Святослав, вспомогут из Руси или не вспомогут,— уходили мужи его сквозь гречские сторожи, и не было обратной вести¹⁴⁴. Город же переполнился ранеными; сам Святослав бысть ранен трижды, Мирослава внесли в Доростол едва жива, с разбитым плечом, потоптана конями. И взнялся мор и голодание, ибо мало было запасов; не тризнавали уже каждого мужа, яко в первые дни, не жгли погребальных кострищ на виду у ворогов, но разбирали дома, чтобы приготовить пищу. Подвели греки подкопы и стерегли день и ночь, готовя пороки и долби, огнестрелы и лестницы. Реша сечи: «Не обычны сидети за стенами. Вели уходити, князю, седмица еще, и не сможем ступати, а коней почти уже нет». И согласился с ними Мирослав, а Свиналд промолчал, держа на уме свое. Святослав же бысть исполнен надежды, и бодрились, кто видел его. Созвал (Святослав) на думу лутших мужей и спросил каждого. Выслушав, принес великие жертвы богам; гадали волхвы и кудесили кудесники, и слово их было: «Дни приносят надежды, чтобы унести следом». Рече Святослав к дружине: «Наступила пора отдати совести. Высока слава у Руси по землям и народам, одною славою отворяли грады и брали дани. Але позор сильнее славы; побежим, и забудут о нас роды, не станет им примера и опоры, и разойдутся врозь. Лутше сложим головы, нежели уступим честь; за смерть отмстят, позором опозорим детей и внуцей».

Вышла из города дружина и стала крепко; и бились топорами, и дрогнули греки, и почали отходить, но содеялась буря, и подул ветер в лице русьским, и сыпали греки песок, слепя их. И паки отвел Святослав дружину в город, потеряв мнозих мужей. Цесарь же послал сказати: «Нет у тебя силы пробиться, проси

мира». Ответил Святослав: «Завтра пробьюсь, и не удержишь, но прежде обращу в могилу холмы округ Доростола. Вернусь с новой дружиной и пойду к Царьграду, како ходили предки. Не будет уже пощады: растет (мой) гнев быстрее, чем тают силы».

И вновь предложили греки мир; и был (мир) горькой мечтою Святослава, ведь множились его заботы, тогда как греки укреплялись. Съехались по уговору Святослав и цесарь на берегу Дунавы в виду Доростола, за утокой, идеже ставили прежде доростольцы свои челны. И пришел цесарь на коне, Святослав в лодье, сидя на веслах вместе с мужами¹⁴⁵. Были с ним Мирослав, названный пред тем воеводою, и Погуляй, сечский старшина.

И почал Святослав без привета и не кланяясь, ибо ожидал поклона цесарь: «Скажи, чего просишь, скажу, на что согласен, и разойдемся». И указав на камень, сел сам. И сел цесарь, поражаясь, что подчинился; был опытен в людех и сразу понял, како вести дело со Святославом, чтобы не разгневати. И сказал свое цесарю; и сказал Святослав, дослушав толмача: «Буди по-твоему, но поступи, како укажу». И согласился цесарь, уступив больш, нежели хотел. Радуюсь однако, что сговорился со Святославом, искал польстити: «Удивлен мужностью твоих воев. Откуда (такое)? Ведь и мои мужи клялись в верности, а приходится погонять». Святослав отрече: «Раб ни за что не в ответе ни пред собою, ни пред боземи, ни пред людем; страшитсЯ в светло и в темь окруживший себя рабами и сам раб. Свободный же за все держит ответ, и честь ему дорогá». Подивился цесарь словом: «Русь берет много рабов». Рече Святослав: «Прежде Русь не владела рабами, но брала их ради продаж и выкупа, отпуская (на волю) за радение. Ныне, правда, немало уже своих холопей, и вот видишь, не аз поучаю тя, но ты мя». И посмеялся цесарь, и вприси: «Что бы сделал со мною, если бы победил?» Рече Святослав: «Вчера бы отпустил, сегодня велел бы казнити». Побелел цесарь, не поняв Святослава, и расстались, тяготясь друг другом.

Повел Святослав уределую свою дружину в Переяславец, взяв обозы с добычей и раненых, дал же взамен слово николи не возвращатись. От Переяславца на

лодьях добрался до Белобережи и узнал, рыщут по уличем печенези, плач стоит по земле, а утешить сирот некому. И было пустынно вокруг, ибо разбежались жители, и не смогли русские вои(ны) сыскати даже немногих коней.

Выступил Святослав из Белобережи и пошел по Непру; поднимавшийся по Реке ведает, с какими трудами сопряжено; и настигла весть у Черных камней: «Предупредили греки печенезей, идешь с небольшой дружиной и богатой добычей. Поджидают у Порогов»¹⁴⁶. И мог пробиться Святослав, и дружина просила, он же остановился и повернул вспять. Паисий утверждает, Святослав убоился,— лживо! Мирослав, бывший неотступно при князе до его смерти, глаголит иное, и верю ему: горько бе Святославу возвращатись без славы, впервые не посрамил, но посрамился. И не было ответа из Кыева, хотя посылал многожды; знал наверняка, не все гонцы перехвачены, иные достигли двора Ярополка или Олга. Наставленные бабкою, оба не любили отца, не почитали его, како положено детям, от которых всегда сокрыто сокровенное о родителях, смеялись вместе с Олгой, называя заглазно глупцом, суматохой и бегуном, и не было тайной от Святослава; переносил однако, пока был силен. Како же было снести слабому, с голой обидой? Кем бы назвался в Кыеве, растеряв на Порогах остатки дружины? Бьют сильнее всех (человека) ближние (его), каким отдал половину судьбы или даже всю судьбу; но кто, не изведавший (этих) ударов, проникнет в чужую обиду? Только возвысившийся в неустанных трудах и бдениях самоотреченья и вновь падший по воле злых духов постиг бы мѹку его, безмерную людскую мѹку, ибо разом утратил, что имел. Вчера торжествовал над многими народами, славили наперебой все языки, сѣння и слуга не услышит, коли не возвысишь гласа. Вчера раздавал столы, а ныне самому нужна кормитись. Ссаживати сына или посадника? Просить у запорожей, когда сам поклялся блюсти закон их? И без того быша недовольны сечи, упрекали в лице, не похотел взяти добычу и уйти восвоеси, но назвал ся князем болгарским; чему пошел на Царь-град? чему не замирился, како предлагал цесарь о начало похода? чему остался в Доростоле, когда предложили греки уйти в Перея-

славец? — и поныне сидели бы там. Всё одобряют люди, когда победа, и все проклянут, когда нет ее.

Рече Свиналд к Святославу: «Пошли кого-либо из велмож в Киев, приведет новую дружину, и пройдем без потерь». Отрече Святослав: «Лутшие мужи уже перебиты. Мирослава не послушают, а над запорожеми посмеются, рады ведь беде их¹⁴⁷. Иди (ты) и сделай, како укажу». И попросил Свиналд охрану из варязей и много злата, говоря: «Не поможет слово, выручит меч, не выручит меч, спасет злато». И дал Святослав не скупясь. Отъехал Свиналд, и ждали его, како не ждут и любимой. И вот уж леса запестрились, и воздух стал прозрачен и гулок, и поплыли по синим водам Непра палые листья, и туманы отяжелели, и вдаль потянулись птицы, и журавы, и дивы гуси, и носатые буслы. И затворилось солнце угрюмостью — пора дождей наступила. А Святослав все ждал, и вои ожидали, предчуя недоброе. Гадали волхвы по бычьему сердцу, по назему и по звездам, и реша: «Червем источено яблоко, упадет с ветви красно». И не пожелал Святослав истолкования, сидел одиноко, вопрошая, нет ли гонцов из Киева. И не было их.

Погубляет напрасное ожиданье пуще искушения судеб. Не хватало шатров, ибо бросили в Болгарех, дабы не обременяти ся; в тех, еже остались, и в княжьем, хоронились недужные и калеки; остатние, и Святослав, мокли под дождеми. И делила брашно дружина поровну, и (все) вои равно несли дозоры. Рече Мирослав: «Будет ли гонец, не будет, не ведаем, что принесет, а холода близко, вот и паук оставил паутину, и зори истончились, и воды замедлились, и вебрь перелег глубже в чащу. В надобь рубити избы да готовити корм Огню. И о конех озаботитись». Рече Святослав: «Не может того быти, чтоб не пришли на подсоб. Свиналд — хитрая лиса, але и он остережется ступити поперек». Рече Мирослав: «Великий Цесарь, родоначальник¹⁴⁸, победил врагов, но умре от руки друзей». И от тех словей Святослав взъярися; воскликнул: «Кто бы ни был ослушник, не уйдет кары! Ждем еще три дни!»

И ждали три дни; поскольку надеялись, не пошли к лесью рубити стан, но остались на берегу Реки; и тащили лесины издалече, и были сырими и тяжелыми,

ибо хватились поздно. Ставили ђбщи, избы без простору, едва о рост человека, такие ныне уже в редкость, разве что (сделают) после пожара, сгубивша все селище. И окружили стан тремя дозорными вежами, рва не копали и частокола не били, едва-едва взяли от реки, приспособив вслед под загон для коней, — пал уже снег и не растаял — случися ранняя зима.

В Кыеве же было вот что. Когда Святослав вышел из Болгари, Ярополк испугался за свой стол и убедил брата Олга отай губити гонцов, чтобы оправдаться в нуже: не приходили, не ведаем, куда подевались. Прознал (о том) Претич, киевский воевода, поставленный Святославом, и стыдил Ярополка, надеясь пробудити (в нем) совесть; был князь всего одиннадцати лет от роду, к тому же труслив, слабодушен и подвержен чужому влиянию. Але Свиналд, явясъ в Кыев, подговорил Ярополка схватити и казнити Претича; и содеял Ярополк. Свиналд, почуяв поживу, посыпал солью раны себьялюбия Ярополка: «Отец твой просит большую дружину, всхотев изнове идти на Царь-град. Не дашь, посадит в Кыеве послушника своего Володимира, дашь, останешься гол, и Володимир, словеньская кровь, пересилит и сядет сам. Ступай и возьми Новгород, а о Святославе не печись, головы не ломай, обложили (его), яко зверя, без дружины не придет». И губя совесть и сыновий долг, послушался Ярополк и, доверившись, просил Свиналда своим воеводою. И метил еще выше (Свиналд), подстрекая к обиде киевский народ; вот слова Свиналда, обращенные к думцам: «Не дорожит Святослав отчиной, вдали (от нее) ищет себе славы, погубил наших братьев. Теперь просит еще войска, не думая о нас». Злато же от Святослава присвоил, говоря, что бросил, спасаясь от печенезей.

Но утаити ли шило в мешке? Како ни истязали и не стерегли, бежал из темницы некий гонец Святославль и, терпя мнозие лишения, достиг Белобережи, идеже, умирая, поведал обо всем. И успокоился Святослав, зная теперь, что делати ему. Рече: «Кто же предвидит грядущий день (свой)? (Никому) не миновати разочарования и обиды, и чем необъятней, тем крепче должно стояти, ибо пытаются божи на крепость. Победа в испытаниях наполняет гордостью, гордость же за имя (свое) не покидает (человека) до крайнего

часа — что иные обретения?» Сказала дружина: «С тобою, князю, примем судьбу». И отрядил Святослав мужей искати по сторонем жито и мясы, ибо решено было зимовати. Печенези же кружили близко, влоками нападая на русь; стращали людей по селищам, и (те) разбегались, так что нельга было ни купити, ни взяти силой. И послал Святослав к болгарському князю Мирко, кый ненавиди греки, аки вороги, а русь любви, аки братья. И дал знать Мирко: «Везу много (всего), встречай». И вышли навстречь, и вот узрели, остужась душою: обагрены снеги кровию, и недвижен Мирко и люди его, а хлебы и мясы украдены. И было тихо серед елани, идеже свершилось злодейство, и (только) Святослав скрипел сапозьми по снегу, обходя мертвых. И погребли по обычаю, како своих мужей, и сказал Святослав: «Запомните и отмстите!» И подивились дружины меж собой: николи прежде не рек «отмстите», но «отмщю».

Почалось зимованье, и было морозно и снежно, а брашна не хватало. С утра ели и пили и ходили в сторожи и на охоту, и рыбалили, и готовили дровье, сумерничали же былинами и небылицами, сгрудясь, брадаты, округ очага и глядя на игрище огней; иные из мужей пели, иные играли на дудцех и гусельцех. Гриди не пили уже ни вин, ни медов, но судили о делах прошлых и о грядущем, и было волхвам всюду первое слово. Умыслил Святослав послати к сыновем грамоты, грозя лишити столов, коли не образумятся. Но гонцы опять не вернулись. Мирослав утверждает, перехватили грамоты печенези и предложили Ярополку за выкуп, але греки, пронюхав, дали печенезям вдвойне, опасаясь, что убоится Ярополк или Олг отцовского гнева.

Предвесеньем наступи в Белобережи голоданье и бе свирепо, падали люди от истощения, но ни един не бежал из стана. И приходили мошенники и соглядатаи от печенезей, от тавров и от корсуньцев, и продавали репу, жито и мясы; платил Святослав разбойникам по две гривны за овцю и по гривне за меру овса, так что серебро вскоре истощилось. Сам ел, как вси, не прося княжеского, и впервые недужил; лечцы из волхвы давали (ему) зелье. И родилась (у Святослава) от Малуши дщерь, и нарекли Снежей; повивали в мұках, про-

студися дитя и умре. Схоронили по обычаю и тризновали, але скупю.

Увы мне, увы, одна тоска (у всего), и нельга допомочи: было солнце — и уже уходит, были древы — и уже потрухли, были грады — и вот уж трава на (их) пепелищах, и царства были — не скажут, идеже стояли, были люди добра и чести — забыты (их) могилы. Увы мне, увы, плачу, видя чюжие слезы. Ужли все равно богам, верят (им) или не верят, воздают хвалу или порицают? Ужли ничтожны все равно, и принявшие, и восставшие, и нашедшие мудрость, и забавляющиеся глупостию? Како отдати (богам) божье, сохранив (человеку) человеческое? Много страдал, желая постичь загадку, и се постиг, божье — в человеческом; правим божье, блюдя обычай и следуя предкам. Нету награды от бозей, награжден уже каждый: чем еще наградити, кроме милости обретати ся в божьих чертогах, чем почествовати, кроме радости стояти за честь серед бесчестных? (Ничего) не сыскати человеку от Неба, помимо себя самого. Богатство же, власть и (все) удовольствия богатства и власти хоть и приятны, не принадлежат нам; вне души, а у кого в душе, — лишь подобие человека. Подобиями людскими населяем мир больш, нежели человецами, и подобия громче судят о мире.

Дума моя о Святославе, с ним и в нем исчезла древля Русь; обочь стоит уже иная, не узнающая и не признанная; погибла честь, умножилось бесчестье и холопство духа, восторжествовала ненасыть.

Видех в Белобрежи печальный курган, покоятся (в нем) останки мужей, отошедших света сего от глада и хворей в Сурувое Зимование.

Едва вскрылась Река, снялся Святослав к Порогам, и причалили близ Страхуна, у Скуфьских камней¹⁴⁹, и тамо поставили лоды на колесы; волочили в тяжи сами, ибо не было ни коней, ни холопей и некого было впрячи. Сказали дозоры: «Впереди перекопано». Шли же в сумерках, торопясь, и наткнулись на ров, и не могли обойти. Скочили из засады печенези и обступили дружину; ночь наизлет травили стрелами и кричали волчьим повывом. Але не пужлива Русь, коли решилась, и примет уже без страха долю: огородились лодьями и поставили заслоны. Едва развиднело, за-

трубила дружина Святослава и подняла хоругви. И стала биться, и билась крепко, засыпая ров телами ворогов, и побежали печенежи, выманивая русь в чистое поле, и не выманили: что пеший в поле против трех конных? И вновь нахлынули печенежи, и паки секлись в отчаянии, но идеже падал печенежин, вставало десять, и прижали русь к лодьям, а лодьи подожгли. Бросились спасати добро иные из дружин, Святослав же сказал: «Переможем, еще добудем, не выстоим, все равно не наше». И оставили гореть, и тогда отступили печенежи, убоясь, еже погибнет добыча.

Сице миновала русь еще два порога, и были уже близки цели, когда вновь наскочили печенежи. Падали в сече русьские вои, и вот осталось (их) совсем мало; бросали печенежи тенеты из конского волоса; опутав воя, тащили прочь на коне с диким воплем и обессиленного вязали, яко пардуса. Других поражали стрелами, и не было от них укрылища, ибо щитов осталось мало, а брони прежде посвергали от усталости. Крикнул Святослав Кюре, печенежскому хакану: «Эй, волк степной, стань супроть, погляжу, стоишь ли победы?» И не посмел печенежин, але, заломив шапку, засмеялся от радости: «Побежден непобедимый доселе Святослав! Аз одолел его, Куря!» И стрéлили печенежи издали, оставаясь неуязвимы. И се пронзила стрела горло Святославу. Вырвал ее князь, обагренную кровию, молвити же ничего боле не смог и пал на землю. Бросились печенежи к телу Святослава, побивая его отроков, ибо несметное богатство было обещано (тому), кто возьмет Святослава живым или бездыханным. Мирослав, видя творимое поругание, просекся в толпище и отнял тело великого князя, потоптанное конями. И подивился, как легок был Святослав, а вслед за тем пал и сам, подрублен печенежскою саблей.

Иные скажут, чуял Святослав пред битвою гибель, и воля его ослабела. Мирослав отвергает со гневом, говоря, что (князь) сильно разболелся. Никто не ведал, когда он недужил, и тут скрыл от старшей чади, чтобы не коснулось дружины; Святослав простудился, егда тащили лодьи у Скуфьских камней, на юру было; пред первую битвою уже забледнел и кашлял, и очи блестели лихорадкой. Николи прежде не отвергал пищи и мог ясти впрок в любое время, не брезгуя, але в день

сечи еды не коснулся, хотя напоминали. И кудесника с пророчеством к себе не допустил, торопя события; совет пред опошнею битвой был самым кратким, ничьих мнений не спрашивал и тяготился даже своею речью.

Повестят иные, рассек Куря Святослава и из черепа (его) сделал винную чару, и оковали ее золотом, но се лживое баснование. Когда умре Куря, сын его, Куря же, хвастал чарою, будто бы (она) из темени Святославля, а кто пиет, страху неймет, але Мирослав виде своими очьми, бысть предано Огню тело князя на другой день после битвы ускользнувшими русичеми, и останки собрали в сосуд серебрян и погребли в курганище близ волоков. Недаром Володимир, идя в Тавры, искал у Порогов погребенье отца и сосуд, дабы перевезти в Киев в капище Перуна, але не нашел. Куря ли сын похитил, осквернив могилу, или иной кто из степняков? Оскверняли ведь и грабили (могилы) во множестве (всякие) разбойные люди, и копали потай скуфьские усыпальни, и казары разрушили бессчетно mogul словеньских предков.

Сказают еще, калики подняли у Порогов серьгу Святослава, злато с камнем Антоха, царя царей Скуфи, камень же от первого римского храма; будто, кто носит, непобедим, и вот носили оберегою старшины Тмутаракани. Услышишь по селищам или на торжище от скоморосей и такое: быццам осталась жива Снежа, дщерь Святослава, и продали ее печенези в Куразан, идеже стала царицей, но и это пустое измыслие.

Бе млад и велми внадеян; пришед в Ильмен ко святищу, вприси: «Идеже свет, изгоняющий тьму? Хоцю ведати Истину». Отрече владыко Бусл: «Хощеши истину в словех — забавно; истина алчет (столько) словей, сколько звезд в небе и капель в море. Почну глаголити, и состаришься, и умрешь, так и не услыша конца, и дети твои, и дети детей не услышат». И се поразило (меня) безмерно: велик мир, быти ли малой Истине его? Рече Бусл: «Просто отчаяться, але спасение дано от бозей: истина жизни доступна вне словей. Яко боль души и тела. Не изреченное и не изречимое — се истина, и горкотна. Живи, ища, и ищи, пока жив, болью постигнешь больше, нежели умом». Сице Мирослав: осветлили терзания, вкусил от страдания

своего. Добравшись до Руси, узнал, нелюбезны Ярополку мужи Святославлі; кого заточил, кого погубил, кого обидел; и отправился домови, минуя Киев; оскорбление бысть непомерно: чавк и смехи новых гридей у стола, и обилие велеречивых, и Свиналд, изменник, порицает отца пред сыном во всеуслышанье, и никто не решится вступиться.

Вернися Мирослав в Дреговичи чрез десять лет странствия; и умре уже брат, и мнозих иных не застал; и прежнего князя, и еще четырех, последников его. Не знала земля ни радости, ни достатка: дрегович утром пашет, в полдень сошник ржою сточен, в обед серед друзей, в ужин серед ворогов. Не было мира: то бранились с Ятвязью, то купно с волынеми ходили в Лехи, то к тиверцам, изнемогавшим от печенезей; и замирились с Новгородской землей, но потеряли дружбу Полоты; сидел же в Полотси посадником Рогволд, неколи любимец Олги, брат Тура, княживша в Дреговичех после Ушмяна; Тур свершил немало доблестных подвигов, известных по Русьской земле и за морем; Кул, отец Рогволда и Тура, варяжский князь, служил Руси, посадничал в Полотси, но был изгнан за убийство; прощен, вернулся уже в Новгород; Рогволд рожден Кулом от кривичской княжны, Тур — от дщери ольсичского старейшины; распустися с ней Кул вскоре по рождении Тура, и вырос Тур в Дреговичех, отчего считал ся словенью, тем паче что находил выгоду.

Бе имя Святославлі по Дреговичем на устех: сам богатырь, и меч-кладенец при нем; идежь конем проскачет, встанет озеро, идежь копием торкнется, горы въздыбаются; с малой дружиной покоряет мнозие страны, и бози ему заступники. Приняли Мирослава в Турье с честию, аки соратника Святослава, близкого и Киеву, и Искоростеню, и Новгороду, ибо словесно и прилюдно возносили отца своего и Ярополк, и Олг, и Володимир; рассказам Мирослава о походах внимали с жадностию, а мудрость речей (его) покоряла. Реша старейшины от родей, и волхва, и гриди меж собою: «Разумен и опытен муж сей, покличем в князи. Другим откажем, видят не стол, но застолье: старший для них закон — из ближнего душу вон». Просило вече Мирослава, и согласися, але немало быша соперников из нарочитых

мужей, больше всего из Ольсичей. И подстерegli (его) на охоте, и обнажили мечи, он же, опытный в бранех, легко разогнал их, проучив плетью; мстити же не стал; и было всем любо. Бысть любо и другое: взял в жены дщерь ятвяжского князя, обретя надежных соседей. Рече по свадьбе: «Не токмо дикий зверь, и человек, и племя усыпляет силы своя, коли нет достойного врага. Обилие же врагов подтачивает силы».

И спорил штодень Рогволд из-за верховьев Дугавы,— хотели варязи ходити повсюду, идеже прибытно торговати и ухапно грабити,— дреговичи же не пропускали без пошлин; пошлины взимали у Витьи-реки, в селище, указанном неколи Ольгою в числе погостий; укрепил Витсь Мирослав прежде других градей, и, поставив новые стены¹⁵⁰, отдал посаднику, чем навлек порицанье от Турьского вече: было ведь еще не в обычае Дреговичей посадничати при князе. Много заботы положил Мирослав ради Менеси и Берестья; в обоих градах расстроил торги и по примеру отца освободил ремёсла на три лета от наложей и накладей. Умельцам же платил за прочность и столь же за красоту содеянного.

По смерти Святослава снова поднялись усобицы по Русьской земле. Отложились уличи, не получив от Киевского стола вспомоги супроть печенезей; Ватичи и Запорожь отказались признати Ярополка над собою; говорили запороги: «Перст не кулак, чилига не плетень, а Киев не Словень». Тиверь, исчерпавшись в бранех и внутренней смуте, попросилась под Волынь; и вошли волыньцы в Тиверьскую землю, и сами стали терпети от степняков, иже умножились числом повсюду. Даже запорожи покидали исконные земли, уходили со старшинами, иные на Донец, к сиверем, иные на Дон, еще иные на Купань или в Тавры, или на Дунаву; и таяла, хирела великая сила, и никто не знал, отчего отвернулись бози. Мало руси осталось по запорожским станам; которые остались, не наследовали уже былую славу. Перунов Огнь сожигал селища и грады повсюду; запустение стало уделом; шел слух, будто вопил на плоче в Новгороде черный петух человеческим голосом, а в Киеве видели рогатую свинью. Реша владыки: «Трижды себе не поверит словень, прежде (чем) возьмет в толк, от неверия (ее) слабость». И было, и поныне есть: неверие торжествует над верою, бесчестие отво-

ряет двери христам; кто не верит Небу, не верит в себя, кто не верит в себя, тому напрасно уповати.

О тайны превращений! Живу и не знаю, жив ли еще и что знаю (о себе). Идеже прежние заветы? Идеже прошлый обычай? — ужли порушен упрямой заботой о сохранении (его)? Смешались мудрецы: камо грядеши, чело́вече? — вопрошают растерянно, видя с печалью, богатство сеет нищету, плеть пестует нерадивого, алчность плодит холопа, а обилие поучающих — невежество. Вещает чрево приявшего злой дух. Варязи ли повинны? Вошли в Русьскую землю или Русьская земля (в них)? Разделили или разделилась? И се слова Мирослава, а судити не мне: «Варязи погубили обычай, ибо наследовали (власть) сами и погнуждали наследовати».

Не порывал прежде князь с общиной, получал и терял свой смер, и людьє не остерегалось молвити (князю) поперек, понеже власть была от вече, — пропустишь ли мимо уха чюжую думу, коли завтра вторят ей другие? После Святослава редко уже по Русьской земле спрашивали (вече) о князе; смеры и наделы обратили в отчины и не токмо не позволяли переделяти, но прирезали, постыдно отнимая у общины. И шло от макушки до пят: великий князь называет боярцами, боярцы называют огнищанами, огнищане называют тиунами; и кто не люб выгодой или покорностию, того не возвысят; не заметили сами, как стали глядеть холопями, и уже не кланялись князем, но падали ниц пред ними; униженье было в почете, а достоинство и честь в небрежении; новые же люди не ведали прежнего и принимали, что находили. И стали повсюду прятати желанья и насилити совесть, и пропал закон, но выявилось два разноликих: для близких судьям и для далеких судьям, и се бысть губленье началам; ложь точила чело́веца, и наглел пронырливый, глупел умнейший, храбрейший обращался в труса, ибо кругом находились ему ненавистники. Безмерно бысть по земле ожидание великого чуда, але не явилось: мно́го жаждущих, да нету роющих колодези.

Серед неисчислимых обид была оскорблявшая: княжил в Кыеве не Ярополк, но Свиналд; богаче всех мужей киевских, повсюду держал волости; сам Ярополк, нуждаясь, просил у Свиналда злато и дирхемы; одних

торжных стругов, согласно Улебу, быша сорок, а скупщики и перекупщики его ходили в чюжеземье; нанимал в дружину из варязей, а из руси и словеней мало. И было два сына у Свиналда, Мстиж и Лют; и оскорбляли обычай, умыкая чюжих жен и позоря юных дев; того же, кто искал правды, убивали. Возмущалось людие пред Ярополком, он же потворил Свиналду, боясь его. И тако нарастал ропот супроть варязей. Свиналд же внушал Ярополку: «Не обykle Словень к порядку. Разбрелись, нету князя, еже встал бы над всеми. Ты первостольный, совокупи земли воедино, почав с Деревлян; были и остались смертными врагами Кыеву. Лиши власти Олга, дай деревлянem посадника, и тебе соберет (дань), и себя не обидит. Вот сын мой Лют — чем не верный слуга?» Деревляны же, видя торжество варязей в Кыеве и в Полотси, говорили Олгу: «Пришлецы не вечны в Словени. И ты не усидишь, коли не уважишь (наш) закон. Вспомни Святослава, — не утеснял словень, но гордился и потому побеждал». Отвещал Олг: «Аз есмь не варяг, хотя и от варяжского рода, буду блюсти обычай». И любили деревляне Олга за легкость княжения. Улеб Полотчанин повестит, будто подбивали деревляны (Олга) идти на Кыев и прогнати Свиналда с подручниками, утвердив Ярополка, и будто готовили уже поход; але подтверждения у многосведущих не нахожу.

Чему быти, того не миновати. Отправился младший Свиналдич на охоту и, травя зверя, пришел в Деревляны, в лесье, идеже в тот час охотился Олг. Наехал Лют на мужей князя и в ненависти хлестал, яко мелкородных, плетью. Возмутися Олг и повелел схватити обидчика, он же не давался, и убили его¹⁵¹. И взликовали киевцы; рече Свиналд к Ярополку: «Отмсти за мя, служил честно и деду, и отцу твоему, и над тобою стоял, уберегая. Не отмстишь, не воевода тебе». Послал Ярополк к брату в Искоростень: «Иду мстити за мужа своего, ибо пастырь ему». И почалась позорная брань. Разбил Олг дружину Ярополка и сказал: «Вот (тебе) урок. Не мсти за мужей своих, но держи в узде, дабы не ввергли в бедствие». И хотел замириться Ярополк. Але Свиналд распалял самолюбие: «Поучает, яко холопа. Осмеял тя пред всеми. Какой ты держатель первостола?» Вышел из себя Ярополк и собрал еще большую

дружину, и сам повел в Деревляны¹⁵². Олг встретил его подле Уручья, и бились жестоко. И стали одолевать деревляне; Свиналд же привел с собою еще печенезей; и спустил (их), егда рассыпались полки Олга, преследуя киевскую дружину; и не устояли деревляны, побежали в город; второпех сгрудились на подъемном мосту, и обвалился (мост) в ров, и многие потонули, а с ними князь Олг.

Вошел Ярополк в Уручье и искал Олга; едва опознали среди погибших, был же в простой кольчуге и простом платье. И плакали люди по Олгу, открыв в нем добрую душу; по смерти отца своего Святослава горько каялся Олг в сыновней неверности; и сделался ревнителем веры, како не бе прежде, и подружился с волхвою, жертвуя без сожаленья, что имел. И се погиб, едва обнажив свое лице. Разит высоких мужей низкая беда и, падая, сокрушают радости и надежды народов.

Многими слезьми оросил сердце Ярополк над телом мертвого брата; и терзался неискупностью вины. Свиналд же говорил: «Радуйся, отныне в твоих руках княжение в Русьской земле». И пошел (Свиналд) с войском по Деревлянem, корчуя знатные роды, и бесчестно голов скатилось с плеч, прежде чем сказали деревлянские князи и старейшины: «Признаём над собой Ярополка».

В пору Деревлянської войны, на второе лето, Рогволд, Полотський посадник, объявил ся князем земли и отложился от Киева. Владея сильной дружиной, наполовину из варязей, выступил супроть Дреговичей и отнял Витьс; хотел еще отнять берег Дугавы, але приспел Мирослав с дружиною, и убрались мужи Рогволда восвосяи. Свиналд, сносясь потай с Рогволдом, похвалил (его поступок), говоря, что соединивши ся, вдвоем легко одолеют Новгород и образумят взгордившуюся словень; ведь Добрын-воевода воспретил варязем ходити в Новгородскую землю без дозвола, дозвола же не давал, так что варяжские корабли, простояв в Ладожи, уходили к Дугаве. Убеждал Свиналд Рогволда: «Почни спор с Новгородом и тем дашь повод нам. Пора напомнити словени, кто мы. Считають (нас) наемниками у себя, мы же должны нанимати (их). Пусть будут тенью, еже укроет (нас) в зной, и солнцем, еже обогреет в стюжу». Се предерзкие словы из книжия

Усхопы, новгородского волхва, изымавшего пергамены и берёсты в доме Рогволда по смерти его.

Посадником в Изборье, еще от Олги, сидел варяжин; сговорися с ним Рогволд и наводнил внезапно Изборье варяземи, и подняли мятеж; хватился князь Володимир, ан поздно: занял Рогволд Изборье. И почалась война меж Рогволдом и Володимиром; увидели новгородцы, еже побеждены уже Деревляны, а Олг убит, и запросили мира; Рогволд же, поощряем Свиналдом, не согласися; требовал земли до моря, идеже сидели летьголь и водь, платя дань в Новгород, но имея свое княжение. Рече Рогволд к летьголи и води: встаньте со мною супроть Новгорода, сниму с вас дань. И выступили сокупно, и была сеча, варязи же в дружине Володимира изменили, и перемог Рогволд; подступив к Новгороду, говорил повсюду: Володимир не хоцет подчинити ся Киеву, како устави Святослав, и он, Рогволд, карающий меч Ярополка. Реша новгородцы, боясь, что разграбят город и учинят кровопролитие: «Мы не против уставленья Святослава и послушники Ярополчьи». Вприси в отчаянье Володимир у Ярополка: «Братр мой, како же быти? За что гоненье?» Отвещал Ярополк, подучен Свиналдом: «Аз есмь не братр, но великий князь. Выдай Добрыня, укрьвша деревлянских беглецов, ныне разыскиваемых (мною). Сам же приди в Киев для объясненья». И понял Володимир: ждет погибель, если поручит ся Ярополку. И бежал с Добрыном и с другими верными мужами в Ладожь, а из Ладожи в Свеи¹⁵³. Набрав (там) дружину, послал по словенским землям спросити: кто вспоможет супроть Ярополка? Сказали Кривичи и Ватичи: «Поможем»¹⁵⁴. И Дреговичи сказали: «Поможем»; сами же бились с двух сторон — на Тесне¹⁵⁵ и на Припади, терпя великие трудности. И стоял на Тесне Полсен, сын Рогволда, на Припади Блут, новый воевода Ярополка, тоже Свиналдич, сам же Свиналд был неотступно при князе. Потребовал Ярополк от Мирослава выдати влешей и хуран¹⁵⁶, деревлянские роды, еже сокрылись в Дреговичи, спасаясь от изгубленья. Мирослав отрече: «Заступаюсь по воле волхвы, ты же нарушаешь обычай». И была битва близ Холмища, и разбил Мирослав дружину Блута; Свиналд, севший в те дни в Новгород посадником, расхво-

релся и неожиданно умре. Тужили по нем варязи, како по своем вожде. И усомнился Ярополк, то ли затеял. Варязи же, окружавшие его, подбадривали: «Хватит (нам) дружины на три Холмища. Возьмем еще печенезей». И склонили послати за печенезями.

Мирослав, подойдя с дружиной к Полотси, понудил Рогволда уйти из Новгорода. Едва ушел, высадившись в Ладужи Володимир и привел с собою варягов от тестя, князя в Свеях; обещал им по две гривны злата. Встретили новгородцы Володимира яко спасителя; и пришли, и поклонились князи от кривичей, от води и от чуди, обманутые Рогволдом. Рече Добрын к Володимиру: «Схватились с Ярополком не на живот, а на смерть, попробуем замириться хоть с Рогволдом. Есть у него дочь Рогнед, посватайся». И слушал во всем Володимир Добрына, полагаясь на честь и опытность его. Послал сватьев в Полотсь. Рече к ним Рогволд, держа свое на уме: «Хочю замириться с Володимиром и рад свое отдати дщерь в жены, да посватался прежде Ярополк; что мне выбирати, спросите Рогнед». Она же по сговору с отцем не соглашалась за Володимира; и не отступали сватья, (так что) сказала: «Не хочю разути рабичича»¹⁵⁷. И передали Володимиру, и оскорбися велми; Малуша ведь, мать Володимира, считалась рабынею Олги, егда была в услужех. Рече Добрын: «Все равно ворог нам Рогволд и ударит в спину, едва поскользнемся. Возьмем Полотсь, отмстив за непочтение к нашему роду». И пошли на Полотсь, и помогал Мирослав; разбили дружину, Рогволда же и сыновей полонили. Повелел Добрын Володимиру взяти Рогнед пред очми отца, и бысть сотворено насилие; Рогволда же с сыновеми умертвили¹⁵⁸.

Егда князь Володимир впервые узрел Рогнед, не плакала и не трепетала от страха, но в спокойствии ожидала свою судьбу; и се полюбилась князю. Была (Рогнед) умна и ликом прекрасна; в сужденьях даже мудрые находили много смысла, а насмешки (ее) повторялись из уст в уста. И был свадебный пир, и пировал вместе с Володимиром и Добрыном Мирослав; Володимир расспрашивал о Святославе и тако проникся к дреговичскому князю почтением и дружбой. В Добрыне же нашел Мирослав единомумца.

И пошел Володимир по Непру в Киевскую землю, Мирослав же не пошел, ибо люди Рогволда, бежав в Летьголь, собирали дружину, опять призывая варязей из-за моря.

У Любеча встретились два войска, Володимира и Ярополка, и встали насупроть, обрывшись. Ярополк ждал печенезей; не дождавшись, рече: «Постыдна вражда сородичей. Замиримся». И согласися было Володимир, Добрын же воспрети: «Не ты начал, но он, погубив Олга и изгнав тя. Луком выгнулся ныне — берегись стрелы». Сказали гриди: «Сокрушим Ярополка; готовый отречись от веры, стречется от слова»¹⁵⁹. Але не торопились, ибо Ярополк был велми силен. И се Добрын почал богатыми дарами и посулами склоняти на сторону Володимира киевских мужей, недовольных засильем варязей.

И вот переметнулись одни, и другие готовы были передаться, и отступил Ярополк к Киеву, говоря в слезех: «Люди, люди, не хозяева (вы) клятвам, но прислужники страстям; николи нельзя на вас положиться, оттого и радости мимолетны».

Затворися Ярополк в Киеве, заранее наполнив ямы житом и сушеным овощем, а подклети салом и медами. Блут же, воевода Ярополка, увидев, что все равно не выстоят долго, послал к Володимиру: «Помогу против Ярополка, чем отплатишь?» Отвещал Володимир: «Явив благоразумие, умножишь имение». И точил Блут волю Ярополка, пугая заговором и убийством; не пускал князя ни на градские стены, идеже сражались вои, ни к людью, уставшу в ожиданиях. И лишися Ярополк крепости в себе, день ото дня проникаясь думой о никчемности жизни, яже слабит и губит (человека) сильнее яда.

Толкали Володимира к миру гриди из варязей. Рече Володимир: «Замирюсь с Ярополком». Добрын прогневися: «Держащий в руке тысячу сердец, смеет ли думати об одном? Тяжка доля избранника, але от божей. Гляди на мя, озабочен ли сугубой заботой? В мучах, а понуждаю ся забыти о себе, инакш не сотворити высокого; не правят зараз людское и божье». Не убедив Володимира в справедливости своих словей, бил великого князя палкою, и в том признался Володимир Мирославу на тризне по Добрыну; бия, Добрын приго-

варивал: «Не властити учю, ибо рожден для того, не держатися стола четырьмя лапами, ибо достоин, но прозирати, что проходит и что остается в человеце и родех, и служити вечному» ¹⁶⁰.

Меж тем убедил Блут Ярополка оставить Киев: «Хочет схватити тя людье, а печенези уже на подходе». И бежал Ярополк в Родню, в остережье, поставленное неколи запорожскими сечеми. Но Блут обманул: не пришли печенези наниматься к Ярополку, а ясти было нечего; обложил городец Володимир, копая под стены.

И наступил голод ¹⁶¹. Прозрел Ярополк, увидев, куда завели его пустыми посулами. Сказал: «Не князь (вам) больше, пойду, повинюсь пред братом, пусть лутше убьет, чем терпети одинокость, нету ведь мне друга». И просил Володимира о встрече. Блут же, испугавшись, что замиратся братья и изобличат его измену, удумал мерзкое.

Послал от себя к Володимиру: «Уговорил Ярополка по обещанию. Идет покорным, замыслил же тебя погубити, спрятал под платье нож». И пришел Володимир с Добрыном и мужами в терем Святославль, еже под Родней, меж Непром и Медведицей; и Ярополк пришел с Блутом и своими мужами. И был весел Ярополк, говоря в надеждех: «Вот первый раз, когда сам решил и сам исполняю, волен, яко птица, и нет надо мной отныне иной воли. От человека ведь зависит, видеть ему солнце или не видеть». Блут же подговорил двоих из свиты убить Ярополка; едва вошли в терем, пропустил Блут князя и заговорщцей, а других, верных князю мужей, не пропустил, зачинив пред ними двери. И убили беззащитного Ярополка, терзая, аки дикие звери, пронзили мечеми грудь и спину, и подбросили нож, сами вбежали к Володимиру с криком: «Злодеи, злодеи!» И велел Добрын хватати мужей из свиты Ярополка, они же успели скрытись, одни в Родню, другие в Поле, к печенезем ¹⁶².

Горевал Володимир по убиенному брату: «Ужли не хватало нам вдвоем места на земле?» И оставался долго безутешен. Взял же себе жену Ярополка; говорят иные, что уже несла от прежнего мужа, но скрыли, дабы потом не вышло спора ¹⁶³. Схоронили Ярополка по словеньскому обычаю, и тризнавали по (всей) Русьской

земле. Блута же и убийц пытали злою пыткой и казнили в Кыеве.

Сице стал Володимир единопержцем, и поклонились ему князи да болярцы Русьской земли; и приходили послы из разных стран с поклонами от великих князей и хаканов. Чествуют всегда победителя, ибо человек ищет покровителя в человеце. Был и Мирослав от Дреговичей, и принимали (его), яко первого друга.

Глава третья ПОД СТРЕМЕНИЕМ ВОЛОДИМИРА

то молвити о дне, пока не настала ночь, об урожае, пока не собран, о буре, пока не кончилась? Сице и о жизни, пока не завершена.

При вокняжении Володимира чувствовали Мирослава, аки почтеннейшего из мужей; мнози державцы обращались к нь за советом, и не отказывал, считая, мудрость — не в словах, але в свершениях, и ум — в уловлении истины поступка, не в досужем рассуждении и

силках подлого обмана.

Когда Володимир с Добрыном почали сбирати Русьскую землю¹⁶⁴, умножились междоусобья. Вспыхнула вражда помеж Дреговичами и Волынью; Волынь воспротивилась Володимиру, желая посадити своего князя Велизара на киевский стол. В дни осады Родни Велизар купно с ятвяземи и лехами вошел в Деревляны и достиг Случи, отнимая грады и подбивая деревляней на мятеж; вступил (Велизар) и в землю Дреговичей, захватив Берестье. И подускал тамошние роды супроть Мирослава; встребовали они (от Мирослава) оставити помогу Киеву и вернуться с дружиною, указуя, что радимичи и ватичи не вмешались. Едва сев в Киеве, выступил Володимир вместе с Мирославом против Волыни¹⁶⁵. Мирослав пошел от Турья, Володимир от Искоростеня. И ударили с двух боков, и в жестокой и долгой сече перемогли волыньцев и их союзцев; Мирослав вернул Берестье, а Володимир присоединил к Киевской земле Перемысл и Червен с волостями и тем отсек от

Воьны галичан, како звали ся хорвате, смешавшись с уличскими и тиверьскими племенами, и восставил у них свое княжение. Велизар бежал к лехам, и выбрали воьныцы нового князя, присягнувша Володимиру на вечную дружбу; не полагаясь однако на обещания, Володимир посватался за его дочь, но она, говорят, умре за день до свадьбы, а причина не ведома.

На другое лето Мирослав дваждь ходил с дружиною в помощь Володимиру супроть ватичей¹⁶⁶, еже отложились сразу по смерти Святослава. Убеддал Мирослав взяти еще и войско от воьней, Володимир же отказался, и потерпели поражение от князя Уда́ла, велми изощрена в ратном деле; не ведал вовсе поражений; покорил Мещеру, Мокшу и Буртась, а болгарей понудил признати ся данниками, позволив однако (им) торговати по своей земле без мыта. Воеводил у ватичского князя Могу́та, како назвал ся Доброслав, сын деревляньского великого князя Мала.

Удал бе из племени маску́фей, иже ведут начало от последних скуфьских царей; маскуфи ставили честь превыше всего и скорее погибали в бою, нежели отступали; повестят, в старости маскуфи убивают сами себя, избирая смерть по желанию, но больше отдавая ся на растерзание диким зверем; землю свою (они) называют Маску́фь, что значит Мать-Скуфь; размовляют же почти все уже давно чисто по-словеньски. До покорения Володимиром Ватичей Маскуфь имела свое княжение; понеже по доброй воле уступила землю, и лесье, и реки, ватичи всякое лето дарили Маскуфи сорок самых прекрасных дев в жены; тяготело над маскуфами проклятие: из десяти рожденных в племени дочерей девять уносили злые духи; утверждают, происходило в темные и ветренныя ночи, и маскуфи покорно принимали кару бозей. Наказаны были за царя Арту́га, родоначальника; пресытись блуда, нарушил обычай, дав право женам избирати мужей, отчего приключилось много несчастий, навлекших погибель на неколи огромную державу. Сам Артуг умре нечестиво: жена его, царица, связавши ся с челядином, уби мужа и бежа к его ворогам. И се прокляли бози род Артуга, известив, не снимут проклятья, доколе не очистятся от блуда в помыслах маскуфьские жены.

При рождении Удала отцу его, князю Маскуфи, пред-

сказали, еже примет смерть от сына; и повеле (князь) бросити новорожденного в реку. Але младенец поплыл и выбрался на берег. И поведали слуги князю; он же приказал сжечь. Слуги повиновались и бросили в огонь, але порыв ветра вынес младенца из пламени. И замыслил князь удавити сына, и в тот же миг отнялись (у него) руки. Убедившись в неизменной воле бозей, князь повеле отнести ребенка в дремучее лесье, говоря: «Колы не уйду судьбы, пусть хоть забуду о ней». Но не забыл и вскоре явился в месте, идеже оставили младенца. И вдруг все увидели, выехал из гушарья на волке отрок. В ужасе князь бросился бежать, ступил в болото и захлебнулся. Маскуфи же поклонились отроку, прося в князи; недаром родовое прозвище Удала Увлук; на прежнем языке маскуфей значит «оседлавший волка».

Володимир остерегался новой брани с Ватичами, настоял же Добрын: «Удача, что можем побивати (противников) порозь, сложится Удал с кем-либо, не управимся». И собрали новое войско, взяв от Новгородской земли, от волыней и от переяславских сечей, а всего с дружиною Мирослава больше 16 тысяч. Пришли в пору созревания жита и почали жечь поля и угоняти скотье. Искали дружину Удала, чтобы разрешити спор, и тщетно; Удал нападал малыми отрядами в ночь и на переходах, и таяло занепогляд киевское войско.

Рече Мирослав к Володимиру: «Николи не переможем здесь, ибо насилим. Замиришь, не требуя дани, и прибавь (земли) Ватичам за счет сиверей; дай еще жито дешевле, нежели продают болгары, возместити же попроси скотьем, ибо меняют (ватичи) коней и овец у болгарей; станут разводить сами, чтобы отдать, и поссорятся с болгарями; тогда поможешь ватичам супроть болгарей и тем обретешь (их) доверие и покорность». Похвалил Добрын совет, и принял Володимир: «Тако поступлю, чтобы не увязнути на посмешище ворогам. Але боюсь, промечемся в хитрых надеях». И послал Мирослава к Удалу, и уставили почетный мир. Через два лета случися по предречению. Рассорились болгары с ватичами, и вступися Володимир за ватичей, разбил болгарей, хакана не тронул, але детей (его) взял заложниками в Киев. Рече Удал к Володимиру: «Обманули мя, оставили без соузца, и се понуда отныне давати дань в Киев». Могута же, воевода Удала,

бежал в Радимичи и тамо поднял совесть¹⁶⁷ супроть Володимира.

В то время ятвязи, промышлявшие разбоем, пройдя лесные завалы и топи, напали на мазовец и, воюя их, достигли поморских градей. Взяв богатую добычу, (ятвязи) с литями и земголю вступили в Воляньскую землю, а после сусечили по Дреговичем; в Полоте к ним пристали варязи. И позвали дреговичи и воляньцы Володимира в помощь, и выступил Володимир. И преследовали ятвязей по пятам, понуждая сразиться. Сошлись на правом берегу Бужа, и потерпели ятвязи поражение, ибо литы, земголь и варязи, устрашенные жестокостью побоища, отступили в неподходящий час. Оставшиеся в живых ятвязи укрылись в Укшеге, остережье по Бужу; бе градец мал, але неприступен: стены высоки, а под стенами рвище с глубокой водою, — лестниц не поставити, вала не насыпати. Але Володимир не похотел уходить, прознав, что спрятаны в Укшеге сокровища, одного серебра в диржемах¹⁶⁸ десять больших кадей. И вот некий ятвяжин согласися показати за мзду подземный ход. И дал золото Володимир вопреки предостереженьям Мирослава. Привел человек к подножию холма за рекою и показал вход в подземелье. И вошли одни за другим триста воев, и не было от них вести, достигли града или нет. И внезапно закачался холм, будто при землетрясении, и обрушился с тяжким стоном, засыпав лутших мужей войска, и не знали, идеже копать, чтобы найти хоть тела. Страшная весть облетела стан, и заколебались гриди, говоря: уйдем (отсюда), Ятвязь — обиталище колдунов и злых духов, молятся ведь (ятвязи) не Добру, но Злу; и не смогли удержати войско и продолжать осаду. Молву об ужасном событии и поныне услышишь по Русьской земле.

И замирились с ятвяземи; часть их земли присовокупили к Воляни, еще часть к Дреговичам, ибо откаказались дати откуп. Вот что (известно) о Ятвяжском походе. Укшег вскоре был выжжен дотла и не возродился, потонув в багнищах. Ятвязи же с тех пор переменили нрав. Великий мор, случившись вслед за поражением, погубил в них гордость; прежде ведь (их) земля доходила до моря, вбирая мнозие роды; ныне сидят по болотам, прячутся за трясынами, забыв, что были у них грады и предания.

...Повестил уже о болгарском походе¹⁶⁹. Теперь об опошнем походе, еже выстоял Мирослав с дружиною за великого князя; был еще в Корсуни, але яко вельможный болярец, и про то особое слово.

В те поры Булгарь простиралась едва не до Хвалис, бе могуча велми, платили (дань) болгарьскому хакану даже печенези. Собрали булгари войско, столь огромное, что не смогли перечесть ся, и пошли в Ватичи; дым от пожаров до неба отмечал (их) дороги. Послал Удал в Киев к Володимиру, торопя: «Приди скорей, коли назвался другом». И пока седлали, пока тороки вязали, был ранен Удал в битве; расхворелся и несчастно умре, осиротив племя. Володимир впроси хакана: «Чего хоцши от ватичей?» Отрече: «Получити долги с друзей моих прежних, ныне с твоих». И было правдой, ибо обещали неколи ватичи за помощь супроть Володимира половину из того, что возьмут с буртасей и мордвы, и не давали. Рече Володимир: «С меня получишь за них». Отрече хакан: «Еще утесняют моих купцов. Прежде позволяли торговати, идеже хоцют, по градем и селищем без пошлин, ныне в селища не пускают, во градех неволят поборами». И паки было правдою, ибо увидел Удал, что обирают болгарьские гости людье, колеблют добрые нравы; если нет у жены серебра, наградят узорочьем за бесчестье; если нет у мужа, за шапку или чару винного зелья велят прислуживати холопом; и сбегается людье на торжища, быццам на диво, оставляя работы и забывая радети о нивах и скотех. Рече Володимир: «Ни бабка моя, Ольга, ни отец мой, Святослав, не позволяли чюжеземцем торговати по селищам, но только по градем на торжищах, уплатив мыто, како водится по всем сторонем. Не пеняй ватичам, (тут) моя воля». Отрече: «Будем битись, и отниму Мордву и Буртасей; заставлю ватичей давати (дань) до конца дней моих, а тебя проучу». Рассердился Володимир на дерзость, Мирослав же остудил горячность его: «Война — не игра, и выиграешь, в карман не положишь, и проиграешь, из кармана не выбросишь. Стоит ли губити силу, рубя гнилое древо? Яко прежде Казарь, в беспорядке и смуте ныне Булгари; гибель им уже приготовили сокровища их; продают много, покупают же охотнее всего жен и не гордятся уже бранною славою, но удачливостью ку-

печских затей. Победим болгарей, станут ли оглядываться печенези? ¹⁷⁰ Буртасе и Мордва союзцы ватичем, пока силен и жаден хакан; ослабнет хакан, и буртасе войдут в Ватичи грабителями». Добрын сказал: «Не сможем надолго замириться с хаканом, ибо считает (нас) слабее. Чем ждати, доколе ударит, лутше ударом отвадить заритись на наши земли». И послушали Добрына. Впроси Володимир у ватичей: «Кого хотите?» Ответили: «Уже все равно». И указал Володимир на Сухана из рода протичей, и выбрали князем ¹⁷¹, и присягнул на верность Володимиру; с тех пор ватичи считают ся Русьской землею и подручны великому князю. Тако ведь слагаются судьбы: стремишься всю жизнь в мѹках и не можешь получить, потѹм, глядь, лежит обочь и доступно, плачешь от радости и жаль пограченного всеу, а не вернешь, и долга ли утеха?

Гадали маскуфи о грядущем с Булгареми, знамениты ведь их волхвы предсказаниями. Едва пала ночь и прояснел Вышезар, принес Володимир богатые жертвы; и вышли волхвы на поляну в торжественном одеянии, и бросали вверх медные поножи и солоmeshные вязла, и сыпали пепл от священного дуба, заклиная Небо открыти грядущее. Реша: «Вязло держит сноп, а три не удержит, ибо вязло по снопу, а не сноп по вязлу». Сице растолковали слова: «Переможет Володимир хакана; але не отнимет царства».

Сошлись оба войска на Могожи-реке; имя Реке ке от племени, еже (там) обретает, но от Всебожи; поклоняются ей тамошние роды, не зная обычая: ничто не называть именем божьим, схороняя только для памяти. И встали русьские вои в излучье спиноу к реке, полноводной и крутой берегами; нельзя было отступити, зато и ворогам не обойти. Предвидя же, что поищут обойти, ибо превосходят числом, а поле брани узко, поставил Володимир в чело мордву и буртасей, за ними исполнил искоростеней, новгородцев и киевцев; в левом крыле, по речной луке, поместил свою дружину с варяжским полком, полком сюждалей и ватичской дружиною; в правом крыле, тоже по луке, Мирослава. Хакан, радуясь, что загнал словень в мешок, выступил вперед лучниками, болгари ведь тут снискали себе славу, и обрушили стрелы на войско Володимира. Отвечали булгарем, не подпуская близко, буртасе и мордва,

сами примерные стрелки. И разгадал хакан умыслѣ русьских воевод, не ударил лутшими полками по буртасе и мордве, чтобы не обрезать рук о деревлянские топоры, ударил конницей по крылам, рассудив: станут вспомогати крылам и ослабят чело; тогда и наступит час рассечи врага пополам и потопити. Выставили поперед (себя) вои Мирослава сунѣ, пуки заостренных лесин, яко вяжут (их) дреговичи по обычаю супроть конников, и оцетинились сулицами. Ударилась лава, сотрясая землю, и потеснила строй, но не опрокинула, ибо стояли дреговичи насмерть. Варязи же на левом крыле поступили в опромет — выслали встречу конников; и не удержали врага, смяли их булгари, врезались в варяжские полки и разметали; бросились на подмогу сюждали и полегли до единого; варязи успели наладити строй, но отошли, обнажив киевцев, а потом побежали. И вступили (в сечу) киевцы, але без удачи, помешали бегущие варязи; тогда Володимир, по слову Добрына, велел вступити деревлянем. И почали тружати ся искоростени, будто цепами, молотя жито; сдвинули булгарей в реку черные щиты с красным солнцем¹⁷², и потонуло врагов без счету, а с ними немало варязей и киевцев. Но не ужаснулся хакан потере, обрадовался, что ослабло чело русьского войска, и тотчас проломил конниками буртасей и мордву; вошли в брешь булгари, и встретили их новгородцы и ватичи; на деревляней же пустил хакан печенезей. И смеялся, избоченясь, ожидая победу. Прискáчил к Мирославу Волтысь, ватичский воевода, без шишака, в разорванной кольчуге, руки и лик в крови, упрашивая перейти в чело. И не было сговорено с Добрыном, але увидел Мирослав, изнемогли новгородцы и ватичи, и поворотил свою дружину. Сомкнулись червленые щиты с белым аистом; бились дружи, не оставляя про запас (ни сил, ни жизни). И вот смешалось всё; в ином месте преобладали булгари, в ином русьские. И посвергали кольчуги деревляне, оголились до чресл по древлему обычаю, и, поплевав на ладони, яко корчеватели лесья, вдарили из последнего, призвав на помощь Перуна; и последовали за деревлянами новгородцы, а за ними туряне; и побежали булгари с криком; и взяли хоругви их и шатер хаканский с ларцами, златыми чашами, черпаками и сосудами, с почивальным ложем из сереб-

ра и с сотней наложниц-отроковиц от разных племён; обычай у болгарей: празднуя победу, награждает хакан лутших воев своими наложницами, а те берут (их) в жены. И полонили множество ворогов; Мирослав отнял у хакана меч и снял перстень; и поднес Володимиру, он же вернул перстень, в слезех целуя Мирослава, и ехал, счастливый, по полю серед бездыханных богатырей, не узнавая по именам.

Щедро наградил Володимир поредевшее русское войско, дав тройне на павших; и князей буртасьских и мордву оделил по доблести их. Хакана же отпустил с миром, не губя царства его, но взяв слово о дружбе. И берег хакан слово, пока не умре, отравлен братом, а тот забыл о великой битве, како забывают науку в поколениях. Река же хранит память до сих пор подобно всем рекам, полям и горам, зрящим совестью в людскую душу любым мгновеньем; мы же, смертные, не примечаем.

Вспомог Мирослав Киевскому столу при походе в Радимичи ¹⁷³, не пропустив восставших деревляней, иже пошли соединиться. Выслал Володимир супроть радимичей ватичскую дружину, дав в подпоры чернижские полки; Могута же, воевода радимичского князя, разбил войско, и бежали с позором. И повернул Могута в Деревляны. Испугался Володимир, что примут там князем, и второпех выступил навстречь, требуя от радимичей выдати Могуту. И соблазнились радимичские князи откупиться; схватили Могуту, дабы выдати Володимирову воеводе Молчуну прозвищем Волчий Хвост. Але бежал Могута, обманув сторожей; Молчун же, следуя указу, напал на радимичей, велми истрепав их; сице утратили волю от гордыни и зломыслия. Когда уладилось в Радимичах, послал Володимир Мирославу златый щит, признав заботы от умножении силы Русской земли. Щит висел в гриднице турьского терема, исчез бесследно во дни мятежа супроть Мирослава, о чем еще срок повестити.

Теперь вкоротех о Болгарском походе ¹⁷⁴, ибо с того времени расстроилось у Мирослава с Володимиром; пропали надежды сохранить волю Дреговичей, и раскаялся, еже сам вспомогал губити и искореняти вольницу, приближая свой черед. Рече Добрын к Володимиру: «Возьмем землю хорватей, истоцили ее и угры,

и лехи, и моравы, заберут совсем, подступив к Деревлянской земле». Было же в Деревлянех опять беспокойно, и умиряли огнем и мечем; огонь умирал на пепелище, и мечи ломались, а деревляне стояли на своем. И попросил Володимир у Мирослава дружину. И впервые отказал Мирослав, ссылаясь, что нападают радимичи, и полота подстрекает дреговичские роды к возмущению. Рече Мирослав: «Ропщут на мя дреговичи, упрекают, что забросил землю и пасусь на Киевском дворе». И было сущей правдой, ибо может отлучиться муж от жены, не может отлучиться соха от поля; добрый же князь соха, взрыхляющая почву.

Поиде Володимир в Хорвате, а хорвате поклонились болгарем. Реша болгаре к Володимиру: «Ты братр нам и хорвате братья. Не воуй их, но бери невеликую дань и буди заступником». Рече Добрын к Володимиру: «Разумно. Примучим, все равно не станут везти тяжкие повозы: они в сапозех, а мы в лаптех»¹⁷⁵. Отрече: «Не учи мя, аз есмь великий князь, а ты в слугах моих». И было непочтением и обидой, але сдержал ся Добрын, не уронил пред думою горячего слова, молвив с покорностью: «Не слуга твой, но слуга Русьской земли. Не слушати совета — сила слабости, не зрети истину — слабость силы». И с того (случая) часто хворел; был же вси дни жизни строг, не послаблял ни себе, ни ближнему, жил скупо и ел черство, и в трудех не знал отдохновения, питая ся сладкою мыслью, кой следовал неуклонно мнозие лета.

Володимиру же давно шептали о Добрыне велможы, особливо из варязей: «Сколько опираться о поводыря, или слепец?» И велел (Володимир) гадати о сече. Реша волхвы: «Гонит жажда, але насыщению не быти». И не всхотели мужи правдиво истолковати словы, убоясь после Добрына крутого нрава Володимира, и лгали впервые громко и безутайно. Рече Володимир к дружине: «Разобьем хорватей и возьмем богатые дани. И в Болгарех возьмем, показав пред всеми свою силу и отмстив за Святослава, ибо подтолкнули к гибели». Вошли в землю хорватей и победили. И достигли Болгарей, и сразились с ними¹⁷⁶; бились до полудня, а когда разошлись, спросил болгарьский князь: «За что сечемся, укажи причину? Завтра придут к тебе печенезы, а ко мне греки, и всплачем оба о напрасных

потерях. Возвращайся домой со славою, дам подарки на всех воев». Сказала дружина: «Ничего более не в надобь». И торки, иже помогали Володимиру¹⁷⁷, сказали: «Почто зря тупить сабли?» Но не послушал Володимир, заутре вновь исполнил войско. И разразился гнев Перуна, и пала с небес невиданная дотоле река, и протекла промеж болгарями и русьскими. Реша волхвы: «Се знамение. Велят божи остановитись». И урядился Володимир с болгарями; и поклялись: «Скорее камень почнет плавати, а хмель тонуту, нежели нарушим клятву о мире». Мирослав осудил поход в Болгары, яко постыдную и пагубную затею; когда донесли Володимиру, он сказал: «Тако есть». И изумились мужи. О власть имущий, воля — закон и прихоть — суд твой!

Теперь упомяну о Грецах, принесших много огорчений; от них переворот в извратившейся Русьской земле; тенью легла тяжесть на времёны и поколения, растоптана и смята гордая душа человека, и се раб округ, и жизнь раба уготовил сыну своему. Случися в Грецах великая смута; явились послы от цесаря в Киев, щедро сулили посулы, умоляли прислати дружину, говоря: «Мало у цесаря верных мужей, и завтра беззаконники обезглавят его». Обещал Володимир Царь-граду 10 тысяч войска, корабли же снарядили корсуньцы¹⁷⁸. И стал сбирати ратников (Володимир); сыскались добротцы, але недоставало, и послали по землем. Сказали Мирославу вестники: «Великий князь хочет, чтобы дал тысячу лутших воев и встал воеводою». И воспротивился Мирослав. Рече к нь Добрын: «Пока жив, не дам (тебя) в обиду. Не пойдешь в Царь-град, другой возвернется со славою; станут искати ему волость и найдут в Дреговичах». И поведал о (тех) словех Мирослав турьской думе: она сказала: «Иди». И исполни Мирослав по ее указу.

Спустился Мирослав по Непру к вустью, идеже стояли наготове корабли, и вскоре достиг Царь-града, не потеряв ни единого воя. И от Царь-града прошел Гречскую землю, наблюдая обычаи и законы; секся за морем с ворагами цесаря и победил; всего ходил в девять походов, и ни разу не дрогнули русьские вои, Перун и Род оберегали их честь; и растеклась слава о русичех, и приходили иные посмотреть, из чего сотворены,

из меди или костей, и поражались (их) виду; были мужи крепки и осанисты, имея свою одежду и свое оружие. И увидел Мирослав: бози, какими бы имёнами ни нарекались, повсюду одинаки к людем, люди же в поте лица добывают хлеб, и тако же плачют, погребая близких, и тако же веселятся в праздник, и тако же скупы будни их и каменисты дороги, и зависть кабалит человека, неволя холопит, а нужда изгоняет мудрость. Любовался Мирослав чюдными скотеми и разноликими птицами и рыбами, и было в диковину. Летают в заморье змеи на крылах, а ящеры в пять саженей, и поедают быков, раскусывая (их) пополам; и произрастают необычайные древы, а на древах плодов без счету и все солодкие, ни единого горького. А еще водятся древы, на кых созревает жито, и люде, собирая его, толчет в ступех и выпекает калачи и ситники. И есть племёны богатые и племёны бедные, чтущие мудрость и не ведающие о ней, и есть обычаи, достойные подражания, ибо хвалят стариков и законы, есть и мерзкие (обычаи), достойные осуждения: гость грабит приютившего, правды доискиваются мздою, а чести ложью, сосед пользуется женою соседа, дочь вступает в связь с отцем, и оба похваляются; народы же, подпавшие беззаконию и разврату, исчезают, растворяясь в других. И увидел еще, что гречские жерцы, попы, жестокосерды и во мнениях не свободны, ибо Христ, их бог, взыскует, яко хозяин с раба; секут же вместо него палачи из людей. И увидел еще Мирослав, что (повсюду) трепещет душа в тревоге, жажда вечности и тверди, и нигде не находит; подвержен человек болезни и горестям, и годы не спасают, но губят, а надежда обманывает. Поразися (Мирослав) более всего, еже в иных сторонех, дальш гречских, разделено людие не токмо по имению и знатности рода, але и по занятиям: горшечнику не дадут возводить храм, плугарю не позволят в скомороси, броннику воспретят переписывать книги, а князь всегда будет княжити. И нашел Мирослав такой закон велми противным естеству человека: налагает на нь еще и новые ковы, и вот уже негде сыскати счастья, ибо счастье — делати то, на что сподобила человека Природа, и не делати того, на что не сподобила.

Тосковал Мирослав на чюжбине по родным краям и

летел весенней душою вослед журавам. Когда исполнили (русьские воины) долг, одарил всех цесарь, спросив: «Хотите ли служити еще, како служили?» Отвечал Мирослав: «Отпусти; честь носим с собою, сердце же покинули домови». И отпустил воев цесарь, дав быстрые корабли, и вскоре были в Кыеве ¹⁷⁹.

Впроси Володимир: «Чему не сказал цесарь, когда дадут (мне) в жены сестру свою Анну ¹⁸⁰? Обещали, теперь молчат. Предлагают иных дев, како растлителью, а не великому князю». Отрече Мирослав: «Не ведаю». И увидел, Володимир много переменился со дня погребения Ярополка,— облык к власти и успехам в делах, безмерной стала его гордыня. Рече Володимир, покраснев от гнева: «Иди в Турье, воротись же через две седмицы, в том моя нужда. Повоюем Корсунь и возьмем землю их: не исполнили греки обещания».

Немало расспрашивал сведущих о Корсунском походе ¹⁸¹, искал известия в пергаменах и размышлял без конца,— не злой дух вызвал его и не обида на Царьград, но страх Володимира и безверие; взмутил воду, и не осела муть; волхва была недовольна ¹⁸², старшая чадь косаурилась, затаив недоброе, и людье округ роптало и возмущалось, упало почтение к законам, а обычай разрушили и попрали; князя в Володимире не чествовали, но презирали, ославляя любодеем и бражником и по-прежнему замышляли стянути со стола ¹⁸³. И множились вороги, але не хотел (Володимир) восставляти древлий обычай, не находя в том себе корысти.

Но лучше о событиях: велик грех толковати летописцю: пристрастие искажает суть, а правда никому не подвластна.

Недоброе предчутье томило в те поры Русьскую землю. Был слух, прилетело чюдо-юдо о семи хвостех и семи головах и пожирало ненасытно малых детей; был еще (слух), что пал с неба Перунов огонь и дотла сжег Кыявку, селище; метили бози в Кыев, вертеп беззакония, да пожалели, отсрочив погибель; тамо и сямо вещало зверье человеческими голосами, предрекая кровопролития и мор. Говорили, быццам приидут магомеды и станут побивати всех, кто совлекался с чюжкой женою и пил хмельное зелье; другие провидели, явятся лукавые казары и подкупят князей, постлав (им) дщереми; дети же, сев на столе, примут казарьскую веру,

уморят (законных) наследников, оборотят словеней в холопов и продадут печенезям и в Греки; третьи уверяли, еже лазути от грек отравят колодези.

Егда Мирослав воротися в Къев, тамо уже стояла большая дружина Володимира и несколько полков от земель. И гомонили, предаваясь винопитию и буйству. Нигде не нашел Мирослав ни твердости, ни воли, ни ясного слова, — лодья без гребей и без парусей. Минувала седмица, прежде нежели объявили: идет великий князь в Корсунь отмстити грецем за утеснения русьских купцов и нарушение ряда. Але не было негодования в людье, како обыкновение при походах, пожимали (все) плечьми, а иные твердили, близок уже конец света, и наклікали богоотступники.

Явившись в Корсуньскую землю морем, разбивали грады нехотя и со злобой; бежали корсуньцы пред русьским войском, яко сухой лист пред ветром; гибло же воев без счету по разброду и недосмотру. И осадили Корсунь, але без усердия. Мирослав вызвался сыпати вал ровень со стеною, и сыпал, не получив и половины воев, потребных для успеха. И се изменил корсуньцам Анатас¹⁸⁴, ведавший торгами и наймом корабелей; але Володимир не всхотел следовати его совету — переняти подземные колодези, откуда пили корсуньцы. И стали насмехаться греки над бессильным от безначалия войском. Возмутились мужи супроть Володимира и (тем) понудили его раскопати деревянныя трубы и отвести воду. Изнемогая, послали корсуньцы в Царь-град. И се предложили послы от цесаря замиренье. И согласися Володимир, потребовав залогом Анну в жены себе и нового ряда для гостей, утесняемых в Царь-граде безмерной пошлиною и унижительным постоем; а еще велел не наускивать печенезей супроть Русьской земли, признав, что он, Володимир, вершит в Хорватех и во всех землях до Дунавы, а больш никто. Реша греки: «Много просишь, даешь мало». И тогда взял Володимир Корсунь; войдя в город, заточил именитых корсуньцев в темницу, грозя смертию. И передали от цесаря: «Христись нашей верою и возврати Корсунь, получишь искомое». И обещал Володимир, але дружина возроптала: «Ужли велик князь, сторонающийся своих бозей?» Добрын же уговаривал, того прельщая, того страдая, перед третьим бия себя в груди: «Его право,

хочет жениться, беды земле не будет; не минуем, коли рассоримся с грецами». Свидетельствует Мирослав: было то ложью и бесчестной игрою, и ступали шаг за шагом, ведая гнусность чловеца: скажи (ему), хочещи отняти жизнь, возмется за меч; скажи, лишишь сладкого пития, возопит, але стерпит; завтра уже послушно войдет в узилище, а послезавтра покладет голову на плаху, думая: аз есмь одна хлебоаясть, может, и взаправду повинен? Было давно стоворено в Кыеве, и держали от всех в тайне, еже готовы отречись от божей и приняти гречскую веру, дабы навязати Русьской земле, и только выдавали ся за понуждаемых судьбою. И что роптавшие? кого, опричь себя, почестили ропотом? Заткнул мелкие глоты Володимир, раздавая злато и паволоки. Сам же прикинулся хворым; и объявили, что слепнет и вовсе ослеп. Рече Володимир к волхвам: «Возможно ли найти врачевателя, чтобы вернул свет очам?» Отреша волхвы: «Николи. (Ты) ослеп, ибо замыслил поступитись зрением исконной веры и светом обычая». И смолчал Володимир, готовя волхвам скорое посрамление. Смиренно повторял: «Не прошу понимания, ведь не поняли и себя, не прошу и прощения, простили только себе, прошу сочувствия, ибо завтра поменяемся местами». И что ни день, жертвовал Перуну, — сице смущал гридей, отвращая заговор.

Когда же привезли в Корсунь Анну, и попы от грек христили Володимира, восклица в притворном изумлении: «Прозреваю в сей миг! Хвала те, Господи!» И возвестили войску о чуде, и вестники вострубили о необычайном исцелении. Рече Володимир: «Кто друг мне, христись след за мною». И христились иные из столович великого князя, те, что ожидали себе корысти. Христился и Добрын, Мирослав же отверг с негодованием. Впроси Володимира Куконос, владыко Киевской земли: «Хочещи ли христити русьских людей позорною верой?» Рече Володимир: «Не стану таити сокровенной думы. Христясь сам, еще не хотел, а узрев ся в стаде христовом и ощутив божью заботу, всхотел, потому что прозрят и они». И было лицемерием. Рече Куконос: «Отъезжаю от тя, отныне лишний в свите». И задержал его и других волхвов Володимир силою, боясь, чтобы не стали смущати Русьскую землю и не восставили людье супроть стола. И просил за волхвов

Мирослав, але без пользы. В разочарованье рече Мирослав к Добрыну: «Вот начало конца обычая и русьского духа, быти неисчислимым бедам, станет хрищение пагубнее призвания варязей, оскорпит волю и охолопит сердца, приидут греки, и заговорим чюждым языком». Отвещал Добрын: «Потщись вникнути, не приемлющий. Толкает ведь отречись не одна подлость, але и честь, не одно безнадежье, але и надежда. Случается нужда порою, хоть и восстает совесть и негодует разум. Алчет по земле дух, погибелью грозит голод его». И не согласился Мирослав: «В мудрых устех правдивы лживые слова. Але что правда в словех? — рыба в окяне. Зачем державный стол, коли плачут дети его?» И заспорили, и защищал Добрын Володимира, Мирослав же порицал обоих: «Можно купити чюжого бога, согреет ли душу? Можно наняти в Грецах и врачевателей, и зодчих, и книжников, прибавится ли красоты и богатства? Не верим в себя все больше, чюжим препоручаем судьбу — страшнейший недуг; все иное излечимо. В Царь-граде из русьского меда варят сосучки, а русьские купцы набивают ими короба и везут, яко диво. И вот уж презирается родной обычай и славится чюжеземный».

Вернися Володимир из Корсуни в долгом лодейном обозе: тамо великая княгиня со служками и отроковицами, тамо попы корсуньские и царь-градские, тамо богослужебные книги, тамо церковные сосуды и благовония, тамо одежды, иконопись и распятия. Только Анатас пришел в Киев с чадеми и холопами, со скарбом и утварью на десяти лодьях. Поднят был к первым мужам верткий зловред, тень грядущей ночи Володимировой, и возносился все выше, бесстыдно насаждая при дворе ловчаков и проворников из Грек, своих сородичей. Сице повсюду: теряющий величие или заурядный все более опирается на новоявцев, источенных пороками и злым умысльем; возвышают разумных разумные и достойных достойные; окружение вестит о князе прежде его словей. Замечено предками, и превозмочи не дано державному мужу: знати и употреблять знание — одно ли? Мало хотети, надобь умети; мало и умети, надобь деяти; и деяти мало, надобь сеяти добро, и се доступно немнозим, ибо сердце доброго всегда кровоточит. Анатас же из заезжих разносчиков лука в Царь-

граде; отец его исхитрился польстити цесарю, в день светлого рождения раздавая бесплатно рыбу и лук. И сказали подкупленные им, указуя: «Се муж бескорыстный и честный, возлюбивший багрянорбдного. Идеже еще сыщеша (такого) среди мздоимцев?» И доискался, ради чего хитрил с сородичами: поручили ему доставляти овощь для цесарева двора. Прибытно торгуя, озолотился и возвысился, але прометнулся вскоре и впал в немилость, вступив в сговор с ворогами цесаря; бежал в Корсунь, идеже подрядися зиждити пристань и церкву, и паки озолотился. Анатас, сын его, бысть уличен в подлогах; совратив дщерь знатного мужа, взял ее в жены и вскоре хитростию завладел имуществом ее отца; хитростию же сделался управителем торжищ и назирателем пристаней; схвачен за лихоимство, але помилован при осаде, после чего перекинулся к Володимиру. Повещю подробно, ибо Анатас подпирал христителей¹⁸⁵. Бози покарали его за мерзкие деяния: поражен ужасным недугом, недвижен, погнил заживо; род же его не прекратился, хотя иные из детей впали в безумие, другие погибли в гнусных развлечениях и бесчестных затеях. Зло часто не карает ся тотчас, але возмездие неотвратимо; бози не торопятся в надежде на раскаяние; ведь разрушая чюжие храмы, разрушают прежде всего свои, и всякое добро иссякает прежде из сердца (человека), а потом из (его) жизни, и это бессильны постичь ищущие коварно любой ценою претворити (некие) корыстные замыслы, глупо принимаемые за счастье челоуецей и избранных племён.

После Корсуньского похода и преступного изгнания словеньских бозей из святищ навсегда охладело меж Володимиром и Мирославом. Володимир, забыв прежние речи по обыкновению мужей дальних целей, почал подрывати стол Мирослава, але до поры потай, словесно уверяя в прежней дружбе.

Повестят (ныне) о властелех, упуская (как раз то), что образует день земного бытия. Всему свое значение, всякой вещи, но плачет душа, не встретив родного и понятного; князь, созерцающий пашню, более князь, нежели восседающий на троне и ведущий пространные речи с иноземными послами; первое суть, второе служение сути; многие служат служению сути, но не самой. И се уношу с почтением думу и зренье в минулые

времёны: не излеплен скукою и не домыслен, но рожден матерью, жил серед нас князь Мирослав, радовался или сожалел, а божьего в нем, сколько в каждом из достойных; бе, како мы ныне, и нет (его), како не будет нас, урок же (его) остался; а наш — кому пойдет впрок?

Держался Мирослав обычая и заповедей и не поступался николи ради выгоды. Нет выгоды в выгоде, говорил, если не внемлешь глаголам предка, ибо боль произвела их. Читил бозей, жертвуя щедро, гадал же у кудесников-прорицателей только о походах; когда Володимир с Добрыном почали суетно и бездумно возвеличивати бозей, ища возвеличити ся, и повелели повсюду ставити лики и богатые святища, воздвиг святище Могожи в Заславье о сорока столбех и с резною кровлей, верх дубяный, опора из круглых валунов, требище из тесаного гранита со стоком, медными светцами для ночного возжигания и двумя помостьями для Огня; кумира же содеял Векш из Менеси; изваян из глины, аки все сущее, обожжен в печи, с накладками золота и серебряного листа весом в 30 гривн. Сие искусное творение было однако разрушено и разграблено христианами в лето брани с Дрютьской землею.

Возвеличение бозей, нареченное «Нововведением», хотя одобрено ильменьскими владыками, велми поколебало устои; изменили обряд и жертвы, позволив дары, подношения и посвящения, иже запрещал строго древлий обычай, грозя наказанием посвятителю и лишением имени принявшему волхву; не было подкупа совести, по Нововведению творилось бесчестно; оглуляли бозей глупые, бесчестили бесчестные, роптали мздоимцы. Мирослав долго увещал волхву поступати по Дреговичем, како в Кыеве; и убедил, але ограничил самый великий дар резаном серебра, дабы жертвующие не искушались задаривать грехи, а волхвы не алкали обогатитися; и не поощрял кормления нищих в святищах, считая долгом общины; говорил: «Увидят (общинники), не им кормити нищего, не будет конца нищете не только от беды и кары небесной, но и от лени, от беззаботия и от насилия над слабым». Многие из волхвы не признали уставлений Володимира, справедливо упрекая, еже вредят беспорочности; пити и ясти волхву богаче смерей считалось прежде позором;

по Нововедении иные волхвы, подражая новгородским, киевским и чернижским волхвователям, завели богатые одежды и коней, и упряжи и стали презирать посуду из глины, хотя глина завсёды почиталась единственно полезной здоровью; от серебра ведь или олова заводится в теле яд, и желудок уже не освобождается полностью; причиняются язвы и головные боли, и человек теряет в радостех.

Из нововведений Мирослав охотно принял обряд заклания, и жерцы не возразили, и людье быстро обыкло, перестав суетиться и толпиться у алтарей, но предоставив волхве и служкам. Прежде ведь удушение вменялось приносящему жертву, и коли животное вырывалось, подозрение в нечистоте падало на того, кто был наказан больш злыми духами и самим собою, нежели Небом; сохранилось же прежнее: если животное бьет приносящего жертву рогами, жертва не принимается, и воскурят благоволия, жертву вновь через одиннадцать дней; если повторится, должно покаяться в грехах, ибо сведанное волхвами уже не замолити. Не сохранили однако простоту жертвоприношения; уставили, чтобы кровь животного оросила жертвенник, и жерцы смыли кровь из священного сосуда; если же кровь не попала на жертвенный камень, или животное вырывалось, жертва отвергалась приговором волхва, а приносящего подозревали в свершенном преступлении; уставили также отделяти от скотей заднюю левую ногу для сжигания вместе с содержимым желудка: хотя и позволили по-прежнему из остатка трапезовати у Древа, идеже вкушает всякий, вменили прежде выставляти голову жертвенного скота на колу округ капища; неимущему положили жрети (только) внутренность животного; дозволили воскуряти пред алтарем, изгоняя злых духов, але воскуряти на общих трапезах запретили. Многие не ведают, еже Володимир сократил число священных живостей; в Дреговичех (ими) остались изюбрь, журав и бобр; их приносят в жертву волхвы племени, а боле никто; охоты (на этих животных) свершаются в дни, угодные богам.

Вот еще сохраненное прежним, но искаженное запретами: предкам рода жертвуют сообща в Первоснежь; именит, выкликая по выбору, волхв, и каждый из сородичей вестит о предке и деяниях, не сведущий

внемлет волхву на трапезе, идеже вспоминают; не ведающие не ядут. В день поклонения Роду и спустя седмицу никто не пьет хмельного зелья, а муж не соединяется с женой, сходятся же селищане на погостье, але торги не дозволены и дары не уместны.

Како всяк обыден из словени, Мирослав праздновал обычай строго, не упуская подробности. Повторял при этом слова Певня, владыки: «Нет хуже перемены обычая, обычай и есть народ. Погиб народ, (народ) еще не погиб, погиб обычай, и нет народа». Крепче всего держался древлего уставленья: семь лет — забавам, семь — вразумлению и родителем, семь — сыновем и женам, трижды по семь — ралу и мечу, остатнее — созерцанию мудрости.

По Нововведении стали повестити о праздниках волхвы племени, посылая в роды. Прежде ведь повестили по Русьской земле инакш: возжигались огни по требищам на заре, и людьє сходилосъ осветити ся; и сами волхвы зарубали дни лета на столбех капищ; по отметам легко прознати о времѣнах, о дождливых днях и засушливых и сказати о работах.

Коляды починали прежде в ночь с волхвованья, и угождали Ляду, злomu духу, чтобы не порушил желанное течение жизни; по уставу Володимира Ляду уже не несут отступного и не пятнают пеплом пред порогом; мечут же горсть жита за гумно злыдням; также приносятся накануне Колядовья общие жертвы; принесенное по достатку и чести складывают в капище, идеже с поклоном принимают отроковицы, готовя угощение; закляние свершают волхв и старейшина. В Щедрѣц сходятся на обед, возжигая пред капищем родовой Огнь. Каждый, причащенный Роду¹⁸⁶, бросает полено, а чье не горит, того изгоняют, яко недостойного. В Веселец паробки и паробицы ходют с пением в харях и ряженнях по дворищам, людьє же угощением и откупом отвращает от дома злых духов. Песни поют прежбывые:

Гей-гей, вставайте, лычцы обувайте,
к добрым гостем выходите, рушники несите!

Се паробки, а вот и сокупно:

Ко Ляду, ко Ляду, по пояс брадату,
несите чаши со хмельным медом,
несите чаши со сладким квасом.
Кто певцей чествует, заботы не знает¹⁸⁷.

Слávки, величающие хозяев, поются по-стародавнему, але сквернословливые весёлки заповеданы вовсе. Из угодного брашна в эту пору предпочитают гусиные потроха, рубец, вяленую рыбу, репу и моченые в бруснике груши; ядут колоба и пьют медвяные квасы. В обилное лето ядение щедро и густо, пареные бобы с салом — лüбая пища словени; в неурод людье радо и ореху, и сухому грибу. Праздник вершится по обычаю: после сумерек воскладают костры, хороводят, умельцы играют на гудцах о две струны, еже восприняты от деревляней; скоки и пение без навычья возбраняются, ниже игра на пузырях. Служки волхвы, скомороси, следят блюденье обряда.

До Нововведенья Кудесье приходилось на третий и на четвертый дни. Починали с жертвы, приносимой паробками и отроками на полянах и по опушкам зверю и птице. Слеза точит, когда душа вспомянет. Древы, воды текущие и дремлющие, разновсякое животье и сам человек — духи бозей торжествующие; не перестаю восторгаться и черпаю силу в час скорби и обиды; схлынет паводок, и судьба обнажит прежние берега.

В полудень, пасмурно или солнце, бросали в Огнь по рукоделью, еже хорошо послужило, и приходили мужи и жены, и старые люди, и каждый гордился работою; отроки дарили Огню любимые потешки и забавки.

Солнышко, Солнышко, несем те по зернышку —
твой чада безвинны, скотинки и людины.

Вторенье хором сице:

Лелю ясный, прибывай,
что давал, дай и вперед.
Пусть родит жито и плодит скотье,
тем умножится наш род!

К Ворбжему приступали ввечеру; гадали по лучине, по кади с талой водою, по скрипу ременных петель, по кокотем, для чего закутье в хате посыпалось сухой полынью; позволялась ворожьба по топору, по угольку и по игле; паробки бросали метлу, и куда указывала, тамо искали суженую. Кому в ворожех выпало добро, не разглашали, кому выпало худо, рассказывали, ища отвести беду. На посиденье сходились в самую просторную избу; ряженные и хари однако в эту ночь быша за-

претны: через них ведь проникают злые духи. Слышал от матери, будто на посиденье в канун Новогодья появился среди девок Ляд в облике козла; когда же, испугавшись, (девки) бросились вон из избы, принял облик девы в златом платье и в венце и сице миновал порог, идеже стерегли мужи с дреколлем, и упорхнул ночью птицей. Людской почуд, не инакш, але необъяснимое творится чаще всего в се дни. Недаром в полночь, завершающую Кудесье, причащенные Роду умываются над огнем у требища; сходитись с женой и пити хмельное всю ночь и еще десять ночей грѣшно.

И вот о Прѣбудех,— како творилось до Нововведения, а в Дреговичех и по сей день; люди обращали к бозем желанья и питалися радостью надежды, восполняя скудости долгого ожиданья; ведомо, сколь уделишь душе, небесной нити к бозем, столь получишь и сам. Затевали Пробуди в разные дни, и се бысть таинство, открытое волхам; подымется медведь из берлоги, наступят (Пробуди), до той поры Пост, Зимава и Дрёма; охоты возбранялись до скончания праздника: вышедший в лесъе с рогатиной и стрелами в это время возвращался недужным и не избегал осуждения и позора. Се волненья и въздыханья памяти: поутру, затемь, пробуждаются селищане ударами бубнов, потѣм и песий лай бологошит: ведут медведя, хозяина лесья, кровителя словеньского племени, медвежатиной ведь спаслись от неминучей голодной смерти внуки Могожи, склове.

Прежде изловляли (зверя) лутшие из охотников и тащили на веревках жива, теперь обойдутся ряженным в медвежью шкуру, и медвежатины ясти не станут, бо пагубно. В сей день у Родового Древа приносят в жертву ягненка, а коли нету, иного скотого первородка; свершает заклание старейшина. В Пробуди, в Разговенье, ядут вепря и дичину одни запорожи и деревляне, еще ватичи; дреговичи мяс не ядут, але блины с репой, корени, соленые сыры и горох, отчего деревляне называют дреговичей «комоядь», прозвище для дреговича обидное. После моления Могожи — Разговенье, и нет удержу ни в чем ни жене, ни мужу, ни молодому, ни старому. На четвертый день (праздника), в Чистец, послабленье сменит запрет и пьют только воду, даже жидкие квасы не дозволены; повсюду топятся бани;

избе баня как листы древу, и рубят баню прежде избы; жити без бани словени мерзко и грех, баня ведь очищает от скверны, переступить порога ее не могут злые духи. Камени раскаляются велми крепко, и моются прежде мужи, а потом жены; помывшись, обегают вокруг бани нази, по дождю и по снегу, детей же и в стюжу не несут на руках; при мытье хвощутся березовьем, и обычай до христов блюла словень от моря до моря.

Очистившись от скверны, в пятый день Пробудей, с Найвы, готовят с утра пищу Роду и всем усопшим; се день поминания и поклонения мощем. Сносят ядение в лукошках, горшках и латках в капище, идеже наряженные волхвом служки, скомороси разделяют на пять долей; четыре на общий обед, а пятую, освященную заклинанием, уносят в сухую баню для духов Рода; воду ставят на пороге, а порог посыпают пеплом. В иных родех поминание усопших в Пробуди называют еще Пятицей.

На обеде поют Роду и Рожанице, славят великих предков, поминая и близких, отошедших света; (всякий) род ведь разделен на мертвых и живых, промеж духи, и кто не восчувствует в себе совокупно, тому не явится ни сила, ни мудрость, ни стойкость в изнурениях и напастьях, сам же потеряется для живущих. В Пробуди рассуждают (обо всем) без стеснения, и всякий речет, еже надумает, а протчие внемлют: никто не ведает, чьими устемизрекают бози; бывает, умный изрыгает непотребное, а глупый прорицает.

Опошними Пробудеми вприси мя князь Мирослав: «Отчего Могожь, матерь бозей, слабее Даждь-бога, сына своего?» Мысль снедала его; коснися тайны и встревожился о человецех: Даждь-божьи внуци сильнее бозей, коли посмели отречись¹⁸⁸. «Творение выше создателя», — аз рекох с твердостью, сам же в сомнении: почто Естеством творимо противное естеству?

Вернись к Умасленкам, се шестый и семей день Пробудей. Зарано сожигают лик Худа и Огнь заливают водою, единят тепло и холод, чествуя Зиждителя: сотворено ведь тело человека Тьмою, а душа Светом, оттого раздвоен во всякий миг, одержим желаньями добра и зла; сердце его — узел страданий. Сырами, блинами и обилными мясами приманивают в Умасленки духов,

а после изгоняют у Огня заклинаниями в круговом плясании, и вси ядут угли. После очищения, с полудня восьмого дни, творятся Съездки — наряжают коней, и в торжественных одеждех объезжают на санех сородичей; едут и по окрестным селищам и во грады, идеже бывают большие торжища. Подлетки повсюду катаются с ледяных гор, паробки сходятся на кулачки, а причащенным Роду дозволено целоваться за выкуп.

Что есть праздник? — моление о насущном. Але не молениями приближаются к Истине, услаждая ся в томлении дней, но жертвою; и не есть лишь жертва закланная, но и незакланная, — сам человек завсёды простерт на жертвеннике. И се праздник — вспомин (человека) о себе через бозей и о бозех через себя; очищение души от суетных забот и пустой памяти; аки в стойле выметают, тако и в душе следует, инакш не различити жизни от подобия, тока событий от песка времён, правды от пустого слова о ней. Отгуляв праздник, вступи ся нелицеприимно: что открыто глазами и мыслию в мире, егда опустил натруженные руки? И кто не припомнит, праздновал ли? Не был ли при сем?

Мирослав не боялся обнажиться, понеже искал; только ведь мнящий, что нашел, боится явить (пред всеми) свою голь. Неколи на общем обеде Мирослав вприси Беско, волхва племени: «В чем суть жизни, владыко?» Отрече: «Во всем, особливо же, чтобы дать людям пример и образ, ибо (это) всего тяжёле, а нужна всего больш». Рече князь: «А коли проще и яснее? Вот для меня, для меня?» Нахмурился Беско: «Под тя приспособити Истину? Содеяти Солнце свечою, дабы взяти в руку? Снова о власти думы и терзания, о славе, о злате, о влекущей деве. Скучно мне — все будет; скучно мне — все было; скучно мне — (от всего этого) ничего не осталось». Мирослав же не уймися: «Аз не ради того, чтоб осталось, ради насыщения души. Чем сытит ся?» Отрече: «Безумной отвагою, больш ничем. Самые великие подвиги незримы, самые солодкие плоды точимы гнусным червем. Терпети нестерпимое, славиться бесславием, знамениту быти во устех забвения, не с надеждою, что поймут или пожалеют, с надеждою, что повторят и ужаснутся невыразимости боли, — се имя Истины». Проникнути в Слово — не то же ли, что проникнути в человека? и в Нем беспредельное сокрыто, але как

вызнати? и как наполнить памятью, еже необъятна?

Менее затронут Новоуоставленьем Солнцеворóт, еже называют исстари Купáлье, ибо очищение родей свершается бегущими водами; от иных услышишь ныне Ярило, и то неверно: Ярило — початок Купалья, имя новорожденного Дажь-бога. Се припевы в Дреговичех и в Руси, и в Полянех:

Ярило, Ярило, дай жито и силу,
дай землю и воду, и скотью породу,
дай крепкое племя и легкое стремя!

Купалье починается о самый долгий день лета, егда завершен укос и сложено сено, и сеятель лицезрит ниву, прося у бозей; урод и неурод ведь от снисхождения и милости Ярилы: от него тепло, и свет, и ветры, и дожди, от него расплод всякой летучей, ползучей и скакучей твари. За три дня до Купалья, в Распряженье, мужи выгоняют скотей на пастьбу, оставляя луговати; чистят клетки, подклетки, стойла, закрома и голубяни, посыпая золой и толченой крапивой и полынью; жены и девы скребут, моют и выметают, в избах полы устилают свежей полынью, двери венчают ярилиным окном; из ярицы и гречи готовят сыту, лапшу, блины, пекут хлебы и квасят квасы, сносят в дом огороднину; сами же ядут кисели овсяные, холодные щи и всякую зелень. В ночь ловят рыбу сетью, острогой не бьют, понеже рыба потребна быти живой, и сажают в морды; кади же со хмельем еще запечатаны. В стародавние медовые браги и хмельные зелья держати по семьям возбранялось, се бысть забота общины, и хмелились сокупно в уставные дни; иные скажут, винопитию пристрастилась словень от Скуфи; более достойные ручаются, нравы поколеблены хунами, от Скуфи же воскурения конопель, дурмана и лешьего лыка, обычай почти забытый; в Дреговичах не воскурляли вовсе, разве что холопичи и кенды; прежде меды варились общиною к свадьбам, поминальным тризнам, к Купалью, Русалочьей седмице, Корочуну и Первоснежью; подносили еще недужным и раненым. А злого вина не пили даже на княжих застольях, считая отравой. И было позором везти хмелье на торжища. Пристрастившихся пороку (винопития) изгоняли из общины; умерших с перепою хоронили в скотей яме. Ныне же, како вижу, обычай

иной; воротившиеся из походов, идеже причаствовали застолью руси и варязей, тянутся хмелиться, хваля обычай; хвалит чужое (человек) от скуки жизни своей и от тягот ее непреходящих; потребны подпоры, чтоб устояти валкому.

Накануне Купалья, с полудни, оставляют работы и гасят очаги; каждому вменяется наряжати ся в обнору, а у кого нет, возьмут у старейшины поясы и рядно. В Ярилин день выходят из домов до света и стучат в горшки палкою, с первым лучом разбивая (их). Затем в чистых одеждах идут в капище класти требы. Жены и девы в венках из полевых цветов, у жен свои венки, у дев, не познавших мужского ложа, свои и у отроковиц свои, — всякому приметно. Старейшина отбирает из стада жертвенных быков или овнов, или иное скотье — по имению общины. Мужи несут белых курей, и старейшина указывает подобающую птицу; принесший помогает волхву при заклании, прежде других получая с общего стола. Умерщвляя петуха, волхв кровию окропляет жертвенный камень; петух подлежит Огню; жены и девы мечут Огню венки из ярилина цвета; чей сгорит, того жертва принята, а чей не сгорит, тот немедля пойдет и даст откуп Домовому, какой назначит волхв. Прежде чем поглотит Огонь, петуха извлекают, и волхв гадает по внутренностям о грядущем общины, и если предсказание худо, умножают дары, жертвуя голубей или горлиц; если (и этого) мало, приносят в жертву священного журава; если и журава недостает, волхв объявляет о желании Огня людской крови; и приносят в жертву свершившего последнее преступление, достойное казни; иноземцев жрети Яриле не принято, только Перуну и на бранном тризнице. Прежде в иных родех по Словенской земле, говорят, приносили Яриле младенца, рожденного последним; одевали в дорогие одежды, покладали в челн и пускали по течению. Се баснование правдиво, ведь и до сего дни в утро после Купалья девицы и паробки рыщут по рекам младенца; кто найдет живого, возьмет (его) сыном, и то знак божьею расположением; князь же одаряет нашедшего.

Паки уклонился по неумению; многословие — се порча книжию: скудно и угрюмо густолесье, а опушка радует и зверем, и грибом, и ягодою. Рекут мудрей-

шие: «Песчинку увеличу рассуждением и увижу гору». Разумнее поэтому не касаться тайн Неба: вот дни наши, вот наши руки, вот наши слова и свершения, остальное не наше.

Покончив с гаданьем, жертвуют быков или овнов, сожигая кровь и внутренности. По знаку волхва мужи относят туши на шкурах к священному Древу, возжигают Огонь и пекут на угольях мясо, а жены приносят дровье и садятся за спиною мужчин; следят порядок, указуя, столыники и обедники из почтенных старцев, они же раздают хлебы. К яденью мяс и медопитию пригласят чужеродника и чуженина, калику или странника и посадят подле старейшины. После благодарения Роду скомороси поют былины и скажут о славных мужех; скоки и плясанье не уместны. Охмелевшему без меры старейшина укажет: «Пойди в кут», и он тотчас исполнит, и се позорище, ибо вместе с ним удалятся (все) из его семьи, хотя бы (он) был молодым. Отобедав, (люди) шествуют к могилам и ко схоронам предков, идеже волхв рассыпает пепл жертв и сожигает шкуры закланых живостей; заклиная, окончит словами: «Яко небо покрытие земли, яко шкуры покрытие жертвам нашим, тако и вы покрытие нам на вечные времёны; пока целы вы, и мы невредимы». По кои людье расходится в молчании; плакати и причитати не принято; усопшего в сей день не погребают.

Вечерем, после возжжения Огня, и если бози не воспретят бранью или нежданной бурей, починается Купалье: уравниются от мала до велика, и нет уже ни волхва, ни князя, ни старейшины, и никому нет суда друг на друга; даже за преступление судят позднее судом общины. Прежде таинство Обновления свершалось не столь исступленно, како ныне, егда развращены нравы и расшатаны устои; не было обид и злочиний, коими укоряют ныне правовеерей христы, утаивая, еже сами бессчетно злочинят по Русьской земле, и нет сравнения бедам, иже навлекают.

Купалье — се божья Купель, очищающа от стомления ложью буден и зряшных хотей, возрождает (человека) к небесному имени; оттого обряжается великим торжеством. Идут к реке общиною и раскладывают на берегу по кругу костры, от каждого дворища; у костров на белых рушниках ставят угощение — хле-

бы-прощенники и медовые квасы. И по знаку волхва свершается всеобщее замирение; младый да прыгнет чрез Огнь обиженного им, старый да подаст Огню десницу свою; сице обретают (все) прощение, и чисты, ядут от хлеба друг друга, смеясь с доверием. Для волхва возжигается Огнь в среде круга. Вопрошает (волхв): «Все ли замирились? Все ли довольны миром?» Коли найдется строптивец, судит прилюдно, не отзовется истец, велит (каждому) взять от костра горящую головню, и вси йдут в молчном пении ночи к воде, и наполняется река блуждением огней и тенями; в воде гасят Огнь, приговаривая положенное, — клянутся Роду. Разоблачась, омываются нази; после же, рассыпавшись по бережи, ищут люб любя, оставаясь до зари, кто с кем пожелает, и то угодно Могожи и Роду, и Рожанице, и есть не прелюбодейство, но обет братства и жертва богам восторженная; нет ведь володетеля человекуцу серед человецей, но друзии и сомысленники от единого Рода, в нем пробужденные и в нем засыпающие; ревнующих не случается, ревность — гнусен грех и бесстыдство обретателя; дети же, из чьих чресл ни вышли бы от сей ночи, удобны богам, и растут в семье матери, яко дети мужа; дознание, кто от кого зачат, преступно и навлекает беду. Преждь было: от князя рождала простолюдина, а смер совлекался с женою князя. Увы, увy, обет первородного братства не таков уже ныне: властоимцы, наследуя противоправно, извратили и мудрый обычай, порицая и осмеивая, и се воздвигли новую стену промеж людем и управителями; ныне по Русьской земле купальствуется обыка, талдыка да колупай, а передние мужи и посередыши уже сторонятся; не купающца, но омакиваясь для вида, торопятся с домочадцами в домы, быццам грабители уже расхищают имение их; сходятся с чюжою женой отай, обманом, пакостят, насиля, хуже безответных тварей, але поучати горазды; позорище окружило нас и ложь, тяжко дышати ныне; стоим же, верные Могожи, и не валимся: тяготы — промысл Неба и испытание. Обличаем христами яко соромное дело, обычай чист и многоречив: не потерпи, человеце, округся стяжающих себешников; всё от общины, сам по себе (человек), затворившийся в тесноте своей, чернеет нутром от алчности и неволи; всем чужой и одинок

навек; свободен творити бесчестное, а чести себе уже не обрящет.

Под взорами Неба вершится Купалье; с первою зарею торопятся (люди) в капище, идеже волхв возжигает курение и приносит общую жертву. Тако настает Искупление, и вси веселятся и поют подобающие песни; затеваются игрища, и всяк воспоминает перед сходом о неправдах князя или общинника, а сход одобряет или не одобряет ропотом или рукоплеском; не снискавший одобрения откупается брашном; когда же истощатся упреки, подарки вымогают шуткою, и завершаецца общим обедом. В Искупленье гадают о грядущем по сливу ручьев, плыни рек и клокотанью криниц. Ведуны и балии собирают утрем на Искупленье травы и листья древ; собранные раньше или позднее мало полезны плоти. Есть еще предание, быццам в Искупленье, полночью, русалки открывают клады, а в лесье зацветает папороть, и цвет ее для ворожьбы и чародейства; кто найдет, тому удача во всем. Баснование или правда, трудно судити, людье же не усомняется; в (эту) ночь ходят оборотни, губя и похищая неповинные души.

Велми исказились Нововведением Грѳмы, Перунов день; воспрещены жертвы кровью и поединки; и починается с хождения к могилам. Мужи с оружием и в бронех, але в клятвах уже мало торжества. Накануне топятся бани, и, моясь, покрывают (люди) лице и тело тестом из толченых в ступе еловых порослей и из травы-новогодицы.

В полудень свершается Ристание; родовичи состязаются в беге, скачках и кулачном бою; награды ристателем бывают немалые и почет велик. Прежде сильнейшим мужем позволяли выбирать из (всех) невест, вено же платил род. В Громы пестрят праздничные одежды, свиты, полощеницы и белотканые кошули: опоясанные мужи, ходившие в походы, сияют серебром и златом. Жертвы приносят обилные, и только Перуну; общие обеды бывают скудны. Винопитие возбраняется, уличенных в соитии в день сей отлучают общины. В Громы много любования силою и ловкостью и всякой потехи; скомороси и гудошники поют былины о богатырях. Любо праздновати в стольном граде, тут и князь, и владыко, и вся старшая чадь в бога-

тых одеждах; Ристание многолюдно, мужи блещут оружием и жалованными гривнами, а жены похваляются узорочьем. В Громы дреговичи возлагают щит и копье князя у Огня Турьского святыща; в иных словенских племенах, принявших Обряд Володимира, возлагают к подножию кумира.

В осень, по обмолоту, егда поля, отдав ноши, отдыхают, и тишина снисходит округ, скотье же, умиротворясь, сбивается в стада, а птицы отлетают в полдневные стороны, славят Рода и Щура¹⁸⁹, поминая усопших и принося жертвы из приплода и урожая (года), и меняются оберегами¹⁹⁰. Волхва по всей Русьской земле отвергла (тут) Нововведение и соблюдает старинный обряд: отцы и матери ведут отроков и отроковиц к Священному Древу, идеже волхвы посвящают в мужей и в выданниц. Отрада глядети на младых дев, наряженных в платья с поддевами, зрелых и цветущих летеми; каждая принесет рукоделье, волхв со служками и мамкою, плакальницей, восславит искусниц и раздаст (им) колты¹⁹¹. Отроков остригут, аки воинов, и вручат копье и стрелы. И вот уже юные мужи, состязаясь, стрелят в цель и мечут копье, ингда скачут на конех. До сумерек празднуют Рода и Щура, вечеряют по хатам, накрывая Щуру у порога, а Роду оставляют в капище.

По седмице от Рода и Щура в стольном граде праздновали Дружину; в сей день набирал князь ратников, и сходились богатыри отовсюду, именитые и простородцы, и являли доблести в состязании, яко надлежит дружем. В стародавние леты, сказуют, ристаше (сам) князь, позднее вместо нъ испытывал мужей сильнейший из гридей. Сходящихся на Дружину одаряли щедро конями и паволоками, победивших князь брал в службу. Ныне редко уже празднуют Дружину, а коли и празднуют, инакш, нежели прежде, ибо пали нравы. Даже Мирослав, строгий в блюденнии обычаев, набирал в дружину из сородичей подручников да боярцей; они же вымогают; оттого сила дружины уже не та, что прежде. Нелегко урожденному для ратного подвига вступить ныне в дружину, — мало поклониться, ища благоволения воеводы.

Трудно зимьем; жив, коли сыт, только и жив наполовину; зима — пора усыпания, гуда выюг и унылой

скорби. Кто зимовал один или с немногими сотоварищами серед снежной пустоши, при недостатке, согласится; другие вольны глаголити, еже заблагорассудят; ветр, ветр мненья людские: чем уже щели, тем выше звуки, в листьях шумит, а на поле не слышать. Зима — ночь для духов усопших, и лишь весною (они) оживают, едва заблещут по лугам рябые воды и распустится верба. Души безвинных, души обиженных и претерпевших, русалки, ищут отмстити за невыразимую боль; и се оборотятся злыднями, зоя в помогу водяных и леших, полевииков, болотных кикимор и берегинь; караулят, идеже не ждут, — в святых рощах, по ручьям и рекам, по колодезям, криницам и багнищам. В Русалье каждый не преминет дати откуп, притом богатейший, ведь в сей праздник не ядут от закланного — грех. И горят огни по ночам всю седмицу; вот же словы клятвы: «Лутше помрети, нежели обидети слабого, лутше не знати ни роду, ни племени, чем обидети правого». То совесть челоовецей, от них отделенная, — русалки; часто казнят неправдою, како и мы казним ближнего; но не нашим безрассудьем, — просветляя ум, еже спокоен лишь в глупости, в шорах и дрёме. Казнят искушеньем (русалки): иному ни за что вверяют богатства и указуют пути, другого уловляют в тенеты и губят; хуже всего, если отпугивают духов в Наявье, и те не приходят, и тако удача сторонится дома.

Дважды видех русалок. Прежде на охоте; до полудня гнали лося, и вдруг оборвися след — впереди топь непролазна, и вялые огни в сумраке, — пляшут русалки; нази и бессоромны, впрямь обольстительные девы; будто бесплотны, прозрачны, руки дымом выются, изгибаются; и хохот: обманули охотников, со следа сбили, ложными увлекли, очнулся, егда по пояс втянули в болото, насилу уберегся. И вот уже недавно, ночью, предвестьем новой и непоправимой беды. Ехал в один на коне чрез брошенное поле и пустое селище, сожженное христовереми; поворотила дорога к лесью. И се чудо: скачет лунный свет по листью. Пригляделся — русалки серед ветвей, купавницы и чаровницы, белотелы, со власами долгими и зыбкими, яко туман, ухают филинами; тянут руки, путь загораживают, быти худу; конь фырчит, упирается, дыбится, прядет

ушами. Бросил русалкам кольцо золотое, единственное мое, и заклинаю в голос. И отступили, не тронули; будто стая ворон, прошумели над головою и скрылись.

Нелюбый праздник Мирославу — Русалье; на жену его, Улебу, берёмицу, навели безумье русалки и тако напужали, что выкинула и сама умре от кровотечения. Нелюбый праздник, и обереги носил князь (только) от русалок, и в ладони николи не бил, аки вси старцы, еже и на вече рукоплеска не приемлют, дабы не дразнити русалок, — забавный предрассудок.

Сия книжиця малая, но многотрудная — то ли забава, то ли утешение. Погляжу, како судьба створилась и что (со мною) поделала; вот, долгие леты потрачены на учение и размыслие о мужах наидостойных, але глуп и наивен по-прежнему; тяготы и скорби сопутят поискам совершенства. Когда вспомянет душа, еже обманут и оскорблен в сокровенном, и отчаяние осилит, мнится книжиця последним прибежищем надежды: с кем еще поделюсь, кому скажу страдальное слово? Много людей на земле, а велми пусто бывает.

Разве вешние воды воротишь? сошли — и нет их. Разве забудешь обиды? — невыразимы, заноят память. И непреклонность моя — кому утехой?

Но сыт ли, голоден, болит ли сердце или не болит, хмельное, доверясь суетному, тружю писало, назидая о добром, — худое ведь само себя учит. Чего хочу, часом не ведаю, — все перетрусилось во днях; жаль однако немного людья. Округ смеются: «Не жалей, поболее твоего счастливы нехитрые люди». Оле в жалостех непостижимых. Счастлив, конечно, и петушок, и жучок, и таракашка, — всяк по своему разумению; что же человек? не для мудрости ли путь ему уготовлен? и возможно ли славить свое, коли счастье других мимолетно и ничтожно? Лишнее глаголю: кто ведает, что велико, а что мало? Сказано: «Не ищи, что важнее сего, а что важнее того. Час приидет, и важно то, час приидет, и лишь се значит. Не торопись с указкой, идеже злато, идеже назем, ошибешься».

Светелочка моя махонькая, оконце о двух пузырях, и свету снопок. Зажгу свечечку. И чадит, и пламя дрожит от сквозняка, и мышка подстенница тихо-тихо скребется, и жизнь где-то неуловимая рядом, может, за дверью, идеже не продохнуть от истомленного рат-

ного людья; храпят, набившись, на лавах да покатом на полу, плачет ребёночек, аз же не ропщу, всех пожалю и тем одушевлюсь; испью водицы, закушу корочкой, заем луковкой и раскрою книжицю; придвину берестяный лист и почну сам с собою рассуждати, и свидетели мне добрые духи. Заполонят слове светелочку, и каждое просится, болит каждому; а в Огне не воск потрескивает,— дни жизни калики переброжего, иже в отчине искал и не сыскал отчего и горько тужит о слепоте. Одинок (человек), еже восчувствует: нечто рушится в мире, и нет уж привычного, а он бессилен.

Глава четвертая ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

ову человека по имени, и нет рядом, — се горе необъятно. Аз есмь песчина средь вихря, что обо мне? — времёны смертны, не преодолеть. Одумался ли кто, услыша правду о себе или мире? Правда то лето, и греет, то зима, и холодит, то весна, и дарит надежду, то осень — лишает мечты. Нет прежних дней и прежних дорог, невозможно вернуться к прошлому, иначе

как переступив (через него). Радовался солнцу или же беде ближнего, (все) вынесет на суд могильный курган, ибо смысл (жизни) — в благодарности и вере грядущих следом; не оскудело бы в родех держащими, и сам род — не погубился бы ложью. Иные сделают вид, будто постигли нечто, но рекут не об истине, но о своем видении. Сути просты и глубинны, к богам уходят, а на вершинах мудрости не различимы уже ни ложь, ни правда; смыкаются добро и зло, отвернувшись от человека, но Истина еще резче воссияет далеким светом. Неизреченно истинное, изреченное же с пороками изрекшего.

Народы уходят в человеках; како сказати о них?

Смурен и тяжек сердцем воротися Мирослав из Киева. Ночью пришел на конех в Турье и сразу послал вестников по Дреговичам — кликати на думу князей да нарочитых мужей, а сам заперся в гриднице с ближними советчиками — Чередою, владыкой, провидцем и вещуном; князем Видбором, посадником, двоюродным братом своим; Буслом, воеводою; Тур-Ольсичем, градским старшиной. И поведал Мирослав о беде и

угрозах Володимира, они же сказали: «Кустом пугаешь. Кто повелит отречись от веры, ежели сами рядим и судим и даней (никому) не платим?» И дума в свой черед подивилась заботом Мирослава: «Не туда оглобли воротишь, в Кыеве пусть нагишом ходют, нам что за докука?» Не проникнув тревоги, упрекали: «Мнозие леты служил по чюжим столам, про свой запамятал». Громче всех возглашал противные речи Ольсич, турьский старшина, князь, володевший таббличеми, от кых сильнейший род в Галичех, еще велемичеми и езеричеми, иже возводят дома посреди вод на сваях; в пределах Ольсича жили и деревляны, бежавшие от утеснений киевцев; но больше всего деревляны посели в Турье, их община бе самой многочисленною во гредѣ; князи их Буен Бык и Немизь держали ремесла и заморские торги, а богатѣем могли сравнитись с Володимиром; возвели за Торгами святище Могожи, отлив кумир из чистого злата в две сажени высотой, и людѣ сбегалось отовсюду поглазеть и полюбоватись, славя Сумника из Случья, сына Радея-лодейщика, еже содеял кумира. Рече Ольсич: «Хотим наследовати и по Дреговичем, како уставилось ныне по Русьской земле; ни князю, ни старшине, ни старейшине не возможно судити по совести и правити по уставлению; свершают (все) с оглядкой, не ведая, держати назавтра кормило или покрытись стыдом и пасти жертвою заговорщцей, завистников, смутьянов и лежебок; людѣ развращено, и нету прежнего сладу, в распрях общины и смеры; милее им вече стояти, нежели поле орати». И закричали, одобряя Ольсича, старейшины от кобрей и от дулѣвцев; и были заодин с ними крбсны, а еще сидевшие по Непру вѣты, полѣши, дѣрбичи и рѣдичи; другие молчали¹⁹², не принимая стороны; и Велига молчал, второй подручник в Дреговичах; княжил в Друтеси, держа в те поры дрѣтичей, смѣличей-скидѣлей и мерѣю, род уже смешанный, како и (сами) друтичи. Выслушав Ольсича и согласных с ним, Мирослав рече: «Грядет пагуба обычаю, и вы пособляете врагам. Не вы ли соперничаете, побивая друг друга? не вы ли подкупами и посулами истоцаете людѣ в кровавых побоищах? не вы ли требуете и берете с общин больше, чем обурочено мною? не вы ли, развратясь богатѣем и винопитием, бежите селищ и ставите городища, и на-

бираете челядь сверх нужи, сманивая отовсюду умельцев ради бесчисленных похотей? Что же пеняете смерем? Что вопите о злобе черни? Сядете наследно, погибнут Дреговичи, утратят свободу: много бед причинит своеволец. Минет час похмелья, и всхощет чужого, и найдет причину для ссоры, кто его остановит? Самодержца страсть — всесилие, и закон ему помеха; спокойно спит среди своеволей соучастник кривды, а доискивающимся истины некуда встать». И вот, ожесточась, спорили до утра, але не столковались. Мирослав, не желая, чтобы наследовали, потребовал осудить противных обычаю¹⁹³. Потребовал еще увеличить полюдые ради умножения дружины и укрепления градей и вновь звати в думцы волхву от родей, како до Рорика. И не послушали Мирослава, и разошлись на три дни, дабы остудити головы.

Крепко прогневился Мирослав, ибо промолчали на думе мужи, считавшие ся единомыслими; промолчал ведь и Видбор, брат его. Рече владыко Черета: «Далече зашел, князю, поздно поворотити, быти сговору меж недругами. На кого хоцещи опертись, тому дай; ты же намерен еще и взяти; не будет опоры, таковы ведь и близкие и далекие». И минул день, и стаяла надежда: решились за Ольсича лóтвичи, род, умножившийся за счет жудинов и корсей, а также видмины, нёвры и крэвы; Ольсич назвал в Турье сородичей, и пировали, грозя Мирославу. Рече владыко Черета: «Обложили тя, яко волка, и завтра загонят». Отрече Мирослав: «Вчера хотел отдати княжение, теперь не уступлю; близоручцы тянутся к власти». И велел сбирати немедля дружину и кликати вече; ударили биричи в било, и вестники поскакали; сам же Мирослав укрылся в чюжом доме. Искали его противники, ходя по домам с оружием, и не нашли. Меж тем собрались на площе турьские мужи, больш тысячи, и сильно взволновались из-за слухов, что Ольсич станет домогатись княжения и уменьшит полюдые и градские дани; был еще слух, быццам по прихоти Мирослава разбранились с Киевом, и ятвязи уже седлают коней. Просто оговорити, а людые завседы верит, ибо злорадно.

Явися на вече Ольсич с приспешниками и встал перед Горкой, так что встревожился воевода Бусл за Мирослава; случалось, убивали князей на вече, под-

сылая наймитов. Ведая однако, что Мирослав слишком горд, чтобы нарушить обычай, Бусл выпустил из темницы двух разбойников, приказав: «Бегите на вече к Горке, просите князя и людей о помиловании»; сам же со сторожами бросился вдогон и тем остерег мужей Ольсича¹⁹⁴; среди суматохи появився Мирослав с писцом и глашатаем и взошел на крытую ковром Горку. Рече Мирослав: «Кто даст народу разум бóльший, нежели тот, которым он владеет?» И поведал о хрищении в Киеве и о споре с Ольсичем. Говорил неторопко и разумно, але без успеха: мнозие новости ведь вредят разумению, и вече любит слушати не о мудрости, но о своем желании. Реша турьские мужи: «Киевцы тамо, мы сде; болит сильнее, что при нас. Верим те, князю, але внемли и Ольсичу: обессилело людье от раздоров и злочиний властолюбцев, что ни лето, урезают при переделах землю, отчаяли смерей; не осталось веры к держителям. Пусть и наследуют, да только вернут справедливость и покой, уймут разврат и остерегут смутьянов. Пусть и наследуют, поклявшись, еже не преступят обычай, како преступают». Восклица Мирослав: «Самогубцы, не ведаете, еже творите. Потеряв совесть, можно ли вернуть честь? Похерив обычай, что уповати на клятвы?» Люди же закричали сердито, осекая: «Замолчи!» Не велит князю обычай словити более двух раз, разве что отвечая. И было, будто Мирослав уже неугоден, и стали глаголити люди Ольсича, и не гнушались подлостью, понося Мирослава; за него же никто не вступался. И се приблизился к Мирославу отрок от Велиги, подручника, и передал его словы: «Заступлюсь за тя и поворочу людье, ты же обещаи вперед исполнити просьбу». Сказал воевода: «Соглашайся». Мирослав отверг: «Покуда князь, честен, а бесчестному и в холопех не ходить». Меж тем потребовали ольсичи: пусть (Мирослав) покажет о своем имени, не утаивает ли полюдь. И возбудились вечцы, и содеялся шум велик; хватали за платы Мирослава, и было позорищем, он же молчал. Владыко Черета, стоя рядом, ободрял: «И се стерпи, минет час безумия. Указчиками старшим назначили бози младенцев, судьей мудрых призвали глупцов. Прости людем и неправду, ибо ты для них, а не они для тя. От них обвинение, но от них и прощение, от

них хула, от них и слава, от них грязь, от них же и чистота. Прежде сотворены народы, а потом мудрецы. Прости им и николи не требуй и не ожидай благодарности, николи не прикрывайся ими и не обеляй себя заботою о них; жертвуй для них безгласно, ибо ничего нет человеку в мире, кроме них, кроме радости, от них нисходящей, и обиды, причиняемой ими». Отчаявшись, сказал от себя Бусл отроку Велиги: «Пойди к господину своему, будет исполнено желание». И поднялся на Горку Велига, муж многославный, умевший скрывать пороки, и речь его была долгой и гневной; не прибавил к Мирославу, но вече вдруг умолкло, и просветлились люди, и унялась смута в душах, ибо минул час безумия. И спросил владыко Черета, егда окончил Велига: «Что, мужи, оставим Мирослава?» И закричали: «Да будет (так), владыко!»

Вернувшись домови, спроси Мирослав: «По своей воле услужил Велига или по наущению?» И признался воевода в своеволии, Мирослав же опечалился: «Не ведаю, что попросит, але попросит много, недаром рассорился с Ольсичем. Не потянула бы жажда его больше ковша моего». И совещался с друзьями о грядущих заботах. Рече владыко Черета: «Юли уж вече заколебалось, сохранить ли обычай, погибнет он». Рече воевода: «Берегись Ольсича; вели выслати из Турья, идеже и кум его, и сват; Дрютьскому же князю прибавь за счет ольсичей». Мирослав рече: «Не трону Ольсича, не стану враждовати с градскими общинами, пусть плетет сети на виду, а не за спиною. Велига же и без того сильнейший в Дреговичах. О брате забота моя и о деревляньских князех». Рече владыко Черета к Мирославу: «Древо к воде пригнулось, дабы укрепити корени и не упасть в воду. Наклонись и ты к недругу, дабы вырвати меч из рук его. Пошли Видбора посадничать к дулевцам и кроснам; спорят меж собою, ссорятся с кобореми и ятвьязам грозят¹⁹⁵⁻¹⁹⁶. С княземи деревляньскими, что ныне заодин с Ольсичем, поступи так: пусть Буен Бык посадничает в лóтвичих и вїднїсах, берет полюдьє в летьголи, уряжается с полотою и ловит с кривичеми диких варязей¹⁹⁷. Немизь же пусть правит твою волю в скобóлех, еже сварятся с ольсичеми». И не принял совета Мирослав, говоря, уповают в общинах на порядок и правду, что им новые погонялы

и нахлебники; пойдут посадники с домочадцами и челядью, с разным допоможным чином, кто напает (их)?

И позвал Видбора, и узнал, не враг ему брат, но отягчен бременем жизни и едва влечет. Рече Видбор: «Не хочу боле ни мирити, ни ссорити, ни дарити, ни отнимати, змеи округ опостытели; аз есмь не посадник, но торговец страстями и ловец пороков, обрыдло при творство сторонних, и свое не возмоготу; стыд потерял, и жажда жити пропала, нет больше чистой радости». И оставил Видбор посадничество, и дом свой, и семью, и посвятил ся богам, отшельничая. Удручась велми, Мирослав не стал претися и не осудил брата, превозмогша немало напастей: единый сыне умре в юных летех, дщерь, совращена нечестивцем, утопилась от сраму, а любейшая из жен сгорела в пожар, испустив дух на руцех Видбора; сам не раз иссекался ятвяземи и чуть не загинал на ловех от медведя; вещун же предрек (Видбору) двойную смерть — от яда и от ножа. Рече Мирослав: «Брате мой чтимый, бысть неоскудна милость твоя ради мя, немало проблукавша по чюжим землям, не презри заботу, ступай в Заславье, идеже удалившиися от скорбей судьбы,— и прежний владыко волыньский Скордята, и болгарский пленник ума Чстенъ; серед достойных сыщещи успокоение усталому сердцу».

Были у Мирослава в Заславье, отчем владенье, два терема; один о трех ярусех на гранитных валунах, столь красив, что, увидев однажды, Володимир, великий князь, вприси: «Кто, вдохновленный Влесом, воздвиг сию райскую обитель?» Узнав же, упросил умельцев в Киев, дав общине и Мирославу отступное в сорок гривн. Распустясь с Рогнед¹⁹⁸, просил продати заславский дворец, Мирослав же подарил с прилежащей землею в десять поприщ; отдал Володимир (дворец) Рогнед, и поселилась в нем. В другом тереме, при святыще, приветил Мирослав волхвов и отшельников. Тамо нашел пристанище Видбор, раздавший пред тем имение: половину родичам, половину святыщу Могожи в Турье — на голодающих и сирот.

По уходе Видбора упросил Мирослав посадничать в родех, не колебнувшихся в верности, воеводу Бусла; се быша радичи, нёвры, каргóвичи, вёнты, сутыны, бе-

личане и любичи¹⁹⁹. Воеводити же стал Севко, старшина Менеских общин, беличанин. И позвал Мирослав в дом свой Ольсича, идеже с глазу на глаз остерегал от вражды и заговора. Отрече Ольсич, выслушав угрозы: «Крепкому древу довольно своих корней, гнилое же и на подпорах не устоит. Ты стар, Мирославе. Мужи долга всегда стары. Видишь родной землю, еже у тя в мечте, чужда в яви». Сице сказал Ольсич и ушел, и щемили дерзкие слова. И повелел Мирослав позвать на конь дружину; поставил недалечь от Турья и всякий день упражнял ратной заботою, не позволяя винопитие и веселье, так что мужи вскоре взроптали. Рече Мирослав: «Кто хочет служити, служи, кто не хочет, ступай прочь». Изгнал нерадивых, взамен набрав усердствующих. Не позволял лежебочити и старшей чади, раздавая работы, посильные для старателей. Строго обошелся и с деревлянскими князями, потребовав во всем блюсти свою волю.

Како ни полнитися река вешними водами, не изменится лик пространства; внезапно же случается разлив, и вот уже блещут воды до небесного окоема, мечутся люди, гибнет скотье и зверье, и жизнь предстает совсем иною. Се Мирослав: тешился надеждой, и вдруг переполнился тревогой: заповеди, яко черепки разбитого горшка, и закон еле держится; не чаял уже вернуть утраченное, необъятным предстало половодье бесчестия и неправды. Не уповав, просил владыку скликати дреговичскую волхву, чтобы подумати с нею. Владыко уклонися: «Зачем смущати смущением?» И поверил Мирославу великую тайну: съезжается уже белая волхва со всей Русьской земли и решит о грядущем; идеже съезд, утаил. И были слухи, что киевские святища разграблены, и многие волхвы схвачены; иных пытают, иных расточили по темницам, еще иных уже убили отступники, подстрекаемы гречскими душегубами. Призраки страха подняли ся над обидными. И принес Мирослав жертвы Перуну и Влесу ради скорой погибели христов, и жертвовал в старом святище, без ликов и без кумиров, под небом и ветром, влекущим по свету пыль сомнения и пыль веры, пыль удачи и пыль невезения.

И прибыл вскоре вестник из Кыева: «Просит Володимир ожидати в Заславье; идет в надобех, по нуж-

де, а при нем Добрын». И поспеша Мирослав в Заславье, и встал, дожидаясь, в Дозоре, веже за частоколем, еже притыкалась в те поры к Безымянке, узкой, але поноводной, ибо не сыпали еще вала и не запружали. И се сошлись в тереме Рогнед; Володимир с Добрыном и с епископом Иоанном, а также с Чудином, переяславским боярцем, и Шихберном, варяжином, казначеем; Мирослав с посадником Буслом. И трапезовали, и Рогнед сидела обочь Володимира; первостольник ел много и вина пил довольно, не вспоминая о деле, и се заботило Мирослава; бе вдогадех, еже пожаловал не ради полюбей с Рогнед. И прежде не раз наезжал таем; любви их быша странны и порочны, ссорились и бранились, а свиданья не скончались. По смерти Рогнед²⁰⁰ рече Володимир в слезех: «Сладка жена, всколебавшая страсти; незабвенна же, в кой увидел ся и уразумел». В сих словех нахожу облик Володимира: есть ли сокровитое в человеце, что не открыто его любовью? Предают великое, ибо требует всего человека, ничего не обещая. Слава ведь всегда ущербна, особно, коли оспаривают. Себя зрел князь в очех Рогнед; всякий знает ущербность свою больш, нежели людье; николи не убеждает других, но себя. Гордися Володимир, взяв в жены Анну, свидетельствуют однако, ничей приговор не принимал ближе к сердцу, нежели Рогнед. Она же тяготела к варязем, а не к словени; Добрына ненавидела люто, и он не должал, заслоняя князя; Добрын поторопил распуститься, пугая заговором, ибо варязи славили повсюду Есислава²⁰¹, сына Рогнед, яко преемца великого князя. Повторял Добрын о Рогнед: «Ни мать, ни жена, ни царица, — любодейная ослица. Ничтожна песчина в сапозе, а далеко шагнуть не дает».

Всему сыщешь не одну, но много причин и много объяснений найдешь. Впроси Мирослав у Володимира при Рогнед: «Почто отринул веру и тем обрѣк на беду Русьскую землю?» Князь отшутися: «Рогнед виною, укоряла в женолюбии, блудил же по неспокою своему, але неспокоен и поныне». Рече Рогнед: «Сердце утишается, обретая пристанище; коли на времѣны, не обойтись без тоски. Меня же (ты) взял по державному происку. Не была и любовь домом твоим, но съезжей избою. И разве великий муж способен услаждаться жизнью? Приемлет человек и события, яко тро-

пу в дальнем пути; ластишься к нь, а он уж в ином месте, среди других голосов».

И открылось неожиданно: идет Добрын с епископом Иоанном порушити веру отчич и дедич в Новгородской земле, завернули же в Заславье охристили Рогнед; хрестили зарано с тиунами и конюшими, со всей челядью, с отроками и отроковицами, и Мирослава понудили зрети се премерзкое бесчестие и разврат духа. Приняла Рогнед пострижение, и вскоре пошел слух, быццам по хрищении свершилось чудо: исцелися хромый сын ее Ярослав и почал ходити, а прежде не ходил. Лживый слух пущен христами; в те поры Есислав и Ярослав оставались в Кыеве, и лечили Ярослава царьградские балии ядом змей, вылечив гораздо до хрищения Рогнед; Ярослав не был хром от рождения, но захворел отроком, ибо купали дядьки в Непре, в нечистом месте, куда сбросили кумир Перуна, и (тому) есть очевидцы; лживому слуху благотворно опровержение; (он) лишь крепнет, оттого и слукавили христовы блудодеи²⁰².

Впроси Володимир Мирослава: «Что замышляют супроть мя волхвы? Камо сокрыл ся владыко Череда?» Отрече: «Пять дней назад зрел владыку в Клечеси творящим дознание о краже в святище». Засмеялся зло Володимир: «Замышляет волхва недоброе супроть, але час ее миновал, коли уже в святищех завелись тати». И добавил: «Не неволю, помятуя, что служил правдою, однако поразмысли. До дни сего не дают людьа (одни) дреговичи, и се дурной пример для Русьской земли. Нетерпимо, бо платят уже без отвороту и Ватичи, и Русь скоро понесет вместо подарков уставные дани. И от Запорожи, и от Тмутараканя. Помысли о сем, Мирославе. Ныне же прошу: нужна мне ставити в Заславье монастырь и церкву, с казною же стесненье». Рече Мирослав: «Когда дарил терем, не думал, еже вторгнешь во грудь гнездилище ненавистников. Чюжим кочедыком да в мой лапоть. Смею ли потворити?» Побагровел Володимир, але не вспетушися: «Ожидать ли помощи?» Отрече с твердостью: «Не могу противного чести, и люди (мои) не станут; серебра же пришло в Кыев, коли кругом издержался и на Христа просишь от Могожи». И хотел прочь, да Володимир удержал мягкостью, усугубив тревогу: не ищет ссоры, како же

чает заполучити полюдье? чему молчит о хрищенье?

Вечеру, егда застолье клонилось к концу, Мирослав решился разведати о замысле Володимира. Рече: «Велми поскорбишь, еже приял чюжого бога. Народ подобен реке,— мнозие веки складывается русло. Изменив русло, не изменишь ли реки? Что, кроме обычая, единит народ?» Володимир, охмелен, указал отвещати за ся епископу. Иоанн рече: «Если истина просит изменити лик и сердце, что помешает? Христос — истина, остатнее ложь». Оспорил Мирослав: «Знаем истину своего желанья и мгновенья, не знаем истину вечности. Один бог — како не помрет со скуки?» Рече Иоанн: «Суть бога выше нас, ты же измеряешь человеком». Отрече Мирослав: «Ежели суть бога выше меня, то выше и тебя, смеешь ли судити суждения мои? Да и что богу служити, не помня людского долга? Разве бози не то, что окружает и что наполняет? Не в познании ли себя познание их?» Иоанн рече: «Ваших болванов нет, а наш бог есть». И засмеялся Мирослав: «Гуще наше, и наша каша, и наша параша. Болваны — утешение глупых, пять лет, како измыслены, а прежде тысячи лет обходились без оных»²⁰³. Вмешался в спор Володимир: «Растерянность души — се многобожие; коли Рим отказался, и цесари отреклись, и нам нет сраму». При сих словех погасли огни на светцах, а стояло много в гриднице по углам,— будто задул кто. И было знаком, и вси взволновались. И стали расходиться, Добрын же молвил: «Кто хочет величия, подобного величию других народов, узнает и унижения их; кто хочет славы иной, узнает и бесславие иное». И промолчали мужи, быццам не поняли. Утром же разъехались, и оставил Володимир для Рогнед попа со служками и дружин.

Пришед в Турье, всхоте Мирослав напиться из колодезя. И принесли ковш. Только пригубил, прибежал огнищанин и рече: «Ждет Велига». И выпал из рук Мирослава ковш и соскочила (с него) серебряна оправа, и было к худу. Рече Велига: «Помнишь ли обещание?» Отрече Мирослав: «Помню». И попроси Велига в жены себе Всенежу, жену Мирослава; взял ее Мирослав перед походом в Корсунь, и была из ятвязей, дщерь князя Уилы, имя же ей от рождения Арда. Велми поразися Мирослав просьбе, тем паче что (Все-

нежа) неплодна бе; любил ее Мирослав, хоть и взял ради мира с Уилой. Але сдержался, не дал ся прогнати: «Коли не пойдет за тя?» Рече Велига: «Пойдет». И привели Всенежу, и согласилась распуститься. Мирослав, заподозрив в ошеломлении, еже блудодеяла, позвал челядь и девок, чтоб обличили под клятвой; они же не свидетельствовали против, то ли боясь гнева его, то ли будучи подкуплены. И всех тотчас отпустил со службы Мирослав, дав нескупно, сам же велми огорчился: «Всё рушится, и нет уже святого, не боятся божей; забывают благодарность, понеже сами добра не делают». И взял трех случайных свидетелей, уплатил судье виру²⁰⁴ и распустился с женою, а вено велел отослати к ее отцу²⁰⁵. Велиге же сказал: «Твердо мое слово, не отступился его. Если же забудешь (об этом), спрошу вдвойне, ибо поступил подло».

И се возвратися владыко Черета. Рече к Мирославу: «Мнозие еще почивают душою, пробудившись, прольют кровавые слезы. Недаром сказано в Книжии: «Егда умирают божи, безумеют людские дети». И поведал о великом вече волхвов; сошлись и выбрали владыку владык — Боруслана от Деревлянской земли и в совет ему Черету от Дреговичей и Святозара от Кривичей; от Полян и Руси (никого) не выбрали, ибо прежние их владыки были заточены Володимиром. И гадали о судьбах земли и веры. Рече Боруслан: «Пока правоты еще повсюду, преступно промешкати; пока сильнее христов, но силы тают. Володимир поклялся пред епископами в Вышгороде искоренити веру, не жалея противящегося и не щадя заблудшего. Неразумно однако отмстити вероотступнику смертью, наследуют дети его, хрищенцы, и пока малы, приставят (к ним) христы гонителей еще пуще; умолкшие варязи вошщатся вернути прежний глас и приведут еще варязей отвне, дабы источити словенскую силу. И греки не упустят добычи; учил цесарь христителей, наряжая в Киев: «Оплот Христа — мы здесь, блюдите нашу правду. Не сумеете словом приумножити стадо, допomoжем силой». Бахвальство в угрозе, не выступают греки, ибо в смутах и раздоре, могут же купити печеневей и толкнути болгарей; христова ложь ведь лишает народы зренья своего и смотрят уже чюжими очми. Не лепей ли почати законный спор за первостолье; об-

ретья, восставить веру и порушенный обычай, возвысити нравы, уладити в общинах, покончив с усобицами?» Восклица Мирослав: «Справедливо!» Но остудил владыко Черета горячность его: «Ко глупой голове мудрости не приставить. Шумети шумели, и в грудь били, и бородами трясли, а конь ни с места; едины в желании, да не едины в старании. Одни глаголили: «Кто вернет прежнее? — не волхва, но князь; приищем князя». Другие перечили: «Почто первыми бранитесь? — накличем на ся погибель; не волхве встревати, оспаривая мирское, надобь порядити с Володимиром, не может быти, чтобы всех понудил; кто не хочет, останься в своей вере, а тамо поглядим». Третьи рассуждали: «Чему спешити? — надобь приготовитись; чем больш разозлит Володимир народ, тем (нам) легче». Иные же и вовсе советили уйти из Словеньской земли: «Совокупимся и пойдем, куда глаза глядят, приищем новую обитель». Были еще и пятые и десятые. Те говорили: «Како спорити с христами? — не знаем, что проповедуют; пусть кто-либо скажет, почнем толковати в родех и племёнех о христовых неправдах». И вот что положило вече: послати к Володимиру трех мудрейших мужей, и уже по их приговору решити дальше».

Огорчися Мирослав мешкотою, и владыко Черета тужил велми. И впросил Мирослав звезды о грядущем, и указали на долгое беславие и бедствие. Рече Мирослав: «Не проворонити бы в Дреговичех. Отменю Нововведение, бо развращает волхву». И было правдою; раньш волхвы жили от трудов, получая лишь (немного) за суды о наследстве; Володимир же обурочил общины поити, кормити и одевати волхвов с семейством их, и давати по нужде коней, надела же лишил, дабы день свой проводили в служении богам, устройстве святыц и заботах о нравах. Але вышло не по доброму замыслю, како случается, когда к великому делу подступают невеликие. Раньш понуждал ся волхв орати и сеяти вместе со смереми, в урожай радовался, в голод терпел, от старейшины и князя не зависел, первым получая надел; считался лишь с обычаем и совестью. Нововведение удалило волхва от мира, иные почали тяготитись селищным, перебрались во грады, идеже в капищех кормление было гуще, а одежды расшиты златом; получая обилие от старейшин, (волхвы) по нево-

де угождали им; мира больше не признавали, понеже перестали избираться общиной, но назначались владыкою; владык же искушали нарочитые мужи, предлагаемая наперебой своих чадей и сородичей, ибо не в меру легок стал хлеб волхвователя ²⁰⁶.

Рече владыко Черета к Мирославу: «Яд от доброй пищи, Нововведение от владык. Смотри, восставишь супротив ся волхву и лишишься опоры». Внял Мирослав словом, але было нестерпимой понудою; переживал до конца дней, еже послушал владыку, а не последовал совести. Сокрушался позднее и о том, еже не ходил в полюдь, — по старинному обычаю, проглядев мнозие перемены. Всуе быша самоукоры; видел и понимал, и толковал верно (князь Мирослав), але что возможет человек, если и бози порою не хоцут вступить за ся?

Зимою пошел Мирослав на пересуды. И объехал земли бранчан, лютичей и ольсичей, идеже сказал ему некий муж: «Замышляют твою смерть, князю, будь настороже»; Мирослав же не поверил, ибо ходил с ним как раз Ольсич, и клялся в дружбе, выпросив обменяться берегами. Всюду судил и пересуживал Мирослав нелицеприимно, а в Кутех, Дорах, Горыни, Поставцах, Узрече и Рысице изгнал в то лето старейшина за лихоимство и утеснение правды. Людые однако не радовались, боясь мести; и вот оставил для назирания дружин, сам же повернул домови с немногими спутниками, и была вновь стюжа. Придя в Голядь по бездорожи, всхотел ночевати, бо нависла метель, и спешился у крайней хаты; и увидел, ветха и непригодна для обитания ни человеку, ни скотью; нашел однако в ней, серед снега и тряпья, четырех малолеток, пятый, грудник, бе уже мертв. И тулились друг к другу, замерзаючи, людские дети, и плакали от страха; завидев князя, молили о пощаде. И прознал князь, еже отца их, смера, забил мечник за утай зернья, собираючи полюдь, и отнял скотей, а мати свел ко старейшине. Велми прогневился князь; вошед к мечнику, узре тамо старейшину и волхва, предающихся винопитию и творящих блуд с чюжими женами. И вопияли беззакония их. Собрав общину, Мирослав казнил старейшину и мечника, а волхва, взяв в цепи, забрал на суд владыке; хотел взяти и детей, мати же их, безумна от горестей, не отдала; и подарил несчастным коня. Отъехав

изрядно от селища, вернулся, чтобы забрати сирот, ибо заболело сердце, але вновь не дала вдовиця. И увидел, зарезали уже его коня и ели запретное всей общиной. И не усостил их. Вдовицю же оделил гривной злата; других страждущих не оделил, ибо (ничего больше) не имел с собою. Возвратясь в Турье, узнал: и вдовиця, и дети ее убиты разбойниками, искавшими гривну. Рече волхв при известии: «Се наказание бозей: отныне, что не станем творити в радость, обернется скорбию». И горевал Мирослав о случившемся, и много думал об устройстве общин, пугаясь разорению и ницете смерей. Надумал воспретити продаж наделов; и не согласился (с ним) большинство нарочитых мужей, и князь Ольсич, и князь Велига, называя грехом, если не засеет кто поле и другому не даст. Рече владыко Черета: «Не налагай запрета, неимущих не спасешь, имущие же восстанут». Мирослав не послушал и до Пробудей послал по градем и селищам объявити о запрещении продаж (земельных наделов), а также о наследовании земли и переделах единойждь в три лета; почали ведь переделяти бесчестные едва ли не дважды в лето, обижая слабых, так что иные все большь богатели, иные же беднели и не могли преодолети бедности, и оплакивали свою долю. И вот известили по Дреговичем об указах, а ликования ни в ком не нашли; противники Мирослава, осмелев, пеняли (ему) прилюдно за своеволие, шептуны за спиноу пускали порочные небылицы.

Всяк, творя добро, да усомнится в деяниях; не первый и не последний на земле, спроси, достиг ли правды правейший? Знай, наследник, любя преемца, не все наследуется (даже) самыми благодарными. Ожесточась сердцем, не дал ся Мирослав сомнению; но стану ли осуждати? — бе одинок, и времёны быша одинок: каждый вспоминал (лишь) о себе, оставлен боземи и надеждой; единой Правды не было, ибо не нуждались (в ней), а правда пустых словей всегда пуста: отзвучала — и нету в помине. Если б свершившееся свершилось иначе? Праздно вопрошать: если б могло, свершилось бы, а то ведь Небо не допустило. Мелкими обнаружилась человеци в сравненье с желаньем, а бози не умалили желанья и не возвысили людья. Возможно уклонитись иных ударов судьбы, нельга уклонитись судьбы. Але продолжо, оставив отвлечение, дань вздоху о не-

сбыточном; повестити надобь, не прибавляя от себя и не заботясь о приговоре, но как избежать пристрастия? Но Приде Мирослав к Буслу, посаднику, в Менесь. И рядился с Рогнед, ибо требовала много жита, и мяса, и меда, и огороднины, не спеша платити; нагнала холопей до сотни, штодень везли к ней черниц, и монастырь почали уже зиждити, имея своих камнесечцев и плотников; в окрестье же сеяла смуту, понося Могожь и Влеса. Спорили с нею, отступницей, и с попом отшельники-правоверы, Видбор, брат Мирославль, и Чстенъ, болгарский пленник ума; Скордята же склонялся ко христам, и были ссоры, и сходились в Заславье мнози мужи, бранясь кулачно. Рече к Мирославу Домжар, заславский старейшина: «Не счесть зла от гнездовья скверны; дай им угодыя, пусть сами сеют и пашут, и ходят на ловы, а нас не скребут». И поступил по совету; рече к Рогнед: «Пусть твои люди сами добывают пищу, а у моих не берут, аз прибавлю земли, дам поле и выпасы, и лесье, и озериче рыбное, ты же воспрети попам творити непотребное и не доводи до побоища». И позвал землемерей, и объехал с Рогнед на конех угодыя, размежевав. В то же лето, предвидя беду, заложил на Немизи, за Горками, остережье с каменной вежею, а также новую усадьбу. Работал Притыка, плотничий старшина из Случья, прозвищем Рутын, бо кривичского племени, из рутов. Остережье поставили на развиле дорог, у брода; во сне явился к Мирославу старец в белом и рече: «Ставь на развиле, Вил обережет»; оттого наречено место Свиле; тамошние смере назовут и по-старому Немизь. Когда ятвязи приходили в Дреговичи и сожгли Менесь, Свиле переименили в Менесь, сице почестив павших.

И приключилось вскоре: шел Мирослав второпех в Турье и переходил Птичь в самой быстрице, и потонул конь челядина, еже перевозился первым. Птица же вещая рогай кричала в кустех, не взлетая. Рече волхв: «Худой знак, вернемся». И вернулись на бытень, заночлежив; ночей неведомые люди покусились на Мирослава,—бросили в палатку тяжелое копье. И попало в верею, раздробив в щепы. Рече волхв: «Ищут смерти твоей, воротись в Менесь». Мирослав посмеялся: «Смерти пугаться или жизни? Смерть всегда (следует) по пятам, а жизнь впереди». И велел седлати.

Миновали Птичь и въехали в чащу; и закричали внезап люди, и упал замертво отрок, ехавший обочь Мирослава: пронзила горло стрела, ятвяжская, со злою отравою, так что не успел молвити ни слова. И искал убийцу Мирослав, але все; гадал, кем подослан, и вышло: «Клянущимся в дружбе». Пало подозрение на Ольсича. Реша верные мужи: «Вели пытати». Мирослав же отказался: «Нет улик, а чести мало судити по подозрению». Вскоре случися пожар в княжьем тереме, и сгорела клеть с одрищем, загнули две холопки; Мирослав спасся, и опять не нашли душегубей.

Ветр, пробежавший над полем, идеже след твой? Мгновения источают долгие веки, мелкие беды, капля за каплей, губят великую силу (в человеке). Кто укроется от стрел Стрибожьих? — тлетворное во времёнх живительно, живительное тлетворно, а чистая радость лишь коснется и тотчас исчезнет. Без смысла вечное вне суетного, и великое смешно без ничтожного, але поздно приходит разумение. Стражди, человеце, гласит Ильменьское Откровение, стражди, бо нету жизни без страсти; стражди и не робей; страх — все несчастье твое, и все нечистое в тебе — страх.

Воздаю Мирославу: превозмогал страх; и в бедах, умножающихся трудной порою, держал крепко кормило судьбы. Еще не стихли пересуды о пожаре, а уж людье заговорило о новом преступлении. Рокш, племянник Ольсича, убил князя Улеба, своего отца. Схватили люди злочинца, чтобы казнити по обычаю, забросав каменями, он же кричал в оправданье, еже отец взял силою его невесту. Отбил княжича мечник Скорьна; и выпало судити Мирославу. Рокш же был единственным прямым наследником Ольсича; хотел (Ольсич) спасти княжича и говорил округ: «Станет Мирослав судити пристрастно, хочет лишити мя преемца». И собирал недовольных, смущая облыжными речями. Мирослав, пытав княжича и выслушав очевидцей, дознался, еже Улеб силою сходился с невестою сына, дщерью купецкого старшины. Однако, решая по обычаю, казнил смертию княжича на градской плоче и на Ольсича, брата Улебова, наложил немалую виру за посрамление девицы в пользу отца ее. И было справедливо. Ольсич же вскопытился, подстрекая людье; подкупом замирился со старшиною и понудил очевид-

цей отречись от сказанного прежде. И вот всхулили Мирослава, упрекая в жестокости.

Что же горопитись с правым судом? И правда, случается, кормит ложь и бесчестие, а искусство князя (в том, чтобы) крепити правду, ибо людье безответно в горячности и не зрит зримое искусным управителем. Како яд врачует, врачует и малая неправда, от бóльшей же неумолимая смерть. Честь среди бесчестных — возможет ли помочи добру? О горько, горько сие бесстыдное признание, але в чем еще вина Мирослава?

Не миновало лета, и вновь всколыхнулось во стольном граде, догукнувшись аж до Кыева и Новгорода: Буен Бык, деревлянский князь, схватил в своем доме Боголепа, сына Мирославля; застал творяще блуд с женою и боряшетися с ним, и хотяше связати; вбежал на крик сын Быка и ударил Боголепа ножом, Боголеп же, защищая ся, убише его. Хитер и коварен, Буен Бык не стал мстити тотчас смертию, но выдал Боголепа турецкому старшине Ольсичу. И пытал Ольсич Боголепа железами и крючьями. Заспорили Мирослав и Ольсич: кому (из них) вершити суд и приговор? Обычай не возбранял судити сородича, главным же судиею был князь. Ольсич однако оспоривал, говоря, суд князя лицеприятен, ибо в преступлении уличен сын. Созвали гридей, и (те) высказались в пользу Мирослава. Но не спало бремя с души, был Боголеп любимым сыном; прежде отличался кротостию нрава и послушанием, разумностию и прилежанием в постижении многомудрия жизни. И се открылось, подвержен порокам: брал отай подарки и подношения от нарочитых мужей и от людья, обещая замолвити слово пред Мирославом; жил с княжною Лагодой, сестрою, яко с женой, и родил сына от Весейки, холопки ее; обрета в товарищи пустогласов и приживал, пил (с ними) хмельное зелье и творил богопротивное, обижая просточинцев; отнимал коней и дорогию сбрую, не исполнял обещаний. Впроси Мирослав, плача внутри ся, но с твердостию присущей: «Знаешь ли, что должен умрети?» Отвещал Боголеп: «Знаю, батюшко, и готов». И назначили казнь, и в ночь пред казнию повеле Мирослав привести Боголепа в дом, и хоте усадити за стол с яствами, и позва мати (его) и брата; он же рече: «Приведите Лагоду». И вошла, не подымая глаз. И поцеловал руки (ее), и просил

отпустить грех, заклиная Могожью; вслед за тем велел ей уйти; и впроси ключевой воды, и даша испити. Испив, рече: «Близок час разлуки, и жизнь завершена, хошу побыти один, яко и бывает человек во днях судьбы. Прости мя, батюшко, не достоин имени твоего, и все простите». Вернися Боголеп в темницу, и плакала княгиня, и Мирослав бысте велми печален. Приде владыко Черета и почаша утешати: «Впроси наутрия людье турское, хотят ли помиловати, заменив казнь вечным заточением? Аз подучю, и скажут: хотим. Сице убережешь сына». И не всхоте Мирослав послушати: «Како уберегу, коли не уберег? Не по обычаю совет, сын уж мертв, сушит сердце недостойная смерть его». Казнили княжича на площе, до светанья, и палач трижды рубил выю, ибо осекалась рука его. И поднялись в небо горлицы, и ударил сокол, и сшиб, и упала (одна) птица на лобное место. Рече волхв, бывши при том: «Се знамение, свершили (мы) по обычаю, але не угодное богам, не праведное». И разошлось людье молча.

Беда же не оставила Мирослава: искала удавити ся Лагода, дщерь, токмо случай спас от погибели: вошед невзначай, увидела холопка и почала вопити, отвращая. И не принимала Лагода пици, таяла свечою; узнав про то, Хелмор, князь Рутский, из кривичей, пожелал Лаготу в жены; и отдал Мирослав, считая мужем благородным и славным.

Хелмор, присоединив земли своей прежней жены по смерти ее, володел в те поры землею до моря, и мнозие роды быша вдачи ему; поспорясь с полотьским князем, посадником и подручником Володимировым, Хелмор едва не завладел всею Полотою, помешали варязи, ударив в спину; и был конюгом²⁰⁷ их Рыжий Улаф, служивший неколи Ярополку. Але не пересилив, позвал Улаф в помощь ятвязей, и те пошли. Спросил Хелмор Улафа: «Чего ищещи?» Отвещал: «Богатства и славы²⁰⁸. Коли не дашь ни того, ни другого, верни становища у моря, кыми владели, ходя в Греки». И стали варязи теснить дружину Хелмора, и хотя (Хелмор) замирился наспех с полотьским посадником, потерпел поражение. Захватив иные из градей и острей, варязи однако затупили мечи. В зиму, егда пришла внезапно стужа и варяжьи лодии вмерзли в лед, одолел Хелмор, и находники бежали; ушли в свои пре-

дела и ятвязи, пограбив, сколько могли. Вот как (обстояло дело) с Хелмором. И пришел к Мирославу за союзем и помощью супроть ятвязей, полоты и новгородцев, иже приготовились воевать Рутскую землю. Рече Хелмор: «Дай серебра, найму варязей и одолею Полоту и новгородцев, пока не ущитились довольно; возьму землю ятвязей и (тогда) рассчитаюсь с тобой». Мирослав же, сомневаясь в успехе, осторожничал и тем обманулся; были Руты опошней надеей, але не уразумел; коли ж и разумел, чаял минути спора с Володимиром. Обещал серебра и не дал в свой час. Честные мужи паче иных казнимы есмы; рисковати же — искусство князя, егда приходят времёны смуты; страх упреждает славу, мелкое отнимает великое, и дни, бегущие борзо, лишают вечности. Надеялся Мирослав перестояти судьбу, але кто в ливье останется сух, коли не под кровлей?

Что бы ни постигали, постигаем (одну) душу свою. Непрочно счастье, и жизнь зыбка и скоротечна; глаголю себе, согрешая во всякий час не против другого, но против самого себя: ищи себя в себе, всем рискуя и ничего не жалея, божье ищешь; в этом и совершенность и несовершенство, — скорбим ведь о дорогах, кие выбрали. Хочет потешити, усладити душу человек, а и тут поле неоглядно: сколь ни паши, ни сей, урожай будет съеден и забыт, и на завтра взрыхлять новое поле. Не достигнуть вершины в делах, всегда будет (казаться) мало; и мало есть. Обретший величие велми несчастен бывает, узрев просторы, от взоров других сокрытые.

Любуюсь лесем и полем, и теплыми лучами, и запахом пашни; любование сущим — исток радости. Но также не беспредельна (радость), ибо рядом страждущие, помыслы о них истязают вновь и вновь. А дней жизни хватает лишь, чтобы воскликнути горько: се жить не умеем, и уроки житья не впрок, ждали напрасно и поклонялись чужому.

После отъезда Хелмора приснился Мирославу странный сон: округ спелое ржище, а не жнут, у дороги же, впереди, дуб, не стар, но кроковат; и жарко князю, и всхотел опертися о дуб, але сломал его; и вот пред ним подколодный змей, ползет ужалити; и стал рубити его (князь) на части, але каждая часть обратися в змея; и

чем больше сек, тем больш становилось. Пробудясь, позвал Мирослав Дукору, вещуна и провидца, и Дукора истолковал сон: «Не ищи (ни в ком) опоры и (ни с кем) не бранись; оставь, как есть». И было заведомой ложью, ибо вошел Дукора в сговор; Мирослав же поверил и в нерешимости навлек на ся новые беды, страшнее прежних.

Задумав сгубити человека, изматывают злые духи прежде душу его. Придоша гонцы от Володимира: «Кличет первостольный. Седлай скоро и скачи борзо». И взял Мирослав в догад, что донесли в Кыев согладатаи о посольстве Хелмора, и се всполошило. Але не стал перечити и чинитись. Едва съехал со двора, нагнал его челядин купецкого старшины, неколи опозоренного Ольсичевым племянником, и рече: «Господин мой на смертном одре, истомлен хворобой, неведомой прежде по Словени, обратилось тело его в сплошную язву; никто не хочет навестити, боясь смрада и тлена, все отвращают лице, и чада, и жены; покинули ходившие прежде в друзиях. Ступай к нь, поведает тайну». Поворотил коня Мирослав и заехал к старшине; и был (тот) уже при последнем дыхании. Рече в тяжкости угасания: «Тебе осень, мне огонь да плесень. Обверотили тя, князю, не повинен Боголеп, сын твой, вероломством и хитростию заманил его в сети Ольсич, прознав о порочной любви к Лагоде. Казня совесть, склоняли к винопитию, брали же подарки и отнимали коней от его имени; к жене Быковой приволокли, оглушив зельем, и сына Быкова не убивал Боголеп; егда насилили над простолюдьем, Боголеп унимал зачинщиков, они же расходились еще пуще, ища ославити (тебя) в людской молве. Велик заговор, и Ольсич, и Буен Бык, и Велига — кропоткие души, недруги, продают тя на всех торгах». Сказал Друсъ, воевода, провожавший князя: «Поправити зло не можешь и сына не вернешь, оставити же правду в обиде грешно. Вели схватить заговорщцей, явлю вину их пред всеми и вырву ядовитое жало». Стрече Мирослав в печали: «Аз есмь убийца, кто еще? Обо мне ли думати? Доказати же вину коварных погубителей моих — непростая задача, жди, пока возвернусь». Рече Друсъ внове: «Схвачю злочинцев». И воспретил князь, и паки было роковой промашкой. Содеяв одну, трудно упредити новые.

Пошел Мирослав к Киеву, а при нем немногие гриди и отроки, и брат Видбор, и Чстенъ, болгарин, поклонявшийся древним богам своего рода, и Дыю, и Могожи. И се близ перевоза открылся взорам Киев, чудесен град на холмах; полыхает (в нем) пожар, и дымится до обладей, и багрово в водах Непра, и било гудит тревогою. Рече путник, шедший на колах: «Пылает в народе, горит в домах. Схватил Володимир волхвов, еже придоша умириться и спасти веру; ин молвит, христов пожигают, друг сачит — правоверем мстят за долготерпение их. Яга в Словенском краю, отступники указали дорогу».

И подъехали к Речным вратам, еже ныне зовутся Гостинными; сторожи на конех и пеши, прохожан спрашивают, под рубахи лезут, порты ощупывают, иных пропускают, других волокут на дознание; толпа шумит, кони ржут, колы скрипят, жены на колах плачут. Дорога перед рвом — колдобины, грязная жижа, коню едва не до брюха; быша в те поры Речные враты бревяны, але мостки надо рвом подымались не на пеньковых веревьех, яко в Турье, а на железных цепех, подобное в Святицких вратах и Печенежих. И почали сторожи разгоняти людье кнутами, мостки же приподняли. Рече Мирослав: «Се примета, братия: творимое у ворот града творимо и во граде. Небывалое прежде вижю: непорядок и бестолковица, и глумление над людьми». И послал отрока объявити о приходе. И долго ждали; и вот опустились мостки, и явился боярец в красной шапце и шемаханьском накиде, медяный христ на шее, грязен и нечесан, кокоший пух во браде и голос сипл; мечем опоясан, а рукоять у пупа. Рече к Мирославу: «Те оружие дозволяю, але у твоих отбору: повеленье Володимира; разбой во граде». Отвещал Мирослав: «Почто отбирати, ежели разбой? Безоружны не въедем, бо противно званию и обычаю». И отъехали от ворот, и встали на взгорье. Окинул Мирослав взором простор и рече в грусти: «Тут стояла Триянова роща, тысяча лет дубраве, аз славил в ней бозей, пришед впервые в Киев; ныне пни догнивают». И поклонися пням. Чстенъ же указал на отрасль у пней: «Погибли, но возродятся. Если б не теряли, не обретали. Кто не страждет, тому ничто не дорого; кто не достигает богатства, не может восславити нищету; совершен-

ное от несовершенства; познаём чрез невежество». И сподобились слова Мирославу, ибо думал о сыне. Рече: «Все же многое творится непонятно, и не отступают сомнения». Чстенъ рече: «Мужу, кый все разумеет, нечего (делать) на свете».

Промедление — се зрак зряшних. Заполдень пришли от Володимира; мужи чинные, на борзых конех с дорогой сбруей; пропустили Мирослава и свиту в ворота, и людье смотрело со всех сторон, але без любопытья. И пустися дождь, унимая дальний пожар. Радости же не было ни в конных, ни в пешех, иже попадались по мосткам; свои заботы у Кыева; се селищане, голыть, недоеды, изгой, толпясь пугливо на Рядной плоче, дожидались найма; се холопе с рогожными кулеми на головах, зазывали на постоялые дворы, обещаю овес конем и мясы постояльцем. Все примечал Мирослав, быццам хотел провидети, что ожидает у Володимира. Миновали тесный посад, низкие клетки, с коня рукою достати стреху, узкие оконницы, глухие ворота; проехали Болярский Конец, двухъярусные хоромы за огорожами, и расступилась улица — за осенним садом свинцовые кровли великокняжьей усадьбы — терема с узорным стеклом и петухами на спицах. И вздрогнул Мирослав, и придержал коня: се под дождем на холме, за площей, насупроть дворца, будто толбака, — множество людья. Спросил провожатых: «Идеже святыце Перуна?» Отвещали: «Нет больше; на том месте ставят храм святого Василия». Рече Чстенъ: «Уж не Володимир ли свят? ²⁰⁹ Вчера в татех, ныне в святых. Высоко поднялась Христова церква, але не простоит долго на чюжих подпорах». И осекли мужи Володимировы: «Злоречивым коротят языки. Не боишься, старче?» Отрече Чстенъ: «Страх велик — пред всеми имети страх. Никто не прожил время страха своего».

Пытлив и недоверлив, Володимир встретил прибаутками: «В дождь и в стюжу гость нужен, в день погожий — упаси боже». Рече Мирослав: «Чюждой стала столица». Отрече: «Мнозие винят мя, а ведь хочю добра, верша по знанию своему». Вот то-то же; и спросил Мирослав о волхвах. Признал Володимир, что брошены в темницу, прибавив: «Требовали невозможного и грозили. И без того штодень поджоги и убиения. Волхвы

почали уже войну и думают, супроть мя — супроть Русьской земли; неправая их брань». Рече Мирослав: «Доволен ты собою, и се худо. Прежде друзей искал, а ныне сытишь ся холопеми».

Встал Мирослав со свитою на княжем дворе, в приставном теремце; прислуживал Сивер, старший конюший, знакомец по дружине Святослава. Хотя и хрищен, блюл отай свою веру. Открылся (ему) Мирослав, он же уберегал от соглядатаев.

Созвал Володимир подручных князей и поверил им, еже собирается на хорватей, замысливших отречись от союза и передатись лехам. Каждому вменялось сказати, сколько приведет дружины и ополченья и сколько даст серебра, коней и припасов. И открыл Сивер Мирославу, не в лехах причина, — в нежелании хорватей принять христову веру: убили посланного епископа и прогнали посадника, вотщивша ся поставити церкву; опасался Володимир, еже в досаду (ему) примут хрищение и опеку от Рима²¹⁰. И еще открыл Сивер, выспрашивая, кто сколько даст, Володимир выведывает силу и замыслия подручников; донесли (ему), еже лукавцы и прижимы утаивают наполину и войско, и серебро; Киеву же невмочь и границы стеречи, и державу держати, и земли христити; претяжкая обуза, але решено промеж Володимиром и Добрыном, главным подказчиком, и нетерпеливыми епископами, с кого почнут и на ком окончат; готовы уже идти на Тмутаракань, смущающу Русь и всю Русьскую землю вольницей; в Тмутаракань ведь побежали тысячи мужей из Киева и иных градей, спасаясь от хрищенья, не в Запорожь, еже открыта набегам степняков.

Исполнися надеждою Мирослав, але росла и тревога; видел: противятся повсюду христам розно, хотя и с успехом, како в Тмутаракани и Новгороде, о чем скрывал Володимир. Христил об зиму Добрын-посадник многих из нарочитых мужей Новгорода; понеже дружина не пожелала принять Христа, прогнал дружин со службы, наняв взамен варязей, однако лишь усилил вражду. Летом, приведя митрополита Михаила и трех епископов, почал свергати кумиры и рушити святыща, вознамерившись христити поголовно, людые же, посщряемо волхвою, возмутися и переби приспешников Добрына, ревнителей-христов и варязей; оби-

женные нарочитые мужи и дружины, и людьє новгородское составили необоримую силу, и покидали Христа уже хрищенцы. Сам Добрын с трудом выбрался из Новгорода; один епископ был убит, а митрополит ранен. И встал Добрын под градом, пугая Хелмором и рутеми и хитростями склоняя к послушанию, граждане же положили на вече изгнати Добрына из Новгородской земли, како святотатца и насильника. И се набрал Добрын новых варязей, и подступили ко граду; правоверы же затворили ворота и приготвились к битве. И се пожгли варязи посад, убивая старых и малых; и вышел воевода Угомон, и разбил варязей наголову, а Добрын бежал в Къев.

Радуясь, не радовался Мирослав: одержав победу, бездейничали правоверы, христы же собирали все новых помощников, и Добрын уже приготовился воротиться. И се прислал владыко Череда к Мирославу бересту; жалуясь на разногосицу, просил сведати о схваченных волхвах, а коли удастся, вызволити; и затруднялся Мирослав дознатись об узниках, было сокрыто даже от Сивера. Но больше томило, еже в бездлице погубляет дни, сидя обочь событий, а Володимир не отпускает. И замыслил бежати; Добрын, пришед, рече: «Не погуби безумием княжения, доносят на тя Ольсич и Велига; прислали к Володимиру, согласны приняти хрищение; он же пока не ответил, не желая ссоры». Внял Мирослав словом Добрына, видя благорасположение (его); и сам воздавал должное сему неподражаемому мужу, изменявшему порою замыслиям, но николи не изменившему почутью. И взмолил Мирослав Добрына отпустить домови, и по твердости отказа понял, не ради прихоти задерживает великий князь, но по дальнему расчету. И просидел, бремени ся, Мирослав в Къеве до зимы, и другие просидели: от кривичей и от радимичей, старшины от запорожей и два годьских вождя — от родей, подданников Тмутаракани. Забавлял Володимир (князей) ловами бобров и гонами на пущного тура, угождал дорогими подарками и веселил богатыми пирами; на пиры сзывал отовсюду плясунов, шутов-пересмешников и гудошников; гордился немногими скоморосеми, насильно хрищенными; и пелись сказы, и говорились преданья, и были затей с раженьем и учеными медведями, а словеньские бози

не поминались. Первостольник, с утра хмур и напорист, неутомим и распорядителен, ввечеру предавался винопитию, часто безудержному; захмелен, любил непристойности и сам быть велми горазд на выдумку; женил (кого-либо из) подгулявших мужей на козе, убеждая, се заколдованная царица, и понуждал, глумясь, ко старинному обряду со сватами и хорами, с показом мужской срамоты по скуфьскому обычаю²¹¹; и волокли жениху в постелю козу в паволоках и парче, заутре же требовали ягнят на съедение. С отчаянием взирал на шумное застолье Мирослав, видел омраченной душою не приметное оку: не от силы и радости гультайская щедрость и безудержные смехи, но от усталости и сомнения; бе растерян князь князей и снедаем тяжкою думой; по слухам, не ладил уже с Добрыном, старым, але по-прежнему многомудрым вольником; не спорили уже, враждовали, и на думе, по свидетельству Сивера, грозился Володимир повесити на суку Добрына, яко обузу стола. Будто бы прежняя жизнь вершилась по Русьской земле,— сеятель пахал в поле, коваль сошников раздувал горны, судья брал виры, купец спешил на торги, корабельщик ставил ветрило, гриди правили княжью волю, мытники считали полюдые, жены зачинали, носили плод и рожали; вершилась жизнь, и все же не было прежнего, таилось по дням роковое. Ослепительно сияла слава Володимира, але в сиянии пропадали черты и князя, и (его) державы. Зиждили, не щадя сил, але гибло, не щадя зиждителей. Возводили в Кыеве два великих храма²¹², Дружинный двор, Конюшни, ставили новые стены с неприступными вежами, але многое из сотворенного рушилось и горело; набирали княжьи мужи смысленных отроков и учили грамоте, письму, счету и христовым заповедям по болгарским книжиям, а епископы с прихвостнями отнимали силою и скупали повсюду древлие словеньские пергамены и бересты, знищали в огне великую мудрость и память о минулом; вот и воеводы недрёмно сторожили грашники от печенезей и похвалялись силою, но сколько ни сходились в чистом Поле, побеждали (слишком) дорогой ценой, так что не было радости от побед; крепи печенежьи рати и уже приводили с собою целые полки правоверей, бежавших от понуд и утеснений; и пустошили полдневные селища и грады, так что бросали

смеры поля и дома, и зарастала земля лопухом и дерницей. Мирослав не одобрял, еже прибегают правозверь к помощи ворогов и соединяются с ними, але разделял отчаяние и горечь бежавших; видел, не сотрясают набегу кыевского стола, но упрочают, ибо округ молчат, и глядит Володимир уже заступником всей Русьской земли и миротворцем. Ускользала правда, и не находило сердце, уклонялось борьбы и страдания и жило, не ощущая уже вечного течения жизни, но горьким мгновением и короткой надеждой. Рыскали в ночех сторожи и караульщики по градем, але умножались грабежи и разбои, и в утро находили зарезанных, а разбойников не находили; казнили о всякой седмице, и сходились ротозей к лобному месту с охотою, нибы к общему застолью. Се проклинали нравы нехристей попы и епископы, возглашая льстиво кротость, любомудрие, умеренность и послушание, воспретили водити многие жены, оскорбив словеньский обычай; и сокращалось племя, и умножался разврат; во хрищеных градах бродили волочайки, и залеживали их старцы и отроки на глазах у людья. Славили христы здоровье, а недужных прибавлялось бесчестно. Славили христы царство трезвости, а вцарилось винопитие, и в церквы вступали в грязи и небрежении, одуревши от хмеля. Все смешалось и спуталось. Нищие и бродяги заполонили землю; вешали округ о предстоящем конце света и уже ожидали гробы и падение Неба, але мир не угасал, не скончался, не освобождал казнимых от казней их. Серед правозверей смутьянили отступники, называя ся пророками, и обличали белую волхву, уча прозрению, како есть искушение у слепцов. Прорицали, еже грядет невиданное безбожие и идолопоклонство, голь и срам души; победят христы и всех распнут, но все будут жить, медленно умирая, и наступят бездневные дни, когда желаний прибавится, а исполнений (их) убавится; когда процветет рабство, лень, бесчестие тела и ума, вспучится язва чинопочитания и возобладает блуд языка, младые не всхотят тружаться, а старые, прозябая в пианстве, забудут имя рода своего; и будет яйцо учить курицу, а жена плевать в мужа, и обмелеют сердца, и обмелеют реки, и вырождаются мужи, и выродится лесье, и почнут дышати смра-

дом, яко на пожаре, и приидет новый Хун, разрушит грады и сожжет селища, сравняет погосты и оквернит святыни, обесчестит жен и дщерей, а потом убьет всех; и скажет в отчаянии последний: «Нелюбовь человека к человеку погубила народ сей, бражник и лентяй обессилели его, раб духа и своего бесчестья», но скажет тем не все; да и что словы?

Приснися Мирославу вещей сон; узряху разом людей, населяющих вси земли, и труды, и скорби их, и пробудился в некоем озарении: вот, отличны племены и обычаи; противное одним по вкусу другим, поучения не совпадают, ибо страждут разное, и превыше всего Мысль Обо Всех Живых; нет такого закона и заботы (такой) не дано, а Мысль благоденствует, и от тепла ее человек прорастает в человеке, и бессмертен гордостью оба. И еще понял (Мирослав): страшен ненасытный, но лучше насыщаемый; ложь уловляет глущих, заждители своего счастья разрушают свою судьбу, а божи только смеются глупости; и душа должна ведати часы сна и отдыха, просить пищи, а насытись, не терзаться новыми похотями; хуже зверя боящийся смерти, но хуже зверя и вовсе не боящийся ее; люди ушли с указанной тропы и бродят то справа, то слева, истинный путь потерялся в гущех ложномудрия и пустого знания.

Уязвляют явью мечтания о высоком, и мелкое оскорбляет неодолимостию. Приходим к понятию, а наутре отрекаемся, ибо плачет душа, не найдя места в просторном мире.

Уплывают воды в Вечное Море, влекут события к Предначертанному. Вскручинилась Анна, великая княгиня, востосковала по родным сторонам; и обещал Володимир, ублажая, воздвигнути Царь-град посреди Киева. Собрав камнесечев, иных приведа издалека, почал ставити дворец богаче и роскошнее цесарева; везли камени на плотех и на колех из Корсуни и из Болгарей, в Киеве отливали всякую зодчую надобь, выжигали плитки и тесали столпы, гранитны и мраморяны. Возводили (дворец) в княжем саду, простиравшемся о те поры до градской стены у Пучайны, идеже неколи быша лодейные торги. Дивясь хлопотам, Чстенъ рече: «Растут дворцы — взрастет и полюдь». И ходил назирати, хотя запрещалось строго, и стояли повсюду сто-

рожи. В некий день приметил: сторожи, отперев железные двери, вошли в стену, неся брашно и питье в кадях нибы свинням; и придя в ночь, в снег и стюжу, стоял (Чстенъ) у отдушины и чуял смрад и слышал людские стоны, и видел отблески света. И спустил в отдушину бечеву, а на ней берёсту, впросив: «Кто в узилище сем?» И отозвались: «Волхвы, послы от святища Ильменьского». И се известил Мирослав о тайне владыку Череду; быша от него в Кыеве мужи на торжищах. И миновал тыдень, и случися в ночь во дворце небывалая суета и смятение, окружила дворец княжья сторожа, и искали по всем клетям и истобкам, на кровлех и в подполех, в углах и закоулках. Встретив Володимира, полного заботы и гнева, рече Мирослав: «Ужли вновь печенези?» И не всхоте отрешти; от Сивера же узнал: бежали из узилища некие преступники-душегубы. И вскоре после того Стефания, в правой вере Паниду, болярца, кому быша подначальцами теремные сторожи, заменили варяжином; многих из сторожей схватили и, пытав свирепо, казнили без указа²¹³; были, говорят, правоверемы; сгубили ся за малое, лишь непреклонностью заплатив за смерть, ибо открылся заговор прежде срока. Але кто вправе осудити: умрети за малое — не в том ли великое сердца?

Терзаясь неудачею, Мирослав захворел; рече в скорби: «Коли грех давляет, все грешны, над каждым преступление, свое или чужое, содеянное наяву или свершенное в мыслях». Отрече Видбор: «Коли все грешны, смерть николи не приходит рано».

По прошествии многих испытаний возьмешь в разум: жизнь (человека) есть жизнь духа (его); презрит (человек) лишения и страдания плоти, творя свою судьбу. Насыщения же не дано: съел — и опять голоден, взял — и вновь пусты ладони, але пережитое душою и открытое ею мудро и пребывает вовек; довлеет доля честному, на кого же в обиде? Тепло жизни в человеке, является же отвне, и счастье в обретениях души, иное — блуждение и суетные ожидания. Тяжко страдати, но разве дано лишь нищему? Тяжко лишаться и теряти, но что теряти голому? И вот: обретаю, чтобы терять, страдаю, чтобы блаженствовать, достигаю, чтобы отступатись. Ярмо же ненавижу и насильника не терплю: нет надо мной хозяев, окромя Могожи и

Влеса и окромя души, ими возжженной для совести! Но полно, остановись писало, не тупи ся понапрасну, еще не час трызны, еще время труда и правдивой повести,— доколе плачешь, не иссякла надея; надея же не оставит: прекрасна жизнь, пока жива душа.

Почали искати волхов по всему Киеву, боялись заговора и чинили немало насилия над неповинными, ходя вназырь за всяким совестником. А по весне погнали тысячи киевцев, со скотеми и детьми, к полдневным границам, в припустелые запорожские селища; ужасно бысть зрелище невольников, лишенных крова и очага, и родной общины, без счету умирали в пути. Володимир приставил к изгнанникам своих мужей, и велели селиться по холмам и рекам; едва обживались, понукали бездолей возводити остережья и заставы от степняков, иже заняли исконные земли (руси) по Непру. Сказают, мысль сселяти непокорных внушил Володимиру митрополит Леон, сменивший умершего вскоре Михаила²¹⁴. Како бы ни было, исторгла мысль слепота и ненависть; и се прониклись печалью пространства, рыдание потрясло Русьскую землю; след за киевцами погнали на выселки из других градей,— вереницы бездольных. Опустел Новгород, осиротела Сиверь, притихло в Деревлянех, Кривичех и Тиверцех. Злой понудой и кровию сеяли христы холопий нрав по душам, люди же недоумевали: не иноплеменники неволят к покорству,— вчерашние братья; но братья ли вознесшие ся вероломством и подлостью над питающими их?

Все (наши) потери и утраты судьбы — восполнение недодач в жертвоприношении помыслами и деяниями; вдали бозем меньш, нежели получили. Не скорбети о потерях, ибо не наше. Але скорблю и не утешаюсь.

В лютые морозы пришел к Мирославу посланник от Друся, Турьского воеводы, и от Бусла, Менесьского посадника: «Ворочайся, сносятся недруги потай с Володимиром, возмущают супроть тя людье. Изнемогли в спорах и ссорах, поправити же (дело) не можем». Рече Мирослав к великому князю: «Отпусти восвоья, нету (мне тут) службы, бесполезен. Не отпустишь охотой, неохотой уйду». Отрече: «Ступай, коли невтерпеж, но прежде женись на сестре моей снохи, жены Вышеслава²¹⁵; чем не любя? И ты (ей) по сердцу. Хочу пород-

нитись». Рече Мирослав: «Хотел бы, отдал бы дочь». Отрече Володимир: «Старшая в подлетех, не гоже сватати. Не хочещи женитись, твоя воля. Вот же дело невольное: поднялись волхвы уж открыто, перечат власти моей, нарушив клятвы и обещания. Доносят, решено волхвою восставляти роды супроть Кыева и христианской веры; собираются противитись оружием; презрев обычай, избрали себе нового князя, беглеца и преступника Могуту, и се отретье, лживые самочинцы ищут ввергнути Русьскую землю в раскол и усобицы, погубити единство ее и силу. Преступления волхвы стану отныне карати без пощады, пищем запищат, и людье не шелохнется, бо моя правда, а волхвы — пособники печенезей; кто им пособник — лютый мне ворог». Взликовал Мирослав, услышав о выступлении волхвы, але и опечалился: хитер и коварен Володимир. Рече без объездов: «Плутуешь, князь, наговариваешь на волхву. Не приемлю христов, николи же не истребляю (их) веру, терпел в гридех и дружине. И что волхвы? — не они ли пособили те на первый стол, не они ли утверждали славу твою? Ныне жаждут самого малого и самого разумного, еже бывает в людьских спорах — терпения: кто хочет, христись, кто не хочет, поклоняйся своим богам». Рече Володимир, почав в ярости, окончив в лести: не ведала узды в страстех стесненная душа его: «Не бывати двум верам в одной земле, едина правда на свете, и бог един. Велик был хакан Казарьский, слава затмевала солнце, але пустил в царствие чужого бога, принял иудейскую веру, и преломилась держава: идеже ныне Казарь? Быша волхвы украшением племен, ныне не так; о весне поют, а уж реки остановились, восклицают о зиме, а уж цветёт по лугам. И Черета мутит воду, гляди, не навлек бы на тя жестокой беды. Се моя воля: всхощет Могута пройти в Деревляны, идеже ожидают раскольники, не пропусти чрез Дреговичи, смерем и холопом бежати (к нему) не позволяй, аще соблазнится». Рече Мирослав: «Содею по воле, але и совесть отмою, коли напрасно закидаешь грязью. Ведай же: держал, ныне держати холопей при себе не стану. Один лжец оклеветет десять честных мужей, один холоп охолопит тысячу». Засмеялся Володимир: «Минули времёны нищей чести, ныне всяк служба с кружкой, требует

(себе) слуг; погляжу, чем заплатишь подручникам. Откупился бы, достало бы серебра; не слепой: предо мною до пояса изгибаются, в своем уделе в ноги кланялись велят, вси беззаконники, бичуют не токмо холопей, але и смерей по прихоти; коли же рассудити, како и сдержати ленивое и дерзкое людье, коли не страхом? Развращены волхвою и обычаем,— абывсяк себе князь». Не сдержа ся Мирослав: «Высокомерное речешь; холопей ищешь, холопеми откупаешься, а усидети чаешь». Рече Володимир: «Казнил бы тя смертию, да премного заботы. Прими ж поцелуй». Сице расстались. Отъезжая из Кыева, сказал Мирослав Чстеню и Видбору, брату своему: «Державный муж, еже хвалим в голос, но порицаем в шёпот, (ничего) не достиг; (ничего) не достиг и тот, чью волю не исполняет слуга, первым услышавший о ней. Во времёны великого властеля ожидают добра, во дни ничтожного боятся беды; великий учит далеко зрети, ничтожный вопит (о том), что под носом». Се словы заметили спутники Мирослава, и мне радость указать их. Умное слово — лутшее украшение всякой жизни, она же — дело.

Воротясь в Турье, позвал Мирослав Друся, воеводу, Бусла, посадника, и старейшин: Демиша от радичей, Яруна от полешей, Соловья от беличан, Перко от сутиней и Дмира от вентов. Реша мужи: «Втуне хлопоты твои. Лутше бы не возвращался, повернул Ольсич против тебя, мы же немного успели. Завтра покличут вече, и распрощаемся»²¹⁶.

Соблазнил Ольсич многих мужей, требуя закона продавати (земельные) наделы, наследовати купленные и выделятись из общины с наделом; вчера, запамятав обычай, хотели мужи, чтоб старейшины держали в родех до недужной дряхлости, сённяя, заручась поддержкою, глаголили: наречем (старейшин) болярцами, пусть наследуют подобно князем. И говорил Ольсич, ища посорити Мирослава с гридями и дружиной: пора умножити покорм старшей чади, жито подорожало, а серебро подешевело. И впрямь возросли мени из-за неуродов,— за короб ржи или полбы просили в полтора раза больш прежнего, за быков — в полтора раза, за коня — вдвое; кадь меду шла за три новых векши²¹⁷, а высадка воску — за семь; але за пустую хвалу, показуя власть и богатство, уступали

нередко князи корсунцем или варяжским гостем товар дешевле прежнего, сами нуждаясь в нем.

Совещался Мирослав со владыкою Чередою в святыце Хорса; таилса владыко сторонних взглядов, ибо кругом быша соглядатаи. И узнал Мирослав, нет единства в белой волхве, раскололись, ослабив ся; Черета держит сторону Буруслава деревляньского и Богомила новгородского, мужа велми мудра, прозвана ради сладкоречиа Соловьем; оба хотят немедля ответити христам силой на силу. Святозар же от кривичей и Хвост от переяславцев противятся; Борулав хочет восставить права древлей знати, Богомилу и Святозару и слышати (о том) противно, боятся оттолкнути нарочитых мужей из новой чади; Борулав наряжает послов в Тмутаракань, Святозар склоняется к варязем, ибо много варязей среди сподручников его, Хвост же поносит тмутараканей за криводушье. Злой дух споткнется в неразберихе; поет каждый свое, а песни не слышать.

Впроси Мирослав: «Идеже днесь Могута?» Отрече: «Скоро узнаешь». Рече Мирослав: «Дам (ему) в помощь, что имею и сверх того, лишь пустити через Дреговичи не пуцу, бо дал слово Володимиру». Рече владыко: «Володимир враг тебе и сам слова не держит, почто лезешь в петлю?» И было как бы погрозою. Удивися Мирослав: «Что же переменился ко мне?» И укорил: «Уж и дружины ущитились, селища полыхают, и кровь льется, тысячи убиенных безвинно, а ты все толкуешь о мире и непорочной чести». И узнал еще Мирослав, ограблены прихвостнями Володимира капища, раскрадено их обилие. И Богоздань осквернили хрищенцы по наущению грек, растащили несметные сокровища, а были (среди них) жертвенные дары и Мирослава, и (его) предков. Ведомо, Богоздань первое святыце на Словеньской земле; в Деревлянех, а не в Полянех, како есть тяжба промеж родеми,— в трех сменах коней от Турья, коли держати на Полудень. Не все допускались зрети чудесы, но (только) свершившие подвиги. За пять лет до поверженья кумиров на Щековице топорами и крюками отступников, цвело озериче, еже обочь взгорья и рощи, кровавым цветом, и прорекли гибель Богоздани. И свершилось: разрушена до основания обитель духа, разбиты жертвенники, воз-

веденные Авístом и сыном его Дулѣбом во времѣны Скуфи. Ступень Судьбы со священными письменами от Вдеса уволочена и утоплена; тащили на полозех по каткам сто коней, и кони пали, людины же, творившие святотатство, поражены слепотой и беспамятьем. И се злодейство: загублены жерцы богозданьские, послушники их и служки, а всего за сорок мужей.

Аз зреах ступень, и Мирослав молися пред нею по смерти Святослава о благодати и вечной памяти павших. По преданию иссечена Ступень пращурами, але письмены на ней не от руки человека; прочтены в отражении, егда залило Камение вешними водами, и (то) вершит ся единожь в столетие. Словы, зывающие к размыслию, повторены на златых скрижалех в Ильменском храме, уже по-словеньски. Вот же они, звучащие при вокняжении Володимира в устех Горюна Витсьского, богозданьского владыки: «Аз есмь Последний Свидетель Прошлого, царь царей, владыка владык, смертный в познании, радостех и скорби, бессмертный в исканиях и надежде; говорю (вам) в день сей и в каждый из дней:

— не торопите времѣн, ибо не возможете замедлити их;

— горе починающим сызнова, если лишены пуповины; горе (тем), кто отступает заповедей предков, они же ведали неведомое ныне и остерегают;

— нет одного откровения, еже заполонило бы душу мечтой и верой, сомнение и печаль присущи (человеку) от зари до зари; нет и одного дела, нет и одной безделицы, нет и одной надежды;

— жизнь чудесна во всякий час, ухудшают ее улучшающие для себя; алчность неволит ум, сковывает руки и пустошит сердце;

— един ум слаб, множество полагающихся (друг на друга) еще слабее;

— нет блага, ради какого должно отдать (всѣ), чем владеешь, и беды нет, ради избавленья от какой стоило бы пожертвовати миром;

— нет знания, нет и невежества, неотвратимо источающих счастье;

— жена снизу, а бози сверху; не опускайте бозей, чтоб не попати ся, не возвышайте жену, чтоб не пасть на колени и не погубити людьского рода;

— верьте Небу, сколько себе, и сколько себе, не верьте; закон Неба — обман ваш, как обман Неба — ваш закон;

— поклоняйтесь красоте и жертвам (ее) неустанно, нет ничего (в поднебесной), кроме красоты, и жизнь сама — красота, отличившаяся от хаоса и лжи духа; ищите несправедливость в (самом) человеке;

— вечны круги искания: больш тружаемся, больш предстоящих трудей; дальше уходя, приближаемся, ближе подходя, удаляемся, и ничтожное застит очем; в искании познаем волю бозей, в суете покорствуем нелепости;

— слова, иже заповеданы, правдивы сокупно, порозь — ложь духа, цепь сердца, отрава разума;

— не бойтесь повторения, лишь повторение берега; приди поздно к новому для себя, возопите горько; и новое не явится новизною».

Указают многомудрые: разумеем бедою, не разумеем радостию; бездонно Откровение, скорее постигнем течение звезд на Небе, нежели проникнем слова Его единой мыслью; але и блуждание — Истина, доколе блуждают светло. Недаром Стрибог — покровитель Богоздани: ветры бытия, несущие дожди, тепло и стюжу, несут и страсти; зацветают (люди) или увядают. Во дни отрочества моего Стрибогу ставили самую старую прялку; прядет на ней Стрибог свои ветры, чтобы сшити богам одежды; тако и мы прядем мысли, чтобы одети Истину.

Но вернемся к событиям. Сказал Мирослав владыке Череди: «Завтра сойдется вече, что делати?» Сказал Череди: «Князи проходят, а обычай пребывает. Волхвам взрыхляти поле души и сеяти заповеди: се удел наш, остальное ваше. Вот, изменив обычаю, восхвалили волхвы Володимира, вознесли до небес, и что же? — пожелал в святые и отрекся восхваливших. Кто возьмет мирское, упустит божеское, а кто держит божеское, не даст упасти и мирскому. Се наука нам и слово тебе, не требуй окромя». Не отступил Мирослав: «Помози, Ольсич сносился уж с Володимиром о хрищении. Отдам все свое серебро, возьмите тихо еще из святищ, чтоб не толковали в людех, ибо донесут в Киев». Череди сказал: «Много надеи было на тя, теперь вижу, напрасно полагаляся, — трепещешь Кыева. Серебро же оставь себе, аз повелел от

нужу вскрыти скуфьские усыпальни; не осуди и не воспрепятствуй, не на жизнь сошлись с христиами, но на смерть; кто убережет память (о Скуфи), если не устоим?» Велики огорчися Мирослав: «Како смеем сквернити? И наши могилы разроют, коли тревожим усопших». Отвещал Черета: «Истинно речешь, але идеже взяти оружие? Идеже сыскати коней? Нам повсюду теперь заграда: Олов, застольник и сображник Володимиров²¹⁸, воспретил торговати ратной сброей, и в Корсуни требуют княжих печатей. Превозможем суетное, восторжествуем, предадимся соблазнам дня, упустим вечность. Егда враждуют людские бози, нет людью мира от полагающих, еже постигли их волю. Моравы забыли Дыя и Рода, уступили грецем, надеясь на защиту, а ныне и моравы, и чехи заискивают пред немцем, содеяли ся ревнителями чужого бесстыдства²¹⁹. Блукают племёны, теряя исконную веру, и всем холопе».

Неустрой и неуряд смутил Мирослава: впервые владыко Черета не разделил (с ним) думы. На другой день позвали (князя) на вече. И вот, минуя толпище, слыша приветы, но больш поношения, подумал: «Не ради ли (этих) людей страсти мои? Почто же томим гордыней, еже хочу лутшего, нежели они?» И прояснилось. Поклонися Мирослав людем, они же, подусканы Ольсичем, возопили: «Хотим продавати и покупати надель!» Рече Мирослав: «Буди отныне по-вашему, если откупщика примет община». И возопили: «Хотим, чтобы старейшины правили закон без оглядки, пусть наследуют!» Паки рече: «И се буди по воле большинства, коли согласится родовой сход». Видя разрушение хитростей, вскричал Ольсич: «Удвой покорм дружине и гридям!» И опять рече Мирослав: «Коли хотите, утроим, але прежде решите об утроении полюдя; и гражанем платити: аз кормлюсь ведь больше от отчины, отдавая (все) на гридей и дружин». И взроптали тогда концевые²²⁰, быцца в те поры в Турье четыре конца о дюжине общин: Княжий посад, Деревляньский луг, Гридин ряд с Торгами и Застенье, идеже преобладали закупы и рядовичи; вечевати же им возбранялось. Реша концевые: «Мы свой обычай не уступим!» Одумались и болярцы: «Негоже умножати бремя смерей, и без того велико и подымное, и подушное». И взнегодовали на Ольсича. Мирослав же еще больш вразумил, поведавав об избиении

волхвы и насилиях над правоверными, ниже (о том), что Ольсич просил Киев христиити. И взяли мечники свидетеля и, раскалив железо в огне, заставили принести клятву. И сказал людин, что лжет Мирослав; когда же подвели к огню, чтоб поручился, обличил Ольсича. И закричали вечцы неутерпно: «Не хотим Ольсича градским старшиною!» И лишили Ольсича гривны старшины. Разошлись люди в возбуждении, восхваляя Мирослава; он же, радуясь неожиданной удаче, отправился пеш в святище и принес жертвы Могожи, Влесу и Роду, и жгли костры всю ночь, и раздавали мясо жертвенных быков, было же их больше двадцати.

Але переменлив нрав удачи, сникает счастье, едва объявив ся. Вскоре наезжаша в Турье послы от Хлуды, хорватского князя, и от Велизара, волыньского князя; рекоша к Мирославу: «Час спасати словеньскую веру и обычай от посягателей грек и от изменника, присягнувшего им; восстала волхва повсюду, и роды подымаются вослед; Могута собирает в Ладужи великую рать, стекаются к нъ отовсюду, из Кривичей и из Ватичей. Будь с нами заодин». Убеждал и владыко Черета: «Решайся, единожь судьба предлагает, зря потом искушает». Метался Мирослав; хотел заодин с Хлудою и Велизаром и боялся погубити Дреговичей: обещал ведь Володимир не порушати прав земли. Вселися в Мирослава дух Вила, и раздвоилась душа; страдал (князь) пуще, нежели когда казнил сына. И позвал думу, мужи однако сказали: «Скоро уж отзимит, пора подумати о земле, мало-снежь бысть ныне до лютых морозов, что, коли на неурод? и что нам с неугомонами? все равно не устоит Володимир, проданся лживому богу, и будет наказан, назовут хорвате еще ятвязей, лехи да печенези пойдут в помощь; нам же абы тихо». И отказал Мирослав княжим послам. Рече владыко Черета: «Не защитивший бозей честен ли? Созерцающий молча глумление не глумливец?» И взял в сердце словы Мирослав, и занедужил. А тут явились послы и от Володимира, покликали на брань с хорватами. Узнал Мирослав, уж и войско выступило, да задержалось в пути из-за переполошья в стольном граде; случися небывалое знамение: рубили лед рыбаи у Кыева, и всплыл в прорубь Перунов истукан из камня; и побежали, испугавшись, рыбаи во град, и рассказывали о том повсюду; и собрались люди,

попы же успокаивали, обличая рыбарей и грозя расправой; и пошли все на Реку, и увидели, что правда; христы же, подошедшие близко, дабы сокрушити истукана, провалились и потонули. И почалось во граде смятение, так что вернулся Володимир и ездил по площадям, внушая, что не было истукана; очевидцев же схватил и повесил, обвинив в поджигании церкви святого Илии, первой из церквей на Словенской земле; она же сама возглась от переполнявшего лицемерия.

Спросил Мирослав (у послов): «Пойдет ли на хорватей сам Володимир?» Отвещали: «Уже идет по совету Добрына и митрополита Леона, дабы явити пред усомнившимися христианское мужество». И понял Мирослав: торопится Володимир, боясь союза взроптавших с ятвязами и Печенежью, ибо успели уже сговориться с лешским князем Болеславом²²¹. Болеслав же без промедлений выступил встречь Володимиру, и бе удача ему в сопутех; але поступал с хорватами и волынью, быццам с холопами, требуя от них низкой службы и серебра, и раскаялись вскоре, что позвали его. Володимир же велми прогневился, ибо в осень еще, принимая в Кыеве Болеслава и одаривая богатыми подарками, получил уверения в дружбе и слово, что не вступит в сговор с противными столу. И се послал Володимир к чехам, и те обещали супроть Болеслава, натерпевшись от него прежде.

Рече Мирослав к послам: «Недужен ныне, иди в поход не могу». И снарядил Славуту, сына своего, и с ним 500 конных; двести из дружины и триста из охочих мужей. Проводив войско, встретил весть о кровавом хрищении в Новгороде. Случися же вот что: егда Могута объявися в Ладожь, новгородцы решили не пускати (его), убоившись угроз Володимира. И просил Могута о союзе князя Хелмора, противника новгородцев; пока уряжались, Володимир прислал к Хелмору, увещая замириться с Новгородом, а Могуту не слушати; Хелмор согласися, пожелав серебра, и Володимир обещал, однако тянул, подговаривая варязей схватити Могуту.

В те дни перестали подчинятись Володимиру Святицкие словени и Меря. Сказали Могуте: «Приди княжити и защити (нас): рубят старую знать под корень, и ловкие холопе, христясь, завладавают обилям». Собрался Могута, але изменили нанятые варязи и схвати-

ли его; держа под стражею день и ночь, спросили Володимира, сколько даст (за него). Ответил: «Вдвое против того, что просите, коли поднесете отдельно тело и главу Могуты».

Добрын в тот час подошел к Росставью, имея пять тысяч конных. Появясь внезапно, вошел во град без сечи и казнил с жестокостию нарочитых мужей, детей и жен (их) отослал в Киев, людем же христил, кропя водою на морозе, и поставил епископа. Святич Воложский взял хитростию, обманув, что идут росставьцы, спасаясь от Добрына, и беспечные, поверив, отчинили вороты. И христил людем, пожегши древлие капища; разрушил святище Хорсу, идеже жертвовали с трепетом и мордвы, и булгари; кумир из чистого золота семи локтей высотой с подставою из меди похитил. И оставил в Святиче своего воеводу и часть войска, и держали они гражданей в страхе, лютуя по навету и наговору²²². После того двинулся Добрын к мятежному Новгороду. Новгородцы, извещены о жестокостях в Росставье и Святиче, приготовились к битве; але в нарочитых мужех не было согласия, дважды вечевали, прежде нежели выбрали старшиной и воеводою Угоняя, тысяцкого, славного родом и храброго в опасности. В тот день люди от ильменьской волхвы напали на варязей в Ладжи и перебили (их), освободив Могуту. Позвал Угоняй Могуту в Новгород, говоря: «Буди воеводою». И отказался: «Не хочу воевонднть лжнвымы, попросят хрысты продать мя, и продадите, ибо торжнще для вас дороже святнща».

Меж тем подошел Добрын; бе оттепель, и вскрылись реки, и разлилось, так что встал Добрын близ города, ожидая, пока спадут воды. Схватив трех владык из Ильменья, рече к новгородцем: «Стучусь к вам от великого князя, не достучусь, казню смертию владык, а следом и вас, зачинщиков». Однако Богомил, владыко Новгородский, призвал людем стоять крепко, не уступая, и вывели (новгородцы) на мост через Волху пороки, сняв со стен, а мост разобрали на самой середине. И се казнил Добрын владыку Крота пред стенами града, и было неслыханным поруганием обычая; Перун не поразил святотатца огнем в укор раздорному людем, людем же, возмутясь, проникло в дом Добрына; и убили жену его и сородичей, кого нашли в городе, а усадьбу разметали и предали Огню. Узнав (о том), приступил Добрын

с отчаянием, и была сеча у предместья и на мосту, и пересилил Добрын, заняв Гончарную горку, и пристани, и торжище, в те поры обнесенные лишь малым валом. И возгласил: «Не считает грехом Христос изгубленье лжеверей. Однако кто христит ся, сохранит жизнь и имение». И почали христити, силком волоча людей к Иоакиму, епископу из грек, хрищенцы же, не дойдя до дому, отрекались. Казнив немало, увидел Добрын, еже кровию не вспоможешь, и раздавал подарки принимавшим Христа; приходила чернь, одни и те же людины по многу раз. И вот стало (положение) у Добрына усугубляться, зароптали дружи из новгородцев, обличая его жестокость; близко к Новгороду подошел Могути, и дозоры его уже наезжали на дозоры Добрына, посекая их. Замыслил (Добрын) отступить, ибо не хватило сил, помога же из Кыева задержалась: шли слухи о вторжении печенезей, а Володимир с войском увяз в Хорватех. И попытал Добрын хитростию, послав во град перебежчика, иже поведал Угоняю, что близко Могути, а Добрын в намерех сняти осаду. Угоняй не поверил перебежчику, але, укрепляя дух, открыл новгородцам о Могути, и се бысть роковая ошибка: только и говорили отнеле, что о помощи, имя Могути было на устех, и воспользовались (тем) вороги. Ночью перевез Путята, воевода Добрына, на лодиях тысячу росставьцев выше Новгорода и, сделав крюк, подошел с ними на рассвете к Чудским вратем. Спросили сторожи, что за войско, и сказал Путята, войско Могути, прося поскорее проводить к старшине. Взликовали новгородцы, не подозревая обмана, и пропустили, дав провожатого. И вошел Путята в дом к Угоняю, и поднялась тревога. Але поздно, перебили христы безоружных; Угоняй схватили с чадами и домочадцами и сказали: вели отворить ворота Добрыну; коли не исполнишь, убьем тебя и детей. И подъехали к вратем, Угоняй же, сидя на коне, крикнул стороже: «Не отворяйте, измена!» И пал под ударами мечей²²³. Не растерялись сторожи, вступили в сечу с яростию, але силы быша неравны. Овладел Путята вратем и впустил Добрына с дружиною; успели занять Медвежий угол прежде, нежели были остановлены владыкой Богомилем, исполчившим простолоудье для отпора насильникам. Облаченный в кольчугу, с копием в руке, владыко Богомил крепко ободрял новгородцев; и ста-

ли теснити войско Добрына, когда же подросла дружина, и вовсе погнаши, ранив Путяту и епископа Иоакима и убив немало из нарочитых мужей. Видя бедствие изнемогающего войска, послал Добрын к варязем, служившим Новгороду: «Можно пересилити Добрына, але николи великого князя Русьской земли. Аще перейдете на сторону законников князя, каждый за день сей получит, яко за год службы». И переметнулись варязи с конюгом Шихберном; следом за варязьми перекинулся Гостята, концевой Нерева, а с ним Веребей, купецкий старшина ²²⁴, сородич и друг Добрына, бывый с ним в сговоре, ненавистник Угоняя. Веребей освободил христов, запертых гражданами на конюшем дворе Малого детинца; и вот толпище христов, сыскав оружие и коней, ударило в потыл новгородцам, однако было рассеяно и с позором бежало; и затворились христы в церкви ²²⁵ и тамо молились. Возмущенные же правоверы разбиша церкву, убиша христы и разграбиша дома их.

Але (для победы) мало было Добрыну Шихберна, Гостяты и Веребья, повелел поджечи избы и дворы простолюдья в Плотницких рядах; и занялся великий пожар, и испугались граждане, бысть еще самый початок весны, другая седмица, — куда податись лишенным крова? И побежали тушити, каждый к себе, остались ведь в избех дети да жены, и запросил владыко Богомил замирения. Рече к Добрыну: «Аз восстал и восставил людье супроть тя, душегуба, мя судите, у других вины нету». Схватил Добрын Бомогила и всех волхвов и, сковав цепями и приставив стражу, пеше повел в Киев, идеже загибли в пытках. Усмиряя, казил новгородцев без счету против обещания. Сокрушил, глумясь, кумиры и святища; согнав людье в Волху, еще стюжливу, во льдинех, христил порозь мужей и жен. И се поднялся тяжкий стон по граду, ибо мучили (всех), кто отрекался; искавших спастись побегом, ловили и убивали на месте. Иные из подвижников веры сами лишали ся жизни, говоря: «Что теперь без бозей? — пуст мир, егда опустела душа». И в лето наполнися земля нищими и сиротами, и бездомные скитались по всем дорогам ²²⁶.

Получив весте о Новгороде от случесьского купца, ходивша в Свен, рече Мирослав к друзиям в смятении: «Прав владыко Черета: не уклонитесь Дреговичам спора с Володимиром, не избежати с ним брани; лутше

вспомочь Могуте, нежели после казнити ся, оставшись без соузцев».

Болюч опыт жизни, не ищу легких дней, дабы не отяготити (их); пуще всего не ищу холопей, боясь охолопитись; чернь гнусна — безвинно лишили ее людской природы; але еще подлее холоп, поменявшийся местом с господином по воле бескровного случая, — несть гнуснее бѣзделя, горше пианицы, свирепее самодура, безжалостней истязателя; велми трудно, даже невозможно холопу обрести добродетель мужа, оттого во всякий час проклиная холопство, корень бед нынешних и причину несчастий грядущих; вся мерзота, еже затрудняет хождение в людех, — от холопей или кичливости холопей в одежах вольных мужей, — се клятвоотступье, лень, равнодушие, бессовестность, самомнение, алчность, трусость, глупость, лживость, страсть окружати ся холопеми; вглядываюсь, трепеща: сколько округ мя честных, николи не бывых холопеми? Але что загадки? Дни загадают и дни переиначат, оправдав предчутья, не оправдав желания. Принесли новую весть Мирославу: князь Ольсич отказался давати полюдь. И судили еще мужи о дерзости, егда приспело и другое известие: «Друтичи заодин с ольсичами, таболичи, велемичи и бранчане; хотят, сложившись, схватити Мирослава, зная, что нету большой дружины». Восклица Мирослав: «Не обнажи сердце, человек, пред людинеми: тотчас ударят. Что мы и наше томление? — гибли великие царства и вместе с ними знавшие о причинах погибели. Однако же потянем, не сетуя, что глупость победивших громче мудрости поверженных в прах». И велел Друсю, воеводе, кликати дружину и звати войско. И прознал, сговорились старейшины меж собою, верховодит не Ольсич, но деревляньские князи Буен Бык и Немизь; деревляны обещали пособити Ольсичу на Турьский стол, он, в свой черед, вспоможит Могуте супроть Володимира; старейшинам же посулил Ольсич умножити покором и позволить наследовати.

Се горькое усмешье судьбы: разве Мирослав не был душою с Могутей? Ставят нам в нежелание желания наши и пеняют за несодеянное, добрые слова обращают супроть нас; приближаем свою беду, ища отдалити.

И миновал день; была сильная буря, шел дождь, и Мирослав оставался с дружиною в Турье. Опустело в

тревожном граде: иные бежали к Ольсичу, другие спасались от смуты. И донесли Мирославу, близко Ольсич и с ним три тысячи воев, из них две тысячи деревляны, искушенные в бранех. И быша у Мирослава две тысячи, из них пятьсот конных, а еще двести держал в Менеси. Реша гриди: «Лутше встретити Ольсича у стен града, затворимся при неудаче». Мирослав рече: «Коли не осилим, бежати мне некуда». Реша: «Позови Велигу из Менеси». И было поздно. И принес Мирослав жертвы Могожи и Влесу, Перуну и Роду по обыкновению своему²²⁷. Гадал, и выпало: «Получишь, еже хочещи, але не всхощещи (того), еже получишь».

Утром вывел дружину из града и исполчил на холме у Черного Брода, пред Бобрами. И выступил Ольсич; обошел Мирослава, оттеснил от Турья, имея больше войска. Мирослав не препятствовал, угадав замысль; внезапно ударил по главным силам, легко смял и погнал пред собою, быццам стадо козлиц. Рече к Мирославу Дресь-воевода: «Хитер Ольсич, да и мы кашу мимо рта не носим. Повороти дружину, иначе деревляны, еже за спиною, займут холмы и почнут прижимати нас к озеру». Але не внял Мирослав; чуял в себе крайнее стомление и думал о превратности, мелкоте и дикости свершающегося на бранном поле; беззаботно играл со смертию, удивляя гридей; каялся (в том) сам князь спустя леты. Пока Мирослав побивал бегущих, деревляны почти смахнули с холмов турьский полк. И оставив погоню, Мирослав разделил дружину, указав воеводе обходить холмы справа, сам же всхоте идти слева, держа солнце пред лицом; положил сице: у Брода, поворотив, ударити с обеих сторон, дабы ворожьа сила осталась праздною, ибо тесно на холмах, не разойтись. Рече воевода, изумясь: «Неразумно. Непосильная работа. Не свежие ведь; потрудимся еще, прорубаясь к Броду, на холмах вывалим уже языки, а деревляны полны сил». Рече Мирослав: «Делай, како велю». Дресь отрече: «Что препираться? Не стану вершить глупое, поищи другого». И пошел сотским на холмы, к турянем, что держались уже едва, Мирослав же поставил воеводою, на правое чело, тысяцкого Пригодича. И подумал посреди сечи со спокойствием, како николи прежде, бо злой дух и горечь вселися в сердце: «Правдиво прорицание: не ища поражения, не хочу ведь победы, страшит нынешнее и

грядущее бремя. Како жити на земле, идеже (все) переменилось?» И открылась тайна страха: покинут волхвою; склонял владыко Черета супроть Володимира, в упованье теперь на Ольсича и на деревляньских князей. И се пребы Мирослав в полоне думы; и бысть поражен в голову брошенным копьем. Стал пересиливати Ольсич, езда меж полками, одушевляя своих криком и понукая гневом; и вот уже пали смертию хоробрые бои Пригодича, и сам воевода рухнул под деревляньскими топорами. Сложив остатки войска, пробился Друсъ к Турью, потеряв (при этом) лутшую часть дружины; всего же погибло в сече больш тысячи конных и пеших.

И обложил Буен Бык город, Ольсич же и Немизь пошли к Случью, идеже стоял уже посадник Бусл, извещенный о тяжкой неудаче. Было с ним кроме дружины до тысячи ополченья; и секлись в ярости, и истожились обе стороны от кровопролития, Бусл же не дрогнул; и отступил Ольсич, погребя Немизя и всех павших у Случь-реки, близ Переката.

Меж тем Друсъ едва удерживал Турье; и вышел, чтобы спровадити в Менесь князя Мирослава, бывша все еще в беспамятстве, и домочадцев его, а также выпустити на волю немощных от голоданья населенцев Турья, ибо княжьи припасы быша отравлены лазутеми Ольсича. И пробился Друсъ, але Буен Бык кинулся в погоню, так что пришлось отрядити к обозу много войска, сам Друсъ с немногими загородил дорогу, а после вернулся во град. И пришел обоз цел и невредим в Менесь, осажденным же в Турье сделалось совсем немоготу; о третью седмицу осады, по смерти воеводы, город был взят приступом; в живых осталось всего семнадцать мужей. Казнив их, Ольсич сел княжити, не спрося вече и не торопясь с обещанными указами.

Очнися Мирослав в Менеси и вскоре исцелися усердием и заботою Ставра, почтеннейшего из балиев в Дреговичах, волхва при святище Рода в старой Менеси. Ставром составлено неколи Поученье о здоровье; Мирослав, обрета сие бесценное книжие, повеле (его) списати и спис подари Володимиру; Володимир часто слушал из книжия и, рассуждая, извлекал пользу. Леты жизни ни при чем, поучал Ставр; женолобию предел положен в напоре семени, здоровью в недуге усталости, коли не поражен кто язвою от грязи и пресыщения;

знай, занедуживший усталостию, не в недуге гнетущая скорбь твоя, но в пределе здоровья; повесь вервье с корзиною и отягчай каменами, много выдержит, а добавишь камешек с ноготок, и лопнет; тронь же перстом едва до разрыва, загудит; сице человек: нагрузжай, яко вола, и будет тянути с усердьем; если же загудело в нем от усталости, останови, чтобы не каяться. И еще поучал: недуги тела и духа от перемены божьего брашна: света, ветра, тепла, воды, душевного познания; хочещи ведати много и жити долго, яси, пей и работай одно и то же; не ищи нового для тела, но ищи нового для духа, ибо тело ядет, что сегодня, то и завтра, дух же не ядет прежнего. И еще поучал Ставр, балий: здоровье — от здоровой пищи, и (ее) не должно быть много, ведь и плечи не держат, еже нести не могут, чревоугодие — скорый путь к недугам и смерти. И се верно, развращены ныне обилием. Прежде восхваляли скудость, лишь бы свежо да чисто, и быша люди здоровее; ныне хлебы пекут из помола, а прежде жито парили или жарили напаренное без масла. Или вот еще: мясы готовят на медных противнях, а положено на угольях или в глиняных лотках. И травоедение в уродные леты забыто. Неколи знали от мала до велика, какой корень полезен, и когда срок яденья,— одни ведь сушат и толкут, другие варят и пьют отвар, третьи жуют. Примечаю: коли дух в человеце нестойк, и здоровья не сыщещи (в нем). Ныне все меньше по Словени крепких людей, подобных прежним: ночь спали нази на голой земле, мяс не варили, досыта николи не ели, медами не опивались и ложью себя не травили, трудов не избегали, оттого и не ведали недугов с рождения до смерти.

Тяжко глаголити о печальном; и если кто уклоняется мыслью, таит (в себе) боль сокрытую, боясь обнажити, ибо не верит.

Очнулся князь Мирослав, и вот — сидит уже на столе Ольсич, никем не избран, але наречен наследным, а Дреговичи поделены — у Случья межа: по одну сторону дружина Бусла, по другую полки Турилы, сподручника Ольсичева, заискивавшя прежде у Мирослава. И первый друг Ольсича — Уила, ятвяжский князь; воюет коборей, и дулебов, и кроснов, Ольсичу ж никакой заботы; вместе грозят Мирославу. И Велига, Дрютский князь, не признает Мирослава, полюдья не шлет,

звати в войско от родей своих не позволяет, с Рогнед и попами (ее) водит застолье. Але обидою обид — владыко Черета; проезжая из Ильменя, в Менесь (даже) не завернул; и волхвы нахохлились, супроть слова не молвят, но нету былого сердечия.

О бози! взгляните на страсти малых детей своих: се вороги округ, ходившие прежде в друзьях, се кровососы, неколи клявшися в любви; горе нежданно и безнадежно: любимые мои против меня; и сам себе более не вспомощник.

Казнился Мирослав беспечием на бранном поле: вправе ли державный муж жрети себе державное? вправе ли, ведя других, блукати сам? Случается однажды беда, (все) остальное — подбедки, последыши ее. Скликал Мирослав старейшин от верных родей. Рече: «Долг не спрашивает о числе и силе, но о совести. Поищем союзцев, ибо тяжко (одним) восставить прежний закон, наказав и Ольсича, самозванца, и ятвязей, и Велигу, замыслившего отложиться, приняв хрищение». И послал к рутем и к виднисам, сородичем, в Полотьскую землю, и к жудином, корсем и лотвичам с просьбою, але Полотский князь Видгар, посадник Володимиров, и слушати не пожелал о безмездной помощи: «Обещай Витсь с землею мереев и смиличей, пойду (с тобою) супроть Велиги и в Ятвязи».

Было же в те дни: вняв сладкоречию киевских слов, замирился Хелмор с Полотским князем и рассорился с Могутою; секлись уже дважды Могута с Хелмором и Видгаром, и победил Могута, имея впятеро меньше войска, но вдесятеро больше ожесточения.

И пришел в Менесь из Киева, на пути в Заславье, к Рогнед, боярец Сивер и, выслушав нужды Мирослава, рече: «Коли надобь просити, проси Могуту; ведают в Киеве о сношениях Ольсича с Могутой и велми беспокойны: не Ольсич ведь верховодит, но Буен Бык: придет Могута в Деревляны, и запольхает сильнее, нежели при Малом». Изумился Мирослав: «Звати Могуту — бранитись с Володимиром». Отрече Сивер: «Не избегнешь брани, да и что теряешь, столько потеряв? Теперь же, по слухам, Тмутаракань и Печенежь собираются сокупно на Киев. Оттого Володимир торопится уладити с Хорватами и Волынью, не радый, что связался. Разбили воевод его хорвате и лехи, паки зовет Добрына».

Реша мужи к Мирославу: «Поклонимся Могуते». И возразил: «С Могутою Ольсич, сотрапезник его, ворог наш, не подавимся ли попроском? Пошлем лутше к Хелмору, обещался прежде». Ожидаячи ответа, сомневался однако и велми тревожился, так что дивились люди, знавшие прежде его твердость. Рече Мирослав: «Мудрость николи выгоды не сулила, только честь. Але и того довольно». И сказал Чстенъ: «Мудрость — тень бытия, князю, и жизнь творима не мудростию, но безрассудством. Горько, але истинно, иначе отчего гибнет человек? Всему научишься, во всем мудрость постигнешь, да дней жизни уже не достанет». Спросил Мирослав: «Какое уйти терзания своего? Самое страшное — хотети и не верити, знати и быти без силы. Вот округ поклоняются только обилию и власти, невозможное прежде, понеже вси быша равно богаты бедностию, а власть беремила честных и не услаждала бесчестных. Подкрался недуг, и не заметили. Недужный не зрит, когда подкрадаецца недуг, — зрав видящий». И усмехнулся Чстенъ: «Украшаем былое, ибо нынешнее безобразно. Зряшное беспокоит, не мы во времёнех, а времёны в нас. И что закон? Аз есмь стар и немощен, во днях прощания, глаголю дерзко: постиг волю бозей, але и воля (их) супротив мя».

Вскоре умре Чстенъ, и тужил по нем Мирослав, еще более переменя нравом. Погребли болгарского пленника духа по древлему обычаю — в Огне, именовав внове²²⁸, не сыпав холма и не тризнуя вовсе. Рече Мирослав на могиле: «Погребение не смеет быти торжественным, ибо на суд вечности предстают нагими. Единственный памятник — людская память, але и она смертна».

Нечто увидев, каждый о чем-то вспомянет и к радости и печали присовокупит прежнее, — оттого необъятны чувства у переживших. Завижю кострище и дым черный, вспомню плач погребальный в Понежех, селище, еже по стольной дороге от Турья к Волчьему Логу. Неколи подъехал на дым, и вот — сходится людье на тризну, и лежит усопший уже в санех на подворье, крытый рогожею; ждут волхва. На санех скатерть, обсыпана пеплом очага, копьё и щит умершего и соха с рукоятими долу. Бысть поражен, что строго хранится обычай; послушав плакалей, поразися (еще) более: старинное пенис, и мнозие словы смутны в уяснении даже

мне, книжнику. Жалею, что не упомянул, складено чюдно сколько вспахано тобою, сколько посеяно, сколько взлелеяно, сколько друзей привечено, сколько ворогов посечено, хватило бы на царство, достало же тебе одному; видит ты солнце спящим впервые и в последний уж раз видит оно; песня допоется, и тризна окончится, останутся с тобою Земля и Небо, и будут утешением, ибо уже не прибавишь к людскому горю... Жаль, не упомянул тогда песнопения, протяжного, со стучальцами кленовыми, не с плоскими и короткими, како ныне увидишь, а с круглыми и долгими, взятыми медвежиной о концев.

Плачут и жалуются в родех по-разному; добро, что близким плакати в голос не велено, дабы отчаянием не отчаяти духа умершего.

Утишился и сник в себе князь Мирослав после смерти Чстения; не терпел прежде непорядка и нерадения, стал вовсе не замечати. Прежде от зари до зари во трудех: на конюшню заглянет, огнищанам прикажет, в счетах посмотрит, с тиунами и вирниками поговорит, с гридеми поспорит, вестников послушает; станет суд правити или дело рядити, николи не отложит начатого, гостей угостит, волхвов почтит, с думцами посоветуется; по мосткам, еже кладут из теса, походит, хоромами, еже рубят, полюбуется; мелочью в нос не потычет: се так, а то этак, но (только) повторит поговорку «вам жити, вам и дома рубити, вам помирати, вам и судьбу выбирати». И штодень ищет уважити чюжие труды: к гончарам пожалует, присядет глину месити, бронников и оружейников навестит, меч сковати попробует, навешия сулиц закалити попытает, у лодейщиков в лодью валезет, топором заусенье прогладит, у кузнецов мехами подует, желёза молотом постучит, расспросит камнесечцев, городников, бочаров, ложечников, седельников, тульников, чекашников, гвоздочников, кожемяк, швецов, литейщиков, замочников, серебрделов, плотников и других, иже от пота ведают тайну своего ремесла. Изменися Мирослав, пропала спрыткость и радость на всякое дело. Часами сидел на заднем дворе подле растворенных дверей, внемля курему кокоту, свиному похрюку и людским беседам, толкотне ступ и хрусканью жерновов; редко играл в тавлеи, еще реже возился с внуцами, их же быша о те поры трое. Повторял, если дони-

мали державной заботой: «Свершающееся свершится, а худо или добро, не нам судити». И следил сны, и толкователя, угождавшего ему, награждал более гридей.

Бусл, посадник, взирал на князя со слезьми жалости, не узнавая. Рече Ставр, балий: «Недужен, але не плотию, но душою. Рухнет остановившийся на полном скаку». И упросил Бусл князя поехать по родем, дабы укрепить надежду в людех; и отнекивался, але в конце согласился. И вот увидел повсюду падение нравов, разврат духа и попрание обычая; отроки перечат отцем, жены обличают мужей, несовершеннолетние упрекают бозей за свои несовершенства, страждущие — за страсти и подлые — за подлости, и говорят, сея ложь и пуганицу: «Бози должны давати; у христов дают, зачем те, еже берут, не давая?» О христах слышали вполуха, а восхваляют: поносителям и смутьянам от века ведь почет среди недовольных от неразумности, жаждущих более, чем могут, и требующих сверх заслуги. Умножились беззакония, бранятся на всех углах люди, а возмущения не слышно; заимодавцы взыскают рези по произволу, ряда никто не блюдет, обидчиков не наказуют, истцов не удовлетворяют, судьи требуют взятки; многие покидают общину, забросив пахати, прельстятся житьем в городех и зарясь на чюжние богатства; изгой скитаются, не трудясь, прибегая к татьбе и разбою. И вот неслыханное: убили смеря из Песков близ Нового Дворища; дворищане, чтоб не платили виру, оттащили убиенного за свою межю — к Колодне, те без стыда тянули распухшего, в червех и зловонии, до Бобров, и никто не возвысил гласа, не упредил бесчестия. И еще случай — и то с Мирославом: придя в Заречье, узнал, разбойники из Радимичей увели скотье, жен похитили, селище сожгли; бродя у пепелищ, узре (Мирослав) двух смерей, иже сводили счеты в надрыв пупа, истекая кровию. У одного брада оторвана, висит ключьями, другой без ока; и се бессловесно и тяжко убивают друг друга. Обочь смеются, поднатыкивая, проезжие варязи; поодадь назирают, молчны, яко камения, опираясь о посохи, старцы; хрипом хрипят биющиеся, и нет для них мира кроме ненависти. И кинули им топоры, и, похватав, сошлись и рубанулись, и оба упали, и доколе не отошли света, в злобе когтили землю. Впроси Мирослав: «За что приняли погибель?» Отрече один из стар-

цев: «Тот, без брады, седмица, како снял уздечку с коня того, без ока». И спросил: «Идеже конь?» Отрече: «Вчера угнали тати». Возопил Мирослав: «Доколе темнота будет гасити свет? Не бози вершат судьбы, но злыдни; добрые же покорствуют, и оттого всем худо. Последний сторож Неба на земле — совесть человецей, еже глаголит: придет ли завтра справедливость для всех, не ведаю, но сёння воспрецую несправедливое».

Паки переменися с того случая Мирослав; собрал волхвов и сказал: «Не христы поядут, но сами себя поядем; прежде столь бесчестно не жили, бесчестный бысть соломиною в очех, ныне же бревены друг у друга не замечают; и словес на ветр не бросали, умрети (за них) не боялись; ныне жизнь ценят высоко, а человека и словы (его) низко; прежде человеком дорожили, а не жизнью. Гляжу на предков: аки драгоценные камни в пыли наших дорог. Много ли подобных?» Отвещал Чурило, волхв, велми почитаемый в Менеси: «Не спрашивай об Истине, словы вещают о ней, сколь мертвый о живом. Истину чуют, а не выражают, ибо невыразима; сторонись кладбища речений, чувствуй, пока жив, твори по велению бозей. Имеющий умножит имение, неимуший увеличит неимение». Прогневися Мирослав: «Се мудрость праздных от сытости, для тружующихся от глада — блуд. Не о том вопрошаю; идеже стоим, братия? Алчность вкоренилась в человека, себялюб, яко николи прежде. Солнцу велит: свети, земле велит: рождай, саду: плодоноси, другу: угождай (мне) и приятствуй; и от бозей того же требует: который больше наобещает, тому и молится. Враждует один против другого с отменной яростью — отчего? Нет умирения, нет покою душе, ускользает от нее (все), чего ни коснется. Было богатство — обернулось нищетой, нищие толпятся у святищ, видано ли прежде? Общины николи не оставляли бедовати сородича, ныне сородичи запомывали имены свои, бегут из общины, быццам от ма- чехи, и грады, рассадники мерзости, поглощают их. Почали любити не то, что любимо, але что во мзду обратимо: восхваляют, в чем нужна, а бесполезное для себя зазирают без совести. Рушится подъ, не на что опертися, остается душа безутешной и голодной, ведь насыщает не съеденное, но отданное на съедение, не милостыня, но дар. Почто не разумеем? Трудно взяти, но да-

ти еще труднее — тянут руки неблагодарные». Рече Чурило: «На всё — наставления желания и наставления погубителей его. В мире искал и лишь в себе нашел. Что изменишь? Спасения отвне не дано; всетворящего завета не сыщешь, тайны не разгадаешь. Надобь жити, замкнувши ся в хотех: хочещи ясти — яси, хочещи любити — люби, хочещи почивати — почивай...» И подхватил Мирослав: «Хочещи взяти чужое — возьми, хочещи убити — убей... Глуп изрекший, что умен (он), но дважды помысливший про себя. Помянешь мя, Чурило: отречешься от словей, ибо постыдны». И разошлись, не ведая, како допомочи в беде, была же повсюду; не ожидали, а пришла, не хотели, но явилась, не замечали, но встала, застенив все округ. И приснися Мирославу вещей сон, — будто сидит на сенех, а столбы подрублены, и вот обрушилось, падает быстрее и быстрее, а земли нету, ждет удара, и не ударяет. Заутре пришли на княж двор купцы из Кыева и поведали: обступила стольный град печенежья рать, и полков без счету; серед ворогов ненавистники Володимира: Гунард-варяжин, неколи болярин Ярополч, Содко и Гостомysl, полянские князи, бежавшие от хрищения. И сказали еще: идет за печенеземи Купаньская Русь с 50 тысячами войска, и не устоит ни Кыев, ни Новгород; кончится насилие христов над правою верой, и древлие роды, изгубляемые Володимиром, паки восставят побегу.

И явися онгда с грамотицею гонец из Червеня, от Славуты, сына Мирославля: «Брани конец, але добычи нету, идем домови; полку моего убыло на 127 мужей; коли не намерен обесчестити мя, ходивша по твоей воле, дай щедро на дружину». И поведал гонец о мужности Славуты и еще о походе. Придя в Хорвате и Волынь, почал Володимир христити людье, сажая епископов и веля возводити церкви²²⁹. И быша велми много недовольных, и выступили супроть Володимира, призвав в помощь Болеслава, соблазнявша христиться от Рима. И перемог в сече Болеслав, осилившись дружиними хорватей и волыни, и позвал еще пособити ятвязей и угров, и обещали, так что Володимир, подпертый одними чехами, подумывал уже отступить, дабы не губить войска. Однако Добрын, пришед, переманил удачу: побудил угров ко блюдению прежнего ряда с Кыевом; ятвязей отвлек угрозою Видгара, Полотьского князя, и Хелмо-

ра, князя Изборьской земли, стравив ловко за Подугавье; в Лехах поддержал Масуру, соперника Болеслава, а из хрищеных хорватей и волыни составил новые полки; и легко разбил Болеслава; и погнал (его) за Висьлу, так что лехи запросили мира. И не хотел (Добрын) мириться, але, прознав об осаде Кыева заговорщцами и печенеземи²³⁰, поспешил уставити мир, даже не спросив с лехов ущербного, а волынем оставив прежнее княжение; хорватем же навязал посадника.

И было, что из Хорватей и Волыни бежало мятежное людьє, числом до двадцати тысяч, и осели в Ятвязах; Уила выдал их Видгару и Хелмору, избавивши тем ся от бранного спора и разорения. Видгар, ища похвалы Володимира, повелел избивати беглецов-правоверей до смерти; Хелмор же, покорствуя волхвам, приветил несчастных; и вновь поссорились Видгар с Хелмором. Могута поспешил на выручь к правоверям и столкнулся с Полотьским князем. Увы бранящимся: когда двое вступили не на живот, а на смерть, является третий, менее сильный, и встает над обоими.

Вскоре вернулся в Менесь Славута и при нем огузьє дружины. Гордился Мирослав возмужалым сыном в надеждех, со Славутой прогонит Ольсича из Турья и проучит Велигу. Але заблуждают надежды: что желанія человека в мире, полном иных людей и желаний? Рече Славута: «Почто не даешь обещанного на дружину?» Отрече Мирослав: «Одаряет (обычно) водивший, але не кручинься. Вернем от ворогов и стол, и землю, и полюдьє, и домы, и челядь, и серебро, одарим дружину с лихвою». Рече Славута: «Ты мя опростоволосил, како предстану ныне пред мужеми? И смею ли браниться с Ольсичем? Вот был в Турье на возвратном пути с Володимиром и Добрыном. Пал Ольсич в ноги великому князю и просил христити Турьскую землю, пеняя тебе, еже препятствуешь, и то причина возмущения; рече: «Смиренно, аки стремчий, введу коня Мирославля в Турье и верну князю стол, едва примет христианскую веру. Не вели мя прогнати, вели до той поры оставити»²³¹. И упало сердце у Мирослава, и опустились руки; вприси: «Ужли лучше смириться?» Рече: «Смирись, в том польза твоя и моя, на покорм достанет, а тамо и переменитсья. Глядишь ведь очеми юности (своей), и то заблуждение; глаголишь о времєнєх, еже миновали, и о мужєх,

иже перевелись. Прав Ольсич, требуя наследовати: при ссорах, обидах и перекупах возможно ли выкликати достойного? Едина Русьская земля, едину быть и обычаю». Взглянул на сына Мирослав и узрел отметника. Впроси: «Не хрищен ли?» Отрече, нимало не устыдясь: «Воспринял Христа с любовию и сожалею о блудящих в сумерках». И сказал Мирослав, погребая надежды: «Не Христа воспринял, сыне, но продал душу чюжому богу, осиротев. Ради чего?» И, взбледнев, молвил Славута: «Смирен пред тобою. Не искушай же мя, отпусти с дружиною. Пойду в Полотсь искати славы». И не удерживал Мирослав: «Бедствую ныне: абывсяк на счету, однако противно смеяние в людех. Не принявший науки отца да примет науку истца; коли глупый назовет ся разумным, кто воспретит? Зычно тьякает щенок, але еще не пес». И отпустил Славуту с дружиной. В тот же день явися к Мирославу владыко Черета, велми озабочен; рече, не преступая порога: «Хощешь ли миритись со мною?» И обнял его Мирослав: «Твои и мои помыслы (принадлежат) земле и вере. Знаю, обманул Ольсич». Рече владыко: «Знаешь, да не все. Казнен Буен Бык, а с ним немало других славных мужей. О седмице нагрянут в Турье попы для хрищения». И содрогнулся Мирослав; подумать не успеешь о беде, а уж у ворот: «Неуж и о печенезей не обломает клыки Володимир?» Отрече владыко: «Увы-увы, доколе с ним Добрын, уйдет расставленных сетей». И думали об Истине и о блуждениях ее и о Добрыне, великом муже, въявившем ся во славу и в наказанье Русьской земле за беззакония. Замышляли волхвы сгубити Добрына, прорицатели же не велели; и стали искать приворожити, прознав, что поостыл к христам и открыто насмехается над (их) учением. Се застольничали гриди в Кыеве, и сказал епископ Илларион, вкусив хмельного: «Не доблестию побеждаше язычников, но истою верою и чистою молитвою»; и поносил Перуна и Влеса; Добрын же оборвал в гневе: «Хвалилась курица, что выше топора ночевала. Чтох со вниманием писания о Христовом вчеловечении и о будущем веце, и о пророцех от апостолов. И что же? — язык и пылинку обратит в облако, преувеличивает молва, вознося земное до небесного; обширно суесловие, так что лень и недосуг чтети, пуще же отвейти плевелы; и вот кричат толсто-

думы и хитрые лицедеи: мудро! мудро!» И возрази Илларион, прибегнув к поносным словом; Добрын же велел облить его квасом, связати ради буйства его и выволочи на поветр. И донесли (о том) Володимиру; воскликнул: «Не язычников пора побивати каменем, но еретиков, и Добрын первый меж ними, богохульствует, не признавая никого над собою». И рассорились Володимир с Добрыном, порушилась былая дружба, и ушел старый Добрын в Новгород в обиде, прилюдно назвав великого князя хлыстом от Грек и пророча: «Верую вознесся, але в безверии рухнешь, в друзьях найдешь ворогов, в слугах предателей, в судьях мздоимцев, охордишь ся, хвастая чюжим и чюждым». Случися ссора вскоре по замирении с печенеземи; иные скажут, по возвращении Добрына в Кыев из Хорватей, но то неправда.

Паки о Мирославе. Внушал (ему) владыко Череда выступити против Ольсича, говоря, все упустит упустивший свой час. Решился Мирослав, но было мало дружины. И позвал владыко Череда князя Могута; явися князь в Менесь с немногими мужами. Думали от утренней зари до вечерней, а к единому не пришли. Рече Могута: «Восставим ли прежнее, не погубив нынешнего? Нельга ясти без ложки. Возьми деревляней, иже бежали от смерти из Турья и скитаются по лесем, и переселишь Ольсича». Мирослав рече: «Не хочу огрешенья пред Володимиром и упреков, будто восставляю деревляней». Рече Могута: «Сколь ни исхитрайся, не уклонишья ссоры с христами. Ужли не зришь разрушения племени (своего)? Сложимся в один, и Велигу прогоним, и Ольсича накажем, и до Кыева доберемся. Подспеют скоро тмутаракане, у них 50 тысяч с наймитами, кто устоит супроть? И много ли получим, коли приидем за обозами?» И предлагал взяти в войско из хорватей, отбитых у Видгара, Мирослав же попросил серебра, и не упирался Могута. Нанял Мирослав из рутов, виднисов и летьголи, платившей дани, а всего, со своими, составилось до семи тысяч; и вышел против Ольсича, получив счастливое знамение и весть о неудаче Володимира у Кыева. Борзо достиг Турья, але не хватило толикой силы для перемоги, и потерпел тяжкое поражение; увел остатки войска к Случью и тамо бысть сражен новою вестью: Володимир вступил в Кыев; Доб-

рын оттеснил правоверей и печенезей за Трубеж, разбив их полки; из Тмутаракани тоже дали знать о беде: поход отложили, ибо разбранилась русь с годями и черными печенезями. Открылось спустя леты: паки Добрын помешал походу тмутараканей. Бывше в Червени, склонил Володимира послати злато и серебро, что взяли, корсуньям, требуя ради спасения веры возбудити сурожскую Казарь, черных печенезей и годь супроть купанцев. Сице хитростию и подкупом бысть отвращено возмездие; и продлилось бедствие племён; отвернулись бози, ибо люди не устояли в искушении, продавая душу прежде, нежели узнавали (ей) цену.

На пути к Киеву Володимира перехватили печенежи и посекали дружину, шедшую в челе, так что великий князь остановился, прося о подмоге, идеже только мог. Тем временем Гостомысл, и Содко, и Гунард, прозванный Варяжком²³², воевали Киев вместе с печенезями и, торопясь, ломали стены с трех сторон. И гибло много из осаждавших, владело ими нетерпение, христы же на стенах сражались обочь с обманутыми правоверями, одни превосходя в отваге других; ночью заделывали (то), что разрушалось днем; и вот не осталось во граде уже ни камня, ни бревена, а все древы были срублены; тогда Константин, тысяцкий, старший сын Добрына, сломал свои дома, володел же каменными хоромами, самыми роскошными в Киеве; последовали примеру и другие. И все же мятежные запорожи овладели (одним) проломом, и ждали только печенезей, чтобы войти в город; Константин, вооружив своих холопей, отчаянной храбростию сбросил запорожей со стен и стоял непоколебимо, доидеже не приспел Добрын и с ним Володимир. Правоверы отступили, але Добрын преследовал, дабы коварно посечи до единого. И настиг противников за Трубежем. Исполчившись, послал к печенезем сказати: «Зачем губити воев? Ужли без крови не разоидемся? Сыщйте богатыря в своем стане, а мы в своем, пусть померятся силой. Переможет наш, замиримся и забудем об обидах, вы же выдадите (нам) изменников и мятежей. Аще ваш богатырь пересилит, заплатим на каждого». И было хитростию; искал Добрын задержати печенезей, ожидая чернижские и сиверские полки. И согласились печенези, посовещавшись с Гостомыслом и запорожскими старшинами. И ве-

дел Добрын битись своему холопу именем Ждан, вати-
чуд мужу недюжинной силы, усмарю. Але не торопил,
выгадывая время. Печенези, почуяв подвох, дали срок
до полудня. И сошлись богатыри, и бились крепко, и
победил Ждан²³³. В тот час приспела подмога, и напал
Добрын, и разбил противное войско, лишь немногие
спаслись от ярости христов; Гунарда же, прозвищем Ва-
ряжко, Содко и семерых печенежских князей взял в
полон. И возвратился в Киев со славою; по хотению
кыевцев Володимир освободил Ждана из холопей, да и
честь подневольному была невелика; и назвал Ждана
Иоанном, быццам христа, приставив своим рындюю, по-
сле же взял в дружину, але так и не заставил приняти
хрищенье²³⁴.

Тризнавал Мирослав неудачу в Случье, и скорбел
вместе с ним владыко Череда, утешая: «Сколько горя
округ; нашей ли бедою почалось или кончилось, а солн-
це светит и греет, и нам правити долг, пока живы.
Счастлив всякий, покинувший утробу матери и увидав-
ший свет, и что его смерть потóm? Кто же уяснил себя
среди мира, бессмертен». И оставались еще надеи на
Тмутаракань, але вести приходили хуже и хуже; и на
Доне перессорились старшины, объявися среди них про-
христи и смутьянили, обольщая истомленных замире-
нием с Киевом; казнили отступников, але смута не
улеглась. И Могута, вопреки усердию, не сподобился
осилитись и укрепитись в Кривичех: дружина (его)
то умножалась, то таяла: мзда невелика, христы же
будто утихли, а Новгород и Киев быша далече, и се по-
кидали смере дружину, не удержати ни словом, ни по-
грозой. Але пожар полыхал, ибо дымилось, и рушились
стены на глазах. Нежданно-негаданно замирились Вид-
гар и Хелмор и вместе выступили супроть Могуты, на-
силу избежал сечи, укывшись в дремучих лесех за
Смиленью. И се новая тревога: умре Хелмор; узялся
слух, быццам вероломно отравлен Видгаром, а воевода
Хелмора соучастник и подкуплен. И было похоже, ибо
полоте взяли тотчас Изборье, яко пирующие свою чару,
и всю землю Хелмора заняли до самого моря; Славута
же, сын Мирослава, вызвысился, поставлен посадни-
чать в Изборье с благословленья Володимира.

Долги, тянулись дни безвременья; никто не ведал
смысла вершившихся событий, пророки пророчествова-

ли все, гадатели говорили о нескончаемой тьме, а бози молчали, и веры не было никому, и утомилось людье ожидать и искати. Мудрость (только) у мертвых, разве живому останись живу, восприняв (ее)? Страшна и тяжела Истина, долу гнет, в землю по пояс вгоняет. Человек не постигает воли бозей, потому и ближнего не понимает и себя не знает; душа болит, куда ни обернись — нищета и голь; плачют, да не о том, смеются, але не по тому поводу; процветают сорняки: горчак, пустыльник, напрасница, горюн, погремок, топтун, а злаки питающие усыхают.

Безмерная красота, поразившая душу, обращается в недуг (души), коли не вчеловечена. Подобно же безмерная боль, коли не выказана; всех тяжелее смолчавшему и не уронившему слезы. Тако ведь и мудрость, — бессмысленна в одиноком. В единую душу не заперти ни Красоту, ни Мудрость, ни Страдание; се божьи дары, и погубляют, аще бесследно погубляются в человеце; и не служат надежде; от Красоты ведь Страдание, от Страдания Мудрость, от Мудрости Красота; переливается радуга — тайна велика. И се першая заповедь: без отчаяния принять любы напасти; в человеце надежда, а коли без надежды, пустынно и зря.

И грянуло — потряс Перун человецей, ибо не осталось в них веры, изгоняющей сомнение. Почалось видением Буслу в осень, егда тяжко захворел. Пришед к нь, Мирослав нашел (его) в отрешенности и нелепой заботе. Босонож и беспоясен, в долгой рубахе, отворив слухонце, пучился в беспроглядный, запустелый простор, — постарел славный муж, исчез в прежних летех; слабое и жалобное творит время из могучего духа. Рече, не признав князя: «Быцдам вопит... Карачун ходит, карачун бродит, дымит головешками погребальных кострищ». И услышал Мирослав тонкое жужжание, вроде шмель запутался в горохе или повилике, — позудит, позудит и отпустит. Вот оно — тенёты и муха-назойница, а над нею мизгирь; туда-сюда егозит, пырская слюницей, опутывает. Рече Бусл в страхе, утираючи пот: «Ссосет мозги, и никто не приидет на помощь».

Не к добру примета — зрети, како сытится паучина. И впрямь: постучал следом гонец из Киева, потребовал Мирослава и огласил указ: посажен в Турьской земле и в Деревлянех по Уборть подручным князем Свя-

тополк, сын Володимиров, а посадники (его) Ингвар и Ольсич. Растерялся Мирослав, не ожидал сей злодейской подгады: еще митрополит Михаил упрасивал Володимира раздати земли меж сыновеми, дабы потеснили прежнюю знать, Добрын же воспрепятствовал, опасаясь мятежа и раскола; вот его слова: «Близким ссоритись проще, нежели далеким, землю же русьскую должно крепити единой волей».

Добрыню, Добрыню, сеял, добро взрыхляя, але на неуродицу, тоща почва для справедливости. Безмерно возобладали христы, ввруздав коня, еже потерял доброго седока.

И се нагрянул в Турье Святополк с дружиною²³⁵, с попами и епископами из грек, со старшей чадью из варязей и полян; встал в тереме Мирослава и сразу почал зиждити новые хоромы и церкву. И послал Мирослав к великому князю грамоту, наполнив упреками и требую отменити без промедления указ, отнимавший землю у законного володителя. И был ответ: «Аз есмь великий князь в Русьской земле законом и обычаем ее, да не совершится (ничто) без моей воли. Ты же, названный князем, остался без дружины, две трети Дреговичей ныне супроть тя, како же было допустити новое унижение (твое), если бы Ольсич пошел (на тебя) с Велигою? И если хотят христити ся в Турье, дело не мое, но господне; ты же, противник веры, упорствуешь в заблуждении, тогда как сын твой Славута наследует царство божие и мою любовь».

Вынести ли боль, еже больше души? Ободрял Мирослава владыко Черета: «Твой срок настал, крепись и ты, уповая. Наша ведь еще сила, а не христов: вот и Деревляны вновь поднялись, и Ватичи, и Кривичи; Переславская Русь клокочет, в Изборье восстал внук Хелмора». И в гневе отрядил Мирослав другого гонца в Киев: «До тебя пеклась Словень о своей силе и дорожила обычаем, забытым ныне тобою; отцом величаешь ся понапрасну, доколе не признан в детех; в Дреговичех же ни ты, ни пращурьы твои не княжили и даней победных не имали. Аз есмь князь Дреговичей волею племени, и (твоего) указа не приемлю».

Воротися гонец без ответа, с новою вестью: послан подручником в Полотсь Есислав, сын Рогнед²³⁶, а посадниками при нем Славута и Видгар.

И позвал Мирослав старейшин от верных родей и волхву, и съехались в Менесь от беличан и сутиней, от вентов и креров, от невров и даничей, от волоков, дулевцев и полешей²³⁷. Рече к ним: «Подступают христы, дабы отняти обычай и веру». И закричали в ярости: «Убьем Володимира, от него напасти. Убьем, и каждый будет изнове сам по себе». Мирослав рече: «Ужли (так) слепы, что желаете погибели себе и Русьской земле?» И обвинив ся, обвинил волхвов: «И ваша вина за свершившееся, ибо слово бозей не стало словом души в людех, не напитало их сердце. Не христы развратили (нас), но мы, развратясь и разуверясь, призвали христов. И се вопрошаю ныне: «Како быти человеку, дабы пребывати (вечно) на земле с неомраченной совестью?»

И не ведали, что ответить.

Глава пятая

МОЛЕНИЕ СОВЕСТИ

орька туга ум полонила: ужли не возможно инакш? Се аз живу и лутше жить не умею, вижю несовершенства свои и лицемерь, але беспомощен поправити. Рекох и паки реку: скован человек цепью души; все цепи разорвет, а цепь души не осилит. Постигнути ли истину, коли на цепи? Прежде думал: нет постижения, кроме нескончаемых дорог заблуждения и прозрений, плача и смеха, гнева и радости, усталости и женохотения, трудов и подарков случая. И вот: яко орех во скорлупце, и мы в кожуре гордыни и чюжего проклятия. Не оставлены боземи, но одиноки; не смеем осмыслити их начертания, разрываемы на тысячи сторон: и то бедность, и то суета; кто же обнимет (всё) разом? И смиритись хотел бы, и не миритись хотел бы, и простити, и не прощати, быти на виду пред всеми и незаметну, и голодну, и сыту, — мнит-ся, заутре сподоблюсь постигнути (истину), а заутре, что и вчера, что и чрез лето, и — до скончания дней, алчущий и неуспокоенный, смятенный и страждущий. Нет (мне) счастья, ибо не ведаю, что есть оно.

Взойдет необходимое Слово над курганом раки-тою, — тамо погребен ушедший от боли, но кто прочтет в ветвех?

Страшны времёны, егда на дорогах пресмыки да хлюзды. Что же дерзнувшему воспарити? — в пустоте полет, и нет обочь ликующих и благословящих, но только насмехающиеся; нету подлым радости большей, не-

жели топтати честного, а ничтожным великого. Але еще страшнее времёны, иже уходят быстрее, чем идут. Скорбь нескончаемая многих — и бессилие одного, и тьма во душах неутоленных. И что наставляемые, ежели (сами) наставники ползают, а того не замечают, гордясь ростом. Обида неутешима — все отдать человеку и вдруг узрети: далек он и ничтожен. Но позволяют боги — для чего?

Внимал премудрым; и то говорили, и другое; и были правы порозь и первые, и вторые, и десятыя, вместе же выходила ложь и прежняя пустота, и жажда оставалась. Слушал всех и шел сам, и было правдой (моей); прозрел и ослеп, возвысился и упал, восславил и проклял, роздал — и не обрел взамен; счастлив, что прошел в мѹках, ища. И только одна боль, и неразделима: меркнет уж свет, але все не приходит на свиданье мечты. И се превозмогаю: долг выше жизни и выше слабости. Упорство мое однако — для чего? Нет ему объяснения среди желающих объяснить. Повецю о днях и заботах князя Мирослава. Ему правда (моя), и безутайна, але не с ним и не со мною (она). Легко пеняти волхвам, но что же несущие веру? Се слова Мирослава: «Согласились на кумиров и идолов, одели во злато, поделили бозей и утеряли вершину духа, еже бе светочь. Неколи поклонялись, не требуя, ныне ж требуем, не поклонясь».

Кто скажет, како прежнее оборотилось в нынешнее? Кто разъяснит, како случися? — стали внимати не слову, но шелепуге, не разуму, но страху. Повинна ли (в том) Могожь, праматерь словенских бозей? Ведь все, что выходит из прошлого, (что) рождается и умирает, цветет и вянет, начинается и приходит к концу, есть Могожь; лика нет у нее, и измерения нет ей — бездонны ложесна мира. Могожь — все сущее и воплощенье его: и река, и поле, и мысль, и тайна соития тварей; никто (ничего) не свершает от себя, но отдает свершенное Могожью, и блажен, отдавший сполна. Древлее предание гласит, от Могожи три сына: Даждь-бог, Влес и Род, отец их Дый²³⁸, а больш бозей нет, только духи, их дети, и бесконечны числом; одни добрые, другие злые. Володимир, единя племёны, велел поклоняться и чужим бозем, не обычным по Словени, и богам славнейших из родей, и се суть заглавные: Сварог, Стрибог, Си-

маргл, Хорс, Перун, Триян, Вил, Лель, Щур, Лешь; им воздвигли кумиры в стольном Кыеве; але поклонялись по-прежнему, всякий род своим богам, ниже богам Словенской земли. Нововведение потрясло обычай, людье не ведало о бозех, каким повелели жрети владыки. Заклания едва ли не воспретили, позволив приносить телец и овнов из древа и глины, и было глумлением. Тако не стало прежнего порядка в жертвовании; але еще прежде в душе: жертва ведь не ради милости бозей, но ради милости приносящего жертву; отдав последнее богам, отдашь и человеку, еже обочь; утаив от бозей, утаишь и от людья. Не стало порядка и в поучениях волхвы, ибо Нововведение всперечило Ильменьским Ведам. Оттого ведь просил Володимир владык прояснити Учение; и сбирали предания в родех и откровения мудрейших, дабы испечи един хлеб на огне от разных очагов. И вот испекли, але сами пекари не всхотели ясти свои хлебы и отреклись; и воспротивилась белая волхва новоглупству, и ввели насилием; поставили позорно одних бозей над другими, чего не было прежде; и сохранили иные предания, а иные объявили ложными, умножив (тем) непонятное. Учили: от Могожи Дый, Даждь-бог и Влес, а отец их Сварог; от Дыя Хорс и Стрибог, от Даждь-бога Перун и Лель, от Влеса Род и Рожаница, Симаргл и Щур. И вот толкование: зримое небо и звезды, удерживающие его, — Дый; солнце, напоющее теплом, родник земного действия — Даждь-бог, движет свет и мрак, тепло и холод, воды и соки, мысль и безмыслие; Влес же — душа сущего и начертания его: травам — расти, стадам — пастись, человеку — ясти от стад и пити от рек, блюсти обычай и познавати волю бозей; купец и скоморох торопятся жрети прежде Влесу, и пахарь, и судия, и ростовщик, и всякий ремесл, и мудрец; книжные словесы — тоже Влес; он страж обилию в племёнех и умельству в людех. Мировой Огнь, питающий Могожь, и Тьма проникающая — Сварог; поставлен варязьми при Олге выше Могожи, але не признан в родех; всяк Огнь бушующий — дыхание Сварога, и всякая тьма — тень от него. Но не во чреве ли Могожи рожденные дети ее и отец их? О Перуне изречено: дарующий справедливость, покровитель ищущему, карающий ворога, страж чести. Стрибог — вспомощник Перуна; без него не мечутся огненные стрелы, не гре-

мят громы, не лют дожди и не злобятся метели; ему подвластны пороки и страсти; поставлен Судиею, в его руках судьбы скитальцев, и се причина, отчего любим русью. Хорс же есть Судьба, скованный Огнь, ему надлежат души отошедших света; иные еще скажут, что Хорс подобен Иокé берендеев и торков, але (то) заблуждение; Иокá — смерть и отнимает души, Хорс берегает; Иокá следит, чтобы человек боялся смерти и торопился, Хорс внушает не убояться смерти и искати совершенства, подражая великим предкам и не ропща на тяготы доли; в Наявье кладут требы Хорсу; в Дреговичех сущи два святища Хорсу: в Турье и в Святиче. Воды, иже текут или стоят, ветр холодный и теплый, в наказание и в надежду, — се Стрибожий гадел, завеси неба, облаци, — его же забота; поклонится ему грамотник и волхв из почитающих Нововведение; смер-оратай, бортник, охотник и скотий пастух поклонятся полевицам, лешим, русалкам и водяным, пия из криницы, а злых духов отгонят молитвой, обращенной к Могожи либо к Перуну. Весна и Пробуди, любовые чары — се древлий Лель, образ его — цветущее древо, птиця (его) бусл-клекотун; Перуна — орел, а Стрибога — ластка; сии птицы священны по Словеньской земле.

Охотнее всего Словень кладет требы Роду, чрез него видят и слышат бози человека; отверженного Родом не восприимет ни единый из бозей, ибо не поймет; се тайна велика и всеохватна: путь к богам пролегает от человека к человеку, и путь (этот) Род. Род правит закон предков и обычай; Роду и образу его, Огню, жертвуют все, и волхвы, и князи; прежде после сечи, на тризне, сожигали ворогов, се быша дары Роду и Перуну, Нововведением же воспрещено; Роду от века первый кус хлеба и последний глоток воды, понеже берегает от исчезновения в других языцех и сохраняет речь и предание; да почтит сын отца, и дважды почтит внук деда, и то почтение Рода. И вот Рожаница — явь и сон, отец и мать воедино и таинство связи их в совокуплении духа и тела; дети Ее повсюду, идеже не разъять; да убьет охотник столько, сколько съест, и поймает рыбак столько же, и с поля возьмет (каждый), чтобы достало на пропитание, а больше грех; и детей родит всякий, сколько выпестует. Рожаницей пробуждается мужское и женское естество, не ради блудодействия и пустой забавы,

но ради живородящего семени, а кто без семени, проклят, и да искупит грех, возвращая плоды чюжого семени. Избранное животное Рожаницы — лягушка, древо Её береза; оттого муж и жена хвощутся в банях березовыми пучками до изнеможения, — се обычай в честь Рожаницы; кто залежит жену в бане, того отвращает; всякое отвращение Рожаницы чревато недугом.

Се бог, внушающий страх, ибо принимает облик ядовитой змеи, — Симаргл; его надел провидение и память; в таинства посвящены немногие, и (даже) не все волхвы и провидцы. Знаки жизни и смерти, тернии познания — се суть Симаргл, и приметы, и знаменья, ибо знает (обо всем) прежде, нежели свершилось; сим божеством не клянутся; словень убеждена, силу Симаргла заменяет сила Влеса, и чаще молится Влесу. Щур же, домовый, в очаге пребывает, доидеже дом цел и счастлив, пред несчастьем покидает; очаг горящий радость Щура, угасший — печаль; единственный из бозей, живый серед человецей и защищающий (их) от духов зла; явился на свет вопреки воле своего отца Влеса и им наказан: Щур слеп и бестелесен, аще могучей бури. К кому (Щур) благоволит, тот всхощет посильного, кого ищет погубити, обратит в бремя для людей и обузу для рода, понудив возалкати непосильного; Щур от сглаза и хворобы; обереги, не освященные Щуром, лишены чар; преждь, возводя истобку, умилоствляли Щура: на сырой очаг стлали поленья и сучья и покрывали шкурою влока; на сем ложе спала ночь непорочная из дочерей семьи, а у кого не было, старшая жена спала три ночи подряд, и муж не смел коснуться (ее); который внидет, бывает поражен неисцелимым недугом. Ныне обычай впозабытех, хотя и не запрещался; кто помнит и поступает подобно предкам, (того) высмеивают, ведь высокоумье в человецех сильнее ума. И другой древлий обычай забыт, хотя много в нем любви и чести: уходя от земли рождения в другие земли, возьмут камень от очага и вложат его (затем) в новый очаг; камень называют пращур; сице зовут ныне и дальних предков.

За двумя зайцами пропустились Володимир с Добрыном, творя Новый Обряд, диво ли, не ухватили ни единого? Во что прицелился, в то промахнулся: уклонилась волхва пособляти великостольным заботам, не стала столпом и кормилом державы, согнулась рань-

ше, нежели оперлись (о нее). Роды можно единити и разделяти мечем, а бозей и вселюбовию нельзя. И вот иные, холопствуя, приняли Нововведение, иные не пожелали, третьи приняли одно и не приняли другое; сие Мирослав: «И прежде не ведали своей мудрости, теперь за несуразностями и вовсе не разглядети²³⁹. Раздали наделы богам, а царство (единое) потеряли». Негодовал, еже волхве заказали орати, сеяти и промышляти ремеслами, вменив учити (людье) неустанно обычаю, законам и благочинию, запамятовав: поучати — не учити, повторяти мудрые слова — не взращать мудрецов. И се вопрошали сведущие от волхвы: како Влес мог быти прежде Рода? страдания человека от человека или от бозей? идеже мать Перуна? — если Могожь, нелепо; многолик ли Щур, один и тот же в домех или разный? Множилось суесловие, и терялись в нем крупницы истины; идеже густое глаголенье, тоща мысль.

До Нововведения волхвы учили: сущее, бессущее и внесущее есть Могожь и сотворено Могожью из частей Земли, частей Воды и частей Огня, какие свет или чувство. И вот добавили еще две части: Волю, завершающую образ, и отнесли ко Влесу; и Времёны, дарующие судьбу; но не времёны грядущие или прошлые, а протекающие сразу в обе стороны и будто бы исходящие от Сварога²⁴⁰: от одного уходят и к другому приходят, и то, от чего уходят, есть то, к чему придут, то же, к чему приходят, будет тем, от чего ушли; для человека ведь времёны идут вперед, если (считать) от рождения, и назад, если от смерти. В изощрении ума — смысл, а для веры — пагуба: просто ли истолковати творение без образа или судьбу без времени? И коли в человеке время течет и вперед и назад, то не от Сварога, но скорее от Могожи, ибо суть сущего. Верующий в одно богатство нищ, поклоняющийся (одной) радости пребывает в печали, домогающийся множества друзей одинок, алчущий перемены наслаждений горек и иссушен сердцем. Падати нищ пред избранным богом, высокомерно избегая Сонма, — бескрайняя слепота ума и скудость души, отрицание божественного, не о том ли замечено в первой же строке Вед? Един Мировой Обычай и Закон, сущи вечно и бози творят по Обычаю, никем не созданы и не рождены, како рождает женщина, но неразъемны

от мира, яко живое тело от живого огня. И ложь велика — глаголенье, будто помогают или не помогают людям, сие толкуют неразумные и несведущие из волхвы, и повторяет невежественное простолюдые. Угоден богам не поклоняющийся ревнитель выгоды, но постигший душу вещи, еже есть Могожь; помощь и милость бозей — в уразумении и блюдении их воли, одной для всех и разной для каждого, в приобщении к Заповедям рода, иже от Неба; заблуждение — думати, что бози дают несущим дань; невежды и близоручцы уповают, но более всего христы; блуд христов умышлен, оттого мерзок вдвойне.

Сотворенное новым уже старое, а духи сообитающие проникают и перекрещиваются²⁴¹; что заклинания без тайны духов? — пустые словесы. Тайны же просты и величественны, доступны всякому, во вразумении мудрости или в зрении чувства. Истина в слове дана немногим, ибо велик труд держати разум в разумности; правда же открыта совести. Отношения бозей подобны отношениям вещей — уследишь в столкновении и споре; вне же неуследимы; люди зависят от вещей и сами суть вещи; вещи же — въявление Могожи. Двѣ начала повсюду: рождение и смерть, тепло и холод, добро и зло; на перекрестье начал рдеет плод и обретает суть и зримые черты всякая вещь, и бози — на стыке бытия и небытия, веры и безверия, како Огнь на стыке дерева и воздуха. Недаром Вил — великий дух Могожи; всякое развиле и перекрестье священо и свято; скрести мысли — извлечешь истину; скрести тела — исполнишь зачатие; скрести дороги — внидешь в познание; скрести дерзания, повитые истинно сокровенной мечтою, — обретешь счастье судьбы, еже не совпадет непременно со счастьем жизни. Древо поднимается, развилая ветви, сие мысль, сие слава, сие творение, сие память.

Не одинок в страданиях о земле словеньской, не счастье мужей достойнейших, более стойких в неприятии порока и противлении насилию. Поклонюсь низко волхвам Бояню и Осколу-слепцу, и князю Веремью, раздавшу обилие свое воям Могуты и погибшу в неравной сече, их пример одушевляет. Тайны, иже откроем, ничто в сравнении с тайнами, иже не мы открыли. Не обольщаю ся силою ведения, але не упускаю (случая)

просветитись. Однако что почерпнешь душою во дни, не принадлежащие нам, разве разочарование?

В прежние леты ходил по святищам Русьской земли, жертвуя скотьем и серебром, вопрошал прорицателей, плата по дирхему, ныне же полишел, другое знобит мичуру, в святищех неуют, и все незнакомо. Се Медвежий Брод у Толокны,— прежде был жертвенник из простых камней, частокол полукружьем с обережными черепами, обочь плетеная истобка волхва и послуха. И се настала порча вере — хоромы о четырех резных столбех, волхвов трое и еще прорицатель, ради малой жертвы и возжигати взленятся; жен водят своей дорогой, мужей своей, а не единой, яко встаринех. Частокол упразднили; пожертвуешь овцю, и негде осятити, забирают служки; обереги продают во множестве, меняй, сколь хочещи, але окромя медвежих зубей да турьего рога что возьмешь? Выделка же не та, прежде тружались послухи,— стали нанимати холопей, и те плодят по образцу, без благочиния.

Кто же зрит дальше хотей своих? Молвил лишь словце, а уж летит с плеч голова, неверно шагнул, а уж погубленье целому роду. Зачем было звати перессорившихся волхвов в первые думцы, како до Рорика, в веки Трияна? зачем было давати им долю от полюдья, дабы не тружались от зари до зари ради пропитания? зачем было предпочитать богатство праведности? зачем было рубити по земле новые святища, разрушая прежние? зачем ставити кумиры златые и серебряные с человеческим ликом, говоря (при этом) облыжное: «Поклонялись пустоте, не зрели свой образ»? Растрепали волхву: многие отреклись от кумиров в образех, смешно ведь молитись куклам; и стали утесняти своедумцев, яко злыдарей, и vznikли распри и обиды, и не в помощь, в тягость и обузу обернулась волхва Володимиру²⁴²; открыто грозилась стянути со стола, разве не так?

Се примета: пред наявленьем мрачных времён властелей обступают безымянные, судят осужденные и пророчествуют безумцы; несть меры в самовосхвалениях, но мало упорства в трудах; разумеют разумные, але бездеют; тяжка повинность жити, егда торжествует окрест разврат духа, и нету вдохновения, а смысла не ищут, полагая, что найден; и вот уже не обрести спасения от злых духов, и оборотни одолевают. Мир пода-

рен, потому не вечен. Подобно свету, сгорит в пасти мрака, но не бесследно, — ради возрождения. И будет новый мир, але (и он) постареет и сгинет. Ни единому дню не повторитесь, повторитесь ли миру? А и повторитесь, еще более жаль: ужли без след дороги наши, и мудрость без пользы? Увы, увы, отыди мя кощунство: за боземи еще бози, и более могущественны, чего же хотети человеку? Мое познание — в познании бозей; познавая их, познаю ся. Отыди мя наваждение: неколи бози быша людии, и людии — бози. Но нет пути человеку в небо, только в землю. И преодолел, и се аз спокоен: кто выйдет за пределы самого себя? Кто выйдет за пределы судьбы? Повернешь налево, повернешь направо, судьба не в том, куда направить стопы; Рок, дух всезрящий, следит, сколько озарения и сколько шагов суждено. Але не обольщаюсь ли пустотою, яко Тревзор? Рече, попирая камени: «Се суть камени, зачем (они)? Нет ничего bestолковой в чертогах твоих, Могожь». И выде Дух каменей и возглаша: «Аз есмь Дух, оскрбленный (тобою)». Рече мудрец: «Коли Дух, содей, дабы ведал, сколько ты». «Да свершится», — отрече, — и человек тотчас преобратися в камень. Молви Дух с укоризною: «Что же прикинулся камением и молчишь, и подняти ся не возможешь? Отвечай, аз, Дух, вопрошаю тя?» И подумало камень: «То, что ведаю, нельзя удержати в глаголах человека, необъятно и неизрекаемо».

Волхвам пеняю предерзко за порушение обычая: упивались самомнением, напрасной мудростию искушались; не терпит вера и вдохновенье мнозиe словесы, всеу давати имёны отверстому в пространстве для смиренного взора, неистинна истина мятущихся. Почалось падение от Рорика, от него исток бесчестия; присягнул Рорик белым волхвам, принеся богатые дары в злате, конех, паволоках и невольницах, они же, приняв от князя вопреки обычая, вопреки обычая восхвалили (его). Не они ли сносили обиды от варязей и от руси, превозносивших Царь-град и христову веру, яко чудо всеа земли? Не они ли кивали Олге, рубившей церкву для цареградских гостей? — и наполнились змеиные гнезда змеенышами. Кто остерег гридей, позорно христинивших ся в дальних походах? Не ведаю, уберегли бы (души) от разврата, але заповедано свято стеречи обретенное в тяжких трудах и не расточати, но умножати.

Чему же не пал от руки (их) первый, согнувший спину не от нищеты и немощи, но от алчности к обретению и завидущего ока? Чему смолчали при первом слове неправды? Чему осуждали сомненья, а не укрепляли сомневающихся? Безмерные хотения духа приводят к его самоизгублению; чему не внушали се недовольным другими больше, нежели собой? ²⁴³ Довольно туманиться обидой, проглядели волхвы недуги; и мы благодушны ныне в уповании, и послужим посмешищем, не отряхнувши ся от своей грязи, не преодолев суесловия и пустых упреков; вина (разделена) поровну меж всеми, и что искати виновного за тьму? — нужа сыскати способного возжечь Огнь.

Истине предан больше, нежели чувствуию, говорю: и Нововведение — не от ненависти, но от любви; Добрын и Володимир чаяли поправить устои; или не помним, что расплодилось святотати и злоречие процветало? или забыли о подлых душах к насмешкам над волхвой и боземи? Внушали пустогласы: «Не верьте богам, пожирают праведных, а грешников выплевывают. Кто больше вдаст, того и правда». И обличали кудесников с кудесами, сами же прорицали по куроклик и вороньему граю, по ухозвону и окомигу, рекоша: «Огнь бучит, жаба кычет, хоромина трещит, кошка мявкает — (все) о человеце предсказывают; людьми были, и вот заколдованы». Усомнясь в вере, смутьянили: «Искати и думати — от заблуждения, все божественное вложено в человека, и ни познание, ни блюдение обычая не прибавляют, а счастье — всякая жизнь, пока не болит совесть». И умножились отшельники, и случися допрежь Нововведения: покидали дома и ближних и уходили из мира, истомленные страстями, жили одиноко в священных рощах, указуя лживый путь человеку, ибо отвращались обличения лжи и восставления справедливости. Что же не запретили волхвы? Что ж не напомнили беглецам о долге? Считали, како и прежде, в благодушные времёны, (отшельника) умершим и тризновали по нем; и не обхужали, но похваляли. Что же благоволили к послухам, иже селились при святищех и быша хлебоаясть, а не вспомощники веры? В горе оборотилось счастье. Увы-увы, уж коли кто глупец, на весь свет; кто мудрец, мудрец для всего света; починают кланяться, лоб расшибают, починают хвалити, до небес возносят, и уже

сами не ведают, есть ли выше. Але ведь не осуждаю: коли не пожелают и упрутся, громом не подвинешь, всхотят, гору прогрызут и облацами дорогу вымостят; в холопех из холопей холопе, во князех из князей князи, ревущее море, бездонные хляби, волны, не ведающие ни силы своей, ни употребления силе. И се скорбь, повторяю: могущество оборотилось в немощь, взволнилось море ветром блудодеев, ибо, истомленное всеу, жаждало бури. Како же не быти наказанию? Усомнившийся в своих бозех тотчас обретает чюжих, а чюжие не дозволяют сомнений, оскопляя дух ревностью²⁴⁴.

Сиде случися бедень беденей, — времёны погубления святого. Опустел Киев и иншие стольные грады опустели: нагрянули христы, насиля и беззаконя, называя ложь правдой, а правду ложью. Меркла память о родех и племенех: свергались кумиры, потрясавшие великолепием, вырубались древы о тысяче лет, разрушались капища, сожигались святища, разбивались священные каменья с речениями из ильменьских Вед, знищались рукописания и книжия; дикость, явившись, возглашала повсюду: «Дикие — не следующие за нами и не поклоняющиеся нам».

Что же людье? — покорялось понуждению, але христы избличали ся. Кто не ослеп, вскоре увидел: не радетели мудрости божьей, но хлысты злой воли, прожорливые vloки, слуги корысти. Замыслили покорити мир с помощью Христа, медами яд предлагают, хлебами меч протягивают. Обобрали правоверей, а похваляются: вот, нашли вечное! Еще Рим кланялся Волчице-матери и о Христе слыхом не слыхали, а праведники уже по всей земле огням творящим молились, зная начало, конец и действо, полагающее конец новым началом²⁴⁵. Извращено (всё) христами, отвратна леть их на потребу толпищам холопей, мнящих ся вольным людием. Уподобили коварные лъстивцы бога нынешнему человеку, а тем лишь унизили и бога, и человека, поощря мерзость всхотения и необузданной страсти. Недаром самоядь верит: у муравы — муравий бог, у скотей — скотий; тако ведь и у человека — человекий, коли разумение скотье.

Завидев истукана, христы злорадуют: «Правоверы ищут человека в бозе!» Напраслина: не от веры се, от Нововведения, противного обычаю. Да и осмысление

иное: всему свой образ и слово, учат владыки; слово же не есть то, на что указывает; сице образ изваянный и в камне иссеченный не есть бог, но печать и примета (человека) о памяти (своей). Многие Перуны высились и доныне высятся в образе воителя, другие стояли и стоят в образах скотих, птицых и рыбих, со знаками, освященными преданием. Христы же толкуют не про образ, икона им суть, ибо идолопоклонники. От века так: вопят о том, чем (сами) недужат; ворог наш носит ветхое наше. Заговорщики, душегубы, алчущие ярма для всех человедей, а себя видющие на троне: идеже ваш бог? На небе? Укажите обитель. Наши бози округ нас и с нами, (они) повсюду, и лице их різно.

Христы глаголют: (самое) совершенное — бог. Несуразица: пределы совершенного лишены уже жизни и близки смерти. Истина в другом: бози в несовершенном и суть несовершенство совершенного или же совершенство несовершенного.

Еще глаголют христы: «Жизнь поделена на земную и небесную». И се обман. Жизнь едина и не делится, однажды проистекающа и повторения не имеюща. Але что кручинити ся? Смерть — начало (всякой) жизни, и не смерть страшна, но жизнь, лишенная жизни. Сам себя обрекаю на погубленье и сице творю; обрекаю на смерть и тем пребываю в жизни. Уходим, оставляя духов; оттого праведная словень поминает до пятого колена, христы же и дедов своих едва помнят, лишились предков, голы и беззащитны под Небом и кнудом истязателей веры.

И еще глаголют (христы): бог искупляет; укради, убей, пожелай хлеб и свет ближнего, но истинно покайся — и нет греха; один заблудший, но опомнившийся дороже для христов ста праведных. Не мерзость ли сочит во вкрадчивом лицемерии? Истина в другом: бози не награждают и не наказывают, не прощают и зла не таят: сам человек награждает ся и наказывает, сам прощает, постигая или не постигая волю Неба; постижение воли есть благоволение бозей, неведение — их гнев; что молити о милости, не угадав воли? ²⁴⁶ Не в человеце и не в бозех причина юдоли, но округ человека и округ бозей — в поклонении лживому, еже велит одному побивати другого; духи смерти искушают людей, и люди злотоврят, отступаясь совести. Непokoйные,

неутоленные, ищут услаждения, навлекая на ся погибель; на топях увидишь самые яркие цветы, и самое злое искажение божьей воли бывает от завистников к богам.

Христы под бичем, праведник под Небом: доступны его предначертания. Труден путь судьбы, вильнист и краток, остры тернии, горьки надежды, але исполнивший волю Неба счастлив и (ни о чем) не сожалеет. Не ослабнем и мы пред судьбой, памятуя: ища во всем достатка, терпим лишения; возвышаясь, унижаемся; властя, прислуживаем; набирая силу, идем к пределу ее; опрометчиво умножая знание, предаемся глупости, проповедуя добро языком, творим зло руками. Владыко Черета повторял: «Боюсь ревнителей веры, они же после ниспровергатели, ибо, не постигнув глубин, хотят более, нежели дано, ищут, идеже пустота». Не тако ли и с Володимиром? Несыть блуда, в пороках, яко рыба в чешуе, бысть притчею во языцех; не постигнув мудростей веры, не обрета чистоты, попрекал белую волхву: велика земля наша, и лежат ниц пред нею народы, а славы и торжества мало, волхвы ходют в рубищах, и святица не ослепляют великолепием; словы наставников не лечат сомнения и нет (от них) спокойствия духу; противятся наши мудрецы книжному учению, в других же сторонех книги дороже злата. И все то была ложь, тем опасней, еже в устех первостольника, не рассуждающа, но повелевающа. Книжному учению противились волхвы не по невежеству, но следуя острашью ильменских Вед: «Не ищи во лжи, изолгешь ся. Не изощрай ся мудростию,— пребудешь в глупости. Нет в писаниях мудрого,— ответ солнца на зеркале, сравним ли с солнцем? Мысль, отраженная словом, теряет в тепле и силе и в животворности. Увлекает в пустоту мудрость, поносящая обычай». И се от владыки Переяслава, Кривича: «Книги — разврат духа для неразумющего (их). Како находишь ся в чужом мире, обращая в свой мир, тако сыщи ся в чужом слове, обратив в свою думу. Егда чтеши, не скачи борзо по словом, не кочки на тропе; в каждом (слове) сокрыто божье, и обнажается думою о совести; так сердце омывается мыслию о предках, не течением громких глаголов; истина сердца не может быти сложной, (она) проста, и что повторяти изречение? — лутше претворити изреченное»²⁴⁷. Указано вер-

но, всяк ведь изощрен хитрити о чюжой беде, а о своей не смыслит. Не о том ли предание о Святогоре? Се жил муж могучий среди человецей, равный богам, и поднесли ему (бози) правду, ибо просил. И поднял на плечи, и прогнулась под ногами земля; ступив же, ушел в землю по самую шею, и пролилась кровь от натуги, и сице скончался; ныне та правда покрыта горой, а гора за Чернигами, и зовется Святою. Услышишь инакш: быццам Святогор добыл правду из своего сердца, был же ею раздавлен; и вот не горою сокрыта (правда), но гора и есть, только окаменела.

Правоверы не смогли поднять правду Святогора, христы и подавно не сумеют, двуличием пронизаны их помыслы. Всеу лают о пришествии христового царствия, божье царство — округ нас и в нас самих, не созданное, но вечно сущее; почто же, разрушая, мним сберечи?

Христы величают ся поборниками справедливости; рабство порицают, але холопят души, надевая колодки и цепи; что же пагубней? Вгляну по языцем: быша народы, и вот христились, и нет их боле, — содеяли ся рабами: сосут соки их христители их. Явились христы заговорщцами и врагами словени, замышляют развратом духа и тела покорити вси земли, како покорили Рим; ни нищий, ни страждущий (их) не заботит, — лицемерны речи о милосердии. Сулят златые веки, златые же давно минули, наступили железные, веки вражды и обиды, но и эти лутшие, грядут еще труднее: веки обмана и пустой надежды; станут искати опоры и не найдут; станут оживляти тени и не смогут; але не обречены, доидеже не обрекут ся.

Повучения христов возмущают подлою кривдой и суесловием; переняли мудрость, а слов ее не поняли, надели чюжие чистые одежды, свое же исподнее в крови и помете. Во славу ли Христу — что нет у христов истины выше Христа? Даже мысль, прибежище божьего духа объявили лукавством, коли не превозносит Христа²⁴⁸. И се истина: измыслен Христ для уловления душ, для их обмана и порабощения измыслившими; смиритись зовут, освящая насилие и несправедливость, вознося ловких и повергая простодушных.

Повторяют христы краденое: «Возлюби ближнего, яко себя»; что же говорят про меж собою? — «Проклят немлющий человеку и надеющийся на нъ»²⁴⁹. совме-

стити ли одно и другое? Правда правоверей о человеце сильнее: око за око, зуб за зуб, добро за добро, радость за радость. Толкуют Веды: «Не зовите Небо судией меж человецами, людям рассуживати людское; не призывайте бозей уряжати меж народами, народам побивати друг друга или уряжались. Нет избранных меж вами, нет доверенных, нет непогрешимых, вси равны, вам же искати, како соблюсти равенство». И еще: «Дай ближнему больш, нежели взял бы для себя, в этом честь; требуй (от него) меньш, нежели от себя, в этом совесть; от всех же не требуй ничего».

Оглянусь и увижу: се вороги округ, иже сокрушают не мечем и не десницею, — татьбою духа, сея сомнения, ослепляя вкрадчивой ложью о тщете замыслов; и вот уж пало бдение, и вот не понуждаем ся тружаться, делаем спустя рукава, вот уж предаемся лени и пианству и унижаем сами себя, отвращаясь справедливости, угодничаем, покрываем поклепами и князя, и волхва, и вирника, и падают в нерадивости и беспечии нравы, нет единенья в родех, нет и воли, — тогда приходят они, спасителями выступая из тени наших домов, и надевают нам цепи из нашего железа. Оглянусь — и увижу в разных одеждах.

Тихою сапой подкрались христы, давно зарясь на Словенскую землю; под спудом делали (свое) дело, толкая Володимира в расставленные сети, сами же развозят ныне баснование, быццам испытал Володимир разные веры и лутше не нашел²⁵⁰. Похваляются (христы): наша вера — истинная, коли выбрал ее Володимир со всею славною думой, и превозносят первостольника; умудрили и освятили бабку его, и ложь сия мерзка и нестерпима для помнящих неправедные времена Ольги и высокомерие (ее) ко словенскому обычаю. Дрожу при мысли: преставятся очевидцы, обикнет людье и станет повторяти облыжное, на то ведь и расчет.

Дознавался повсюду, был ли выбор, о каком толкуют. И не сведал (ничего); глаголют тако и сяко, а истина притемнилась. Се слова Мирослава: «Не выбирали, але приходили из других земель, дабы уловити душу Володимира, и склоняли велмож». Верю Мирославу, ибо пороки Володимира искушали многих иноземных владетелей. Не напрасно ведь (Володимир) порицался и

осуждался волхвою за богохульство и разврат; наложницам и волочайкам не знал числа и тратил (на них) больш, нежели на дружину ²⁵¹. Мирослав указывает, еже Добрын вел беседы о вере с послами от разных языков, егда греки отказали выдати Анну за Володимира ²⁵². Будто бы магомеда из Булгарей, принеся с собой богатые подарки, сказали: «Коли примете нашу веру, будем вечными союзцами, вспоможем супроть печенезей, и купцы ваши станут ходити к нам безмытно». Добрын, послушав про закон Магомеда, ответил: «Люб мне закон, але подождем, что надумает великий князь». И было лукавством, не обременял ся раздумьем Володимир; прождали булгари на Гостевом дворе целое лето. Уже христясь, смеялся (Володимир) над магомедами: «Хороша вера, и в раю обещает дев ²⁵³, далеко же ходити замаливать грехи» ²⁵⁴.

Послы от Рима убеждали: «Все древлие народы при яли наш духовный престол и благоденствуют». Сказал Добрын: «Ищите оглупити, дабы властити; весь мир вам сыть, достанет ли брюха?» Але больш других обхаживали евреи; триждь приходили в Кыев, получив дозволение, и приводили своих дщерей в наложницы; улащивали Добрына: «Пусть князь поимет нашу веру, станем жити среди вас, принесем с собою много серебра и тя ублажим лихвою. Израиль ведь единственный народ на земле, для какого спускался бог» ²⁵⁵. И сказал Добрын: «Не примем вашей веры; боюсь, станет ваш бог говорить только через вас, а нас не услышит».

Играли богоотступники то с римцами, то с магомедами, чаяли же получитьи от грек, давно замыслив сравнятся с Царь-градом; тамо искали похвалы, тамо чаяли найти паволоки и вины, и перец, и орех, и сосуды, и узорочье, и оружие, оттоле перенимали одежды и свычай; хулит ведь свое от века не знающий своего. И се аз вопрошаю: веру ли искали? не злато ли? не ублажения ли тщеславию своему? Не мудрость прельщала. Пресытились вольницею духа и холопства захотели; свободный до разнуздия уже ведь холоп, к холопом приклеилась душа его, бо не честен к слову своему; тружатись надоело ленивым, простор мысли отчаял безмысленных. Премудрость веры отчич и дедич — в выборе доброго действия, вероотступники же польстились на заповеди, обикнув считати на пальцах

и повторяти повторенное. Легко и потешно жити всхотели, не ведая: кто хочет жити легче, живет труднее. Всихотели бóльшого богатства и тем распростерли бедность; всхотели всеобщего поклонения и тем произвели недовольных ²⁵⁶.

Мудрость в слове, учат ильменьские письмены,— опошняя тень мудрости, свет, тысячекратно отраженный. Бози хранят заглавные ответы в тайне, чтобы (мы) искали. Долгая жизнь — в исканиях и переменах дерзання; а кто не ищет в дерзании, живет всего день, единой всходит солнце на небосклоне его. В человеце ведь два начала — от бозей и от злых духов, от жизни и от смерти. Одно начало зовет к добру и разуму, требуя самоотречения и непомерности силы. Второе, не требуя, усугубляет заблуждения, ненависть и вражду. Первое — труд, второе — уклонение от труда, первое — страсть, второе — уклонение от страсти. Однако же отдавший ся страстям умиротворяется, а умиротворяющий ся страстию погублен бывает; отдавший добру обретает и в нищете, отдавший злу теряет и в богатстве; душу беспорочного заполнит и миг, порочную душу не украсит и вселенная. Се Закон Неба, и трепещет (его) всякий сведущий: непомерность в желаньях разрушает: стремление к долголетию опресняет дни, бушующий Огонь любви пустошит пожаром, жажда единения с людем приводит к одиночеству, хотенье богатства и власти обращается в жестокость и преступление, обретение великой мудрости наполняет печалью и грустью о простоте; подвиг покоится на самоотреченье; почав жити, невозможно не окончить, оканчивая, невозможно не почати, а бози и духи тьмы образуют круг — одни вверху, а другие внизу.

Смущают христы приятной ложью искания сердца. Однако доколе стоит мир, не возвращался умерший, быти праха не доступно живому; и бози не сходили на землю в образе человека, чтобы судити, и не говорили с человеком на языке его, но укрепляли истинно дерзающих. Жертвы, приносимые богам,— дань веры; не они нуждаются в жертвах, но человеци; нести жерцам, яко христы попам, вращая сословие праздных лукавцев,— позорно; нет посредника между человеком и боземи, и волхв — ведущий в хоре славословия и хранитель обычая, но не избраннык Неба ²⁵⁷.

Тяжко жити — хотят отнять мою землю, порушить
обычай и мя обратити в холопа; тяжко жити — не хо-
тят зрети мя в радости, обихаживающа чадей и жито, и
скотье; тяжко, ибо праведность трудна и не сулит мзды
ни от бозей, ни от людия,— истина приоткрывает на
миг безысходность, а ложь прельщает пустой надеей,
черпает (праведник) в мýке, и безутешен; уходит, поки-
нут всеми,— кто боль оплакал невыразимую? кто сле-
зы освятил пролитые? кто отмстил за поругание прово-
звестника? Тяжко жити еще оттого, что не хотят разу-
мети мя в глаголах моих, и аз сам не разумею, понеже
много беды окрест, а силы противостати ей мало. По-
вздыхаю, и отпустит; вот и небо насмурится, да прояс-
неет, вот и бози забудут, да вспомнят. Нет только одной
радости,— радость и беда нерасторжимы, и се блажен-
ное достоинство жизни. Не искати жадно радости, не
бежати трусливо печали, хранить достоинство; не сме-
ются и не плачут леса и реки, лишь грусть полей неог-
лядна.

Вечно алчет душа живая, присуща (ей) своя нераз-
решимая тайна.

Утолити ся хочет, насытитись днями, свершить ве-
λικое даже и в малом, хочет быти уважена и Примеча-
на, яко примечают свет и тепло; пугает (ее) преходящ-
ность, и жутко исчезнути бесследно и бесславно, канути
без правды и без истины о ней, коробится и точит не-
мой кровию от унижений и горечи, от вдовости и обид,—
кто ей вспоможет? кто утешит (ее)? Но дана благодать,
глазам — небо и зеления в просторах земли, груди —
вольный подых, руцем — совершенство, чести — бес-
страшие; и еще дано памяти — заветы предков и голос
их тишины неразличимый, але различает (она) в себе,
во трепетах совести и непорушности чести.

Се аз паки наставляю ся: утешь ся, человек, здесь
скорбь, но все для утешения здесь же, серед твоих бес-
сердых палачей.

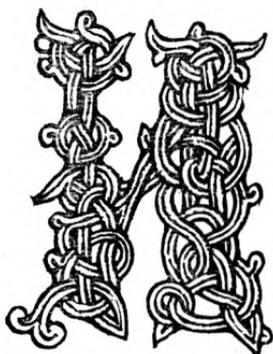
Хощу поведати, а в словах искажено; чувство шеп-
чет: нет большей отрады, нежели стремитись к ближне-
му, возлюбленному и другу, ко всякому, еже страждет
обочь, а от нас зависит допомочи. «Другому радость
отдай прежде ся; ступи навстречь и дерзющему, ибо
дерзость, тьма неведения, проходит, а боль остается», —
наставляют Веды.

Смятенная душа незряча. Безмятежная от глупости еще несчастней. Не нашелся меж бозей, не тщися найти ся меж человецей, ибо место, указанное каждому, — огонь привораживающий. Что мудрость, если не наслаждают глупости? Дни несчастного уподоблю странствиям вдали от родины; и даже вознесясь гордыней, видит (страждущий), что ниже и плоше последнего изгиба. Наблукавшись, постиг, ликование ближних — мое ликование; и род мой, и племя — в моей судьбе. Счастлив окруженный счастливыми, созерцающий скорбь не успокоит сердца.

Се явились за счастьем, ведая, идеже (оно), але уже и курган над ним, на кургане же буйныя травы.

Глава шестая ВОЙНА

наступила осень. Завечерь сядися князь Мирослав у дубе без отрока, под навесом, покрывшись овечьим тулупом, и кнемля речем дождей, мыслил о жизни, хитря вызволити ся из беды, подступившей к порогу. Единожь задремал, и приснился вещий сон: быццам возвратися (князь) после охоты со псарьми, заклавши рогатиною медведицю; медвежаток же малых порвали собаки, ибо не успели отнять. И свеживал на подворье, снял шкуру и велел дубити, а сам отправися почивати. Ночью пробудися ото сна в тревоге — и вот луна, и медвежатки скребутся под окном и плачут, яко людские сироты, зовя мати. И встал, и вышел на крыльцо Мирослав, глядь — нет никого, токмо белый свет на подворье, густ, аки снег, и привратники храпят в рогожах, побросав колотушки.

Рече заутре волхв, толкуя сон: «К худу. Спасаеть, не ведая что, и все равно не спасешь». И пришел на коне в полдень вестник от карговичей, крича в испуге: «В Гоцех и Мнулех, у креров, мор, падают мужи и жены, и слепнут; биясь о землю, захлебываются пеною; почалось с богохульства: раскопал некий смер древлий могильник и, нашед злато, разбросал прах, не укрыв». И седлал тотчас Мирослав с гридеми и владыкою Чередой. Пришел, узрели: карговичи, соседи гоцан и мнулей, обступили проклятые селища с оружием и (никого) не пропускают. Рече Мирослав: «Воистину почался мор, в наказание от Неба или от умыслья ворогов». Рече владыко Черета: «Станут креры мстити карговичам

и разбранятся, не досчитаемся в дружине сильнейших родей». И гадал по полету птиц: «Над погостьем ворон бесхвост, буслы врозь полетели к болоту. Се знак: надобь убити недужных крехов, предав Огню их домы и скотье, и всё имение, иначе перекинется мор на другие селища. Аз уряжусь со старейшиною. Не велика печаль, если избегнешь еще большей». Рече Мирослав: «Како велю убити единоплеменных?» Але не посмел противиться. И повелел владыко умертвити недужных, и содеяли сице. И явились к Мирославу в ночь скорбные духи, и жалились под окнами, вопрошая: идеже наш заступник? Понял Мирослав, еже содеял неправое, и казния велми муюкою совести.

Вскоре приключися новая беда, и опять истолковали к худу. Еще во дни спора с Ольсичем взял Мирослав в подручники Витовта, старейшину Дербичей, многочисленного рода, державшего земли от Непра до Сожа. Поставил Витовт в Рогачах крепкое остережье и почал возводить за стенами его терем о трех ярусех с резными столбеми, венчав янтарным кумиром Рода. И тружались лутшие из умельцев. И вот окончили работу. Витовта же поразил тяжкий недуг; не вставал с одрища и не мог зрети чудесного терема, на который потратил все свое состояние. И пришел к Витовту Мирослав, и велми хвалил терем; и пролил Витовт горячие слезы радости. И понесли Витовта на ложе, дабы узрел сотворенное, он же умре на пороге. Реша волхвы к Мирославу: «И ты не узришь возведенного тобою».

После того как в Турье вступил Святополк, а в Полотсь Есислав, и Мирослав, утратив лутшие земли, уподобился ореху меж зубей великана, пришла весть, что Могута сел в Колодех и в Смилене с дружиною в десять тысяч, перенял Непр и еще до солнцеворота послал вестника в Кыев со своею стрелою; и подал вестник, не поклонясь. В гневе Володимир преломил стрелу и бросил в лице вестнику, принимая вызов. Сице почалась великая брань меж правоведами и христианами, и уже не скрывали в Кыеве, собирая полки от всех подручников и союзцев.

Рече владыко Череда: «Ступай к Могуте; предрекли ему, летом возьмет Кыев и восставит обычай. Славят Могуту в Тмутаракани, надеются на нь все племены Русьской земли». Отрече Мирослав: «Никто не

ведает, како вершити долг человеку, кроме него. Еще погожу».

И вот явился верный муж из Заславья с доносом: «Князь Дрютескъ Велига в полюбех с Рогнед, черницею, съезжаются в охотничей стороже близ Бобрищ. Боясь тя, ходил Велига к Есиславу, и сговорились о скором хрищении друтичей». И дали совет Мирославу овестити о блуде Володимира; обличением сокрушишь Велигу, говорили, коли ж соединится с Есиславом и Святополком, не устоишь и все потеряешь. Отвещал Мирослав: «Негоже роняти честь ради бесчестья». И решил, видя, что нет выбора, и со всех сторон влоки рыкающие, идти на Велигу; если же выступит Есислав или Святополк, или оба вместе, то звати Могуту.

В те дни умре Бусл, посадник, достойнейший из мужей Мирослава, и погребли по древлему обычаю, дав новое имя — Умил-Тур, ибо прославился, защищая обычай. И повелел Мирослав воеводе Куфину, сыну Витовта, скликати дружину и полки от родей. И выступил, собрав до 2 тысяч воев. Была стюжа и снег; чаял Мирослав дойти без стычек до Друтеси и там внезапно сломить Велигу. Открылось, еже Велиге ведомы умыслы Мирослава; встретил исполчившимся на холмех, политых водою ради ольдения; и было у Велиги до тысячи воев. Рече Мирослав: «В надежах Велига, коли исполчился, отчего?» И донесли шедшие в дозорех: «За лесом сокрыта еще дружина. И все на конех». Подивился Мирослав, идеже взял Велига столько воев, однако не поворотил и смело ударил, говоря: «Коли уж тружаться, чтоб не зря». Огласились холмы криками, и потаял снег от крови и дыхания. И вот, егда стал одолевати Мирослав, выскочил засадный полк Велиги. И увиде Мирослав, не друтичи (это) и не варязи-наемники, и не видмины, и не угоры, но кенёды — роды от кривичей и от ятвязей, жившие по болотам в Полотьской земле. В волчьих шапках, с гиканьем понесли, пуская меткие стрелы. Заступил им дорогу Мирослав с малой дружиной и остановил; посек многих, но изнемог; оставшиеся, обойдя другой стороной, смяли менесьские полки. И вструбил Мирослав отступление, потеряв тысячу лутших воев; Велига же не преследовал.

Потерпев неудачу, послал Мирослав к Есиславу, хотя не признавал его: «Ворог, коли помогаешь супроть

мя». Отрече Есислав: «Не ворог, дал воев за мзду по обычаю. Спор с друтичами не моя забота». И было на-смешкою, але сдержался Мирослав, видя, не время бранитись с Есиславом. И узнал вскоре, чем заплатил Велига полотьскому князю: отдал Суражь и Витьсь, лучшие торги Дреговичей и богатейшие на Руси мыта,— ходили гости по Дугаве отовсюду — и с Непра, и с Воложи, и варязи, и булгари, и немцы, и сорочины; в иные леты собирали подорожье до ста гривн златом. И вступил Мирослав об утрате, паки послал к Есиславу: «Не свое дал Велига, смутьянящий подручник мой, ни Суражь, ни Витьсь не Друтичей, но Дреговичей, друтичи же брали в управу». И стал снаряжати новый поход супроть Велиги, следя происходящее и не связывая ся обещаниями: вновь отослал без ответа послов Могуты. И явился сам Могута в предпоследний день Стрибожьих Хороводей и пробыл до Сборов Зимавы, убеждая сложитись войском и ожидая послов от хорватей и от во-лыньцев. Рече Мирослав: «Помози супроть Велиги, Есислава и Святополка, вспомогу супроть Володимира». Рече Могута: «Что Велига и что Святополк? Ударим по голове, опустятся руки. Надобь поспешити в Деревляны, пока (всех) не перебили, а тамо и Киев не устоит. Коли не промешкаем, возьмем к Посевам. Не хочещи дати войско, дай коней и жита, мяса и сена, ибо негде (мне) взяти; у смерей разживляюсь последним, обрекая на нищету и погибель. Гибнущему ведь и до бозей нету заботы». Мирослав отпихнися: «Сам вскоре иду на Велигу, лето же было велми скудным». И не попрекнул Могута бранным словом, молвил: «Отец детям, похвально. Однако же как сбережешь своих, отвратившись чужих?»

Меж тем Якун, внук Хелмора, поддержан в лотвичех, корсех и жмодек, с успехом отбился от полотьского войска; отступил Славута, воевода, с великими потерями. И Святополку встала поперек горла Турьская земля: не приняли (его) виты, и деревляней не мог одолети, они же паки восстали по всей (своей) земле. Отправил Володимир часть войска в Переяславль стеречи Поле, другую в Искоростень, а с третьей, наибольшей, выступил супроть Могуты; Могута же, продвигаясь быстро, разбил киевских воевод у Колодни и Заполья; в отнятых градах восставил прежний обычай, церкви со-

жег, христов, державшихся веры, казнил лютой смертию; войско его умножилось до 15 тысяч. Повсюду встречали Могуту освободителем, и князи присягали ему, другие, сомневающиеся в его удаче, бежали в стан Володимира. Вся Русьская земля вслушивалась в ржанье коней на непрских полах, Киев трепетал, готовясь к долгой осаде; Черниги и Любеч быша в смятении. Страшился Володимир, еже подымутся Хорвате и Волынь, и Лехи изменят уряжению; и посылал к чехам богатые дары, заверяя в дружбе; взял во Влахх княжну в жены Вышеславу, старшему сыну; и штодень кланялся в Царь-град; изнемогая в смутах, греки много обещали, але присылали обилно токмо попов, иконы, сосуды, святые мощи и служебные книги. Отдавал Володимир не серебром, но с лихвою медами и мехами; греки же радовались щедрости охристованного. Несчастен приявший чужого бога; стучатся станет, не достучится, унижаться будет, желанного не получит. И давая и беря, греки вынуждали кланяться и благодарити; горчили их солодчайшие вины.

В те леты торги оскудели, ибо приопаснулись купецкие пути. Ходили ведь гости в Царь-град морем от Корсуня или повдоль Болгарей; до Корсуня добирались Непром, але от Черных камней, согнав русь, сидели уже печенези; мало было им подорожья; в гибняках стерегли еще разбойники, и трудно было уберечься. Много хаканов промышляло в Поле, порядку же не было, ссорились и бранились меж собою буйные степняки и досаждали соседям. Тиверь, влахи и болгаре, не токмо русь, терпели от них беду и неправду.

Отягчен заботами стола, не отступал Володимир погубления правой веры; окружен епископами от грек и греческими лукавыми велможами, сыновями и братьями епископов и сородичеми их, искавшими не службы, но богатства, сеял торопливо христовых змиев то в словех угасающих, то в словех горящих, ведая: не введешь в обман мудрых, и глупые не искусятся. И посадил в Вышгороде, идеже прежде содержал наложниц, ученых чернецов; и перекладали гречские книги и писания на словенскую речь, тружая ся неустанно; переписывали, столько могли, книги же развозили по епископам.

Але что малый ветр, коли близится неотвратимая буря? Проклято настоящее, и во тьме, незримо грядущее,

щее, и сердце полно ожидания; тужит человек о свете, упоая на воссияние. Готовясь к побоищу с Могутой, Володимир повсюду стелил солому. Се сговорися с Болеславом Лешским и взял зрелую дочь его в жены юному Святополку; смеялись люди, говоря: меняются оберегами, а ножи точат друг на друга. И была свадьба, и раздавали народу хлеба и рыбу, мясы и меды,— по обычаю. Але и на свадьбу легла тень бедствия Русьской земли: Болеслав пришел со всей велможной свитой, Володимир же придти не смог, ибо внезапно выступил Могута; и просил вместо ся волыньского князя. Болеслав, обидевшись, стал наускивати Святополка: «Верно молвят, не родный ты ему сын, но от Ярополка, великого князя, еже и по матери от царей». Сице восставлял сына супроть отца, и падало подлое семя в жирную землю, бысть бо Святополк подвержен коварству и гневу и не ведал благодарности.

Речет молва о Святополке немало порочного; свершил неслыханное беззаконие на свадьбе, и о том ручаются мазовецкие лехи в «Часослове Казимеша». Был у Ольсича племянник, юный и прекрасный ликом, в letech Святополка²⁵⁸; находясь постоянно при князе, ревниво исполнял его волю. На свадьбе, разгорячась от вина, похотел поцеловати лешскую княжну, дозволял ведь (то) древний словенский обычай. Але Святополк, увидев, возопил: «Се поганый язычник, вяжите его!» И повелел содрати кожу с руки, кою юноша обнял княжну. И кликнули палача, он же, пораженный, замешкался, и приступил сам Святополк, и велможи из подлых помогали ему. Рече палач: «Озабочен не княжим делом». Святополк же, взъярясь, торкнул палача ножом, лишив глаза. Смолчали гриди пред беззаконием, и Ольсич не обронил ни слова, хотя племянник его велми вопил от боли; не вынеся пытки, умре в тот же день. И погребли в домовине, по обычаю христов, и утаили правду о смерти. Рече Святополк к Ольсичу у гроба: «Испытал ты через племянника, буди при мне отныне первым мужем». И Ольсич поклонися Святополку.

Не оставь мя беспристрастие мое, ибо что скажет пристрастный, окромя бранного слова? идеже узрит истину, кроме как в почутьях боли? Переступали полки Могуты и Володимира с места на место, примериваясь притомленными кокотами, и чаял один переключо-

кати другого, а битвы не было; Володимир ожидал Добрына, кый, наняв до двух тысяч варязей, разбил заслоны мятежей у Смилени и подходил все ближе, нигде не задерживаясь. Могута метался, ища скорее пройти в Деревляны, але Володимир всякий раз заступал дороги. И вот, егда войску Добрына остался день до Любеча, Могута перешел ночью Непр, уже в полынех из-за оттепелей; Володимир, узнав, стал переходити вослед, але с неудачею, и потонуло до ста лутших мужей дружины, и было плохим знаком. Ночь напробой торопился вдогон и попал в засаду. Але и Могута не достиг Припади, ибо дружина Володимира паки успела упредить. И переметнися к Могути русьский переяславский полк; старшина его Светич уби воеводу из варязей, унизивша честь русичей. И се заменил Володимир воевод-варязей словенскими княземи и старшинами; боясь измены, слишком многих варязей поставил прежде начальцами вопреки Добрыну, и увидел опрометчивость.

И вот удалось окружити войско Могуты: позади Добрын с 6 тысячами дружины, спереди Володимир с 12 тысячами, считая ополченья, а за Володимиром Святополк с 4 тысячами, — у Припади разделился надвое: Ингвар с 2 тысячами и Ольсич с 2 тысячами. Всего собрал Киевский стол 22 тысячи, у Могуты насчитывалось 10 тысяч. Але не одно множество решает (в бранех); уповал Могута на победу, послав к деревлянem сказати: «Скоро буду у вас, ободритесь и ждите».

И были добрые, и были худые вести. Восстала Роставь, и сожгли (люди) церкву, возводимую христами, и перебили приспешников Володимира; и заперли епископа Феодора с попами в ожидании приговора владыки, епископ же бежал, сделал подкоп; потом возглашали в Кыеве, быццам свершилось чудо — рассыпались железные запоры, и сторожи заснули средь бела дня. Стремясь удержати печенезей от набега, Володимир послал хакану их богатые дары, але тем лишь раздражил его алчность; однако же (он) прогнал от себя мятежей, и ушли правовеы на Дон, а купно с ними немало русичей; нестерпимы сделались для них утеснения печенезей. В Переяславле стояло войско Володимира в 12 тысяч конных и пеших, и вот, положившись на Христа, великий князь вызвал пять тысяч к Кыеву; Могута же (об этом) не знал.

За седмицу до Пробудей ударил Могута переяславцами по дружине Добрына и будто хотел уйти за Непр, — послал уже обозы и часть конных; Добрын, стоя крепко, известил Володимира, и тот, боясь, чтобы Могута не ускользнул, в поспешенье и с великими тяжкостями перешел с дружиною Непр, а место его занял Святополк с Ольсичем, приняв под себя иные из полков Володимира. И внезапно поворотил Могута, бросив ненужные обозы, ибо кончились (у него) припасы, рассек надвое войско Святополчье и вырвался к Припади, идя борзо, так что не поспевали за ним Святополк и Ольсич.

И был Ольсич уже в тайном сговоре с Могутой, и доносил о всех замыслах Володимира; предложил: «Выдам Святополка, обещаю княжение в Турье, коли возьмешь Киев». Отрече Могута: «Не нужен Святополк; перейди с дружиной и получишь». И согласился Ольсич, и выжидал, сносясь с Могутюю, Святополка же, ненавистя своего, задерживал, како мог, а после заблуждал Володимира и Добрына.

Перешед Припадь, остановился Могута, дабы собрать отставших; и вот случай вышел ко стану Ингвар, Святополч воевода, и принял Могуту за Святополка. Могута же окружил Ингвара и посек его (воев) без милости; немногие оставшиеся в живых сдались и примкнули к мятежам. Осилвшись еще от деревлянских боярцев, подступил Могута к Киеву; Володимир же с Добрыном промышкались, ибо стало уже обильно таяти, и дороги сделались едва проходимы; але торопились, как могли. И вот два дни стоял Могута пред киевские ворота, але взяти града приступом не смог, не имея ни порок, ни стенобитей, ни осадных лестниц, ни приступных щитов. Была надежда на правоверей в Киеве, однако из-за измены не удалось им открыти ворота, и были перебиты, а головы их брошены за стену к Могуте. И подошло с восхода войско из Переяславля, а следом Володимир, Добрын и Святополк. И было у Могуты 15 тысяч воев, Володимир же собрал под Киев больш 25 тысяч. Затаила дыхание Русьская земля, и весь мир обернулся с волнением: предстояла не сеча, но состязание веры, и ждали, быццам нарощение правды.

Надеялся Могута еще на Ольсича, еже поклялся привести турские полки под деревлянские хоругви;

и сговорились, перейдет в начале битвы, по знаку Могуты, дабы вызвати смятение в войске Володимира. И грянула великая битва меж ревнителями Перуна и холопеми Христа; сколько бы ни стояла Русьская земля, память ее склонится пред богатырями сей битвы, идеже решалось совестью о правде, и Могожь увидела мужество и любовь к себе, больш какой уже нет ныне ²⁵⁹.

Умыслил Володимир обойти Могуту и прижати ко градским стенам или к Непру; Могута же в сумерках отошел от града, не дробя силы, так что христова рать из Переяславля, стоявшая по бережи, упустила его; и ударил в подбрюшье, и пока Добрын со Святополком и Ольсичем окружали войско правоверей, смешал переяславцев и без счету потопил в Непре, ибо лед был уже тонок и не выдерживал человека; однако другая часть переяславцев, отступив к городскому валу, сражалась храбро, и из Кыева приспела им свежая помощь. И вот обступили к полудню Могуту, и придвигались все ближе, отнимая простор, и позади были переяславцы и киевцы, справа Володимир, слева Добрын, а перед лицом Святополк с Ольсичем, — червонели щиты дреговичей. Исполчился Могута, нацелясь меж Добрыном и Святополком; поставил лутшие силы в левое чело и позади, ибо (своим) правым челом чаял заполучити Ольсича; и подал знак, и не ответили, и паки подал, и паки не ответил Ольсич. Рече Могута: «Не остановити уже полки Могуты, не погубив Русьской земли. Пусть умножаются вороги, лишь бы не разуверити ся в дру́зьях. Содеем посильное, дабы не пеняти судьбе».

Меж тем Ольсич, боясь прогадати, спросил Володимира: «Если прорвется Могута, кто удержит (его)? Мы смешаемся, вы же через нас не пройдете, а позади лесе». Сказал Добрын: «Трусись или плутуешь, Ольсич. Думали ведь и об этом. Могута прорвется, буди нас трижды столько, сколько есть, и тебе забота не удержати, но задержати». Володимир же, видя, решается великое, передумал, всхотев имати больш, нежели мыслил прежде: «Упустим Могуту, не станет ли он ловити (нас) через лето?»

И се остановися Святополк, и почаше отходити, а Володимир, загибая, ударил конными справа и в лоб, Добрын же придвинулся пешими полками слева. Дрогнула земля, и огласилась криком надежды и страха.

И было знамение: засветилось внезапно солнце, а доселе скрывалось. Одушевились сыны Даждь-божьи, и радость удвоила силы. Отбросил Добрына левым челом Могута, але Володимир потеснил продвижение войска, опрокинув радимичей,— тяжко было смерем противостояти окольчужным варязем, обыхшим к пахоте смерти. Крикнул Светич Могуте: «Вели переяславцам переняти варязей!» Могута же сказал: «Идеже поставлены, тамо рубитесь. Пусть твоя голова болит за себя, тогда и моей болети легче». И поспешил к радимичем, столь неистов и удачлив в сече, что смутились варязи и поворотили коней; однако отъехав, паки всхотели с разгону врубиться в остатки радимичей. Те же по знаку воеводы пырснули в опoшный миг по сторонем, и варязи, не удержавшись, прошли узкий строй радимичей и уткнулись в полки Добрына, а в спину им тотчас уперлись пиками переяславцы, лутшие конники по всей Русьской земле. Пока варязи и добрынцы, отходя с потерями, исполчились вновь, Могута поправил уже правое чело и встал впереди войска, насупроть Ольсича; тот, увидев, что войско Могуты обтрепано, а Володимир с Добрыном едва ввязались, испугался исполнити обещанное. Рече Могута к своим: «Изменив себе, насладишься ли жизнью? Ольсич, Ольсич, недоброе тя ожидает». И пророчили слова. Бились полки с ожесточением дотемна, и Смерть в ступе своей без жалости толкла воев, не отличая христа от правовера и прислужника лжи от служителя правды; кликал Могута Володимира на поединок, и не осмелился великий князь. В сумерках пробились правоверы к лесью, але оставалось (их) уже мало, почти все полегли на бранном поле, содеяв по силам и спокойно уже ожидая грядущее. Але и Володимир не мог преследовати Могуту, ибо не досчитался больше половины войска.

Ушел Могута в Деревляны и затерялся в глухони, все искали (его) воеводы Володимира; он же напал из засад, когда хотел, побивая христов неисчислимо; оседлал Непр и останавливал словенских купцов и иноземных гостей, отнимал припасы и брал заложников, ингда меняя на волхвов, и мени вершились близ Канева или в Гатье, селище у Припади, называемом ныне Свозы.

Пересилив Могуту, ликующий первостольник замы-

слил искорчевати вовсе правоверей; солодко лилось во-круг, да горьким было питие. И се державные указы Володимира, ввергшие Русьскую землю во тьму, грязь, трусость, идолопоклонство, чинопочитание и лень: о nasledовании подручных князей и боярцей; вменил держати им бранную силу по размеру отчин и приводити по первому зову; всех старейшин из христов именовал боярцами; возгласил великие виры за обиды, еже нанесут им, требуя от людья послушания пред ними яко пред своими наместниками²⁶⁰; указал нехрищенным князем и боярцем христиться в Кыеве, а кто промедлит, лишит ся имени и отчины; и еще указал Володимир, коварно причислив правоверей к разбойникам: общинем, иже отдал или отдаст на кормление подручникам, малым князем или боярцем, нести полюдье за скисные двory; аще кто из смерей уйдет из верви и не докажут, идеже обретаея ся, вервем давати и за ушедших²⁶¹. И вот постыдное и пагубное уставление от Володимира: «Порушити капища, идеже не сожжены, идеже сожжены, а беснования не убавились, сожечи курильни и банные постройки, дабы не клали в них требы». Вредоносный указ в немнозие леты изгубил словеньский обычай воскурения трав и омовения, очищающа телесно ради духовной чистоты²⁶². Печална ныне участь христов, забывших банити ся, живущих в мерзости и запустении; смрадет от них, яко от козлиц.

Але вернусь к Мирославу. Зиму напролет пыхали тревожные слухи об змеях, пожирающих небо; о Могуте одни говорили, быщам разбит и полонен, другие вестили, еже взял Кыев и воссоставляет обычай.

Не примиря ся с судьбою, готовил Мирослав новый поход, много размышляя о счастии жизни и злой доле человецей. И ходил по родем, судил и рядил, советил и просил совета; два лета кряду урожай выпадал тощ, опустело по закромам и сусекам, лишь тревога наполнила душу.

Зима случися суха и малоснежна, пахали по весне широко, попереk склонов. Гуси прилетели крепкие, и ожидалась долгая весна и прохладное лето. И задержало с посевом, и скотье выгоняли на негари и пожухлые прошлогодники. Волхвы предрекали голод, ссылаясь на приметы: у первой портомойки мостки были

мокрые, и выпали перьки из-за рядна; усатый ворон голосил на заре младенцем. И свершилось: лето не плодило ни трав, ни ягод, ни грибов; лесье погорело от ночного Перуна, а в осень дожди встали столбеми, и реки вышли из берегов. И почалось голоданье по Дреговичем и по всей Русьской земле, и в Булгарех, и в Присуроужье, и на Доне, и в Тмутаракани, поразил неурод Грецей, и Лехов, и Влахов, и Моравов, и Немцев. Пущенники вернулись к хозяевам и плачучи умоляли (забрати их) назад ради покорма, рядовичи и закупе просились в холопе за кадь овса или лукошко меду.

Быша в беспомощи и горе вси русьские земли; опустели грады и обезлюдели селища; мор стоял велик, самоядь и разбой творились повсюду, и покидали люди родные края; спасались по лесям и озерам, промышляя рыбой и зверем, але и се обилие оскудело, и поедали травы бессловесными животами. Реша волхвы: «Се наказанье за измену богам, за ложь и трусость». И стали хватати христов, идеже находили, и приносили в жертву Перуну и Влесу, сожигая малых и старых. В Менеси быша сожжено четверо христов; егда схватили в Заславье поповича, и Рогнед умоляла не губити, вступи ся за нь Мирослав, порицаая людские требы. Рече к волхвам из Ильменьского Книжия: «Втуне моления, ибо не человецей хотят бози, но душ человеческих, и не погубленных, но живых и радующихся». Люди же закричали: «Не учи, князю, не то и с тебя спросим круто». И сожгли поповича, (даже) не умертвив прежде, ибо поддались суеверию от голода и страданий. Совокупившись числом до трехсот, пошли по дворам и дворищам Менеси, проверяя, у кого что есть; и разбивали клетки старшей чади, доставая спрятанное, а кто противился, (того) убивали. Видя, сколь неистово нетерпение и отчаяние страждущих, Мирослав раздал обилие, припасенное для дружины на случай брани. И не хватило, и взроптали (люди) пуще прежнего, думая, что оставлены боземи; ведь оставленному Небом нет уже земного закона. И велел Мирослав усмиряти оружием, и убили немало, прежде нежели устрашили отчаявшихся. Казнися Мирослав злою понудою судьбы, говоря, еже погубил ся сим погублением повинных своим неповиновением.

На другое лето уродило по Словени отменно; посея-

ли много, с надеждой: и умирая от голода, хранит словень по обычаю семя для сева. Едва собрали урожай, от моря к Чудь-озеру надвинулись варяжские полчища и воевали волость Якуна, наследника Хелмора, не подвластного Есиславу; и убивали воев, ища вовсе искоренити племя; разбили дружины кривичей и летьголи, але дани не получили и Якуна не смирили. И пролилась кровь в Мерях и Муромах; их же понищили булгари, нарушив уряженье. Печенези пустошили в Полянех; когда же прогнали, ушли в Тавр и Сурожь и бесчинили тамо.

Разбранясь с Болгарями, греки подбивали Володимира выступити; и склоняли еще переяславцы. Узнав, что лишен власти и убиен брат великой княгини, Володимир собрал войско. И ходили в поход переяславские, чернижские и волыньские полки, всего больш 20 тысяч²⁶³. Володимир же оставался в Кыеве. И взяли воеводы в Болгарех много злата и серебра, и паволок, и вин, и драгоценных камней; раздавал Володимир хлеба и меды киевскому людью, чтобы славили (его) победу, але пение бражников заглушало гласы воздающих хвалу.

Добрын, а с ним иные велможи из старой знати осудили поход. Оскорбясь, что не послушал (его) Володимир, но внял советам епископов, покинул Добрын Кыев, говоря сице: «Се аз оставляю блудилище с блудодеями. Словень пограбляет словень, перейдет обретение от обоих гречину». И больш не возвращался в стольный град до смерти. Иные скажут, встречался с Володимиром на думах, але то неправда, ибо не терпели уже друг друга; Добрын изгнал из Новгорода варязей, не обновив с ними ряда, и уже не звал служить; Улаф²⁶⁴ и другие конюги поносили Добрына пред Володимиром, первостольник же, хотя и потачил варязем, не решился встревати открыто, ведая непримиримость Добрына, велми почитаема людем по Словени.

Два лета не слыхали о Могуте; гадали в Кыеве, уж не помре ли с голоду, и вот явился неждан вновь в Деревлянех, и содрогнулась земля под его силою — собрал до 15 тысяч воев, одних конных более тысячи. И рассеял воевод Святополка, пройдя без запинки чрез его волость; был слух, быццам грядет от Хорватей и Влахов, идеже скрывался; другие говорили, от Болгарей. Се

тайна неразгаданная, пытал многих (о том), але не дознался. Подходя к Киеву, разбил Могута полки Борятича, лутшего воеводы Володимира, мужа сноровиста и дерзка, но и сам изнемог в кровавой сече; едва передохнув, паки узрел пред собою великую силу: прислал Володимир Борятичу свежие полки, а всего составилось войска до 33 тысяч.

Сговорися князь Могута с печенежским князем Улою, и подступи Ула к Василеву²⁶⁵, обойдя полдневные остереги и крепости. И возмутися киевское люде беспечием Володимира, и тогда вышел встречь печенезям сам великий князь. Кто не разумен, владея силою? Кто не славен, коли в сопутье удача? Вот было у Володимира 12 тысяч войска, Ула же привел до 10 тысяч. И сразились у Волчьих Ярузей, и изменил Володимиру Ольсич, старший воевода, и побежал Володимир, уже не чая ускользнути полона; дважды убивали под ним коня, и шел пеш с немногими гридеми и отроками; послал Ольсич схватити Володимира, але по крайней случайности утерjali его следы. Явися в Киев Володимир едва не бос, в смятении и страхе пред изменою, и впервые оставался в нужде без Добрына. Однако не прошла даром прежняя наука хитреца и лукавеца, стойкого в напастях и осторожного при удачах: опомнясь, замирился Володимир с Улою, перекупив невиданными дарами. Ольсич, не полагаясь более на печенезей, повел полки к Могуте; и се заупрямились хрищенцы, боясь мести; вышел спор и несогласие, и умре Ольсич позорною смертию от руки холопа, замыслившего искати чести у Володимира. Смирились полки и вернулись с повинной. Володимир же предал холопа, губителя Ольсича, прилюдной казни, сказав: «Велика честь послужити первому князю, еще больше бесчестие изменить господину». И сложив в мешок, привязали к ногам убийцы обещанное серебро и сице бросили в Непр.

Великий — человек, иже терпит великие муки, не изменяя кличу Судьбы; остатие — чада Удачи. Изменил Судьбе Ольсич, бо зрел впереди славу, а не свершение; унизился ради славы, и был унижен смертию.

Едва умиротворились печенези, а Ольсича постигла неудача, Могута снял осаду Киева, поворотил на Борятича, разбил его полки и, не взяв никого в полон, перевез ся чрез Реку — поспешил к Ватичам, идеже волни-

лось супроть христов и Володимира. Але не нашел похвалы в ватичских велможах,— пребывали обочь событий, суетою питая свои надеи, бранитись не на живот, а на смерть остерегались; убеждал их Могута, они же искали, что легче, а не что справедливей, како вси, не заметные в мире, повторяя мудрость постороней: «Нет счастливей веребья в просе».

Много жил, много ходил и мнозим внимал,— блукают люди, вопя, еже хоцут воли,— не воли алчут, но позлащенных цепей, выгоды и успокоения. Наставляют Веды: «Нельга обрести, не отдав, а душа николи не бывает довольна. Истина в человеце, егда вокруг (него), и вокруг, егда утвердися в нем; и там, и тут купно, але не там и не тут врозь». Скорблю о терниях знания; мало исполнитись могуществом Дажь-бога и неоскудным всесилием Могожи, мало постичь Творение во всем наполнении, ибо чем больш хотения, тем меньш ведают о себе, а чем больш ведают, тем больш хотения; вот беда — означен ли предел, кроме Смерти? Одни бози создали зримое и незримое, слышимое и неслышимое, другие, подобно кругам на воде, произвели рождение, третьи — вдохнули в живые души тоску о прекрасном и жажду совершенного, четвертые — перемешали истину и ложь, говоря: конец (всякой) истины да явится ложью, предел во лжи да станет началом истины; есть еще и пятые, и десятые, побуждающие в беспределье и самообольщение, а последних нет и по имени (до сих пор) не названы.

Мудрец, посмейся над мудростию своею. Узревшему свет истины мерзко нетерпение и плач себялюбия: не одни (мы) во вселенной и, равные солнцу, не равны улите. Не торопитесь к счастью, несчастье ваше впереди. Попрекаем себя: не ведаем, куда грести, куда правити челн желаний, але ведь нету ему единого пути; и ведение то уже не есть бытие духа, але умирание его. Затвердили: наказаны, наказаны! А за что? За похоть легкого, за возалкание сладкого, за прославление блестящего, за унижение силой лутшего. Стали поклоняться одному Перуну — кто возопил о богоотступниках? Стали улащивати духов добрых и уклонялись злых, не разумея причин и сути доброго и злого,— кто оскорбился гнусностью? Стали терпеть двуязычие, кто остерег, еже погубляют правду, кто обличил двуязыкого? Пуще

же всего бысть блудение духа от бессилия и невежества, — вера в вечность праведника и спасающую десницу Неба. Але не вспомогут радивому и не воскресят умершего для неомраченного бытия — всему непреложный закон. Вот и вера в Христа, купленного у грек, — воплощение робости и лени, щадящей ся, а не истину. Тешит уши, да жжет язык. У бозей ведь свои заботы, в людские не мешаются, опричь духов, во всякий час стерегущих и искушающих, от них сердце то тверже камней, то мягче терёбицы; встают бози в помощь познавшим волю (их), а как войти в познание, — о том лишь словесы, яко горошины, круглые, куда наклонишь, туда покатятся. Единожь втолковывал о вере фрязем, и потешались: «Если бог не заступник, кто же?» И се утробное разумение; и птиця ждет своего, и червь; а человеку не совестно и не глупо ли? Даны бози всему сущему, и образ им — сущее, иного нет. Чувствующий да восчувствует чувством бозей, зрящий да узрит зеницею их, мыслящий да прилепится к течению Мысли Извечной. Смешное хотенье — низводити божеское в кокотей, несущих яйца. Несуразица и глумление! И вот еще бесстыдство — ожидание рая. Нет ни рая, ни ада, кроме жизни протекающей, нет и уставов, кроме уставленных; дума о бессмертии противна жизни. Изречено: всяк волен жити во дне бегущем, грядущем или ушедшем, волен и во всех сразу, всяк волен удлинить (свой день) или скоротити, и живет, сколь захочет, и что ему час разлуки? Отселе устав дерзающим: искати бессмертия в смертности своей, превозмогати преграды, согласуясь в Творением, еже завсёды справедливо и прекрасно. Оттого прекрасно подражание Творению. Бози вдадут и заберут назад, прекрасное же не уходит (от нас), повсюду оно, але не приметить незрячему.

Станусь собою, како сотворен, чтобы достало жизни. Не утрашусь утечением реки: дней (моих) довольно, если и завтра уже срок; живущий по заповедям не погибает от суеты, и всего у него в достатке, не просит дней лишних, а отпущенные не теряет, тружаясь, и нощию сожигает свечу размышления. И оконченное не окончено у непутя, умелец же дело завершит, и не оконченное (у него) окончено; что дом, что поле, что скотье, что слово изреченное — во всем безмерное от Творения.

Мало ведающих, много несведущих; (им) просто сложное и сложно простое. Ильменьское Кнжи́е уловляет: идет к правде и бегущий от нее, жива Истина, если и не названа; первый шаг к Истине равен последнему, понеже путь одинаково нескончаем, а заповедям нет конца, и одни противоречат в слове другим; сие что-либо зрят с разного расстояния: то великое, то малое, а какое — кто знает?

Что же остается? Жити, але ради чего? Ради славы? ради чести великие? ради богатства, власти, утех? чего ради? И вот: ради штодневной радости — творити живое из неживого, достигая совершенного. Але и это — дым от огня тающий и искры гаснущие, огонь — (само) творение, егда чаруем ся красотю сотворенного в неустанном добромыслии. Бесконечье — и миг. Чтущий словы се не разумет, разумеющему же (они) излишни.

Взболит и всплачет душа, встретив ликующего обидчика. Повещу о времёнех, прозвивших сердце, и кровь истекает, не ослабевая. Промешкали сильные, поздно спохватились, и растаяла (их) сила, и отступили, и округ восторжествовали христы.

Сами сковали цепи и сами надели их.

В лето, егда Могута ушел от Киева, не осаждая ²⁶⁶, съехали христы и осветили церкву Святой Богородицы, назвав соборной, и была о 25 верхах, по числу земель Словенской земли, але под рукою Володимира стояло (всего) 19 земель ²⁶⁷. И была церква велми роскошна, пол из гладких разноцветов, лики по стенам из смальты и злата, а на потулке краской-водяницей отображены жития святых и самого Володимира; не постыдились кривды и мерзкого тщеславия. И се Володимир, вознесен лицемерами и хитрыми пролазами десятоу доле от обилия их ²⁶⁸, а сборщиком поставил мздоимца и кознодея Анатаса, гонителя словенского духа. Сие обирали людье ради насыщения христов; представлялись же печущимися. По освящении Десятинной церкви раздавали по площадям хлебы и мясы, задобряя простодушных, але в ту ночь рокотал гневный Перун, и вспыхнула огнем церква, и едва потушили, а пристройки сгорели дотла. Рыскали мечники и сторожи по граду, аки серые vloки, искали поджигателей; и вот увидели люди в церкви Илии кумир Хорса, стоявший в ал-

таре выше Христа; и вспомнили о правде отчич и дедич и о защитниках веры, волхвах, и всплакали. И взненавидели грек и варязей, беззаботно пирующих на чужом застолье, и гридей Володимира взненавидели, бесчестников сих, отчепродавцев, долбивших лбом пред болваном осмеивающего их бога. И говорили с радостью о Могуте; и се потекли изверившиеся ко князю подобно ручьям, еже устремляются к морю; он же воротился из Ватичей, не поладив с тамошними княземи, думавшими не о Влесе и Могожи, но о пирогах с грушами, о золотой рыбице в грибах да о чужих волооких женах. Паки встал Могута по Непру, так что ни купцы, ни перекупцы, ни вестники, ни повозники полюдья не могли пройти от Новгорода или от Кыева без великой охраны. И озлясь, умыслили (христы) новую беду на правоверей и на словенские роды. Скликал Володимир подручников и указал им христити людье в родех и общинех поголовно; тех же, кто восстанет и возропщет, не желая Христа, хватати без промедления и казнити без суда. И узнялось неслыханное по Русьской земле, ибо всякий холоп искал преумножити указанное господином; вот, куда ни взглянуть, повсюду оглобли и усердные плети, и плач неповинных, и кровь честных; день ото дня множилось число господ, и каждый (из них) искал добыти себе холопей, а вольных преследовали. Завели боярцы дружины, и грабили без совести на себя и на князя, и на попа, и на великого князя, донага раздевая смерей; противящихся же постыдному, неправому и непосильному бремени бросали в узилища и убивали. И возопила благим матом Русьская земля от беззакония, вспомнили люди прежние времёны, егда не утесняли душу, лишь своя нужда велела тужатись, а не погрозы тунеядцей; и бежали в лесье или в иные земли, или, обессилев и обнищав, скитались по градем, селитись же могли только в свободах, вне стен, и бедствие сих изгоев поневоле вопияло.

Жалок удел лишившихся своих бозей, — одиноки (они). Сколько бы ни богатели, бедны, скудным думам их нет опоры, и делу не положены корени. Лишившиеся своих бозей, лишают себя и своей судьбы.

Смута, смута торжествовала по Словени. Аз есмь сын и не нахожу матери, аз есмь плуг и не нахожу поля. Все мне чужое, ибо воздвигнута ложь меж челове-

цеми, ввергнуто недоверие меж ними и розь; утесняют друг друга ради своего, и никому нет надежной доли.

Многоцветие мира — причина зрящего ока. Видят небо и белым, и синим, и красным, и черным, — какое оно? Сице блуждение Правды, знание и незнание Истины — причина разума. Какая она, Истина? Близка ли Правде моей? Видя боль людскую, паки восчувствую свою. Великий князь Володимир, отвергши труды мои, порицал: «Язычник! Ненавидишь Христа!» А возможно ли полюбити бесчестие? Скоблят ныне книжия древних подвижников, слова мудрые извратно пишут, не разумея, тщатся утаити Истину. Зачем? О ней ли судити смертным? Ведь и сами пройдут, пустомыслы, а Истина пребудет, и сияние ее не ослабнет. И что марати вздорное в угоду епископу? или князю, требующу себе мудрости, как полюдья, но лишь пьянеющу от угождения и безумеющу от славословия? Не растет и лопух, коли приставити листья дуба. Зелены ветви притворных похвал, но и они обнажаются, открывая сокрытое прежде.

Желает смерти моей лживо прославляющий мя.

Кем стал в родной земле, не ведаю ныне, бегу по отчине травленным зверем, и нет пристанища. Але не отвернусь гласа судьбы: служю боли и совести, не калачю и не мягкой постеле. Не должен никому серед должников; закуплены по последний день, не ведают радости от воли в душе; ядут и совлекаются ради яденья и совлеченья, а дни мимо в ложной торопливости и пустой суете. Идеже восчувствовать бозей, коли нету служителя им?

В лихой год хрищенья обретал ся в Кыеве стольным летописцем, обучен грамоте милостью Будислава Сиверца и нужею разума отца моего Солна, сына Домослава, неколи старейшины в Ипутех; приняти Христа от казался с негодованием; Истина ведь одна, если бы миров и было бессчетно; чюжие же бози хуже своего лешего. Болярец Ингерд, тысяцкий, купно с попами от грек наушал тогда Володимира прогнати или казнити ослушников; простое замышляли: посечи прежние опоры, а свои поставити, искоренити князей словеньских, дабы самим вокняжитись. Не вышло, цел о лысину, сломися гребень о нечесанную браду; наветы и клевета потрясли гридей, штодень вершились побойные споры и

уреканья, однако устояли. Дружины роптали: «Кому ныне князь в службах?» И людье ударило в набат, едва опрокинули кумиры на Перун-горе, и учинило неповиновение; немало пролилось крови; унесена волнами, смыты следы, але вечно преступление в душах преступников, и правда пугает их.

О мўка мук — зрети подлого раба, жгущего святыню вольного мужа! С поспешеньем татей ломали святыща, и правили во граде корсуньские лукавцы да киевские недотепы.

Много трудов, да мало плодов. Забыты быша мои старания: и бденье по остережьям, и хождения в Печенеж под стремением Ярополчим, и посольство в Булгарь; все забыли и самого недосеку-одноручца; издержался до последних меней кормилец престарелому отцю, сеestre-вдовице, хворым женам и неразумным еще чадем; два холопа были, касожин Кўча да муром Анко, отпустил на волю — нечем кормити, а продавати по честной службе — совесть; снес в торги гридиче платьє, бисер и колты от жен, и коня, и седло печенежье в серебряных бляхах, и землю продал, и дом; только и осталась клеть о едином окне, плетеный короб с книжиями да берєстами от знатных мужей; да еще меч русьский, жалован Святославом. Чего ждал в Кьеве? — соромно было нищу и бесславу ворочатись в Менесь, да и как? — меньш четверти гривны за двенадцать душ провоза не встанет, да еще брашна напасти. Сиде терпел в заботех, пренебрегаем былыми дръзиями, але не падал духом: все переменливо, не токмо удача, но и бедствие. Об лето еще так сяк: поднимусь до зари, выйду с детками чрез Полнощные ворота, выпрошу у перевозчиков долбушу, отвеем повыше по Реке и бьем рыбку острогою или выловляем удою. Заскрипят возы на ближней дороге, сме-ре на торжок повалят с луком, репой и мясами, а мы уж тут как тут — домой трусим. Коли уловно, жены рыбу запекут в дубовом листке, убрусы пониже повяжут да ко Своду пойдут, — люди в маяте суда-ряда дожидаются, того вирники привели, того мечники притащили, а другой и сам от судьи правды всхотел. Иные купят рыбу и квасу попьют с охотою, а нам пропитание. Об зиму, ведомо, потуже, — куда однорукому на охоту? — дровишек собрати, и вся забота. Жены, те напрядут и наткут, да много ли возьмешь за товар? На Менном

дворе жито уже не дают, запрещено указом. В голод и холод били челом волхвам; кормили отцы обычая, обогревали, не оставляли в отчаянии; сестру и батюшку схоронити пособили и на тризну серебра дали. Умышляли ведь христы коли не силою, то разорением и нищетою растлити и расслабити душу; ввергнути (человека) в одиночество искали, оставив глаз на глаз с бедою. Але не падали правовеы, бо поддерживали друг друга; легче легкого ведь погубити ся, коли радети (только) о себе. Мирослав, случай повстречав мя, плакал чистой слезою: до чего довели! Аз же бедствую, але в услужение не иду; обида безмерна, да и людье округ держалось стойко, не отступало бозей. И горшечники ко мне приходили, и мостари, и ковали, и швецы, и rybари, вси отверженные, и ободрялись взаимно. Подсылали доносчиков от митрополита, да убирались нечестивцы не солоно хлебавши: записная харя чумаза, да за сто поприщ блестит. И се учинили христы искушение для бедствующих; возводя в Кыеве Богородицкую церкву, позвали тружаться, кто хочет; нароком платили хлебами и мясами в изобилии. Але никто из истых правовеы не соблазнися. Возведена церква отступниками да холопеми. В Ведах же сказано: «Сотворенное холопом не утешит сердца и не простоит долго».

О мука бессильных свидетелей! Поруганы капища, кумиры посечены, кощуне святым каменем мостят плочу пред церквою; образы древяные, искусно сработанные, обобраны, сорвано (с них) злато, скovyрены жемчуги. Спасено мало; уцелелое собрал на своем подворье Михаил, митрополит, и потай пустил на изгуб. На грамоты, на жития и летописания охотились, быццам на редкого зверя; платили серебром по весу. С умысльем топтали Слово Предков, и князь Володимир, ослепнув в угождении лукавому Христу, потворил сожигателем сотворенного подвижниками на радость человецей и просветление их. Се преступление преступлений, не скасти (ему) искупляющей кары. Взращаемы в долгом прилежании, аки жито, мудрые книги пособляют крепитись в напастех судьбы. Предпочтет смерть человек одинокости своей и отчаянию, коли не услышит гласа человека, в ком признал бы единомудца во страстех и надеях. И се книги, творящие чудо вспоможения от

души к душе, знищены, и нет их отныне; осталась боль в людех, и неизживна.

И вот еще бесчестие Володимира, за него опозорен навеки. Собор возводимый не возводился: что в день построят, в ночь разрушат, и творили сами христы, дабы спихнути на волхвов, говоря: их колдовство и гадания вызывают злых духов. Схватил Володимир волхвов, а с ними владыку Провида Полянина, и задушили в узилице, еже под митрополичим теремом. В ту же ночь христы подожгли дома правоверей в Старом посаде, и сгорело до сотни, людей и того больш. Сгорел дотла и Олгов Дом, святище чудесно, единец по земле; в Доме прорицали прежде грядущее, и прореченное сбывалось; предсказали ведь и хрищение, и низложение Перуна, и отречение от бозей, але никто не принял надежаше; дальнюю беду не держат на виду, особно беспечливая словень. Заложен Дом Олгом, сыном Святославим, еще в отроческих летех, и строили десять лет поляне и деревляне, сосуды для треб, злато и самоцветы для украшения от руси и тиверей; мнозие племёны почтили Дом своими дарами, и болгаре, и моравы, и лехи. Быша воздвигнут на тёсаных столбех из черного камня; вежа с помостами и перилами, крыта медяным накатом; жертвенник белокаменный, кумиры серебряны, литы по изложницам Ступой, ильменьским волхвом, а всего сорок кумиров. Прежде чем запалити, ограбили христы святище, растащили его владение: не сыскалось на пепелище ни единого кумира. И взнялась неистовая смута по Киеву, и ходили воеводы, утишая гражданей; иных убили, иных расточили по темницам. И мя схватили, тати: пристукнул было некого богоотступеца клюкою за нечестивую речь. Скрутили вервием и бросили в яму с водою по колену. Ни пити, ни ясти, думал, отойду ужо света, але не скорбел о себе, о чадах малых мыслил и добрых моих семейницех — что с ними? Видел, и их похватали и покидали в воз волочайкины выметки; пожить, яже сыскалась в клетки, растащили; благо, что книжия и летописания, томим предчутьем, отправил прежде сородичем к брату Пересвету в Менесь. Больно, больно глаголити. Сиче судьба распорядилась: вчера был среди нарочитых мужей, и князи наперебой справлялись, здоров ли, сёння повергнут в грязь, и всеми забыт. Се имя жизни; блажен

умерший до своего позора и унижения; але не назову счастливецем миновавшего напасти: иная нищета его дней. Сидючи в яме, не взроптал на бозей: человекоми творимо доброе и злое; заступничества не просил, утешался вещими словами волхва Водимы: «Нет мира промеж боземи, пакуль нету промеж людьми, им жертвующими».

Тяжко стояти, злой дух искушает: погоди, само обойдется; а ведь не обходится николи. Уклоняющийся тягот уклоняется жизни. И что сомнение? Краса сущего — в переведанье силою; сдюжити, перестояти, одолети врага явного и тайного, превозмочи усталость и страх и добитись правого и желанного, како бы ни преобразилось, — радость земная, торжество достойного. От бозей почати и к богам придти, сохранив от человека, — искупление за мѹку дней присно и во веки, въявление Могожи и познание ее. Вразумлял ся, угасая в бессилии: что есть во днях, кроме радости? она суть и смысл всего сокровенный. Дерзати, доколе возможно, се радость, а бѹльшей нет. Радоватись, чтоб не печалити, — тут межа человекѹ. Але ведь и радость разнится в духех. Изрекаем, а к Истине ближе, когда молчим.

Засыпали мя землею и уже засыпали, однако спасся, ибо не терял терпения и дух испустити не поспешал. Донесли Володимиру о мече Святославлем, и пробудися на миг в нѹ совесть, взнегодовал на дотошных прислужедей. Вытащили мя, обмыли колодезьной водою, раны снадобьем смазали, одежду приискали, пити и ясти поднесли, собирайся, говорят, к Володимиру. Аз же прошю показати моих чад, что (с ними) сотворили? И дали коня, и поехал с провожатыми к Вышгороду. На полдороге свернули в лесѹ, за лесѹем остережьѹ — вежа за частоколом, у ворот сторѹжа верхами, и главный среди них Ферлавъ, варяжин, христинившийся триждѹ: в Царь-граде, в Корсуни и в Кыеве. Не пропустил, заспорил с провожатыми, мне же недосуг ожидати — шасть в ворота; кто знает надумье судьбы в следующее мгновенье? Что отложишь, почти николи не сбудется. Мати моя, Могожь, заступница правых, ужасное отверзлось! Дыхом не дыхнуть — полон двор и конюшня страждущих — жены, и дети, и старики. Все домочадцы не отрехшихся, схвачены в Кыеве, вторую седмицю взаперти; окромѹ репы, ничего не дают, огонь возжечи

не велят, а воды — по ковшу на брата за долгий день. Разыскал своих в околевающем сем улье, больно зрети несчастных. И вот вести: умре младшая дочь Олёня; животик распучило, ручки-ножки задубели, синюха по лицу и горлышку — и конец. Сторожи-христы свирепы, пристанешь с нужею, прибьют; погребенье воспретили, забрали Оленю в мешок да и закопали в лесье, яко падаль; человечьему телу, божьей плоти мыслящей, каково во червех изводити ся? Се поругание, забвение красоты жизни, подлость и стыденье памяти. Дам волю гневу — паду под мечеми, едва поразив одного из нечестивых; они же того ожидают; и се скрип зубонный — мое дерзанье и ясная ненависть без предела — залог моей перемоги.

Бывел отца-старца, противных и чадушек, да разве возликуешь, коли округ страдания? Детки малые бегут следом, цепляются за порты, просят хлебушка — разрыв души голос голодного.

Сице возвернулись домови; ночь — и гонец от князя с двумя плетеными ларями при свече. В одном меч мой, платье велможное, шапка, подбитая соболем, сапожи мягкие, опоясье с серебряной застежей; в другом ларе — мясы копченые да хлебы, да вины заморские, да сласти корсуньские — виноград сушеный, орехи и прочее, чему нет названия на языке моей бедности. Заглаживает князь кривду, а мне обида еще пуще; грызут чады хлебушек-то, а у мя слезят очи: во родной земле гонимы и побиваемы — за что?

Заутре ко князю; поморили на подворье, впустили в ожидание. В светлице всё чернецы, немчура смуглая. Кликнули мя в Стольную палату. Вот и писцы сидят, а пусто. Вот и окны, набраны желтым корсуньским стеклом, отворены настезь, а дышать нечем. Прежде-то княжье седалище осенял серебряный Перун, отлитый и отверстанный Ступой, — с тяжкой мыслию старец, в одной руке — пук стрел, во другой — сноп жита, живые колосы. Ныне вместо кумира распятие — жертва, измученная истязанием, холодный мертвец, исход человека в сем беззастенчивом мире. Экая нелепица посеред злата и шемаханьских коврищ, и светильников из турьих рогов, оправленных в самоцветы: вот один пронзенный искатель правды, и всякий другой примет неотвратимо подобную же казнь. Пугают Христом: се

доля праведника серед поклоняющихся словом о праведности.

И вошел великий князь, смур и сутул, движенья не властеля, но заговорщца; постаршел, посивела брада, запали очи. Рече: «Что поклон? Не все ли равно от такой чести? Друг мне — возлюбивший Христа, иной недруг». Аз не удержал гнева: «Вчера был другом кланявшийся Перуну и Влесу. Справедливо ли мордачити за верность своим богам? Или не ты учил верности? Рубишь опоры стола своего, потакая иноземцу, у него же иное на уме, и мера иная; кто больше даст, тому и служити горазд». Рече Володимир: «Остановити ли пущенную стрелу? Идеже много бозей, много голов, полагающихся первыми. Великому же царству без единой воли не быти. Явился свет, а вы всё впотьмах. Противитесь в блуждении духа. Или не отец вам любящий, или не Русьской земле слава моя и совесть?» И возразил: «Единая голова у ничтожного тела, и то оба безумны; како же приставити единому к великому телу? — не счастье нелепостей». И услыхал от великого князя: «Ежли б ни упрямство волхвы, разве затеял бы переворот? Не помнишь, как упрашивал их признати владыкою? Не токмо першим, и опошним не всхотели». Притворщик Володимир пуще скоморосей на игрищах, але на сей раз не притворил; побурел в лице, вспомнив о несговорчивости ильменьских владык; осмеяли после болгарьского похода: «Вси человецы под Небом, и князи. Владык же выбирают из познавших бозей в умении правити страсти». Урекали за блудодейство; не ведал ужо, чем смирити ся; по всем землям выискивал диковинных жеребиц.

Аз попенял Володимиру за велмож от варязей и грек, застящих правду. Отрече: «Како обойдусь без них? Свой-то лукавят: попросишь помощи, нарядят полк, а чуть споткнешься, обступят тремя. Да и то причина: словень без соперников обыкла дремати; серед себя звезд не терпит; только соперничая, явит несравненную силу; со словенью ведь проще всего бранитись миром». Чюжие, лживые слова осели на устех; сице внушают находники о своей пользе. Что волею влезет упрямецу в уши, клещами из головы не вытащишь. Не оттого ли усомнилась в себе словень, что округ стола сгрудились варязи да греци и, перемигиваясь, напере-

бой подхваляют друг друга? Сговорясь грабителями, повсюду говорят о себе: мы и умнее, и сноровистей, и честнее, и справедливей; а что часто твердится, то ведь и крепко в душу садится.

Не каюсь, еже не сдержался: с негодованием отверг служить Володимиру, склонял мя ставити остереги по Ирпеню. Сказал ему напоследок из Вед: «Создавший дом в нем чужой». И сказал Володимир с небывалой кротостию: «Все камни правящему божью волю, одинок до могилы, утешит лишь лживый».

Вспоминая горькое, уклонился повести; продолжю. Вот сходились ко князю Мирославу в Менесь обиженные, и давал иным землю, иных селил во градах и брал в дружину, и было вызовом, нетерпимым для христов. Ненавидели окаянные и строили ковы. Володимир без надобей, быццам посла, держал при Мирославе Есифа, попа из Переяславля, полянина, искушена в христовом учении, мужа неистова и льстива, в очех мысли читающа, по руцем судьбу предсказующа; был соглядатай после епископом в Смилени. И вели просторные беседы, ища поколебати один другого; люди же следили, чья правда возобладает. Рече Мирослав к Есифу: «Христы глаголют: рожден человек для страдания, отчего?» Отрече: «Сия жизнь — ступень к загробной, ся призрачна, та подлинна. Посему нет (здесь) надежды от человека, но лишь от бога; гибнет правый и виноватый, всех уложат, яко снопы, в свой час». Рече Мирослав: «Живем, егда живы, и живы, пока не истожили надежды на человека, и бози не при чем, понеже вершат законы, а не поступки. И се колодезь надежды: никто не поступит со мною, како не было еще (поступлено) с человеком прежде, путь хоженный, радость и скорбь новы для меня, не новы для бывых на земле. И коли терзаюсь, чтобы возгласити о боли, тоже ведь было; приму судьбу достойно и с твердостию, хуже (мне) не будет, чем было (другим); стану утверждати ся наперекор всему, коли считаю правым, ибо тяжелее всего уйти, унеся совесть в молчании: нет ведь суда божьего кроме людского».

Сказал Есиф: «О мудрости жизни охотно рассуждают несчастные, сытые счастьем рекут о будничном, уловляемом в очевидном. И что искати слишком большой силы, коли следом придет бессилие? Пустая ве-

ра — начало человека и пустая вера — исход его». И паки возрази Мирослав: «Не создан мир ни нашими боземи, ни вашим богом, но из бозей соткан. Коли не было (ему) почина, не будет и конца; коли не было емысла, не будет и бессмыслия, коли не было истины, не будет и лжи».

Сказал Есиф: «Ваши бози — пустые знаки, не можно их уловити в буднях. Наш же един и во всякий час сущ в трех лицах: бог-отец, бог-сын, и бог-дух». Сказал Мирослав: «Украдено суждение; указуют Веды: бози — что зришь, о чем размышляешь и закон, по какому совершается. Веды же писаны до Христа».

Сказал Есиф: «Учение Христа было и до Христа, але не открыто для людей и не познано ими. Искали наградити хлебом, потребна же была истина. Вот, заспорили неколи богач и мудрец, кто больше даст голодным. Богач возгласил: «Аз накормлю». Мудрец оспорил: «Накормишь на день или на два, аз же дам истину, еже накормит во всякий день». Ваши бози, что богач, наш Христос, что мудрец». И посмеялся Мирослав. «Сю притчу слышал от дед своих. Але есть и другая еще: «Некий князь пожелал узнати, кто в племени наибольший искусник. Созвал для суда мудрейших. И пришел человек, и высек из камня лик князя, подобный живому, и все изумились, говоря: «Искусник! Зрим одно и одно чувствуем». И пришел другой, и отлил из серебра некую вещь. Сказали: «Се ящерка». И еще сказали: «Се орел, расправивший крылы». И приговорили мудрецы: «Еще больший искусник: зрим одно, а чувствуем многое». Обиделся умелец, приходивший первым, и послал к судьям своего холопа; он же, влача горшок с горстью пыли, вопил: «Великая святыня! Великая святыня!» Сказали мудрецы: «Сей непревзойден, зрим многое, а чувствуем одно». И заключил Мирослав: «Егда чересчур внушают людям, сомневаются в правоте; со временем переубедишь и тех, кто думает инакш, але правда останется, какою была, и увидят ее вдруг среди застолья лжецов».

Сиде спорили Мирослав и Есиф, не таясь от мужей, внимавших спору. И однажды вошел к ним огнищанин и рече: «Взгляните в окно». И увидели во дворе волхва, неколи ушедша в Киев со словами: «Не стоит бранитись с сильнейшим; и слабейшего ничтожити без смыс-

да. Все свершается помимо нас, и если не защитят себя бози, что (им) наша заступа?» И вот стоит без ушей и без носа. Позвали несчастного, и вприси Мирослав: «Кто посмел надругатись над тобою, обезобразив?» Отрече: «Христы, понеже был неразумен и упорствовал. Ныне же принял Христа и отверг Могожь и Влеса, и счастлив. Христись и ты, ибо долг, тяготящий душу, обуза, и нет святого ни в нем, ни в ней». Отпустил Мирослав богоотступеца и велел уйти Есифу, невмочь уняти огорчения. Призвав владыку Череду, вприси: «Устоят ли смере, коли отрекаются волхвы?» Отрече: «Прежде всех отрекаются поучавшие, возомнив, еже постигли; але до нового страдания в судьбах. Будет новое страдание, и новый позор, и новое бесчестие поучавших и внимавших поучениям, и приидут к прежнему, ибо в конце всякого пути — начало его». Сказал Мирослав: «Народ теряет свой прок — вот горе. Будет уже новый народ и не признаёт прежнего». И утешил владыку: «Нашего ли ума забота? Народ не подсуден; сам судия, сам истец и сам ответчик. Але и он часом вершит неправду и тогда ненавидит праведников». Воскликнул Мирослав: «Кто же, кроме народа, услышит правду и сохранит истину? — нет никого!»

В то лето умре Добрын, Новгородский князь, подручник, николи не бывый подручником. И встужила велми Русьская земля, — почил муж, зревший сквозь времёны ²⁶⁹. Страшившийся одинокости, умре Добрын одиноко, в соре с Володимиром ²⁷⁰, и был слух, еже отравлен, понеже усомнися в христах; не велел уже гнати древлюю веру и не принимал епископов из Кыева, но ставил своих, требуя в Новгород митрополита. Достоверит о том Мотримон, книжник, бывый при Добрыне до опошнего часу. Разум трезвый, не застящий себе пред-рассудеми и неразумным своеволием, увиде (Добрын), сколь крови и горя приняли словеньские роды за бозей, Христос же не осчастливил, вместо радости умножились скорби, и торжествовали льстивецы и угодники, радетели напоказ, а честных мужей губили, како губят могучие древы, иже видны древосечем издали; поклоняясь Христу, боярцы поклонялись князем, а огнищане боярцем, а тиуны огнищанам, а стольники и чашники тиунам, и младший ожидал, что прикажет стар-

ший, а старший ожидал, что повелит старейший, и вси бездейничали, когда времёны требовали непромедления и действия; и негодовал Добрын, не терпевший в слугах холопей, но искавший в них ревнителей своей воли. Роптала еще душа (Добрына), встречая гнусное нетерпение человека к человеку и лютую злобу к инакомыслам; прежде ведь жили в Словени по правоверным градем и магомеды, и огневцы, и мертвоеды²⁷¹, и не замышляли одни искоренити других, како замыслили христы, разящий меч подлых заговорщцей. Осуждал Добрын десятину и наследные наделы гридем, предрекая: «Положили жизни, чтоб единити Русьскую землю, станут тащити по кускам; у мелких мужей узкое горло, да востры ради того зубья».

Воздаю памяти Добрына, доблестна мужа, норовом крута, горяча, жестока, в походах неутомима, в сечех неустрашима, вина не пиюща, подражающа (в том) великому цесарю²⁷², жен не балующа, но держаща в страхе, тружующа ся от зари до зари и всех понужающа тружаться, пуще всего (своих) чад; (при этом) глаголюща: «Рай — егда всяк в поте лица добывает себе хлебы. Не ведающий цены возвращению доброго не уразумеет цены ни человеку, ни богу; всуе взывати к совести, нету хребта в (его) понятиях; како богатые, возвышая, низвергает в нищету, сице праздность, веселя тело, оскопляет дух».

Князь Мирослав мнозие леты служил Киевскому столу обочь Добрына; егда спросил о велмсже, припомнил не сечи и не охоты, не застолья и не державные думы, но некое размовленье при осаде Корсуня. Было же, осердясь, оттаскал Добрын за браду воеводу Шихберна и повздорил за то с Володимиром; пришед в шатер к Мирославу, с горкотою рече: «Вопят о равности; плачу: не равны человецы. Равны пред боземи, але не в бозех, пред истиною, але не в истине. Судят о муже по тому, что содеял ради мзды и выгоды днесь — и свои, и чюжие, прежние плоды и будучие от возвращаемых садов не в счет». Обронил Мирослав, ища успокоити: «Лутше всех судят отец и мати». И отверг в нетерпении: «Потатчики — кому в добро, а больш — в худо. И сын, и дщерь, и жены благодарны (нам) опосля (нашей) смерти, егда уразумеют во днях жизни (то), что не уразумели в нас». Впроси Мирослав: «Како ж судити о

человеце? Идеже мера?» Отрече: «Что содеял человек из себя сам и что за то заплатил — се мера, и едина. Батюшко мя колотил и гладом морил, егда не по его воле, аз же плакал, негодуя. А мати рекла: «Все равно прав, даже неправый, ибо хочет блага твоего и верит, что простишь». Ныне понял: бысть многомудра мати моя. Отец рос сиротою, преодолел тяжкости судьбы, не сломившись, судити его нарядили от племени и не худили николи. Мне ли было порицати волненья духа? мне ли, не знающу его мѹки, не содеявшу добра и соую от его?» Се словы запали в сердце Мирославле, и облик первого велможи запечатлелся в них. Каждому немногое оставляют богатые люди, но многим достаёт сего (богатства) с лихвою.

Умре Добрын, и быццам лопнул обруч на кади,— рассыпались все надеи; гадали волхвы и реша: грядут новые беды. И в тревоге собрались отовсюду на погребение, и не было Володимира; Добрын же завещал схоронити ся по древлему обряду, без христовой колоды; и схоронили близ развалин прежнего Слав-града; кургана не сыпали,— по обычаю словени до Скуфи; тризнавали новгородцы, вси без понуды, оплакивая Добрына, и правоверы, и богоотступецы-хрищенцы. И пришел Мирослав поклонитись праху, и пришел еще некий, неузнанный муж; позволяет ведь обычай тризнавати, скрывая свое лице. И воскликнул муж сей, меча горстью землю в угасшее кострище: «Просторный храм разрушен, нет подобного!» И скóчил на коня, и открыл лице, сверкая взором, и отшатнулись люди в страхе и удивлении, ибо то был князь Могута. Озадачились сим бесчестники и долго еще гадали...

Великий дает (нам) уяснити ся; и мысль, и чувство (его) рáвно увлекают бездной; але поняти (великих) не можем: самое великое (в них) искажено нашим коротким зрением и недоступно.

Умре Добрын, и потрясла (его) смерть, взывая к правде. Возмутися роды в Росставьской земле и в Сюждаде, и в Муроме; изгоняша лихоимных князей, побивша новых боярцей, отверзоша узилица и темницы, пожгоша церкви, убиша попы, закликаша к себе волхов и восставиша старейшин, и те, усмиряя людие, послаша лутших мужей к Могуте и к болгарьскому хакачу, прося о помощи; Володимиру же сказали: «Тебя не

хотим, нерадив к племёнам, берешь непомерное полюдье, потворишь беззакониям».

Реша боярцы в Новгороде: «Не хотим и мы платити в Къев, отошдали роды и нам пеняют». Реша подобно боярцы в Смилени: «И мы не хотим».

Могута же, собра вои многы, пошел в Ватичи, к Воложе, туда ведь бежали ильменьские волхвы, спасая Веды и иные святыни.

Увиде Володимиr, все ропшут округ и недовольны. Позвал епископов, они же, проклиная мятежей и моля своего бога наказати их, сказали о Русьской земле: «Ненадежна обитель сия дея Христа. Кто сеет скупо, и пожнет скупо, а кто сеет щедро, и пожнет щедро». И вспроси Володимиr у епископов серебра на дружину, ибо издержался и не доставало. И не отказали, пролазы, сев по первых лавках в княжей гридниче, и много льстили Володимиру; и вот, лишен друзей, еще больш полюбил хвалебные глаголы, еще выше вознесся гордыней, сделавшись подозрителен к мужам, рекущих встречъ; сице не уверенный в своей правде и в своем уме, опаслив к вещающим независимо о справедливости и ненавидит прозорливых. Спросил думцев: «Како уняти чернь и смуту ее? како одолети поганных?» Сказали: «Чтобы отнять, нужда прежде дати. Укажи отменити смертную казнь для бродяжей, разбойников и уклоняющихся полюдья; мятежат гонимые отчаянием, неудержимы лишены надеи». И упразднил Володимиr смертную казнь, заменив тяжкою вирою, оставил по землям полюдье, уменьшив до виверицы от дыма²⁷³, како было прежде. И утвердил торжищные мерила, спуды и свесы, указал по торгам твердые мыта, повелев меняться безобманно²⁷⁴. И ублажив подарками иных из недовольных велмож, послал большое войско в Муром, и Сюждадь, и в Росставь, требуя повиновения и обещаю не понуждати боле к хрищенью. Ватичи, меря и мурома, поверив лживым обещаниям, рассорились с Могутою: «Не хотим тя ни князем, ни воеводою. Володимиr ищет замириться, и наша воля». И кончатно разделились волхвы; держались стойкие до той поры едино, и не стало совсем согласия; также и серед ильменьских владык; говорили одни: «Истоцилась земля от кровопролития, идеже можно словом, почто мечем?» Другие негодовали: «Пусты обещания;

пока не скинем Володимира и не прогоним грек, не восставити веры». И приключися позорная сеча меж дружиною Могуты и войском ватичей; надумали строптивцы полонити Могуту ради похвалы Володимира, и бе ранен Могута.

И се вернули воеводы Володимира князей и боярцей на прежние земли, а мятежей хватали и казнили. Искали Могуту, але (тот) ускользнул с дружиною в Кривичи. И подступил после того Володимир к Булгарии²⁷⁵, идеже сокрылись мнози мятежи, ища купити за злато дружбу хакана; не надежна такая дружба, продается купленное, не продается лишь выстраданное; и выдал хакан по сговору бегляней до двух тысяч, волхвов же более сотни. Поклялся Володимир не казнити их смертью; однако, сковав цепями, отправил с охраною на Сулу возводить остереги и сыпати валы от печенезей, и послужило к изгубленью несчастных: тяжкие заботы, глад, хвори и степняки быша им палачами.

Идя к Росстави, послал Володимир к новгородцем: «Помозите дружиной; коли не уйдем холопей, и вас сметут». И дали два полка. Володимир задержал их в Ватичех, сам же пошел с войсками в Новгород²⁷⁶; и се унял високоумье наивцев, обвинив в самоуправстве и посадив князем старшего сына Вышеслава от Оловы-варяжки, тогда как в Росстави посадил Ярослава от Рогнед, а Глеба и Бориса, от грекини Анны, в Сюждаде и Муроме, поделив землю Ватичей и Мери.

В Новгороде Володимир стоял до холодов, ибо роптали новгородцы, не желая Вышеслава; стращал одних, одаривал других и примучивал третьих — сиче угомонил; сбирался уже в Полотсь и в Смилень ради хрищения, егда напали печенези; и не удержали (их) воеводы на Медведице, сиречь Русь-реке, ибо посели по ней запорожи. Печенези, разбив союзцев торков, разграбили и сожгли Уветич и подступили к Белгороду. Затворились белгороди, прося помощи от Киева и Переяславля, они же не присылали, не имея свободного войска. И не перестояли бы осажденные, не подсоби князь Могута. Продвигаясь к Киеву от Здвижена, столкнися Могута с печенежей ратью, але не уклонися сечи, ибо внушали христы по Русьской земле: «Могута заодин с печенежами, лютыми ворогами». И было у Могуты до 8 тысяч, у печенезей больш 12 тысяч, и разбил пече-

незей (Могута), прогнав в Поле²⁷⁷. Понесла весть о славной победе сама земля, и вскоре достигла (весть) Володимира, але не сыскалось радости в его сердце.

На дворе долгий ветер — зима будет снежная, долгая будет. Знаю: великий труд просит ежедневной лепты, и тяжко в недугех понуждати ся тружаться; вчера глядел в оконце — одевалось в зелень, ныне стюжа стеклянит белые лужи, и сил зимовати в заботех уже совсем мало. «Дни жизни тесны, — глаголааше волхв Яромил, — и человек — пружина в замке, согбен и натужен; ждет распрямитись и новой доли ждет, но не будет. Назначение открывать и закрывать — не ему входить в дверь, не ему любоваться убранством светлицы. Свершается жизнь сёння, яко вчера и позавчера, и леты назад; недостает ступеней к мечте, ибо там, идеже ищем, нету истины; но и подле не сыскати». Грустно, звучит вихрь над ветхою кровлей. В пустех надеюсь; дни бегущи и есть мои дни, а другие не принадлежат и новых не будет. От цепей тяжко, и вопим, корчась, але ведь без цепей еще тяжелее, и нет ничего. Добровольные возлюбили, понудные ненавидим; понуда — от слабости и бесчестия, а добрая воля — от совести и долга. Исполнити долг — се честь, но и тут причитаем о тяготах; отступая долга, попусту тратим дни; быша мнози услады, идеже ныне? Пред лицом смерти не вспомянем об отлетевших радостех, — о долге станем скорбети и исказимся небывалою еще муккой; возможно избежати правды о мире, але о себе николи.

Иной скажет: вот честный, исполняющий заповеди, украшающий род свой, вот и бесчестный, ублюдок, позорящий имя отец своих; и первый бывает унижен и несчастлив, второй часто живет дольше и сытнее и ездит на богатом коне. Се правда; повторял и повторяю: разумно. Если бы непременно воздавала судьба за честь, всяк потянулся бы за наградой; честь же и совесть сама себе награда, и выше нет; какую б ни была судьба, честный и совестливый служат примером, дышут втрое шире, и время (их) течет медленнее, радости глубже, нужда в них для рода непреходяща и велика, хотя бы нечестивый был князем, а муж долга чистил его конюшни. Смеются над совестливыми, но се торжество глупых; истязают их, но се преобладание

осознавших свое ничтожие; завистливы к ним узкие душою и мерзкие помыслами; по зависти отличишь тех и других.

Видя свершающееся, вспоминаю притчу, слышанную от переяславской руси. Поспорили злые и добрые духи. Злые сказали: «Человец плох, обуян гордыней, берется за непосильное, и потому вечны его блуждания». Добрые сказали: «Человец хорош. Творит же по силам, ежели берется за непосильное». И позвали двух князей в сокровищницу, искушая: «Тут мешки, есть волшебные, уемные, в них спрячешь и гору, есть и другие, простые, однако беда — те и другие дырявы, а залатати нечем». И взял первый князь волшебный мешок: «Накормлю народ, и еще останется, и прославят мя». Второй поднял простой мешок: «Мне много не унести, накормлю тех из народа, еже тружаются без удачи; успокою (тем) совесть». И набрали злата, сколько хотели, и понесли, и видят: не выдержали мешки, сыпется злато сквозь прорехи. Сказал несший в волшебном мешке: «Что останется, оделю нищих». Другой, сложив мешок вдвое, взял втрое меньш, говоря: «Теперь вполне посильно время. Накормлю тех, кто кормит своею мудростью». И не донесли ни первый, ни второй, оба пришли с пустыми мешками. Вопросает повестящий внемлющего: отчего напрасны труды обоих?

Иные, не уразумев смысла притчи, говорят: нет в ней простора сомнению. Аз же зрю серед велмож русских несущих и непосильное, и всеу желанное, и себялюбивое, предвосхищая конец их. Известно ведь, глупые признают мудрость, покуда не обличает глупости; непонятное же глупо и для мудрецов.

Бози не спорят супротив ся. Уставленное свершается; чему быти, будет, чему не бывати, не случится. Слышал проповедников, сулящих златые яблоки на ракитах, и удивлялся, еже внемлют речем их с охотою. Слышал и споры: что лутше у яблони: побег юный? цвет весенний? плод сладкий? ствол усохший, пригодный на клюку старцу? И видел: не шутя затеяли споры, горят огнем глаза спорящих. Коли бози во всем, можно ли безо лжи указать: вот лутшее, вот важнейше? Всё — само по себе, и хотя одно желанно более, чем другое, возьми, и прояснеет: от заблуждения. Ма-

ющее надеждой не лутше того, что изводит скукою; чего хочу, не лутше того, что имею; але не во внешнем, во внутреннем. Куда ни взгляну, все одинако хорошо; сегодня обойдусь без сего, а завтра не смогу. Не прибавляти,— убавим, не убавляти,— прибавим без надоби. Но где же дерзость к переменам? В событиях время, а в созерцании — мгновенная вечность. Каков ни есть час судьбы, равно прекрасен; и в слезех не боюсь повторити; се воспринял мѹку и восстал супроть утеснителя, и победил в потерях судьбы, але не проклял и часа страдания, понеже помог избавити мя. Владыко Мифей учил: «Лечи здорового, толкуй мудрому. Всякий день чудесен, и чудесней не жди; у всякого своя забота и своя правда, но равно неповторимы в чудесах». Постигнув словы, не отринешь суеты и не погрязнешь в ней; себя же не пощадишь.

Горечью наполнилось сердце, кровию сочится память, вжимаает в земь обида, людье округ не замечает мя, и слабость шепчет унижению моему, аз же глаголю: прекрасен день мой! И вчерашний лутше не был, и завтрашний хуже не станет; аз же содею ся лутше наперекор всему, увижу дальше и больше, восчувствую вдохновенней и повторю необъятное: прекрасен день мой! Трудился бчелою, летел облацем, падал дождем и лежал туманом. И что горести, разве не от жизни? Кто за меня преодолет? — у других свои.

Во дни надежды неомраченной, егда увязло войско Володимира в Булгари, кликнул Мирослав дружину; и гадал о походе; и выпало: «Что выиграешь, давно выиграно, что проиграешь, давно проиграно». Не смутися однако прорицанием и выступил в поход на Велигу, Дрютьского князя. Велига же, давно ожидая расплаты, держал наготове дружину и сторобѹжей по границе; едва Мирослав достиг Берѹсны, вышел навстречь, послав за подмогою к Есиславу. Есислав же не пожелал ввязатися в спор, ненавидя Велигу за полюбы с Рогнед, вершившиеся бессоромно, в очех людья; але не терпел по узкодушию и Володимира, отца, попрекая заглазно буйствами и расточительством. И послал Мирослав к Славуте, воеводе Есиславля, говоря: «Употреби ся, сыне, дабы не встрял Есислав». Рогнед же, сведав (о том) от осведомителей, послала к Славуте берѹсту с коварными словами: «Пора те в князи вместо

отца, нет (от него) покоя соседям, и нелюбим Кыевом. Аще пошлет Есислав войско и скажет «ступай, але не ввязывайся», ты, напротив, смело вступай в битву; коли одолеешь Мирослава, клянусь Христом, сядешь в Менеси вместо отца, его же час пробил».

И вот Есислав известил Мирослава, еже не хочет браниться и пошлет войско для отвода глаз, уступая доукам от Рогнед. И поверил Мирослав. Вскоре после того сошлись дружины Мирослава и Велиги; крепко стояли друтичи, однако одолел Мирослав, и бежал Велига; войдя в Друтеть, Мирослав сжег церкву и прогнал попов, и людье приветило его освободителем и законным князем. Схватил Мирослав всех из рода Велиги, и малых и старых, и объявил заложниками. Дошел до Витьси, и легко взял Витьсь, и занял Усвяты. И передал Есиславу: «Вернул свое; хочещи владети моим, проси, и урядимся». И повернул с дружиною в Менесь, але внезапно заступил дорогу Славута, исполнив свое войско для сечи. И пошли дреговичи в обход, смеясь шутке Славуты, полотьцы же встретили стрелами; и вот пали мнози мужи, обливаясь кровию; и умирали в стогнах: «От обмана погибель. Отмсти, князю!» Видя то, Мирослав оставил коня, снял шелом, бросил меч и пошел встречь полотьцам: «Лутше помрети, нежели терпети позор; час гибели моей наступил; что тебе, Русьская земля, если сын уже мечет стрелы в отца?» Закричал Куфин, воевода: «Вяжите князя, не ведает, еже творит от горя!» И бросился к Мирославу, заслоняя от ворогов, и тут же пал наземь, пронзен стрелами. Ударили дреговичи, не смутясь потереею, и смяли в ярости полотьцев, рубя топорами и коля сулицами, и бежала, оробев, дружина Есиславля; Славуту полонили и нашли при нем бересту от Рогнед.

И се выдал Мирослав Славуту волхвам, и выпало судити владыке Черееде; рече: «Достоин смерти Славута, але ведь опошний из сыновей Мирослава, нет больше наследника его роду. Возвернется в прежнюю веру, помилуем, а тамо, может, смягчится и Мирослав: прощают отцы детям чаще, чем дети отцам, ибо отягчены не одной, но многими обидами». И согласились волхвы, и известили о том Славуту. Рече Славута: «Снимите цепи, совестью моей одеты уже навечно».

И сняли; поклонившись волхвам, он сказал: «Смею ли вернуться к родным бозем, если отверг отца?» И выхватив меч у стража, ударил себя в грудь и испустил дух; никто не успел помешати. Узнав о смерти сына, Мирослав занедужил от горя, але не осудил самогубца. Погребли Славуту по словеньскому обычаю близ Менеси на берегу Птичи и насыпали великую могилу; тризновали же скупю.

Постучит беда в окно, отчиняй двери. Забыли о Велиге, запамятовали, волнуясь другими волнениями, але побитая змея жалит наверняка; обьявился Велига в Радимичех; получив от Рогнед довольно серебра, нанял дружину из радимичей и присовокупил еще пятьсот новгородцев, пообещав Новгороду Усвяты. И пришел (Велига) в Друтсь, перебил людей Мирослава, освободил заложников, вернул попов из изгнания и заложил новую церкву Богородицы²⁷⁸. Есислав же вновь занял Витьсь; найдя однако в Усвятех послов от новгородской думы, поссорился с Велигою, пеняя ему за обман; Велига, в свой черед, упрекал Есислава за неблюдение ряда. И вот Велига восставил прежнее владение, а войско Мирославле, посланное в Друтсь, потерпело поражение.

У (всякой) беды длинное начало. Было еще вот что: жила в Полотси жена Славуты с дочерью Оляной, любимицей Мирослава; и позвал к себе их Мирослав по смерти сына, они же отказались, прокляв его за погибель отца и мужа. И взял Брячислав, сын Есислава, Оляну в жены; Мирослава даже не позвали на свадебный пир и подарки его вернули, не распечатав. В первых гостех пировали на свадьбе Рогнед и Велига и пророчили Брячиславу княжение в Менеси. Ослепясь ненавистью к Велиге, подметнул Есислав к Володимиру безымянную берёсту, обличив заговор и плутни Рогнед; не утаил, еже передарила Велиге серебро от Володимира, и кубки, и сосуды, называя новых володетелей из радимичей; и о том не утаил, еже родила (Рогнед) от Велиги и умертвила младенца, боясь позора.

Володимир же, вернувшись из Новгорода, возносил в моленях с епископами хвалу Христу за избавленья Кыева, убеждая киевцев, еже господь навел на поганных ослепление, оттого перебили друг друга; кто же, возмутясь ложью, называл избавителем Могуту, того

пытали страшными пытками. И носили по улицам цареградские мощи, и Володимир раздавал гражданам мясы, хлебы и вины.

Получив подметную грамоту с обличениями Рогнед, Володимир посчитал, еже от Мирослава. Ненавистен человеку раскрывший позор его; сице Володимир: замыслил лишь недоброе на дреговичского князя. Распалась однако ревностью и обидой, велел некому церковному велможе ехати в монастырь и сведати (обо всем), дабы уличити Рогнед. Явися посланник в Заславье, и расспрашивал у черниц и привратников о Рогнед, она же истолковала се кознями Мирослава и мстила наговорами.

Застят взор слезы, омрачают ум терзания души, како пересилити ся, како узрети правду и сказати о ней? — выше нас; добра ли, зла ли, выше, а сказати — перший долг (человека), ведь и совесть (всего лишь) — жажда правды. Безутешен, сыщу и утешение: любовь мешает узрети правду, але ведь она же и помогает. Богам люди что рыбы и травы, хоцут сохранить тех и других, але невмочь: твари, обретшие волю для творения, замыслили соперничанье и уже не повинуются. Скорбное безумье окончится самоизгубленьем, едина правда, никому не уклонитись. Ненавижду Володимира, но и сникаю пред ним с восторгом. Изречено: самый справедливый несправедлив и справедлив самый несправедливый; аз же, убогий, зрю прежде снопы на поле, а не зернье в колосех. Свидетельствуют, еже Володимир возвратися из Новгорода с иным сердцем; приумножило правды, вкусив от горечи ее; преждь был опекаем Добрыном; оставшись один и трудно нащупывая дорогу, ужаснулся бремени самодержца и покинутости средь сонмища кланяющихся; полно округ прислуживающих, да мало служащих, довольно советующих, да мало правящих волю; много порицающих мзду, да вси мздоимцы. На могиле Добрына почуял внезап границу жизни, яко дыхание в лице; становятся (сами) собою люди, все свершившие и от людей в свершениях более уж не зависящие. Таким стал Володимир; уразумел, еже свершил возможное свершители, а невозможное не свершит; уехал удачлив, вернулся мудр, уехал молод, вернулся стар, дней же пробежало совсем немного. Быццам отверзлись очи: оувиде алчность и

ненасытность ближних — протянули руки и к богу, и в нем зрят должника своего, дойную корову, нечесанную овцу. Жалися Володарю, первому воеводе: «Паки глаголют слуги христовы: мало даров и приношений, хотят еще больш; торопят умножити стадо, ради чего? Богу-то дороже заблудшие, не грех ли творити насилие, поспешая излишне? Епископам что? — держат ответ пред богом, а мне еще и пред людием держати, — легко ли (жити) нелюбиму с любящим сердцем? Неволья острит обиду». Однако же не прозрел судити о боге по жерцам и уступил еще немало в то лето, прибавив к церковным судам²⁷⁹.

Человец, что кадь: аще вычерпает из себя, растрескается. Сице Володимир: свершив многое, предал ся сомнению. Не любили его люди и выказывали явно. Придя в Будути, идеже бысть рожден матерью, оувиде Володимир: сидят старцы под дубом и ведут беседу, а его, приметив, не примечают. Подъехал на коне, рече к ним: «Чему не встанете и не поклонитесь? аз есмь князь ваш». Старцы же не встали и не поклонились, а некий (из них) отрече: «Преждь князи не молвили ни к сельчанем, ни ко гражанем, сидючи в седле, людье же поклонялось токмо бозем». И было то больно Володимиру, понеже считал ся достойным благодарности и любви.

В тоске души искал Володимир уловляти сердца человецей; завел частые застолья и звал на пиры, кроме гридей и попов, простолюдье — смерей и ремеслей, ниже купцов и христов-скоморосей²⁸⁰; скомороси плясали и пели, играли на гудцах и забавляли учеными медведями и собаками, показывали чуды и дивы, сказывали былины о предках, поминая Перуна и Влеса, и Володимир не осекал, епископы же называли былины богомерзкими и затыкали уши. И внимал Володимир о делах Русьской земли всем, приходившим на застолье, однако редко следовал советам. Сведущие приводят его словы: «Уйдут от мя силы, коли уйдут люди. Друзей обманешь, жен обманешь, народ не обманешь. Сколь ни стращай плетью, не станет слушати, сколь ни раздавай пирогов, благодарити не будет, коли не узрит в князе заступника правды и не почует в делах его доблесть и мудрость». Раздавая подарки и брашно, оделяя же больш всего нищих и калек, чаял Володимир

еще спасти душу, отягченную неблагоприятными поступками.

Однажды зимою привели к Володимиру почти нагих правозерей, старца с сыном, иже не бунтовали супротив Христа, но, ходя по погостам, учили народ безмыслию и покорности судьбе. Реша придворцы к Володимиру: «Словень уже повинуется, нет в ней больше силы поклоняться болванам». Впроси Володимир приведенных: «Что несете?» Рече старец: «Покорность судьбе». Рече младый: «Терпение»; и взяв из жаровни горящий уголь, держал в ладони, доколе не запахло паленым. И дал им Володимир серебра и одежду, и отпустил, оставшись в тяжелой задумчивости. Спросили придворцы: «Почто хмур?» Отрече: «Не заблуждайте, народ от мя отшатнулся. Да и другой уже: не токмо терпит, но ищет смысл и радость в терпении. Если неправда остается, а они учат «молчи», нет уже (никому) надежды». И озлясь, повелел вернути во дворец старца с сыном; и пытали странников, и забили до смерти.

Страшна безответная любовь, дика и ревнива, сродни ненависти. Похвалялись епископы чюдёсами, исцеляя немощных, и се пришел к Володимиру Повизд Овручанин, и рече: «Аз силою Могожи и Влеса, исхитряющего мудрости, содею чудеса, еже не содеют христы». Рече Володимир к епископам: «Дайте кого-либо, кто мог бы прилюдно потягаться с волхвом». И дали мужа из грек. И привели двух хворых людиней; гречин исцели одного словом, волхв же исцели другого взглядом. Рече гречин: «Аз расчислил беги небесные и увидел: быти завтра затмению солнца». Отрече волхв: «Аз глянул в небесное книжие и вижду: не будет затмения, но лишь подтечет в полдень солнце, а в ночь падут на землю звезды». И случися по волхву. Узре Володимир, еже волхв наделен большею чудотворною силой, и впроси: «В чем твоя сила?» Отвещал: «В рuceх». И схватили волхва, и связали ему руки; приторочили к дикому коню и пустили коня в степ, и волочил волхва за собою, доколе не умре несчастный в мучениях.

Жестокость возбуждаема страхом. Како уняти страх, коли совесть неспокойна? Неспкойна же, покинув обитель обычая. В старину рекли: «Два дни (ос-

талось) до смерти — день (проведу) на пашне, любуясь посевом; день до смерти — полдня (проведу) серед леса и поля, любуясь красотой». Ныне нет уже спокойствия души, события непонятны, труд наслаждает мало, а красота бередит зависть. Увы потерявшему опоры духа, и ходит, а погребен, и суц, а бесплотен.

Случися в Турьской земле великое зло. У болярца Святополча именем Улис, христа из свеев, безумца суца, не было детей; которую жеу ни возьмет, всяка неплодна. Наконец, уродися сын, але пожив с месяц, помре. И повеле Улис собрати детей со своей волости, иже родися в то же лето, еже почивший сын, говоря, зовет тризновати; детей убил и закопал еместе со своим младенцем. И восстало людье; Улис же послал мужей с оружием, и перебили восставших. Однако сведав о причине возмущения (людей), взнегодовали сами ратные мужи; Улис бежал в Случье, идеже был схвачен и казнен по воле Мирослава. Ища ссоры, говорил повсюду Володимир: казнил Мирослав болярца, дабы толкнути людье супроть Святополка. И леденели все больш словы Володимира; чуял Мирослав, хочет сгубити (его) великий князь, како сгубил уже многих из старой знати. И се встребовал Володимир полудья от Дреговичей, быццам на войско супроть печенезей, сам же желая брани. И растопав гордость, понеже не имел силы протгивитись, стал давати Мирослав от своей волости, а Святополк давал от своей. Когда же Володимир позвал в Киев, (Мирослав) ехати отказался, сославшись на недуги; пребывал в тревоге и томлении души, видя с грустию таянье дней своих под солнцем чужой удачи. Самые сильные люди, уставая, тоскуют порой о смерти; безмерны быша их силы, еще безмерней явилась усталость. Ища забыти позор и горе, превозмогал ся Мирослав; тружался без покоя и послабления. «День труда и есть день праведной жизни,— повторял.— Добыт хлеб в поте лица и съеден благодарно,— тело жизни, а думы и мечтания — одежды ее; богаты и бедны бывают, но сохраняют тепло. Отрекаемся желаний, видя недоступность (их), и се измена богам, посеявшим желания ради дерзания истины». Старейшин и чадь без надоби не звал, просьбами не докучал, советы всеу не расточал, сам же по обычаю разумел всякое дело: бобра ловити, оленя травити,

пушного тура гоняти, влока стреляти; рыбу неводом поднимал и острогой бил, с бортниками мед выбирал, с огородниками лук и репу сеял, со смереми подсеку вел, на соху сошники ставил, жито косил, снопы вязал и в бабки складал, в овине сушил, цепом молотил, зернье веял да по корзинам сыпал. И бабьей работы не чурался, але уже со служкой: сыту сварит, малину и чернику сберет и посушит, бруснику намочит, гриб засолит и завялит, крыжовник в меду настоит, зерно истолчет да и хлебы испечет. За плотничье дело возьметса, на обе руки ловок, на оба глаза востер; ведает, когда какое древо валити и сколько держати; станет избу рубити, бревна отешет, венцы заправит, выпускн разузорит; ни пилы, ни гвоздей (ему) не надо, на тыбли поставит, швы мхом заложит, шатровую маковку на тереме еловым венцом покроет. Любил глядети на плотничью толоку, пуще же, коли с пением. Плотники ведь лутшие певцы по Словени, идеже еще услышишь складное многоголосье? разве что у исконной руси? В песнях приобщение к миру, и всякое дело спорится у поющего.

Вот наша работа, полюбуйтесь!
Вот наша работа, полюбуйтесь!
Старшой увидит, похвалит,
князь посмотрит, заплатит,
девица вздохнет и улыбнется,
баба на сносях вздрогнет,
молодец затылок почешет,
а старый плюнет и скажет,
посохом стукнет и скажет:
«А прежде-то работали лутше».

Любо душе пение, когда ведет голос тонкий да затопыристый, а хором припевают, и всякий раз по своему.

Судил Мирослав редко, но строго, пытливо и скоро. Другие князи брались больше за пересуды, к Мирославу шли с (любым) рассудом, и николи не прогонял: ни смера, плачуца о потраве жита, ни рядовича в жалех на хозяина, ни мечника, обличающа повалившего древо с гнездом аиста, ни падчерицу с выбитым от мачехи оком, — кому кудель прядут, кому вретенищем в зеницу суют. Каленым железом пытал, починая с обидчика, с молодейшего или с того, кто богаче; карал смертию злоумышщев-убийц и поджигателей, прочих, еже

раскаялись, изгонял из племени. В трудных делах к колдовству не прибегал, преступника по крику птиц или теням на лице не искал, но коли подозревал кого, держал в заточении. В спорах о наделах был велми осторожен, дознавался о подробностях, семейные наделы делити не позволял, како пошло при христах в Кыеве и Чернигах. Сказают, рече однажды (Мирослав) к жадному купцу, притащившу на суд переброжего ярыжку: «Украл у тя хлеб? Отдай несчастному еще столько же по добру. Пусть поверит в человека. И не ему дашь,— себе».

Невзгоды жизни пускают корени в душу, и человек бежит в дело и в думу для отвлечения; чем строже (их) власть, тем сильнее страх и чувство: зияет округ пустота; небо сокрыло от взора бездну пространства, суета, являя никчемность дней, сокрыла от мысли прах и безвременье; по краю предчувствия ступает (человек) и не сознается (себе). Сице вижю ся, если и лгу себе. Не оттого ли волнует отрочество? Не оттого ли манят прежние леты? Вот, любил Мирослав старинные вещи; гордился дулебскими светцами из меди, скуфьским походным котлом, русьским мечем, сарматскою тулою с серебряными накладками и дреговичскими тавлеями из оленьего рога. Хвалил, говоря: «Жизнь остановленная струит. Несуетность и красота присущи бесхитростным вещам древлих; быша вещи вершением их судьбы». И разве не прав? Ныне вещью украшают скорый день, холопеми творимы они; прежде подолгу не менялись, запечатлевая времёны и отмечая судьбы; люди жили просто, даря ся друг другу, дана была беспредельность тоске, оттого и радость бывала беспредельной; скупы бысть имение их и больш имети не жаждали. Тяжко было жити, але объяснения себе не требовали: дождеми падали и ручьями утекали. Довольствовались охотой и пиром, и мудрой беседой, и лаской жены, и не было мало, хотя неизмерим человек.

Мирослав ведал обычаи и обряды, жалея, еже иные забываются в превратностях жизни племён и родов. Се истинно: ныне редко скажут с толком, идеже должно поставити в доме топор или копьё или повесити тулу со стрелами, какие слова молвити, прежде нежели разложить огонь в очаге, како умилоствити до-

мового и прогнати злого духа или непотребное наявье. Впрямь забыто, запамятовано уже многое, и многого жаль. Теперь, когда повсюду (завелись) тати, распрягают на подворье, коли пусты сани, прежде распрятали у ворот, и коня вводили под уздцы, а притвор в воротах не делали, ибо недостойно. В драных лудах старики не ходили, развалин люди не касались и могил не разрывали; не боятся ныне ни гнева бозей, ни закона, ни самой смерти, подкапывают, а чтоб не изобличить ся, сбывают украденное перекупем и иноземным гостем, часто за безделицу и бесценюк. Смутны времена наши и проклинаемы со всех сторон. Спросишь смера, и не скажет, какому богу како жрети, како баню топяти, како сватов посылати, како умершего обряжати; нередко увидишь: соседа встречают за порогом, нахмеленные выбегают из избы по воду, у жены перси нази, у мужа сором не покрыт,— прежде невиданное позорище. На все ведь быша приметы: дубок на дороге поднялся — свой сказ о судьбе, сорока трещит справа или слева — свой сказ, овца шерсть опалила — свой, младенец заголосил, испугавшись,— свой; ныне живут тоскливо, не разумея бозей и духов и знаков их. Жизнь исполнена смысла, коли блюдутся обычаи рода, а честь человеку дороже всякой прибыли; безродному и бесчестному что за сладость на земле?

Похвалял Мирослав древлий, але давно оставленный обычай ратичей: на склоне лет, свершив подвиги, иже выпали от судьбы, и взрастив сыновей, с благословленья волхвов уходил ратич в лесье, идеже скитался от весны до осени без пристанища, не заботясь ни о чем, не запасая пищи впрок и не размышляя о том, чего нет пред взором; скитальцы не дневали вместе и не ночлежили, а при встречах обыкновенно молчали. Пред скитанием ратич платил долги, приносил последнюю жертву богам, отдавал распоряжения и ложился у порога, быццам умерший; его оплакивали близкие и на плечех относили до опушки, оставляя в скороне хлеб и воду; скитальцу сыпали могилу, аки пропавшему или убиенному на чужбине; и покладали в нее для привлечения духов (какую-либо) вещь, принадлежущую скитальцу, но не оружие и не одежду. Про скитальцев молва, еже понимали язык птиц, зверей и трав и слышали шелест корней от подземного

ветра. Аз много пытал сведущих об обычае и слышал в ответ разные слова; одни рекут, избранные из ратичей приносили ся в жертву богам, другие утверждают, еже мудрейшие постигали в скитании неизреченную истину; она же выше и полнее изреченной; и если люди передают друг другу изреченную, сообщаясь в ней, неизреченной николи не обменяются, и нет понимания о ней даже среди друзей; владеют неизреченной истиной звери и травы, — не просто восчувствовать ее человеку. Изреченная истина зовет к риску, велит делати или не делати, неизреченная взыскует примиритись с судьбою накануне исхода в вечность.

Видя метания Мирослава и блуждения (его) духа и боясь, что переломится к радости ворогов, пришел в Менесь владыко Черета; долго был в отлучье, — сбирал по Русьской земле приверженцев да сторонников Могуты. Рече к Мирославу: «Смеешь ли желати сверх того, что желали предки? И разве житие может дати что-либо сверх того, что давала?» Отвещал: «Кровию точит память, лишила мя радости и смеха». Рече Черета: «В ком не осталось слез, не осталось и любви, в ком не осталось смеха, и праведного гнева не сыщешь. Если содеял доброе, но огорчился, не найдя благодарного, не добро деял, но корысти искал». Рече Мирослав: «Ради чего творим доброе? Ради спокойствия — тоже корысть. Нету добра вне корысти, и самое великое добро сопряжено с самой великой корыстью; ищу уже чести в корысти, але и там не нахожу. Наибольшие беды причинил себе, егда уклонялся себя. Не стремлюсь ныне к лутшему в обход, але все равно нет проку. Идя от себя, придешь ли к себе? Идя к себе, много ли пути одолеешь? Заблуждение всесильно, ибо бессильна истина». Отрече владыко Черета: «Богпротивное изрыгаешь. Одинок человек, доколе одинока истина его. Сетующий, что нет близкого, сам виноват: таился (от близкого), не доверял (ему), гнал доброго за злых, иже опалили сердце. Разве одинок человек, волнуемый судьбою другого человека? Разве одинок обихаживающий плоды сада (своего)? А что не видят боли и тягот, — в сути вещей. Если бы вечность восприяла или запечатлела наш облик, окончилась бы; если бы кто вздумал разделить все, что в нас, стал бы незрим; потому неразумно обнажати ся пред соболезну-

ющими лицедеями. Кому поведал о боли вебрь, раненый и вслед за тем убитый нами, срубленное древо, рыба, поднятая на острогу, птица, угодившая в силки? Всякий, останься со своей болью — се мудрость. И радость — ваша, и боль — ваша, несите другим другую радость и другую боль. Человек мучится (оттого), что не знает себя и не видит мечты, и се принимают за одиночество; смысла лишает труды своя и ближних винит за грех, в котором повинен сам. Одинок заблудший в себе, не помогут (ему) люди. Изнемогают без сочувствия и жалости, ибо ослабел; аще посочувствуют и пожалеют, он и шкуру (свою) продаст, и судьбу (свою) променяет. Сильным ли поддаваться скорбям одиночества, сиречь слабости, страху пред тяготами и сомнению в замыслях? Обновятся силы, коли суждено, а трудности одолеет течение жизни. И вот: достоин осуждения проливающий слезы о самом себе; примет пытки мудрец, ищущий избежать мудрости; не перехитрит жизни».

И ободрился Мирослав; была ведь его жизнь, сокрытая в памяти, мұкой и распадом надежды, а дом пустел год от года.

Женился (Мирослав) три раза; во младых летех на ятвяжской княжне Арде, после на Верее, дочери Дреговичского владыки Бовы, предшественника Череды; опошный раз пояше себе женой в 37 лет, вернувшись из-под Родни в Киев²⁸¹, Истому, дочь воеводы Роланда, варяжина, и чернижской княжны Улады, сестры князя Сиверьского Боголепа, ходивша в Царь-град старшим воеводою при Игре и с посольством в Рим при Ярополке. От ятвяжки детей (у Мирослава) не родися; от Вереи четверо: сынове Боголеп и Славута и дщери Лагода и Дбля; от Истомы трое: сынове Траян и Добромысл и дщерь Олена. Все дети умряша несчастно при жизни Мирослава; Доля, Траян и Добромысл вскоре после рождения. Княжну Лагоду взял за себя Хелмор, князь Рутский, але распустился с нею вскоре; и взял ее Смиленьский князь Рослан второю женою; когда же (он) был убит в усобице, вернися (Лагода) в отчий дом с сыном от Рослана Чурилою; права же содеялась пыхливого, о себе высокодумна; любя серебро и веселье, часто уезжала к сородичем в Новгород, по упрямству тощого ума презирая словень-

ские обычаи и хваля чюжеземные; и христилась первою из семьи Мирослава.

Олена же удалась разумницей, бе кротка и послушна богам, и любил (ее) Мирослав пуще других; за рукоделия и вселюбовь благословлялась в святилище Могожи и дважды выносила колесо Даждь-бога; любя хрустальной душою, при жизни была утешением Мирославу, по смерти — истоком нескончаемой скорби.

Из жен достойна упоминания княгиня Истома; о других не скажешь и немногое, не отличались ни скромностью, ни великодушием; быша несчастием и ошибкою (Мирослава), присущей впрочем великим: изливают свой свет на тех, кто рядом, и мнится, сами светят; едва же отойдут, и вот тьма бедности и запустение при алчности велми богатых и ухоженных.

Поняты ли бесчестным изнывающего под бременем чести? Сочувствовать ли нищим уставшему от тяжкого обилия своего, ибо некому раздати? — ни один не достоин. Что пустоте наполненность? Что молчанию крик? Что глупости истина? Вижу с болью, слабые от самых сильных требуют непосильное, казнят ничтожные большую душу.

Люди мне дали сокровища, они же и отняли у мя.

Внемлющие другим слышат себя, внемлющие себе не слышат других. Идеже любовь помнящего (лишь) о себе? Другие в его душе николи не устанут, другие в его совести николи не достигнут, другие в его сердце николи не заплачут.

Похотевшего больш, нежели дано, ожидают горькие беды. Не хвались возжегший огонь, — когда погаснет, мрак еще непроглядней. Дерзающий не избегнет мўки; тернист и труден путь его среди безголосых и безлицых; не наказан ли боземи за дерзость? И не вызов ли божьей мудрости людская? Обуян гордыней, смертен и ограничен со всех сторон, как смеет искати необъятную Истину, как смеет возноситься выше говорящего скотья? И се возездие: взявшие на ся тяготы сникают в мучениях; отнимают у тех, кому должно дати, и дают тем, у кого должно отнять, — разошлись желания бозей и дерзких чловецей.

В лето похода на Велигу паки случися по Дреговичем неурод. Созвал Мирослав думу и рече: «Не возьмем полюдья, скудоба по общинем и вервем». Гриди

реша: «Коли послабишь и не потребуешь, не жди людья ни в завтре, ни в послезавтре, станут ходити нази, лишь бы не дати». И урезал Мирослав уставы вчетверо, але не помогло, и в зиму почался глад, и был жесток по всей Словени. И просило людье хлеба в заим, у Мирослава же не было. Нелюбы и недруги нашептывали округ: «Скрывает жито для дружины». И вот, когда князь был в Случье, в Менеси почалось возмущение; пришли на княж двор смере и ремеслы, числом до тысячи, прогнали челядь и стали разбивати клетки, ища обилие. И вышел на крыльцо тиун огнищный, увещая образумитись, они же схватили (его) и убили. И почаша грабити княжь хоромы. И был серед толпы волхв именем Вендя, муж пустой и вздорный, подверженный порокам и посещаемый злыми видениями; возопил: «Аще не принесем жертву из семьи князя, не будет (нам) ни брашна, ни пива!» И потащили в костер княжича Чурилу; было ему о ту пору шесть лет. Мати его, Лагода, спряталась, говоря: «Людская мерзота страшнее болота». И се вышла уняти людье Олена, дщерь Мирослава, и встала на колены, заклинающая Могожью, так что иные прослезились и вошли в разум. Волхв же закричал: «Се образ злого духа, не искушайте ся!» И убили отрока Чурилу и княжну Олену, и принесли в жертву Перуну.

Узнав о беде, вернулся князь без промедления в Менесь. И увидел содеянное зло, и убелилась глава его в единую ночь, яко поле от снега. Реша гриди: «Жесток покарай возмутителей, подло людье, покорно лишь силе, ее славит, беззащитных топчет». Возразил Лешок, старейшина из Сениц, случившийся в Менеси: «Не губи души во гневе. Праведен гнев, але горе людское в твоём, не прихоть. Прими молча и тем сильнее сокрушишь обидчиков».

И было тихо во граде и во свободах, и в ближних селищах; притаились люди, ожидая мести. Мирослав же не стал мстити. И потекло к нь людье с поклоном и раскаяньем, и несли похищенное, кто котел, кто ковер, кто ларец, кто веревья конец, и вернули все. И привели волхва Вендю и с ним пятерых зачинщиков; они же, безумствуя, не боялись смерти. И взял в цепи Мирослав волхва Вендю, остальных отпустил, сведав, еже умряша от глада жены их и дети. Рече Мирослав в го-

речи: «Беспрестани казнимы есмы. Вот, сеял и пахал для людей, а жатва не моя; положил леты на заботу, и уже не вернешь, люди же равнодушны и злы, како и прежде». И кивали согласно внимавшие. Один Лешок возразил: «Есмь древлего и славного рода, николи не холопил и лгати мне недостойно. Неправ, князю. Люди всегда правы, если и неправы. В людех усиливаются (наши) пороки, и не новы, но возвращаются к нам. Не требуй смысла от добродетели, ибо выше (смысла). Честный не гадает, кую мзду поимет за честность. Како ни живешь во вне, внутри живешь для себя, и не отвне, но изнутри богатство и нищета судьбы; суета бесследна, след созерцания²⁸² вечен. Не поклонились люди — отчина поклонится; станут складывать времёны и без тя не обойдутся; те забыли, другие воспомянут, и гордость наполнит сердца их, и пойдут твоею дорогой, назвав предтечею». И сподобились словы Мирославу. Рече: «Все знают в назидании похвально жити, и аз ведаю похвально, да жизнь (моя) не ведает».

Минуют времёны, и истины приходят все в новом обличье. Вчера плакал неутешно, погребая близких, ныне улыбаюсь новорожденному; кто завтра насыпет курган памяти моей? Нет свободы, пока (ее) нету в душе, нет и рабства, пока не овладело душою. Влекущий цепи подчас свободней погоняющего бичем, но кто стремится к цепям? Вот богатый, а вечно озабочен. Вот всеильный, а всякий день начеку. Достиг сего и сказал: не то. Достиг и другого и опять сказал: не то. Никак не успокоится: выше всех людей поставил себя, но бози еще выше, и не сравнятся. «Если не увеличивать богатство, тает», — изрек и увидел: чем больше богатство, тем больше долгов, и бедность не уменьшается. Иное звери и птицы; коли здоровы, то и веселы, и рады всему — и пище, и лучу солнца. За все благодарны: и се по душе, и то по сердцу. Спокойны души их, некуда им падать: на земле лежат. Блаженны лежащие на земле, нет числа казням летающих в поднебесье.

Любуюсь Творением, слащу душу мудростию его. Аз не ведаю волю бозей в словах своих, но в совести ведаю: всякое творение сочится истиной и истиной живо. При полной луне быстрее растет трава и мысль,

и легче постичь прекрасное. Увидишь (прекрасное), а не дается, ускользает: лишь прекрасной душе отворяются его двери, аз же источен червем блуждений и не очищу граней, чтобы блистали зеркалом.

Се луна прозрачна меж изумрудных облацей. Катится — и на месте. И ветры шумят в тростниках, шумят в порослях и не умолкают. И шорохи, и звуки объятий, и томливое стрекотание. Но ведь — и плачи, и всхлипы, и последние мгновения. Вот суть, нет прекрасного для всех, чюжими слезьми омыта наша радость, умиляемся неведомому преступлению. В горах призраки упавших, в море призраки утонувших, в лесах призраки растерзанных, в полях призраки погребенных.

Все изречено. Все, что познали и познаем. Але изреченное не есть усвоенное, обладаем ли увиденным? Нет вечного в сотворенном, лишь творение вечно.

Трудно повестити о Мирославе, грустны людские сказки, суд мой пристрастен, а истина безразлична, и правда неприглядна. По смерти внука Чурилы и дщери Олены (Мирослав) прогнал Лагоду и распустился с Верей, дав распустное²⁸³; и остался с хворюю княгиней Истомой.

Вот было гнездо, полное птенцов, и птицы сидели на ветвях, и вот — пусто древо и безлистно, и умолкло пение.

От христов быша мор сей на дома и зараза сия на души, дышали люди смрадом беззакония и пропадало (в них) стыдение. У Сиволапа, воеводы, забрюхателя дщерь, а стал пытатъ, открылось, еже блудила и с ѹеми, и с подворными холопеми; позор для воеводы, осуждение в молве. Отец в мѹках, а дщери ни хны, выкинула и сама увязалась за киевским сотником; он же и véна отцу не дал, и в жены ее не принял, заволочилась, не любы, но прелюбы недостойных стали (ей) уделом, давилась не калачами белыми и не пряниками печатными, а гороховой кашею да головастиками²⁸⁴.

Отчаяние правит человеком на пепелище. Скорбно жити вне времен и событий. Приняв много огорчений, возалкал Мирослав забвения; тяжко болен рассеянием духа, с ревностью лечил княгиню Истому. Искал снадобья и редкие ныне травы, сзывал искуснейших леч-

цев и ведунов, щедро одаряя; одевался и ел, равно смер, напрочь позабыв об имени своем и державных заботех. И пришел Хлуд, волхв из святища в Рогатье, балий, искуснейший в Дреговичах, наделен чюдесною силой: по звуку бчелы ведает, со взятком летит или без; тронет коня рукою, и се бесится, в мыле, быццам влок в конюшне, или же успокоит самого норовистого; кому прикажет: спи, спит, кому прикажет: бодрствуй, не найдет сна; духов умерших вызывает и душе велит странствовать. Сказают, обидел Хлуда некий велможа, ударив плетью; рече к нь Хлуд: «Поди с плетью к холопом своим и проси постегати за мя; который содеет, тому дай гривну». И не воспротивился велможа, и поступил по слову.

Осмотрел Хлуд княгиню и рече: «Сохранит живот, пакуль будет пити из озера Семи духов». И возили воду для княгини на конех, ходя три дни к озеру и три дни от озера. И однажды задержались, переходя реку, а запас воды исчерпался, и вот испила княгиня ключевой воды и тут же скончалась; и погребли с почестями, и в тот же день отпустил Мирослав своих холопей и закупей, оставив одного отрока; терем уступил дружине, серебро раздал бедным, удивляясь, сколь много оказалось (их) на его земле.

«Мудрость мудростей не имат слове», — гласят Веды; в толкующем Книжии звучит иначе: «Страшна мудрость, деля кой уже не сыскати словы, але истина есть». То и другое не равнозначно, но велми любопытно, хотя и грустно: ужли разум на вершинах утрачивает разумность? Але постигшие Веды впрямь не размыкают уст. В Книжии еще сказано: «Не имеющие своей жизни разрушают чюжую; живущие своей созидают (чюжую)». Трудно жити своею жизнью, в надобь мужность и терпение; легко ли низати жемчуги дней на нить судьбы, коли в страхе потерь?

Со дней Великой Скуфи словень не избирает князем (человека) несчастного; если же (избранный) князь становися несчастен, отпускали, считая, еже не угоден богам. Дольше всех держался обычай в Дреговичех и в Мерех; другие же, уступая силе, не следовали предкам.

Оставшись один, позвал Мирослав думцев и просил сыскати нового князя. Они же не согласились. Але не

потому, что любили (его), но боясь за себя: тревожны была времёны, и бурно море событий, никто не знал, куда правити насад и будет ли ему пристань. Реша думцы: «Неловко нам, князю, у нас дома, а ты один, возьми себе жену; не велми стар, будут у тя еще дети». Отрече Мирослав: «Не исполню (вашего) желанья; не поведав о жизни (своей), не возьму (девицу) в жены, поведати же не могу: в боли душа, хочет, чтоб разумели молча». Они же, не оставив затей, стали наперерыв звати Мирослава в гости, и всякий раз показывали (какую-либо) девицу знатного рода. Мирослав же не замечал. Але изречено: если хотят женити люди, вспомогают им злые духи. На исходе зимы, в Вербынь день, принося жертвы в святище Дажь-богу, узре Мирослав среди толпившихся обочь алтаря деву с перуновыми лозьями, дочь Лешка, старейшины из Сениц; было ей имя Забава. И посла Мирослав к ней отрока спросити, не пойдет ли позабавити князя; и отвещала: «С охотою». И посватался Мирослав с радостию и, дав вено, женился. Жена же рече к нь по второй седмице: «Многоречив ты, князю, хощу спытати, каков (ты) есть, излишне ведати, каков был». И оборвися сердце у Мирослава; уразумел ошибку: отсечешь ли прежнюю муку, если и ушла прежняя жизнь? И вот отослал к Лешку дочь его; Лешок же оскорбился, возжегшись коварной враждою; стал по тай доносити Володимиру в Киев об умыслых Мирослава; Мирослав же, хваля мудрость Лешка, доверялся ему, не чуя беды.

Усталому от потерь во днях нельга женитись, едино ему снадобье и спасение — сочувствие; исчерпана душа, оскорбляют ее неумные поборы, и жадность ближних особо нестерпима. Сочувствием, притворным ли, искренним, починается и кончается путь к человеку; разумение человечесей сути — пустые слова и грезы, и напрасные ожидания. Счастье всегда в стороне и не наше. Скажут еще иные, еже позади, але то не счастье, но время надежды и нашей крепости; превозмогали, еже ныне не превозмочь. И се горечь: чем больш человек, тем больш преград (ему) поперек, тем тяжелее бремя (его). Непросто глаголити о тяготах жизни, каково же о тяготах великого сердца, еже несет добровольно? Решти о себе — быццам похвалятись,

а похвалитесь нечем: остались помыслы помыслами, а силы утекли водами. Как обойтись без сочувствия? — от него отлега в усталости; только идеже обретишь, не давая? — давши, (сам) не захочешь уже имати: не восприимет душа торжище.

Беда очищает от бед, коли устояти, и если беда не приходит одна,— чтоб сберечи в нас возможное сберечи. Неудача в женитьбе просветлила Мирослава; посмеялся над глупостью своей: что же ничтожное сокрушает больш, нежели значительное? Вернул же бодрость духа (ему) Володарь, Володимиров воевода; составила заговор старая знать, замыслили убить великого князя на охоте; Володимир же, сведав от предателя, схватил заговорщца и казнил без суда, прежде жестоко пытал в каменных подклетьях митрополичьего терема, в сих змеиных норах, идеже загибли сотни ревнителей правды и правой веры; чудом ускользнул Володарь от секиры. И пришел потай в Менесь самшест, со случайными провожатыми, ища пути к Могуте, ибо вновь оставил Могута Деревляны и скрывался где-то близ Смилени; и просил Володарь поручиться: не брал Могута никого из князей в дружину, опасаясь измены. И принял Мирослав Володаря с самыми близкими из мужей, и быша меж ними владыко Черета и Лешок.

Рече Володарь: «Гибнет земля, и видети боле нестерпимо. Чаляли переждати бурю, а дождались, порушены дома, сами поруганы и в цепех. Мечем и глумлением понуждает Володимир к христовой вере, истекают кровию сыны даждь-божьи». И поведал, тысячами бродят по Русьской земли сироты, быццам после обрьского нашествия, пустеют селища и из градей разбредается люде, ровно при чуме; Володимир пуще прежнего обуян нетерпением; причислен епископами к лику святых, рассыпается дробней мака, чтобы угодить татем духа; прежде первостольник по Словени смотрел всякий час, довольны ли подручники и гриди, верят ли ему; ныне же, остерегаясь кнута, болярецы гадают, доволен ли ими, верит ли им? Говорил прежде кто-либо из старшей чади: «Неправда в словах твоих», и пред всеми искал князь оправдати ся, ныне же сказавший поперек тащим на судилище, и нет ему ни поддержки, ни защиты; переменился обычай, чужд и нелеп закон:

слишком много начаящих и бесчисленно раболепных пред ними, слуг же отчей земли немного; утратили честь и волю: слишком часто говорили о них и рабам доверяли хранить. Возвышенные возвысились не от своих достоинств, но от чужих пороков.

Рече Володарь: «Бич душ, жёлч сердец, проклят Володимир, нет ему ни радости, ни счастья: люди для него тавлеи, а боги с человецами не играют; сомнение (его) безгранично, ибо кричат греки: свят, свят, велик, велик! А иных голосов не слышно; коли нет пианому протрезвления, ужли не помыслит, еже трясет землю?» Егда расписывали красками стены в соборе, позвали Володимира с княгиною и детьми и стали малевати (их) подобия. Впроси Володимир расписчиков, негодуя: «Почто не прибавили (мне) роста?» Отвещали: «Одного роста с апостолами». Он же рече: «Апостол, кто ныне держит, а кто держал, лишь дух святой». Землею не дорожит: в исконных отчинах посадил и торков, и черных клобуков, и берендеев; глаголит, похваляясь: «Нарядил (их) стережи от влоков Русьскую землю»; они же больше всех грабят (ее), — берут мзду житом и соболями, и серебром, и холопями, а священные рощи, взлелеянные запорожеми, рубят без счету²⁸⁵. Переяславль сожжен и обезлюдел, в Чернигах и Любече черная чума. Киев, быццам Вавилон, — конюшня и подворье для иноземцев, не продыхнуть от грек, а за ними годи, корсунцы, казары, печенезы, сорочины, тащат по сторонам словенское обилие, умножая блудниц и бражные дома; в позор оборотились торжища: за стеклянные запястья и за медяные колты берут бобрами и шкурами туров. Пока жил Добрын, угодники выше велможного пупа глаз не поднимали; вразумлял плетью и смеялся над ними: «У казарьских курей яйца в шерсти, у болгарьских коров по два вымени, у годьских дев по три ложесна»; и епископам воли не давал, и великого князя ввудывал; ныне же хочет (Володимир) списати имены киевских мужей и дати им наследно полегчения в законах, — подражая римским цесарям. Рече еще Володарь: «Прежде князь судил, дабы самому судиму не быти. Новая знать вслед за Володимиром судов избегает, ибо бесчестна. Судят епископы, и нет ни уема, ни ограды беззакониям: бьют и плакати не велят.

Мечь равняла; ныне же равняти ся не хоцут, уряжась откупами; все началят, кто над столом, кто над котом, и человек для них, еже без посады, ничто. Раб божий, раб княжий, раб велможный — идеже не раб ныне серед нас?»²⁸⁶ Сокрушался Володарь: старую знать окружали просточинцы, самозванцы отгородились посредниками, ибо никому не знакомы; свирепы, повсюду рыщут добычи; нарочитые мужи в родех блюли честь, вѣсуни рассуждают: брань на вороту не виснет, и вот торгуют солью и ссужают серебро, и дома внаем дают, и скупщиков завели, собирают по смерем (всякий) товар, перепродавая втридорога. Не перечесть ныне нарочитых мужей, и чернь множится, яко тень от них; кружит вѣроном, чующим поживу. Не холопе ли по духу христились легко и беззаботно? Не они ли первыми отреклись от обычая? Не ищут себе чести, но ждѹт указа, и вот уж указчик на указчике сидит и указчиком погоняет; глянь, толпища возниц шумят и бранятся, а конь с поклажею обочь стоит и не ворохнется. Не негодование бы и не ропот, не обличения бы правоверей, секли бы Русьскую землю кнутами, — отдалалась вирами²⁸⁷. Надолго ли? Ни запрета, ни удержа на епископов, насилят, сгоняют по церквам, а несогласных пытаются; нелепицами очерняют достойнейших; одного обвиняют, быццам застали с четвероножиной, другого — быццам приваживал злых духов у овина; клевета и наветы в почете, нет людем заступника²⁸⁸. Рече Володарь: «Мало, что опустошили святыни, пустошат еще и сердца. Пожгли бани²⁸⁹, воняют христы, аки цареградские мощи». И еще рече: «Пагубна ницета одноженства; не будет отныне скорого умножения ни в родех, ни в племенех, и в домех отныне не сыщети веселия; многими женами спаслись от погубления в находниках; источают ныне силу словеньского возрождения;²⁹⁰ неволят рукоблуды пменем Христа, обличают обычай, сами же растленны; первый среди них ржет на каждую кобылицю. Более же всего страшно, еже подрывают подсылные проповедники уважение детей к отцем, к отцем, а не к детям их обращая угрозы; неслыханно сокращение нравов: бичуют отцей и правду их лживые заступники детей, множится непочтение, розь и высокомерие ленивых, ущербляется жизнь семейного духа²⁹¹. И се гра-

бят общины, увеличивая полюдые по прихоти, отнимают волости правоверей, серебро их, дома их, землю их и скотье, погубляют древние письмены и сами пишут о событиях, но уже лживо и извратно, восхваляя недостойное хвалы и хуля достойное подражание. Несправедливый ко своим, будет ли справедлив к чужим? Не остерег Володимир лешского свата, Болеслава, воююща хитростями чешские земли; просил чешский князь помощи от Володимира и не допросился, и умре в обиде»²⁹².

Се изрече Володарь; аз прибавлю к словем его, видя правдивость, ибо тогда же ходил к сестре своей Любави во Мши, еже в Сиверьской земле, в двадцати поприщех от Күри²⁹³. Муж Любави Дóвгуш, оলেখóвич, сотский Курьского полка, умре от ран, отбивая стяги у печенезей на Уже-реке, и бысть погребен с почетом. Аз беахъ несль во Мши скорбное вестье и мою тризну, имея при себе гривну серебра и некие пóжити, а также угорьского коня. Любави причиталась еще доля за мужа, две гривны, шли же с полком; живым и неувечным давали по гривне, не считая оружейного, стойного и кормления. Два дни пробыл во Мшах, и клали требы в память Довгуша, и молились богам, и святити волхвы в капище Перуна меч Довгуша, иже сохранил и привез для сыновей, и принял (его) старший сын Славкó, и целовал, поклявшись отмстити. Была тризна, и сошлись мшичи и от окружных общин. Еще не окончили обедати и не сожигали по обычаю, — появився с людьми Ворóтила, болярец, державший даровый надел близ Мшей; откупал полюдые во Мшах²⁹⁴, ненавидим за бесчиния и неуставные поборы. Ударили в било, и закричали зазывалы, и сошло людые у торжища пред усадьбой старейшины. И возгласи с крыльца Ворóтила, еже великий князь Володимир повеле свергати кумиры во Мшах и христити людые новой, истинной верой. И вот свергли Перуна и Даждь-бога, Рода и Влеса, и всех остатних словенских бозей; рубили в щепы топорами болярские холопе. Плакали, видя се, люди от поругания души и святыни ее. И плюнул волхв под ноги болярцу, и пошел прочь, а за ним и община, проклиная христов. И в новый день согнали людые на площу, и привел болярец попа в златых одежах, говоря: «вот стаду поводырь»; он же, Ворóтила,

починает рубити церкву, и кто похощет испытати новую веру, того Христ избавит от беды и спасет от напасти, а кто воспротивится, тому платити двойное полюдье. И взошел поп на крыльцо, и возгласил о грехах и страхе господнем, да переломися на полуслове, сражен меткой стрелою. И схватил Воротила в заложники трех почтенных старцев, требуя тотчас выдати убийцу. Старейшина просил обождати, пока найдут, обещая за попа виру, како за княжа мужа, боярец же не внял и велел оторвати старцам брады; и свершили по повелению. Взволновались люди, взнепорядили и убили боярца; холопе же его, испугавшись, реша: «Нас самих понудили христиться. Не наше дело, куда делись поп с боярцем, про старцев же объясняйте, что хотите». И ожидали в селище. Заутре увидели люди, налилась рябина кровью,— к худу. И хватились вскоре смера именем Хвощ, негодника и лынду. И коня его не нашли. Реша люди: «Бежал, чтобы выдати (нас)». И послали вдогонь, и как не знали дороги (беглеца), послали по всем. Сами же искали стрелившего в попа, и пало подозрение на Славко, сына Довгуша. Рече Славко: «Аз стрелил по обиде». И взрыдала мати (его), повторяя: «Убили мужа, и вот уже и сына отнимают». И волнились, гудели Мши, быццам улей пред закатом, и (все) говорили о Славко: «Его оправдают». И приехал из Кури боярец Феодор, а с ним полсотни дружины и доносчик Хвощ. Схватили они холопей Воротилы и насадили на одну цепь, яко разбойников. Мир же паки закликали на плочу. Рече к Феодору старейшина: «Вот Славко, стреливший в попа». Феодор же, оттолкнув старейшину, возопил: «Кто христит ся, будет прощен, кто отвергнет, пеняй на ся!» Але христиться не пожелали. И почал Феодор избивати людей смертным боем, не гляючи, отрок ли, старец ли, брюхата ли жена. Мнозих попластали мечеми, а селище подожгли. Аз едва уберег ся, однако отняли мои пожити и гривну тоже. Что скажешь насилию, еже беспредельно? Случится малая несправедливость, потянем обидчика в суд и не успокоимся, пакуль не накажут. Егда же необъятна (несправедливость), рвется душа с корени ее, сохнет сердце и не обличает более, переполнено отчаянием: сильные въявляют свои похоти, не спрашивая о правде.

Тяжко и горько (живется) людям; в страстях и терзаниях, караемы судьбою, безгласно отходят в мир духов. Жаль до слезы горючей, помочь же бессилён, — времён не остановити. Плачу, но не легче. Велики боги, огромны (их) чертоги, и малы люди; вечно уповают, и радость мимолетна; нази являются и нази исчезают, не оплаканы в обидах; подобны дитю, яже умирает сразу после рождения.

Что же усталому от тягот, если обочь уже нет близких? Сил малозна, а осень и зима тянутся долго; ветры воют надрывно, выстуживая душу; нет прежних ожиданий, и прежние радости не манят, а новые ничтожны. Струят тихо времёны, але мимо судьбы, и не страшен исход. Се мудрость усталых: пребыти в покое, избегая страстей и риска. Зачем другая (мудрость), если не приложима, если златые плоды увядают вместе с древом? Скажу и усомнюсь в сказанном: минута моя истина, лишь горечь неизменна и постоянно желание Правды. И что же Правда? Не то ли, что успокаивает совесть? Не то, не то — опасно заблуждение...

Вернусь же к Володарю. Выслушав его о бедах Русьской земли, вприси Мирослав: «Что же надумал?» Отвещал: «Или погибну, или погублю Володимира; совесть не велит боле прислуживати беззаконию». И благословил Мирослав, поручась за него перед Могутый; в ту же ночь проводили князя и спутников его люди от владыки Череды. Але Могута не принял Володаря, бе суров и жесток его приговор: «Не верю тебе; коли прежде отрекался от веры, своего ищешь, не божьего. Ступай прочь и не поминай лихом. Коли не самолюбец, найдешь себе дружину и нового Могуту». И пошел Володарь в Тмутаракань, к руси. Русичи сказали: «Нас киевцы не учат, и мы учити не собираемся. Мы сами по себе». Прогневися Володарь: «Сами по себе остались лишь мертвые. Учат же (как раз) того, кто учити ся не хочет. Еще пожалеете обо мне». И быстро седлав коней, поехал на степ к печенезям. Было с ним молодцов ужо до сотни и, говорят, много злата. Едва покинул Тмутаракань, разразися невиданная буря, ветер опрокинул каменного кумира Даждь-бога и затопил поля и становища; корабли, причалившие у града, разбил в щепы, так что осталась Тмутаракань без корабелей. И пожалели русичи о нелюбезности с Воло-

дарем; реша волхвы, гадав о судьбе: «Опасен ветр воле, иже обернулась облацем».

Проводив Володаря, обеспокоился Мирослав течением жизни; рече ко гридем, по обычаю разделяя (с ними) совет и мудрость: «Человец сам торит просторы судьбе. Хочет страдати малым, страждет от малого, хочет страдати великим, страждет от великого. Страх обуздывает ум и желание. Коли обвиняет кто за утраты и тернии весь мир, значит, лишился мечты, и силы на исходе. Тысячу лет думали лутшие мужи и сказали: постигни себя, человек, убеди ся, того ли жаждешь, о чем толкуешь. Будут думати еще три тысячи лет, чтобы изречь: еще важнее уяснити человека, о котором судим легко и скоро».

В те дни пришла с гонцом позва от Володимира. Собрался было Мирослав ехати, да остерег владыко Череди: «Или забыл, что исчезают неугодные в киевских темницах?» И спросил Мирослав у Володимира, в чем его нужда. Ответил (великий князь), быццам обельному холопу: «Почто привечал изменника и заговорщца Володаря? Почто держишь дружину не по уставу моему? Почто забыл обещание христитись, отринув поганую веру? Почто не воспретил Череди, ненавистнику моему, сноситься с Могутой?» И возмутися Мирослав вероломством; поразмыслив же, рече ко своим: «Гайтиса промеж нас наушник и прихвостень Володимиров». Рече владыко Череди: «В свой час изобличишь доносчика, теперь же озайотися, как миновати каленых клещей». Рече Лешок, старейшина: «Коли (мы) не решаемся, судьба решает за нас; случаетца, что и поздно».

И пришли волхвы из Турья и из Полотси, посланцы Череди, и поведали: Святополк и Есислав готовят поход супроть Мирослава, подбивая выступити ятвязей и лехов. Увидев, что заказано замирение, утвердися Мирослав в решимости постояти за честь. Собрав дружину, повелел нагнати и задержати повозы со своим полюдьем в Къев, и настигли в Приречице, егда перегружали в лодии; навьючив коней, вернули обилие обратно. И выслал по всем сторонам дозоры, и созвал полки от родей, и смотрел их с оружием. Получив известие, еже противники готовы выступити, решил упредить, испытав ратную силу; собрались под его стягом лутшие мужи от Дреговичей числом до 5 тысяч. Святополк выста-

вил 4 тысячи, 8 тысяч снарядил Есислав, тысячу ятвязи и тысячу лехи, мосуры и мазове. И Велига, ликуя, скликал дружину; ненавидел Мирослава пуще прежнего, трепеща мести Володимира.

И се насторожися вся Русская земля, увидев, что и Мирослав не перестоял беды; реша меж собою нарочитые мужи: «По одному, яко орехи, грызет Володимир соперников». Володимир же о брани с Дреговичеми не объявлял, чаял обойтись потиху, да разве гора может (сдвинуться) потай от мышей, в горе поделавших норы? ²⁹⁵ Ведал Мирослав о замыслах Киевского стола от владыки Череды. И выступил с малою дружиной на Велигу; скóкнул серым влоком в сумерках у Немизи, в ночь же вошел в сонную Друтесь, ибо отворил ворота (ему) Мирко со своими отроками. Мирко, купец, сын Буевича, сокольничьего, служивша в Турье Мирославу, бе велми богат, в предприятиях удачлив, силы недюжинной, отваги беспримерной. Отказался принять христову веру; и послали к нь сторожей, он же взял оглоблю, пошибал (их) на землю, связал единым веревьем и отослал к Велиге со словами: «Сущие христы, ибо трусливы». И отрядил Велига дружин схватити Мирко. Он же, опоясавшись мечем, встал на улице и не пропустил дружин. Народ смеялся и поднатыкивал, поносно словце пометывал; «сорок овец, лишь один удалец». Рассерчав, обнажили мечи дружины, и положил иных Мирко, другие образумились и бежали ко князю, твердя о бесовской силе. Рече Велига: «Сей муж стóит моей обиды. Пусть нехрищен, надобь привадити (его)». И уговорили Мирко пойти сотским в дружину; он же, набрав правоверей, потешал силушку назло попам, насмех людю. Выйдет в кулачки поиграти, стенка на стенку по обычаю, — трещат лбы на христовом конце Друтеси, да побитых еще после зазирает, плясати понуждает, — и молодцы никнут перед силой. Или медведя в сани заложит и сице на торжище пожалует, — кони храпят, псы брешут, жены визжат, опасливый народ разбегается, — а Мирко, заломив шапку, подмигивает да зазывает попов: «Садись, игумен, подвезу до игуменьи».

Сего Мирко, сына Буевича, нарядил Мирослав в Друтичех посадником; церкву же разметал, попов и чернецов взял в заложники, полкюдье в пользу Володимира упразднил, а Велигу казнил за самовольство и злочи-

ния. В тот же день, взяв Мирко с дружиною, пошел к Бересне; достигнув реки, посадил засаду у перевоза и прежде, нежели пришла в Полотсь весть о смерти Веллиги, разбил чело полотьского войска. Содеял сице: едва перевезлись конники с Есиславом, запечатал реку своими лодиями и стал побивати отделившихся; при этом Мирко тяжко ранил Есислава копьем в ногу. Буривой, воевода Мирославль, в тот час остановил у Волчьего Лога, близ Немени, ятвяжского князя, шедша соединиться с Есиславом, але слишком ввязался в сечу и потерял немало мужей; захватил однако больш двухсот коней; ятвязи ради быстроты держат всегда смену коней, хотя их дикие кони устают мало, а зимою сами находят себе пищу.

Видя успех Мирослава, Святополк, достигший с дружиной и лехами Случеси, послал сказати Есиславу, не оставившему войска, и ятвязем: «Не давайте ся бити порозь; когда сложим силы, сокрушим (противника) в решающей сече». И велел Есиславу идти в Заславье через Логожье, ятвязем через Ивье. Рассердися Есислав, еже Святополк выдает себя за старшего, але промолчал, зная его строптивость и своеволие. Увиде Мирослав, что вороги обступают и уже близко, и позвал гридей на совет. Рече Лешок, старейшина: «Затворимся в Менеси, укрепив стены, хватит припасов на лето и больше». Буривой, воевода, возразил: «Чтоб отсидетись, потребно вдвое больш войска; чтоб прокормити (это войско), потребно вдвое больш припасов». Рече Мирко: «Пустите мя с сотнею мужей в Полотсь; поднадымлю ветошьем, и воротится войско Есислава, нам же полегчение. Перемогают либо умом, либо безумьем...»

Вышел Мирослав из Менеси, забрав с собою оружие и припасы, а что осталось, раздал по градянем. Рече к Мирко и к Сигулду, креву, сотскому, мужу отважну и верну: «Ступайте один в Полотсь, другой в Турье: коли сумеете напугать ворогов, подсобите (нам) и тем избавите от неминучей погибели». И метнули жеребий, и выпало Мирко в Турье, а Сигулду в Полотсь. И дал Мирослав каждому серебра довольно, лутших мужей и лутших коней. Когда снарядились, рече: «Буду ожидать в сем месте сам или люди мои — вас или ваших вестников». Была же пора жатвы. Узнав, что Мирослав ушел из Менеси, Святополк вступил во град вместе с ле-

хами, и пировали переможцами в тереме Мирославем, отнимая у градяней жито и меды; Есислав же дожидался Святополка в Заславье, и Рогнед готовила встречу; дождались лишь вестника: «Зовет (вас) князь Святополк в Менесь». Рече Святополк, прежде нежели пришел Есислав: «Нелепо есть быти дому моему без единой веры»; и повеле разрушати святища; и согнали людье в реку и створили над ними хрищение. Люди же, стоя в реке, молились по совету волхвов: «Могожь, мати, омой стыденье с души и с тела»; позор ведь входи-ти без нужды в реку в одежех. Вприси Святополк градяней: «Довольны ли, что приняли Христа от рук моих?» Реша к нь: «Не видели того, о ком глаголишь, руди твои пусты». Разгневался Святополк и воскликнул: «Се глядите на перст его. Аз ва имамъ мучити да не возмогут помостити вама». И велел запалити огнем жито на полях; смерей, иже бросились спасати, убили.

И приде к Менеси ятвяжский князь, и встал вблизи стен. И приде Есислав, и тоже встал у града, в свободех. Реша велможи Есислави к Святополку: «Позови брата в терем, не бе бо сам мощен сидети на коне от раны и болезни». Але Святополк указал на дом воеводы: «И тамо тепло, а кому холодно, не ходи в поход». И было оскорблением, и ночлежил Есислав в шатре среди дружины. Сице простояло войско несколько дней, не ведая, что дальше; Рогнед же пожалися Володимиру на Святополка, так что Володимир пригрозил (ему) за своеволие; Есислава же, велми расхворевша, увезли в Заславье. И вот пришла весть, быццам взято Турье дружиною Мирослава, и грабят, и хотят пожечи в отместку. И не поверил Святополк; доносили ему, еже Мирослав стоит за Бересной; однако послал в Турье воеводу с двумя полками. Сведав (о том), погнался Мирослав за воеводою, догнати же не смог. И встретил Святополч воевода другого вестника; тот рече: «Мирко, посадник Дрютеск, посеял в Турье смятение, придя с малой дружиною; нарядили ся (его) мужи купцами, попрятали своих в сани и тако миновали ворота; стража не доглядела, ибо дали мзду. Войдя во град, стали побивати людей; велми настращав градяней, сожгли церкву, попов взяли заложниками и ушли, детинца же не одолели». И се поспешил Святополч воевода назад. Увидел Мирослав: идут турьские полки и беспечны; напав из

засады, посек едва ли не половину, хотя турьцы оборонялись крепко.

Вернулись остатки турьцев в Менесь, Святополк же вместо похвал за преданность казнил воеводу, обвинив его в ослушании своей воли. Сказают о Святополке, еже бысть одержим яростью с детства и рос зловердой; развлекался, бросая в яму, к голодным медведям, то пса, то кота; однойчи воспылал похотью к холопке старше летеми; когда же забрюхатела, подстроил, еже утопилась. Ни пред кем не робел, кроме жены, дщери Болеслава; ее же беспутство и льстивость быша повсюду на устех, зная о тайных пороках Святополка, умела угодити, не гнушаясь и тем, что звала к нъ замужних подруг; держала при себе холопей из лехов, римцев по вере, а гречских попов ненавидела. О Святополке говорила во всеуслышанье, в нем кровь цесарей от матери и разбойников от отца; и в самом деле, сказают, мать прабабки Святополка княгини Олги от варяжина, осуждена в своей земле за разбой к смерти. Не ведаю, правда ли, але Святополк немало хвастал наследной крутостью нрава; порою истязал и самого себя, не чувствуя боли; постился строже чернеца, в походах был неутомим, не почивая по три дни кряду.

Едва Святополк казнил воеводу, пришли вестники из Полотси и передали: «Град наш наполовину разрушен пожаром; проникли люди от Мирослава и подожгли сразу во всех концех. Посадник, не растерявшись, схватил поджигателей; настиг и остатних ворогов и перебил до единого».

Тако погиб храбрый Сигулд со своею сотней; Мирко же загинал при возвращении, наскочив ненарок на ятвязей; и повезло ятвязем, ибо сразу убили Мирко, поразив в глаз стрелою; сотня же пробилась, унеся тело богатыря; и погребли достойно близ Друтеси; позднее, егда Есислав восставил княжение от Велиги, ничтожные его рода срыли курган, осквернив могилу, але селище, еже вблизи от погребения, и поныне зовется Закурганьем.

Оправившись от болезни, Есислав почал загоняти Мирослава, аки пушного тура; завладел (его) припасами; в кровавой сече у Друтеси Мирослав с трудом избежал полона; был убит Буривой, воевода, и с ним многие другие славные мужи. Взликовали противники, уве-

ренные в близкой победе, отпустили ятвязей, заплатив сокровищами от разоренных святищ. Але неждан, нагрянул в Дреговичи князь Моуга со своею дружиной. И напал на Святополка, и опрокинул, и побежали турьцы, яко утиця пред кречетом; взял в полон Моуга лешского воеводу; Святополк же был ранен и в беспаятстве унесен с бранного поля. Есислав, опытный в ратном деле, выжидал, следуя по пятам; и вот напал на истощенную дружину Моугы, и отступили правове-ры пред решимостью и мужеством полотьцев. Послал Есислав к Володимиру, торопя: «Скорее приди, разом покончим с Моуготою и с Мирославом». И выступил Володимир без промедления, и миновал уже Турье, когда известили, что йдут вновь печенези несметной ратью и ведет их на Киев Володарь²⁹⁶, а с ним русичи. И были проливные дожди и бури; переправляясь через Припадь, Володимир погубил в волнах немало воинов; уто-нул и его конь, велми недобрая примета. Рече великий князь: «Для меня уже почался конец света»²⁹⁷. И впрямь, повисла судьба на волоске: Володарь обступил Киев, и удача благоприятствовала ему; ударил нощию русичами и захватил Полдневые ворота, вспомогли пра-воверы с той стороны. С рассветом двинулись на город печенези, предводимые Володарем. И вышли встречь киевские боярцы в одеждах, расшитых златом, и низ-ко поклонились Володарю: «Несокрушима твоя сила,— сказали,— волен войти во град со всем воинством, але не содеешь, коли честен, ибо ограбят и порушат (его), и тако погибнет красота и гордость Русьской земли. Хочеши, чтобы урядились (с тобой), отведи печенезей». И отвел Володарь печенезей от стен Кыева на три по-лета стрелы; рече к боярцем: «Хощу свободы для пра-воверей; кто любит Христа, пусть любит, а кто не лю-бит, (того) не неволити. Еще хощу, чтоб дума низложи-ла Володимира, пред всеми обличив беззакония. Одно лето буду вам князем, а после укажет вече». Реша бо-лярцы: «Дозволь подумати; ведь присягали, не легко отступитись присяги». И отпустил их Володарь, говоря: «Даю день на размыслѣ, на второй не стану спраши-вати». И сошлись велможи на думу, и не было серед них единой воли: одни ненавидели Володимира и князей церкви от грек, другие ненавидели Володаря и старую знать и боялись мщениа от них; третьи ненавидели всех,

окромя себя, але велми лукавы и обвычны к двуязычю, умышляли выиграти и при победе Володаря и при (его) поражении.

Реша к Володарю мужи, иже принимали его княжение: «Боятся боярцы, потребен (им) страх, чтобы оставили вовсе Володимира и переметнулись к тебе; приди и пострадай». Епископы же, призвав потай ревнителей веры из велмож, реша сице: «Противное Христу свершается ныне, может, конец света предреченный настает, ибо истощается наша любовь, соблазны о себе переважили службу Господу. Погубит Володарь христианскую церкву, и на нас, свидетелей, падет грех, его же не смыти до Судного дни. Кто (из вас) прольет кровь Володаря, обретет славу Володимира, похвалу патриарха и вечное царство Господа». И составиля заговор из недостойных, возвысившихся на крови прежних именитых мужей, и первым серед заговорщцей бе Олг, купецкий староста, сын попа, еже служил в церкве святого Илии еще до хрищения, по отцу гречин, по матери полянин; рождались у него увечные дети; и се рекли епископы, благославляя: «Исцелятся чада свершением твоим». И пали слова на скупую душу его, и мерещилась ему слава и благоволение Христа, ощутил ся дланью его, како (всякий), ущербный от судьбы.

Незащищенный доверчив, благородный из словени вдвойне. Желая успеха предприятию, наивней котяти, не пойдет и к подлым в панцире и с мечем, но сам обнажит грудь пред убийцею; прозревает времёны, видит вершины далеких гор, але увлечен и уповающ на правду, ерузи и реки на пути к ним не примечает. Увещал Володаря брат его Пересвет: «Чему торги, постыдны и унизительны? В твоей руке сила и правда, возьми Киев и володей, како пожелаешь. Что тебе одобрение боярцев?» Володарь же искал опоры в (предстоящей) брани с Володимиром, и се тулился ко гнилой колоде; велможа, глядел велможными очми; и правда искажала боле, нежели ложь. Вот чистые, прозрачные воды; коли же побегут рекою, кто угадает прежний облик камней, устилающих дно?

Когда Могуте донесли о торгах Володаря с боярцами, воскликнул: «Обагрится кровию душа, еже хочет избегнути кровопролития серед убийц!» И оставил Мирослава, поспешив с дружиною к Киеву; и плыл в ло-

дях, торопя парусников и понукая гребцов: «Успеем, вернется Русьская земля на стезю предков, не успеем, чужие страсти исказят черты ее навеки». И шел так быстро, что обогнал войско Володимира; увидя гусей, отлетавших в полдневные стороны, просил волхвов гадать о грядущем. Реша волхвы: «Нечистое не очистится, чистое не загрязнится». Истолковали иные: «Из-за печенезей случится неуспех; кто же приводит соседа на спор с женою?» Другие осмыслили сице: «Станешь побеждати, князю, и не победишь, будут торжествовати над тобой и не восторжествуют».

Меж тем собрались боярцы в тереме Володимира. И пришел к ним Володарь, оставив на подворье сотню дружин и брата своего Пересвета. И вошел в гридницу с отроком. Едва же почал убеждати боярцей, теряя терпение, Олг, заговорщец, набросился со своими людьми на Володаря; и умре князь, исколот ножами, а с ним и отрок. И вскричал некто громоподобно: «Убили Дажьбога, се кровь его, и больше не возродится!» Оглянулись боярцы в ужасе — и не было кричавшего, глас же изошел с Неба. Увидев убийство, лукавцы борзо сговорились меж собою. И привели из узилища двух мужей боярского роду, правоверей, и умертвили возле тела Володаря. Тело же завернули в сорочинский ковер и вынесли во двор со скорбию на лицах и с причитаниями. Реша к Пересвету: «Поступи с нами, како благо-рассудишь; се погублен князь злѡдеями, а мы не упресли». И пал Пересвет на грудь убиенного, возрыдал, глаголя: «Почто поверил змеям, коли змеиное у них на уме? Почто вступил в соборище негодяев? Нет другого (такого), никто тя не заменит, много чистых огней светило в (твоей) душе». И спустился с вежи во время плача дозорный, некий киевский муж, и возгласил: «Идет ужо Володимир, блестят шишаки за дальним лесом». Поднял очи Пересвет и узрел: идет войско ко граду. Боярцы же пали на колены, говоря, быццам в раскаянии: «Торопись, князю. Отмсти нам, виноваты, и ступай с дружиною к своим печенезям, ибо настал час». Рече Пересвет, утерев слезы: «Горе непоправимо, и что месть моя, коли станет вопияти о мести вся Русьская земля?» И затворил ворота, оставшись в Киеве, ночью же снялся в степ со всею дружиною, боясь уже печенезей, — ждали (они) обещанного серебра, а у Пересвета

не было. Уходя из Киева, подивился Пересвет, еже встало войско Володимира вдаль от града и близко от печенезей. И не ведал, се бысть дружина Могуты; боляры же киевские знали (о том), трепеща от подлого страха. Так иные, встретив Судьбу, посланную боземи, пугаются и робея уходят прочь, не послужив людским надеям. Ушел Пересвет с дружиной в Тмутаракань. Спросила русь: отчего не сел в Киеве, узнав об убийстве брата? Рече, удивившись сам себе: «Не ведаю». Не нашлось (у него) другого ответа, понеже николи не думал о первом столе и не возвышался до первого князя даже во сне.

Погребен Володарь за Трубежем, место же никто точно ныне не укажет, курган ведь не сыпали, праха в сосуд не заключали, а погребавшие князя вскоре разбрелись и погибли.

Узнав о смерти Володаря, Могута, велми печалась, восклица: «Прости мя, Володарь, и тревогу мою! Слишком не верил тебе и жив, ты же поверил слишком и нет тебя». И упрашивал печенезей идти на приступ, они же сказали: «Киевцы обещали нам заплатить долги Володаря». И поворотил Могута от Киева, глаголаше ко дружине: «Вот засветилась звезда в небе и вот погасла. Але не станем теряти надеи; пока живы, не совратны, будем стояти, не склоним выю, и бози не оставят (нас)».

Володимир, пришед в Киев и узнав о смерти Володаря, заплатил на радостех печенежским князем, взяв слово, еже пойдут на Тмутаракань с полками Володимира, после чего поимут еще столько же. И пошли с киевскими воеводами; Русь же по Купане была истощена долгой бранью, противостоя одиноко печенезям, сурожцам, годем и корсунцем; без брани признала власть и руку Володимира и согласилась принять князем его Мстислава²⁹³. Мстислав, сев в Тмутаракани, построил церкву, низверг кумиры и понудил русь ко хрищению, пролив немало безвинной крови. Иные из старшин, не подчинясь, ушли с женами и детьми к Дону и в Касожь и тамо поставили новые кури и воздвигли новые кумиры.

Олг же, Попович, убийца, бысть обласкан епископами и митрополитом, от Володимира принял боярское звание и волость в Сиверех; ему же, по смерти Рагда, ватича, прославивша ся победами над степняками,

доверил великий князь стеречи полдневные русские земли; вода полки, христил Олг некие из печенежских родей, дабы привлечь на службу Володимиру; правдоверей же преследовал, избивая с жестокостью²⁹⁹.

Уходя с дружиной из Дреговичей, рече Могута к Мирославу: «В неподходящий час покидаю тя. Не считаешь ли изменой?» Отрече: «(Ты) помогал мне без просьбы, яко подлинный друг, укорю ли, если уходишь ради общего дела?» Сам же был велми встревожен, ибо дружина его совсем умалилась от потерь, и противники были намного сильнее. И уклонялся сечи Мирослав, его же преследовали по пятам. В одну из ночей поздней уже осени донесли, воеводы Есислава заступили дороги впереди, а Святополк подпер сзади, и нельга ускользнути. Реша ходившие в дозорех: «Измена, князю, кто-то (нас) выдал». И позвал Мирослав ближних мужей, и вот открылось: нету Лешка, старейшины. Утром, исполчив дружину, увиде Мирослав предателя серед ворогов в боярской шапке. И была сеча коротка и неистова, и пробился Мирослав, але непомерной ценою: осталось из дружины всего 37 мужей, другие пали со славой. И ушли изгнанниками по первой пороше, и долго прощались с Дреговичеми, печально предчуя: расстаются надолго и лишь с собою уносят бозей земли. И се перевезлись по черным водам Непра, и лица мужей суровы быша в слезех от белого снега.

Ужасен вид бранного поля — простерлись округ бездыханные, иссечены мечеми, изувечены топорами, исколоты пиками, потоптаны конеми. Се израненные, ползли к ручью в изнурившей жажде, и у воды распластаны без пощады. Небывалое ожесточение промеж братеми. Люди, люди, сохранить ли теперь для любви сердце ваше? Попран разум неистовством; чести ли кланялись? истине ли служили?

Како створити, чтобы (повсюду) искали Правду, еже одна на всех? Како избежати ненависти? Вчера знал, сёння забыл, вчера мог, сёння обессилен. Како внушити, надорвется грабитель от награбленного, а ядущий от чюжих рук ими же бывает удулен? Како втолковати: не сокрытись от возмездия и сильнейшему? Како прояснити; забавляясь чюжой бедою, николи (уже) не насладитись своею радостью? Горе, горе, гибнет великое молча серед ничтожных.

Душа наша столь же в других, сколь и в нас самих; идеже словы, дабы возвестити (о том) понятно? Ужли в сечех (токмо и) родится час мира? Ужли нет наставника в народех кроме страха? Ужли вечно ярмо глаголющих от имени подъяремных? Ужли токмо серед лжи пробивается правда, яко травы сквозь камни? Ужли серед одних мук хоронится блаженство, и нигде боле? Содрогаюсь. Что ж, о себе помышляя, не помышляет о себе человек: о питие и брашне, о жене и жилище, о коне и сиденье высоком посреди застолья времён, поющих безвременью. Не дума о вечном побеждает суетность и пустоту, но дума о суетности поползновения к вечному, о наготы и одинокости посреди Творения противостоящего Истине Его. Кто обнимет и защитит (человека) в заблуждении, коли бози не хотят вразумити, но призывают вразумивших ся? Всяк просящий примет по просьбе, коли посильна. Внемли: стенают округ о тяготах жизни — подла и несправедлива. Смеются бози над немощными: дали разум, а владеющие им неразумны. Аз же о другом — о тяготах. И се мудро от Неба. Коли всем по щучьему велению, еще свирепей и злее (будет) человек к человеку, еще бесполезнее Разум и безнадежней Надежда. Изречено: «В тяготах превозмогу, в грязи очищусь, в безумии обрету разум». Все приемлю без ропота; але терпети глупое — глупо, сносити жестокое — жестоко, покорствовати несправедливому — несправедливо; не стану терпети, не стану сносити, не стану покорствовати, последую за Разумом, за Совестью — сие познаю Истину. Думал, что счастье мое в довольстве и умиротворении, але то смерть моя; счастье мое — чистые слезы мои, аз же не разумею, ибо дик, хищен и чюжд идущему встречь. Жизнь — се тяготы добровольные, а кто без тягот, не жив; жизнь — се тяготы подневольные, а кто не противится, не жив. Не ведая о счастии своем, что ведаю о себе? Обретаю ли от утрат? поднимаюсь ли от падения? от боли постигаю ли радость? от несовершенства совершенствую ли?

Ища и не находя, слушаю и не слыша, внемлю и не понимая, плесневет и изгнивает человек заживо. Но кто, кроме человека, наставит его мужеством, кто взовёт подражати великому, превозмогая пустое в бренности и мелкое в пустоте? Идеже такой? Не

измыслен ли в лице Христа небесного лицедеями креста земного? Потрясает, коли обман. Кощунъ в мыслех, паки и паки является же на ум: доколе веруешь в божей, не поднимаешься (до них); но если не веруешь, куда станешь подниматься? Пусть горит мир, и мы задыхаемся в дыму, станем повестити о боли души, иначе (все равно) смерть.

Зимой поделил Володимир земли Мирослава, и тако раздробились Дреговичи³⁰⁰. Святополк получил волости со градеми до Случья, сиречь, бранчан и полешей, и дербичей, отчасти и любичей; Есислав же принял под себя остатнее, включая Друтичей; иные волости со градеми отдал Володимир под волыньских подручников. Святополк бысть велми недоволен, считая ся обделенным, и рассорися жестоко с братом Есиславом. Сказают, бросил в лице Святополку при споре Есислав вещие слова: «Кто породнится с ворогом отца, отречется и от матери своей». Се быша опошние слова Есислава, ибо с той поры не вставал уже с постели и по весне умре.

Глава седьмая УВЕЩАНЬЯ И ЗАПОВЕДАНИЯ

Князь Мирослав бе (слишком) мудр, чтобы следовати (только) мудрости; шел стезьми часто наитяжкими, порою даже неразумными, приумножая (тем) разумение бозей и человецей. Оставлено (им) Назидание для сынóвей, велми утешительное и благополезное уму бящему, радующемуся просторным рассуждениям о добре и зле и о примерном княжении. Назидание бысть вписано в пергамены и скреп-

лено печатью в последнее лето дружбы с Володимиром; грядущее Дреговичей, хотя омрачено, казаше ся чисто и тепло, яко вечерье погожего дня. Аз пишу из пергамен, почтя важным присовокупити к Житию; да зрит всякий чтец: се мнози мужи исполнены мудрости, а живут тяжко и ходят над пропастию; просветление внидет (в них) дымом от огня, сгубившего их времёны и надеи.

Дети моя.

трудно молвити слово правды, оле трижды жити по правилам, понеже божьи пути означены терниями; укрепляют же волю любящих праведность; різно видят, что есть счастье, и никто не убедит, хотети того или иного, но (все) должны равно зрети, что есть долг, и не преступати его. Утвердити долг, не мешаючи исканиям,— назначение князя; искати же, не порушая долга,— назначение людей. «Человец спасает ся, чуя близость погибели». Отриньте сие ложномыслие, усыпляет до крайнего часа, епсайте честь свою во всякий

час. Предвидети — се перший дар живых, ради него вси остальные.

Нет памятника человеку окромя его жизни. Легко тратити попусту дни, трудно обратити их в судьбу вопреки ковам злых духов. Наставляю: смысл деяниям придает стол, але деяния — от человека; красит место, коли (человек) способен украсить (его); посему князю должно обзревати дела земли и (ее) заботы, разумея суть сутей столь же, сколь желания единого человека; не разумеющий уподобляет ся путнику, мчащему в теплое море на льдине; оставь кормило, не ведающий, куда правит лодию, ибо не утаишь неспособности и осрамишь ся в предках.

Не сетуйте на рок; не искуситесь осуетиться. Славную судьбу даруют бози (тому), кто в силах нести ее, не отчаиваясь в тяготах, — они очищают сердце, и меч ведь закаляется в огне. Истина не в том, чтоб угасить желание, но чтоб идти к желанному неотвратимо, поднимаясь после падения; к поднявшимся благоволят бози. Все в мире проходит свой круг, повторяясь; идите до конца, не поддаваясь усталости и не доверяясь отдыху, нет отдыха на земле человеку чести; отдыхающий уже вполовину мертв. Пуще зеницы берегите совесть, делу же, какому посвятите ся, отдайте все силы и тем достигнете совершенства; удивятся вашим деяниям и станут подражать им — и в твердости духа на бранном поле, и в мудрых законах. Людье николи не средство, но цель, получите (от них) тем больш, чем владите; радость же за радость не просите и воздаяния за воздаяние не требуйте; не было от века, чтобы дал человек равное человеку, и оба довольствовались; чья жертва больше, тот и правит незримо миром, чье сердце мягче, к тому и тянется сердце. Кто справедлив, без отчаяния встретит несправедливость; кто честен, не оскорбится бесчестным; кто тружается не покладая рук, пожертвует плодами сада своего; добродей не обусловит благодарностью; праведник не будет уповать на награду.

Нету вам обязанных, нету должников, своими трудами засевайте землю, дабы вкусити от ее плодов. Отец и мать не должны вам, и брат не должен, но все вместе должны совести своей; пусть каждый поступит по совести, а у кого нет, да понесет презрение, — за то, что

нет совести (у него), а не за то, что не дал вам. Рождение ваше искуплено родителями и предками, им воздайте, не требуя (себе) ничего. Давати и жертвовати — право Жизни, право Счастья и Красоты; брати и утаивати, скаредничая, — от ущербности, бесправия, отчаяния и потерянности. Не считайте своих даров, и николи не истощатся. Простите неблагодарного, — от нищеты неблагодарен, простите и невежду — от болезни неведение; простите и дерзкого — от пустоты дней дерзость; насильника однако искореняйте без жалости.

Радость — уразумети: и бози — творения сущего, только совершенны, и все сущее равно меж собою — ветви единого древа. Вглядитесь, есть ли (что) в человеце, кроме любви или ненависти, кроме мудрости или глупости, кроме Слова и Дела? Изречено праотцами на заре времен: «Не пищею плоти, но прежде пищею духа...» Об том пусть и будет забота ваша, ибо что значит сытый, не ведающий, куда деваться ему с сытостью? Горе одиноким, нет (им) радости и смысла, горе и тем, еже потерялись в толпе, чужда (им) радость толпы и дик жадный клик ее. Сходясь и разбредаясь, венчаясь и развенчиваясь, славя и проклиная, угадывая и вновь ошибаясь, — сице убережем ся и достигнем совершенства.

Аз скажу тайну тайн, а вы послушайте: жизнь мира человецей — от человецей; рождены волей бозей, должны родити ся заново, чтобы воплотити их волю; когда научимся? — не ведаю, покуда же не умеем, и примеров велми скупо, но и о них нет у мя известия. Одолеть замкнутость тела и духа, превозмочи узость желанья, мнимую завершенность знания, колебимость невежества и тоску о недостижимом. Мы дети божьи (пока) по имени, став же по сути, соединим разорванное кольцо времён, стреножим Злого духа и освободим Доброго — для нового века, идеже все потечет, како прежде, но по-иному; ради сих времён несут предки потомков, яко волны челн к бережи Бесконечья. И разве за то только, чтоб помянули или поклонились праху? За то, чтобы закон и честь пребыли навеки. Не мало ли? Ничтожный скажет: мало. И великий скажет: мало. Мир же скажет: большего не дано, все остатнее меньше гораздо.

Укрепляйтесь в Добром духе, дерзайте и богатыр-

ствуйте, помня: испытанья, кие грядут, труднее (тех), кие уже выпали (вам) на долю; каждый пройдет путь земли, и (путь) справедлив, ибо для всего сущего: было — и нет, цвело — и увяло, стояло скалою — и рассыпалось в прах. Но не смущайтесь, краткость пути взыщет (с вас) гораздо более, нежели были бы (вы) вечны. Вечность еще предстоит и повторится, а дни исканий и страсти не повторятся. Тут человек, серед живых явити ему облик, — ничего ведь не остается кроме заветов памяти; и от вас (должно) останись заветам и обычаям.

Жити в идущем и проходящем — жити без детей и надежды. Свойственно людям соотносится ся в грядущее. И се закон, охраняющий жизнь: торжествовати младенцу; иное — желанье отсрочити смерть или устлать покрывами приход ее; мало помогает. Только чистота нравов завещенная подвигает роды к вечности, служа силе, здоровью, мужности, мудрости и достатку; неправедность же подвигает к преждевременной гибели, к бессилию, болезням, трусости, лихоимству и нищете; забываются имена гордых племен и память о них, в забвении подвижники, — отмщенье нерадивым потомцам!

Спрóсите, како судити о мире, разумен или не разумен? Отвечу: равное место в нем и для разума и для безумия. Суесловно приписывати миру и цвет, и запах, и свойства, ибо вне человеческого измерения, хотя и измеряется, вне понимания, хотя и понимается; но нет и зыбкости, нет пустоты пустот, совместить же (это) в понятии (мы) бессильны; что ни придумаем, тотчас же и опровергнем. Спрóсите еще, куда движется мир? Скажу: и влево, и вправо, и ко тьме, и к свету, и к зрелости и к постарению. Не ждите погибели, как не ждете своей кончины; никто не ведает, сколько живет мир, никто не ответит, младенец (он) или глубокий старик; постаревшие приписывают ему дряхлость, юные считают молодым. Да и не погибнет (мир) вовсе, ибо нет ничего, что погибало бы, не нарождая, как ничто не нарождает ся, не губя. Любите мир и все в нём; кто сильнее любит, мудрейший; сладки дни мудрецу, а глупому безвкусны. Любите жизнь: по любви и воздаст.

Скажут, есть некие травы; кто поядет от них,

разумеет древы, реки и живостей, але открывається не-многим. Тем же, кто хочет постичи в людех немногое, открывається велми многое. Бози содеяли человека миром, не меньше окрúжного, и душа (его) соприкасается с боземи, минуя мир, и с миром, минуя бозей. Чтобы не ошибитесь в суждении (о людях), идите от человека к закону, а не от закона к человеку; от человека к обычаю, а не от обычая к человеку³⁰¹. Блюдите не закон, ибо переменлив, блюдите людскую совесть, она начало законам. Не будьте слишком строги, чиня судилище; если бы (вы) видели жизнь, яко стоящие пред вами ответчеми, вы бы затруднялись приговаривати и даже не смели бы судити; как и они, дожидались бы с покорностью и негасимой обидой еще одной несправедливости³⁰².

Законы подобны святищам, им стояти вечно; потому много размышляйте, прежде нежели дать законы; не соблюдаемый и вызывающий насмешки закон погубляет в людех надежду; хуже нет, если закон вещает одно, а обычай другое,— тогда напложаются празднословы, лжецы и двоедушцы. Слишком малое полюдые поселяет во смерех праздные мысли, слишком великое сопряжено с равнодушием и нищетой. Соразмеряйте, дабы не лишити людые радости, но и воспретити лежебочить.

Не изгой порушают общину, а скудость быта.

Се замета горького опыта: холопствует держащий холопа. Обходитесь без холопей; идеже холопе, тамо лень и проволочки, и чинятся один пред другим, умножая глупость; каждый буди хозяином своего дела, а не рабом чужого; если конюх станет спрашивати ключ у ключника, сена у амбарника, овса у тиуна, не съедете со двора в час неволи.

Не стремитесь все охватити сами, не думайте: вот, пропадут без мя; есть мужи, иже отмечены добродетелью больше вас,— преследовати их глупее глупого; привлекайте к державным заботом, поручая самое трудное и одаряя наиболее щедро; не зрети чужие доблести хуже, нежели оставити втуне свои. Не вершите дѣла, еже могут свершити без вас, но свое не откладывайте и делайте, дабы николи не переделывать; трижды сеют нерадивый и жадный.

Ужасен холоп, помысливший не о воле, но о тиун-

стве. Не доверяйте (человеку) подневольному или низкого звания, если его достоинства не очевидны и если слова (его) о предстоящих свершениях превосходят имеющее свершиться; не позволяйте (ему) властить; в жажде возвысится ся прольет многи крови. Опаснее лентяя муж, еже придет и скажет: знаю, как достичь замысла или даже благоденствия земли; лентяя можно вразумити палкою, негодник же, в себялюбии и алчности увлекающий соблазнами, причинит большую беду. Искореняйте сих резвых и назойливых мужей, иже хочут правити чужим правлением и славиться чужою славою.

Нельга обещати князю от того, что (ему) не принадлежит; лутше содеяти, не обещая; не исполненное подрывает веру в божественный промысл власти и навлекает хулу на святыни.

Годы умножают тяжесть неосуществленной мечты. Оле каждодневное тружание воссоздает надежду, человек же — тень надежды; какова надежда, таков человек. И великий, лишенный надежды, уже ничтожен. Надежда — здоровье души, при больной мыслимо ли исцелити тело? Жив человек, дондеже жива надежда. Пусть не останоят (вас) неудачи в предприятии: часто с неудачи починается истинно удачное дело; кроме того богам, прежде чем наградити, угодно испытати наше мужество. Не поддавайтесь неудачам, но продолжайте дело и победите или достойно сложите голову, како бывало до вас и будет после, — все слезы уже пролиты, вздохи испущены, токмо мужество вершит судьбы, а трусость разрушает душу. Не оставляйте в решающий час одного дела ради другого, сулящего больше выгоды; обычно не бывает удачи, если пристрастия меняются раньше, нежели что-либо достигнуто. Всякое дело трудно и кажется нескончаемым; приступайте с усердием и не послабляйте се — вскоре завершится само собою к долгой и заслуженной радости.

Не ройте колодезей, когда захотелось пити; не ищите мудрых, когда потребовался скорый совет. Изрекаемое мною уже изречено моим отцем и вашим дедом; бе умнее, бо учил короче: «Дай сыну больш, нежели получил; не сердись на укорившего в недостатках, ибо бози предупреждают его устами; обычаи предков со-

храни без ущерба; пока (в себе) есть хоть одно желание, дела все еще хороши; самое непростительное — бедность владеющего землею и руками».

Аз убедих ся, обойдя Словень и окраины, и чужеземье, чадь неименитых скорее приобщается к мудрости, нежели дети именитых: в них меньше предубеждений, крепко желание учиться и созидати великое, вкушая земную славу. Ищите же слуг повсюду, и в домах простолюдья. Народ жив богатырями; не скупитесь на подарки богатырям и привечайте неустанно тружливых ради благоденствия земли. Все минет — и царства, и законы, но честь пребудет и обычай должен остаться.

Мир держится на трех столпех, и они суть: Вещное, Течение и Красота; Красота же есть Мысль. Злое складывается и доброе складывается, посему князь не смеет княжити неискусно; даже пахарь николи не починает сначала. Душа бессмертна; переселяясь, остается в народех, если человек успевае достигнути (первой ступени) совершенства до того, как нарождает сына.

Тружаясь во всякий час бодрствования и постигая связь вещей, памятуйте: самые добрые из мудрецов — самые неудачливые, ибо не отвечают злом и несправедливостью. Будьте снисходительны к мудрым и добрым; нет (ничего) опаснее для царства, нежели мудрец, у которого скончилась надежда; рубища и лохмотья да не помешают (вам) услышати праведного гласа; але мудрецу жити в народех. Много неудачцев — предвестье беды и неправды. Заботьтесь, чтобы каждому было и поле, и конь, и жена, и добрый пример, тогда никто не победит вашего племени. Берегите обычай, он оберегает народ.

Ведаю, мало помогут мои советы, ибо являются в крови, не в красоте слова. Словы, яко волны, а смысл, яко песчаный берег, волны приходят и уходят, а берег все тот же; один назовет грудюю песка, другой — окончаньем тверди. Видя лишь себя, ничего не постигнешь в мире; нет для себя смысла или слишком беден и горек. Пусть будет, что есть, и это радость радостей. Пусть ищут и не находят, и это радость радостей. Пусть находят и торжествуют, и это радость радостей. Ничего не придумать сверх. Алчущий ядет, уставший

спит, беспокойный напрягает мысль, сильный развлекается, что еще?

Если (нас) не научает свой опыт, разве научит чужой?

Измены и слабости присущи (людям), от них подлость, злоба и невежество; преодолети себя — долг долга, ибо кто избавит человека, если не сам? Нескончаема борьба в душе меж боземи и злыми духами; отвергнув повсюду искати обретения, (душа) обретет радость, позарившись на удовольствия, найдет мучения; отвергнув покой, получит отдохновение; возалкав безмятежности, иссякнет в стонах; строя, разрушит, и лишь разрушая, построит. Мудрости не бывает много; сказавший «аз утомился под бременем мудрости моей», недалек и незряч. Повернути вспять бег солнца — разве мудрость? Опустити небо — разве мудрость? Мудрость — не пожелати больш, чем дако (человеку). Смысл — во всем, созидающем радость; кто не радуется, мертв; да не отравит смрадом благоухания живых. Некто в унынии: «Аз есмь не вечен. Какой смысл у вечности?» Но если бы (мы) были вечны, вечность лишилась бы смысла. Не подобно ли, если вопя: «Аз есмь слеп, зачем зрение людем?»

Жизнь — тень от пролетевшей птицы. Оле без смысла не быти мудрости, смысл же во всех человецех, не в одном, во времёнех, не во днях, в земле, не в селище, в бозех, не в едином. Всему (свое) назначение, и ветр не может и толкати лодью, и служити пищей. В беде являют волю: чем труднее и горш, тем тверже и возвышенней; беда открывает, каков человек; горе скажет о нем, удача и веселие промолчат. Одна смерть; и нет боли больше, нежели воспримут душа и тело, чего же трусить? Испьем и мы (свое), како испивали предки; мгновением больш, мгновением меньш — мало разницы, а честный и бесчестный — как правда и ложь; смотрит (на нас) прошлое и грядущее, ждут потомки нашей победы, а не жизни любой ценой, ждут свободы, а не рабства, хлеба, а не укора.

Мудрость — честь души, храбрость — честь сердца; мудрость — жизнь духа, неведение о смысле вещей — смерть (его). Утолишь жажду, противно будет пити; насытишься, ясти боле не станешь; натешисься веселием, мерзкими содеются лики пирующих в без-

заботи; одной мудростию не переполнишься и совершенства в деле своем (так и) не достигнешь, радость же (от них) во всякий час; тяжести и печали не в счет, се ступени, и каждому тщися вверх; чем больше муки, тем ярче озарение; излишек же боли погубляет неотвратно. Мудрость зиждит ся не на истине, но на справедливости и правде; мудр и малосведущий, але (лишь) многознающие в почете у бозей и человецей. Мудрость — дух рода, украшение племени; сопряжена со слезьми, но радость (от нее) беспредельна; лишь радость мудрого без горечи.

Овладеи вещьми, еже не сулят прибьтка.

К чему тяготы обретеня (мудрости), если мудрый умирает наравне с глупым и счастье не от одной мудрости? Рассудите сами: коли бози платили бы за мудрость полегчениями судьбы, всякий бы пожелал; была бы мудрость в постижении мудрости? Все людье за мудрость, отчего мало мудрецов? все за правду, отчего не переводится лживый? Все за жизнь, а умирают без числа. Не ищите причины, желание (никогда) не совпадает с исполнением и потому только бессмертно. Не внемлите безымянным с имёнами, не слушайте спавших во время жатвы, дремавших при поучении, скупавших в праздник, не рисковавших животом ради ближнего, не познавших своего лика. Человек — тайна, подвластная и не подвластная человеку: како величает мир, тако величает ся, како любит себя, тако и мир; злой сердцем умирает от язвы души, разоряющий дом свой первым гибнет от холода. Что покой морю? — зацветет и затухнет; бороздят волны страстей, але знает волна, идеже берег.

Самообман не помогает нести ярмо. Опьянение кончается стыдом и срамом. Помогает правда, и вот она: принять, что выпало. Быти садом при дороге жизни, не дать завянути и погнiti плодам, но напитать мимо идущих и страждущих — напитает судьбу. Празднодумы глаголют: «Округ — пустота, и без смысла; ничего не удержати и самому не удержаться». Се страх мелких и робость ничтожных; смерть — перший жезл справедливости, а преходящность вещей сообщает (им) истину и смысл. Людям не выправити замыслы бозей, но ведь (они) постигают их; в каком поколении придет Великий, никто не знает. Он может быть вашим

сыном, ваша дочь может стать матерью Его. Бози сказали людям: «Покажите, на что способны, сравнитесь с нами, и откроем вам землю, еще более прекрасную».

Жизнь дана, дабы познавати радость и горе. Неразумно искати укрылица от жизни: как бы и не жити вовсе. Нелепо хотети беды, но нелепо стремитись к одному благополучию, все подчиняя ему; «идеже не насытит радость, насытит печаль», — глаголют ильменские Письмены. Ищите себя повсюду, не бойтесь лишений, дни в лишениях лутше прозябания в достатке; а что болит сердце и покороблена душа — от приверженности суетному; коли можете выбрать, выбирайте судьбу, идеже больш запомните и меньш забудете.

Не твердите, что много округ бесчестных: кто из вас изнемог в борье с бесчестием? Честь одного сохраняет честь всех, бесчестие одного бесчестит остальных. Нет пользы для племени от пустосегов и ругателей всеу, наипаче от убедившихся в своем совершенстве. Будьте милостивы к раскаявшимся; к злоумышленникам, чья вина доказана, снисхождения не являйте; судя одного, судите всех, но судя всех, не судите каждого. Прегрешение неискупно в жертвах покаяния; ложится в душу всякий грех и отягчает ее; бози не напомнят, люди забудут, а вы помните, что поступили не по совести, и терзайтесь. Не повторяйте ошибок; нет безошибных, мудрый же ошибается по разу на каждой ступени; мудрым присуще ошибаться, глупым — повторяти ошибки.

Признаюсь, дети моя, в глас божий, понятный всякому, не верю, — се уклонение заповедей и выдумка соблазников. В сны же верю, особно в совесть, глас Неба непрерываемый, ибо кто оставлен боземи, без совести; совести не учат, а она во всяком деле научитель. Вот, слышны жалобы на несвободу и стеснение, стеснен же и несвободен человек более в себе, нежели отвне. Несвободный даже более свободен, а свободный более отягощен, свобода ведь — неумно в беспрестанности одоление несвободы. Желает свободы благородный, а подлому довольно легких цепей. Ищите свою свободу в друзиях и единомыслах, одинокий — холоп более других, нет (ему) достойной цели.

Люди хотят для себя, у каждого плоть; для себя

хочет и честнейший; не позор, пока искания мзды не заменили заповедей предков. Заботьтесь о насыщении жизнью подданцев, зная, пресыщение хуже голода и опаснее чумы. Не бойтесь бремени в днях, не отвращайтесь сомнений, всё жизнь, а по смерти не будет; счастлив миновавший испытания и не отступивший надежд, питает народы и память (их); узнают о неизвестном и поклоняются ему. мудро что-либо достигать, но еще мудрее, исполняя долг, остаться незамеченным. Разве солнце, проходя по Небу, возвещает о себе иначе, нежели лаской тепла и света?

Велика цель праведной жизни, а ле и за нее нельзя закладывать душу; победа, обретенная поражением души, — тягчайшее из поражений. Трудитесь в радости и от всего почерпнете радость, — от желанного и от нежеланного; держите душу спокойной во всякий час, даже при гневe; свершённого уже не пересовершишь. Вылейте до конца из сосуда своего, дабы увлажнить живородящую землю. Не питайте зависти — не ведаете ни ярма чужого, ни сомнений, ни сокрытой болезни. Зависть убавляет достоинства, ослабляет ум и бичует тело. Се худший из пороков; нет исцеления ни мертвому, ни глупому, ни завистливому.

Понуждаемое суетой, людье не способно зрети грядущее, долг князя — видети тень его, ибо омрачен (ею) нынешний день; все, что свершается, — начало того, что свершится; кто не понимает провозвестников и вещунов, прося у невежд растолковать, приведет племя к гибели. У вольного народа вольный князь, народом-холопом княжит холоп. Завистливый раб — худо; завистливый князь — еще хуже.

Мудрость повсюду и доступна каждому. Если придут мудрецы, а вы (их) не поймете, не считайте мудрецами. Мудрость помогает (только) тем, что отовсюду черпает радость, даже из безотрадного, но дать богатства суеты не может. Мудрость укрепляет дух, но не ручается за успех.

Иные из стратотерпцев, не поняв и не приняв земное, проповедует небесное. Не идите за ними, — глаголют устами заблуждения и страдания. Дано земное, чтобы не покидати его; дано небесное, чтобы стремиться к нему. Исповедуйте, что исповедует (ваш) род изначально, и не исповедуйте, чего не исповедует; муд-

рейшие уже прошли, и нынешним умам трудно (даже и) сравниться; что кладется на весы, взвешено; что имеет высоту и глубину, измерено; что полезно, используется; никто не откроет ни пищи телесной, ни пищи духовной, все было, слова сказаны, клятвы изречены, и претыка за дерзанием; этим и различаются люди; одарок судьбы — дерзость каждодневного труда, что же еще? Ранняя пташка клювик теребит, поздняя очки трёт.

Избыточествующий народ погубляем пороками; не знающий строгих законов и порядка, кланяющийся успешливым, вечующий по безделице и не деющий по нужде разуверяется в себе и тако мельчает и пропадает. Влюдите душу народа, умножайте крепость его; собранное полюдьё не прогуливайте, но кормите дружину, долбите лодии, покупайте оружие, породистых коней, платите вено за плодовирых жен, созидайте остереги, правьте суды и одаряйте волхвов; внемля мудрецам, не одеяйте их: станут лгати, почуя легкую поживу; однако всим обнищавшим и голодающим дайте хлеб и семена: страждущий без надежды — укор княжителю.

Нельзя, не возбуждая неприязни, потребовать от людей большей добродетели, нежели та, какой (они) достойны. Требуя исполнения закона, нельзя давать законы, даже и справедливые, какие бы обратили в преступников многих из племени. Како бы ни радел князь, обвинит (его) молва в неудаче, а потому мудрость не-обходима; окружайте ся достойными, советуйтесь, не выпячиваясь и не раздражаясь; и наилучшее решение бесполезно, коли не претворено надлежаще. Заботьтесь, чтобы слуги неустанно искали, како лутше исполнити (вашу) волю.

Заповедано: не пожелайте суда и хлеба (только) для племени своего; будете голодать, доколе рядом останутся ненакормленные, изойдете в беззаконии, доколе не обретут закона соседи, и разум не расстанется с безумием, доколе не найдут разума окружившие вас. Обычай словеньского князя — простирать мысль и правду, давая честному иноплеменнику столь же, сколь сородичу, спрашивая с него, как с родного сына; се блюдите, дабы не пало достоинство в племени; разочарованный и оставленный без поддержки не станет

умельцем; в умельцах же сила племени и могущество князя.

Прощайте искусникам несогласные слова, — буря бушует в человецех, образующих нечто из ничего, из бури тишину, а из безнадежности надежду. Остальным не прощайте, наипаче льстивцем и угодникам; льстят и угодничают немощные в деле; от неспособного — колченогое, от льстивого — уродливое. Знайте себе цену: знающим излишни подтверждения — не страшна лесть.

Берясь за дело, не поддавайтесь усталости и отчаянию, сражайтесь до крайности; часто лишь в безнадежности приоткрывают бози надежду; зрите ворогов, предвосхищайте коварства и козни и не позволяйте господствовать (над вами); стремитесь к нагорному, к восхождению, искушая судьбу и тем украшая ее; стремясь вверх, уповайте на ся; не берите не принадлежащее вам. Ворогов не щадите; умиляйтесь в час умиления и бейтесь мечем в час сечи, правьте рало в час пахоты и закидывайте неводы в час ловли; наследство отцев храните и славу племени приумножайте; побеждает миром и без потери способный легко одолети противника в бою; будьте же всегда готовы сразиться и победить.

Отличайте слуг от корыстолюбивых прислужецей; громогласны или же вкрадчивы льстивые уста, дела с виду ошеломляют, но, приглядитесь, ничего не изменили и стали бременем. Избавляйтесь от сих краснобающих просквозей, не позволяйте влечься, яко каменю, ибо после не сдвинете, а дорогу преградят. Не путайте услуги и пользы, услуга — вам, а польза — племени. Более всего остерегаю не от заговора, не от злой ворожьбы, не от наветов, но от бесчестия слуг. Множество заурадных округ, множество лиц, подобных по выражению, — се знамение грядущей гибели; вглядывайтесь штодень. Не бойтесь ворогов отвне, — крепость княжьего дома за стенами града. Не бойтесь тех, что придут с мечем, — (они) не одолеют; страшитесь тех, что придут с улыбкою и поклоном и станут тихомолком, исподтишка развращать род ваш и племя, уча бездумному злодейству, безудержному пианству, мздоимству, неуважению сородича к сородичам и забвению обычая. Сих бойтесь, от них погибли сильнейшие народы; следите неусыпно и искореняйте.

Не любите хора славящих — оглохнете; не любите блеска — ослепнете; не любите сонмища кланяющихся — среди холопей затаился убийца. Признайте правду, дабы искоренити ложь, покайтесь в слабости, дабы обрести силу, не обманывайте себя и других не придется. Не заискивайте перед вечем, — не поверит, не льстите врагам, ножа точити не перестанут; решайтесь, ибо нет хуже промедления, когда судьба на пороге. Не многословьте, избегайте велеречений, мера мудрости не рукоплески и кличи, а мысль, озарившая чело внемлющих. Оставьте княжение, если связаны (ваши) руки, и совесть болит молча.

Остерегайтесь и подозревайте твердящих о пользе племени, держащих однако на уме свою корысть и корысть своих сородичей. Что полезно вашему роду, полезно и всим родам. Не тщитесь вознести ся и встати над другими народами, неугодно Могожи; любите челоуцей и всих, любящих их: радости мира — от челоуцей и труда их.

Держитесь бозей отец и праотец своих. Не поддавайтесь льстивым искусителям, ищущим погубити вас похвалами и хмельными пирами, и пустыми отвлечениями, праздным женохотением и бродяжничаньем нищего духа. Се предлагают ныне Христа, коварное умыслѣ полонити ваши сердца; аще переварите Христа, предложат и антихриста, дабы оскопити вовсе дух ваш, лишити силы и опоры и сице оборотити в рабствующих для усмехающихся вашей глупости и считающих злато за причиненные вам несчастья. Юные сердцем падчивы на мятеж супроть всего мира, ибо не ведают закона его, коварным же уловителям того и надо; примечайте, не хотят вашей чести, хотят бесчестия вашего, пугаются вашего здоровья, но довольны вашей болезнью, рыщут не допустить, чтобы свое обретал каждый без поклонов; хваля закон, мзду ставят превыше закона; толкают к волоките и лени, праздность ваша и избиение друг друга больше всего радует их; учитесь же зрети суть сутей и тако избавитесь от них.

Ложь, что мир равнодушен к вам, если даже источаемы бедствием; ложь, что развлечения наполняют жизнь, если и унестряют дни; ложь, что своеволие прибавляет свободы, — были слугами бозем, станете

рабами разнуздю, прислужецами у врагов своих. Всему уместное в свой час; честь же и трезвость да пребудут во вси мгновения. И возвеличенный, и падший да проведут дни свои в размышлях о судьбах племени, не боясь принести ся в жертву ради справедливости; се угодно Могожи и Перуну.

Под конец все убыстряется, и времени уже не достает; стремитесь, чтобы до кончины созрели плоды (вашего) сада; только сад останется с вами, даже вырубленный злодеем, прочие отрекутся задолго до беды; приготовьтесь и не сетуйте.

Лутшая из побед (та), идеже нет побежденных ³⁰³. Идя к цели, жертвуйте всем, опричь совести, дабы не раскаялись, достигнув (цели). Не стремитесь к цели, которой не починается новая цель, такая цель подобна окончанию жизни, пристанищу с призраками печали; жизнь же отверзает ся на дороге искания.

Вы говорили: вот, человецы неблагодарны, сегодня освищут оступившегося, служившего беспорочно и безотказно мнозие леты, и не признают мудреца, обличившего глупость. Отвечу: тако и есть; но разве честь блюдется ради признания? неблагодарные — еще не весь род ваш; благодарны в совести познавшие неблагодарность. А вы (сами), всегда ли поддерживали начинавшего? всегда ли без зависти принимали чужой успех? всегда ли печалились, видя споткнувшегося впереди вас? Не осуждайте же человецев, ибо не от доброго разума и не от радости жизни, — от слабости и нищего духа.

Вы спрашивали: для чего живы? все долг и честь, а дальше? ужли обречены нести ярмо до скончанья? ужли невозможно послабитись, вкусив от хлебов боле, чем надобь для утоления глада? Растволкую, дети моя: сами раскидываем тенеты для уловления своего. Солнце светит, а не требует мзды и не просит покоя; дай (ему) на миг опочить, и погаснет. Тако и в вас исчезнет сила, едва похотите взяти боле, нежели раздаете человеком, чьих имен не ведаете. Нельга остаться серед злого мира, говоря: аз опочю, а дни — ступайте без меня. Едва промолвите, уж не догоните того первого дня и потеряете счет времён; зряшны и суетны будут дальнейшие пути, обскачет (вас) улита, и червь посмеется: се избранная мне пища!

Народ, еже подвержен внутренней смуте и падению нравов, не свершит достойного; сице охваченное недугом тело уже мало справляется у головы, а голова бессильна. Всякому народу, како всему живому, положено число дней; вот занедужил, но выздоровел, вот занемог и умре; и если отверстая язва провозвещает погибель человека, ложь торжествующая провозвещает погубление народа; идеже не обопрется человек о человека и не сыщет себе друга, и некуда будет ему приклонить ся, дабы исплакати душу, негде притулится, дабы роздыхнуть, тамо пропадет народ в самоизгубление, и смердящий труп закопают другие народы. Поэтому старайтесь, чтобы все были брате: учите доброму обычаю. Закон не заменит обычая, понеже закон творим страхом, а обычай доброй волей.

Не удивляйтесь безднам падения человека, вершины духа тоже беспредельны; достигали (их) немногие, умевшие правити желаниями. Один забываем собой и боземи по недостатку дня, другой по избытку; мало тех, у которых день творения сравнялся с днем желания.

Коли счастлив, не ищещи счастья, коли несчастлив, не найдешь, але надежда не покидает. Изречено Вогулом, владыкою: «Дабы испытати счастье, буди, кем можешь, и не буди, кем не можешь». Легко доступное легко и ценится; если все недоступно, теряются желания. Еще хуже, коли бесчестный торжествует над честным: не устоит долго земля, идеже творится неправое, и никто не возвысит гласа.

Все остается в своем круге, и общий (круг) очерчен небесным окоемом, тем, что виден, и тем еще, что не виден, но существует. Всяка птица свой полет совершает, всяк червяк своею дорогою ползет; помыслы же (об этом) умножают терзания странников. Высоко счастье — зрети процветание племени, коли и сам немало потрудился (для этого), жертвуя безоглядно. Счастливых народов нет, есть тружашеся с упованием и уповающие без многих трудов; вторые безнравственны и не умудряют судьбою. И великий народ должен слишком верити в себя и слишком оберегати волю (каждого) мужа, дабы владети достойным князем. Единенные роды — челюсть могучего медведя, разрозненные — выбитые зубы; кого остережет выбитый зуб?

Не бойтесь однако соперников и врагов, — без них еще труднее. Привыкайте сражаться во всякий час.

И мысль, и красота допускают множество толкований, ибо предрекают грядущее. Словесами опалается людье больш, нежели огнем. Щадите слова, да не жгут и не морозят, — случившееся николи не таково, каким мнится сначала: не спешите осудить и не будете осуждены.

Человек сдается постепенно, отрекаясь от самого себя; смерть приходит к смиренному, и ужасна; непокорные не ведают смерти, легко переходят в небытие. Присуще думати о судьбе лутше, чем есть. Чего бы мы стоили в глазах мира, если бы не стоили так много в своих? Много думати о себе — беда, мало думати — беда, а меры никто не знает. Нелегко приобикнуть, еже оставляем мир прежде, нежели воплотим замыслы. И вот заповедь: ни дня без радости свершения; смерть должна быть последним ответом (человека) на свою жизнь. Умрети достойно, подобно другим, хотевшим жити больш (нашего) и глубже тянувшим борозду любви и умельства. Тяжко, тяжко, говорю вам, пройти, не согнувшись под ношею чести, се труд неустанный, бдение неусыпное, але и награда: не посрамлен, но возвеличен духами предков, и что до злопыхателей?

Племёны достойны князя, а князь достоин племён. Храните, что наследовали. Не плюйте в свои колодези. Можно без руки, но нельзя без реки, можно без соли, но нельзя без поля, можно без брата, но нельзя без стада, можно без хлеба, но нельзя без неба. Людье хочет доброго, оправдания себе и сочувствия; не кривя душою и не лицемеря, скажите (людям) о долгожданном, — достойны, хотя и кажутся недостойными в час негодования. Сначала милосердие, потом закон.

Хорошо, если сокровища мира и игра плоти утешают душу; худо, если душа в прислужницах плоти, и сокровища мира ничто ей, когда противится и страждет плоть; худо, если вечное для преходящего, хорошо, если преходящее для вечного.

Всякий свершит посильное, коли не пощадит ся; сила же зависит от ближних. Итак, выбирайте друзей, полезных душе, найдите слуг, способных к делу, но строже всего выбирайте жен, ведь дом — первое гнездилище судьбы. Дом бывает полным и пустым в полноте,

окрыляющим и унылым, дающим отдохновение и умножающим скорбь духа, питающим силою и отнимающим здоровье. Коня легко сменить и забыть, труднее сменить и забыть жену,— кроме раны в сердце оставит наследника, ради которого труд ваш штодневный и радения в мѹках; от злой и нелюбимой жены не ждите добрых и благодарных детей; скорее разрушат сложенное вами, чем достроят начатую башню, скорее проклянут, чем восславят. А потому — не берите в жены низкородной или от ленивых родителей, поживающих плоды чужого приобретения; нет ничего ужаснее свиньи с рогами или ленивицы, не ждущей полночь супруга. Остерегайтесь самомнящих, знающих ответ прежде вопроса: станут свариться из-за сажи в чужом очаге, в беде будут защищать себя, а не ваше дело. Жена, забывшая о смирении, готовит себе и мужу неисчислимыя беды, ибо в пороках своих жена превосходит все сущее; пороки мужа от нее же: она свет, а муж лишь тень света; свет мягок, не погубляет, но жизнетворен и сеет тепло, а потому покорность жены — первое достоинство ее. Рабствовать должно жене, чтоб властити; николи не подымет ся в глазах своих выше, чем подымет любящий муж; устами мужа возвышается ее душа. Будьте великодушны к добрым женам и заботьтесь о них, яко о матерех; скажет муж о добродетелях жены, а боле никто. Берегитесь властных, с грубыми голосами, берегитесь жадных, назойливых, похотливых и нетерпеливых. Достойна изгнания жена, порочащая мужа хотя бы мыслью, и та, что избегает понравиться ему во всякий час.

Чем больш наберет душа ваша сокровищ, тем дальш будет от нее жена, славящая устами ее сокровища; чем больш станете попускать ей, тем требовательнее делается, ибо природа ее другая, нежели ваша; муж — подвижник, странник истины, поборник правды, она же утешается домашним обилием, ищет поклонения и неистовствует, доколе не получит. Отверзнутся ложесна ее, и чадо делается милее всего на свете, и продаст мужа за чадо; но не осуждайте, такова природа, и мать ваша была подобной. Горька правда, але подслащенное — уже ложь. Обманчива жена, мимолетны грезы любви; долг выбора и честь памяти да не разлучат до срока; коли же пришел

конец страсти и памяти, и чужое узрели в неколи родном, распуститесь достойно, блюдя взаимные тайны. Любовь истинного мужа — не женохотение, но дело рода его; не наскучит, не изменит и не объявит нежданной норой. Блаженны жены, чьи мужи владеют делом, несчастны, чьи изнывают от бесплодных желаний. Тяжко бремя рассевания семени и лелеянья всходов, але богатый урожай — отрада сердцу; жены, ищущие сравниться с мужем, утратят (то), что (их) возвышает. Мир жены открывается в муже, явитесь миром огромным, и по жене скажут о вас, высоки или низки. Жены же пусть трепещут вас и слышат не изреченное вами. Честь мужа есть честь жены. Бесчестие жены есть бесчестие мужа. Не связывайте возлюбленных, а пуще жен, с делом судьбы предреченной, мало среди них идущих до конца; разочарование и горечь подкопает и обрушит ваши силы. Да будут жены украшением дома и желанной утехой, полем (для) зерна и нивой (для) стад, опорой же (вам) не станут; обломятся в неподходящий срок, кого станете винить? Без нужды не давайте женам дружины и не поручайте ни дани, ни полюдьа.

* Обычай и вече — закон для князя, обычай и князь — закон для мужа, муж — закон для жены, родители — закон для детей; для всех же законом бози и духи предков. Чем труднее, тем крепче держитесь избранного пути; великое и праведное достигается в долготерпении, и лишь зло и мерзость стбят немногих усилий. Прекрасна победа, одержанная страстями всей жизни, а не одного дня. Не любите ничего выше чести и долга; отриньте искушения, грозящие чести и долгу; ни женою, ни серебром, ни властью, ничем не натешитесь, все уплывет, лишь честь останется с вами и исполненный долг согреет душу; радость — от благодарности к предкам.

Доброй совестью сотворенная вещь — образ мудрости, и мудрость сама — образ добротной вещи. Торопитесь достичь совершенства в трудах, быстро проходят дни и силы; и умения, и дерзости уже не достанет близ росстани.

Недужные мы: если б не недужили, как узнали бы о здоровье? Для очищения (даны) пороки; порочные — недужные из недужных, исцеление в рuceх их, они же

безвольны и обречены. Худшие из пороков — бесчестие, зависть, мздоимство, славоблудие, сребролюбие, лень, трусость; и вот еще — пристрастие к хмельному велью; бражник и ярыжка не замечают, еже обидели родную землю; поют в хоре ворогов и совратителей своих. Один бражник разрушит дом, два — общину, три — вызовут бедствие всего племени; совращающий винопитием погубляет, яко мечем, и, тверезый, господствует над упившимися. Выродились народы, предававшиеся блаженству скудости своей, и имен не сохранилось. Идеже они, подбадривавшие друг друга: «Вино — веселие, не может быть пагубным обычаем многих»? Все помыслы достойного мужа надлежат земле.

Помните свои дурные поступки и забудьте о добрых. Правая и скорая месть укрепляет закон, но мстити в мелком — умельчать душу и коротить дни. Аз есмь ревнитель вечерних молений; каждый, уединясь, перечисли свершенное в дне и осуди ся за упущенное; не замеченный день — мимо прошедшая жизнь.

Доискивайтесь правды, але не доказывайте без крайней нужды, — разумеющий ведает, не разумеющему не докажешь; люди страдают от того же, что и вы. Преследуйте зло словоблудия и лени, от них терпели отцы. Клятвоотступничество и ложь подобны змее: едва дашь просунуться голове, пролезет все тело. Не сдержавший и малого обещания — лжец.

Не угнетайте инакомыслей, дабы не остаться в одиночестве, коли утеснят события; инакодумецы — голос совести вашей; лутше всего раздавайте (им) работы, сопряженные с трудами; тако обретете союзцей или обличите неблагожелателей. Ворогов помните поименно и не упускайте из виду. Радуйтесь поношениям, тем паче несправедливым, — о слабости недругов вопиют пустые поношения. Правда николи не признается в день нарождения: средь многих младенцев лжи кто отличит ее? кто расслышит невнятные еще звуки? Стойте на своем, если уверены, и людье узрит правду в правде, како находит ложь во лжи. Князю надлежит убедити в истине и последнего раба, своеволити же постыдно: власть от правды, а ложь — уже безвластие, хотя с жезлом и с печатью.

Не спрашивайте, в чем (ваше) счастье, спрашивайте, в чем несчастье, ибо предупреждает; не спрашивайте,

те, что радует, спрашивайте, что печалит, ибо отверзает очи.

Однажды некий князь собрал премудрых со всей Словени. Впроси: «Чего жаль более всего на свете?» Отрече один: «Матери, коли умрет». Рече князь: «Истинно жаль, безмерна потеря, только мати прощает, не оставляя зла в сердце. Однако же все уходят в свой час — зряшны споры с судьбою». Рече второй мудрец: «Мечты жаль более всего». И паки возразил князь: «Жаль и мечты, але хотелось слишком много потерявшему, коли содеял ради мечты столь малое; кто хоцет много, пусть принесет втрое, чтобы жрети и подстерегающей неудаче». И спорили долго и без успеха. Рече некто: «Времени, потраченного зря, жаль более всего». И никто не оспорил. Се аз глаголю вослед: времени, потраченного всуе, более всего жаль. Торопитесь вершить дела, пренебрегая безделицей. И не вопрошайте о смысле поспешания: и после нас поле должно родить, а жена плодить, солнце светить, а река течь, умаляя жажду, птицы щебетать, и звери населять лесье, и после нас радоваться радостям, каким радовались отцы, и племени сохранять силу и предание.

Без мудрецов неплодна земля бывает, але серед одних мудрецов меркнет свет. И мудрость отриньте, если противна совести и убеждению; лень же и страх преодолите и неумелость превозмогите. Все за правду, але узрети (ее) не позволяет ложь, еже в нас; сие глупый не уразумеет своей глупости; и вот: мудрый — примечающий свою глупость.

Бози творят (нашу) судьбу нашей волею. Уважая других, уважаем себя, почитая других, почитаем себя, любя других, любим себя, вредя другим и ненавидя других, вредим себе и себя ненавидим. Жизнь проста, але поучение ее сложно и бесконечно. Живя для себя, живем для других, живя для других, живем для себя. Если живем трудно, значит, (живем) хорошо; если же хорошо, значит, трудно. Заключаю: оттого беды, что люди не знают себе подлинную цену, самомнение безмерно; не знают цены и другим, невежество непреодолимо, требуют силою, чего не достойны.

Случаются люди умышленно кроткие, ко всем с ласкою и терпеливы без меры; чего-то хотят; не возрощут, не укорят, снесут неправду и промолчат о на-

праILINE. Сих ненавижу: берегут ся — для чего? Истинная душа — природа: и восшумится, да уляжется, и взлденеет, да отгает, и нахмурится, да развеселится; и при всем останется равно красива. Есть же еще люди, благообразные в улыбке, але омерзительные в grimасе зла, — недоброе таят.

Проницайте незримое; подражайте усердию и осмотрительности народов, сохраняющих мир в себе и в соседях; любите братьев истонных, ибо явили в тысячелетиях и честь, и мудрость, и мужество. Преследующий иноплеменника — без совести, угнетающий сородича — без чести; унижающий иноплеменника унижен, унижающий сородича лишен памяти и свободы; не будьте низкопоклонцами, дабы не содеялись рабами, але и носа не задирайте, дабы не ступити о грабли. Верьте в себя и свершите невозможное, уважайте душу свою и (тем) воспретите бездушные других. Все народы да будут вам друзьями, и вы пецитесь о них; человеци — из единого кореня и разошлись, чтобы сойтись, а коли не сойдутся, разметет их буря; разделят языки и уже не столкуются.

Страшась смерти и не ведая о подлинном блаженстве, ищут мнимое, решаясь на позор и преступление; крадут, прелюбодействуют, усыпляют разум и отупляют чувство; чревоугодничают, любят почет, а не славу, и богатство, а не достаток, падки на власть; праздность им праздник. Внушают мудрецы: се заблуждение и пустота, оле не верят (им). Якоже бо владыко Горюн Полотский учаше: «Которые из нас холопе? Хотят жирно ясти да сладко пити, не ведати ни заботы, ни работы, пустословити о несбыточном, полеживать лягушками в иле: абы тихо, не в нужех и коврига. Иде же один рубит, а семь в кулаки трубит, все холопе. Доколе слово ломко, а одрище соломка, все холопе; доколе сомневаются в мудрости предков, все холопе; и под боярскою шапкой торчать рваным ушам да казати ся клейменым лбам».

Что жизнь без страстей? Что без исканий и терний духа? Блаженство исполненного долга — се мудрость мудрости. Но како доказати, чтобы вняли? Доказати же нельзя, бо словом докажешь слово, а криницу, родившую слово, словем не выразишь; не охватишь ведь и знанием незнания (своего). Исток выше течения,

вера выше знания, еже во всякий час тень (нашего) невежества. И вера — тень (нашего) безверия. Бози же не дают за послушание: оно и есть мзда их.

Растут плоды на древе, еже глубоко корни внедряет; жизнь ушедшая — корни; всхотевший грядущего да омоет ся водами прошлого. Кто из юных рано восприимет мудрость предков, успеет обрести совершенство; он не последует за толпою сверстников, возглашающих чужое, яко свое, и пренебрегающих своим, яко чужим, ибо свое требует свершений, а чужое не требует, поглажая лживому себялюбю.

Оувидех пять ужасных вещей в свете:

- бесчестие и блуд языка,
- ненасытность утробы,
- мерзость себялюбия,
- безумие сильного,
- хотенье миновати тяготы Пути.

Не рвитесь в занебесный простор: там меньше смысла человеку, там теряет земная душа его. Бессмысленней всех одинокий, стоящий над веком. Жалок великий мудрец, постигший сокровище от других. Времени умирают в человецех. Велика печаль в том, что не запомнят в грядущем нашего лика, не разделят ни мук, ни радостей; мертвыми останемся даже в бессмертной проповеди. Но не робейте, живущие рядом, как бы скверны ни были, помнят наш лик и способны разделить чувства; жити для современей и в современех; о вечности думати мало чести. Вам путевожу: великий князь — не позволивший себе лживого слова. Лутше умрети, нежели терпети неправду; кто снесет и единождь, обещен, и вот уже трус, навечно подтешен злым духом. Зависть и ссоры губят силу, еще распутство, винопитие, пир тупости, идеже мнозице ослабляют поясы; бесчестие унижает — все чаще молчат перед неправдой, а над мудрым смеются.

Если захотите чего-либо достигнуть, лишитесь отдыха; если же захотите отдохнуть, ничего не достигнете. Большое дело съедает человека целиком, малое выплевывает разжеванную душу. Все простите противникам, посягательств на устои племени не прощайте. Смутьянящих, подрывающих обычаи надлежит казнити, милосердие не у места; все, что каралось смертию при отцех, карается смертию и при сыновех; что на-

граждалось, награждается; народу охраняти заповеди и память, како охраняют кровь в теле и зеницу в оке. Велика и свята мудрость, но (и она) уступает перед обычаем, ибо обычай — тысячи тысяч, а мудрец сам по себе или с немногими единомыслицами.

Честный не терпит бесчестия, наипаче от близких и случившихся рядом. Обличайте, не боясь последствий и угроз; ничто так не украшает князя, как слуги, снискавшие уважение своею честью. Не позволяйте гридем пустошати казну, пуще же пустошати времёны державной заботы. Горе вашему замыслу и дому, если тиунами будут глупые и бесчестные; по праву скажут о вас, глядя на них. Не черпайте до дна из чаши славы, власти, удачи, любви, радости, умения своего и самой жизни, ибо на дне самое позорное бесчестие, бессилие, горе, ненависть, печаль, неспособность и лютая казнь; не новую тщетой, но размышлениями украсьте закат, и без того горек меркнущий свет.

Княжичей же учить, приставляя мудрейших из волхвов, искуснейших из дружины и усерднейших из надворцев: обычаю, приметам, почитанию бозей и предков, чтению книг и счету, пению и сказу, земледельству, рыбальству и охоте, уходу за конем и рубке избы, ясновидению, речениям, мерам, ратным уловкам, обычаям народов. Достойному избрания (князем) володати мечем, правити конем, орати и гнати вепря, держати совет с думцами, делити угодыя, раскладывати полюдые и указывати слугам.

Всяк молви слово, выслушав прежде; молодой да почитит старшего и да простит ему кажущееся обидным; время лет знает (о том), о чем не подозревает еще юный мудрец; поучение времён — се мудрость, и сберегаема родом, еже хочет сохранить и умножити ся. За столом место и слово прежде старейшему, затем мудрейшему, после нъ избранному миром. Нарушение обычая да не отменит обычая; плохой поступок да не послужит оправданием поступити плохо. Польза рода превыше всего, але не превыше правды; да не оскорбит людской совести, ибо польза — от человека и для немногих, а совесть — от бозей и для всех.

Бози не потребуют больш, нежели человек от самого себя; однако же не требующих многого считают бози наземом; каждый род славен подвижниками, умеле-

цами и блюдением обычая. Детям идти дальше отцев, не порывая с отцами; им искати и находити свою истину, не отвергая истины отцев: надежда сих истин возродила сынóвей. Вправе вычесть (тот), кто приумножил, вправе добавить к обычаю (тот), кто свято соблюдал его.

Гибнет земля, если среди гридей князя не наявляются все новые мужи, честью и умом превосходящие прежних. Глупость и порок — свойства проходящего. Даже самые святые и мудрые наши слова не обнаруживают ни святости, ни мудрости при споре с жизнью. А потому следуйте самóй жизни больш, нежели наставлениям, быццам подчерпнутым из реки опыта. Ложью становится истина, коли ей поклоняться, не пользуясь ею штодневно.

208

Глава восьмая

СРЕДИ
ГОНИМЫХ

211

танет лед на реке — срок колоти сви-ней; ядут мясы (их) по Дреговичем в зиму, а сало весной, егда орут и сеют. Вепря же и иную дичину, и рыб, и птиц ядут от лета до лета, кроме седмиц расплода, окота, нереста, высида и спаренья; блюдут седмицы стро-го, и даже при гладе волхвы редко снимают запреты.

Станет лед на реке — потянутся над дворищами и по опушкам, неда-лечь селищ, сблазненные дымы,— доб-ро коптити свеженю при морозном

ветре. Отроки, угождая старшим, пошмыгивают, быц-цам мыши в подклети, блестят на угощенье очьми. Сей порой ожиданий любил князь Мирослав ходити сели-щами, разговляти со встречными, братничати в избеж, идеже случится. И се его словы: «Начаток зимы — время дум о предстоящей жизни, како и начаток старо-сти. По весне украсят мужа воспомины о свершенном». Любил еще (Мирослав) одаряти детей в Новогодье и гридям велел поступати так же, нередко дознаваясь, кто сколько дал. В добром обычае много радости для детей.

Але не вернуться уже к былому, глубоки о нем вздохи. Схлынуло прежнее, явились дни изгнания и терпения без надежды; чувства съежились, мысли окоченели, холод, холод пронизал насквозь Русьскую землю.

Не тщись сведати Судьбу, проникнути в тайну; стар и бессилен, повержен и растоптан познают ее; во мла-дости и зрелых летех Судьбы не ведают, зрят лишь

дщерей ее — то красивых, то безобразных, то богатых, то нищих; сопрягают с болью или с радостью, а с истинной не сопрягают; яко бози лишены образа, совпадающая (с ними), сице Судьба не совпадает с днями ее и плодами, иже обретаем в мѹках. И вот порок и лицемерие среди людей: поклоняются Небу, але ползают впотьмах по земле; хвалят Правду, но утешаются ложью; никнут пред властью, ненавидят же власть имущих; восхваляют совершенных — и стоят на пути ищущих совершенства, проклиная их; славят любовь, но дают ее в своих душах, мудрствуют об умеренности желаний, похотям же не ставят предела.

Першую зиму изгнанья князь Мирослав прожил в стане Могуты на Угре, во глухом бору, за топами и багнищами; из них иные не замерзали и в лютую стюжу. Зимовал Могута тамо несколько лет кряду, поставив городище с вежами и крепкими стенами, при двух капищах — Дажь-богу и Перуну.

Горько недоумевал Мирослав, — долго сбиралась, да нежданно быстро пришла беда, и сразу опустело округ, и переменилось житье, и повраждебнело пространство. Несправедливость на ладони, а истоки — идеже? Жуток и дик смех пианого при погребении, не дик ли и праздный день обыкшему тружатиись? Подолгу беседовал Мирослав с волхвами; сбежалось (их) отовсюду немало, спасаясь от смерти; и быша иные с женами и детьми, жили тесно и скудно, яко и другие в стане; в тепло промышляли сбором грибов, ягод и орехов, чистили дикие борти, рыбалили и охотились; пред градом, на подсеке, сеяли жито и горох, и репу; чинили упряжь и лепили горшки, не отступая обычая, — ведь всякая вещь, подобно человеку, должна следовати обычаю и только так хорошо служит своему назначению. Быша иные из волхвов не в унынии и не в радости, но в покорности Року; говорили: «Идеже сыскати прибежище от времѣн и обиды своей, если лица округ в тех же слезех? Дни (наши) — умножение мук, и никто не снимет проклятия». И говорили еще, мешая вздорное с истинным: «Человец алчен, алчно всё, вышедшее из утробы, нет пределов ненасытью; не может не грабити и не обижати ближнего, ибо в том его жизнь; съест себя изнутри, а после примется за остальных; станет обирати и обижати землю и воды, и лесье,

и небо, и пропадет воздух, и воды исчезнут, како исчезло и пропало доверие человека к человеку. Посильно ли бозем возвысити (нас), коли ищем унижения? Могут ли спасти, коли требуем смерти? Але Судия поставлен всем хищным. Единожь в одиннадцать тысяч лет, подчиняясь закону звезд, идет Завоеватель; идет со стороны солнца, и тень его, достигая краев земли, поглощает (его) самого. Сгубив всех, хоронит себя».

Быша серед волхвы обличители словеньского беспечия, из них назову Божеслава, владыку Муромского, и Курняву, ильменьского волхва. Странно видеша свершающееся, але не без замет мудрости. Вот же глаголы от Курнявы: «Полагаясь на бозей, запамятовала словень о злых духах; худшие из бед приходят от ближних, забывающих свое имя ради мзды обольстителя. Что же дали тяготившимся неизреченностью и незрячестью? Уязвлен глупостию: решилась волхва на Нововведение и тем погуби ся и роды. Стали каждому равно доступны бози, карающие судьбою; куда дели совершенство и совершенных? Прежде учили инакш: бози открываются совершенному духом, а не (всякому) кладущему требы. Перестали трепетать Неба и искати его благоволения, забыли по невежеству изреченное еще Бовою: «Три лика у человека: в мире — кротость, во брани — мужность, в страдании — мудрость; обними все лики в одном и прозришь. Радуйся обретая; но радуйся и теряя, ибо смысл — радость немногих дней, а другого нет, не ищи всеу». Они же искали; развращает богатство, но развращает и бедность; разрушают обычай метания, но разрушает и равнодушие к своей доле. И Божеслав обличал со гневом Новоставленье: «Прежде требы клались только бозем. Заблудшие из волхвы всхотели и человеком, и вот стали искати мзду, брали подношения, говоря: «умилостивит бозей твоя жертва мне». И угождали люди уже не богам, но слугам и прислужникам, и бе разврат духа, пахотою уготовивший для посева христов; своими сосцами вздоили; пагубно бе позволение избирати серед бозей сильнейших, чтобы (их) милостивити, а другим не давати. До Нововведения поклонялись всем равно, не избирая, но следуя обычаю рода, — не искали в бозех заступников, но искали быти заступниками бозей. И се извратили обычай, провели межю через Небо,

быццам по земле общины: тут твое, а тут мое. Могожь не считали прежде ни женой, ни мужем, древлий кумир (ее) в Запорожех едино при удех мужа и ложеснах жены; чтили яко прародительницу необъятного, мать сущего; не было на уме, не получив (чего-либо) от Могожи, просити у Влеса».

Рече Мирослав: «Не оспорити вины (волхвов). Покидают бози души человецей, забывших обычай и прислуживающих непорядку. Борзо умнеют в глупостех. Аз же про себя: радел о людех, а ныне христит ся Менесь, чувству незаконного князя, а обо мне нету и воспомина». Отвещал Божеслав: «Зря радел о людех, недостойны ни заботы, ни сочувствия, ибо поклоняются не доброму, но злему. Всяк честен и добр серед них примет от них казнь. Пиют кровь праведников своих и (тем) благоденствуют. Скажут о некоем князе-милостнике: случися глад велик, и гибло людье без счету. И явися Дух князю: дай всем от души твоей, и насытятся; ты же не умрешь, коли хоть единый возблагодарит. И се извлек князь душу, и каждый насыщался от неа. Но допрежь вопрошал: «Идеже причитающаяся мне доля?»

Терялся Мирослав в мыслех, слыша притчу о милостнике, и не в догад быша, из словей зиждят смущенные душой, еже отроки из речного песка: хитро выходит, але все забава. И отрекся от слабости своей (Мирослав), говоря: «Доколе есмь, не унижо боле себя плачем о суете дней, бо лживо и недостойно; не ослабю десницы тугую об одинокости и бренности живота; аз есмь не путник, хотя и прохожу, не облако, хотя и бегу быстро от юности сердца к ветхости телес; аз есмь хранитель и сеятель, сын Творения, украшение земли; спорят обо мне бози со злым духом: доброе сильнее в человеце или злое? правда или ложь? Паки и паки искушают мя: и хоти мои, и друзии, и недруги; будут прельщати мя, аз же не уклонюсь дороги, неколебим в вере: не быша глупцами предки, мудрость трепетала в груди их, и обо мне, потомке, напрягали чистые помыслы, разя ворогов, возделывая поле и возглашая правду. Христы прощают за грех, але наказание у них от людей, в истинной вере нет прощения, але нет и кары, помимо божьей. Истина во всемогуществе человека, христы же низводят до песчины».

Легко являть на люди благородство неблагородным; у благородного же несть числа изнуряющим заботам. Не терпя праздности, тружался Мирослав наравне с другими: и древы рубил, и оленя гонял, и лодии долбил, и весла тесал, и учился плетению кольчуг, ремеслу искусников. Об зиму ходил с другими мужами к Мордве и привез сорок возов жита и три короба соли; и купцов провожал к немцам и чехам, ибо обманули Могути печенези; и варяжские гости, покорны Володи-миру, отказали продати мечи и брони.

Обострившись зрением, взирааше Мирослав на дружин князя Могути с любопытством, переполняясь отрадою: не сварятся и не пеняют друг другу столь часто, яко волхвы, не дерут один одного за власы и мордой о пень не тычут, не доносят мелко друг на друга, не попрекают прежним, не ропщут на тяжкости, — покинули ведь дома, оставили и отец, и жен, и детушек на понукание и глумление, кровию несут полюдь за верность обычаем. Але боль сердце всколыхнет ся песней у очага. Се вьюжит за бревенами, и темь непроглядна, и сто поприщ до ближнего селища, бородачи же, прокопчены дымом, пред огнями вплетают души в узоры пения. И ознобишься, внемля, от счастья, слеза набезжит — не спросится: се опоры могучие и несгибаемые.

Ой, реченька-реченька,
чему ж ты не полная,
чему ж ты не полная,
чему ж ты не вольная?

Голос, высок, задрожит явором, вострепещет, замается тревожным почувьем:

Береги высокие,
стеженьки далекие.
Далеко до морюшка,
близенько до горюшка.

И снова раздольно, в твердом и грозном единенье судьбы:

Ой, тученька-тученька,
ой, кручина-крученька,
полюшко широкое,
полюшко раздольное,
идеже спят — не пробужаются.

И паки един глас, звезда в бездонье ночи:

Не сыскати в нем ни дома родимого,
не сыскати ни сына малого, —
лише пепел грызет мои глазыньки.

И внове хор, кряжисто и густо в неизбывной тоске;
и тонко, что колоколец, звенит над краем многого-
лосиа:

Ой, мати-матушка,
моя рódная сторонушка,
мачеха моя, моя зазнобушка.
Не ищи мя средь пахаря,
не ищи мя средь пастыря, —
ищи средь ветры буйныя,
ищи средь ночи темныя.
Нож булатный во рученьке
пашет младость мою безотрадную.

Ныне (уже) не услышишь подобного пения по Русьской земле, — лишено пестрого многоголосиа и вольного сказа, всякий раз разного, по чувству заглавных пёвцев, — отринуто христами, яко молитвы Могожи; песнопевцы пестовались прежде волхвою, им первым наделяли в общинах землю, из них ведь и скомороси ³⁰⁴.

Весною, накануне выступления в поход, князь Могута судил дружин, уличенных в бражнех. И построились полки с хоругвеми, и на виду их лишили бражников оружия и коней, и было тяжким позором. В тот час пришли люди Мирослава и реша: «Вчера в ночь умре внезапно Рогнед, и хранят в тайне, послали вестника в Киев, ждут приезда Володимира».

Рече Мирослав к Могуте: «Пойду, незрим, с малым отрядом и схвачу Володимира. Уверился, еже безнаказан, але взывают к отмщенью неповинные жертвы». Отрече Могута: «Трудное замыслил. Коли же исхитришься, будут ужо нам и заложники. Вызволим из темниц правоверей». И выступил Мирослав без промедления, и встал в лесех по дорогам к Заславью, але спозднился: миновал уже их Володимир. И погребли Рогнед по христианскому обычаю в каменной колоде, и се словы Володимира на тризне: «Мнозих любили, ища притулы и услаждения; острую рану в сердце недоумением оставил не тот, кто любил в ответ и проникал (наши) думы, но с кем не утихала боль и было крайне одиноко». Примечательно, але не в пользу Володимира; другие из повестящих, приводя словы, славят великого князя. Глаголют с восторгом: ищет

людей человек, ибо хочет разделить и боль, и радость. Аз же не восторгаюсь: ищет, але не ради благодетства, но услаждениа себялюбиа деля. Примечено премудрыми: сокрывший радость от других в слове, понесет ее (людям) в деле, переживший боль только в себе, не причинит ее другому. Душа умирает без отзвука в другой душе; ищет человек человека — се правда. Але ведь и палач ищет жертву, и господин себе холопа. Не тороплюсь вынести из души, дабы не обнищити ся; кричащий тотчас в ответ порочен: дано время ласкати любимых, дано время глядети на мертвых, дано время размышляти об Истине. Боюсь повестити своей скорбью, — лживо.

Однако продолжу о Мирославе. Оворотист, укараул Володимира на обратном пути из Заславья; ехал великий князь мрачен, уронив поводья, много поперед провожатых; и завалили просеку подрубленными прежде деревьями, скóчили из засады с превеликой отвагою и перебили охрану, а Володимира связали и с ним Иоанна, епископа, Феодора, боярца, будущинского старейшину, и Дермелу, княжа писца. И шли весь день без передыху ко стану Могуты, боясь погони, и остановились в овраге, и, развязав, кормили и поили полоненных. Узрев Мирослава, Володимир удивися. Рече Мирослав: «Давно не виделись, князю. Велми преобразился». Отвещал Володимир с усмешьем: «Се время, брат Мирославе. Мы не считаем, черти ведут дням усердный счет». Рече Мирослав: «Не время старит, но тяжкая совесть, ты же в грехах, яко шкодливая коза в репях». И понял Володимир, что ожидает (его) недоброе, и спросил, станут ли казнити; услышав, что лишится головы, рече: «И слава богу, ибо устал, а дело не вяжется. Хочещи лутше, а выходит еще хуже, не узнаёшь (своего) указа; даю, чтоб утереть слезы, а плачют еще громче». И попрекал Володимира Мирослав, и прослезися (тот), кивая согласно: «Повсюду ходят нечестивые, когда возвысились ничтожные из сынов человеческих³⁰⁵. Рекут: великий князь — хозяин слугам, аз вижу противное: холоп им, не дальше, не выше их не возможет. Добрын остерегал: напрасно волостьми оделяешь, платити должно за службу, попомни, разжиревшие коты мышей не ловят. Истинно, але идеже (взяти) столько серебра? Давал бы на срок

откупати полюдье, так ведь взмутят общины, оберут до нитки и кукиш в карман положут. И Христом зря в глаза колешь, — сами люди изверились и усомнились. Ни Перун, ни Могожь лутшего не обещают, о завтра не говорят. Вот за тобой и Могутой тысячи, но за мной больше гораздо». Возмутися Мирослав, пеняя за насилия и за бесчиния епископов. Отрече Володимир: «Правда суца. Змеи округ мя, напитана ядом леть их. Сунул палец, ухопили руку. Своеволят, мало десятины, холопей подай. Хоцю законы строгие и для болярцей, и для епископов; пока же бранюсь с тобою и Могутою, и другими мятежеми, могу ли утеснити своеволей? Разделена Русьская земля и гибнет. Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; всякий град или дом, разделившийся сам в себе, не устоит³⁰⁶. В разделившемся доме не найдешь справедливости, сыщещи лишь глаголы о ней». И паки обличил Мирослав великого князя: «Чюжа правота чюжого взгляда. От безнадежья в людех гибнут бози. Не от правоверей, но от христов смута. Замахнулся на святое, и не простят, и не успокоятся, доколе не вернут обычай. Буди прозорлив, неповиновение от людей, иже терпят неудоби в доме своем; не строгостию манишь, развратом прельщаешь. Сказано: «Претерплю глад, выстою в брани, але не вынесу пустоты в доме, одна жена замучит мя жадностию, нескромностию и лихоимством души». Ужасны времёны порушения обычаев — что ни день, переменяются князи, и роды, разбредаясь, теряют надежду и силу, и равнодушно покоряются соседним племёнем». И ударил Володимир ся в груди: «Ужли обманут чюжою мудростию? Изречено: хороший новый дом построит, кто без сожалений сожжет старый. Мы же не сожгли; на полпути (всегда) полно недоумений и скорби. Да и кто прозрит незримое? Кто скажет, что добро и что худо? Слабое становится сильным, а сильное слабым, телесное бестелесным, а бестелесное телесным, пагубное полезным, а полезное пагубным. Из-под черных туч солнце блещет невиданно ярко, так стоит ли осуждения свершенное с умыслом: коли уж смертны, послужим к бессмертию рода своего?»

И се пожалел Володимира князь Мирослав, растроган слезьми и заботеми; восклица: «Како же терпишь несправедливое округ ся, коли ведаешь о нём?» Отре-

че: «Мнозим дано ведати, да не мнозим разумети, мнозим дано зрети, да не мнозим видети, мнозим властвовати, да не мнозим правити, похваляясь удачею. Держат мя за обе руки велможи, а отряхнуть страшно: и по одну сторону ненавистники, и по другую. Всем мало, одинок серед грызущих от плоти моей. Дети алчут, не любя мя и не чтя душою, яко велит долг чада к отцу. И матери детей не прияют, а прежних друзей все меньше. Вот, вернул бы те княжение и другим отдал бы, если бы присягнули по чести и не мятежили по пустякам». И облилось сердце горячей обидою, але превозмог (Мирослав) гнев свой, подумав о Володимире: «Хоть угрызается, другие христы вовсе не ведают раскаяний». И рече, не постигнув еще, еже поколебленный ворог опаснее непоколебленного: «Пущу на волю, не буду домогатись казни твоей. Поклянись, не затаишь зла и перестанешь неволити ко Христу, удержишь от насилий хищных несытей; отпусти на волю (всех) заточенных тобою за веру, прости, яко аз прощаю те». И поклялся Володимир страшной клятвою. И дал ему Мирослав провожатых из своих отроков, и отпустил, представив, быццам бежал Володимир вкупе с будутинским старейшиной; епископа же Феодора с княжим писцом оставил при себе. Отпустил Володимира под чарами злых духов, пожалев тотчас (о своем поступке); и велми терзался, что правда одна и едина, не дробится на части, а люди разно разумеют: людей ли вина или правды? Учув сомнение, рече Феодор: «Родные бози живут и в моей душе; отрекся словом, да не отрекся помыслом; что сан мой и молитва моя? Але есть в христианской вере (нечто), чего лишены правоверы. Христос, божий сын,— человек, и се пример человеку для вечного подражания; легки отныне тяготы (его) и зряшны терзания, сожаления о себе пусты; свет негасимый впереди — буди, яко Христос! Неси крест, бо велит совесть, а для чего (несешь), не спрашивай, не твое дело. Мир ведь постижим лише в красоте, а в безобразии отрекаются (от мира). Христос вернул (миру) изначальную красоту: грех — и искупление, заблуждение — и праведность, мука — и прозрение к блаженству». Рече Мирослав: «Вкрадчивы глаголы, лукавы словы, але мысли се заемны у правоверей. Могожью превозмогают непреодолимые

тяготы. Сколь от нас ни убавити, от нее не убавится, нам ложь, а ей всегда правда». Рече Феодор: «Нет ничего, чего не было бы прежде. Заемны, верно, украдены, верно, але очюдесены новым сиянием. Разводит мороз узоры, беря воду из воздушей, але красота безобманна и неповторима». И задумался Мирослав: что же есть правда, если всяк волен не токмо по-своему зрети, но по-своему и доказывати ее? И коли есть правда влоку, потребна быти и овце. Коли есть влоку и овце, знать, и одному человеку есть, и другому.

Мне ли осуждати? Мое дело о былом повестити, судити же не смею, и сам случай сомневался (в том), чему поклоняюсь. Многолика правда. Только ложь однолика.

И вот о Могуте: вси дни судьбы бе в брани, окружен ворогами, але светил долгу непогасимо. Не ведал колебаний, дыша под тяжкой ношею, яко под небом. Подвиги свершают богатыри, и коли племёны нарождают богатырей, то богатыри возрождают племёны. Много забудут, але (князя) Могуту не забудут, и забывая: кровь его в человецех, поклоняющихся подвигу, вечен в держающих. Что стремитись к тому, что нам не принадлежит? Обилие серебра не наше и наслаждения не наши, даже тело не присвоити — получено внаймы; лишь подвиги наши, и остаются в судьбах. Се словы Могуты, изречены серед застолья к буйным молодцем, ко дружинем и гридем правоверным: «Все бренно, братия. Але труд плодоносящий николи не напрасен: Бренное вскормлено Вечным, а Вечное — се Бренное, творимое нами». Отмечены мудростию и другие (его) глаголы: про Смёла, прадеда по матери, тиверьского князя, рече: «Бе Смел самым великим из (моих) предков. Свершил возможное: хранил мир, крепил обычай и покрывывал подвижникам. При нем гордились и любовались Словом».

Сказают, Могута бе удачлив; истинно, не знал поражений в сечех; помогали ему бози, але не чюдёсами, но вдохновляя тружатись, когда иные опускали уже руки. Он вступал в битву по своему желанию; не ведал, как окончит, вступая, но вступив, предчуял потребное для победы; николи не упускал удобного времени, покоряя случай. Ставил (Могута) в пример славных мужей Словеньской земли; о них рассуждая, при-

водил подробности, запечатленные в самых старинных преданиях, какие и услышати доведется ныне не всякому, озабочену памятью словенского племени; глаголы живут, доколе повторяются во устех человецей; повторяются же вспомогающие истине. Чаше вспоминал Могута о Дмире, великом князе, находя в его поступках достойное подражания; не подражающие ведь лишены радости и забываются прежде своей смерти.

Однажды некий велможа, не найдя себя в делах, како бывает с не слишком незаурядными, чуждающимися заурядных трудов, заспорив с Дмиром, сказал: «Обременяет обычай. Хочу жити по своей воле, аз есмь равен всему (на свете) по праву рождения; кто смеет быть над моей волей, кроме Неба? Но и о нем не хочу слышати, пусть позаботится о себе». Спросил Дмир: «Освободить ли тя от обычая?» Сказал: «Освободи, ибо ропщет моя душа». Сказал Дмир: «Нет ей пристанища на земле, коли лестницу обратила в путы, а путы невмочь обратити в лестницу; теперь вовсе не защитит ее обычай». По кои изгнал велможу из племени.

Было еще, окружили дружину Дмира вороги; и гораздо превосходили числом, але предложили замириться. Сказали гриди Дмиру: «Замирись; ты победил всех, с кем бранился, поражение умалит твою славу». Отвещал: «Коли замиримся в слабости, и в силе нас не приметят. Пусть каждый исполнит долг, не заботясь об исходе; коли одолеют нас, а долг исполним, се прибавит славы и чести более, нежели победа».

Побеждают мирным днем. Следуя правилу, Могута много радел о дружине. Часто смотрел оружие и коней и совершал трудные и быстрые переходы. Преследовати сломленные полки посылал заведомо малые силы, говоря: «Бесчестие силой битись супроть слабости, но слава (сражаться) со многими врагами». Своих, иже обращались в бегство, Могута изгонял из дружины с позором, смеясь, еже воеводы в Грецах и в иных сторонах нередко смертью казнят воев, не выдержавших упорства сечи.

От христов услышишь обилно о свирепости Могуты, аз же свидетельствую и ручаюсь: се ложь; не щадил врагов на бранном поле, полоненных же (христов) не посекал, како посекал полоненных правовеерей Володимир. Случалось, продавал взятых в полон яко

холопей иноземным гостем, в Булгарь или в Печенежь; ради серебра по крайней нужде.

Вот же другое о Могуте: неоскудно являл щедрость, раненых николи не оставлял, сирот по селищам сбирал и свозил в зимний стан, веля кормити и одевати. Неколи рече к Мирославу: «Помыслию, все человеци из малых детей, и жалко бывает. Злодея пожалеешь, помилуешь душегуба и упрекнешь ся за строгость».

В поры, егда укрыл ся Мирослав серед мятежей, быша у Могуты две жены, одна с двумя малыми отроками, другая, старшая, с дщерию Зимавою, кроткой и смысленной, але слепой от рождения. Просила слепица: «Батюшко, хощу зрети Солнышко; разочек глянути, и в могилку не боязно». И се помре от недуга, (ничего) не изведав, кроме печали, и повеле Могута всякий раз ставити брашно духу ее за столом справа от себя.

Аз погребал Зимаву с дружеми. В скорби явился странная мысль: что станут думати о нас, уже мертвых, живые? Будем слишком далеко, и удивятся нашей мудрости, але не уразумеют словы ее и наполовину, влагая в старую тулу новые стрелы. Не переступити мыслью от живого к мертвому и от мертвого к живому. День вчерашний, в долгу перед тобою; неоплатный долг, але не тяготит мя, — закрыт вечностию.

Отпустив Володимира, вернулся Мирослав в стан Могуты на Сожь. Впроси Могута: «Что, князю, не удалась затея?» И открылся Мирослав, бо солгати было неможно. Не прогневался Могута; выслушав молча, рече с грустию: «Весь мир обошел, нет доверливей и честнее словени, нет и лживей. Обманул тя киевский лицедей. Полезна наука в отрочестве, а при седине еще полезней: в отрочестве откупаются легкой слезою, при седине тяжкой бедою». Рече Мирослав: «Дал мне слово; отречется ли от нъ?» Рече Могута: «Недолго ожидати. Теперь же ступай на Угру да озаботься станом, укрепи, сколь возможно, не спозднитись бы, коли пожалуют христы. А надумаешь (пойти) в поход с дружиной, извести, пришлою за тобою». И пошел Мирослав на Угру, радуясь, что Могута угадал (его) желание. И взял с собою, помимо отроков и Деятиглаза, волхва, полоненных: Феодора, епископа, да Дермелу, княжа писца. Минуя сожженные селища, думал с горечью:

чему ожесточение промеж братьей? Что им не поделить? Ужли не можно миру и справедливости правити краткие дни их? Посекал в бранех христов с твердостью, а душа отвергает: что справедливости причина несправедливости? Уязвлена совесть времёнами копания ям и сотворения темниц, и кования цепей по Русьской земле. Восстает сын на отца и брат на брата, доносит жена на мужа, и раб возвышает голос на господина; наживаются подлые, а неколи богатые и знатные нищают и разоряются; доблесть не ценится, о родословных не вспоминают, ибо нету (родословных) у вчерашних холопей или придуманы; развращены нравы, льется хмельная брага не в праздник, а тусклым буднем, по обыкновению обибок и разбойников; пьются чюжие меды, ядут не заработанное и не взятое с меча, но украденное и отнятое без брани.

Со дня на день ожидал Мирослав перемен, и не наступали. Рече к нь Дермела: «Побивают друг друга люди, ибо одни зовут бога так, а другие этак. У бога же нет ни имени, ни числа, ни места; никому не принадлежит, но обнимает все сущее. Названный по имени уже не бог, исчисленный уже не бог; не узрен, не понят, а принят опорую». Восклица Феодор, епископ: «Еретик! Како таился обочь великого князя, ревнителя веры?» Отвещал Дермела: «Нельга уклонитись ереси, старче, коли разуму учат неразумные, а вере неверующие. Поклоняюсь Слову, без него ни бога, ни черта, ни истины, ни лжи; бог мой безлик, нет у него ни головы, ни хвоста, и храма нет у него, кроме людской души, и требует не больше, нежели дают. Кто не верит в сего бога, тому безразлична правда, кто же верит в бога, восславлена в кумирах или иконах, видит только вершок правды». Рече Феодор: «Вернешься в Киев, переломят те суставы, богохульное изрыгаешь». Отрече Дермела: «Уже не вернусь; подобно тебе, забыт Володимиром. Вот, служил всю жизнь ради хлеба, а душа изнывала от голода, теперь же поморю тело, але питаю душу, сице должно (человеку) перед концом. Отпустит князь Мирослав, пойду по земле странником. Куда облако, туда мой путь, куда ветер, туда моя тропа. Стану жити нищетою и богатством дней, подлостию и благородством их, скукою и радостию их, бесславием и славой их, безделием и тяжким трудом их, и тем

насыщу душу, еже вольна от ныне. Нет правды ни выше, ни ниже, какая бы радовала, нет и лжи ни выше, ни ниже, еже отчаивала бы до смерти. Сорвусь листком пожелтевшим со случайного древа, но всякая осень напомнит обо мне и бывых прежде меня». Сподобились слова Мирославу. Рече к Дермеле: «Пойдем странниками вдвоем; хошу вкусити от рабской воли и нищего богатства». Отрече: «Играющие не вступят в храм мудрости, але вижю, и ты одинок ныне и стенишь от неведения. Пойду с тобою, возможно, проникнешь самого себя».

Отговаривал Мирослава Десятиглаз: «А коли прибуют разбойные люди? Или порвет дикий зверь?» «Тому и быти», — отвечал Мирослав; и снял юфтовые сапоги, и сменил льняную сорочицу на свитку из конопель; и пошел бос и без шапки, с пустою торбой, а рядом (пошел) Дермела. И хлестали дожди, и сушили ветры, и был холод, и была жара, и пробирались (странники) сквозь лесье, и шли болотом, и ели от подаяния в селищех, и голодали, и мнози встречные разделили с ними заботу души и думу сердца. По прошествии дней вприси Мирослав Дермелу: «Утверждают, избыток боли безумит (человека). Аз же почуял: падают духом и дичают и от избытка красоты и мудрости. Правда ли?» Отрече: «Неправда. Ибо пока живы, не испытана (вся) боль, не увидена (вся) красота и не понята (вся) мудрость. Ставя себя началом, поймешь ли конец? Немало знаешь, Мирославе, але еще больш сокрыто от тя». И забрели каликами в Дреговичи, в Ершь, селище на Непре; спросили тамошних смерей: «Хорошо ли (вам) живется?» Отвещали: «Хорошо, наши князи обещают, не отказывая, дают ответ, не выслушивая, садят за стол, не спросив имени и звания, взыскивают лишь за невыпитое и несъеденное; урок определяют по посеянному, а нести велят из сжатого, и хотя бият, не милуя, зато милуют, бия». Спросил Мирослав: «Кто же княжит вами?» — «Симеон, сын Велиги». — «А кто прежде княжил? И подобно ль было?» — «Преждь Мирослав и Велига, и было подобно же». И всплакал Мирослав, никем не признан. И сказали: «Что слезишь, старче?» — «Вот, вспоминаю князя Мирослава. Добрый был пастырь». И сказали: «Всеу воспомин. Все пастыри добры, докуль на овцех шкура».

Сказал Мирослав: «Князь Мирослав хранил заповеди предков и стоял за веру». И сказали: «Стояти стоял: легче было (ему) стояти».

Когда отошли от Ершеси, рече Дермела к Мирославу: «Слышал ли прежде о себе от говоривших не для тебя?» И признался Мирослав: «Такого николи. Жил по заповедям — и несчастлив ныне». Рече Дермела: «Коли жил по заповедям и несчастлив, знать, слишком добры были заповеди к тебе и жестоки к людям». Мирослав же, взнегодовав, рече: «Нет, слишком жестоки ко мне и слишком добры к людям; не имею ведь и того, что имел починая». И хотел ударити Дермелу за дерзкие речи, але сдержал ся, рассудив: «Ища мудрости, негоже уклоняться противного мнения». Дермела же, быццам учуя, рече: «Давай расстанемся, ибо (ты) не странник уже, но странствующий князь, и боюсь тя». Рече Мирослав: «Отпущу, коли ответишь, в чем причина злобы твоей и чего ищещи серед челоуедей? Льется сквозь мудрость яд разящий, и, веря, не верю; легки твои глаголы, но велми тяжка суть их. Не хватит ста судеб, чтоб испытати и сотую долю изреченного тобой». Отвещал Дермела: «Воистину. Живу в мире тысячу лет, снедаем изнутри мудростию; она же неизменна и жестока, и славит один Огнь, больш ничего не славит. Хощу столь много, что не знаю, чего хощу. С князем тяжко, со смерем горько, с честным скучно, с бесчестным пусто; со всеми же тесно. Не пожелай моего знания, бо станешь тенью его и не слыщешь уже ни в чем радости. Невежество платит дань от судьбы, многознание берет лихву от души. Челоуецу нужен бог, сколько богам челоуец, бывает, не нужен вовсе, бывает, необходим. Скорбны дни у бозей, нечем измерить (их). И у людей, иже умиротворены, скорбны дни, нет им времён. За пределами земли, еже проклята, нет красоты, нет счастливого смеха, и мудрость не греет, но студит сердце». Рече Мирослав: «Отпущу тя по уговору, але вижю, одержим (ты) злыми духами». Отрече: «Хощу створити мир заново, але не ведаю, како уничтожити сей, и тоска мне». И вот видит Мирослав: оборотился Дермела в клубе дыма, покружился вихрем и вовсе растаял. И понял Мирослав: бе искушение (ему) от бозей, и пал на колены, и молился всю ночь; и толкал кто-то на страшную клятву, и поклялся

Мирослав принести в жертву богам первую из тварей, еже увидит и сможет убить. Боясь встретити человека, держался дремучего лесья и шел долго, но ни зверь, ни птица не попадались ему; внезапно же расступились древы, и открылась поляна, а на ней — дитяти, сын древески, играющий беспечно. Приблизился Мирослав к нь и занес нож, и со стоном удержал руку: был схож мальчик ликом с Чурилою, убиенным внуком Мирослава; и смотрело дитя, не мигая и не страшась. И подошел в молчании древеска, и поведал (ему) Мирослав, кто он, откуда и куда путь держит, и отчего покушался на неповинную жизнь. Рече: «Убей мя, ибо прогневил бозей еще и лживою клятвой, еже бесчестна». Древеска же, покачав головою, увел с печалью (своего) сына. И снова пошел Мирослав, и шел до сумерек; лице и руки его в кровь исхлестали ветви, а ноги искололи шипы. Обессилев, стал на ночлег, и разложил огонь, чего прежде не делал, боясь привлечь зверя и человека. И се услышал треск сучьев, и vznik древеска, бросил в огонь кровавый топор, положил к ногам Мирослава мертвого сына, обернутого шкурою, и быстро удалился, ступая по-над землею. Тщетно кричал и звал Мирослав, готовый умереть в сию ночь, никто не пришел и не лишил его жизни. И произнеся заклинания, отдал Мирослав Огню свою жертву, и полыхнуло ослепительным пламенем, быццам молния, и в пламени вознесся к звездам живый ребенок: не приняли бози жертву.

Егда вернулся Мирослав в стан мятежей, отлетели уже в Полдненьве последние птицы, и бе тихо и звонко в снулых лесех, Могута же с дружиной был еще в походе. Рече Мирослав к Девятиглазу, волхву: «Сомнение в бозех укрепляет веру. Слеп николи не усомнившийся, но трижды потерян в себе, кто усомнился и не преодолел сомнения. Опошняя (моя) забота — достойный конец». И было по обычаю; в давние леты судили ведь о человеце не токмо по роду и по свершению, но и по смерти (его); самой достойной считалась смерть в сече и по скончании всех трудов, посему мужи не боялись брани и торопились осуществить задуманное.

И узнал Мирослав, великий князь Володимир обманул его, не исполнил обещания; напротив, усилил гонения на правоверей, умножил смертные казни волхвов и скоморосей и стал ставити по Русьской земле

монастыри, неприступные, ровно остереги; быццам болярцы, получали (монастыри) в подарок наделы. Сам же (Володимир) содеялся велми осторожен, не показывая ся боле на люди; если же и появлялся, (то) в окружении великой охраны; на погребение прежней жены в Черниги послал своего велможу.

Каясь в оплошности, принялся Мирослав усердно за устроение стана, кольми паче волхвы реша (ему) о грядущем: «Дважды умреши на месте сем и дважды воскреснешь». В один из дней рече к Мирославу Вислоус, становой старейшина: «Стоит Могута супроть Киева, а беда за спиной. Доносят мужи: вышел Ярослав из Новгорода с большой дружиной и воеводы из Росстани, хоцут пожечи (наши) станы, дабы вовсе сокрушити об зиму».

Выслал Мирослав дозоры по всем дорогам. И получил вскоре вести еще хуже: вышел Святополк из Турья, Могута же отступил за Тесну. Увидев опасность, Мирослав рече: «Встанем здесь насмерть; удержим стан, будет, идеже зимовати, не удержим, останется время Могуते искати новый». И собрал (всех), кто был в стане, и сосчитали их: малых детей, жен и стариков до 2 тысяч, ратных мужей — едва 500. И поставил жен, стариков и отроков подсыпать валы и плотину, державшую воды, а ратным мужам и волхвам велел укрепляти засеки и разобрати мосты; вела в стан одна дорога, а вокруг тянулись зыбучие земли и непролазные топи. И посчитали жито и иные припасы, и свезли в стан сено, приготовленное с лета. Объехал Мирослав дальние селища, строго наказывая тамошним старейшинам-правовемер: «Следите, чтобы никто из ваших не провел христов ко стану; знают дорогу, да не ведут тропы».

И се надвинулись ворожьи полки, и заступили дорогу ко стану. И не искали провожатого, ибо привели с собою — Дермелу, киевского писца. Увидели его дозоры, следившие за христами, и известили Мирослава. И послал Мирослав трех самых отважных мужей встречь ворогам, наказав убити Дермелу. И сели в засаду на легких охотничьих лодьях, и подпустили совсем близко Дермелу, шедша впереди со щупалом по болоту; и были лутшими стрельцами, а промахнулись вси трое; и схватили их христы и, пытав свирепо, утопили. Рече

Мирослав: «Что делати? — помогают Дермеле злые духи». И вызвался некий муж исполнити волю князя; ходил много раз от Могуты в Новгород, знал христианскую веру, был велми хитр и удачлив. И поклялся Родом и Могожью, говоря сице: «Ворогам остался еще переход. Ночью, когда зажгут костры, проберусь к их шатрам и найду Дермелу».

И видит Мирослав: предвечерьем поворотили с верной тропы полки новгородские и пошли по пояс в воде к острову; от него виднелся уже стан Могуты, але болото, разделявшее остров и стан, было самое гиблое. Недоумевал Мирослав; и привели дозорные людина; он же рече к Мирославу: «Дермела велел овестити, зарано поведет новгородцев через болото; как зайдут по грудь, обходите и вершите ратное дело». И удивися Мирослав пуце прежнего; рече к незнакомецу: «Возвращайся и предупреди Дермелу, аз послал к нь убийцу». И было поздно, запылала уже по острову ночные костры. И услышал Мирослав, еже кричат в стане новгородцев, и смятение велико. Утром топтались новгородцы на острове, не ведая, куда идти. И вошли иные в студеное болото с конями, и двинулись ко стану Могуты, щупая дно шестами. И вот стала вода доходить до груди, и хотели уже поворотити обратно, и остановились, и сразу же потонули вместе с конями. И пронесся крик ужаса, и снялись ворожьи полки, и пошли обратной дорогой. Рече Мирослав: «Поторопимся, братия, ударим христов, ибо нет (у нас) сил противостати в поле». И заступили выход из болота на твердую землю, и остановили в болоте (все) новгородское войско, некуда было ему ни вправо, ни влево. И побивали лучники беззащитных; потерял в тот день Ярослав большы тысячи воев, пока отвне не приспела помога. Рече, осиясь, Ярослав: «Теперь держите поганых за луку, не отставайте ни на шаг, будем теснити и по следам войдем в стан». И увидев то, разделил Мирослав воев: половину мужей с Вислоусом отправил в стан, ко другим рече: «Тут нам и помрети, братия, нельга отступить, ибо приведем ворогов ко стану; будем стояти, дабы не упрекнули, быццам влегке отреклись от своего долга». И почалась брань люта, и новгородцы обошли воев Мирослава, постелив гать, але (те) не отступили и бились в окружении до темна и в темно серед лесья

и болота; Мирослав бе тяжело ранен; нашли его почти как мертвого. От гибели спаслось всего несколько мужей, отбивших лодии у новгородцев. И кружили два дни, прежде нежели пристали недалеко от стана. И се очнися Мирослав; подкрепив ся сытой из дикого меда, рече: «Предвещали волхвы, что умру дважды. Раз уже воскрес».

И пошли мужи Мирослава ко стану разведати, и видят: едет встречъ новгородец. Обнажили мечи и остановили его. Он же сказал: «Убейте мя или побойте бежати, нельга уже терпети позор». И спросили, что приключилось. И поведал: перебив отряд Мирослава, новгородцы пришли ко стану, взяли его и умертвили всех до единого; в святище Могожи нашли затворившихся волхвов и малых детей. Сказали волхвы: «Мы выйдем отсюда, детей же не троньте: грех (всякому), кто станет искати правды во храме». И не вняли христы, взломали двери и убили неповинных, крича: «Смерть поганых — слава Христу!» И схватили жену Могуты, и надругались; раздавили суставы на ногах и руках и бросили еще живу в костер: «Се наша треба Перуну!» Ныне же празднуют победу. Варязи, наевшись и напившись, катаются по земле, похваляются храбростию: «Нам заплатили, и мы порезали вместе с вами ваших братьей; если бы черт заплатил, мы бы и вас порубили в капусту: презренна и бесчестна семья, идеже побивают друг друга».

Услыхав о случившемся, Мирослав вскочил во гневе с ложа своего, ища оружие, и вновь открылись раны, и пал беспамятно и не приходил в себя несколько дней. Восчувствовав же, рече: «Паки воскрес. Теперь вижу: смерть со славой легче бесславной смерти».

Еще до морозов ушел Мирослав от страшного места, едва избежав погони. И хотя округ по селищем были верные люди, найти Могуту не мог. Видя, что вороги собрали огромную рать и хотят вконец извести правоверей в бранех, Могута разрознил дружину на отряды, и разошлись по глухим краям, — в Ватичи, в Полночную Чудь, к Беломорью, в Мордву, к низовьям Воложи, куда приходят на торги хорезмите и половцы, еще к Дону; сам же Могута сокрылся в Летьголи, и пришед, всхоте склонити варязей к походу на Киев; и соглашались, але запросили слишком много серебра, и когда

отказался (Могута), пытались схватить (его) и выдать Брячиславу, князю Полотской земли. И се Могута вместе с летьголеми сожег становище варязей и их корабли.

Обыскал Володимир Русьскую землю в поисках Могуты и не нашел; епископы же повсюду возглашали о великой перемоге. И се занялся ропот в людех, войски ведь обирали общины постоянными поборами и творили насилия; повсюду рушили святища и губили волхвов, и христили люде по градем и селищам, ставя попами десятских, ибо уже нехватало. Едва уходило войско, люде избивало попов и восставляло кумиры; гриди Володимира, возвратясь, казнили мятежей со сирепостою, але тем еще больш ожесточали люде. Се Подугавьские и Поволожские кривичи, восстав, убиша своих болярцей, кого настигли, усадьбы (их) разметаша и пожгоша, а холопей и закупей отпустиша на волю. И собрали дружину, и выбрали князем Ровду, скомороха, он же послал к Могуте, прося о помощи.

По весне сошлась дружина Могуты вновь воедино в Бобрех, селище в Сиверех, и каждый отряд привел еще немало новых воев, и пришли русичи, бежавшие из Тмутараканя, а всего собралось больш 10 тысяч, оружия же было мало и не было коней на смену. Приготовились уже выступити, дождавшись счастливого знака, и (тут) пришел Мирослав. И всхоте повестити о гибели стана, Могута же остановил: «Человец слаб, пока есть слезы, но силен, егда истожились».

И выступили правоверы, и прошли Муромскую землю, держа ко Смилени, и разбивали по пути грады, ломали церквы и убивали попов и новых болярцей, искали повсюду оружие и коней. И се вышли наперехват три христовых войски: из Черниг, из Смилени и из Мурома, всего до 15 тысяч. И встали преградою. Послал Могута сказати ворожьим воеводам: «Собрались вы, яко снопы на гумно в урожайное лето, будет цепам потеха». И разбил их, ударив столь яростно, что лишь немногие спаслись бегством. И взяв довольно оружия, коней и припасов, поспешил к Ровде. И пришли в Загорцы, градец невелик, идеже бе стан мятежей, и видят: обедает дружина, принеся богам жертвы, безудержно веселится, предаваясь бражному медопитию, пляскам и разнуздю в женолюбии; сам Ровда, в кол-

паке-столбуне, велми нахмелен, сидит под священным дубом с полоненной княжей дочерью, и у той, обрюхшей уже, титки нази. Возмутясь безмерно сим непотребством, рече Могута: «Стыдливость — першее украшение жены; сыскати ли в твоей избраннице?» Ровда, быщам не приметив словей, подал Могуте, не вставая, рог с медом. Рече: «В день сей положено веселиться, оставив черные думы; бози не прощают, коли мешают божье дело с земной заботой. Свадьба моя, мое веселье, и ворог, кто не угостится от брашна моего». Отрече Могута, приняв питье: «Всяк женится, да не всяку женитьба удавается. Муж в лес по дрова, баба замуж пошла». Вскричал Ровда: «Почто испытываешь мое терпение?» Отрече: «Тому, пресветлый князю, что испытание твое рядом. Близко уже смилене и полотьцы, завтра доедят недоеденное и допьют недопитое. Твой же щит, еже на вратах дома³⁰⁷, затынул мизгирь паутиною; колесо в паутине — худой знак»³⁰⁸. И пошел Могута прочь от обедавших, оставив досаду, недоумение и тяжкое предчутье. Сказал Мирослав: «Соузец Ровда, зачем было обижати?» Отвещал Могута: «Раб презирает славящего его и уважает поносящего; смущен подарками и хорошо чувствует себя от наказания. К тому же иной соузец хуже врага, ибо на постоянство врага можно положиться».

И вот об исходе дней Ровды. Когда пришли войски христов, Могута рече к Ровде: «К полудню исполни свою дружину у Медвежьего брода, пригоню туда христов, а ты не дай им перейти». И крепко взявшись с двух боков, Могута и Мирослав оттеснили к броду полотьские и смиленские полки, а Ровды все не было; наки в ночь веселились, а заутре спали беспробудно; пока спохватились, ускользнули христы, и посечи их не удалось. И казнил Могута Ровду в глазах дружины его. Рече Мирослав к Могуте: «Ослабляем ся чрезмерной строгостию». Могута же, неприступен в ярости, отрече: «Бесполезен в брани не держащий (своего) слова. И другим наука за легкодумное рукобитье».

Сице умре Ровда, муж отважен и любим по Кривичем, але подвержен порокам, иже вредят совершенству и большой судьбе. В память (о нем) остались слова, изреченные о Могуте: «Желанна, но непрочна дружба с великими». Толкуют, предчуял от нь свою погибель.

И выбрали себе мятежные кривичи нового князя, Валдая, старейшину в Уборех, еже по Вилютю-реке, притоке Воложи.

В то лето трижды разбивали войско христов, але перемоги в противоборстве с Володимиром не достигли. Рече Мирослав к Могуте: «Вот море, расступается пред корабелем, но смыкается за кормою. Тако и мы: будем побеждати ворогов еще и еще и не добудем победы; не пустити корени гонимым ветром; потребна своя земля, на ней растет сила, и не токмо от побед, но еще больш от труда и блюдения чести». Рече Могута: «Оба (мы) безотчинники и изгнанники. Идеже найдем себе землю?» И позвали дружину, и думали, и разошлись желаня; одни говорили: уйдем к Чуди Заволжской, несметно (ее) обилие; другие звали к перелогам на Дон, к руси, говоря: «Ходют в золоте, ядут на серебре, жены (их) спят на агарянских коврищех». Третьи уговаривали на Заман-озеро, четвертые склоняли отбити Тмутаракань; были и пятые, иже твердили: обоки Дунавы, близ болгарей и влахов, (наши) исконные земли. Але велми могие хотели остаться в своей земле. И положил Могута по большинству, и сели по истокам Дугавы, Воложи и Непра, в Оковских лесех. Княжил Могута в сей земле два лета, Мирослав и Валдай были при нем первыми мужеми; и два лета была затишь, ибо воеводы Володимира бранились то с печенеземи³⁰⁹, то с булгареми³¹⁰, то со свеями, грабившими племены по Лукоморью; Полоть и Турье враждовали меж собою, а Смилень после поражения была слишком слаба.

Просто ли самодержецу в Русьской земле, коли и бозей растерял, и людье отвратил, и друзей взненавидел, и слуг не нашел? Сыскались лишь угодники беззаконя, наперсники зла; и се поют славу бесславному, хвалят мудрость неразумного, поднимают на помост мелкого ростом; ложь извратила зрение и одурманила пуще мухомора; никто уже ни в чем не уверен, и никто не прозревает грядущее; обыкают глаголити всуе и отвывают тружаться: лень требует лжи, и правда (ей) ненавистна; и се ложь, которой искали утвердиться, подтачивает основы; трещит возведенное строение; трещит и долго не падает, ободряя лживых лживой устойчивостью. Ложь от жаждущих чужого, от

них же кровь и несправедливость. Враг сражающимся — кто извлечет мзду из их победы и кто извлечет мзду из их поражения; враг живым — кто богатеет от их труда и от их праздности. Але не находилось разумевших правду.

Оувиде Володимир, не сломити Могуту силой; але и Могута исчерпался, и дали по неволе роздых друг другу. Многостольник же, изоощрен в хитрости, не дремал, зная: коли бьешь спереди, и не валится, ударь сзади, и упадет. И замирился с болгарями, и с печенежами завел дружбу; и хотел послати епископов для хрищения, але не приняли печенежи; отвергли хрищение и от грек; согласились принять священника из Рима, и не препятствовал Володимир, послушав своего свата Болеслава, только и римец не прельстил Христом печенежских князей³¹¹.

Готовясь сокрушити Могуту в решающей брани, Володимир укреплял повсюду епископии и насадил новые в Смилени, Полотси и Турье. И принял Номоканон³¹² от митрополита. Митрополит же внушал князю: будешь, аки цесарь, опекати патриархов, дай только срок укрепиться епископам. И бичевали попы прихожан пуще прежнего, пугая вечным кипением в смоле и терзаниями от хищных зверей, и многих отлучали от Христа, другие же сами отлучали ся, отчаявшись от насилий и обмана проповедников. И вот уже преследовали обычай, приходя на подворье и заглядывая в окна; наложили запрет на словенское погребение и не велели ни тризновати, ни плакати, ни обедати, а скорососем возбрали играти; и мужам уготовили новое позорище: попы стали утешителями нерадивым женам. И явились нежданно пред всеми новые человеци, неведомые дотоле: учуяв легкую поживу, отбросили всякое стыденье, осмеивая равнявшихся на скромных, и ловко грабили ближних, и восхваляли ся прилюдно, и промышляли куплей и продажей по градем Русьской земли, грезя о великих богатствах. Столь распозлось вскоре беззаконие, что Володимир повелел писати новые законы; але и в новых не обнаружилось и крупницы справедливости, было же довольно невежества и бесстыдства. Прежде не мерили совесть на гривны, теперь и совести нашли мерила и спуды. Беду от человека человеку не засыпати коробами ржи, обиду

не уняти серебром, душа алчет уважения и возмездия, а не отплаты, и пребывает без того в бесчестии и попра-нии. Прержний обычай бе прост и справедлив: смерть за смерть, око за око, слово за слово; злочинец долго не жил, обидчик получал по заслугам; коли не доста-вало силы у обиженного, мстили сородичи. Але нет уже сородичей у богоотступей, лишились ближних и не признают, шатаются по градем хмельны, нечесаны и праздно, и кто обочь их? Нет им ни сочувствия, ни дру-га,— одни соумышлецы вокол, и вси они холопе, токмо в разных шапках³¹³. Что брал князь прежде кроме по-людья? Ныне же во всем ищет поживу для себя и со-трапезцей. И за закон подай (князю), и за обычай неси. Прержд брали закупей при свидетеле, ныне неволя ве-сти в суд и оплатити поручье суда, сице обирают труж-ливых; а коли уйдет закуп до срока, то сами не ищут; и коли сам найдешь, опять неси.

Видя приготовления Володимира, остерегал Миро-слав Могуту: «Быти грозе после затиши». И пошел с волхвами в Дреговичи, и привел (оттуда) еще тысячу правоверей; и просились в дружину разбойники, Ми-рослав же клеймёным³¹⁴ отказал, и без того гудели по-пы с амвонов: разбойники смутьянят по Русьской зем-ле. И выбрал место за багнищами-пльвунами, за дико-лесьем, средь логовищ вепрей и лисьих нор, и срубили тамо в лето стан о стенах и с вежею; напасли оружия и жита, и вырыли колодези и подземные ходы; часто-колье били в два ряда, за первым рядом утыки и сунн, заостренные бревены, еже связаны пуком,— кони не обойдут, а лучнику или пешему с мечом и секирою ук-рылице.

О хмель надежды! Не вчера ли еще утешались по-корм души?

Течет речка, речка быстрая,
течет реченька издали.
Мы огни зажжем великие,
сзовем добрых молодцев,
добрых молодцев да молодухек,
угостим их божьим хлебушком.
Сядем на лавки на кленовые,
за столы сядем за дубовые,
послушаем Леля-батюшку.
Огни режут, и котлы кипят,
и булатны ножи, востры, блестят,
и козел стоит, бородой трясет,

ради доброго духа кровь прольет.
Веселитесь, добры молодцы,
веселитесь, красны девицы,
славьте Леля-батюшку,
Могожь-мати и родную сторонушку!
Течет речка, речка быстрая,
течет реченька издали.
Сколь воды утечет,
столь ведь и останется.

Воды сбежали, по пригоркам муравы зазеленели, солнцесвет раззолотился, — возвестили волхвы Первую Борозду. Заскребли по сусекам жены, принялись печи жавороней и оладьи с побегамы солнцесвета, и запахи закружили голову, напоминая изгнанникам о минувшем; оратаи вышли в чистых кошулах, расшитых узореми, — яко прежде. Вечор пронесли по стану старый плуг, каким поднималось родное поле; хранится в (каждом) святище, наделен чудесною силой. Девицы в поддевках, шитых цветною нитью, в венках из подснежной и солнцесвета; идеже отроки и отроковицы ни покажутся, угощают (их) печеньем и березовым квасом; трижды прошли с пением, и вот уж поставили плуг у околицы, и с первой звездой волхв возжег Огнь, и пока разгоралось, с криком тащили люди (всякий) хлам со двора и метали смеясь в кострище. А самые проворные уже завели скоки вокруг Огня под бубны и гудцы. В полночь девицы ворожили, чьего коня запрягати, и ждали, над чьим домом повиснет копыто Лосихи, небо же заволоклось, и пропали звезды, и пришед, положил волхв на землю орехи по числу изб, и, творя кудесы, кинул золотое кольцо, и покатилося к крайнему ореху. И побежали отроки с кличем: «Полкану почин, жити без кручин!» И вышел Полкан, и поклонился, рад-радешенек: с него почнут делити угодья. И стерегли плуг отроки всю ночь. На заре же отправились вси в поле, со старыми прилежними и голосливыми груднышеми, и принес старейшина в жертву петуха, и, обогрив кровию плуг, чтоб пахарю не браться за меч, повел первую борозду в месте, указанном волхвом Томилой, — тако почалась страда и окончился праздник. Пение же сладко и пугливо томило сердце.

Из-за моря летят птицы, торопятся,
машут крылами белыми.
Запищат по гнездам птенцы малые,

и ты, наша сторонushка милая,
подымешь, как прежде, нивы тучные.
Прежняя любовь не забудется,
старый друг не раздружится,
ой-люли, ой-люли, летят птицы, торопятся,
машут крылами белыми.
А поле ждет пробуждения.

Пускает земля побегии, кудрявится и блестит травую,
все нежится в тепле, сакочет в радости, лишь молчит
усталое сердце. Вот еще одна весна покатилаь, что
завтра ждет человека?

Весна весела,
ручьями песни завела,
по ерузем понесла,
меня, молодку, извела.
Идет мболодец по бурьяну,
на ушке шапочка бобровьяна,
несет синие красочки
своей девице за кладочку.
Кто осудит мою любовь? —
прежде смерти сердцу дана ³¹⁵.

Како ветер пред грозую, како тень пред светом, бе-
жит пред событием его предчутье. Зрящей и внемлю-
щей душе дано уловити, а слепая, еже закована в суету,
встрепещет ли? Вот пел жаворонь после заката, и по-
нял Мирослав: быти худу. И пришед к Могуте, впро-
си: «Нет ли вестей из Кыева?» И не было. Рече Могута:
«Не гнись от забот, человеце; что смерть предстоящая,
коли не отсутствие заботы? Приидут беды, и встретим,
яко званых на пир, ведь и беды мнунт в свой час». На
другую ночь приснился Мирославу, быццам пробит его
фрязьский, льняной панцырь. И растолковали: «Вско-
ре не будет дома в родной земле». Рече Мирослав к
Могуте: «Сбирайся уже на брань». Рассмеялся Могута
и велел отроку принести златые кубки и хмельного
меду; и вот известили: «Пришел некий муж из Кыева,
едва жив». И ввели его, он же рече: «Могута, се весть
от Бовы, владыки, аз донес (ее) на дюжине комоней:
три дни назад ушел из Кыева Володимир с дружиной.
С ним 10 тысяч алданей ³¹⁶. К тебе спешит войско...»
И не окончив словей, пал вестник замертво, ибо скакал
от Кыева без передыху. И пришли вестники также от
Турьской волхвы, от Полотьской, от Новгородской и от
Сюждальской, и каждый поведал, что идут войски. По-
считали, и вышло, что всего до 40 тысяч, у Могуты же

было пять тысяч. И позва Могута на думу; реша мужи: «Не перестоит конь дороги, невозможно нам пересилити, укроемся в Заволожской Чуди». И людье, еже сбежалось к нам, не покинем». Рече Могута: «У каждого глаза своя правда, единую зрят оба. Мирослав поведет людье в Полнощную Чудь, мне же укрыти (его) от погони. Трепали нас и чесали, ныне станут ссучивати, мы же и в нитях не пропадем».

И выступил Мирослав, не мешкая, со своею дружиною, а за ним бедные бежцы, долгий обоз; старые и малые, жены и немощники; и скотье погнали, и имение навьючили; вси пеши, мало кто сел на конь, отдали коней дружине Мирослава; на плытах и лодьях по Воложе не пошли, опасаясь росставцев. И оставил Могута Валдая с тысячью воев в стане, сам же борзо подступил к Смилени, але уклонились сечи смилити, ожидая полотьцев; те же остановились, ожидая новгородцев, одни новгородцы не имели страху. Рече Могута к дружине: «Ударим, забрав себе (всю) славу; ведь слава — устояти там, идеже нету надежды, остатнее удача». И вот исполчились; увидели христы, что мало правоверей, и велми одушевились. И благословил христов епископ Ионисий: «Легко победите, коли не усомнитесь в силе господя». И случися небывалое чудо: стали перемогати христы, и тут вострубили трубы христов к отступлению, и смутились воеводы; отступая, смешали ряды, и створилась сумятица; Могута же, воспрянув, посек до пятисот мужей, и побежали остальные. Егда остановились, епископ восклица: «Нечестивцы, лутше бы вас всех попластали!» Покуль препирались и искали виноватого, два полка, полотьский с тысяцким Алдонисом и новгородский с воеводою Щапой, перекинулись к Могуте; быша хрищены мужи, але правоверы, узревшие в чуде знамение и призыв покаяться пред бози отец. Алдонис бе единый сын полотьского волхва Тадея, принесша ся в жертву Сварогу и Влесу при первом хрищении Полотси Есиславом; вошел в Огнь в белых одеждах, порицая беззаконие; Алдонис же был приближен Есиславом по совету Рогнед из-за великой славы Тадея и ради умиротворения дружины. О Щапе известно, еже купецкого роду, отец (его) прославися, положив в Новгороде дубяный стлан; в предках его по матери князь Водима, а женат бе на

свояченице князя Добрына; о Щапе говорили, еже богаче всех в Новгороде, а может, и на Словеньской земле; велми возвысился при Вышеславе, ссужая (его) серебром, и ведал торгами и полюдъями; при Ярославле же впал в немилость.

И вот подступил Володимир со Святополком и с печенежами, и окружили Могуту, и была сеча с утра до полудни, и застеньяло солнце от печенежских стрел, и гибли лутшие мужи Могуты, не явив силу рук и отвагу, але все же прорвался Могута и ушел бы от погони, да застрял, промешкавшись, полк Алдониса; ранен, поворотил Могута коней, глаголаше ко Щапе: «Иди к остережью, к Валдаю, аз догоню». И было промашкой; оступили дружину правоверей еще плотнее, и не смог уже пробиться, и был паки тяжко ранен, и схвачен Булгаком, Святополчим воеводою. Перевязали (Могуте) раны и привели в шатер к Володимиру. И узре Могута серед велмож Алдониса. Алдонис засмеялся, спросив: «Ведаешь ли, кого спасал?» Отрече Могута: «Себя, не ведая, каков аз есмь, но больше обычай, он ведь превыше измены. Кто не бережет обычай, и себя не сбережет. Плохо закончишь дни, Алдонис».

Горе мне, горе: победы принесли поражение, богатство — нищету, слава — позор, мудрость — заблуждение, а молодость обернулась старостью. Корчится человек от боли, молчит или кричит нестерпимо, но кто же объяснит боль в словах? Кто выразит живою? Кто разделит ее, не умаляя? Кто примет? Нет подле такого. Плачу о Могуте, ибо не вижу уже меж звезд самой яркой, не досчитался среди надежд самой заветной. Достойных округ немало, а достойнейшего нету. Толчется в уме прорек Рáтая Бужáнина, уморенного Володимиром в Кыеве за непокорный и горделивый нрав: «Прощаться сёння — завтра слова остынут, творити доброе сёння — завтра память посеет в вечность».

Все сущее в движении: и птица, и туча, и река; знают, чего хотят. Худо человеку, егда на раздорожье: чего хочет, не скажет: то плохо, то недостойно, а то недоступно. Голову кружит, быццам от хмеля; ясное прежде неясно, и шатаются устои моих времён. Живущий неясно живет напрасно.

Прежде дров в лес не возили, не искали всуе, все было на ладони: вот люди, вот и ты серед них. Недаром

старцы сокрушаются: минул златый век, и новый уже не для великих. Не ведаю, тако ли, але жрети судьбе разучились, повсюду лишь о мзде вздохи очей, ослабло в душах единое и единящее, прельщаются тем и сем, а что есть, уже не наполняет и не сытит: душа в прорехах. Бози, бози в забвении — плачут безутешные судьбы, тяготит их пустотою. И се удивление: от голоду меньш помирают, а голодают больш. Прежде нищие не кишели; коли бедствовали, (то) всем родом, ныне же прорва горемык. Бедствия живых умножились — близок час перемены, но дождались ли? — человек ведь вершит ся во днях, а не в столетиях.

Пировал Володимир победу, думая: свалил древо, трудно ли теперь порубити сучья? И подступил ко стану, идеже затворились Валдай со Щапою. Але хитро выбрал Могута место для остережья — не повернутись с громоздным войском: тут болото, там густолесье, не ступити конем. И сыпати вал — земли округ мало, литой камень. И почали рубити лесье мужи Володимира и, расчистив, кликнули лучников-печенезей; приготовили бычьи лбы — дубовые стенобиты, окованные железом, с поручеми на сорок и на сто носил, и наполнили мнозие сани каменем, дабы засыпати рвы, идеже понесут стенобиты. Говорили осажденные меж собою: «Не устояти стенам и на валу не удержатись — сшибут стрелами». Рече Валдай: «Не перехитри ся, мудрый. Коли мы устоим, и стены удержатся». И велел варити в котлах смолу и ставити на стенах бойничные щиты, иже измыслил Выдгарь, новгородский волхв: от стрел укрывают, а битись не мешают. Володимир же подвел камнестрелы, дабы смести щиты, и послал к Валдаю сказати: «Обещайте хреститись, оставим жизнь и дом и наградим щедро. Коли не уступите, не ждите пощады». Отрече Валдай: «Наша вера есть жито нескончаемое, молитесь Христу, а мы принесем жертвы своим богам и помянем Могуту вашей кровию. Будьте беспощадны, ибо и мы не пощадим».

Проводив людье в Чудь, Мирослав оставил тамо иных из дружины, с остатними мужами борзо воротился назад; и узнал, полонен Могута, а остережье в осаде и вот-вот падет. Рече Мирослав ко дружине: «Отобьем Могуту или погибнем». И закричали вои: «С тобой, князю, до крайнего часа». И посла разведати, идеже

прячут Могуту: Осьмиглаза, волхва, пронизавша людские мысли, и Пособку, бирича³¹⁷, в ложном хрищении Онцифера. И пошли каликами, пророчествуя от Христа. И зарыли ради хитрости в разных местах три сосуда, медяный, серебряный и златый, наказав своим: приготовьте носилки, спрячьтесь и ждите недалече златого сосуда; как придем в сопровождении христов, нападите и освободите нас. Подошел ко христову войску, славили Володимира, говоря: «Было нам знамение, и теперь знаем, идеже подземные клетки ильменьских волхвов». Услыхав (об этом), позва их Володимир и вприси: «Идеже сокровища?» Реша: «Приведи своего самого злого врага и спроси его; что ни ответит, мы верно истолкуем ответ, вразумлены божьим откровением». И согласися Володимир. Епископ же, чую подвох, отговаривал: «Порочат имя божье, повторяя все, вели вразумити (их) батожьем и прогони прочь. Или пытай злою пыткой, не наглядатаи ли поганых? Хотят разведати, идеже Могута и жив ли». Але гриди рассудили инакш: «Кто преломит ныне нашу силу? Найдут злато, нам прибыль, не найдут, казним обманщиков, и снова не в убытке». И велел Володимир привести вместо Могуты одного из своих велмож, внарошь связав вервию. И выслушал словы его Осьмиглаз; дождавшись вечера, повел людей Володимира и, отмерив шагами, указал: «Копайте». И извлекли медяный сосуд. Рече Осьмиглаз к великому князю: «Обманули тя, сей человек — лютый тебе враг, але не самый лютый». И согласися Володимир; и не отпустил велможу, заподозрив в измене. И привел другого (велможу), в котором сомневался. И бормотал молитвы Посока, и Осьмиглаз молился усердно. Когда же по вечерней заре откопали серебряный сосуд, Осьмиглаз рече к Володимиру: «Почто заблуждаем? И сей лютый тебе враг, але еще не лютейший». И паки согласися Володимир; а велможу велел пытати. Обуял страх гридей, и поднялся ропот: «Что же, князю, лукавишь? Или не ведаешь, кто лютейший?» И се явили пред очи Осьмиглаза Могуту. Ввечеру привел Осьмиглаз людей Володимира к лесью, и вот достали из земли златый сосуд. И велми все возбудились. Волхв же рече: «Пусть кто-либо немедля отнесет сосуд Володимиру, а остальные копают, ибо много тут злата, всем хватит; берите ло-

паты и копайте, скоро ведь стемнеет, и выйдет нечистая сила». И унесли сосуд, и подал знак Осьмиглаз, и выскочил из засады Мирослав, и перебил христов. Рече Осьмиглаз: «Поспешим на выручь к Могуте». И взяли носилки, приготовленные загодя, и спрятали в них воев, а другие вои понесли (носилки) на плечах. Осьмиглаз же и некий из велмож Володимира, кого пощадили, реша к сторожам: «Несем злато Володимиру, тамо еще несметно». И пришли к шатру. Выскочили вои, перебили охрану и схватили Володимира, еже ожидал сокровищ в нетерпении. Впроси Мирослав, идеже Могута. Отрече: «В соседнем шатре, в оковах, при многих сторожих. Коли захочет войти кто из чюжих, заколют (Могуту), сице сговорено». Рече Мирослав: «Убьем тя, коли не освободишь Могуту и не вспоможешь нам выбраться на волю». И кликнул Володимир воеводу, и привели закованного Могуту. И снял Мирослав с него цепи. И тут поднялась тревога по всему стану. Обступили христы шатер плотным кольцом, так что не проскочила бы и мышь, зажгли огни и стояли до утра. Заутре рече великий князь к Мирославу: «Ваших капля в моем море. Уходите, не стану гнаться до полудня». Рече Могута к Мирославу: «Что верити Володимиру? — стол лишил его чести, и черту недovesит, и богу недодаст. Коли собрать пролитые (им) слезы, и сам бы утоп, и дружина бы не выплыла. Лутше убьем его, а тамо по воле бозей». Мирослав же отверг: «Не для того сняли с тя цепи, чтобы тризнвати. И что Володимир? — ужли в нем только наша беда?» И пошли правоверы, держа меч у груди великого князя, и расступились христы, дивясь доблести Мирослава и его мужей; отойдя довольно от стана, отпустил Мирослав Володимира, сдержав свое слово. И Володимир, верен обещанию, не гнался до полудни, в полдень снарядил Святополка на перехват с лутшими мужами; и трижды сменив коней, обошла Могуту погоня еще до Смилени и встала в засаду близ Волók, большого и богатого селища, зная, истожились правоверы, и нет у них припасов. Сказал Мирослав, едва приблизились к Волокам: «Великое селище, десять языщей опаснее одного, обойдем стороной». И не всхоте Могута послушати совета: «Надобь быстрее в Деревляны, авось, еще не забыли ни Вдеса, ни Могожи и мя поминают». И се напоролись на

засаду; нельга было уклониться, и почалась сеча, и яростней, говорят, не было еще на Русьской земле — даже павшие не выпускали из рук мечей. Никто не ведал ни страха, ни усталости, никто не просил пощады. Но падали один за другим богатыри, даждьбожи внуци; сразили Осьмиглаза, волхва, положили Посоку, крушивша христов литою о полный пуд; и Мирослав, обливаясь кровью, рухнул наземь. И пересилили христы. Могуту взяли тяжело раненным и в беспамятстве³¹⁸. И лечили Мирослава и Могуту в Смилени: нету ведь радости палачу рубити уже мертвую главу.

С Валдаем же и со Щапою приключися вот что. Три дни ломали и не могли сломати вои Володимира стены остережъя, на четвертый взяли остережье приступом и сожгли дотла, перебив (всех), кого нашли. И повеле Володимир проклясти место, идеже потерял до двух тысяч лутших воев, воспретив (там) пахати, сеяти и селитись; и назвали (место) Закляты; смере же окрест назовут (его) до сей поры Валдай.

И вот о Щапе. Сокрылся с немногими мужами в подземелье, и обрушилось во время приступа; и быша обречены, и умирали в мѹках, але волею бозей пробиили лаз и бежали.

Меж тем, едва прилечив раны, повезли Могуту и Мирослава в цепех в Киев, и сопровождали два киевских полка из великокняжьей дружины. Привезя ночей во град, посадили розно, како и везли, в застенье митрополичьего дома, идеже христы учили вольные души христовым добродетелям. И собрал Володимир старшую чадь и епископов, и думали о судьбе Мирослава и Могуты; порешили сице: Мирослава заточити навечно, дабы не волновати казнью Дреговичей и не возмуцати старой знати, но пред всеми явити милосердие стола. Пуще всего боялись огласити, еже князь, именит и прославлен Святославом, Добрыном и самим Володимиром, — заодин с мятежами; давно уже внушали людьо, нет ни мятежей, ни мятежного войска, — токмо толпище разбойников и смутьянов, не желающих ни орати, ни сеяти и промышляющих татьбой и граблением купно с печенеземи. И увезли Мирослава отай в Вышгород, и бросили в темницу великокняжьего терема; даже стражи не ведали, кто узник, ибо запретили им молвити хотя бы слово; и входил в тем-

ницю, подавая пищу, некий чернец от митрополита, и имя его сокрыто.

С Могутою же положили обойтись круто, сломити волю и судити, коварно заставив отречись от Могожи; людье ведь только и говорило о полоненном, ожидая суда. Пытали Могуту самыми страшными и гнусными пытками; не можно их описати, сохраняя разум; сломити же не сломили; приходя в себя, в охраках крови, князь воздавал хвалу родным бозем, предрекая изгнанье христов и позорную гибель христовой веры по Русьской земле. Опошние дни сего беспримерного мужа подлинно не известны. Утаили христоверы от людья по страху своему даже имя его, еже дали отец и мати по рождении.

Казнили князя Могуту в Кыеве четвертованием, оклеветав прилюдно раскаявшимся пред Христом разбойником; очевидцы свидетельствуют: бе Могута от пыток едва жив и ликом себе не подобен; очи вынуты из глазниц и вырван язык. Волхвы, ходившие к лобному месту, ручаются, еже казнили вовсе не Могуту, но похожего человека. Сомнительно ручательство, сведущие не разделяют; в народех же ходит, быццам правоверы подкопом проникли в узилище и освободили Могуту; князь умре от увечий и ран уже на свободе и погребен по обычаю в Деревлянех; в могилу его сложены кумиры словенских бозей из злата и требные сосуды из серебра; везли сокровище к месту погребения в тороках на десяти конех; идеже могила, никто не ведает. Другие расскажут инакш, и велми многие принимают се правдой. Быццам пытали палачи Могуту целое лето, але не преклонился; и стал помирати, и пришел к нь Володимир, и рече: «Не утихнет на Руси, коли ты, князю, не велишь мятежем сложити оружие и служити новому богу; истечет кровию земля в усобице на радость ворогам». И согласися Могута. И повезли его в лесье, к заколодам и завалам, идеже засели правоверы. И крикнул Могута из последнего: «Братья, аз есмь князь ваш Могута, велю вам змогатись, не оставляя брани с христами!» И тотчас упал мертв, ибо стояли за его спиною сторожи от Володимира с мечеми. Одушевились мятежи орлиным кличем и не смирились с насилием, не отступили правды.

Горе мне, горе! пишу о смерти своей страданием

своим. Можно доказать истину, но как доказать правду? — (ее) чувствуют или не чувствуют; можно доказать ложь, но как доказать заблуждение души? Искомое в нас и вокруг, и негде больше искать. Все изречено, прибавити нечего. Многознание бессловесно. Внемли ветру и шуму дров, плеску волн и шелесту трав — есть ли мудрость превыше? И се (их) мудрость, облечена в наши слова, иже грубы и неуклюжи: «Прими всякий день и всякую заботу, и всякий труд; дерзай, служа роду своему и миру, посреди которого жив; не желай больш, нежели предки, — не сулит радости».

Страшна смерть для сердца, але страшней для памяти. Был и нет — неодолимо. Не превозмочи ни горечи, ни раны, не породнившись с вечною тишиною. Не сами ли бози повинны в гибели своих детей? Вечное отдохновение терзавшимся вечно. Встреча кончается, и свет меркнет, и исчезает тоска, и истончается радость; повторяясь, не повторится уже, — будет другая встреча, иной свет прольется, иная боль наступит и непохожая радость. И се печаль, ее же не объять. Умру — не жаль; облик забыли — не жаль; слова отлетели — не жаль. Жаль — не возродити того, что было сокрыто за жизнью и за обликом, что тайлось за словами, проращая (их). Рекут от века: «Все повторимо, кроме истока». Казалось легким реченье, а ныне понял и обомлел: скажешь ли больш?

Не родивший сына не плачет о его смерти, сирота не горюет на тризне родителей, не волнуемый страстью не ведает разочарования, поставивший себя ниже всех не терпит обиды, нищий не боится кражи богатства, не дорожающий собой не страшится кончины; но угодно ли богам, если кто не хочет родити сына и подавил в себе страсти, если безразличен к истине и равнодушен к свободе? Если обретенье — жизнь, не жизнь ли и утра-та? И если радуемся обретенью, отчего же полны страха потерять, ведь утрата неизбежна; и легче ли та, о которой не знаем? проще ли та, еже пронзает живое оставшихся после нас? Много страдал и много думал, много терпел и много слушал о бедствиях, и се возглашаю: всякая жизнь — в радость, и огорчения все; идите спокойно от поражения к победе и от победы к поражению, не теряя трезвости при удаче и не сожигая себя печалью при неудаче. О судьбах решает число побед

и поражений, о доброй памяти — наша твердость и умельство.

Не трудно высказать мудрость, трудно следовать ей; еще труднее, последовав, не отринуть в разочарованье. Трудно людям всходить по степеням добра, але еще труднее поверить, еже восхождение возможно.

Два лета схороняли князя Мирослава в заточении. Если б ни мир в человеце, стерпети ли неведомость судьбы и одинокость? перенести ли умертвление жизни, заполнявшей прежде? Вот что слышал от Мирослава о днях заточения: «Повторил в памяти вси шаги, верные и неверные, и те, что кажутся верными, и те, что кажутся неверными. Укорял ся и терзал ся, и поклонялся бозем благодарно. Многое передумал, и немалое открылось. Але чем больш ведал о жизни, тем горш было ведение и тем меньш ведал, како жити должно, чтоб уберечь честь и устояти в мире падения; и зародися сомнение, задумывается ли мудрейший, не скользит ли по накатанному, сторонясь совсем иного рассуждения как обмана? Не та же глупость — мудрость, пугающаяся лишь глупости? Ведь рассуждение мудрейшего — николи не жизнь, и часто бессмысленно, а поступок глупейшего — жизнь, и полон смысла. Истина повсюду, перемени страдание, и переменится правда».

Се времёны остановились, и память уже не черпает, но возвращает вычерпанное, и в видениях нет искаженности, присущей волнениям бегущего; быша противоречивы и незавершены — завершились болью, быша неправдоподобны, — содеяли ся единственной утешливой правдой; красивое изукрасилось, худое похужело. И видел Мирослава, и слышал безутайные смехи его; вот сидит вприщур на солнцепеке и сушит окуней на лозьях, вот льет свечи из вошины, а вот ранен Мирослав, — обкладывает лечец рану сухим болотным мхом и стягивает льняною лентой. Стужливой осенней ночью коротили время беседой у сонного очага. И ветер, и дождь, — бесновалась буря во мраке, скакали по углям духи Огня, пыхали искрами, трещали и сипели в головнях. И внезапно впорхнула ночная птица — тенью мелькнули крылы, и с жалобным писком прочь унеслась из тепла и покоя в холод и брань непогоды, — и тяжко заняло сердце в загадке, истеклось тревожной жалостию

ко всему страждущему в огромном и непроглядном мире; дух Смерти пронесся, дохнув дождеми и березовым дымом, но кто остерегся (этим)? — шли еще от победы к победе, и грядущее манило надеждой.

Образ думы сокровенной — чиркнет видение, и прежнее затеплится, и вновь проживается наяву. Се Доляна, дочь Симгола, волхва из Певней, селища на Шелони, — молодость, молодость, далека (ты) ныне! Мати Могожь, безмерны щедроты Творения на полюби и ласку; како бы ни иссушило и ни заснежило ныне, стану жити прежним, и его мне достанет. Пук ржи заломан на поле — не от сглаза, — ищи мя, сокол, си-зую голубицу; и древо зарубано — не от худого гостя, — жду не дождусь, одною утехой не утешусь. Звоните, небесны колоколецы, серебряны усерязи, зовите моего друга; мелькни, парчовый очелец, укажи, идеже моя зазноба; не перени постелены и не ковры разостланы, — красны маки и незабудки на нашем счастливом ложе; не мёды припасены в голеке, но хмель на губах твоих; сойдемся, како прежде, всему благодарны, — не очистят воды ³¹⁹, очистят родники звезд, ибо быстро умчалось время свидания; забыта в муравах льняная набедренница и тонкий платок качается на раките; следы щедрого пира; ни у кого не отнято, но всем роздано; идеже пирующие? — раздали округ себя и небо, и душу, и поле, и поцелуи; умылся бы твоей нежной красотой, укрылся бы твоей доброй лаской и воды бы твоей не отвернулся ³²⁰; не любовным грибом приворожила, но мягким взором, не благовонием мяты, но благоуханием юности и сырокваши, моют ею волосы невесты; яко дятл дебаёт клювом, стучит мое сердце — ждёт день нового свидания.

О грезы, грезы, утешение обманурых! Вот голоден, и явились сны о хлебе, вот заточен, и думаю о воле, вот ослаб, но мигает в темной тоске ожидание новой силы.

Глухие стены — и молчание тишины, и тьма под-земелья; редкий луч на закате глянет в отдушину, и опять тьма, и комарий гуд, и пыхтит некий зверь, то ли грызет, то ли роет, — надо мной, подо мной, по всей земле. Вот оно! Небо — яркая синь над позолотою рощи, глазам больно; ластки уж отлетели, в лесах гул и звонь, и в одиноком поле смер с сохою, бредет медленно, быццам боль ему всякий шаг. «Не рано ль пашню

теребишь?» — «Аз есмь хвор, мўже, печет нутро, пришла моя лихомань; лягу ввечеру, а встану ль заутре, не ведаю». — «Что ж изнуряешь ся непосильным? Нет ли (у тебя) брата? или свата? или кума?» — «Все одно, муже, кто-то должен пахать поле».

Кто-то должен пахать поле. Кому печалью печаль пахаря? кому потом пот его? кому стоном стон? кому слезою слеза? — кто-то должен пахать поле.

А вот и селище, сожженное христами. Торопи коня, не время скорбети над пепелищем. А душа свое примечает, млея в обиде: се малые детки; качаются еще на слабых ножках, а уж прячутся, тонкошейки, курятками хоронятся по лебедам да репейникам; голосят над убитым отцем, не разумея, отчего не встает, кличут мати, но и ее не докличутся. Кто помрет, а кто и останется, поднимется колоском на гари, серед вечной уже заботы, и жизнь все так же останется бременем, — нет близкого человека человеку, — надолго ли? — все на свой лад нищи, — нищий же нищему слабая утеха. Не заботимся чужой бедою, не проникаем чужое горе; взойдешь на гору, чтобы зрети дальш, и не видишь уже, что под горою; останешься под горою, застит полнеба.

Вышед на волю, сказал князь Мирослав: «Лишь горе вполне наставляет, когда нету надежды. Учится человек видеть не примеченное прежде, ценит не оцененное, радуясь (тому), что возможно радоватись. Горе открывает подлинное в нем; искажают человека досужие желания, и не ведает о себе, но только о них».

Не было покоя душе узника, но разве обрел покой в узилищах вольной жизни? И что же стенание? — чьи еще плечи удержат Небо и Землю?

Казнили Могуту, заточили Мирослава, погубили их верных споборников, а не утихло по Русьской земле, — како примирити ся с утратою бозей, питавших радостию? Змѣились страшные слухи. И была правда, и была ложь, и лжи было больше, правда бо бе неприглядней и злее, нежели думали о ней. Повторялось в тревоге из уст в уста проклятие и пророчество Невзора, Ильменьского владыки: «Многим поклонитесь, люди, за предательство бозей, и своим, и иноплеменным, станете заискивать пред ними и вновь надолго лишитесь своих князей, станете имати в муках то, что (вам)

причитается по закону; обман станет привычным, и мздоимец будет в почете; и погрязнут в пороках и в лени, в безнадежье и унынии, угнетая и преследуя один другого. Возродятся, але новой кровию, отринув чужебожие и паки поверив в себя». И не было счета чюдесам и знамениям, и все толковали к непрочности времён, мору и новой смуте. В Чернигах, сказают, на глазах людья откопали из могилы воскресшего мужа; в Белгороде вознеслась на небо корова, в Кыеве дважды зидели на площе пред христовым храмом кумир Перуна; vznikал из разверстой земли и пропадал вновь. Умножался стон, росло нетерпение, и вси быша недовольны. Володимир казнил справедливых одного за другим, и вот некому стало молвити слово за обычай; ведь новые велможи, возвысясь поклонением, поклонением чаяли сберечи ся, николи не перечили неправде и не обличали зла, сокрывая свои думы. И засевали христы Русьскую землю блудилищами, сколько могли, и теми, идеже молятся не совести, но карающей плети, и теми, идеже поднимают чаши с отравою надеждам.

Низкие и слабые люди хочут быти выше и сильнее, але праведно желание обращается в преступление; хочут того, на что не способны, и потому творят то, чего не хочут, але не отрекаются по своей низости и слабости.

О некий день зимы пожаловал к Мирославу в узилице Володимир; внесли слуги свечу и скамью, и сел великий князь, морщась от смрада; и не бе трезв, ликом же сильно переменялся, и телом огрузнел, и борода проседела. Рече Мирослав: «Убери свечу — нестерпимо очем от света». И задул свечу Володимир с покорностию. Рече Мирослав, ненавидя мучителя: «А коли убью?» Отрече спокойно: «Мне и легче. Се тебе нож». И подал нож. И не взял Мирослав; вприси: «Сколько (сiju) здесь и долго ли еще гноити ся?» Отрече: «Злые перемены в судьбе удлиняют леты, твои быша коротки». Мирослав возрази: «Долгие леты быстро проходят, короткие тянутся долго». Рече Володимир: «Прости за грехи, не волен в поступках и тем терзаюсь. Хуже оков мне судьба моя». Рече Мирослав: «Всуе жалобишь. Уже не раз обманывал». Отрече, тяжко вздохнув: «И для бесчестных приходит время чести. Охме-

лен, але не радостью и не скукой, — недугами совести. Каюсь пред тобою, яко пред Христом. Господь молчит, ты же молви хоть слово». Впроси Мирослав: «Чего хочещи от мя?» Рече: «Буди мне совестью, другим нет уже веры: велможы бояться и лгут; народ, кланяясь, презирает, вина в напастех. Сходит с ума человек, осознав: николи не был и не будет понят в людех. На них же стоит мое царство и ради них оно, убери, и не сыскажи мне оправдания». Рече Мирослав: «Во хмелю жалеем, трезвые казним. Поделом. Ты мя обесчестил, лишил княжения, разорвал на части Дреговичи, и аз должен разделить тоску и остеречи советом? Почто же пришел отай, боясь, что увидят?»

И повеле Володимир вывести Мирослава из темницы. И как отпарили в бане и дали новое платье, и усадили за яства, рече великий князь: «Неоглядно царствие мое, много рабов и много здравящих мя, и немало громогласно хулящих, але те же льстивецы, токмо обойденные подарком; соратников же нет: дорожат велможы шапкой больш, нежели честью. Отчего, не возьму в толк». Рече Мирослав: «Преждь блюдолизам да брюхолазам шапок не раздавали. Шапка не кормила, но чести служила; ныне поит и кормит, тому нет отбоя от протянутых рук. Инакомыслы гонимы; кто же изречет правду, отличную от твоего заблуждения? Не тычу в зеницу прежним, доставало и подлости, але свиниям рог (ов) не жаловали; племя выкликало в князя; и служили князи племени, ныне же ты один указуешь и прислуживают тебе одному. Помянешь, и тебя не послушают, бо наследуют, не спрося. Легко поломати обычай, восставити же не по плечу и великим». И молви в тугех Володимир: «Се вижю, але уже бессилен: мало ведати, идеже правда, мало и знати, како достигнути ее, — надобь достигати, тружаясь и рискуя. Люди же не станут служити и спасению своему, коли мзда им невелика; хотяя невозможного, тому что нету (им) возможного, и боятся подступитись; аз же в недоуменье: ждут люди перемен, шепчутся о них, егда же наступают, превозносят и защищают прежнее, не желая поступитись и ничтожным; и открывается: ярые ругатели и хулители — ревнители и хранители прежнего, воители за него, хулили ради миновавшей их славы, ругали ради обошедшей их правды. И еще тайна: пособившие

погубити прежнее после говорят: «не того хотели, не о том помышляли», и первые готовы отречись». И попроси Володимир Мирослава к себе первым мужем, и отверг Мирослав с негодованием. Але стал жити с того дни в княжьем тереме, и прислуживал ему отрок, и был волен князь ходити, идеже хошет, на коне или пеш. Однако долго не выходил, страдая недугом глаз. И спросил его однажды некий придворец, лукавя по сговору с Володимиром: «Куда лутше: в Дреговичи подручником или в лесье, к мятежем?» Отрече Мирослав: «Что море вареной рыбе? Что честь живому, коли нету князя Могуты? Что наша воля в сравнении с его непреклонностью?»

Наезжая в Вышгород, Володимир наведывался к Мирославу, возбуждая тем гнев в держителях христианской веры. Але и сам бывал озлен ими. Рече к некому епископу при Мирославе: «Почто стращаешь адом и прельщаешь раем? Пугатись вечности и стремитись к ней — се причина пороков: и бесчестия, и зависти, и алчности, и властолюбия. Доброе имя при жизни — что больше? Познати, кто ты и чему сподоблен в мире сем, — что больше?» И не нашелся епископ ответить, ибо повторял Володимир из Ильменьских Вед. Одумавшись однако, каялся Володимир в богопротивных речех и молился истово и прилежно; после же раскаивался в раскаянии, говоря, не сыскал в князех веры ни опоры, ни путеводей.

Растление племени попрежь не щадит растлителя; повещо о Володимире без злорадения, с единой мыслью: всякое горе бескрайне и неделимо: топитель потонет, губитель погибнет, пожелавший зла от зла же и возопит. От христов нерадение в народех, от них поклонение пред князем небесным — и презрение к мужем земным, стращение судом божьим — и равнодушие к суду людьскому.

Если горит в доме, кто же не обуглен сердцем? Побежден победитель своей победой. И разум служит безумию.

Пришел однажды Володимир к Мирославу велми удручен. Впроси Мирослав: «Почто самые великие обойдены любовью? Падают ниц пред ними, а бескорыстного тепла лишены». Отрече: «Разве ничтожные разделят бескрайнюю заботу? Да и что (такое) любовь?»

Не напрасная ли мечта? Есть похоть телесна и себялюбие безмерно — се удел бесчисленных; себя любят в избраннике, — нашли, куда поместити алчность; свою радость боятся потерять». Оспорил Мирослав: «Истомление шепчет разуму твоему». И согласися Володимир: «Увы мне, нет подруги, еже постлала бы мягко усталости моей. Не хочу притворницы, не хочу покорницы, хочу приюта душе³²¹. Добр к женам закон христов, а не проистекает доброта; единственная хозяйка гостю своему, а угостити не может. Учю среди детей: жена, не моги устати духом, а муж телом; коли муж устанет телом, дом не разбогатеет, коли жена устанет духом, дом разрушится. Учю, а сам неуч. Удручает подлость жизни: мудрец серед домочадец глуп, великий в своей опочивальне мал и зауряден. Тружась, сколько могу, а прочности нет». Рече Мирослав: «Таковы времёны отречения от бозей: в трудех не бывает смысла и прочности, и нет благодарности ни радетелю, ни старателю добра».

Больш всего терзался великий князь раздорами промеж детей³²². Раздал волости, отняв у прежних владельцев, и увидел вскоре: не хотят быти под рукою, тяготятся, каждый считает ся коли не равным, то первым; однако же не избежати обузы князю: и умирая, думает о наследниках. Много размышлял Володимир, кого поставити першим, кому отдати великий стол, дабы еще при жизни своей побудити остальных к послушанию перед ним. Сице глаголил Мирославу о детях: «Умельчились в сравнении с нашими отцами, не ведают уж ни вдохновения, ни дерзости, ни любви, ни привязанности, и в умении нет прибавы; собой дорожат, а цена (им) резан³²³. Ярослав — залишне хитр и коварен, хочет властити и не содрогнется пролити братнюю кровь; Святополк — умен, але не провидец, залишне непостоянного нрава, жесток, многопорочен, почитает истиной свои хоти, а волю правдой; Мстислав — храбр и честен, але нетерпелив, беспечен и не искушен в княжении; Святослав — в себе сомневается, другим верит; Борис — ласковое теля, всех мамок сосет, а настояти на своем не может; другим же безмен более к лицу, нежели жезл великого князя». Потай гадал Володимир о сыновех у Тадея, волхва-прорицателя, предсказавшего славу и подвиги Илие из Мурома; и выпало вещее:

«В ссорах и брани отыщет ся наследник; ты же не ищи, не навлекай беды». Володимир однако не послушал, убоявшись попреков от митрополита, сведавшего о грешном гадании. Егда по настоянию христов позвал Бориса ³²⁴ в первые думцы и доверил большое войско, разгорелась свара меж братеми; яростнее всех схватились Святополк и Ярослав.

О ту пору быша в Кыеве великие торжества; съехались Андрих, князь чешский, Стефан, князь угорьский, Болеслав, князь лешский, и многия иншия, включая топчаков и печенезей. И проводили время в пирах и охотах, одаряя друг друга подарками. И узре Болеслав дщерь Володимира Предславу, княжну велми учену и многомудру, ликом красовиту, поступью и повадками величаву; рече к Володимиру: «Отдал любимую дщерь за сына твоего Святополка, породнимся же теснее, отдай за мя Предславу». И отказал Володимир, ибо хотел отдати ее за гречского наследника и уже сговаривался. И обиделся Болеслав; тотчас седлал коней и уехал из Кыева, оскорбив тем Володимира и осрамив пред гостеми. Пришед в Турье к зятю Святополку, почал возбуждати супроть отца: «К тебе не благоволит, указал на Бориса, аки на преемеца, на тебя не указал, тебе же, старшему, скорее надлежит первый стол». И говорил еще, обольщая пустой надеждой: «Прими, како и аз принял, римскую веру, получишь благословение от великого Рима и помощь от мнозих государей, станешь первым в Русьской земле». И соблазнился Святополк. И вскоре, стараниями Болеслава, появился в Турье епископ Ренберн, муж вкрадчивый и обольститель, сородич немецкому цесарю; и стал поучати Святополка, како отторгнути Русьскую землю от гречских патриархов. Володимир, сведав о происках Болеслава, подослал своих мужей к Святополку, але без успеха, ибо держалось (все) в строгой тайне. Сведали ведь о турьском заговоре прежде в Царь-граде от соглядатаев при папском дворе, а после подтвердил доносом и турьский епископ. Огорчися Володимир подлою изменой; велел Святославу, сыну, схватити Святополка и жену его, понеже не ехали в Кыев по зову; и содейл Святослав по воле отца, войдя, неждан, с дружиною в Турье; и привели Святополка в Кыев, и сам Володимир пытал (его) об умыслях, заточив для назидания ос-

душникам в темницу³²⁵, Святославу же указал посадничать в Турье. Ренберна, римца, велел отпустить, не страшая, искал ведь коварный Болеслав поссорити Володимира с немецким цесарем.

Рече Володмир к Мирославу: «Лутше (мне) совещагись с тобою, нежели с другими: те соглашаються, осуждая в душе, ты же редко соглашаешься, но часто одобряешь душою». И паки рече: «Горе мне, ошибаюсь, слушаю разум больше сердца. Подхваляют, коли все отдаешь; едва придержишь честь или совесть, и уже плох и неугоден. И прежде видел, поминает родню Болеслав чюжими блинами». Сказают ведь, ехал однажды второпех (Болеслав) с Подола к торговым рядам и увиде в дорожной пыли диржем; аще не мог слезти с коня без (помощи) слуги³²⁶, ждал, пока подымут серебро. Сице глаголют, аз же не слишком верю, почали порочити Болеслава после похода на Къев, а прежде хвалили взахлеб.

Ослеплен обидой, проговорился Володмир о Святополке: «Сей сглуздень замышлял совокупити супроть мя мятежей по Дреговичем и Деревлянem». И отдалось в душе Мирослава томлением и болью; подумал: вот, он сломлен и пленник, другие же не сломлены и не склонили выю.

На другой день, обуян упреками совести, покинул Мирослав теремной двор и пошел к вышгородским торгам; знал, согладатаи не спускают (с него) глаз, и бе впервые тем озабочен. Примечал: тот ремесл христит ся, оборотясь к церкви, сей же вовсе встал к церкви задом. И подошед к нъ, вприси Мирослав: «Что принес на торги?» Увидев в коробе резные игрушки, выбрал для детей (своих) прислужников. Давая мени, присовокупил еще и берёсту, сказав: «Отнеси своему волхву». И (ничего) не ответил ремесл, бересту же спрятал в торбу. На берёсте значилось: «Сыщите мужа, добро ведаваща Мирослава, князя Дреговичского, пусть встанет на торгах с подателем берёсты через три седмицы». Сам же повадился на торги, смотрел то коней, то сбрую, ингда покупая (какую-либо) безделицу; согладатаи же, приобывнув к его страсти, уже не усердствовали. И настал условленный день; явися Мирослав на торги, и вот стоит подле ремесла волхв, ходивший с Мирославом в Заволожскую Чудь. Рече Мирослав: «Готовьте ко-

ней и завтра ночью ждите за княжьей усадьбой у дороги». Назавтра же, предвечерем, пришед к Мирославу в грусти, великий князь ³²⁷ рече: «Нечто случится с тобою, приснится сон, будто ты умре. Доверь нужду, и сниму своею заботой». И подумал Мирослав про себя, наверно, учуяли о (готовящемся) побеге. Отрече же сице: «Ничего не прошу, князю, але на закате жизни хочет всяк (человек) имети дом и, разводя огонь, знати, есть, идеже опочити и что съести». Рече Володимир: «Дам тебе город». Отрече: «Нет надоби во граде. Другая моя забота: соедини земли Дреговичей в единую, како было от века; пусть княжит твой сын, але не разрывай земли,— погибнут обычаи; без них земле не быти». Не сподобились словы великому князю; рече, охмураясь: «Идущим, куда глаза глядят, кажется, идут вперед. Заблудший — кто уверен, еже не заблуждаем. Если бы человек прозревал грядущий день, (он) не был бы столь неразумен и нетерпим». Всперечил Мирослав: «Если бы человек разумел дни протекающие, был бы честнее и чище, и больше бы внимал, нежели изрекал. Живет единожь, зачем ради одного брюха? зачем ради одного страха? Рано или поздно насытит (человек) утробу и всплачет об утраченной чести». Рече Володимир: «Высоко ставишь человека, он же был и остался меж Небом и Землей, не избежит Судного дни. Паук николи не запутывается в паутине; и человеку сдается, быццам желает себе добра, охотясь за счастием». И попрекнул Володимир (Мирослава): «Судишь не князем о своей земле, но досужим созерцателем о чужой; легки глаголы, надлежащие ветру, а не времёнам». И представив ся велми обиженным, спросил Мирослав: «Станешь ли удерживати, коли захочу уйти от тебя?» И был ответ: «Знаю, что не смирился. Попомни же: супроть христов — се супроть мя. Ненадежны греки, лживы их речи, непрочны обещания, але Царь-град — неоскудность памяти, мудрость мира и несметные богатства. Вижду мерзости серед нас,— сами повинны; плóхи учени, еже не превзойдут наставника». И расстались. Се быша опошние словы Володимира к Мирославу.

Сколько раз слышати (человеку) в судьбе опошние словы! Грустно, коли предчует, але предчует редко.

Ночей бежал Мирослав из Вышгорода; были обнесены неприступной стеною лишь княжьи терема с ко-

нюшнями, а градские стены починали ставити заново, насыпая новый вал. И опасался Мирослав погони, ибо выпал снег; путал следы, выбирая окольные дороги. И достиг Дреговичей, и скрывался долго в Припадских лесех, пережидая, ибо рыскали округ отряды Святослава; и выбрался глухой зимою ко стану мятежей близ Случи, идеже предводил Посока, бывший бирич Вышеслава, новгородского князя. Удивился Мирослав, считавши, еже (Посока) убиен христами. Рече Посока в радостех: «Сколько мертвых, о кых думаем, что живы, и сколько живых, почитаемых мертвыми». Впроси Мирослав: «Ужли слепы (мои) глаза? Пока шел к тебе, встречал по лесем не дружин, не могучих богатырей духа, но жалких заговорщцей, толпища разбойного людья; грабят по дорогам и по селищам, возбуждая ненависть смерей, сечи же с епископами да прихвостами их уклоняются; нету им единого князя, бессчетно вожаков, не почитающих волхву и не слыхавших о Моугте». Отрече Посока: «Сожигает мя позор сей, але бессилен. Нету ныне сынам Даждьбожим главы, еже мыслила бы о Русьской земле, и очей нет, прозирающих событья; князи перебиты, волхвы задушены в темницах, а те, иже в лесех, утратили гордость». Рече Мирослав: «Мокрая курица цыплят не водит; ужли перемогли нас христы? Не упасли бозей, может, убережем обычай». Рече Посока: «Истоптаны уже и в наземе, яко оберемок сена у коновязи. Мало чести ныне в человецех, легче им уже холопити, нежели волей искати свою волю. Се присловье ядовито, да на всех устех: «Холопя, обретешь княжение, а княжа, охолопишь ся». Рече Мирослав: «Ведал, трудно сберечи честь, але не ожидал, что так просты и скоры пути к бесчестью». И думали с Посокой о грядущем, и стали закликати (к себе) мятежей, дабы единити силы. Але новые вожаки их сказали с погрозою: «Кто такие, чтобы звати нас и велети нам?» И недоумевал Мирослав. И вот пришла весть, еже Болеслав, князь Лешский, выступил супроть Володимира, и с ним немцы и печенези, всего до 30 тысяч войска; по слухам была уже сеча, и разбили лехи и немцы близ Берестья войско Святослава ³²⁸.

Все перепутано в лихолетье, и правда сокрыта неисчислимой ложью. Иные из боярцей, возвышенные Святополком, ободрились поражением Святослава, по-

звали своих сторонников и обратились к правоверям: «Будем заодин; идет Болеслав выручить Святополка, нашего князя, ибо Святополк супроть христов и супроть кыевцев, измучивших (нас) поборами». Возмутясь клеветою и подлостью, Мирослав ходил по станам и по селищам вместе с Посокою, говоря повсюду: «Лгут прихвостни Святополчьи; или (вы) забыли, кто преследовал и утеснял совесть? кто сдирал непомерное полюдье со смерей? кто губил веру и разрушал святища? Идет Болеслав не ради Святополка, но ради своей мзды, еще ради римцев, иже хотят христити деревляней и дреговичей в римскую веру, она же злее гречской». И призывал встати едино супроть находников. Ему отвечали: «Осилим христов с помощью лехов и печенезей, а тамо и их прогоним». И обличал Мирослав наивные речи глупых ленивцев, але не мог переубедити: оттого сильна ложь, что застит правде.

Болеслав же, продвигаясь без задержки, занял Турье; встретили его турьские болярцы яко первого друга и, доверившись, сами открыли ворота. Обещал Болеслав не грабити стольного града своего зятя; однако, войдя, позволил грабежи и бесчиния, како и повсюду по Дреговичем. Реша к Болеславу печенежские князи: «Твои и немцы все растащили, нам же, несущим тебе победу, мало добычи, идеже обещанное?» Болеслав отрече: «Вам кругом недохап; позычте по церквам и монастырям, тамо спрятано злато и серебро». И разбивали печенези церкви, и убивали людье, требуя сокровищ. И бежали от лютоисти их христы в лесье, одни к Сакуле, Святополчу болярцу, другие к Мирославу; он же сложил из беглян (целый) полк и воеводою поставил Петра, Беличанского старейшину, христа по принуждению. И порицаша (Мирослава) волхвы, он же держался на своем, внушая: «Увидят люди вашу заботу и всплачут о прежних бозех».

И се привел Сакула свои полки к Болеславу, и было с ним кроме христов до тысячи заблудших правоверей. Рече Болеслав: «Добре, добре, поведу вас на Володимира, вы же найдите себе коней, оружие и припасы».

Собрав до 5 тысяч воев, выступил Мирослав супроть Болеслава; воеводами (его) были Посока, упомянутый уже Петр и Склов, велемич, купец из Турья; и нападали без роздыха из засад, посекаяя ратную силу

находников. И се окружили Мирослава у Припади за Волчьим Взлобьем. И послал Болеслав вперед Сакулу, сам же с дружиною встал назади. И сжег селище Болеслав, а селищаней велел убити от мала до велика; и было без нужды, от пустой ярости; и доньне на том опаленном месте одна бузина, другое же ничто не растет. Увидели правове-ры, еже обманулись, и, раскаявшись, перекинулись к Мирославу, исполчившемуся для брани. И едва почалась сеча, побежали полки Сакулы; и велел Болеслав избивати бегущих; сказал воевода Болеславль Вжеш, пожалев несчастных: «И сами ведь бегаем от силы». И се стащили старого воеводу с коня, и отняли меч. И погнались (лехи), и секли мужей Сакулы, поражая со спины; и убили Сакулу; предатель ведь подобен ореху: коли не разгрызут его одни зубы, раскусят другие.

И вот рассеялись вороги, и тогда отступавший уже Мирослав снова крепко ударил, сложившись всею силой, и опрокинул лехов, и посек еще немало немцев, случившихся на пути; и ускользнули бы в лесье (правове-ры) с победой, але приспели как раз печенези и разбили войско Мирослава; всего лишь тысяча воев убереглась от смерти.

На другой день к Турью подошло войско Володими-ра: дружина Волыньского князя Всеволода и новая дружина Святослава; сам Володимир, сильно простудившись, остался в Кыеве, ожидая набега печенезей. И сразились войски, являя друг пред другом образцы мужества, и разошлись, усеяв поле павшими, а победы не было никому. И возмутились печенези, ибо Болеслав щадил лехов и немцев и не щадил печенезей; сказали их князи: «Заплати сполна, не то перейдем к Володимиру». И вышла ссора, и схватились за оружие, и быша убитые от лехов и от печенезей. И снялись уже печенези к Святославу. В сей час подали Болеславу грамоту от Володимира; назначалась упредить сражение, але коварно запоздала. Предложи Володимиру, не желая губити полки и боясь стеснения по границам: «Верну Святополку Турьский стол, ты же уходи немедля». Обрадовался Болеслав, покинули ведь его печенези, с чехами же и с немцами опять осложнилось; и послал тотчас к Володимиру: «Замиримся на том».

И пал Святополк в ноги Володимиру, и в слезех по-

винился пред ним; Володимир же отдал Берестье и прилегающие земли Всеволоду, Волыньскому князю, дабы прервати впредь сношения Святополка с лехами. И вернулся Святополк в Турье, затаив зло на отца, на Святослава и на других братьей. Вернувшись, немедля позвал варязей в дружину; вскоре, наняв лжесвидетелей, обвинил Володимирова воеводу в молениях к Могожи и посадил на цепь, яко разбойника и татя; и было дерзким вызовом. Володимир же промолчал, поглощен иными заботами.

В тот час исполни ся тревогою вся Русьская земля; ожидали люди большой войны с лехами и с печенезями. Полотский князь поссорился с ятвяземи, и кончился долгий мир, и вновь почались брани и людские беды; дымом поднимались обретения общин, родей и целых племен; помогали ятвязем семголи и варязи. И кругом были недовольные, и осуждали Володимира, больше всего пеняя ему, что простил Святополку, а не покарал жестоко за измену; нельга ведь князю прощати ни единой неправды, дабы не погубити ся и земли своей многими неправдами. Всяко зло, коли не наказано, обращает людье на князя.

И пришло возмездие: обидевшись на отца, Ярослав отказался присылати в Кыев полюдье³²⁹; и ссылался на неурод, было же пустой и очевидною отговоркою; сместил (Ярослав) по примеру Святополка Володимировых воевод и удвоил дружину за счет варязей. И трижды посылал к Ярославу Володимир с увещаниями, але без пользы, — тяжкий удар в родительское сердце: почал ведь (Ярослав) препиратись в пору крутого стеснения: егда напали печенези, и переяславцы, потерпев поражение, молили о скорой допомоге. Хворый, але превозмогая страдания плоти, снарядил Володимир Бориса супроть печенезей. Провожая, рече: «Казню Ярополка, чтоб отвадити сыновей терзати печень отец своих». И велел собирать новое войско и мостити реки для обозей, говоря, сам пойдет на Новгород, але сокрушил недуг великого князя. И слег в постелю, но и тогда не отступился, не пал духом, исполненный надежды и обикший к силе. Рече: «Погожу седмицу». И повезли его в Березье, в новый, не обжитый еще терем, идеже содеялось ему совсем плохо. И позвали Фотия, инок Печерского монастыря, мужа велми учена и любима Во-

лодимиром; и умре великий князь ³³⁰, не веривши в свою смерть до самой смерти.

Холопе, холопе, кто из холопей не надругался над телом мертвого господина? Умолчали подло о смерти Володимира митрополит и первые велможи, боясь Святополка; он же появился в Кыеве, едва известили о недуге отца, и просил дозволения пойти воеводою супротив Ярослава, ибо ненавидел брата, аки главного себе соперника. Однако ж и таити долго о кончине великого князя было невозможно: стояла жара, и тело подпортилось ³³¹. И возвестили, егда уже молва о смерти потрясла Кыев, и Святополк, занявши княжий терем со своими мужеми, потребовал привезти покойного и вызвал к себе турьскую дружину; але тоже не послал вестников по Русьской земле, велев напрочь закрыти кыевские ворота; и переняли дороги, не впуская и не выпуская людье. Рече Святополк при погребении: «Аз есмь старший, более всех любимый и любящий сын почившего, и се наследую, верный заветам». И сместил всех, принявших враждебно, иных тотчас повесил, а поклонившихся осыпал подарками; и пошли велможи вереницею, и каждый проискливо воздавал хвалу Святополку, обещаю верную службу. И князи церкви, настращены свирепостию, приняли Святополка с притворным радушием, быццам запамятав, что не дорожит христовой верой. И видя поддержку, ободрился Святополк и послал убити братьев Бориса и Глеба, дабы не оспорили его прав и не сложились с Ярославом. Братья, предупрежденные о замысли, пытались защитити ся, быша однако вероломно оставлены велможами и слугами; поторопились холопе предати слабых, ожидаючи себе мзды от сильнейшего ³³². Се растление нравов, насмешка над обычаем, неслыханный прежде позор! Быти ли живу слуге или гридю, покинувшему в беде князя? — но то прежде, то прежде, ныне же процветает. Не отрекся бы Володимир от христов, увидев мерзости, творимые на свежей могиле? Христос явил облик в терзающих Русьскую землю. Всё смешалось, честь оборотилась в пустое слово, люди погрязли во лжи и двуязычии; лишились правды и даже желания правды. Подлое вершилось повсюду уже открыто, и кто возвышал голос совести, платил жизнью. Ярослав, ненавистник отца, получал тайные вести о замыслях его от

Предславы, сестры, девы быстро растлившейся в премерзких похотях, тоже зложелателя к отцу своему — обвиняла Володимира, и за Болеслава не отдал и в Царьграде не просватал; и вот, готовясь выступити супроть великого князя и не ведая еще, еже умре, учинил Ярослав в Новгороде кровавое побоище, убивая с помощью варязей приверженцев Киевского стола и Великой Руси, верных мужей Володимировых; они же, вооружившись, призвали новгородцев и стали посекать заморских наймитей. И не погнушался Ярослав вероломно отмстити своему народу: успокаивая и сея обещания, отнял мечи, а вслед за тем перебил безоружных; и пролилась кровь неповинных, вопия супроть лжи и насилия ³³³.

Тако неправое дело, кем бы ни вершилось, оканчивается стыдом и позором. Вещими быша словы, неколи изреченные Володимиром: «Чем величье муж, тем нелепее (его) конец».

Домыслы и догадки обкутали смерть Володимира, а правды ни от кого не слышал, свидетелей не осталось. Живуча молва при живой лжи, не умолкает в людех. Иные говорят, не умре Володимир, и другой муж бысть погребен под именем его; возмущен безмерно алчностью детей, коварством и хитростями князей церкви, Володимир разочаровался в княжении, разуверился в правде, отвратился христианского учения и ушел в Болгары, идеже скончался тихо, отшельничая, в правой вере, чтя Могожь и Влеса. Другие утверждают, был отправлен по сговору неких епископов и князя Бориса, добавляя (при этом), еже Фотий, инок Печерского монастыря, по вокняжении Святополка исчез бесследно. Не смею ни принять, ни отвергнути, ведаю же, что христы присвоили себе новые права, ссылаясь на словы Володимира, изреченные якобы в день кончины ³³⁴; и вот, еще более неволя души, потащили христы люд на расправу, и правда совести и желания была для них первым преступлением.

Се пример горькой судьбы: покинул Володимир родных бозей, и бе оставлен ими. Умудрили же его ради пущей казни: тянулся к мудрости, але не проницал ее. Любил чтение о великих мужех, находя пользу в поступках и поучениях; примерным государем считал Актавия ³³⁵, оглашавшего пред думою и народом писа-

ния мудрых, але николи никому не следовал. Из князей Словенской земли больше всех хвалил отца своего Святослава, замечая с грустью: «Великие души терзаются убожеством человеческого и жаждут божественного, оно же недосягаемо...»³³⁶

Его деяния не принадлежат уже ему; желания вознесли и желания погубили, но что человек без желаний? Узнав о смерти Володимира, Мирослав восклицает: «Умре ворог мой, кого ненавидел больше других, и се горюю. Странно горе мое не разделить, але человечесно оно». И было — как бы внезапно замерло пение птиц, жутко умолкло округ и смешалось в сомнении. Уходили многославные вожди племён, и леты погребали память о них, и не скорбели юные побеги о вырубленных рощах, — в первые же дни терзает взор пустота: бе хозяин — и нету, бе властель — и явилось подобие его. Смерть простого людина оставляет боль в сердцах близких, смерть великого мужа завершает времёны; исторгая тем скорбь безмерну и необъятну о минулом, рождает и новую надежду. Но пусто во дни погребения, и дрожит каждая душа о себе, прочь гоня видения о недалеком. Рече еще Мирослав: «Жил Горим — был хулим, умре Горим — все ушло с ним. Много беды причинил Русьской земле Володимир, але ведь на свой лад пекся о благе ее. Не тако ли и мы заблуждаемы в желаниях? И не в том ли порок человека, лишивший сна и надежды: стремитесь к одному, а творити другое? Мечта николи не подобна достигнутому».

Во имя правды признаю свою ложь, если увижу (ее). Кто не сознаётся во лжи, смеет ли поминати правду? Починал Володимир под сенью Добрына, удивляясь, еже одни латки, а пекут блины разно. Глаголил тогда ко гридям от науки наставника: «Зачем вы, если хотите думати моим умом? Одну тень мне подарило солнце, ужли другой обязан подаркам, иже раздаю, и плетям, кыми учю ослушников?» Але со временем заблудилась наука: коли развращати, развратит ся и самый непреклонный, коли изо дня в день внимати льстивцам, утратит меру и самый разумный.

Привязали душу христы, стянули цепями лжи, але во всю жизнь (Володимир) не доверял Христу; полагая, еже души умерших (праведников) во всякий час стоят над живыми, многие из молитв обращал отай к духам

тьмы, они же, как известно, не внемлют человеку; любил починати дело, коли из лунного серпа не скатывается яичко; причину всякого мора находил в том, что поганят протекающие воды; услышав о некоем ярыжке, помочившемся в Реку, велел бити его едва ли не до смерти.

Признаком мудрости считал Володимир краткость суждений. Впроси у нь однажды некий сурожский князь: «Ни конца, ни краю твоей земле, скакати — не обскачешь, летети — не облетишь, како же управляешь?» Отрече: «Изменяя привычку». Другой раз рече к нь свейский конюг: «Мы, swei, ловчее, и скоро вершим всякое дело. Русьские просторы располагаги к лени ума и тела. Большое колесо и медленнее раскручивается, и медленнее останавливается». Отрече: «Але ведь и дальше везет».

У каждого племени свой путь; все вышли из одного и, разойдясь лучами солнца, сойдутся в одном, и каждое (племя) осветит и согреет мир. Но не суетным ожиданием, а вечной заботою обо всех и тяжким тружением ради истины.

Идеже Русьская земля ныне, куда повели ее христы? Быша могучи духом словеньские племёны, а ныне торят чужие тропы: сытят их ложью, умиротворяют бесчестием, одушевляют посулами, одаряют словами Христа и казнят от имени его. Но сколько бы ни блуждали, вернутся к истоку и вновь обретут свою правду, ибо в ней — они сами; переварят вредную пищу, еже съедена неволею. Многие погибнут, пока (это) случится, но скажут уцелевшие: меж человеком и бозем не быти посредникам: человек починается в божьем, (он) часть мира, равная со всеми частями, и продолжение в оба конца; (он) служит вечности обретением совершенства в преходящем.

О скорби скорбей, дайте досказать внятно, не истекайте, слова мои, в слезы и в молчание, доколе не окончу.

Собрал Мирослав правоверей отовсюду, сколько мог, и не было средь них согласия, — изнемогли в лишениях, ибо (ничто) не предвещало уже победы. Глаголили иные даже из волхвов: «Что бедствовать по лесам гонимым? Лутше христиться, сохранив в душе бозей, нежели лишиться жизни, — поверженные не сберегут ни

веры, ни обычая». И се округ мятежили люди, — в Ростави, в Сюздале, в Смилени, в Менеси, в Чернигах, але иными быша их хоти; не ведая о прошлом, тешили ся обманом христов, говоря, не от людей людские беды, но от всевышнего промысла. С горечью внимал (этим) людем Мирослав, а они с недоверием слушали его. И звали бити кто попа, кто бояреца, кто князя, проклинали разлад и беспокой русьского духа, а разумения было мало. Гремела гроза уже о новых временах: от Новгорода и от Кыева шли встречу друг другу великие войски³³⁷, и стонала земля от множества коней, и скрип саней и бряцанье оружия раздавался от Варяжского моря до Сурожья. Рече Посока: «Чюжою стала родная земля; сколько болеть душой? сколько ясти березовую кору и липов лист? ³³⁸ — поищем доли в иных пределах». И снарядился в далекий путь. Последовали за ним многие правоверы, и жены их, и дети, а всего больше 10 тысяч, и Мирослав не удерживал их. Когда же спустились по Буже, ограбили (их) печенежи; изгнанники же, отчаясь, уже ни о чем не жалели. И ушли за море, и поселились в Сирийской земле; до сего дни тамо их селища; называют ся могоутеми, поклоняясь Могуте, аки первопредку своего племени. Се словени, скажут, воздвигли великий храм Могожи, защитившей (их) на трудном пути. Когда плыли, поднялась невиданная буря; ужасныя волны одну за другой проглатывали переполненные лодии, и страх объял людей, и приготовились уже покорно принять свою участь; волхвы же, облачившись в лутшие одежды, взывали к Перуну, але не вял (Перун) оставившим древлие святища, и молились Влесу, и тоже не ответил; смилостивилась лишь Могожь; спустила с Неба белого сокола, и улеглись морские хляби. Но разве утешились сердца? Земля родная ведь не та, еже оделяет прибытком, но та, идеже судьбы — наши и наших отец.

Вслед за Посокою разошлись и другие правоверы, больше всего в Заволожскую Чудь; немногие остались с князем Мирославом. И гадали волхвы о грядущем, и выпало древлее рекло: «И ратай плакал, а жниця не весела». И думал Мирослав с грустью: отступились люди, принеся бессчетные жертвы, — разве осудишь? Похотели спасения, не желая больш умирати, — разве возразишь? Спасает себялюбие, но оно же чревато поги-

белю; в любви к другим сокрыта истинная любовь к себе, — было ли бегство любовью?

Горе нам, горе! Вот, люди похожи, различаются лишь времёны; и если различаются люди, то сходятся их цели. Настоящую мысль не поймешь, — буравит ум дальней красотой, волнует неодолимым почутьем правды, и тоскливо, что (ты) не причастен к сей мысли и не разумеешь ее; но мука досадного непонимания обнажает иные истины, — не прибавляют и часа жизни, але радостней шаги сердца.

Слезы размочаю, каменность души приводит к трещине; плачу, чтобы собраться с силою, сдерживаю слезы, чтобы не расстаться с нею.

Недостойно, коли помнит муж о смерти; идеже и когда встретит, не его печаль. Помнящий (о смерти) дерзнет ли ради подвига? Достигнет ли совершенства в заботах? Страстью и верой в бессмертие сотворит муж имя свое. Се слова из Вед, и разве не истина? Серед убогих, неимущих смерей редко услышишь об исходе, — пресыщенный жизнью боится боле голодного. Довольство ся бережет, лишь нужда не шадит. А человек — разве не беспощадность ко страхам? Не ведаю, предчуял ли князь Мирослав погибель, але речи его быша напоены тревогой. Се его слова, морозящи догадою: «Коли времёны убыстрили бег, и (ты) невмочь задержати, нагрязнула старость». Не усомнися (Мирослав) в повелении совести, але усомнися в ближней удаче. Рече: «Дабы уцелети, надобь приняти, еже отвергает совесть. Горько питие лекаря, але легче бывает. Бози вернут ся, времёны не воротятся. Победим христов, себя же не возродим. Кто наследует нам, коли не сбережем наследства?» И не все согласились, иные попрекнули изменой; осудишь ли непреклонного?

Рухнуло древо жизни; обочь одинокий, и нет ему близких, иже утешили бы штодневной заботой. В удаче суета губит, в беде спасает земная забота. Обесчадев, вдов от близких остался Мирослав к исходу дней, какою же силой укреплял себя? Не разгадана мною вполне притча об Артамáке, скуфьском вожде, Мирослав же повторял ее часто. Вот, не рождались у вождя дети; и брал новых жен, и повторялось. Сказали волхвы: «Самое плохое новое лутше самого хорошего старого. Отречись и обретешь сына». И жалко было оста-

вити стол, и не было уверенности, что сбудется, але от-
рекся. И вскоре родися ему сын, и бе счастлив Артамак,
и се речение от него: «Нет обретения, еже дороже доб-
рого сына, без семени своего угасает человек задолго
до смерти». Находил Мирослав в притче еще и то, что
не бросается в глаза.

Зимовал Мирослав в земле езеричей, в Схóвах, се-
лище близ Птичи, и было с ним воев около сотни. И при-
шли мятежи от Случи, христы и правоверы, числом до
трехсот, и привел их Куконос, христ, бывший стремчий
Святослава, сына Володимирова. И стал Куконос рядом
в Гребéнех. Впроси Мирослав: «Чего ищещи, Куконос?»
Отрече: «Грабим и убиваем боярцей и огнищан, утес-
нителей наших, и князей не любим. Тебя же не тронем,
наслышаны о тебе. К весне нас сберется в десять раз
больш, поведи в Тавры, сказает, тамо велми богато,
много поживы, и лежит без присмотра». Рече Миро-
слав: «Преждь не разбоил и ныне не стану. Вижу од-
нако серед толпища, еже с тобою, богоотступником, ис-
тых правоверей». И устыдясь, перешли иные из право-
верей к Мирославу. Рече Куконос: «Поплатишься». И
ударил Мирослав плетью Куконоса, говоря: «Кто
смеет стращати вольного князя?» И отъехал Куконос
со своими, убоясь ссоры. И случися вскоре после того
нужа Мирославу идти в некое селище, идеже ожидал
хворый Дулэй, владыко Дреговичский. И пошел (Ми-
рослав) к нь с немногими мужеми. И перешли по льду
Птичь, и вот почал спотыкаться конь Мирославль. Ре-
ша мужи: «Дурной знак, князю, надобь поворотить». И
не поворотил Мирослав, торопясь, бо Дулей бе при
последнем дыхании. Едва въехали в лесье, стрéлили в
Мирослава из засады люди Куконоса отравленными
стрелеми; и попала одна стрела в руку, другая в гор-
тань, в кровоток. Подхватили мужи князя, он же успел
промолвити: «Нелепо, нелепо». И впал в беспамятство;
потеряв много крови, до темна умре.

Сиче завершил путь Судьбы князь Мирослав. Всего
дней его жизни было семьдесят два лета, четыре меся-
ца и два неполных дни. Погребен по древлему обычаю
на правом берегу Птичи. И сыпали могилу: Домжар,
волхв, друтич; Куфин, волхв, жудин; Моргун, турь-
ский боярец; Дадон, купецкий старшина из Черниг;
Ускоп, беличанин, старший конюший; Семидóл, сот-

ский; Крев, сотский; Морозко и Молчун, скомороси; Дружина, новгородец; Тур, Лепко, Севко, Умил, Ратай и Шапко, дреговичи, смеры; Ерумил, чашник из Кьева; Голм, жудин; Чурила-плотник; Крев-чеботарь; Ярун Ведрич; Найден и Волк из Постава, рядовичи; Ненаш, Лепко, отроки; и аз милостию Неба, пишущий строки; остальные пали в битве, храбро сражаясь и отступив Куконосу.

Всплачьте, люди, взрыдайте тихо, ибо больна память, и аз безутешен: принял Огнь и навек сокрыл великое сердце; с Мирославом ушло время моей жизни. Почил славный богатырь Русьской земли, не изведав всех радостей бытия, но с лихвой испытал горе, еже случается серед живых; события искушали его, толкая к ненависти и к вероломству, к обману и злобе, он же не поддался, и, павший, торжествует.

Шепчут уста к Могожи и Роду, не умолкает надежда. Тяжки времёны, вменяющие в вину незаурядное стремление и умельство (мужа); се желёзы на икрах бегущего; коли сердце не удержати, дальше тела летит оно в скорби, и вновь пустует дорога. Нет утешения; принесли себя в жертву, что же безмолвствует Небо? Что же бози молчат о Правде? К чему послужили брани, раздоры, насилия? К чему послужили слова мудрых и уроки великих? К чему послужили все обретения, коли исчезают? Не скажут дни о смысле дней, и мудрость о мудрости не скажет, но поскольку (мы) рождены, не отступим заповедей родивших нас, станем жити вместе, проведем сей час в радости, утешась посильными свершениями. Не станем изощряться: все указано самой жизнью; средь нас бессмыслие, среди нас и смысл, средь нас подлое, але и честное средь нас; не объяти мудрости нашей. Се отчаялся, але вслед обрету надежду, всплакал, але вслед рассмеюсь, исполню долг и предназначенье, а о протчем и не помыслию,— пустое. Долг мой — посильное, предназначенье — непосильное; изречено предками: «В дерзанье оправдание пред бози».

Скорбь моя о Русьской земле; подобно человеку, не ведает до поры о себе племя; дано пострадати, дабы очистити душу и прояснити зрение. Что верно о человеце, верно и о племени; возрождается живый, и коли бе честен, человеком, коли бе подл,— змеем ползучим,

аспидом. Возродившийся на земле находит уже знакомое. Воистину: всех, кого вижу, встречал прежде; се почутье правых, ничто им не ново, покоряя новизною, и дает силы устояти. Увы мне, увы, трудною и несправедливою содеяли жизнь мою хорошие люди, слишком хотевшие быти лутше, нежели есть; не скверные, не подлые, не нищие сердцем, но великодушные и богатые; в непосильном бремени желаний и неутолимости опершихся на худых и тем сгубившие в них свою силу. Одумаются ли, что от них зависит? Не умолкнут ли вовсе пред сонмищем низких и никчемных, павших наземом?

Измучен ночной тишиною и вечерьем судьбы, говорю запоздало: живи, как бы вечен; пугаясь смерти, (ничего) не доведешь до конца; не оставившие плодов, хотя бы цвета, зряшны, и се не оспорити в поколениях. Велика любовь и безмерно счастье любви неомраченной, але и любовь пуста — голое дерево, коли не сыскать плода меж ветвей. Не возношусь: кто есмь? и что есть богатье мое в сравнении с богатьем людей и времён? Не дорожу собой, что жизнь моя? — не удержит и дня, другому уготовлю место. Болью пишу — лишь кровь оставляет следы; ожерелье из слез окаменелых повесьте у сердца в память о Мирославе, ибо страдал вместе с ним. Имени же нет у меня.

Жизнь приснившаяся и (жизнь) наявленная. И во сне протекает в радостях и в огорчениях, в обретениях и утратах, — отличити ли подлинную? И в одной добро или зло сотворится, и в другой, и в одной желание настигнешь или упустишь, и в другой тоже, — когда жил? когда радовался? И в одной друзии и вороги, и в другой, и в одной заблуждение и прозрение, и в другой, — идеже суть? в которой из них? Але вот различие: аз сберегаю сон, явь же сберегают люди; и коли ни в чьих очех не отразился мой лик, и мое свершение не обратилось в ступень для восходящих вслед, (то и) не бысть наяву, а все приснилось.

Противоречием отмечены древние письмены. Их краткость — удар стрелы после долгих хождений в поисках добычи, вздох о пережитом во всей жизни. ♦Возбуждающие красоту и любопытство сеют беспокойное. Мудрости обременительно полное знание, а полному знанию обременительна жизнь. Красота делает человека забывчивым и отрешает от заботы. Малое знание

пагубнее невежества, а самодовольство хуже страха». Але ведь и другое прочтешь в «Изборнике поучений»: «Ум себя губит и воссоздает. Красота себя исчерпывает и нарождает. Процвитают же народы, у которых больше мудрецов и больше сказаний».

Когда дождь и ветер, и сосна, раскачиваясь, скребет ветвью о ставень, и всё в доме спит, думаю о прежних людех: нечто ведали, о чем утаили. А коли и поведали немного (из сокровенного), како истолковати гордые их словы, бережящие и боль, и радость, и тоску, и новую надежду?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Символика, связанная с древнеславянским языческим культом. Знание предков рода в пяти поколениях считалось, как видно, условием духовного совершенства.

² Не совсем ясно, какие события имеются в виду. Во всяком случае римский император Траян (98—117 гг.) пытался овладеть междуречьем Дуная и Днестра, однако войны против племенного союза венедов, в котором славяне занимали выдающееся положение, приняли затяжной характер и не привели к намеченной цели.

³ Со II века аланы проникают до Дуная. Сначала они вряд ли серьезно тревожили римские гарнизоны, но затем, рассорившись, повели против империи большую и успешную войну, нанеся римлянам ряд крупных поражений. В 242 г. аланы разгромили во Фракии войска Гордиана III.

⁴ Речь идет о собственно готах, первоначальных готах, которые в конце II — начале III века, возможно, по указанным причинам двинулись от берегов Балтийского моря на юг. В IV веке готы, обеспечив себе сильные позиции в союзе кочевых и полукочевых припонтийских племен, дали название варварской диктатуре, державшейся на непрерывных грабежах и войнах.

⁵ В доступных нам источниках не упоминаются Славье и Горад как центры славянских племенных образований, хотя арабские историки единодушно называют два крупных торгово-политических центра Древней Руси, правда, уже в более позднее время, — Джерваб (в другой транскрипции Хордаб или Хадрат) и Селябе. Славье и Селябе, Горад и Хадрат близки по фонетическому звучанию, хотя, разумеется, на этом основании трудно утверждать, что в рукописи и в арабских документах говорится об одних и тех же городах.

⁶ Среди ученых до сих пор нет единого мнения о прародине славян. Одни ищут ее в Северном Причерноморье, другие доказывают, что она на Нижнем и Среднем Дунае, третьи называют Северное Прикарпатье, иногда Висло-Одерское междуречье, бассейн реки Припяти, Закавказье и Северный Иран. В известной степени все они правы, ибо праславяне, сначала охотники-кочевники, а затем и оседлые земледельцы, мощный этнический поток древних времен, прошли за тысячелетия своей сложной истории все указанные территории.

Весьма любопытно, хотя и крайне двусмысленно упоминание о «сарматах, говоривших подобно». Придерживались ли сарматы точки зрения Милана или же иные из сарматских племен говори-

ли на языке, сходном с праславянским? Нельзя исключать вовсе последнее допущение. Ведь праславянский язык по разным параметрам обнаруживает сходство со всеми индоевропейскими языками, в том числе и с такими, как кельтский или хеттский. Следует также иметь в виду, что сарматы не избежали влияния более высокой скифской культуры, а связь славян и скифов представляется современным исследователям гораздо более многосторонней, чем допускалось прежде.

⁷ Забота о благе гостя у древних славян считалась одним из основных критериев нравственности. Хозяин обязан был отомстить за гостя любому обидчику. Причинить зло гостю, в том числе иноземному, считалось тяжким преступлением и позором. Об этом упоминают многие древние авторы, в том числе византийский император Маврикий (582—602 гг.).

⁸ Гунны полностью разгромили аланов-танаитов, т. е. аланов, поселившихся на Дону. Видимо, это произошло в самом конце III или в начале IV века.

⁹ Скорее всего имеется в виду Боспорское царство. Надежных сведений о дани Боспорских царей в пользу готов нет, но в 237 г. готы пришли в устье Дона и овладели Танаисом, принадлежавшим в то время, по крайней мере номинально, Боспорскому царству.

¹⁰ С середины III века готы опустошают балканские провинции Римской империи, разоряют и грабят греческие и малоазиатские города — Эфес, Нимею, Никомедию. В 251 г. многоплеменные полчища во главе с готами овладели Филиппополем во Фракии, захватив в рабство тысячи людей. Войска императора Деция, увлекшись преследованием, попали в болота и были разбиты наголову. Преемник погибшего императора Галл обязался выплатить готам большие суммы «субсидий». В 267 г. 250—300 тыс. готов и их союзников с семьями и имуществом вторглись вновь в пределы империи, располагая большой армией и мощным флотом. Однако Клавдию II удалось остановить их на подступах к Греции и повернуть назад. Вскоре после этого единый готский союз племен распался, и готы разделились на так называемых западных и восточных.

¹¹ 24 августа 410 г. вестготский вождь Аларих, нарушив клятвенное обещание в вечном служении империи, напал со своими союзниками на Рим. Три дня вестготы и присоединившиеся к ним римские рабы грабили город.

¹² Покровитель славян, бог Солнца.

В языческом пантеоне древних славян насчитывались десятки богов, полубогов и духов, связанных сложной системой соподчинения, основанной на мифах, до нашего времени, впрочем, почти не сохранившихся. Выражая нравственные табу и императивы языческого общества, мифы отражали преобладавшие воззрения на происхождение человечества и роль человека. В этом отношении языческая культура древних славян принципиально не отличалась от языческих культур, например, Египта, Греции, Рима, Таиланда, Индии или Китая, хотя история восточнославянского жречества, как социальной силы, паразитирующей на мифах и заинтересованной в их развитии и систематизации, значительно более суровая и короткая. В настоящее время исследователи все еще не располагают достаточным материалом для полнокровного воссоз-

дания мифов и религиозной философии древних славян, однако различия и даже расхождения языческих представлений простого народа и высшей прослойки жречества подтверждены материально.

¹³ Речь идет о гуннах, тюркоязычных чочевниках, пришедших из Центральной Азии и образовавших к IV веку в Приуралье в результате смешения, главным образом, с уграми и сарматами самостоятельную этническую группу. Считается, что гунны в конце IV в. положили начало Великому переселению народов.

¹⁴ В «Слове о полку Игореве» курени упоминаются в качестве наиболее характерных поселений Руси: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влоком рыскаше: из Києва дорискаше до кур Тмутороканя». К сожалению, понятие «кур» до сих пор неверно трактовалось переводчиками «Слова»; они переводили: «Дорыскивал до петухов Тмутороканя» (см., например, перевод И. П. Еремина).

Курень, кур — многозначное, интересное слово; в древние времена оно означало поселение непостоянного типа, группу изб, людское гнездовье. Отсюда курная изба, т. е. изба с открытым очагом. Энциклопедический словарь Брокгауза (1896 г.) еще отождествляет курень с лесосекой, и это наводит на мысль, что первоначально курени ставились в лесных массивах, в какой-то мере защищавших от набегов врага.

¹⁵ Искаженное имя готского князя Винитара, одного из президентов Германариха, короля остготского союза племен, разгромленного в 375 году гуннами.

¹⁶ Из этого, между прочим, следует, что в Поднепровье должна была быть и «пашущая рысь», и, возможно, «рысь ремесленная», т. е. уровень социального размежевания здесь, вероятно, был выше, чем в других государственных образованиях древних славян.

¹⁷ Вопрос о происхождении слова и понятия «Русь» до сих пор еще не решен однозначно исторической наукой. Объяснения в рукописи представляются довольно любопытными. В самом деле, в период значительного похолодания, по крайней мере, в Европе, когда в движение пришли сотни тысяч людей, оседлые жители Среднего Поднепровья могли окрестить беспрестанно прибывавших переселенцев «рысью», то есть людьми кочевными, рыскающими в поисках лучшей доли. Это название скорее всего должно было закрепиться не за пришлыми родами, сохранившими свою организацию и вернувшимися позднее к насиженным местам, а за остатками распавшихся и погибших родов, за голодающим, обездоленным и беззащитным людом, добравшимся до Среднего Поднепровья уже мелкими группами. Это была, думается, по преимуществу демократическая масса, в которой уже несколько новую роль играли князья и старейшины, — самоорганизация «Руси», насколько можно судить, с самого начала отличалась от традиционной организации социальной жизни в славянских племенах, и об этом имеются свидетельства.

Оказавшись без пахотной земли в условиях стихийного и, конечно же, весьма относительного перенаселения, без средств заполучить землю и обработать ее, «рысь» вынуждена была на первых порах или наниматься холопами, что при общей угрозе голода и примитивности земледелия было выходом немногих, или продавать свою «рабочую силу» единственно возможным тогда образом — идти в наемники, спрос на которых хотя и колебался, но

никогда не исчезал полностью. Дружины профессиональных воинов, «рысь», а затем «русь», сложились постепенно; на протяжении многих десятилетий их питали беглецы из всех земель необъятной Древней Руси: холопы, изгои, авантюристы, люди, по разным причинам преследуемые властью. «Рысь» явилась истоком, прообразом и колыбелью гораздо более позднего казачества, этой своеобразнейшей и своеобразнейшей социальной группы Российского общества, унаследовавшей вместе со становой организацией некоторые внешние атрибуты древней «рыси», например, чуб, какой с гордостью носил и Святослав.

Не следует думать, что «Рысь» — уникальное, чрезвычайное явление тогдашних времен; рыцарско-разбойничьи союзы были весьма характерны для эпохи зарождавшегося феодализма; другое дело, что «Рысь» складывалась на гораздо более широкой основе, создав мощные государственные образования, сначала в Поднепровье, а затем в Причерноморье, на Дону и на Кубани; родоплеменную связь в этих образованиях заменили более продуктивные и прогрессивные морально-этические принципы общности в языке, вере, территории, традициях, политических интересах. Не исключено, что «Рысь» или «Русь предшествовавшая» явилась первой народностью на территории восточных славян; ее включение в состав Киевского государства, естественно, ускорило процесс образования единой древнерусской народности, а выдающаяся роль в истории государства была закреплена принятием ее названия для всей восточно-славянской земли.

¹⁸ Готский историк Иордан упоминает, что Винитар приказал распять славянского князя Божа вместе с сыновьями и 70 старейшинами. Иордан указывает также, что в это время готы уже находились в зависимости от гуннов.

¹⁹ Гунны разбили войско Винитара и убили его самого. Остатки готов в панике бежали на Дунай, но и оттуда были вытеснены могучим нашествием гуннов.

²⁰ В конце 70-х годов IV века придунайские готы, теснимые гуннами, просили Римскую империю принять их под свое покровительство и дать право поселиться на ее землях. Положение готов было катастрофическим. Усилившись однако за счет союза со славянскими племенами, с даками и остатками сарматов, готы нанесли гуннам поражение и на некоторое время задержали их продвижение. Чтобы рассчитаться с союзниками, готы повели их за добычей в богатые провинции Римской империи. Под Адриано-полем римляне были разбиты, потеряв 40 тыс. убитыми.

²¹ Столицей Римской империи с 330 г. стал Византий, названный в честь императора Константина (306—337 гг.) Константинополем.

²² Имеется в виду остров Хортица, на котором в древние времена, по преданию, находилась мощная крепость и священная дубовая роща.

²³ Должно быть, это знаменательное событие произошло в конце IV или в начале V века. Сомнительно, чтобы автору рукописи, избегающему хронологии, удалось соблюсти безукоризненную последовательность в изложении событий. Впрочем, это, кажется, и не входило в его задачу.

²⁴ Судя по всему, речь идет о жертвах, приносимых в установленные религиозные праздники. Вряд ли оправдано допуще-

ние, что в конце IV — начале V века у славян уже существовало устойчивое жреческое сословие. Даже широко известные храмы, игравшие роль общеславянских духовных центров, обслуживались скорее всего волхвами рода или племени, на территории которого находились.

²⁵ Византийские и арабские источники подтверждают, что в IV—VI веках в Среднем Поднепровье, а возможно, и в Причерноморье жил народ, называвшийся «рос». Иные говорят о государстве, другие о беспокойном, воинственном и чрезвычайно многочисленном племени, имевшем весьма своеобразную организацию.

Государственность «росов» («рыси», руси), конечно же, весьма существенно отличалась от государственности тогдашних «цивилизированных» стран. В силу особенностей своего возникновения и развития «Рысь», вероятно, в то время вовсе не знала налогов и обычной для феодальной диктатуры бюрократии.

²⁶ К середине V века окончилось почти столетнее господство гуннов в Европе. В 451 г. гунны не смогли добиться победы над объединенными силами римлян, франков и вестготов и вынуждены были отступить. Гуннский вождь Атила все еще уповал на военную удачу, но в 453 году умер. После его смерти гунны утратили лидерство в огромном союзе разноликих племен с центром на Среднем Дунае; союз этот распался. Вероятно, в этот период восточные славяне, почти отесненные из степной полосы, начали новое энергичное продвижение на юг. В конце V — начале VI века славяне беспрестанно тревожат границы Восточной Римской империи.

²⁷ Сварог — бог неба, бог космического огня. Славяне-язычники считали огонь живительным началом, некоей живородящей субстанцией Вселенной. Примечателен, но еще не вполне объяснен наукой тот факт, что мифология язычников, и не только древних славян, имеет преимущественно материалистический смысл, хотя порою проследить это довольно трудно из-за крайней символическости.

²⁸ Тиверцы к VIII веку прочно владели Приднестровьем и частью Прибужьем.

²⁹ Не исключено, что это предшественник более позднего Олешья. Поскольку днепровские гирла меняли русло, загадочное Полежье, возможно, все еще ждет своих открывателей и исследователей.

³⁰ Обрами славяне называли кочевников аваров, одну из трех ветвей единой тюркской группы (авары, хазары, булгары). Во второй половине VI века они, подобно гуннам, вторглись в причерноморские степи и, заполнив их, прошли дальше на Запад, потеснили славян и владов и создали между Дунаем и Карпатами так называемый Аварский каганат, продержавшийся до начала IX века.

³¹ Юстиниан I (527—565 гг.) пригласил на службу именованного антского князя, поручив ему охрану и защиту важнейших крепостей по Дунаю. Однако сотрудничество этого князя с византийцами было непродолжительным. Судя по описанным событиям, здесь речь может идти о Юстиниане II (565—578 гг.).

Академик Б. А. Рыбаков, сравнивая историю киевского князя Кия в изложении «Повести временных лет» с рассказом Прокопия Кесарийского об антском князе Хильбудии, не исключает тожде-

ственности этих исторических деятелей (см. «Образование древнерусского государства», Москва, 1955 г.).

³² Славянские племена были известны в Византии под общим названием «анты».

³³ В 578 году около 100 тыс. славян переправились через Дунай, наводнив Фракию и Северную Элладу. Византийцы встретили беженцев мечом и рабскими цепями. Славянские племена мужественно оборонялись, быстро перенимая военное искусство византийцев, и вскоре нанесли войскам империи несколько чувствительных поражений. К середине VII века, как свидетельствуют древние историки, славяне расселились по всей территории Балкан до Греции; часть их разместились даже в Малой Азии.

³⁴ Это чрезвычайно важное событие в истории древнеславянской государственности. Однако не ясно, какие именно роды упразднил Кий. Источники подтверждают, что в VI веке у восточных славян действительно происходили родовые и племенные «переформирования». Обилие мелких родов препятствовало их консолидации: несколько слабых всегда имели возможность противостать одному сильному, поэтому ревниво оберегали равновесие. «Укрупнение» родов и племен повело к усилению процесса распада общинно-родовых отношений.

³⁵ Имеется немало свидетельств, что славяне пользовались письмом задолго до введения христианства. Славянский мыслитель X века Храбр в сочинении «Об азбуках» утверждает, что язычники-славяне применяли добуквенное письмо.

³⁶ В VI—VII веке складывались новые, более устойчивые государственные образования славян, и этот процесс значительно ускорила аварская угроза. В 623 г. был создан мощный союз западнославянских племен. Его вождь Само, избранный в 627 г. королем Чехии, разгромил аваров, остановив их дальнейшее продвижение в Европу. Этот союз до 658 года успешно противостоял и натиску франков.

³⁷ Албания — одно из государств на территории Армении в VII веке; Азнавуры — правящая династия в Грузии, с которой иногда отождествляли грузин.

³⁸ В VI—VII веке в Прикаспийской части Кавказа образовался Хазарский каганат с центром в Семендере (Дагестан), а потом в Итили (в волжских гирлах). В VII веке хазары начали играть уже заметную роль в политической жизни народов Кавказа, поделенного в те времена на сферы влияния между Византией и Ираном.

Скотоводы-кочевники тюркской группы, хазары были язычниками, но постепенно в их массу внедрилось христианство и ислам. Незадолго до полного крушения Хазарского каганата его правящая верхушка приняла иудаизм.

В течение VII—X веков, т. е. более трехсот лет восточные славяне вели ожесточенную борьбу против каганата, завершившуюся его крахом и полным исчезновением с исторической арены.

³⁹ Нигде не находим прямых ссылок на участие в этой битве на стороне руси грузинских князей, однако известно, что в середине VII века «из горной страны Азнавуров» приходили на Русь послы и просили объединиться против хазар, притеснявших грузин и другие народы Кавказа с такой же жестокостью, как византийцы, а затем и арабы, вторгшиеся в 640 году в Армению.

⁴⁰ Булгары одержали победу над славянскими племенами на Нижнем Дунае в 677 году; союз тех и других образовал Болгарию. С течением времени славяне ассимилировали болгар.

На Среднем Поволжье собственно болгарское государство существовало до XIII века. Кочевники-булгары постепенно осели и занялись земледелием. В начале X века Булгарский каганат принял ислам.

⁴¹ Арабские историки (Ал-Истархи, Ибн-Хаукаль и др.) называют, что в Древней Руси (VII века) существовало три самостоятельных государства — Славия, Артания и Куяба. Славия — это скорее всего союз «северных» славянских племен. Куяба — это, бесспорно, Кыявье, Киевщина, обнимавшая южную группу восточных славян, частично находившихся в зависимости от Хазарского каганата. Наконец, Артания — это, вероятно, Русь в низовьях Днепра и в Таврах. Арабы утверждают, что в Артании «убивают всякого чужеземца и оттуда вывозят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму».

Вероятно, в то время русь на Кубани не представляла еще грозной самостоятельной силы. Остается открытым вопрос: куда в таком случае отнести уличей, тиверцев и дулебов (вольнян)? Или арабы не проникали столь далеко? Или эти племена входили в другие государственные объединения? В этих умозраительных построениях есть своя надежда: полагаться только на арабские источники нельзя; многое в них, совершенных по литературным качествам, сообщается понаслышке, и часто какая-либо явная несуразица коцует из сочинения в сочинение, не обрстая подкрепляющими доводами.

⁴² Арабский историк ал-Идриси в «Развлечении истомленного во время странствий по землям» называет Слав главным городом Славии.

⁴³ Очевидно, ссылка на события 681 года, когда булгары и славяне, объединившись, одержали ряд крупных побед над византийскими войсками.

⁴⁴ Судя по тому, что Юстиниан II, о котором идет речь, правил до 695 года, осада Константинополя русами произошла вскоре после похода болгар. Византийские хронографы отмечают этот факт.

⁴⁵ Достоверными свидетельствами о широком использовании русов в византийских войсках в конце VII — начале VIII века мы не располагаем. Но более поздние свидетельства весьма определенны. Так, в походе на остров Кипр, отбитый Византией в 746 году у арабов, принимала участие дружина из Руси.

⁴⁶ Арабский полководец Мерван, пройдя с мечом Хазарию, пытавшуюся противостоять арабам на Кавказе и в Прикавказье, пишет, что пленил на Дону в 737 году 20 тысяч славян. Другие источники подтверждают это свидетельство.

⁴⁷ На рубеже VII—VIII веков Византия переживала глубокий кризис, испытывала огромные внутренние и внешние затруднения. Феодалная система, развиваясь, порождала много противоречий, недовольство пронизало все слои общества. К тому же значительную часть территории империи захватил арабский Халифат. Восстания, мятежи и заговоры не прекращались. Лишь величайшим напряжением сил урезанная империя постепенно вновь укрепила

свои позиции, однако вернуть прежнее величие и блеск не смогла, хотя и просуществовала еще 700 лет, до 1453 года.

После свержения Юстиниана II (695 год) началась чехарда власти: за 22 года сменилось 6 императоров. С 716 года Византия стала уплачивать дань Болгарии, в 717—718 гг. под стенами Константинополя стояли арабские войска. В этих условиях византийский двор заигрывал с Русью, быстро набиравшей политическую мощь, и поощрял развитие с ней торговых и культурных связей. Есть сведения, что уже в VII в. Русь использовала греческий алфавит.

⁴⁸ Об этом упоминается в византийских источниках.

⁴⁹ Лосем в Древней Руси называли созвездие Большой Медведицы. Однако не ясно, что имеется в виду; трудно допустить, что звезды служили полянам единственным ориентиром в обратном пути.

⁵⁰ Утверждение не совпадает с преобладающими взглядами современных историков на ятвягов. Кажется, теперь положен конец долгим спорам подчас полуфантастического характера; ятвягов относят к древним пруссам, близким по происхождению к литовским племенам. Считается, что ятвяги занимались земледелием и рыболовством, имели развитое ремесло; в X веке ятвяжские племена представляли значительную военную силу.

⁵¹ То есть, как простой пахарь, смерд.

Смерды — название всего земледельческого населения Древней Руси в эпоху разложения родовых и общинных отношений.

Вопрос о содержании понятия «смерд» занимал многих исследователей. Очень плодотворно рассмотрел его Б. Д. Греков (см. «Киевскую Русь», Москва, 1949 г.). С полным основанием он считает, что в далеком прошлом термин «смерд» еще не означал землепашца. Б. Д. Греков, кажется, разделяет точку зрения Н. Я. Марра и П. И. Шафарика, что «смерд» от персидского *marđ* — человек (отсюда, якобы, удмурты, мордва и т. п.). Не затрагивая вопроса о происхождении самого слова и его смысловых метаморфозах на протяжении столетий, уместно предположить, что слово «смерд», имевшее в глубокой древности форму *смерь* (подобно ветвь — ветвь, вервь — вервь), на более поздних этапах означало полноправного члена общины, долеика, участвующего в юридических пересмерах земельных угодий между семьями (отсюда, возможно, и слово «смерити»).

В период феодального закабаления кичливая идеология превосходства правящего класса стремилась придать слову смерд уничижительный смысл и породила оскорбительное словечко «смердети», новообразование от «смердети», т. е. дымить, вонять, дурно пахнуть и т. п. С введением христианства, особенно в годы татаро-монгольского нашествия, слово «смерд» стало вытесняться словом «крестьянин».

⁵² Среди исследователей нет единого взгляда на содержание понятия «вервь». Скорее всего это община в период интенсивного разложения родового строя — община территориальная, в которой члены были связаны не единым происхождением, а доверием, нравственным договором о блюдении традиций общины.

⁵³ В 791 г. Карл Великий одержал победу над аvaraми в Паннонии, после чего Аварский каганат стал стремительно разваливаться.

⁵⁴ Сурожье — Приазовье.

⁵⁵ См. примечание 38.

⁵⁶ Автор рукописи имеет в виду, безусловно, пограничные страны. Однако в начале IX века социально-политическая ситуация почти повсеместно была неопределенной и неустойчивой, а в духовном отношении крайне гнетущей, поскольку продвижение христианства и ислама сопровождалось воинствующим догматизмом и ожесточенным преследованием инакомыслящих. Средняя Азия была охвачена восстаниями против арабского Халифата; от Хорезма до Памира в 806—810 гг. шли беспрестанные схватки. В 816—837 гг. восстание прокатилось по Южному Азербайджану. В 821 г. началось восстание Фомы Славянина в Малой Азии, поддержанное закабаленным людом. Восставшие осадили Константинополь. Лишь с помощью подкупа в среде мятежников и благодаря болгарским подкреплениям византийскому императору Михаилу II (820—829 гг.) удалось к 825 году «нормализовать положение».

Кризис переживал и Хазарский каганат. Скандинавские страны в этот период особенно широко выделяли «избыточное население»; норманны-грабители превратились в страшный бич приморских европейских стран.

⁵⁷ Молодое болгарское государство, сумевшее отстоять свою независимость в противоборстве с многочисленными врагами и набравшее силу при Омортаке (814—831 гг.), больше устраивала ослабшая Византия; развал империи, конечно же, угрожал новыми осложнениями для самой Болгарии; отсюда ее политическая линия.

⁵⁸ Возможно, речь идет о нынешней Вилии, притоке Немана.

⁵⁹ В византийских хрониках упоминается, что около 839 г. император Феофил принимал посольство Руси во главе с великим князем. Подробности договора империи с Русью не известны.

⁶⁰ В «Бертинских анналах» сообщается, что 18 мая 839 года император Людовик I Благочестивый принимал в Ингуленгейме в составе посольства Византии послов «Росского хакана», к которым отнесся однако с большим подозрением.

⁶¹ Трудно поверить в эту довольно простодушную версию, но факт остается фактом: в середине IX века венгры без задержки прошли южнорусские степи и, вклинившись между славянами и волохами, осели на Тисе, где жили остатки аварских племен.

Русь в тот период, видимо, действительно достигла расцвета своей военной мощи. В «Житие Георгия Амастридского» языческая «Русь» подвергается высокомерному очернению: «Этот губительный на деле и по имени народ, начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достиг, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол... И не было никого помогающего, никого, готового противостоять».

⁶² Речь идет о князе Борисе (852—889 гг.), при котором Болгария расширила свои границы до Адриатики.

⁶³ Очевидно, стенобитные устройства.

⁶⁴ Византийский император Михаил (842—867 гг.).

⁶⁵ Исторические хроники сообщают о некоторых подробностях этого похода; они указывают, в частности, что войско русичей приходило в основном на судах и осадило Константинополь 18 июня 860 года. Константинопольский патриарх Фотий, использовав-

ший вторжение руси для проповедей в подкрепление христианского благочестия, восклицает: «О, как все тогда расстроилось, и город едва, так сказать, не был поднят на копье!.. От воли неприятелей зависело — пострадать ему или не пострадать...»

Великая держава тех времен, Византия, вынуждена была во всеуслышанье заявить о рождении другой великой державы. Тот же Фотий, сгущая, по понятным причинам, негативные краски, говорит о Руси: «...Народ неизвестный, но обретший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, уничтоженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства... быстро и грозно нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву...»

⁶⁶ В «Повести временных лет» под 862 год читаем: «Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжити и володети нами». В Ипатьевской летописи: «Рюша — Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и вся...» * Это место летописей, привлекавшее особенно пристальное внимание исследователей, переводилось ошибочно «Сказали руси (разрядка наша. — Э. С.) чюдь, словене, кривичи и весь...» Неверный перевод объясняется прежде всего тем, что цитированное выше место в летописи полно скрытых противоречий из-за нелепых позднейших вставок, на которые обращал внимание еще А. А. Шахматов. Между тем летопись сообщает совсем другое: к варягам-руси обращались: русь, словене, кривичи, мери, чюдь и весь. Глагол «решти» (сказать) употреблялся преимущественно с предлогом «к» («рече к ней Михаилъ») или же, позднее, требовал соответствующего падежа («богородица рече Михаилу»), поэтому исправление переписчика переводчиком было невежественным и неуместным**; на деле же послужило «аргументом» в пользу крайне надуманной и ложной исторической концепции. Ошибка перевода тем более не прощительна, что чуть ниже в летописи (см. «Повести временных лет» или Ипатьевскую летопись) следует: «И избрашася з братья с роды своими, поляша по собе всю русь, и придоша». Это уже противоречие переводу. Из текста легко заключить, во-первых, что Рюрик, Синеус и Трувор не были братьями, а составляли политический союз, ибо единокровные братья надлежат одному роду; во-вторых, что «братья» еще не представляли собственно всей руси; в-третьих, что именно это место летописи, не понятое переписчиком, испорчено совершенно бессмысленной вставкой, возможно даже в желании придать ей смысл: ведь если «братья» пригласили с собой «всю русь» (в летописи варязи-русь объявляются народом, подобным англичанам, шведам и т. д.), то каким же образом «братья» сразу оказались и властелинами «целого народа», готового по их приказу немедленно покинуть насиженные

* См. также, например, комментарии к «Летописи Несторовой, по древнейшему списку Мниха Лаврентия», издание профессора Тимковского, Москва, 1824 г.

** Досадно, что предпринятое в некоторых, более поздних летописных списках и, соответственно, в изданиях текстов летописей исправление «русь» на «руси» повторяется без всяких уже оговорок и комментариев современными публикаторами (см., например, «Памятники литературы Древней Руси», Москва, 1978 г.).

места? Да и что за странные существа эти чуды и кривичи, ради князя-посредника готовы посадить на свою шею целый народ? Неоспоримо, что слова летописи («пояша по себе всю русь») имеют в виду приглашение дружественно настроенных варягов, поживших какое-то время среди руси Поднепровья и хорошо познакомившихся с ее обычаями: приставка «русь» в летописи («варяги-русь») имеет то же смысловое значение, что и аналогичные приставки в современном языке: например, «полешук-американец» — это житель Полесья, побывавший в Америке; «казах-китаец» — казах, проживающий в Китае или прибывший из Китая, где, возможно, и родился.

Русские летописцы вершили свой труд в конкретной политической ситуации и часто были вынуждены не столько излагать исторические события, сколько прославлять определенных князей; чтобы овладеть достоверной летописной информацией, нужно уметь ее верно прочитать и истолковать, устанавливая изъятия, пробелы и более поздние фальсификаторские вставки. Вот, например, одна из таких вставок, напоминающая грубую заплату на дивном по красоте платье: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля» (см. «Новгородскую первую летопись»). Летописание в Древней Руси было «земельным», т. е. местным, а не общерусским, даже важнейшие порою события не находили отражения отчасти по слабой осведомленности летописцев, но главным образом в силу политических пристрастий. В данном случае не обязательно уличать переписчика-редактора в проваряжских симпатиях, — в долгой борьбе за преобладание между Новгородом и Киевом новгородцы были заинтересованы в том, чтобы преувеличить свою роль в общерусской истории и, соответственно, преуменьшить роль Киева, Древлянской земли и Запорожской Руси, древнее прошлое которых было несомненно ярко и величественно. То же можно сказать и о Киеве по отношению к Новгороду. Утверждение «Новгородской Первой летописи» — «новгородетии людие до днешнего дни от рода варяжска» — наивный, но распространенный в Средние века полемический прием: смотрите, мол, да мы все от княжеского рода! Как тут не вспомнить насмешку киевского воеводы над новгородцами накануне решающей сечи 1016 года: «Эх, вы, плотники», т. е. люди неблагородные, невоенные.

⁶⁷ Известие расходится с летописью. «Повесть временных лет» утверждает, что Рюрик сразу сел в Новгороде, Синеус в Белоозере, а Трувор в Изборске. Это, конечно, более поздняя переработка летописного текста, сделанная в угоду Рюриковичам; подтасовка очевидна: варягов ведь призывали не для каждого племени, а для всех. Ипатьевская летопись сообщает, что Рюрик сел прежде в Ладоге.

⁶⁸ Летопись, разумеется, утверждает, что Рюрик «принял власть» по смерти Синеуса и Трувора.

⁶⁹ Летопись не изобличает Рюрика в клятвоотступничестве и узурпации власти. Никоновский извод, тем не менее, сохранил упоминание об убийстве Рюриком Водимы, хотя, и это понятно, не уточняет, кто такой Водима.

⁷⁰ Факт подтверждается летописями и считается вполне достоверным многими исследователями, в том числе и С. М. Соловьевым (см. его «Историю России с древнейших времен»).

⁷¹ Летопись относит поход Аскольда на Царь-град к 866 году.

⁷² Новый договор о союзе с Византией был заключен в 866—867 году. Патриарх Фотий в своем послании восточным патриархам чрезвычайно преувеличил значение крещения небольшой группы русской знати, стремясь таким образом ободрить церковников в их напряженной борьбе за христианизацию.

⁷³ Общеизвестно, что Русь называлась иностранцами Гардари-ка, страна городов.

В арабских источниках (Мутаххар ибн-Тахир ал-Мукаддаси) говорится, что численность русов, живших «на острове, окруженном озером», составляла более 100 тысяч человек. Свидетельства тех времен расходятся относительно местонахождения политического центра Руси. Одни утверждают, что его следует искать в устье Днепра, другие — на берегах Азовского моря или даже в Крыму.

⁷⁴ Некоторые историки полагают, что Сварог — варяжский бог.

⁷⁵ Смерть Рюрика относят к 879 году.

⁷⁶ Поход руси к побережью Каспия — 880 год.

⁷⁷ Смоленск был занят варягами в 882 году.

⁷⁸ Вместо русского князя Дмира и его знаменитого воеводы Аскольда в летописном рассказе фигурируют два малозаметных «варяга» Аскольд и Дир, самозванцы, — явная фальсификация, призванная оправдать претензии Олега на Киевский стол. Впрочем, отголоски фактических событий все же сохранились: убийство Аскольда и Диры и по летописи выглядят вероломным и подлым.

⁷⁹ По летописи, прежде всех, в 882 году, данью были обложены ильменцы, кривичи и меря, за ними наступил черед древлян, с которых брали «по черне куне».

⁸⁰ Северяне были побеждены Олегом в 884 году.

⁸¹ Олег высмеивает норманнов, безуспешно осаждавших Париж в течение 885—886 гг.

⁸² На эти события летопись не ссылается, однако намекает, и намек, видимо, был хорошо понятен современникам: «и властвовал Олег над полянами, древлянами, и северянами, и радимичами, а с другими народами воевал». Учитывая, что позорное изгнание Олега из Киева не вписывалось в официальную версию о «вещем Олеге», об изгнании попросту умолчали, как умолчали и о широком антиваряжском движении, которым были охвачены в то время древнерусские земли.

⁸³ Есть свидетельства, что печенеги впервые появились в Среднем Поднепровье в конце IX века.

⁸⁴ Указание на какой-то языческий обряд.

⁸⁵ Поход Олега на Византию — 907 год. О походе подробно рассказывает летопись, в основном в духе мифа, прославляющего «вещего Олега».

⁸⁶ Царь-градская бухта запиралась в те поры на цепи, исключавшие проход вражеских кораблей.

⁸⁷ В летописи иное изложение событий. Сообщается о жестокости Олега: «Много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви». Что касается дани, то греки якобы дали по 12 гривен на каждый из 2 тыс. кораблей и отдельно на крупнейшие города. Летопись сообщает также о том,

что Олег повесил свой щит на вратах Царь-града, «показуа победу».

⁸⁸ Летопись под 907 год подробно излагает условия мира: право русских послов на содержание византийским двором и право купцов на льготное пребывание в Византии до шести месяцев. Греки отказались давать месячину купцам, приходящим без товаров, оговорив за собой право размещать русичей в монастыре святого Мамы под Константинополем и пропускать в столицу не более 50 купцов в одни ворота, без оружия, в сопровождении «царева мужа», однако освобождали от уплаты торговых пошлин.

⁸⁹ В источниках не находим ссылок на брата Олега. Как явствует из последующего, в интересах Рюриковичей было вовсе не упоминать о нем.

⁹⁰ 909—910 гг.— набеги руси на Западное и Южное побережье Каспия.

⁹¹ Посольство Олега в Царь-град относят к 912 году.

⁹² То есть христиан.

⁹³ Святослав родился в 942 году.

⁹⁴ Здесь намек на увлечение охотой.

⁹⁵ Дальше 11 строк не поддаются прочтению из-за поврежденной рукописи.

⁹⁶ Оскорбительный намек на какой-то телесный недостаток.

⁹⁷ Явное преувеличение молвы.

⁹⁸ Имеется в виду болгарский царь Симеон (893—927 гг.), снижавший славу покровителя письменности и литературы.

⁹⁹ Константин Философ (Кирилл) в середине IX века, до того, как создал свою азбуку, видел в Корсуни книги, что были «писаны русьскими письмены».

¹⁰⁰ В 863 году Византия, пытаясь остановить продвижение Римской церкви в славянские земли, направила духовников Кирилла и Мефодия для проповеди православия в Великоморавию. Придумав или усовершенствовав славянскую азбуку, они в короткий срок перевели богослужебные книги на славянский язык. Исследователи склоняются к тому, что первым вариантом их азбуки была глаголица, т. е. кириллица представляла из себя уже значительную ее модернизацию.

¹⁰¹ То есть мусульман.

¹⁰² Видимо, старшины — это князья, в данном случае, подручные. К сожалению, мы все еще не располагаем достаточно полным материалом о внутреннем устройстве собственно Руси и ее самобытной культуре.

¹⁰³ По летописи, печенеги впервые напали на Русскую землю в 915 году. Если это верно, значит, Игорь лишь через два с половиной года после смерти Олега овладел Киевом.

¹⁰⁴ Текст испорчен, невозможно прочесть шестнадцать последующих строк.

¹⁰⁵ В 935 г. византийский император использовал русский флот и русскую боевую силу в своих походах.

¹⁰⁶ Речь идет о договоре, подписанном в Константинополе посланцами Олега; договор регулировал многие стороны отношений между Русью и Византией, в особенности торговые, включая имущественные претензии.

¹⁰⁷ Скорее всего, это ссылка на восстание «Медной руки», охватившее Малую Азию после тяжелого голода. Началось восста-

ние в 932 г. и в течение нескольких лет сковывало силы Византийской империи.

¹⁰⁸ Поход состоялся в 941 году. Войско Игоря насчитывало 10 тыс. человек. Сколько из них приходилось на флот, точно не известно.

¹⁰⁹ Имеется в виду болгарский царь Петр (927—969 гг.). Испытывая сильное давление Византии, болгары лавировали, чтобы, с одной стороны, не поссориться с Игорем, с другой, чтобы не навлечь на себя гнев константинопольского двора, — вполне понятная позиция.

¹¹⁰ Армянский город Бердаа, долгое время находившийся в руках арабов, был в то время крупным торговым и ремесленным центром.

¹¹¹ В поименном составе посольства «Русьской земли», приводимом летописью, преобладают варяжские имена. Этот факт не должен смущать исследователя: и варяги принимали славянские имена, и славяне из правящей верхушки называли детей варяжскими именами. Для тогдашней ситуации была характерна как враждебность и настороженность с обеих сторон, так и стремление к сотрудничеству и единению, и вторая тенденция в конечном счете возобладала, ускорив процесс обрусения варягов.

¹¹² Русско-византийское соглашение было подписано в 945 году.

¹¹³ Летопись относит смерть Игоря к 945 году, указывая, что он похоронен у Искоростеня.

¹¹⁴ Святославу было в это время три года.

¹¹⁵ Источники умалчивают, был ли у Игоря еще сын, помимо Святослава.

¹¹⁶ Возможно, имеется в виду воевода Асмуд, упоминаемый летописью наряду со Свенельдом.

¹¹⁷ Древлянский поход Ольги — 946 год.

¹¹⁸ Воеводы Ольги около трех лет не могли покорить уличей, хотя силы были явно неравны.

¹¹⁹ Интересные догадки о судьбе древлянского князя Мала высказал А. Членов (см. «Дружбу народов» № 8, 1975 г.) К сожалению, исследователь несколько вольно интерпретировал собранный им богатый материал. Но основная позиция А. Членова, безусловно, верна: Древлянская земля сыграла важную роль в истории Древней Руси.

¹²⁰ Любопытные подробности о погребальном обычае русичей приводит арабский писатель Ахмед Ибн-Фадлан в сочинении о своем путешествии на Волгу в 921—922 году. Женщина или девушка, согласившаяся сойти в могилу вслед за умершим вельможей, — обычно из числа его жен или наложниц, — совершала в продолжение 10 дней сложный ритуал с песнопениями, плясками и оргиями, после чего ее умерщвляли и сжигали в лодке вместе с покойным и некоторым количеством жертвенных вещей. Для бедняка последний обряд намного упрощался: «Если (это) бедный человек из их числа, то делают маленькую лодку, кладут в нее и сжигают вместе с лодкой».

¹²¹ Ольга посетила Царь-град в 955 или в 957 году. Торжественный выезд со свитой в 100 человек преследовал не только личные, но и политические цели. Однако надежды, связанные с визитом, не оправдались, Ольга осталась не удовлетворенной резуль-

татами переговоров с Константином Багрянородным (912—959 гг.), касавшихся политического союза и торговых отношений.

¹²² Крещение Ольги, по всей видимости, произошло в Царьграде.

¹²³ Несмотря на всю пышность византийского двора, цезари уже во многом не сохранили гордых традиций древнего Рима. Возвратясь в Киев, Ольга не торопилась посылать ответные подарки, и император напомнил: «Я тебе много дарил, потому что ты говорила мне, возвращусь на Русь, пришло богатые дары — рабов, воску, мехов, пришло и войско на помощь». Ольга ответила: «Когда ты столько постоишь у меня на Почайне, сколько я стояла у тебя в царьградской гавани, тогда дам обещанное».

В византийских документах точно зафиксированы подарки Ольге — 40 и 20 червонцев, а всего 60.

¹²⁴ Рядович — одна из форм использования наемной рабочей силы в Древней Руси; смерд, терпевший нужду, заключал ряд, т. е. договор на выполнение определенных работ как постоянного, так и сезонного характера. Несоблюдение договора грозило рядовичу полным холопством; нарушение условий договора нанимателем также предполагало определенные санкции, но по мере разложения общинного строя феодальное насилие возрастало, а бесправие угнетенных усиливалось.

¹²⁵ Масуди, арабский историк, свидетельствует о том, что на Руси середины X века существовал мощный союз племен под главенством волянян. Об этом союзе известно очень мало; можно предполагать, что запоздалый этот союз был создан в ответ на «объединительные» усилия Ольги после утраты самостоятельности великим княжеством Древлянским и княжеством Уличским.

¹²⁶ О походе Святослава в Древлянскую землю летопись не упоминает; первый поход к вятичам относит к 964 году.

¹²⁷ Летопись, напротив, упоминает о дани, которую якобы платили вятичи хазарам, — «по щялягу от рала».

¹²⁸ К сожалению, о Хазарии накануне ее полного краха известно очень мало.

¹²⁹ Так древние руссы называли хазарский город Саркел, мощную крепость на Дону. Точное местоположение его не известно до сих пор.

¹³⁰ Уже при Олеге, в 907 году, русский Переяславль считался третьим по значению городом Словенской земли.

¹³¹ Владимир родился примерно в 966 году.

¹³² Второй поход Святослава в землю вятичей — 966 год.

¹³³ Поход состоялся в 967 году. Византийский историк X века Лев Диакон изображает поход как результат успеха византийской дипломатии. Он сообщает, что Святослав получил от императора Никифора Фоки тысячу пятьсот фунтов золота за обязательство ослабить Болгарию. Святослав якобы выставил 60-тысячное войско против 30-тысячного болгарского. Пытаясь представить болгарскую политику Византии в выгодном свете, Лев Диакон приводит «факты», поражающие своей чудовищностью, но еще более полным несоответствием с действительностью. Так, он повторяет с чужих слов, что, взявши город Филиппополь, Святослав «пересажал на кол двадцать тысяч пленных». С полным основанием М. Н. Тихомиров уличает Льва Диакона в недобросовестности (см. рецензию на книгу В. Д. Грекова «Киевская Русь»).

¹³⁴ Точное местонахождение Переяславца, богатого и многолюдного города, до сих пор считается спорным.

¹³⁵ Своеобразную версию этой истории с Патрикием Калокиром, крупным вельможей константинопольского двора, излагает Лев Диакон Калойский (см. «Историю Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей», С-Петербург, 1820 г.).

¹³⁶ Летопись упоминает об осаде Киева и о героическом поступке киевского отрока.

¹³⁷ Летопись относит начало княжения Святослава к 946 году, а не к 969 году, когда умерла Ольга.

¹³⁸ Святослав раздал уделы в 970 году.

¹³⁹ Арабский географ и историк Ибн-Хаукаль говорит (это относится к 70-м годам X века), что Русь разрушила землю болгар и опустошила землю буртасей: «не осталось и следа ни от Буртаса, ни от Булгара, ни от Хозара», поскольку руссы «истребили их всех». Как бы мы ни трактовали подобное свидетельство, сокрушение мощи крупнейших государств, находившихся в пределах одного из главных очагов цивилизации тех времен, производило на современников сильнейшее впечатление.

¹⁴⁰ Лев Диакон, имея в виду руссов, утверждает: «У них не было обыкновения сражаться на конях; они никогда тому не учились». Это бесосновательное утверждение в отношении народа, столетия воевавшего с кочевниками, использовавшими прежде всего конницу. Другое дело, что в древнерусском войске коннице отводилась часто второстепенная роль, вследствие чего использовалась конница союзников (венгров, торков и др.) Кстати, тот же Диакон сообщает об упорной битве конных отрядов руссов и византийцев у Доростола.

Следует проявлять осторожность в истолковании исторических материалов, равно тенденциозных и в древние, и в средние века. Тот же Лев Диакон, не преодолевший в своем сочинении великоримского высокомерия, довольно часто и явно изменяет истине. Когда ему нужно подчеркнуть военное искусство императора Иоанна Цимисхия, он указывает, что в битве у Доростола, где руссы, кстати, проявили чудеса храбрости и не раз обращали византийцев в бегство, погибло 15 тысяч «скифов» и всего только... 350 византийских воинов. Масштабы преувеличений легко понять, читая, как восхваляет Диакон чудо-оружие империи, «мидийский огонь», применявшийся византийским флотом против судов противника: «даже камни превращает в пепел». Впрочем, широко известные факты вынуждают Льва Диакона признать, что «народ сей (русы) отважен до безумия, храбр, силен». Вот как отзывался о воинской доблести древних руссов другой современник — Ибн-Мискавейх: «Народ этот могущественный, телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства... До тех пор они не могли быть убиты, пока не убивали в несколько раз большее число» своих противников.

¹⁴¹ Византийский император Иоанн Цимисхий (969—976 гг.).

¹⁴² В это время империя переживала затруднения, связанные с восстанием Варды Фоки, претендовавшего на престол.

¹⁴³ Видя столь значительный перевес сил у Цимисхия, часть болгарской знати отказалась от союза со Святославом.

¹⁴⁴ Осада Доростола с 23 апреля по 20 июля 971 года.

¹⁴⁵ Лев Диакон красочно и подробно описывает эту встречу.

Святослав, по Диакону, — прототип классического казака-запорожца: в белоснежной рубашке, без бороды, с усами, голова обрита кружком, «кроме одного клока», чуба, «означающего знатность рода», в одном ухе серьга, украшенная жемчужинами и рубином.

¹⁴⁶ Поздняя «Запорожь» находилась выше днепровских порогов, и это свидетельствует о том, что при безусловной ориентации сечской Руси на добычу от военных походов, связи с Киевом, Черниговом и другими славянскими городами играли важнейшее значение в ее экономике и культуре. К сожалению, часть ценнейшего археологического материала все еще скрыта от нас; «исконный» город сечской Руси, Переяславль, был полностью разрушен степняками уже в X веке.

Сечская Русь в гораздо большей степени занималась земледелием, скотоводством и ремеслом, чем отражено в рукописи. И это понятно: для ее автора те стороны тогдашней жизни, которые нас особенно интересуют сейчас, представлялись самоочевидными, само собой разумеющимися.

¹⁴⁷ Намек на новое нападение печенегов на запорожские земли.

¹⁴⁸ Речь идет о Гае Юлии Цезаре (100—44 гг. до н. э.), колоритнейшей политической фигуре Древнего Рима.

¹⁴⁹ Возможно, название одного из семи Днепровских порогов. Преодоление их было сопряжено с большими трудностями; об этом сообщает Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении государством».

¹⁵⁰ Витебск впервые упоминается в летописи под 974 год.

¹⁵¹ Событие, произошло в 975 году.

¹⁵² Столкновение Ярополка с Олегом относят к 977 году. Чтобы верно истолковать действия Святославичей, следует принять во внимание, что Ярополку в то время было примерно 15 лет, а Олегу 14 лет; по крайней мере, так исчисляет их возраст С. М. Соловьев, и нет сколько-нибудь серьезных оснований не согласиться с ним.

Вообще, то, что известно о княжении Ярополка, наводит на размышление о серьезном противоборстве между Киевской и Древянской землями; подготовка к схватке шла исподволь: Ярополк ходил на печенегов, одержал победу и склонил одного из влиятельных печенежских князей к союзу; был подтвержден прежний мирный договор с Византией. Налицо обеспечение тылов на случай затяжного военного противоборства.

¹⁵³ Бегство Владимира в Скандинавию относят к 977 году, что, может быть, и не совсем точно. В летописях не упоминается о войне Новгорода с Полоцком, но есть свидетельства о необычайном усилении Полоцкого княжества.

¹⁵⁴ Решался важный для государства вопрос: будет великим князем проваряжский ставленник или «мятежная Словень» прищепит себе князя, готового проводить последовательно общерусский курс. В основе столкновения, вылившегося в форму межплеменной розни, лежал социальный кризис древнерусского общества; обострившаяся борьба против варягов была своеобразной попыткой разрешения внутренних проблем, на которые вскользь, но достаточно определенно указывает рукопись. Уместно предположить, что насильственный процесс феодализации, процесс крушения старых форм быта вызывал недовольство не только крестьян, но и старой, опальной знати. Разумеется, те и другие были антагани-

стами по своей природе, но в силу исторических обстоятельств попытались разрешить противоречия на пути преодоления варяжского засилья, с которым народная мысль связывала ухудшение положения масс, падение нравов и забвение обычаев, а старая родовая знать — поспраив своих интересов.

¹⁵⁵ Скорее всего, Дисна, приток Западной Двины.

¹⁵⁶ Лев Диакон называет древлян германцами; не по названию ли упомянутого племени, занимавшего в какое-то время, быть может, господствующее положение в союзе племен, каким, без сомнения, являлась Древлянская земля?

¹⁵⁷ Свадебный обряд требовал, чтобы жена, подтверждая готовность делить с мужем его судьбу и заботиться о нем, омыла ему ноги. Обряд совершался в присутствии друзей жениха и невесты и как бы завершал церемонию общественного признания брака.

¹⁵⁸ Какою бы отвратительной ни представлялась нам эта месть, неуместно искать в приведенной сцене патологию или верх жестокости; следует принять во внимание, что в то время честь рода ставилась превыше всех моральных ценностей.

¹⁵⁹ Возможно, Ярополка обвиняли также в связях с Папским двором. Не исключено, что варяжское окружение Ярополка ставило вопрос о принятии христианства от Рима, стремясь подорвать не столько язычество, сколько эпизодическую солидарность между славянской верхушкой и народными массами, и таким образом обеспечить себе преобладание в борьбе за влияние на политику Древней Руси.

¹⁶⁰ Добрыня воспет народом как величайший заступник Русской земли. Его биография подробно разрабатывается историками, в том числе по былинам, сохранившим немало ценнейшего исторического материала.

¹⁶¹ Этот эпизод ярко и поэтично излагается в летописи.

¹⁶² По летописи, Блуд не повинен лично в убийстве Ярополка. И конечно, в ее признании, что убийство совершили варяги, больше похвалы, чем осуждения: мол, устранили тирана.

¹⁶³ Девушку-гречанку необыкновенной красоты привез в жены Ярополку из болгарского монастыря Святослав.

¹⁶⁴ Образование древнерусского государства вряд ли возможно приурочить к какому-либо одному событию, действительная история трудно прикладывается к меркам исторических хрестоматий с их четкими хронологическими градациями. Однако независимо от того, с какого времени исчислять историю древнерусского государства, не подлежит сомнению, что его создание знаменовало важнейший этап в жизни восточного славянства, оказало существенное положительное воздействие на судьбы всевропейской цивилизации. Подобно славянству глубокой древности, Русская земля приняла на себя и приостановила мощнейшие, сокровищнейшие варварские потоки, — сначала печенегов, потом половцев, затем татаро-монголов. Нет никакого преувеличения в замечании академика Б. А. Рыбакова, что древнерусское государство «подарило Западной Европе несколько столетий мирной жизни» (см. его работу «Образование древнерусского государства», Москва, 1955 г.).

¹⁶⁵ События относятся к 981 году. Возможно, обязательства перед Мирославом имели какое-то значение в политических расчетах Добрыни и Владимира, но далеко не определяющее; причинной столкновения были претензии Волыни на главенствующее

место в объединенной древнерусской державе. В новых условиях Вольны играла примерно ту же роль, что и Дrevлянская земля в пору столкновения ее с Игорем.

¹⁶⁶ Летопись говорит, что Владимир воевал с вятичами в 981 году.

¹⁶⁷ Это дословный перевод.

¹⁶⁸ Дирхемы — серебряные монеты, чеканившиеся в Арабском Халифате; широко использовались в торговых операциях стран Востока и Европы.

Начало устойчивого денежного обращения в княжествах Древней Руси на основе монет чужеземной чеканки следует исчислять, по крайней мере, с VIII века, а применительно к поднепровской Руси, в значительной степени ориентировавшейся на торговлю, — еще раньше.

¹⁶⁹ Поход Владимира на волжских булгар — 985 год.

¹⁷⁰ Намек, что печенеги были вынуждены считаться с опасностью болгарского вторжения, как Русь считалась с опасностью печенежских набегов, в самом деле усиливавшихся по мере ослабления Булгарского каганата, наследовавшего часть распавшейся Хазарской державы.

¹⁷¹ Вероятно, Владимир не настолько прочно чувствовал себя в Вятичской земле, чтобы дать ей простого посадника.

¹⁷² Судя по тексту, древлянский герб.

¹⁷³ Поход Владимира на радимичей — 986 год.

¹⁷⁴ Поход состоялся в 987 году.

¹⁷⁵ Поборник мощного общеславянского государства, Добрыня считал пагубным любое ослабление Болгарии, Владимиру же казалось более важным на том этапе, когда уже вовсю шла закулисная политическая игра о христианизации Руси, «показать перед всеми свою силу», т. е. повысить свои шансы накануне неизбежного торга с Византией. Антиваряжские установки Добрыни, вероятно, исторически уже исчерпывали себя, потому что реально вырисовывалась угроза византийского влияния при Киевском дворе. Спор Владимира с Добрыней о болгарском походе показывает, что Владимир уже вполне созрел как государственный деятель крупного масштаба.

¹⁷⁶ Византия активно сраивала Киевскую Русь с Болгарией, стремясь не допустить их союза. Неоспоримо, что русско-болгарский конфликт связан с ее интригами.

¹⁷⁷ Торки — одно из племен «степняков», услугами которого пользовался еще Ярополк; киевские князья поселили их частью на южных границах для защиты от печенегов, частью в Дrevлянской земле, чтобы обуздать непокорных древлян. Не исключено, что это печенежское племя, хотя более вероятно, что это потомки гуннов, жившие разрозненно в приднепровских степях и вытесненные оттуда печенегами.

¹⁷⁸ Византия обратилась за военной помощью к Владимиру в 987 году.

¹⁷⁹ Одержав блестящие победы у Хрисопола и Авидоса в апреле 988 года и тем самым предотвратив падение «законного» императора, что фактически признает в своей «Хронографии» Михаил Пселл, русское войско продолжало оставаться на византийской службе.

¹⁸⁰ Византийскими императорами в то время были Василий и

Константин, дети Романа II, которым в 978 г. было соответственно 20 и 18 лет.

¹⁸¹ Корсунский поход летопись относит к 988 году.

¹⁸² Речь идет о религиозной реформе, осуществленной вскоре после того, как Владимир утвердился на Киевском столе. Реформа ни в коей мере не способствовала разрешению назревших проблем и окончилась провалом.

Интересно объясняет причины Корсунской войны польский исследователь А. В. Поппэ (см. его работу «О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988—989 гг., «Вестник Московского университета», № 2, 1978 г.). Изучая византийские источники, А. В. Поппэ пришел к выводу, что Корсунь поддерживала мятеж Варды Фоки, племянника императора Никифора, полководца, объявившего себя в августе 987 г. императором, так что выступление Владимира на стороне Василия II (посылка войск в Константинополь и разгром Корсуни) было политической платой за породнение с багрянородным домом, действительно строго воспрещавшееся традицией. Так, когда германский император Оттон I попросил для своего сына багрянородную дочь, его просьба была решительно отклонена как «неслыханное дело». Отдавая должное принципиальности и аргументации А. В. Поппэ, следует все же сказать, что его точка зрения недостаточно учитывает кризисную внутреннюю обстановку Киевской державы.

¹⁸³ Несмотря на желание сохранить объективность, автор рукописи, язычник, явно недолюбливает Владимира и временами чернит его безосновательно.

¹⁸⁴ История осады Корсуни приведена в летописи. Здесь мы встречаем во многом иное изложение событий.

¹⁸⁵ Явное преувеличение роли Анастаса. Впрочем, современники воспринимали насильственную христианизацию и бедствия, связанные с ней, прежде всего как результат иноземного влияния.

¹⁸⁶ По всей видимости, речь идет об обряде вступления в совершеннолетие.

¹⁸⁷ В сохранившихся обрядовых песнях далекой старины прослеживаются сходные мотивы: выкуп за изгнание злых духов.

¹⁸⁸ Имеется в виду введение христианства и то обстоятельство, что некоторая часть знати крестилась добровольно, продемонстрировав тем самым нестойкость прежних убеждений.

¹⁸⁹ Этот праздник прослеживается по многим источникам; упоминается о нем, в частности, в монографии «Белоруссия и Литва, исторические судьбы Северо-Западного края», С-Пб, 1890.

¹⁹⁰ Распространенный у восточных славян обычай, скреплявший отношения дружбы и братства.

¹⁹¹ В древней Руси племена имели свои особенности и отличия, в частности, в одежде и женских украшениях; так, по вичным кольцам, неотъемлемому атрибуту наряда древнерусской женщины, археологи довольно точно прослеживают ареалы расселения тех или иных племен.

¹⁹² В исторических документах эти роды, образовавшие совокупно Дреговичскую землю, не упоминаются. Однако топонимические изыскания (см. «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В. А. Жучкевича, Минск, 1974 г.) позволяют проследить их следы, хотя и без достаточной уверенности. Можно предполагать, что новая, профеодальная оппозиция опиралась прежде всего на

наиболее богатые и наиболее развитые южные и восточные части Дреговичской земли, где на процесс расшатывания общинно-родового строя неоспоримое влияние оказывал Киев.

¹⁹³ Если не имеется в виду некий, не известный нам обычай, требование Мирослава позволяет заключить, что «старший князь» не мог осудить подручного князя или старейшину рода без одобрения думы.

¹⁹⁴ Видимо, князю запрещалось приводить на вече своих дружинников с оружием.

^{195—196} Судя по всему, указанные роды владели землями на западных границах Дреговичского княжества. Из текста не ясно, принадлежали ли коборы к Дреговичскому племени, но нет тем более никаких оснований причислять их к ятвягам. Возможно, это ославяненные обры (авары).

¹⁹⁷ Речь, вероятно, идет о разбойничьих шайках.

¹⁹⁸ Развод Владимира с Рогнедою последовал в 986 году. По летописи, ему предшествовало покушение Рогнеды на Владимира.

¹⁹⁹ Эти роды, вероятно, занимали территорию нынешней центральной Белоруссии.

²⁰⁰ Рогнеда скончалась в 1000 году.

²⁰¹ Речь идет об Изяславе, впоследствии полоцком князе (ум. в 1001 г.). Возможно, общепринятое написание его имени неточно.

²⁰² С. М. Соловьев приводит, со ссылкой на так называемую Тверскую летопись, иную версию крещения Рогнеды: «Посла Владимир после крещения) к жене своей Рогнеде, глаголя сице: «аз убо отныне крещен есмь и приах веру и закон христианский, подобаше ми едину жену имети, ею же поях в христианстве. Избери убо себе от велмож моих егже хочещи, да съчетаю тя ему». Она же, отвечавши, рече ему: «или ты единь хочещи царствие земное и небесное въсприяти, а мне маловременним сим и будущего дати не хочещи. Ты бо отступи от идольския прелести в сыновление божие, аз же быв царицею не хощу раба быти земному царю, ни князю, но уневеститися хощу Христови, а въсприиму ангельский образ». Сын же ея Ярослав сидяще у неа, бе бо естеством таков от рождения. И слыша глаголы и ответы матери своея к Володимеру, и въздохнув с плачем глагола матери своей: «О мати моя! ео истину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ... И то сего словесе Ярослав вста на ногу своєю и хождаше, а прежде бо бе не ходил». Не слишком ли проглядывает в этой сцене желание восхвалить христианскую кротость и чудо, творимое ею? Некрещенная еще Рогнеда изъясняется в духе послушницы, уже освоившей христианские догмы, и это неправдоподобно. Да и Ярославу, только что крещенному, не могла быть присуща такая лубочная умиленность хотя бы по той причине, что ему в это время было 9—10 лет.

²⁰³ Видимо, предметные изображения богов представляли собой уже еретическое движение в славянском язычестве. Однако вряд ли можно утверждать, что «болваны» распространились только после религиозной реформы Владимира; эта ересь, конечно, проникала постепенно в течение столетий, а реформа Владимира только узаконила ее. К сожалению, некоторые исследователи религий, не преодолев до конца воинствующих христианских толкований, недооценивают или вовсе не учитывают того, думается,

беспорного факта, что классический славянский язычник не персонифицировал богов, но обожествлял стихийные силы природы в их первозданном осязаемом виде, вполне согласуя религиозность с элементами материалистического уяснения мира. Древнерусское язычество не представляло в этом отношении чего-то исключительного: во времена Геродота сохранялись подобные религиозные верования у персов, исторические связи которых со славянством, кстати, еще предстоит проследить во всей полноте.

²⁰⁴ Нечто вроде государственной судебной пошлины, залога или штрафа.

²⁰⁵ В данном случае — приданое, считавшееся в языческой Руси обязательным. Вообще вено — это выкуп за невесту.

²⁰⁶ Религиозная реформа Владимира, несомненно, была нацелена на укрепление объединенного языческого государства и центральной власти. Иерархическое построение жречества, систематическое «финансирование» его расширявшейся деятельности создавали предпосылки для складывания мощной и устойчивой социальной касты. Однако в условиях обострения кризиса родоплеменных отношений дальновидный замысел оказался запоздалым и не только не дал положительных результатов, но значительно осложнил и ухудшил ситуацию. Возникшая жреческая бюрократия, ретиво внедрявшая новую религиозную систему, быстро утрачивала связь с трудовой массой и, понятно, свое влияние. Разумеется, она не хотела примириться с этим и пыталась компенсировать падение авторитета за счет центральной власти, — расширяя государственное влияние волхвы, добиваясь новых привилегий, богатств и т. п. Усиление жречества доливало желание киевского двора отделаться от опасного соперника одним ударом — путем принятия христианства с его опробированной системой зависимости между церковной верхушкой и центральной светской властью.

²⁰⁷ Конунгом, т. е. предводителем, князем.

²⁰⁸ В этих словах — суть «варяжской философии». Любопытно сравнить со словами, сказанными норвежским конунгом Эймундом Ярославу, сыну Владимира: «Мы намерены помочь тому из вас, кто более всех доставит нам уважения и почестей» (см. Эймундову сагу в переводе проф. Сенковского, Полоцко-витебская старина, Витебск, 1916).

²⁰⁹ Владимир при крещении был наречен Василием.

²¹⁰ В источниках нет известий о попытках крестить так называемых белых хорватов ранее 992 года. Судя по всему, хорваты в то время объединяли несколько славянских земель, включая, возможно, и тиверцев. Находясь на стыке Моравии и Польши, хорваты играли важнейшую роль в политике древнерусского государства, с самого начала решительно противостоявшего проiscaм римской церкви.

²¹¹ Христианская церковь столь беспардонно клеветала на язычество, что восстановить истину порою кажется невозможно. В «Словах о том, како погани суще языци кланялися идолом» (см. работу А. А. Морозова в «Исторической жизни народной поэзии», Русский фольклор, XVI, Ленинград, 1976 г.), говорится, что «словене же на свадьбах въкладывающе срамоту и чесновиток в ведра пьют». Если этот обычай и практиковался отчасти в Древней Руси, то, как справедливо считает А. А. Морозов, «эти обычаи, как и ритуальная эсхрология (сквернословие), должны были

обеспечить плодородие. И, вероятно, ужаснувшая проповедника «срамота» изготовлялась из овощей или печеного теста».

²¹² В это время шло строительство Десятинной церкви (заложена в 989 г., освящена в 996 г.), а также церкви святого Василия.

²¹³ Обычно смертная казнь в Древней Руси совершалась публично, на площадях, где официальные лица оглашали вину приговоренного к смерти. В данном случае схваченных язычников казнили без свидетелей, ибо власти боялись новых волнений.

²¹⁴ Михаил умер в 991 году, вместо него из Константинополя был прислан новый митрополит Леон.

²¹⁵ Вышеслав — старший сын Владимира, посланный впоследствии подручным князем в Новгород.

²¹⁶ Вероятно, обычай запрещал смещать князя в его отсутствие.

²¹⁷ Векша — товарная меновая единица в Древней Руси, сохранявшаяся какое-то время наряду с металлическими денежными знаками. Некоторые исследователи полагают, что векша — это выделанная особым образом шкурка белки.

²¹⁸ Имеется в виду норвежский король Олаф Святой (995—1001 гг.), поборник христианства, по преданиям, воспитывавшийся при дворе Владимира (см. Древне-северные саги и песни скальдов. Русская классная библиотека, С-Пб, 1903 г.).

²¹⁹ Намек на деятелей, подобных пражскому епископу Войтеху (80-е годы, X век), чеху, гонителю древнечешских обычаев.

²²⁰ Концевые — старшины концов, как назывались в древние времена городские районы.

²²¹ Сын Мешко Болеслав I Храбрый (992—1025 гг.) вел почти беспрестанные войны; существенно расширил и укрепил польские земли, успешно отстаивая независимость в борьбе с немецким императором. Деспотичный и жестокий по характеру, Болеслав был известен как ловкий интриган и безудержный властолюбец: желая избавиться от соперников, двух своих братьев ослепил, третьего довел до безумия, а четвертого держал под домашним арестом.

²²² Факт крещения Ростова Добрыней в 991 году находим в источниках, о Святиче же не упоминается. Возможно, в то время так назывался Ярославль.

²²³ Иоакимовская летопись иначе рассказывает о событиях в Новгороде и не упоминает о героической смерти городского старшины, принимая его образ; однако призыв Угоняя «Лутше нам всем померети, неже боги наши дати на поругание!» звучит для нас, атеистов, не безумным кличем языческого мракобеса, но примером благородства и мужества человека, до конца отстаивающего свои убеждения.

²²⁴ Иоакимовская летопись с похвалой отзываясь, кажется, об этом Воробье, указывая, что он сын Стояна, воспитанного при дворе Владимира, и отмечает его ораторское искусство и видную роль в крещении новгородцев. Впрочем, Воробей назван в летописи посадником. Не исключено, что в это время старый Добрыня был назначен подручным князем в Новгород, поскольку новгородская знать считала унижением иметь посадника.

В середине 90-х годов X века, безусловно, кризисных для древнерусского государства, вообще намечается тенденция к назначению в земли подручных князей; это была вынужденная уступка

сепаратистским тенденциям, усилившимся в ходе религиозной войны.

²²⁵ Скорее всего, имеется в виду церковь Преображения.

²²⁶ Ревнители христианской церкви сообщают совсем иные подробности крещения Новгорода; в их изображении — это невинное наставление заблудших. Когда потрясенные язычники с мольбами бросились к палачам, уничтожавшим кумиры, Добрыня вразумил их такими словами: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, кую пользу вы от них чаять можете?»

²²⁷ Похоже, что религиозная реформа Владимира ограничила или отменила вовсе жертвоприношения, введя символический ритуал; как видно, значительная часть язычников не придерживалась нововведения.

²²⁸ В источниках встречаем отголоски этого действительно древнейшего языческого обряда, практиковавшегося среди восточных народов, но вряд ли широко присущего славянам. Ясно прослеживается связь обычая с культом злых и добрых духов; считалось, что перемена имени отвращает злых духов от души умершего, существующей еще некоторое время и оказывающей воздействие на живых.

²²⁹ Поход великого князя Владимира в Червенскую землю — 992 год.

²³⁰ Печенежский набег относят к 992 году, однако летописи не упоминают об участии в нем оппозиционных Владимиру русских князей.

²³¹ Униженное обращение Ольсича означало признание зависимости Турова от Киевского стола.

²³² Варяжко упоминается летописью под 980 год.

²³³ Летопись иначе, но красочно и подробно излагает эти события; главным героем выступает уже добродетельный христианин князь Владимир, о мятежниках-язычниках не упоминается вовсе, инициаторами поединка изображаются печенеги, предлагая, правда, нечто несуразное: в случае, если их богатырь бросит на землю русского, «воевати три года».

²³⁴ Ян Усмарь, подлинное историческое лицо, русский богатырь. Мало вероятно, чтобы его не заставили креститься.

²³⁵ Святополк получил Туровскую землю, включавшую значительную часть Дрезлянской территории, в 992 году; другая часть вошла в Киевскую землю, пополнившуюся, возможно, на том этапе, за счет переяславских и черниговских земель. Смысл этого важнейшего политического решения вполне понятен: ослабить оппозицию, раздробить силы древлян, среди которых вновь возобладали сепаратистские настроения, а также покончить наконец с влиянием старой родовой аристократии, создав условия для широкого наступления христианства. Эта крупнейшая реформа Владимира, способствовавшая единению Древней Руси, таила вместе с тем зародыш будущих кровавых раздоров.

²³⁶ В это время усилилось давление на северо-западные границы Руси со стороны варягов, подтверждение чему находим в скандинавских сагах.

²³⁷ Можно приблизительно определить границы отторгнутых от Дреговичского княжества земель по сведениям из рукописей киево-печерского архимандрита Иосифа Тризны (1647—1656 гг.),

приведенным в монографии «Белоруссия и Литва» (С-Пб, 1890 г.).

В рукописях содержится прямое указание на учреждение Туровской епископии при Владимире, называется первый епископ Фома, а также города и погосты, причисленные к Туровской епископии в 1005 году: Пинск, Новгород, Городен, Берестье, Волковыск, Здитов, Небелъ, Степан, Дубровица, Высочко, Случеск, Копысь, Ляхов, Городек, Смядынь.

²³⁸ Славянский Дый, латинский Deus от общиндоевропейского Deiwas, что означает верховное божество. Само же слово «бог», скорее всего, от слова «большой» в его древней форме «самый большой», «великий».

²³⁹ Разрыв между религиозным учением и практикой его применения и понимания присущ всякой религии, в том числе и древнерусскому язычеству, — народ знал преимущественно о запретах и обряде; познавательная часть учения, облеченная обычно в форму мифов и притч, оставалась преимущественно достоянием волхвов. Кстати, это значительно облегчило продвижение христианства, которое внедрялось прежде всего как новое нравственное и мировоззренческое начало.

²⁴⁰ Подобные представления прямо или косвенно прослеживаются у многих народов. Так, древние индийцы называли четыре элемента сущего — землю, воду, свет, ветер; древние китайцы признавали пять «первостихий» — воду, огонь, металл, землю, дерево. Соединение эмпирических материалистических взглядов с теистическими — главный парадокс языческих религий.

²⁴¹ Дословно: пронизывают вещи и сами проникают друг в друга, изменяясь.

²⁴² Жречество в Древней Руси так и не оформилось в устойчивое сословие и не приобрело ни экономического, ни существенного политического влияния. В Древнем Египте, например, во времена Рамсеса III жрецы владели 1/5 всех обрабатываемых земель, десятками тысяч рабов, сотнями тысяч голов скота, сотнями мастерских, кораблей, построек и т. д. Тем не менее волхвы Древней Руси оказали мощное противодействие христианству, как бы возглавив социальный протест закабаленных смердов. Борьба затянулась на столетия.

²⁴³ Мудрость воистину интернациональна. Она объединяет народы, звучит одинаково на всех языках. Сравни с конфуцианским: «Благородный человек предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к людям» («Лунь юй», Древнекитайская философия, Москва, 1972 г.).

²⁴⁴ Это по-существу признание пробелов в языческой религиозной системе, признание спорности ее решений по коренным вопросам бытия. Интересно сопоставить приведенные слова с пониманием религии на ином историческом уровне. Так, Гегель в «Философии религии» утверждает: «Религия — это та сфера нашего сознания, в которой решены все загадки мироздания, устранены все противоречия глубокой мысли, стихает вся боль чувства; она есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира». Очевидно, что реальные проблемы верующих далеко выходят за рамки этого определения, предполагающего некое идеальное состояние.

²⁴⁵ Академик Б. А. Рыбаков в своей работе «Языческое мировоззрение русского средневековья» («Вопросы истории», № 1,

1974 г.) правильно указывает: «Противопоставление язычества христианству, существующее в какой-то мере и в современной научной литературе, было основным тезисом церковных проповедников с первых шагов христианства на Руси; оно выражалось простейшей формулой: христианство — свет, а язычество — тьма. Эта демагогическая идеализация христианства не имеет, однако, под собой никакой почвы...»

²⁴⁶ Трудно заключить, отражают эти противоречивые мысли традиционные языческие взгляды или же только «философию богов» самого автора, яростно полемизирующего с христианами. К сожалению, мы слишком мало знаем о познавательной стороне языческих учений, порою достигавшей значительных высот в своем развитии. Вспомним о язычниках, выдающихся мыслителях Древней Греции или Древнего Рима, какие силою реализма преодолевали суеверия, закладывая фундамент сознательного атеизма.

²⁴⁷ Не отсюда ли заимствовал «некий калугер» (монах) учение о чтении книг? (см. Изборник Святослава, 1076 г.).

²⁴⁸ Столь сильный упрек свидетельствует, что высший круг волхвы и светская элита того времени довольно обстоятельно знакомилась с христианским учением. Действительно, христианская церковь относилась к мысли высокомерно и враждебно, поскольку не могла с ее помощью подкрепить свои догмы. (см. апостола Павла: «возвещать вам свидетельство божие не в превосходстве слова или мудрости» (Первое послание к коринфянам)).

²⁴⁹ В книге пророка Иереми: «Проклят человек, который надеется на человека» (гл. 17, § 5). То же и у пророка Исаи: «Перестаньте вы надеяться на человека, дыхание которого в ноздрях его: ибо что он значит?» (гл. 2, § 22).

²⁵⁰ Летопись под 986 и 987 год подробно рассказывает о «выборе веры» Владимиром; якобы хвалили перед ним «закон свой» болгары-магометане, католики из Рима, евреи из Хазарии и греки; якобы по совету «бояр и старцев» посылал Владимир «испытать веру» к болгарам, немцам-католикам и к грекам, и мнение послов предопределило выбор христианства.

Глава о «выборе веры» — одна из самых неубедительных в летописи. На самом деле, при «выборе веры» выбиралась не «красота обряда», но политические и духовные пути развития общества. Христианское духовенство развивало миф о «выборе веры», чтобы подчеркнуть законность христианства.

²⁵¹ Упоминают о 800 наложницах Владимира, для которых было выстроено несколько больших дворцов и множество домов. Дитмар, епископ мерзбургский (975—1019 гг.), современник Владимира, на которого нельзя всецело полагаться, но которого нельзя и полностью игнорировать, упрекает великого князя за то, что он «не украсил христианскую церковь справедливыми делами» (см. П. Голубовский. Хроника Дитмара как источник для русской истории. Сборник сочинений студентов Киевского университета, кн. I, Киев, 1880 г.).

²⁵² Решив принять христианство, Владимир в качестве давления на византийский двор мог распускать слухи, будто всерьез интересуется другими религиями. По летописным сведениям можно заключить, что Владимир, уже обещавший принять крещение от высших духовных лиц, не особенно торопился.

²⁵³ По представлению мусульман, попавшего в рай ожидают вечно девственные, прекрасные гурии.

²⁵⁴ Имеется в виду хадж (поломничество) в Мекку и поклонение храму Каабы.

²⁵⁵ Это место почти дословно совпадает со словами Давида, царя израильского (см. 2-ю книгу царств, гл. 7, §23). Нетерпимость и претензия на превосходство слышатся в них.

²⁵⁶ С позиций язычества христианское богословие представлялось нагромождением противоречивых и даже чудовищных положений. Прав И. А. Крывелев в своей «Истории религий»: «Если рассматривать Библию как вероисповедный документ, то несоответствие пропагандируемого ею слова и описываемых дел может восприниматься как проявление либо непоследовательности, либо лицемерия». Знакомся с Библией, лучшие умы человечества поражались прежде всего тому, как собрание разнородных текстов, начиненных нетерпимостью, злобой и вопиющим невежеством, было положено в основу религиозной морали.

²⁵⁷ Чрезвычайная противоречивость суждений автора рукописи оттеняет кризис язычества как мировоззренческой системы, позволяя, кстати, судить об определенной духовной свободе в среде язычников, которой пользовались, конечно, наиболее просвещенные, в то время как уделом простого люда были жесткие рамки обряда.

²⁵⁸ Святополк родился не раньше 980 года. Ко времени женитьбы, зимой 992 года, ему было 12 лет; столь ранние браки были тогда в обычае правящих династий.

²⁵⁹ Автор рукописи преувеличивает значение этого, видимо, крупнейшего сражения между язычниками и христианами, но надо понять его чувства: десятки тысяч мятежников были обречены на смерть, горькие годы изгнания, нищету и лишения. Все это, очевидно, пережил и сам автор.

²⁶⁰ Историкам пока не известны предшественницы «Русской правды», законодательного свода феодальной Киевской Руси, хотя сам факт их существования не вызывает сомнений. В «Краткой Русской правде» ясно проглядывает конец X века: попытка подорвать язычество путем сужения сферы действия обычного права; хотя «Краткая правда» не отменяла вовсе родовой мести, она ограничивала ее, в том числе и путем установления системы судебных штрафов, вир, закреплявших социальное расслоение и неравноправие. Неоспоримо, что введение христианства, а вскоре вслед за тем и церковного суда, ускорило процесс развития гражданского законодательства. Оно развивалось на основе обычного права, но с резкими антиязыческими акцентами.

²⁶¹ Налицо попытка феодального задержания смердов на земле, хотя мера формально продиктована борьбой с языческим движением. Таким образом борьба с язычниками, т. е. с огромным большинством смердов, возмущенных усиливающейся эксплуатацией, объективно усиливала процесс феодализации.

²⁶² Имеется в виду обычаи воскурения трав, действующих как транквилизаторы и дезинфицирующие средства. Борьба христианской церкви с банями подорвала ритуальную систему народной гигиены, имевшую столетние традиции.

²⁶³ Летопись относит поход Владимира против болгар к 994 году.

²⁶⁴ Возможно, имеется в виду норвежский король Олаф Святой, вводящий христианство с помощью меча.

²⁶⁵ Летописи упоминают об этом походе печенегов под 995 год, но умалчивают о противоборстве с язычниками, чтобы не разрушить мифа русской христианской церкви о единодушном принятии народом христианского учения.

²⁶⁶ Возможно, Могута потерпел сильное поражение под Киевом; в этом убеждают все последующие мероприятия великокняжеской власти.

²⁶⁷ Речь идет о так называемой Десятинной церкви. Трудно сказать, как считал автор «словенские земли», т. е. княжества с различным еще, видимо, юридическим статусом по отношению к «первому столу», но можно с уверенностью отметить, например, что под рукою Владимира в то время еще не было Тмутараканской Руси, Донской руси, возможно, и изборских кривичей, вместе с литовскими племенами отстававших свою независимость от варяжских «находников».

²⁶⁸ Вопрос о церковной десятине в Древней Руси затемнен по недостатку надежных источников. Церковь представляла дело так, будто Владимир уже в том же 996 году пожаловал ей «от всякого суда десятый грошь, а из торгу десятую неделю и из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого живота», и, кроме того, ввел церковные суды по семейным спорам, наследству и еретическим деяниям, под которыми понимались действия, связанные с языческим культом.

²⁶⁹ Вероятно, Добрыня умер в 997 году, позже этого времени найти какие-либо сведения о нем не удается. Если верить расчетам Д. И. Прозоровского, полагавшего, что Добрыня родился в 935 году, значит, он умер в возрасте 62 лет.

²⁷⁰ Не исключено, что автор преувеличивает разногласия Добрыни с Владимиром, воспринимая крах общинно-родовых отношений прежде всего как результат просчетов Владимира и следствие его уступок церкви. Однако там, где автор излагает факты, он невольно вскрывает глубинные процессы кризиса древнерусского языческого общества.

²⁷¹ Вероятно, какая-то разновидность язычества, возможно, исповедуемого неславянскими племенами.

²⁷² Имеется в виду Гай Юлий Цезарь, по свидетельству современников, отличавшийся неприхотливостью к пище и равнодушием к вину. Культурная элита того времени проявляла большой интерес к истории Древнего Рима. Его наследниками считали себя византийские императоры, а после гибели Византии православные московские цари, символически перенявшие двуглавого орла от императорского дома Палеологов.

²⁷³ Вопрос о дани, о полюдье, о налогах — жизненно важный вопрос общегосударственного толка; не случайно летопись, обходя молчаньем многие события, любопытные с нашей точки зрения, всякий раз довольно точно определяла размеры поборов в пользу сильнейшего. Так, под 859 год указывается, что хазары брали с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма; в 883 году Олег брал с покоренных древлян по черной кунице; в 964 году вятичи платили хазарам по щелягу от сохи.

Виверица — меновая единица Древней Руси, определить ее стоимость не представляется возможным.

²⁷⁴ Налицо попытка расколоть оппозицию и привлечь на свою сторону весьма влиятельное купечество.

²⁷⁵ Упоминается о походе на волжских болгар в 997 году, однако о целях похода источники умалчивают.

²⁷⁶ Указывая на этот поход под 997 год и не проясняя его действительных целей, летопись проговаривается, что в это время была «бесперывная война». Если бы замечание относилось только к печенегам, Владимир вряд ли надолго оставил бы свою столицу. Неоспоримо, что «бесперывная война» означала главным образом борьбу с язычниками.

²⁷⁷ Летопись иначе излагает обстоятельства осады Белгорода и причину ухода печенегов. Неправдоподобность и наивность версии, ее сходство с позднейшими апокрифическими писаниями невольно наводит на мысль, что она была придумана церковниками, чтобы ввести в заблуждение прихожан и ослабить идеологический эффект, которого, весьма возможно, добились язычники в битве с врагами Русской земли.

Согласно летописи, белгородцы долго оборонялись, «и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов» (спрашивается, где же они были?); и вот решили уже сдаться, и тут некий старец придумал, как перехитрить врагов. Собрали белгородцы остатки овса и пшеницы и сварили болтушку, выкопали колодец, встали в него кад и залили ее болтушкой; то же сделали, приготовив «пресладкую сыту» из остатков меда. И позвали нескольких печенежских «мужей» в город и, накормив их киселем и сытой, сказали: «Нас ведь кормит сама земля». Те изумились и пересказали о чуде своим князьям, после чего печенеги, разумеется, отступили.

²⁷⁸ В Друцке была построена соборная Богородицкая церковь в 1001 г.

²⁷⁹ Церковники утверждают, будто Владимир единовременным актом в 996 или 997 году предоставил церкви всю совокупность прав и привилегий. Это сомнительное утверждение. Скорее всего христианская церковь в Древней Руси постепенно расширила свои права. Не случайны специалисты (см. «Древне-русские княжеские уставы XI—XV вв.», Москва, 1976 г.) относят сложение архетипного текста Устава Владимира к XII веку; первоначальная его редакция, видимо, имела существенные отличия. В компетенцию церковных судов по Уставу входили дела о разводе, супружеской неверности, похищении женщины или девушки, изнасиловании, оскорблении словом и действием, драках между родственниками, наследстве, а также все дела, связанные с язычниками и языческим культом: о еретиках, о колдовстве, о волхвовании, о чародейных узлах для отвращения наговоров, о церковном воровстве, о краже мертвецов, о «посечении крестов», о нанесении на стены магических знаков, о «действиях, непотребных церкви», о «молениях» под овном или во ржи» и т. д.

²⁸⁰ Следует различать скоморохов языческой Руси и скоморохов послезыческой Руси, — у них во многом разные социальные функции. См. также примечание 304.

²⁸¹ Осада Родни войсками Владимира относится к 980 году. Стало быть, Мирослав родился в 943 году.

²⁸² Дословный перевод: след жизни духа, в радости созерцающего и впитывающего красоту.

²⁸³ Распустное — материальное возмещение жене после разво-

да. По обычаю, ей возвращалось вено, а также подарки, полученные за время совместной супружеской жизни.

²⁸⁴ Указание на распутную жизнь. Женщины, избегающие деторождения, ели лягушачью икру, когда головастики вот-вот вылупятся. По поверьям, это на год-два полностью исключало беременность.

²⁸⁵ Смысл политики по укреплению южных границ Киевской Руси, конечно же, извращен. Противники Владимира отказывались признать вынужденность мер, с помощью которых он рассчитывал разъединить степняков и тем ослабить постоянную угрозу их вторжения.

²⁸⁶ Явная идеализация прежних порядков; конечно, имеется в виду не свобода для масс, а вольность для старой родовой знати. Болодар раздражает даже не столько иерархия прав, бесконечная лестница власти, сколько дробление ответственности, прогрессирующая феодальная бюрократия, сопряженная с деформацией личности: если правопорядок создает нравственную личность и создается этой личностью, то бюрократия плодит вора, подлеца, лежебоку и ими же воссоздается.

²⁸⁷ Вероятно, в это время предпринимались попытки ввести телесные наказания за мелкие правонарушения; однако, как видим, «опыт византийской культуры», следовавший за христианизацией, утвердился не сразу, слишком сильны были еще прежние традиции и слишком велико влияние вчерашних язычников.

²⁸⁸ Апелляции по делам, входившим в компетенцию церковных судов, были, разумеется, невозможны; на практике церковь проводила политику террора по отношению к инакомыслящим.

²⁸⁹ Бани уничтожались христианской церковью как места языческих обрядов.

²⁹⁰ Весьма любопытное замечание. Демографический фактор всегда играл исключительно важную роль в истории народов. Почти наверняка можно утверждать, что сокращение прироста народонаселения в Древней Руси после введения христианства сыграло свою отрицательную роль спустя два столетия, — когда настало время сразиться с татаро-монгольскими ордами.

²⁹¹ Если язычество еще несло в себе отголоски стихийной первобытной демократии и некоторую мировоззренческую терпимость, то христианство, особенно в период своего утверждения, означало крайнюю нетерпимость, строжайшую иерархию навязываемых силой авторитетов, духовную кабалу, — отсюда мрачный период Средневековья.

Церковь настойчиво распространяла версию, будто до христианизации древнерусская семья не знала отцовского авторитета и отличалась всеобщим срамословием. Это ложь. Обычное право языческих времен устойчиво закрепляло родительский авторитет и насаждало культ мудрого старца как носителя и хранителя заповедей предков; власть отца зиждилась на прочных нравственных традициях. Овладев семьей, христианская церковь формально выступила против рабства и слепого авторитета, на деле поощряла закабаление, поскольку заменила ритуальное уважение требованиями безоговорочного поклонения и повиновения, подкрепленного угрозой физической расправы.

²⁹² Речь идет о Болеславе II, чешском короле, смерть которого относят к 999 году. Стремясь выставить Владимира жестоким, Во-

лодарь явно преувеличивает его роль в спорах между Польшей и Чехией.

²⁹³ Возможно, древний Курск.

²⁹⁴ Имеется в виду сбор налогов для князя с удержанием доли в пользу сборщика.

²⁹⁵ Горькое сравнение точно обрисовывает суть дела: противники Владимира, ставившие ему в пример прежние времена, были обречены на поражение; их реальная сила не имела уже решающего значения, победы носили временный, тактический характер и скорее укрепляли ненавистное им христианское государство, чем расшатывали его.

²⁹⁶ Поход Володаря упоминается под 1000 год.

²⁹⁷ К концу тысячелетия в среде фанатиков-христиан распространились слухи о предстоящем «конце света», в связи с чем церковь усилила преследования еретиков, поощряя крайние формы религиозного благочестия.

²⁹⁸ Один из наиболее колоритных деятелей Древней Руси, прославившийся ратными подвигами. Умер в 1036 году.

²⁹⁹ Не исключено, что это быллинный Алеша Попович. Учитывая его заслуги в борьбе с язычниками, христианская церковь, остро нуждавшаяся в «святых» и подвижниках, конечно же, приложила руку к его возвеличению.

³⁰⁰ Когда и при каких обстоятельствах Дреговичская земля вошла в состав Киевской Руси? — этот вопрос пока остается открытым. Считается, что это событие произошло в X веке.

В источниках нигде достоверно не упоминается о судьбе Дреговичской земли. Летописи, рассказывая о расширении новгородскими князьями своего влияния, умалчивают о дреговичах. Между тем дреговичи упоминаются под именем спалов у Иордана (готский историк, VI век); следы их расселения в VI веке обнаруживаются в Северной Греции; о них пишет Константин Порфирородный — уже под именем драгувитов.

С легкой руки Н. М. Карамзина, а затем В. О. Ключевского среди историков утвердилось безосновательное допущение, будто дреговичи были «покорены по ходу» завоевательного движения Олега наряду с кривичами, древлянами, северянами, радимичами, полянами. Однако это допущение ни на чем не основано. Конечно, в летописях немало фальсификаций, немало «фигур умолчания», но известно также и то, что иные летописные свидетельства поражают точным знанием исторических фактов.

³⁰¹ основополагающие нормы христианской морали так или иначе заимствованы у язычников. В послании к римлянам апостола Павла говорится: «Как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни».

³⁰² У апостола Павла: тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя.

³⁰³ Сравни с мыслью древнекитайского философа Лао-цзы: «Победу следует отмечать похоронной процессией».

³⁰⁴ По всей вероятности, скоморохи сложились в прочную традицию в период расцвета язычества как добровольные служки волхвов при храмах. Позднее, со времени гонений на язычников и в продолжение столетий, скоморохи выступают преимущественно оппозиционной христианству силой, особенно крайним формам

христианского благочестия; это носители и хранители народных преданий, былин, сказок, песен, танцев, обычаев, а также выразители настроений, маскируемых шуткою и балагурством. Кажется неверным и недостаточным говорить о скomorохах как о бродячих артистах широкого профиля, это и первоначально целая социальная группа, занимавшая особое место в жизни общества.

³⁰⁵ Слова из псалтыри.

³⁰⁶ Владимир цитирует из Библии.

³⁰⁷ Могута высмеивает Ровду, который, подражая князьям, прославившим себя подвигами, повесил щит на воротах дома, к тому же чужого.

³⁰⁸ Речь идет о символическом изображении Солнца на щите. Солнце у древних славян — символ счастья и удачи.

³⁰⁹ Летописи под 1004 г. упоминают о победе над печенегами близ Белгорода. Вероятно, в это время и позже не прекращалась война.

³¹⁰ Не исключено, что торговый договор 1006 г. с Волжской Булгарией, предоставивший болгарским купцам ряд существенных привилегий, но одновременно строго воспретивший им ездить по селищам и вступать в торговые сделки с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами, явился формой мирного урегулирования послевоенного столкновения.

³¹¹ В 1007 г. в Киев прибыл немецкий проповедник Брун; будучи щедро осыпан подарками, согласился на предложение Владимира посредничать в установлении более прочных связей между Печенежским каганатом и Русью. Есть упоминание, что Брун способствовал обмену заложниками, но миссия его была практически безуспешной; он крестил едва 30 человек и под угрозой расправы поспешил убраться восвояси.

³¹² Законоуложение.

³¹³ Возможно, Владимир делал попытки упразднения кровной мести, и именно о них идет речь.

³¹⁴ Уголовные преступники и мошенники подвергались в Древней Руси клеймению.

³¹⁵ Почти идентичный текст песни приводится собирателями фольклора при описании обычая «Погребенья стрелы», отмечаемым с 15 февраля по 7 марта (см. ежемесячник «Наш край» № 1(4), Минск, 1926 г.).

³¹⁶ Судя по тексту, печенежское племя.

³¹⁷ Бирич — один из средних чинов раннефеодальной бюрократии на Руси; первоначально, видимо, оглашал княжеские указы и решения суда по особо важным делам.

³¹⁸ Поимку знаменитого «разбойника» Могуты источники относят к 1008 году.

³¹⁹ Женщины-язычницы совершали ритуальное очищение водою.

³²⁰ Еще столетия после язычества держалось на Руси поверье, что вода, которой мылась женщина, приносит беду мужчине. Здесь: согласился бы принять от возлюбленной любую беду.

³²¹ Великая княгиня Анна, жена Владимира, скончалась в 1011 году. Возможно, болезни, предшествовавшие смерти, осложнили и без того непростые отношения между супругами. Отличавшаяся набожностью, Анна едва ли одобряла «языческие выходки» Владимира и его «неровное» отношение к высшему духовенству.

³²² В летописях перечислены «великого Владимира сынове: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Повизд, Судислав».

Ярослав на правах подручного князя владел Ростовской землей, а по смерти Вышеслава — Новгородской; Изяслав — Полоцкой землей, Всеволод — Владимиро-Волынской, Святополк — Туровской, Святослав — Овручской, Мстислав — Тмутараканьской; Станислав — Смоленской, Судислав — Псковской, Борис — Ростовской после Ярослава, Глеб — Муромской после Бориса, а сначала Суздальской. Скорее всего, раздача уделов была завершена в 1010 году. Кажется, победа над Могутой знаменовала вместе с тем окончательное торжество над старой аристократией, которая или была уничтожена, или перешла в услужение, не представляя уже самостоятельной политической силы.

³²³ Резан — мелкая денежная единица в Древней Руси. В «Краткой русской правде»: «А в утке, и в гусе, и в журавле, и в лебеди 30 резан».

³²⁴ Борис был сыном великой княгини Анны.

³²⁵ Заговор Святополка и его заточение относят к 1012 году.

³²⁶ Болеслав был необычайно грузным по комплекции.

³²⁷ Последние годы своей жизни Владимир проводил преимущественно в Вышгороде.

³²⁸ Первый поход Болеслава на Русь — 1013 год.

³²⁹ Новгород ежегодно уплачивал Киевскому столу 2 тысячи гривен; кроме того, посадники раздавали гридям еще около 1 тысячи гривен. Отказ Ярослава в 1014 г. пополнять государственную казну, конечно, не означал еще отложения, но свидетельствовала о мощи феодального сепаратизма.

³³⁰ Великий князь Владимир скончался 15 июля 1015 года.

³³¹ «Повесть временных лет» рассказывает о погребении Владимира: «Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули тело Владимира в ковер и спустили веревками на землю, затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам создал. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, и похоронили тело его с плачем».

³³² Страшная история братоубийств подробно описывается в летописи. Объявив князей Бориса и Глеба святыми, «светильниками и страстотерпцами», церковь стремилась приписать им добродетели, какие навязывала массе верующих, — терпимость и кротость, и одновременно очерняла и без того мрачную фигуру Святополка; не без стараний церковников Святополк утвердился в народном сознании Окаянным, предателем, виновником вспыхнувших междоусобий. По летописи, Бориса и Глеба режут беззащитными и безоружными, поющими молитвы, что вряд ли соответствует действительности. По летописи выходит, будто Борис по высоким моральным соображениям отказался от борьбы за власть и не принял предложения выступить против Святополка, хотя и имел в своих руках дружину отца и войско; и Глеб, коварно вызванный Святополком якобы к больному отцу, не предпринял действий к своему спасению: «Один я остался на этом обманчивом свете».

Рукопись не освещает подробностей вспыхнувшей борьбы за власть, для автора ее, приверженца язычества, важнее всего под-

черкнуть, что христианизация не улучшила, но ухудшила нравы на «Русьской земле»; однако его скупой рассказ ясно показывает, что князья Борис и Глеб, на стороне которых, вне сомнения, была провизантийская религиозная верхушка, потерпели политическое поражение. Не сбрасывая со счетов роль прямого насилия и двурушничества, можно смело предполагать наличие в тот период широкой оппозиции прогрессивным политическим силам; видя нарастающие народные недовольства, оппозиция стремилась отмежеваться от ответственности за трудности и беды, связанные с христианизацией, найти козла отпущения. И этого «козла» нашли вначале в Борисе и Глебе, а затем в Святополке. Нет сомнения, если бы в междоусобной борьбе одержал верх Святополк, и Борис, и Глеб получили бы в летописи совсем иное освещение.

³³³ Разумеется, летопись основательно приукрашивает облик Ярослава, выставляя виновником резни в Новгороде не самого князя, а жителей города, якобы возмущенных тем, что варяги «творили всяческое зло новгородцам и женам их», почти традиционный мотив, который, возможно, и сыграл какую-то роль. Но даже летопись признает, что Ярослав одолел противников «обманом», указывая, что в числе перебитых новгородцев были «лучшие мужи». Лицемерие Ярослава видно еще из того, что будучи главным виновником нервного потрясения отца, приблизившего его кончину, Ярослав велел три дня кряду звонить в колокола в честь усопшего.

Сложнее обстоит с обликом Предславы; имеющиеся о ней сведения все еще слишком ограничены, чтобы верно осветить ее действительную роль в заговоре против великого князя.

³³⁴ Речь идет, по всей вероятности, о так называемом Русском номоканоне, оговорившем права и привилегии церкви, в том числе ее широкие полномочия в гонениях на язычников и еретиков. Некоторые исследователи полагают, что номоканон был составлен только к 1019 году.

³³⁵ Имеется в виду римский император Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.).

³³⁶ Из-за порчи рукописи невозможно прочесть семь строк.

³³⁷ Начало войны между Ярославом и Святополком летопись относит к 1016 году. Ярослав выставил свыше 40 тысяч воинов, войско Святополка было еще многочисленнее.

³³⁸ То есть жить впроголодь: при недородах крестьяне ели лебеду, березовую кору, липовый лист и т. п.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Искушенный читатель, конечно, с первых страниц книги догадался, что перед ним не подлинный исторический документ, а сочинение, в котором использована форма древнего повествования, бережно переведенного на современный язык и прокомментированного ученым. И текст, и комментарии — обусловленный замыслом стилистический прием. Мне кажется, этого требовала столь необозримая и ответственная тема — воссоздание целой эпохи в истории восточного славянства. Пришлось прибегнуть и к стилизации в языке, использовать элементы древнерусской речи, — чтобы отделить аромат, крепость и выразительность языка наших предтечей.

Изначальной мыслью для построения сюжета книги послужил тот факт, что наши русские летописи, проследивая исторические судьбы древлян, ильменских словен, полян и других, умалчивают о дреговичах. Нет ничего невероятного в предположении, что путь Дреговичской земли к единению с остальными восточнославянскими землями в могучую Киевскую Русь несколько отличался от путей, скажем, волынян, вятичей или уличей. И хотя события в книге прослеживаются с позиций дреговичского летописца и оставляют вне поля зрения интересные подробности внутренней жизни и развития других земель, я стремился как можно достоверней передать суть действительной истории. В связи с этим мне пришлось высказать некоторые гипотезы и точки зрения, которые, как я думаю, представляют известный интерес. Это касается прежде всего взгляда на проблемы, связанные с историей собственно Руси, с язычеством как теистической мировоззренческой системой, с противоречиями христианизации и развитием древнерусской государственности.

Глубина понимания и осознания народом своей истории в значительной мере определяет его духовную мощь и культуру. «Учиться у уроков истории, — настоятельно советовал В. И. Ленин, — не

прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них». С этой точки зрения, смысл книги — воссоздать историческую правду о древних руссах, народе, который столь много значил для судеб других народов.

Основное содержание книги — трагические события религиозной войны после введения христианства, крушение старого языческого мира; кризисный период истории обусловил и противоречия в поступках и воззрениях героев книги.

Прогрессивность феодализма по сравнению с общинно-родовым строем не подлежит сомнению; не подлежит сомнению и прогрессивность введения христианства на том этапе. Однако нельзя забывать о сложностях исторического движения. Христианство было не способно оживить на продолжительное время нравственную и философскую мысль, догматизм крайне обеднял его эстетическое содержание, идеологическое обслуживание господствующего класса выхолащивало христианскую мораль. Языческая духовная культура, растоптанная христианством при своем утверждении, несла немало многовекового народного опыта. В ожесточенной борьбе между христианством и язычеством был сметен целый пласт древней духовной культуры.

Исследователями давно установлено многообразие языческих славянских верований, раскрыта их глубокая связь с природой, показана их поэтичность, образность, органическая связь с реальными общественными потребностями. Первобытная религия, указывал Ф. Энгельс, была религией без сознательного обмана (религия самообмана), тогда как христианство явилось религией, опиравшейся на сознательный обман.

Письменные источники древности запечатлевали историю преимущественно в ее немногих сторонах, важных, безусловно, для жизни народов, но еще более важных для прославления царствующих династий, — это прежде всего стихийные бедствия, «чудеса», как выражение благоволения или неблаговоления небесных сил, принятие новых законов и, конечно, споры и военные столкновения. Даже Владимир Мономах (1053—1125 гг.) в знаменитом «Поучении» в качестве важнейшей характеристики своего правления указывает на участие в битвах: «А всего походов было 80 и 3 волкиих, а остальных и не упомню меньших».

Древняя русская книга, уже в силу своей малодоступности, предполагала неторопливого, внимательного, любовно осмысливающего каждое слово читателя. Чтение в стародавние времена, роскошь немногих, было в основном учебным процессом и требовало усилий и самоотдачи. Древними авторами ценилось искусство дать в немногих словах духовную пищу многим, с тем чтобы каждый

находил в них в зависимости от кругозора и опыта и возвращался к ним снова и снова, черпая силы для жизненных свершений. Мне хотелось подчеркнуть именно эту традицию древних русских писаний.

В меру своих сил я стремился воссоздать историческую правду, прояснить великую общность единой человеческой культуры, которую в наше время приходится отстаивать в решительной борьбе с буржуазным национализмом и нигилизмом, с империалистической политикой сознательного опустошения и нивелировки человеческой личности.

Хочу высказать глубокую благодарность и признательность всем, кто добрыми советами и пожеланиями помогал мне при окончательной подготовке рукописи книги,— академику Б. А. Рыбакову, докторам наук П. К. Курочкину, А. С. Мыльникову, Л. С. Гапоненко, И. Е. Баренбауму, кандидатам наук Г. В. Штыхову, Н. П. Лобану и другим.

СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Аз — я
але, *оле* — но, однако
аце — все-таки, тем не менее
аще — если, хотя

Багряница — пурпурная одежда
балий — врач
баса — красота
батожье — хлысты, палки
бе — был
беахъ несль — принес
берёста — всякий документ, написанный на бересте
бо — потому что
борзо — быстро, скоро
бортник — держатель бортей, лесной пчеловод
брань — война, сражение
братчина — общий обед
брашно — пища
бронник — ремесленник, изготовлявший доспехи
бытень — прежнее место
бысть, *быша* — был, были
быццам — будто бы

Важити — весить
Варяжское море — Балтийское море
вдачи — плательщики дани
ведомо — известно
вежа — башня
велми — очень, сильно
верёи — опоры ворот
влок — волк
внегда — когда
вои — воины

волочайка — распутная женщина
выя — шея

Голек — кувшин
гран — стих
греби — весла
гривна — слиток благородного металла определенного веса; вид нагрудного украшения
гриди — члены старшей дружины

Десница — правая рука
детеск — малолетний
детинец — крепость внутри города
дивиш — здесь: дикий
доидже — до тех пор пока
доижде — до тех пор
дондже — до тех пор пока
дробезь — мелочь; незначительное дело

Егда — когда
еже — что, если, когда
елань — лесная поляна
емцы — фискальные чины
еруга — овраг

Жалитись — жаловаться, плакаться
жрети — приносить в жертву

Зазирати — порицать, осуждать, обижать
заколодети — завалиться деревьями, стать непроходимой

зане — так как, потому что
зачинити — закрыть
зеле — лекарство, питье, при-
готовленное с использовани-
ем трав
змогатись — бороться
знищати — уничтожать, истреб-
лять
зрак — вид; зримая суть;
здесь: карта

Идеже — где
иже, яже, еже — который, ко-
торая, которое
изгой — человек, утративший
связь со своей общиной
имамъ мучити — буду мучить
имати — брать, взять
исполчитись — построиться в
боевой порядок
истобка — изба

Калика — паломник, странник
камо — куда; кá мо гряде-
ши? — куда идешь?
капище — языческий храм
клеть — комната, келья
кмет — воин
кобь — гадание по полету птиц
ковы — козны
кокот — петух
кола — повозка
колода — гроб, изготовленный
из ствола дерева
колты — височные кольца
кольми паче — тем более
комонь — конь
корстети — твердеть, окостене-
вать
Корсунь — Херсонес
красочки — цветочки
кроковатый — суковатый
кропоткий — мелочный, мел-
кий
кумиры — изображения языче-
ских богов
купно — сообща
кур — петух
кый — который

Лáтки — глиняные сковородки
с высокими бортами
лайдак — бездельник, беспут-
ный человек

лех — поляк
лечец — лекарь
лита — палица
лихва — процент
лише — лишь, только
лодия — лодка; небольшое па-
русно-гребное судно
луда — плащ, верхняя одежда
любы — любовь
лютый — февраль
лютый зверь — рысь

Мзда — награда, плата; взят-
ка; выгода
мичура — угрюмый, мрачный
человек
мостити реки — наводить на ре-
ках мосты
мраморяный — мраморный
мыто — пошлина

Навершие — наконечник
надыр, битися в ~ — здесь: до
смерти, не сядя друг друга
назем — навоз
нази — голы
нарочитый — знатный, выдаю-
щийся
насад — лодка с набивными
бортами
невид, за ~ — из-за пустяка
нелепо — непристойно
нельга — нельзя
немчура — иностранцы
ниже — также

Обворотити — обмануть, ловко
провести
оберега — талисман
обельный холоп — полный хо-
лоп
обибока — лентяй, лежебока
обилие — имущество
обережок — охалка
обротати — зауздать
овн — баран
однойчи — однажды
одр — ложе, постель
онгда — в то время
опошний — последний
опочивати — отдыхать, спать
опричь — кроме; отдельно
орати — пахать
остережье — крепость, острог

отнеле — с тех пор как
оток — остров
отрок — слуга, младший дру-
жинник
очелец — кокошник

Паволока — тонкая, дорогая
ткань

паки — опять, еще
пардус — барс
переключати — перехитрить
перемога — победа
переня — перина
перси, перьки — груди
перший — первый
пестовати — воспитывать; отсю-
да — пестун, пестель
плинты — кирпичи
подтенетити — поймать, изло-
вить

погост — место, куда свозилась
дань; поселение, в которое
окрестные жители сходи-
лись на праздник

пожити — здесь: пожитки
позва — вызов
покрыввати — покровительст-
вовать

полдневный — южный
полнощный — северный
понеже — потому что
поножи — ножны

Понт — Черное море
поприще — путевая мера в 0,5
версты или в 1,5 версты

пѣроки — стенобитные орудия
порты — одежда, платье
послух — свидетель; здесь: по-
слушник

потыка — потворство
пояти — взять
прелюбы — прелюбодеяние
претись — препираться
примак — муж, поселившийся
у жены

присно — всегда
прияти — принять, получить
прорек — проречение
противный — противник
пря — распря
пыха — чванство

Рало — плуг
распуститись — ревестись

рези — проценты
рекше — то есть
ристати — состязаться в силе и
ловкости
рында — телохранитель
ряд — договор
рядно — грубая ткань; простая
женская одежда

Сани — повозка
самѣшник — себялюб, себе-
шник

свеи — шведы
свергать — снимать (одежду)
светцы — подсвечник
сглуздень — глупец

се — вот, это
седмица — неделя
сѣкня — сегодня
серпень — август

сице — так
Скуфь — Скифия
сором — позор; детородные чле-
ны

сорочин — араб
спозднитись — опоздать
сретенье — встреча
ступень — ступень

струг — небольшое парусное
судно
сулица — копые
супротивная — жена

сустуги — нагрудные бляхи

Тавлея — игральная кость; фи-
гура шахмат или шашек
Тавры — Крым
такобуде — если

татъ — вор
теребица — теребленный лен
тиун — служащий в княжеском
хозяйстве

токмо — только
треба — жертва
туга — печаль, скорбь
тула — колчан

тыдень — неделя

Убрус — платок
Увалы — холмистая страна к
северо-западу от Уральских
гор, обнимающая простран-
ство до Белоозера и Валдай-
ской возвышенности

угры — венгры
уды — члены (тела)
узилице — темница
узорочье — драгоценность (украшение)
уреканье — оскорбление
урмане — норвежцы
уроки — налоги
усерязи — серьги
усмарь — ремесленник, выде-
львавший кожи
уй — брат по матери

Фразьский — латинский

Харалуга — булатный меч (или
другое изделие из булата)
харя — маска
Хвалисы — Каспийское море,
а также окружавшие его зем-
ли
хоругвь — знамя
хоть — желание

Чадь — люди (обычно зави-
симые)

чапать — трогать

чара — чаша

чеботарь — сапожник

червленьый, черленьый — крас-
ный

черница — монахиня

чилига — хворостина, палка

чресла — стан; поясница

Шелепуга — кнут; палка

шишак — шлем

Щеляг — монета

Ябедник — стражник; судебный
чин

явор — клён

язык — народ; речь, язык

якоже бо — ибо как

ярильый — яровой

ярыжка — пьяница, мошенник

ясти — есть, кушать

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Предтечи и предки . . .	5
Глава вторая. Вскормление Святославом	93
Глава третья. Под стремением Володимира	127
Глава четвертая. Время великой смуты .	159
Глава пятая. Моление совести	217
Глава шестая. Война	236
Глава седьмая. Увещанья и заповеданья	306
Глава восьмая. Среди гонимых	331
Примечания	389
Послесловие	424
Словарь древнерусских и малоупотребительных слов	426

ЭДУАРД МАРТИНОВИЧ СКОБЕЛЕВ

МИРОСЛАВ, КНЯЗЬ ДРЕГОВИЧСКИЙ

(Дума о минувшем)

Редактор Г. Б. Нужкова. Художник А. В. Ружо. Художественный редактор А. И. Труханова. Технический редактор М. Т. Попкова. Корректор Л. Г. Законникова.

ИБ № 519

Сдано в набор 19.02.78. Подп. к печати 10.08.79. АТ 00274. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 23,38. Тираж 28 000 экз. Зак. 1997. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, Парковая магистраль, 11. Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220005, Минск, Красная, 23.

Скобелев Э.

С 4 **Мирослав, князь Дреговичский: Дума о
минувшем. — Мн.: Маст. літ., 1979.—432 с.**

Впервые в нашей художественной литературе книга Эдуарда Скобелева воссоздает в своеобразной форме тысячелетний период истории языческого восточного славянства: от мифов о происхождении славян до трагической смерти в 1015 году великого князя Владимира. В центре повествования — драматические события, связанные с христианизацией Руси. Книга насыщена богатейшим опытом истории и непреходящей мудростью народа.

С 70302—149 24—79
М 302(05)—79

ББК 84Р7
Р 2